

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Байкальский государственный университет
Фонд «Право и демократия»

ЛИЧНОСТЬ, ОБЩЕСТВО И ГОСУДАРСТВО В ПРАВОВОМ ИЗМЕРЕНИИ

Материалы национальной
научно-практической конференции

Иркутск

22 марта 2021 г.

Иркутск
Издательский дом БГУ
2021

УДК 34
ББК 67
Л66

Издается по решению редакционно-издательского совета
Байкальского государственного университета

Редакционная коллегия:

В.В. Игнатенко (отв. ред.), Ю.В. Пятковская, И.Г. Смирнова,
Л.В. Санина, М.И. Казарина

Рецензенты:

д-р юрид. наук, проф. С.В. Нарутто (Московский государственный
юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА))
д-р юрид. наук, проф. Г.Г. Небрятенко (Ростовский юридический
институт МВД России)

Л66   **Личность, общество и государство в правовом измерении** : материалы нац. науч.-практ. конф., Иркутск, 22 марта 2021 г. / отв. ред. В.В. Игнатенко. – Иркутск : Изд. дом БГУ, 2021. – 430 с.

ISBN 978-5-7253-3053-3

Материалы посвящены актуальным проблемам и перспективам развития российского законодательства с учетом исторических факторов и современных реалий, систематизированы в соответствии со сферой юридических знаний: теоретико-исторические правовые, публично-правовые (государственно-правовые), частно-правовые (цивилистические), уголовно-правовые науки.

Для научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов юридических вузов, работников органов публичной власти, а также для широкого круга читателей, проявляющих интерес правового характера к проблемам развития современного общества.

УДК 34
ББК 67

ISBN 978-5-7253-3053-3

© ФГБОУ ВО «БГУ», 2021

Содержание

СЕКЦИЯ 1. ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

<i>Минникес И.А., Чагин И.Б.</i> Правовой эксперимент и принцип правовой определенности.....	7
<i>Минникес И.В.</i> Историческое толкование содержания нормы права	14
<i>Горбуль Ю.А., Левадный Е.С.</i> Правотворческие ошибки	21
<i>Галагуз И.В.</i> Норма права: к вопросу о ее структуре	26
<i>Ефимова А.Б.</i> Проблема реальной и идеальной структуры нормы права.....	31
<i>Тетерина Л.А., Кочеткова И.В.</i> Правовой анализ юридического клинического образования в Российской Федерации	37
<i>Туркова В.Н., Кривенков М.Ю., Якимов К.В.</i> Правовое регулирование спортивной деятельности в России	43

СЕКЦИЯ 2. ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

<i>Игнатенко В.В., Васильева Н.В.</i> К вопросу об определении компетенции органов местного самоуправления по вопросам местных налогов	48
<i>Ведерников А.В., Петров А.А.</i> Конституционный судебный нормоконтроль в Восточной Европе и России: опыт и перспективы для России	54
<i>Праскова С.В.</i> О денотативном значении термина «Арктическая зона Российской Федерации»	61
<i>Пятковская Ю.В., Иванова Е.Л.</i> К вопросу о полномочиях публично-правовых образований в сфере стратегического планирования.....	74
<i>Шишкин С.И.</i> Ковидная диффузия избирательного законодательства	80
<i>Девецкий Э.И.</i> О способах выявления и устранения судами дефектов нормативных правовых актов	83
<i>Якимова Е.М.</i> Конституционные обязанности в сфере предпринимательской деятельности как фактор, обеспечивающий равновесие экономической и правовой системы	96
<i>Берсенев Н.Д.</i> Фонд национального благосостояния как механизм обеспечения финансовой безопасности государства	101
<i>Богачев М.В.</i> Основные аспекты статуса кандидатов на выборные должности местного самоуправления в Российской Федерации.....	107
<i>Карнаухова О.В.</i> Об отдельных вопросах правового регулирования фондов в составе бюджета	112
<i>Колбягин Н.С.</i> Принцип эффективности бюджетных расходов при осуществлении закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд.....	117
<i>Данилина А.С.</i> Концепция вспомогательных органов государственной власти: институт полномочного представителя Президента Российской Федерации	123
<i>Куминова Н.А.</i> К вопросу образования и формирования муниципальных контрольно-счетных органов	129

<i>Лутошкина А.К.</i> Право на образование в России и зарубежных государствах: сравнительно-правовой подход	135
<i>Михайлов И.В.</i> Сравнительно-правовой анализ основных направлений реформы государственной гражданской службы в Российской Федерации.....	141
<i>Рожкова А.К.</i> Консультативная форма взаимодействия институтов гражданского общества и органов государственной власти в России и странах Европейского Союза.....	149
<i>Самсонова Е.Д., Алиева Л.Р.</i> Проблематика общероссийского голосования в отечественном измерении.....	155
<i>Синькова М.А.</i> Контроль подразделений лицензионно-разрешительной работы Росгвардии за оборотом гражданского оружия в РФ	160
<i>Хаитов Г.А.</i> Формы бюджетных ассигнований в современном бюджетном законодательстве Российской Федерации: проблемы правового регулирования и правоприменения	166
<i>Цыганова Л.Ю.</i> К вопросу о становлении института уполномоченных по правам человека в субъектах Российской Федерации	173
<i>Штурнева М.В.</i> Особенности конституционно-правовой ответственности за подкуп избирателей	178

СЕКЦИЯ 3. ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ

<i>Амосов С.М.</i> Судебная реформа должна быть продолжена.....	183
<i>Асланян Н.П.</i> О трактовке гражданско-правовой обязанности: долженствование как необходимость	187
<i>Косова О.Ю.</i> О легальном насилии в семейно-правовой сфере.....	193
<i>Виниченко Ю.В.</i> Тезисы о системе гражданского оборота как предмете правового регулирования.....	200
<i>Корнакова С.В., Полетаева Е.Л., Чигрина Е.В.</i> К вопросу о незавершенности правового регулирования суррогатного материнства	206
<i>Старицын А.Ю.</i> Пути совершенствования законодательства об упрощенном порядке рассмотрения дел в гражданском процессе	212

СЕКЦИЯ 4. УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

<i>Ишигеев В.С., Пузикова А.В.</i> Потерпевший при дезорганизации деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества.....	218
<i>Лебедев Н.Ю.</i> К вопросу о необходимости совершенствования норм, обеспечивающих защиту военнослужащих в уголовном судопроизводстве ...	223
<i>Смахтин Е.В., Белоусов А.В.</i> Значение предмета и объекта преступления в структуре криминалистической характеристики деяний в сфере компьютерной информации.....	227
<i>Выскребцев Б.С., Сергеев А.Б.</i> Актуальность для современного этапа развития уголовного судопроизводства решений Пленума Верховного Суда РСФСР от 17.04.1984 г. № 2.....	232
<i>Смирнова И.Г., Протасевич А.А., Фойгель Е.И.</i> Создание переводческих организаций как гарантия соблюдения принципа языка уголовного судопроизводства: сравнительно-правовой анализ.....	238

<i>Смолькова И.В.</i> Особенности избрания мер пресечения в отношении подозреваемого в российском уголовном судопроизводстве.....	246
<i>Степаненко Д.А., Демина М.Л.</i> К вопросу об участии педагога (психолога) в уголовном судопроизводстве при производстве следственных действий с участием несовершеннолетних	252
<i>Агильдин В.В.</i> Принудительные работы как вид уголовного наказания	260
<i>Асатрян Х.А.</i> Типичные следственные ситуации и версии при расследовании серийных убийств	266
<i>Буфетова М.Ш., Сарибекян А.В.</i> Гарантии независимости адвоката в российском уголовном судопроизводстве	271
<i>Гармышев Я.В., Казарина М.И.</i> Некоторые вопросы по законопроекту о введении в УК РФ понятия уголовного проступка	277
<i>Жмуров Д.В.</i> Кибермошенничество: виктимологический аспект	282
<i>Кайгородова О.С.</i> Сведения о личности несовершеннолетнего как элемент криминалистической характеристики преступлений	289
<i>Кравченко И.О.</i> Современные научные подходы к характеристике личности при назначении уголовного наказания.....	297
<i>Мазюк Р.В.</i> Интересы личности как объект процессуального принуждения в уголовном судопроизводстве	303
<i>Машков С.А.</i> Дискурсивное влияние на честность участников правоотношений.....	310
<i>Гапонова В.Н., Попова И.П.</i> Действие принципа языка уголовного судопроизводства: вопросы теории и практики	317
<i>Соболевская С.И.</i> Типизация следственных ситуаций как основа для алгоритмизации расследования мошенничеств	324
<i>Татарников В.Г.</i> Санкции за преступления коррупционной направленности и проблемы их совершенствования.....	331
<i>Христюк А.А.</i> Становление и развитие уголовной ответственности за посредничество во взяточничестве в российском законодательстве XIV–XIX веков	338
<i>Анипченко А.В.</i> Актуальные проблемы изъятия и исследования цифровой информации при расследовании киберпреступлений.....	346
<i>Туркова В.Н., Архипова А.Н., Корепанова В.С.</i> Уголовно-правовой и криминологический анализ статьи 106 УК РФ.....	354
<i>Горбуля К.Д.</i> Психологические особенности допроса несовершеннолетних	364
<i>Дармажапова А.Ц.</i> Очная ставка: психологические особенности проведения	372
<i>Качалова А.С.</i> Цифровая трансформация правосудия по уголовным делам: проблемы использования видео-конференц-связи в допросе несовершеннолетних потерпевших и свидетелей.....	377
<i>Кольчевский А.В.</i> Обстановка совершения преступного посягательства как элемент криминалистической характеристики преступления: позиции, мнения, взгляды	383

<i>Кузьминова В.А.</i> Использование молекулярно-генетических методов исследований при раскрытии и расследовании преступлений	388
<i>Куминов Д.А.</i> К вопросу о необходимости расширения полномочий прокурора как участника уголовного судопроизводства в Российской Федерации	393
<i>Морохоев М.А.</i> Тактика осмотра места происшествия.....	400
<i>Сальников А.А.</i> Причины и условия транспортного хулиганства	405
<i>Семенова Л.В.</i> Аспект по расширению перечня лиц, подлежащих геномной регистрации.....	412
<i>Шатрова А.В.</i> Обеспечение права на личное участие в судебном заседании лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера.....	420
<i>Яременко Н.Е.</i> Производство в суде надзорной инстанции в Российской Федерации и Республике Беларусь: сравнительная характеристика.....	425

СЕКЦИЯ 1. ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

УДК 34.01

И.А. Минникес, И.Б. Чагин

ПРАВОВОЙ ЭКСПЕРИМЕНТ И ПРИНЦИП ПРАВОВОЙ ОПРЕДЕЛЕННОСТИ

В статье поднимается проблема соотношения правового эксперимента и принципа правовой определенности, выделяются и описываются условия, при соблюдении которых при проведении правового эксперимента обеспечивается правовая определенность.

Ключевые слова: правовой эксперимент, принципы права, правовая определенность, правовое воздействие, юридическая технология.

I.A. Minnikes, I.B. Chagin

LEGAL EXPERIMENT AND THE PRINCIPLE OF LEGAL CERTAINTY

The article raises the problem of correlation between a legal experiment and the principle of legal certainty, identifies and describes the conditions under which, when conducting a legal experiment, legal certainty is ensured.

Keywords: legal experiment, principles of law, legal certainty, legal impact, legal technology.

Правовой эксперимент, начиная со второй половины XX в., становится неотъемлемой частью правовой действительности. В некоторых государствах, в том числе с недавнего времени и в Российской Федерации, принимаются законодательные акты, регламентирующие вопросы оснований и порядка проведения правовых экспериментов. Такая динамика отмечается многими учеными-правоведами.

Как отмечает С. Филипсен, правовые эксперименты вписываются в современные тенденции теории и практики правового регулирования, такие как интерактивное регулирование, основанное на фактических данных и концепция умного регулирования (smart regulation). При таких подходах правовое регулирование эволюционирует от командования и контроля к взаимодействию и нормативному сочетанию [6, с. 10].

Однако не все исследователи в области права разделяют позицию о пользе правового экспериментирования, некоторые правоведаы обращают внимание на потенциальные угрозы для правового регулирования, которые могут возникнуть в результате проведения правовых экспериментов. Прежде всего опасения вызывают возможные противоречия, которые могут возникнуть между экспе-

риментальным законодательством и такими всеобщими принципами права, как законность, равенство и правовая определенность.

Рассматривая экспериментальное регулирование, следует отметить, что оно не является результатом искусственного внедрения в практику правотворческих органов умозрительных теоретических концепций, наоборот возникновение правового экспериментирования в практике правотворческих органов является результатом естественного развития правотворческой деятельности, связанной с ее рационализацией, возникшей в ответ на возрастающую сложность и технологическое развитие общества.

Думается, что в качестве детерминант появления правового эксперимента в современной правотворческой практике выступает два обстоятельства: срочность в принятии нормативных правовых актов и неопределенность последствий действия правовых нововведений.

Срочность в принятии нормативных правовых актов прежде всего обуславливается расширением сфер правового регулирования и быстрыми темпами развития общественных отношений, требующих законодательного регулирования. В свою очередь неопределенность последствий правовых нововведений связана с невозможностью предсказания результатов действия норм права, обусловленной многими факторами, к числу которых можно отнести: сложность и технологическое развитие общества, многоуровневость правового регулирования и т.д.

Неоспоримо, что при таких условиях правовое экспериментирование представляет определенный риск не только для правового регулирования, но и для прав и свобод человека и гражданина.

Как отмечает, Е.А. Дербышева принцип правовой определенности, как элемент правового государства, предполагает достижение такого результата, при котором человеку и гражданину понятны его права и обязанности, правовое регулирование является стабильным и предсказуемым [1, с. 3]. Конституционный Суд Российской Федерации называет принцип правовой определенности общеправовым, «лежащим в основе российского конституционного порядка» (Постановление Конституционного Суда РФ от 11.05.2017 г. № 13-П). Рассматривая существующие в практике Европейского суда по правам человека и Конституционного суда Российской Федерации подходы к пониманию правовой определенности, следует выделить общую мысль, которая прослеживается в их позициях, а именно: правовая определенность как принцип позволяет гражданам прогнозировать реализацию своих прав и обязанностей и быть защищенными от внезапных изменений правового регулирования. Как отмечает М. Хельдевег, правовая определенность требует, чтобы правовые позиции органов власти, в том числе и наделенных правотворческими полномочиями были предсказуемыми, однозначными и ясными, это относится не только к содержанию конкретной нормы, но и в целом к практике принятия нормативных правовых актов [5, с. 295].

Следует также отметить, что правовая определенность направлена на оправдание разумных ожиданий граждан, как в отношении правотворческой, так и в отношении правоприменительной деятельности государства, что как

следствие позволяет защитить граждан от произвольных правовых решений со стороны государства.

Принимая во внимание возможные противоречия между правовым экспериментом и принципом правовой определенности, где первый основывается на риске и неопределенности, а второй связан с однозначностью и предсказуемостью, можно предположить, что практика экспериментального регулирования противоречит принципу правовой определенности. На это, в частности, обращала внимание С.Н. Ранчордас, указывая, что органы государственной власти Германии и Нидерландов неоднократно выражали опасения по поводу потенциального противоречия между экспериментальным регулированием и принципом правовой определенности [7, с. 174].

Между тем, как представляется, правовое экспериментирование не противоречит принципу правовой определенности. Принцип правовой определенности следует рассматривать не только в статике, но и в динамике, так как в быстро меняющемся обществе нормативные правовые акты не способны идти в ногу с социальными и технологическими достижениями и предвидеть все явления, к которым они потенциально применимы. Как указывает С.Н. Ранчордас, правовая определенность должна быть динамически интерпретирована таким образом, чтобы законы могли оставаться «определенными» в свете имеющейся информации и динамических явлений, которые они регулируют. Этот динамизм может быть гарантирован адаптивностью правовой системы, поскольку чем более инновационным и адаптивным является правовой порядок, тем легче ему будет реагировать на изменяющуюся среду. В этом контексте принцип правовой определенности следует рассматривать не как «препятствие на пути реформирования норм», а как «инструмент, закрепляющий свободу законодателя», позволяющий ему адаптировать законы к социальной реальности [7, с. 177].

Важно отметить, что правовой эксперимент является юридической технологией, которая позволяет следовать промежуточной стратегии правотворческой деятельности между опережающим правовым регулированием и отсрочкой правового регулирования. Таким образом, правовой эксперимент является гибкой правотворческой реакцией на изменение социальных обстоятельств. Указанная позиция позволяет прийти к выводу о том, что правовой эксперимент, как юридическая технология правотворческой деятельности не является угрозой для принципа правовой определенности, а наоборот является инструментом, обеспечивающим правовую определенность.

Однако, для того чтобы сами экспериментальные нормы не ставили под угрозу правовую определенность, на стадии подведения итогов правового эксперимента необходимо соблюдать определенные условия, а именно:

1. Открытость процедуры оценки результатов правового эксперимента, которая выражается:

1.1. В опубликовании итогового документа, содержащего сведения о результатах проведенного правового эксперимента. На это обстоятельство обращал внимание еще В.А. Пертцик, который отмечал, что результаты экспериментальных попыток изучения наилучших систем исполнительных и распо-

рядительных органов местных советов в Алтайском крае и в Пермской области «не стали достоянием общественности и научных органов» [4, с. 298].

Из всего многообразия, изученного эмпирического материала практики проведения правовых экспериментов, нами были обнаружены единичные случаи опубликования документов, содержащих сведения о результатах проведенного правового эксперимента органами государственной власти, органами местного самоуправления (например, «Об итогах эксперимента по помещению детей, лишенных попечения родителей, в семьи граждан»: Постановление Главы г. Самара от 21.11.1995 г. № 1441).

1.2. Привлечение к обсуждению и оценке результатов правового эксперимента общественности (под общественностью в данном конкретном случае мы понимаем круг лиц, на которых распространялось экспериментально-правовое воздействие). Учет мнения общественности при принятии решения относительно проведенного правового эксперимента на стадии подведения итогов является способом, который непосредственно направлен на повышение достоверности результатов правового эксперимента, так как позволяет принимать во внимание дополнительную информации о действии экспериментально-правовых норм при принятии решения относительно итогов правового эксперимента, а именно мнение лиц, подвергнутых правовому воздействию.

Из всего массива, проанализированной практики проведения правовых экспериментов, нами также были обнаружены единичные случаи попыток вовлечения общественности в проведение и подведение итогов правовых экспериментов (например, Постановлением Совета Министров Республики Крым от 19.11.2018 г. № 564 в целях осуществления общественного контроля за целевым расходованием бюджетных ассигнований создан общественный совет по вопросам проведения эксперимента по развитию курортной инфраструктуры в Республике Крым). Между тем, несмотря на то, что нами были обнаружены отдельные случаи вовлечения общественности в экспериментально-правовой процесс, следует отметить, что сам механизм вовлечения общественности в подведение итогов правового эксперимента посредством создания на базе органов государственной власти, органов местного самоуправления общественных советов с учетом развития современных информационных технологий является малоэффективным, с той точки зрения, что позволяет учитывать всего лишь мнение части общественности при подведении итогов правового эксперимента, хотя на сегодняшний день в Российской Федерации существуют платформы, которые позволяют гражданам участвовать в обсуждении того или иного государственного управленческого решения посредством сети Интернет.

Опубликование результатов правовых экспериментов, а также вовлечение общественности в обсуждение данных результатов будет способствовать тому, что правовое экспериментирование станет носить открытый и прозрачный характер, что позволяет осуществлять контроль со стороны институтов гражданского общества за соблюдением прав и свобод граждан и за соблюдением принципа правовой определенности.

2. Периодичность в контроле и оценке результатов правового эксперимента.

Неизвестность и невозможность достоверных предсказаний последствий правовых нововведений является одним из факторов, обуславливающих постоянное использование механизма правового эксперимента в практической деятельности правотворческих органов.

Указанная неизвестность и невозможность предсказаний последствий действия правовых норм также обуславливает необходимость осуществления постоянного мониторинга за ходом правового эксперимента, во время осуществления которого с определенной периодичностью должна даваться оценка действию экспериментально-правовых норм. Периодичность оценки действия экспериментально-правовых норм позволит пресечь массовое нарушение прав граждан, в случае выявления негативных тенденций в предлагаемом правовом регулировании экспериментального характера, что как следствие позволит обеспечить соблюдение принципа правовой определенности. При этом установление периодов осуществления оценки действия экспериментально-правовых норм зависит от специфики общественных отношений, над которыми проводится правовой эксперимент. Однако, анализ практики проведения правовых экспериментов показал нам, что правотворческие органы не всегда устанавливают требования к периодичности проведения оценки воздействия экспериментально-правовых норм.

3. Установление критериев и уполномоченных лиц, осуществляющих оценку результатов правового эксперимента.

Правотворческий орган должен установить адекватные, допустимые и достаточные критерии, при которых правовой эксперимент может быть признан успешным. Это требование непосредственно вытекает из принципа правовой определенности. Критерии оценивания в своей совокупности должны позволить прийти к выводу о пригодности использования правовых средств и способов, заложенных в нормативном правовом акте экспериментального характера в качестве инструментов для достижения цели правового регулирования.

Следует отметить, что при анализе нормативных правовых актов экспериментального характера нами была замечена положительная тенденция, заключающаяся в увеличении количества числа нормативных правовых актов экспериментального характера, закрепляющих критерии оценки результатов правового эксперимента. Так, например, Постановлением Губернатора Амурской области от 18.07.2007 г. № 392 закреплены критерии оценки результатов правового эксперимента по переводу бюджетных учреждений в форму автономных учреждений.

В рамках данного условия, также следует более подробно остановиться на вопросе определения лиц, ответственных за подведение итогов правового эксперимента, так как именно они являются субъектами, которые должны устанавливать наличие воздействий, оказываемых нормами права экспериментального характера или иными словами устанавливать наличие каузальных связей между проведенным правовым экспериментом и изменениями, произошедшими в общественных отношениях.

Отсутствие компетенции в вопросах определения воздействий, оказываемых нормами права экспериментального характера или личная заинтересован-

ность в определенных результатах правового эксперимента, могут приводить к искажению выводов об эффективности и действенности экспериментального нормативного правового акта, что в свою очередь является угрозой для принципа правовой определенности.

Л. Мадер, рассматривая вопрос об оценке воздействий, оказываемых законодательством, приходит к выводу о необходимости создания специальных органов или служб, ответственных за оценку законодательства. По его мнению, такие органы или службы могут быть созданы в рамках различных министерств (децентрализованное решение), в одном отдельном министерстве (централизованное решение), в рамках парламентских служб или как автономные органы [3, с. 42]. Указанной позиции придерживается и Д. Кэмбелл [2, с. 229]. На практике также можно встретить случаи, когда полномочия по оценке воздействия, оказываемого нормативным правовым актом экспериментального характера, передаются отдельной организационной единице. Позиции Л. Мадера и Д. Кэмбелла о необходимости отделения процесса оценивания от иных процессов (в нашем случае отделение процесса оценивания результатов правового эксперимента от процесса организации проведения правового эксперимента) выглядят вполне обоснованными и заслуживают поддержки.

В заключении следует отметить, что необходимо сохранить практику проведения правовых экспериментов, как ценной юридической технологии правотворческой деятельности. Трудно согласиться с теми авторами, которые выступают против практики применения правовых экспериментов на том основании, что они нарушают принцип правовой определенности. Думается, правовое экспериментирование не находится в полном противоречии с этим принципом. Кроме того, данный принцип всегда может быть соблюден до необходимого уровня, при соблюдении описанных выше условий. Соблюдение этих условий направлено на устранение правовой неопределенности, однако их применение не означает устранения всех возможных рисков, связанных с правовым экспериментированием.

Список использованной литературы

1. Дербышева Е.А. Принцип правовой определенности: понятие, аспекты, место в системе принципов права : дис. ... канд. юрид. наук / Е.А. Дербышева. – Екатеринбург, 2020. – 238 с.

2. Кэмбелл Д. Модели экспериментов в социальной психологии и прикладных исследованиях / Д. Кэмбелл ; пер. с англ. – Москва : Прогресс, 1980. – 391 с.

3. Мадер Л. Оценка законодательства – вклад в повышение качества законов / Л. Мадер // Оценка законов и эффективности их принятия : материалы Междунар. семинара, провед. Гос. Думой Федер. Собрания Рос. Федерации совместно с Советом Европы и Рязан. обл. Думой / отв. ред. Н.В. Ильина. – Москва, 2002. – С. 38–47.

4. Пертцик В.А. Проблемы местного самоуправления в СССР // Труды Иркутского государственного университета им. А.А. Жданова. – Сер. Юридическая. – Т. 32. – Вып. 6. – Ч. 2 / В.А. Пертцик. – Иркутск, 1963. – 306 с.

5. Heldeweg M.A. An experimental approach to regulating non-military unmanned aircraft systems / M.A. Heldeweg, Naomiao Du // International Review of Law, Computers & Technology. – 2019. – № 33. – P. 285–308.

6. Philipsen S. Legal enclaves as a test environment for innovative products: Toward legally resilient experimentation policies / S. Philipsen, E. Stamhuis, M. De Jong // Regulation and Governance, 2021. – P. 1–16. – URL: <https://doi.org/10.1111/rego.12375>

7. Ranchordás S. Constitutional Sunsets and Experimental Legislation: a Comparative Perspective / S. Ranchordás. – Cheltenham, UK : Edward Elgar, 2014. – 369 p.

Информация об авторах

Минникес Илья Анисимович – доктор юридических наук, доцент, начальник отдела теории права и сравнительного правоведения Института правовых исследований Байкальского государственного университета, Иркутск, Россия, e-mail: iaminnikes@yandex.ru.

Чагин Иван Борисович – аспирант кафедры теории и истории государства и права Иркутского института (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), ассистент кафедры административного и финансового права Юридического института Иркутского государственного университета, Иркутск, Россия, e-mail: vanyachagin@yandex.ru.

Authors

Ilya A. Minnikes – Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Department of Legal Theory and Comparative Law, Institute of Legal Research, Baikal State University, Irkutsk, Russia, e-mail: iaminnikes@yandex.ru.

Ivan B. Chagin – graduate of the Department of Theory and History of State and Law Irkutsk Law Institute – branch of the All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia), assistant of the Department of administrative and financial law of Law Institute of Irkutsk state University, Irkutsk, Russia, e-mail: vanyachagin@yandex.ru.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ТОЛКОВАНИЕ СОДЕРЖАНИЯ НОРМЫ ПРАВА

В статье обосновано, что объектом исторического толкования является содержание нормы права (как действующей, так и утратившей силу), выраженное в тексте любого, в том числе нетипичного, источника права. Установлено, что историческое толкование осуществляется с учетом правовых и неправовых факторов, предшествующих созданию нормы и сопровождающих ее принятие.

Ключевые слова: толкование, способы толкования, историческое толкование, объект толкования, правовые предписания.

I.V. Minnikes

HISTORICAL INTERPRETATION CONTENT OF THE RULE OF LAW

The article proves that the object of historical interpretation is the content of a rule of law (both valid and invalid), expressed in the text of any, including atypical sources of law. It is established that the historical interpretation is carried out taking into account the legal and non-legal factors that precede the creation of the norm and accompany its adoption.

Keywords: interpretation, ways of interpretation, historical interpretation, object of interpretation, legal prescriptions.

Толкование в современной теоретико-правовой науке представляет собой многозначную проблему – начиная от дискуссионности самого понятия толкования и заканчивая спорами о классификации толкования на виды по различным основаниям.

Вопрос о выделении исторического толкования в настоящее время практически решен в пользу необходимости такового. Как справедливо считал А.Ф. Черданцев, исторический способ толкования входит в разряд общепризнанных [15, с. 120]. Но вот дискуссии о понятии, содержании и объекте исторического толкования, а также возможности классификации продолжают до сих пор, и нет гарантии, что в ближайшее время эти проблемы будут решены однозначно.

Не претендуя на роль арбитра или первооткрывателя, тем не менее, предпримем попытку обобщить уже высказанные позиции и обнародовать несколько собственных выводов касательно данной проблемы.

Для начала следует задаться вопросом – что подразумевается под историческим толкованием? Базовым постулатом данного исследования будет то, что наименование «исторический» априори отсылает к явлениям прошлого (древнегреч. *ιστορία* – рассказ о прошлом). Другими словами, правотворческий орган и толкователь находятся в различных временных рамках. Длительность вре-

менного разрыва диктуется обстановкой, свойствами и содержанием нормы, особенностями политико-правовой, социально-экономической ситуации и т.п.

Все иные выводы и соображения сделаны именно на основании этого вполне очевидного постулата.

Еще одно предварительное замечание следует сделать относительно термина, которым обозначается исследуемое явление. В частности, какое наименование корректнее отражает важнейшие характеристики этого способа толкования – историческое или историко-политическое? Или оба наименования имеют равные права на существование?

Многие ученые-теоретики используют термин «историко-политическое толкование» как наряду с «историческим», так и вместо оно.

Н.А. Пьянов, не оценивая их качество и приемлемость, просто перечислял их как однопорядковые наименования: «*Исторический способ толкования права, который называют также историко-политическим, а иногда и историко-целевым* (выделено мной – И. М.) [11, с. 439].

В некоторых случаях выбору в пользу более сложного термина (историко-политическое толкование) дается вполне логичное объяснение – это связано с теми приемами, которые положены в основу исторического способа толкования, а иногда термин «историко-политическое» отражает одну из важнейших характеристик советской правовой науки – ее политическую направленность.

В данном исследовании в основу положена концепция о неравнозначности терминов, а предпочтение отдано названию «историческое толкование». Обоснование выбора сделано ниже.

По поводу объекта толкования в науке сломано немало копий. Устоявшийся, но не совсем корректный термин «толкование права» может подразумевать самые разнородные явления: «в качестве объекта толкования в литературе называются право и его нормы, законы (нормативные правовые акты) и тексты законов, воля законодателя, воля закона и государственная воля, а также регулируемые нормами права общественные отношения» [9, с. 47].

Представляется, что толкование не может иметь объектом волю законодателя или государства, хотя может быть направлено на установление воли правотворческого органа. Объект толкования – это та постоянная величина, на которую направлена познавательная деятельность интерпретатора. А целевые установки законодателя и толкователя, даже официально уполномоченного, могут не совпадать, как справедливо считают ученые, поддерживающие идею динамического подхода в толковании.

В частности, если условия жизни общества кардинально изменились, толкующему субъекту нет необходимости выявлять волю правотворческого органа: перед ним стоит иная задача, например, приспособить норму к изменившейся социально-политической и экономической обстановке. Такое положение сложилось, например, в России XIX столетия, когда нормы феодального права медленно реагировали на вызовы новых капиталистических отношений. Неповоротливость законодателя в определенных ситуациях могла компенсироваться возможностями интерпретатора без изменения текстуальных формулировок.

Таким образом, воля законодателя как объект толкования вызывает сомнения.

Сложно воспринять и предложение В.В. Лазарева о воле законодателя (нормодателя) как предмете толкования, объектом которого выступают нормативные правовые акты и их совокупности [10, с. 443].

Представляется, что базой для уяснения и разъяснения любого правила является его материальный носитель – текст. С.С. Алексеев называл анализ словесно-документального текста обязательной ступенью толкования [1, с. 290]. Как верно отмечает Т.В. Кашанина, толкование в том смысле, который чаще всего вкладывается в него в правоведении, подразумевает объяснение «знаков естественного или искусственного языка...» [4, с. 338]. Но автор справедливо предостерегает: за текстом нормы права стоит ее содержание, поэтому «расшифровкой текста дело не ограничивается» [4, с. 338]. Разделяя предмет и объект толкования, В.С. Нерсисянц предлагал под объектом понимать текст нормативно-правового акта, а предметом – «актуальное регулятивно-правовое значение нормы права» [8, с. 493].

Стоит ли разделять текст и содержащуюся в нем норму как разные уровни познавательной деятельности – вопрос не слишком принципиальный. Если обобщить предложенные варианты, можно заключить, что в качестве объекта толкования выступает содержание нормы права, выраженное в тексте правового предписания.

Более важным является проблема формы того самого текста, в который облечена норма права.

В лучших традициях советской правовой науки большинство даже ведущих, опытных авторов-теоретиков права ассоциирует форму материального носителя нормы исключительно с нормативным правовым актом: «под толкованием права понимается... мыслительный процесс, направленный на установление содержания норм права путем выявления значений и смысла терминов и выражений (знаков естественного языка), заключенных в *нормативных актах* (выделено мной – И. М.)» [16, с. 5–6]; «толкование – это познавательная деятельность, осуществляемая с целью установления содержания нормы права, изложенной в *тексте нормативно-правового акта* (выделено мной – И. М.)» [14, с. 276]; при толковании «интерпретатор слой за слоем вскрывает то, что юридически выражено и изложено в тексте нормативного акта» [1, с. 301].

Такое положение дел понятно – в советскую эпоху уделялось мало внимания практической значимости иных источников права. Все важнейшие предписания либо облекались в форму нормативного правового акта официально, либо укрывались под государственным флером, будучи непризнанными в науке, но весьма влиятельными в жизни партийными нормативными актами [7].

Если же не замыкаться в рамках собственной национальной правовой системы, то становится очевидным, что толкованию подлежат любые нормы, будь они выражены статьей нормативного правового акта, пунктом нормативного договора, резолюцией судебного прецедента и др.

Объектом исторического толкования, таким образом, выступает содержание нормы права, выраженное в тексте любого, в том числе и устаревшего в

настоящее время источника права (такowymi, в частности, могут быть юридически-значимые обычаи, завещания князей, религиозно-светские тексты и т.п.).

Следуя логике, историческое толкование может прилагаться как к действующим правовым предписаниям, так и к устаревшим, а также утратившим юридическую силу.

Если не сужать рамки целевой направленности толкования лишь до интересов правореализации (хотя, например, С.С. Алексеев и ограничивал толкование установлением содержания правового акта «для его практической реализации» [1, с. 290]), такое заключение выглядит обоснованным.

По поводу практического назначения исторического толкования не все авторы имеют однозначное мнение. Так, В.А. Петрушев считает, что «история создания правовой нормы и ее функционирования интересует субъекта толкования лишь настолько, насколько это необходимо для ее практического применения», однако далее тем же автором указано, что правовые предписания подлежат историческому толкованию как в ходе научного исследования, так и в ходе реализации права [9, с. 152, 151].

Правда, толкование устаревших норм не слишком много дает в плане правоприменительной деятельности, однако вполне продуктивно в научной сфере и может положительно сказаться на качестве правотворчества.

Следующее направление исследования – это непосредственно содержание термина «историческое толкование».

По поводу содержательного наполнения термина «исторический способ толкования» существует несколько позиций.

Первая группа авторов считает, что историческое толкование подразумевает установление содержания норм «исходя из условий их возникновения» [15, с. 185]; «с опорой на знание фактов, связанных с историей возникновения толкуемых норм» [4, с. 352]. В.В. Лазарев имеет в виду то же содержание, хотя сам способ именуется историко-политическим: он состоит «в изучении исторической обстановки создания акта, расстановки политических сил, социально-экономических и политических факторов, обусловивших появление акта и оказавших влияние на волю законодателя» [10, с. 451]. А.Г. Манов согласен с ним: этот способ обусловлен необходимостью уяснения исторической обстановки, в которой выносятся то или иное правотворческое... решение» [12, с. 380].

Вторая группа авторов предлагает сразу два критерия отнесения толкования к историческому. Первый – это исторические условия создания нормы, второй – это ее динамика.

В.В. Лазаревым четко обозначены эти два направления: историко-политическое толкование предполагает как «знание социально-экономической и политической обстановки во время принятия акта», так и принятие во внимание практики применения нормативного акта, т.е. его жизнь» [6, с. 74].

В.А. Петрушев считает, что историческое толкование помогает уяснить цель, которую ставил правотворческий орган, изучить социально-политическую обстановку, сложившуюся в период ее принятия, а также «понять то, как она функционировала» [9, с. 151]. Если убрать целевой аспект, который не вписывается в критерии исторического способа, два оставшихся эле-

мента – общественно-политическая ситуация во время создания нормы и динамика реализации предписания – образуют два аспекта данного подхода к трактовке содержания исторического толкования.

На те же аспекты, но несколько в иной трактовке, указывал А.Ф. Черданцев, критикуя термин «историко-политическое» толкование. Как справедливо отмечал ученый, различие между историческим и историко-политическим толкованием не является чисто терминологическим. Употребление термина «историко-политическое» подразумевает, как считал автор, не только изучение исторической обстановки в момент издания нормы, но и тех социально-политических процессов, которые наличествуют в обществе на момент непосредственно процесса толкования» [15, с. 186–187].

Представляется, что трактовка содержания исторического способа толкования в динамическом контексте и статическое историческое толкование – явления разнопорядковые.

В статике трактуется первоначально вложенное содержание или то, как понял это содержание интерпретатор.

Толкование же, основанное на практике реализации толкуемой нормы имеет в основе не сам текст, а понимание этого текста правоприменителем, т.е. выступает своеобразным «вторым уровнем» толкования. При этом необходимо помнить о начальном постулате данного исследования – а именно о том, что историческое толкование предполагает разрыв во времени между созданием и толкованием нормы.

Поэтому «динамический» вариант исторического толкования при отсутствии или незначительности этого отрезка времени может вполне вписаться в концепцию другого способа толкования – функционального и либо вообще перестанет быть историческим, либо создаст сложный конгломерат историко-функциональной природы.

Можно выделить и еще одну группу исследователей с собственным взглядом на содержание исторического толкования.

Н.М. Коркунов вкладывал в историческое толкование особый смысл – это объяснение на основе сопоставления нормы с предшественницей, т.е. нормой, «действующей по тому же предмету в момент установления новой» [5, с. 418]. Такой ракурс исторического толкования подразумевал несколько правил: нормы должны чередоваться во времени, иметь один и тот же предмет и взаимоисключающую природу.

Чуть более широко содержание исторического толкования понимал А.Т. Боннер. По его мнению, в процессе исторического толкования толкуемая норма сравнивается с ранее действовавшими нормами, изучаются различные материалы, которые помогут понять причины издания или изменения этой нормы [2, с. 16].

Эта трактовка в настоящее время не слишком популярна. Однако А.В. Смирнов и А.Г. Манукян взяли ее за основу, предложив считать историческим толкованием «выяснение действительного смысла и значения правовой нормы путем сравнения ее с содержанием других норм, имеющих *тот же самый предмет* (выделено мной – И. М.) [13, с. 65].

Свою трактовку авторы подкрепляют несколькими положениями, обозначенными как правила исторического толкования. Первое правило, по мнению авторов, заключается в том, что норма позднейшего законодательного акта имеет преимущество перед нормой предыдущего. Правило, действительно, важное, но, как представляется, отношения к историческому толкованию не имеет, скорее, относится к вопросу о действии правового акта во времени.

Правило уважения законодательных изменений (смысл которого сводится к тому, что внесение законодательных корректив в содержание нормы подразумевает и изменение толкования), которое авторы также сочли основой исторического толкования, как представляется, столь же непродуктивно с точки зрения исторического способа толкования. Новая по содержанию норма, естественно, требует и нового толкования, причем это касается не только исторического способа.

Интерес представляет предложенное авторами третье правило исторического толкования: при толковании *должны приниматься во внимание те исторические условия и обстоятельства, в которых они действуют и которые воздействуют на понимание их содержания субъектами правореализации* (выделено мной – И. М.) [13, с. 68]. Это правило перекликается с пониманием исторического способа толкования как требования учета условий функционирования (реализации) нормы. Однако в трактовке авторов неясно, какое отношение к истории имеет действующая и реализуемая норма к отмененному предписанию, которую А.В. Смирнов и А.Г. Манукян поставили как критерии наличия исторического толкования?

Гораздо более удачной является концепция Н.А. Власенко. Он берет за основу исторического способа толкования выяснение обстоятельств, которые вызвали к жизни толкуемую норму, однако он дополняет ее сравнительным приемом, «в ходе которого сопоставляются аналогичные нормы прежних (отмененных) нормативных правовых актов [3, с. 192].

Следует отметить, что оба «статических» варианта имеют право на существование. Дело в том, что анализ обстановки, которая сподвигла законодателя на создание нормы, включает широкий круг разнообразных элементов, в который с полным правом войдут как политические, экономические и социальные факторы, так и сугубо правовые явления – предшествующие нормы, законопроекты, отмененные акты, обычаи, имеющие правовое значение, а также многие иные факторы, например, уровень правосознания и юридической техники, наличие правовых научных школ и т.п.

Подводя итоги, можно заключить, что *историческое толкование* – это интеллектуальная деятельность, при которой уяснение и разъяснение содержания правового предписания достигается на основании выявления правовых и неправовых факторов, как предшествующих созданию нормы, так и сопровождающих ее принятие.

Список использованной литературы

1. Алексеев С.С. Общая теория права : в 2-х т. Т. 2 / С.С. Алексеев. – Москва : Юрид. лит., 1982. – 360 с.

2. Боннер А.Т. Применение нормативных актов в гражданском процессе / А.Т. Боннер. – Москва : Юрид. лит, 1980. – 160 с.
3. Власенко Н.А. Теория государства и права : науч.-практ. пособие / Н.А. Власенко. – Москва : ИД «Юриспруденция», 2009. – 424 с.
4. Кашанина Т.В. Юридическая техника : учебник / Т.В. Кашанина. – Москва : Эксмо, 2007. – 512 с.
5. Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права / Н.М. Коркунов. – Санкт-Петербург : Изд-во «Юрид. центр Пресс», 2004. – 430 с.
6. Лазарев В.В. Применение советского права / В.В. Лазарев. – Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1972. – 200 с.
7. Минникес И.В. Партийные акты в системе источников советского права / И.В. Минникес, С.А. Токмин. – Москва : Юрлитинформ, 2019. – 184 с.
8. Нерсисянц В.С. Общая теория права и государства : учеб. для вузов / В.С. Нерсисянц. – Москва : Изд-во Норма, Инфра-М, 1999. – 552 с.
9. Петрушев В.А. Толкование права / В.А. Петрушев. – Москва, Иркутск : ГОУ ВПО РПА Минюста России, 2008. – 260 с.
10. Проблемы общей теории права и государства : учеб. для вузов / под общ. ред. В.С. Нерсисянца. – Москва : Изд-во Норма, Инфра-М, 2001. – 814 с.
11. Пьянов Н.А. Консультации по теории государства и права : учеб. пособие / Н.А. Пьянов. – Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 2008. – 571 с.
12. Теория государства и права : учебник / под общ. ред. О.В. Мартышина. – Москва : Норма, 2009. – 496 с.
13. Смирнов А.В. Толкование норм права : учеб.-практ. пособие / А.В. Смирнов, А.Г. Манукян. – Москва : Проспект, 2008. – 144 с.
14. Сырых В.М. Теория государства и права : учебник / В.М. Сырых. – Москва : Юрид. дом «Юстицинформ», 2004. – 704 с.
15. Черданцев А.Ф. Толкование права и договора : учеб. пособие / А.Ф. Черданцев. – Москва : Юнити-Дана, 2003. – 381 с.
16. Черданцев А.Ф. Толкование советского права / А.Ф. Черданцев. – Москва : Юрид. лит., 1979. – 168 с.

Информация об авторе

Минникес Ирина Викторовна – доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Института правовых исследований Байкальского государственного университета, Иркутск, Россия, e-mail: ivminnikes@mail.ru.

Author

Irina V. Minnikes – Doctor of Law, Professor, Chief Researcher of Institute of Legal Research of Baikal State University, Irkutsk, Russia, e-mail: ivminnikes@mail.ru.

ПРАВОТВОРЧЕСКИЕ ОШИБКИ

Исследуются взгляды отечественных правоведов на вопрос о понятии правотворческой ошибки. Выявляются объективные и субъективные причины их появления. На основе анализа примеров некоторых правотворческих ошибок обосновывается идея о необходимости установления ответственности правотворческих субъектов за дефектность принимаемых правовых предписаний.

Ключевые слова: правотворческие ошибки, дефекты законодательства, юридическая техника, ответственность правотворческих субъектов.

Yu.A. Gorbul, E.S. Levadny

THE LAW-MAKING ERRORS

The article examines the views of Russian legal scholars on the concept of a law-making error. The objective and subjective reasons for their appearance are revealed. Based on the analysis of examples of some law-making errors, the author substantiates the idea of the need to establish the responsibility of law-making subjects for the defectiveness of the adopted legal prescriptions.

Keywords: law-making errors, defects of legislation, legal technique, responsibility of law-making subjects.

В эпоху информационного общества активно развиваются различные институты общества, отношения которых требуют регуляции, как между собой, так и внутри, поэтому государство ведет активную законодательную в деятельность, но в этом процессе невозможно избежать «изъянов». В настоящее время предметом научных исследований все чаще становятся различного рода правотворческие ошибки, связанные с отступлением от требований юридической техники, грамматики и логики. Важно отметить, что названная проблема актуальна не только для общетеоретических исследований, но и для отраслевых юридических наук. По мнению большинства ученых, правотворческие ошибки, не только приводят к появлению нормативно-правовых актов, которые содержат в себе последствия невнимательности законодателей, но и порождают недостатки правового регулирования, а также уменьшают результативность процесса реализации правовых норм на практике.

Прежде всего, необходимо обратиться к анализу самого исследуемого понятия. Ученые определяют правотворческую ошибку по-разному, проанализируем некоторые из имеющихся позиций по данному вопросу.

А.В. Лукашева понимает правотворческую ошибку как «официально реализованное, добросовестное заблуждение, результат неправильных действий законодателя, который не отвечает потребностям и уровню развития регули-

емой деятельности и имеет отрицательные последствия в социальной и юридической сферах» [4, с. 19].

По мнению В.М. Сырых, правотворческая ошибка есть «такое отступление от требований законодательной техники, положений правовой науки, логики или грамматики, которое снижает качество норм права, вызывает затруднение в их толковании и реализации в конкретных правоотношениях» [6, с. 311].

По мнению профессора В.М. Баранова, правотворческая ошибка есть «официально реализованное добросовестное заблуждение, результат неправильных действий нормотворческого органа, нарушающих общие принципы либо конкретные нормы правообразования, не соответствующих уровню и закономерностям государственно-необходимого развития регулируемой деятельности и влекущих путем издания ложной нормы права неблагоприятные социальные и юридические последствия» [3, с. 217].

В теории права имеется и множество иных трактовок и формулировок понятия правовой ошибки. Их анализ позволяет сделать вывод о том, что в целом законотворческая ошибка является последствием неправильных действий законодателя, субъекта правотворческой деятельности. Неправомерные действия законодателей подразумевают под собой игнорирование законодателями общепринятых правил, условий и норм в сфере разработки и принятия нормативных актов.

На основе результатов анализа различных определений понятия правотворческой ошибки можно сделать промежуточный вывод об особенностях этого явления:

- она является «продуктом» юридической деятельности правотворческого органа;
- противоречит основам и общепризнанным мерам функционирующего законодательства;
- выступает в качестве итога неверной, а иногда и незаконной деятельности;
- негативно оказывает большое воздействие на качество правотворческой деятельности компетентных органов;
- противоречит рекомендациям правовой науки, логики или грамматики;
- создает преграды в понимании и реализации правовых норм.

Причины правотворческих ошибок весьма разнообразны и могут иметь как объективный, так и субъективный характер. К объективным, в частности, относятся противоречивость и динамизм самих общественных отношений, их скачкообразное развитие. В результате одни нормы отпадают, другие появляются, но будучи вновь изданными, не всегда отменяют старые, а действуют как бы наравне с ними. Кроме того, любое национальное право должно соответствовать международным стандартам. Все это делает правотворческие ошибки в какой-то мере неизбежными и естественными.

К субъективным причинам правотворческих ошибок относятся такие, которые зависят от воли и сознания людей – субъектов, осуществляющих правотворческую деятельность. Это, например, низкое качество законов, непродуманность или слабая координация нормотворческой деятельности, отсутствие должной правовой культуры и др.

К сожалению, образ законов не всегда отвечает условиям законодательной техники. Нормативные акты изобилуют стилистическими погрешностями. Некоторые законы призывают субъектов «осуществлять меры», «учитывать», «содействовать», «сознавать». Большое количество стилистически нейтральных положений: «предусмотреть», «принять предложение», которые не должны содержаться согласно правилам юридической техники в нормативных актах.

Существуют также фактографические ошибки, они заключаются в том, что законодатель не предусматривает реальные жизненные условия, играющие важную роль для содержания правовых норм, которые находятся в разработке. В итоге норма приобретает наиболее обширную сферу действия, чем хотел законодатель, или, напротив, не включает в предмет регулирования социальных правоотношений, которые должны были бы регулироваться этим нормативным актом. Следует привести пример из нормативно-правового акта, обладающего высшей юридической силой, Конституции Российской Федерации.

Статья 56 Конституции Российской Федерации определяет возможность ограничения определенного вида прав и свобод граждан с целью реализации безопасности и защиты конституционного строя. В то же время ряд прав и свобод не подлежит ограничению ни при каких обстоятельствах. Перечень этих прав и свобод представлен в ч. 3 данной статьи. Однако, внимательно проанализировав текст Конституции РФ, можно сделать вывод о том, что, например, ст. 19 также не предполагает никаких обстоятельств, при которых допустимо ограничение равенства граждан перед законом и судом, равенства мужчины и женщины, равенство всех людей вне зависимости от расы, национальности, вероисповедания, языковой принадлежности, социального положения. Даже в виде временной меры и при острой необходимости такую дискриминацию допускать категорически нельзя. Однако ст. 56 по какой-то причине не включает право на равенство в перечень прав, не подлежащих ограничению. Мы можем предположить, что это небрежность и невнимательность к правилам юридической техники, а не стремление ограничить неотчуждаемые права человека.

Безусловно, нигде в мире не существует идеального законодательства. И правотворческие ошибки далеко не всегда очевидны на момент принятия закона, а выявляются уже на практике его применения. Но иногда ошибки в тексте закона являют собой очевидный пример невнимательности правотворческого субъекта. Так, например, в тексте п. 1 ст. 110 Арбитражного процессуального кодекса РФ, составители просто забыли вписать самую важную информацию. Статья эта говорит о распределении между участниками дела судебных расходов, и первый ее абзац гласит: «Судебные расходы, понесенные лицами, участвующими в деле, в пользу которых принят судебный акт, взыскиваются арбитражным судом со стороны» [1]. А вот с какой из сторон они взыскиваются – непонятно. Впоследствии Конституционный Суд РФ признал положения ч. 1 и 2 ст. 110 АПК РФ не соответствующими Конституции РФ [2]. Но факт того, что законодатель допустил достаточно грубую ошибку (в данном случае техническую), очевиден.

Следует согласиться с мнением А.И. Рарога о том, что ошибки законодателя – пробелы, противоречия, технические ошибки – являются самыми вред-

ными и опасными в праве, поскольку закон стоит выше практики и выше науки [5, с. 95]. Поэтому представляется целесообразным предусматривать некие негативные последствия для «нерадивых» законодателей. Ведь, если исходить из смысла приведенных ранее определений понятия правотворческая ошибка, то можно заключить, что это волевое деяние правотворческого субъекта, которое способно породить (и зачастую) порождает негативные последствия для общества. Следовательно, налицо основные признаки правонарушения. Что же касается виновности правотворческого субъекта, допустившего правотворческую ошибку, то при ее определении, возможно, следует придерживаться конструкции вины юридического лица, закрепленной в действующем административном законодательстве. При таком подходе правотворческий субъект будет считаться виновным в допущении правотворческой ошибки, если у него была возможность ее избежать, а он не предпринял всех зависящих от него мер.

Безусловно, вопрос о возможности привлечения законодателей и иных правотворческих субъектов к юридической ответственности за допущенные правотворческие ошибки – это вопрос достаточно сложный и он требует основательной научной проработки и тщательного анализа. Но возрастающее количество правотворческих ошибок в действующем российском законодательстве заставляет задуматься над данным вопросом.

В заключение хотелось бы отметить, что всем людям характерно совершать погрешности: и авторам текстов законопроектов, и ученым-юристам, и даже искусственному интеллекту, компьютерам. Ошибки неминуемы хотя бы из-за постоянного увеличения объема нормативных правовых актов в современных государствах. По этой причине, обнаружив какие-либо неточности в нормативном акте, нужно научиться на них грамотно реагировать, воздействовать и находить пути устранения.

Список использованной литературы

1. Арбитражный процессуальный кодекс РФ от 24.07.2002 г. № 95-ФЗ (в ред. от 08.12.2020 г.) // СЗ РФ. – 2002. – № 30. – Ст. 3012.
2. Постановление Конституционного Суда РФ от 11.07.2017 г. № 20-П по делу о проверке конституционности положений ст. 111, ч. 5 ст. 247 и п. 2 ч. 1 ст. 248 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации, ч. 1 и 2 ст. 110 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами гражданки Н.Б. Слободяник и Федерального государственного бюджетного учреждения «Российский сельскохозяйственный центр» // Российская газета – 2017. – 30 июля.
3. Баранов В.М. Истинность норм советского права / В.М. Баранов – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1989. – 400 с.
4. Лукашева А.В. Законотворческие ошибки / А.В. Лукашева // Гражданин и право. – 2000. – № 2. – С. 12–19.
5. Рарог А.И. Ошибка законодателя: виды, причины, пути исправления / А.И. Рарог // Актуальные проблемы российского права. – 2019. – № 4. – С. 95–102.

б. Сырых В.М. Логические основания общей теории права : в 3 т. Т. 2 / В.М. Сырых. – Москва : Юстицинформ, 2004. – 559 с.

Информация об авторах

Горбуль Юлия Александровна – кандидат юридических наук, доцент кафедры государственно-правовых и гражданско-правовых дисциплин Новокузнецкого института (филиал) ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный университет», Новокузнецк, Россия, e-mail: ug1709@mail.ru.

Левадний Егор Сергеевич – студент Новокузнецкого института (филиал) ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный университет», Новокузнецк, Россия, e-mail: elevadnij@mail.ru.

Authors

Yulia A. Gorbul – Candidate of Law, Associate Professor of the Department of State and Civil Law Disciplines of Novokuznetsk Institute (Branch) of Kemerovo State University, Novokuznetsk, Russia, e-mail: ug1709@mail.ru.

Yegor S. Levadny – student of Novokuznetsk Institute (branch) of Kemerovo State University, Novokuznetsk, Russia, e-mail: elevadnij@mail.ru.

НОРМА ПРАВА: К ВОПРОСУ О ЕЕ СТРУКТУРЕ

В статье рассматривается структура нормы права, проводится анализ различных точек зрения и взглядов на указанную юридическую категорию. Актуальность статьи не вызывает сомнения, поскольку рассматриваемый правовой феномен – сложный для научного изучения предмет. Раскрывается понятие нормы права, определяются особенности элементов нормы права и их значение для системы права в целом. Уделено внимание проблеме изложения нормы права в законодательных актах.

Ключевые слова: норма права, гипотеза, диспозиция, санкция, структура правовой нормы.

I.V. Galaguz

THE RULE OF LAW: ON THE QUESTIONS OF ITS STRUCTURE

The article examines the structure of the rule of law, analyzes various points of view and views on this legal category. The relevance of the article is beyond doubt, since the legal phenomenon under consideration is a complex subject for scientific study. The concept of the rule of law is revealed, the features of the elements of the rule of law and their significance for the legal system as a whole are determined. Attention is paid to the problem of the presentation of the rule of law in legislative acts.

Keywords: rule of law, hypothesis, disposition, sanction, the structure of legal norm.

Норма права как правовой феномен занимает ключевое место в системе права, а также является важнейшей категорией юридической науки в целом. Под нормой права понимают формально-определенное правило поведения общего характера, подкрепление мерами государственного принуждения [6, с. 16–17].

Изучая правовую природу нормы права, нужно понимать, что она характеризуется некоторой структурой. В юридической литературе на протяжении длительного времени вопрос о структуре нормы права является достаточно дискуссионным. Зачастую, в научной практике принято выделять три основных элемента структуры нормы права – гипотезу, диспозицию, санкцию.

Касательно такого элемента, как гипотеза, то она выступает в качестве аспекта, который отражает указания на наиболее важные обстоятельства, при наличии которых приводится в действие второй элемент, а именно – диспозиция. Согласно своей сути, гипотеза сочетает в себе указание на юридические факты, при наличии которых формируются и корректируются или вовсе прекращаются правовые отношения. Стоит также отметить, что гипотеза, чаще всего, начинается со слова «если». К примеру, если наступил летальный исход, то наследники вступят в право наследства.

Диспозиция выступает в качестве сердцевины нормы, ее главной части, в которой определяются основные меры вероятного поведения участников контролируемого данной нормой отношения в обществе. В диспозиции определяются субъективные права и обязанности, посредством которых создаются поведенческие правила.

Говоря о таком элементе нормы права, как санкция, то она сочетает в себе указание на принудительные инструменты государства, которые принимаются в отношении лица, нарушившего требование диспозиции. Причем санкции, отталкиваясь от последствий, могут выступать в качестве [1]:

- карательных либо штрафных,
- праввосстановительных;
- санкции ничтожности.

На практике принято полагать, что правовая норма должна включать в себя все три основных структурных элемента. При этом в нормах, которые рассчитываются на постоянную работу, гипотеза не выступает в качестве обязательного элемента. Без диспозиции любая норма права является бессмысленной, ввиду того, что норма останется в таком случае без правила поведения. А также правовая норма будет неэффективной, если не будет подкреплена и поддержана санкцией.

Как уже отмечалось ранее, проблема выделения структуры нормы права выступает в качестве предмета обсуждения уже довольно долгое время, одни ученые полагают, что структура правовой нормы включает в себя три элемента, а другие считают, что лишь два [2, с. 296–297].

К примеру, С.С. Алексеев в своих трудах предложил введения границы между логическими нормами и предписаниями. В соответствии с таким разделением, логическая норма предполагает три элемента структуры правовой нормы, а норма-предписание лишь два: гипотезу и санкцию.

Но в то же время А.Г. Братко, согласно анализу запретов, определяет не три, а четыре основных элемента, ввиду того, что сама гипотеза разделяется на гипотезу диспозиции и гипотезу санкции. Как итог, формируется структура запрещающей нормы. Выказано и мнение, что решение данной проблемы корректируется, отталкиваясь от точки приложения ее к изучаемому материалу. К примеру, нормы, применяемые в уголовном праве с позиции граждан, которым они направлены в качестве предписания, характеризуются наличием гипотезы, диспозиции и санкции.

Стоит также обратить внимание на мнение В.В. Лазарева, который в своих трудах отметил, что каждая норма предполагает также три основных элемента, которые были указаны ранее.

Но при этом Лазарев отмечал, что диспозиция в своей основе подразумевает само поведенческое правило, а также обязательства, которые государство охраняет.

В то же время гипотеза состоит из списка условий, согласно которым осуществляет свою работу норма.

И, наконец, санкция оказывает поощрительные, либо карательные мероприятия, которые могут наступить в том случае, если будут соблюдены, либо

не соблюдены правила, отраженные в диспозиции нормы. В некоторых законодательных статьях определяются лишь определенные части нормы, а иные части необходимо искать в других статьях, либо нормативных актах. Отсюда формируется необходимость определения правовой нормы и законодательного акта. Данный факт является очевидным еще и по той причине, что в одной статье есть две и более нормы. А ряд нормативных актов, как, к примеру, уголовно-правовые, нацелен на формирование санкционных мер.

Правовая норма не смогла бы реализовать свою регулятивную роль в том случае, если бы не содержала определенные структурные части. В связи с чем, законодатель при создании норм должен выписать каждую часть, либо сформировать необходимую отсылку, а тот, кто реализует (осуществляет) нормы, должен иметь ввиду связь элементов нормы.

Согласно своей структуре, а также содержательным основам, норма права отличается от ряда других правовых проявлений. В.В. Лазарев отмечает, что индивидуальное предписание опирается на нормах и исчерпывается разовой реализацией. Индивидуальное предписание рассчитывается на случай, а также на однократное деяние. Но, в то же время, правовая норма отличается от общеправовых принципов. И, несмотря на то, что последние и имеют нормативный характер, но они все равно проявляются посредством правовых норм и требуют конкретизации и не выходят непосредственно на гипотезы и санкции, без чего будет сложно представить определенность правового контроля.

Касательно мнения А.Б. Венгерова, то он в своих трудах отмечал, что структура у нормы права сформировалась согласно историческим предпосылкам и планомерно стала характеризоваться серьезной социальной ценностью. Их происхождение отталкивается от древних времен и из общества присваивающей экономики.

Нынешняя теория, согласно А.Б. Венгеру, определяет три главные структуры правовой нормы, а именно [3, с. 225]:

- социологическую;
- логическую;
- юридическую.

Причем юридическая структура, зачастую, определяется в качестве такого строения правовой нормы, которая состоит из трех элементов, о которых уже ранее указывалось (гипотеза, диспозиция и санкция).

Под диспозицией А.Б. Венгеру отражает непосредственное поведенческое правило, которое предполагает действие по реализации правовых норм и которое является обязательным.

В качестве гипотезы же ученый отмечает ту правовую норму, в которой отражены условия, наличие которых позволяет реализовать поведенческие нормы. А, говоря о санкциях, А.Б. Венгеру подразумевает механизм правовой нормы, которые ссылаются на негативные последствия, создающиеся в сторону нарушителя права.

И лишь при наличии и единстве всех трех вышеуказанных элементов может быть реализована правовая норма. Такое понимание сформировалось на протяжении общественного развития и выступает в качестве крупного дости-

жения. А отсутствие определенного элемента является признаком несовершенства правовой нормы.

Но Венгеров отмечает, что определение трех вышеуказанных элементов является лишь первым звеном правовой нормы. И знание об этом является важным для реализации правовых норм [3].

Точное понимание структуры нормы права с важностью подразумевает представление относительно нормы права и статьи нормативного акта. Такая проблема является важной, причем не только с научной точки зрения, но и с практической. Комбинация правовых норм, которая имеет отношение к содержанию права, со статьей нормативного акта и к форме выражения права. А процесс их разделения приводит к тому, что неправильно понимается внутреннее строение юридической нормы, неточно определяется трехэлементная структура и усложняется процесс использования права [2, с. 303].

Правовые нормы не совпадают с законодательными статьями. Не во всех случаях в словесном определении некоторой статьи есть возможность найти все наиболее популярные элементы соответствующей нормы права. Структурные элементы правовой нормы чаще всего не расположены на поверхности и их необходимо выделить самостоятельно.

Касательно понятия структуры нормы права, то она, по своей сути, выступает в качестве выражения стабильности в самых разных процессах. Причем она является независимой от изменения структурных элементов в общем. Такого рода свойство дает возможность правовой норме сохранить статус единого властного веления во всех случаях.

И с практической точки зрения подтверждается, что выделение определенного структурного элемента нормы происходит лишь при самостоятельной его работе в качестве особой нормы.

Исходя из вышеперечисленного, можно сделать вывод:

1. Проблема определения структуры нормы является актуальной и на данный момент. Ученые до сих пор не могут прийти к единому пониманию структуры нормы права. Одни ученые раскрывают только юридическую структуру нормы, другие уделяют внимание юридической, логической и социологической структурам.

2. Анализ научных работ показал, что наиболее часто в научных работах структура юридической нормы определяется следующими элементами: диспозиция, гипотеза, санкция.

3. Выявлены проблемы изложения норм права в законодательных актах, усложняющие процесс определения отдельных структурных элементов нормы права.

Таким образом, можно отметить, что на практике вопрос выделения структуры нормы права является довольно важным и требует тщательного изучения для более эффективного использования правовых норм.

Список использованной литературы

1. Алексеев С.С. Общая теория права и государства : учебник / под ред. В.В. Лазарева. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Юристъ, 1996. – 472 с.

2. Братко А.Г. Общая теория права : курс лекций / под общ. ред. В.К. Бабаева. – Москва : Юристъ, 1993. – 539 с.

3. Венгеров А.Б. Теория государства и права : учеб. для юрид. вузов / А.Б. Венгеров. – 3-е изд. – Москва : Юриспруденция, 2000. – 528 с.

4. Головистикова А.Н. Проблемы теории государства и права : учебник / А.Н. Головистикова, Ю.А. Дмитриев. – Москва : Эксмо, 2005. – 649 с.

5. Мухаев Р.Т. Теория государства и права : учеб. для бакалавров / Р.Т. Мухаев. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва : Изд-во Юрайт, 2015. – 585 с.

6. Основы права : учеб. пособие / под общ. ред. С.В. Корнаковой, Е.В. Чигриной. – Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2010. – 571 с.

Информация об авторе

Галагуз Инна Васильевна – студент Института государства и права Байкальского государственного университета, Иркутск, Россия, e-mail: galaguz.inna@yandex.ru.

Author

Inna V. Galaguz – student of the Institute of State and Law of Baikal State University, Irkutsk, Russia, e-mail: galaguz.inna@yandex.ru.

ПРОБЛЕМА РЕАЛЬНОЙ И ИДЕАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ НОРМЫ ПРАВА

В данной статье рассматривается проблема структуры нормы права. Приводятся мнения различных ученых-правоведов относительно понятия нормы права, а также ее структуры. Анализируются элементы нормы права. Дается сравнение воззрений специалистов в области теории государства и права по поводу их отношения к той или иной концепции. На основе указанных мнений и фактов делается вывод в отношении проблемы, поднятой в данной статье.

Ключевые слова: норма права, структура нормы права, гипотеза, диспозиция, санкция.

А.В. Efimova

THE PROBLEM OF A REAL AND IDEAL STRUCTURE RULES OF LAW

This article addresses the problem of the structure of a rule of law. The views of various legal scholars on the concept of a rule of law and its structure. The elements of the rule of law are analysed. A comparison is made between the views of specialists in the field of State theory and the law on their relationship to a particular concept. Based on these opinions and facts, a conclusion is drawn as to the problem raised in the present report.

Keywords: rule of law, structure of the rule of law, hypothesis, disposition, sanction.

Каждая система для собственного эффективного функционирования должна конкретным образом регулироваться. Общество людей как социальная система имеет свои регуляторы жизни. Например, изначально отношения регулировались такими социальными нормами, как обычаи и традиции, затем, по мере развития общественных отношений, их укрупнения и усложнения, появились новые формы регулирования: на смену образцам поведения, закреплённых в обычаях и традициях, передаваемых из уст в уста, пришли письменные правила поведения, которые приобрели систематизированную структуру.

Древнейшим письменным сборником законов, фрагменты которого дошли до нас, считаются Законы Шульги, царя Шумеро-Аккадского царства в период с 2093 по 2046 г. до н.э. [1]. Правовые нормы, зафиксированные в этих Законах, закрепили информацию о мерах должного поведения людей с точки зрения государства.

В настоящее время каждый человек сталкивается с нормами права в своей повседневной жизни. Изучение и анализ этих норм, которые являются элементарными составляющими права, их структуры позволит эффективно использовать полученные знания в реальных жизненных ситуациях.

Неоднозначность и различие подходов и воззрений ученых-правоведов, изложенных в юридической литературе, представляют интерес к изучению структуры нормы права, а также взаимосвязей между составляющими ее элементами.

Чтобы понять сущность таких явлений, как право и правовое регулирование, необходимо выяснить, что из себя представляет базовый элемент правовой системы – норма права. В науке сложились различные подходы к ее определению, а также к определению характеристики ее структуры. Например, российский правовед Н.А. Лопашенко характеризует норму права следующим образом: «Общеобязательное для исполнения или руководства при совершении действий правовое положение, которое может иметь форму правила поведения, в том числе с мерой уголовной ответственности за его нарушение, и форму принципа, правового определения, декларации, т.е. форму правоположения, которые закрепляют важнейшие понятия уголовного права» [2, с. 121–122]. В понимании докторов юридических наук Н.И. Матузова и А.В. Малько норма права является «общеобязательным, формально-определенным правилом поведения, установленным либо санкционированным государством и направленным на урегулирование общественных отношений» [3, с. 273]. Советский и российский политик, доктор юридических наук В.Д. Филимонов утверждает: «Норма права – это такое установленное или санкционированное государством общеобязательное правило поведения людей, которое выражает меру утвердившейся в обществе социальной справедливости и направлено на организацию или охрану общественных отношений путем добровольного и принудительного выполнения содержащихся в нем требований» [4, с. 7].

В юридической литературе мнение по поводу определения нормы права представляется единым – это общеобязательное, формально-определенное правило поведения общего характера, подкрепленное мерами государственного принуждения, сущность которого заключается в наделении участников правоотношений определенными правами, свободами и обязанностями. В целом совершенно точно можно утверждать, что норма права есть первичный элемент, из которого складывается система права.

Норма права, будучи «частичкой» такого «целого организма», как правовая система, имеет сложную внутреннюю структуру. Структура нормы права показывает ее внутреннее строение, которое, в свою очередь, представляет собой совокупность основных элементов и способов взаимосвязи между ними. Поскольку в юридической литературе постоянно ведутся дискуссии относительно внутреннего строения нормы права, принято выделять устоявшуюся структуру: гипотеза, диспозиция и санкция.

Гипотеза представляет собой определенное условие, при котором норма права подлежит реализации. Например, согласно ч. 2 ст. 25 УК РФ «Преступление, совершенное умышленно»: «Преступление признается совершенным с прямым умыслом (диспозиция), если лицо осознавало общественную опасность своих действий (бездействия), предвидело возможность или неизбежность наступления общественно опасных последствий и желало их наступления (гипотеза)». Диспозиция является элементом нормы права, который содержит

либо само правило поведения, либо состав правонарушения, при котором норма права подлежит реализации [5, с. 10]. В качестве примера можно привести ч. 4 ст. 66 УК РФ «Назначение наказания за неоконченное преступление»: «Смертная казнь и пожизненное лишение свободы за приготовление к преступлению и покушение на преступление не назначаются (диспозиция)» [5, с. 27]. И наконец, санкция представляет собой элемент нормы права, содержащий, как правило, негативные последствия, которые наступают за нарушение или неисполнение диспозиции. В санкции всегда содержится вид и мера наказания. Согласно ч. 1 ст. 105 УК РФ «Убийство»: «Убийство, то есть умышленное причинение смерти другому человеку (диспозиция), – наказывается лишением свободы на срок от шести до пятнадцати лет с ограничением свободы на срок до двух лет либо без такового (санкция)» [5, с. 50].

В юридической литературе нет единого мнения относительно структуры нормы права. Далеко не каждая норма права представлена в виде всех вышеназванных элементов. Такие нормы права выражают ее «реальную структуру», поскольку они могут быть разграничены различными статьями или вообще нормативными правовыми актами. Юридическая практика позволяет законодателю формулировать лишь два элемента нормы права, тем самым вынося третий элемент за ее пределы и подразумевая его самим содержанием нормы. Однако принцип гарантированности соблюдения правовых норм предполагает наличие всех указанных элементов нормы права. В связи с этим выделяют реальную (1–2 элемента) и идеальную (3 элемента) структуры нормы права.

Согласно концепции реальной структуры в зависимости от вида нормы права возможно следующее сочетание элементов: в регулятивной норме – гипотеза и диспозиция либо же только диспозиция, в охранительной – диспозиция и санкция. Следует отметить, что регулятивная норма регулирует социально-полезное (только правомерное) поведение субъектов права, а охранительная вступает в действие, только если нарушена регулятивная. Как правило, в охранительной норме содержатся негативные последствия, которые наступают за несоблюдение или неисполнение регулятивной нормы.

Авторами идеальной структуры нормы права называют советских правоведов М.С. Строговича и С.А. Голунского, которые в 1940 г. опубликовали в учебном пособии по теории государства и права свою точку зрения на данный вопрос. Они утверждали: «В правовой норме содержится, прежде всего, указание на условие, при котором норма подлежит применению, затем изложение самого правила поведения, наконец, указания на последствия невыполнения этого правила» [6, с. 251].

В современный период развития юридической науки и практики трехэлементную концепцию поддерживают такие видные деятели в области права, как А.Б. Венгеров, А.В. Поляков, В.М. Корельский, В.К. Бабаев, О.Э. Лейст, В.С. Нерсисянц, В.Д. Перевалов и другие правоведы. Доктор юридических наук, профессор А.Ф. Черданцев высказал довольно интересное предположение относительно причины введения идеальной структуры в теоретическую науку: «Очевидно, исходили из того, что, коль скоро существует три термина, обозначающих элементы нормы права, то должно быть и три элемента нормы, а по-

этому следует подправить взгляды буржуазных юристов на структуру нормы права» [7, с. 50].

Вместе с тем поддерживается и концепция реальной структуры нормы права, которая была разработана учеными досоветского периода. Сторонниками данной концепции являются такие специалисты в области права, как Д.Д. Гримм, Н.М. Коркунов, А.Ф. Черданцев, С.С. Алексеев, В.А. Белов и др.

По моему мнению, основной дискуссионный вопрос, касающийся проблемы реальной и идеальной структур нормы права, заключается в следующем: сколько все-таки элементов входит в структуру нормы права?

Многие правоведы утверждают, что нормы права с трехэлементной структурой просто не существует, указывая на искусственность ее создания. А.Ф. Черданцев отмечает: «Трехчленная структура – это структура нормы, реально не существующей, созданной путем искусственного соединения двух норм – регулятивной и охранительной. При таком искусственном создании трехчленной нормы охранительная норма превращается в санкцию регулятивной нормы. Весьма примечательно, что ни один автор не приводит ни одного примера конкретной нормы с расчленением ее на три элемента. Это и объяснимо, так как таких норм в реальности нет» [8, с. 214–215]. Доктор юридических наук, профессор Р.З. Лившиц придерживается такого же мнения, как А.Ф. Черданцев, и заключает: «В законодательной практике нормы, построенные по этой классической схеме, почти не встречаются» [9, с. 104].

Также среди теоретиков права нередко возникает вопрос о назначении и положении санкции в правовой системе. Сторонники идеальной структуры, которые считают санкцию обязательным элементом нормы права, основывают собственную точку зрения на толковании диспозиции как правила поведения, нарушение которого влечет за собой юридическую ответственность (применение санкции), без которой невозможно исполнение этого правила. В связи с этим санкцию можно представить в виде юридического средства, предназначенного для принуждения субъектов права придерживаться определенного государством правила поведения. Однако необходимо учитывать тот факт, что санкция не является самостоятельным элементом нормы права, поскольку она лишь содержит набор допустимых для применения мер государственного воздействия. Специалист по теории государства и права О.Э. Лейст, который является сторонником идеальной структуры, все же утверждает: «Пока санкция выступает как угроза (на случай правонарушения), она ни для кого не является диспозицией: ею она становится при решении дела о конкретном правонарушении» [10, с. 19]. Тем самым Лейст отмечает тот факт, что санкция ориентирована на предупреждение совершения противоправных деяний, однако в случае применения мер воздействия к правонарушителю в конкретном деле, она переходит в разряд диспозиции. Изложенное позволяет сделать следующий вывод: нельзя представить санкцию в виде обособленного элемента нормы права.

Трехэлементная концепция была создана в советский период, поэтому должна была соответствовать идеям социалистического пути развития. Она не имела общих черт с закономерным штампом, легшим в основу структуры. Стало быть, современное положение юридической науки вынуждает критично

подходить к изучению советского наследия и использовать лишь научно-обоснованные результаты.

Изучая концепции реальной и идеальной структур, следует исходить из того, что собственно представляет собой норма права, а также что считается базой при построении структуры правовой нормы. Содержание гипотезы находится в подчинении у социальной функции определенной отрасли права. К примеру, на уголовное право возлагается функция информирования физических лиц о действиях (бездействии), которые отрицательно оцениваются государством, а также о наборе мер государственного воздействия к лицам, совершившим данные деяния. Гражданское право призвано же обеспечивать наиболее благоприятное правовое пространство для участников общественных отношений. В зависимости от содержания гипотезы в качестве диспозиции нормы права может выступать перечень субъективных прав и обязанностей. Санкцией следует именовать накладываемую на правонарушителя субъективную обязанность подвергнуться неблагоприятным последствиям морального, физического или имущественного характера, предусмотренными диспозицией, а также санкционированными и принудительно применяемыми государством.

Такие сторонники реальной структуры нормы права, как А.Ф. Черданцев, А.С. Пиголкин и др., в своих утверждениях обоснованно приводят аргументы в пользу такой концепции. Изучение норм права, составляющих различные правовые документы, подтверждает наличие в большинстве случаев именно двух-элементной структуры. Не зря А.Ф. Черданцев высказывает следующее мнение: «Учение о двухчленной структуре просто, естественно, удобно, не вызывает затруднений у истолкователя нормы, ибо соответствует реальным нормам права» [7, с. 52]. Действительно, реальная структура нормы права на сегодняшний день является наиболее правдоподобной.

Таким образом, нормы права, выступая базовыми элементами создания правового механизма регулирования, представляют собой совокупность предписаний, оказывающих влияние на поведение людей. Тот факт, что в них указываются дозволения, последствия соблюдения или нарушения указанных предписаний, говорит о том, что знания о структуре правовой нормы, ее сложных внутренних связях, позволяют как обычному человеку, так и юристу грамотно применять их, и это очень важно, так как человеческая деятельность постоянно сопровождается определенными правилами, устанавливаемыми государством.

Как уже отмечалось ранее, ученые-юристы не могут прийти к единому пониманию структуры нормы права. Учитывая тот факт, что наличие различных точек зрения является двигателем прогресса, нельзя забывать о том, что единообразная теоретическая база, касающаяся структуры нормы права, позволит государству избавиться от пробелов в законодательстве, сделав его действенным и понятным.

Список использованной литературы

1. Емельянов В.В. // Большая российская энциклопедия. – URL: http://bigenc.ru/world_history/text/4923336 (дата обращения: 20.05.2021).

2. Лопашенко Н.А. Основы уголовно-правового воздействия: уголовное право, уголовный закон, уголовно-правовая политика / Н.А. Лопашенко. – Санкт-Петербург : Юрид. центр «Пресс», 2004. – 339 с.
3. Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права / Н.И. Матузов, А.В. Малько. – Москва : Юристъ, 2008. – 512 с.
4. Филимонов В.Д. Норма права и ее функции / В.Д. Филимонов // Государство и право. – 2007. – № 9. – С. 5–12.
5. Уголовный кодекс Российской Федерации (с изм. и доп. на 01.02.2021 г.). – Москва : Эксмо, 2021. – 256 с. – (Законы и кодексы).
6. Голунский С.А., Строгович М.С. Теория государства и права : учебник / С.А. Голунский, М.С. Строгович. – Москва : Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1940. – 304 с.
7. Черданцев А.Ф. Толкование права и договора / А.Ф. Черданцев. – Москва : Юнити-Дана, 2003. – 381 с.
8. Черданцев А.Ф. Теория государства и права : учеб. для вузов / А.Ф. Черданцев. – Москва : Юрайт-М, 2002. – 432 с.
9. Лившиц Р.З. Теория права / Р.З. Лившиц. – Москва : БЕК, 1994. – 224 с.
10. Лейст О.Э. Санкции и ответственность по советскому праву. Теоретические проблемы / О.Э. Лейст. – Москва : Изд-во МГУ, 1981. – 240 с.

Информация об авторе

Ефимова Анастасия Борисовна – студент Института государства и права Байкальского государственного университета, Иркутск, Россия, e-mail: ananas2504.76@gmail.com.

Author

Anastasia B. Efimova – student of Institute State and Law of Baikal State University, Irkutsk, Russia, e-mail: ananas2504.76@gmail.com.

ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ЮРИДИЧЕСКОГО КЛИНИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Включение студентов в решение реальных правоохранительных задач обеспечивает непрерывность обучающих и развивающих влияний на личность студентов, способствует развитию профессиональных качеств, овладению навыками, расширению профессиональных взглядов и убеждений будущих юристов.

Ключевые слова: юридическая клиника, юридическая помощь, клиническое юридическое образование, бесплатная юридическая помощь.

L.A. Teterina, I.V. Kochetkova

LEGAL ANALYSIS OF LAW CLINICAL EDUCATION IN RUSSIAN FEDERATION

Inclusion of student in the solution of real law rights objectives ensures continuity and consistency of teaching and developmental influences on the personality of students, promotes the development of important skills and broaden the professional views and beliefs of future lawyers.

Keywords: legal clinic, legal aid, clinical legal education, free legal aid.

«Одной из основ гарантий социальной справедливости любого общества является достаточный уровень юридической грамотности и возможность получения бесплатной квалифицированной правовой помощи. Составляющими основ гарантий социальной справедливости являются: профессионализм специалистов во всех отраслях юриспруденции и доступность правовой помощи для всех слоев населения» [7].

Именно поэтому, клиническое юридическое образование, являющееся специальной образовательной программой профессиональной подготовки, имеет ярко выраженную социальную направленность. Обучение происходит на базе юридических клиник, организованных при вузах и иных общественных организациях, в которых студенты, получающие юридическое образование, под профессиональным наблюдением кураторов из числа преподавателей осуществляют бесплатную помощь по правовым вопросам социально незащищенным категориям граждан.

Юридическая клиника, с точки зрения Е.Н. Доброхотовой, «это деятельность, посредством которой решаются задачи привития студентам практических навыков профессиональной деятельности, индивидуальной профессиональной специализации будущего юриста, формирование осознанности применения норм профессиональной деятельности» [2].

Помощь, оказываемая в юридических клиниках, предоставляется безвозмездно. Составление различного рода правовых документов (жалоб, ходатайств, заявлений, исковых в том числе), консультирование, как в устной, так и в письменной форме – вот неполный список тех возможностей, которыми обладает юридическая клиника. Но, нельзя не согласиться с авторитетным мнением ученых-экономистов, говорящих о возмездности даже бесплатной юридической помощи. Это, в первую очередь, улучшение имиджа вуза за счет демонстрации качества образовательных услуг, приобретение студентами профессиональных компетенций и практического опыта общения с клиентами [5].

В соответствии с вступившим в силу с 15.01.2011 г. Федеральным законом «О бесплатной юридической помощи в РФ» юридическая клиника является элементом негосударственной системы бесплатной юридической помощи.

Проводя анализ деятельности юридических клиник за рубежом, мы можем заметить такую особенность, как выделение внутри клиник различных отделений по отраслям права или существование клиник разной направленности [6]. Есть клиники экологического права, клиники уголовного права. Большинство современных российских клиник – клиники общего права. Также различаются юридические клиники и по категориям клиентов – клиники «без живого клиента» и клиники «с реальным клиентом». Большая часть юридических клиник предпочитают работать с «реальным клиентом» для того, чтобы студенты-клиницисты имели дело с конкретными жизненными ситуациями. Реалии сегодняшнего дня (пандемия, коронавирус) привели к тому, что даже эти клиники вынуждены уйти от привычных видов работы и перейти к такой форме правового просвещения, как подготовка и размещение на сайтах общезначимых правовых консультаций. Таким образом, клиническое юридическое образование имеет под собой прочную основу, ориентированную на социальные запросы. Клиника в быстро меняющемся обществе может послужить звеном процесса превращений инноваций в традиции.

Работая с реальными обращениями граждан, студенты приобретают в юридической клинике навыки правовой практической деятельности:

- как правильно опросить клиента;
- как квалифицированно проконсультировать;
- как составить юридические документы.

При юридической клинике существует общественная приемная, в которой студенты под руководством преподавателей-кураторов осуществляют прием граждан (как правило, тех, кто не имеет финансовой возможности получить платную помощь) и в течение учебного года оказывают им необходимую правовую помощь.

Деятельность юридической клиники осуществляется в рамках следующих основных направлений: 1) клиническое обучение; 2) оказание бесплатной юридической помощи.

В клинике работают студенты старших курсов, уже имеющие достаточные теоретические знания. Каждый учебный год в сентябре осуществляется новый набор студентов, с учетом добровольности и уровня теоретической подготовки. Для студентов-клиницистов проводятся дополнительно специальные

учебные лекции и согласно составленному графику, они дежурят в общественной приемной юридической клиники.

Принципами деятельности юридических клиник являются: законность; защита прав и свобод; защита человеческого достоинства; добровольность участия в работе клиники; конфиденциальность информации, полученной от лиц, обратившихся в юридическую клинику; добросовестность выполнения работы; доступность информации о работе клиники.

«В нише реальной практики студент может проникнуться пониманием того, что теоретические знания – лишь основа для работы. Но для успешной работы нужно уметь их применять. Навык применения знаний служит средством обеспечения интересов и власти, и работодателя, и клиента, и общественных интересов. Следовательно, юрист должен не только знать, какой закон применим к той или иной ситуации, но и уметь разобраться, прежде всего, в самой ситуации через призму понимания интересов и задач клиента, он должен уметь привести своего клиента лабиринтами права к желанной цели» [1].

Есть определенное преимущество у клиник общей направленности, оно проявляется в том, что клиницисты работают с делами разных отраслей права, что, естественно, помогает лучшему освоению теоретического материала и возможности попробовать себя в различных сферах права.

Работа с клиентом проводится в несколько этапов. Очень важен самый первый этап или первая встреча, на которой консультирование не допускается, поскольку необходимо ознакомиться с представленными документами, изучить законодательство, подготовить консультацию и согласовать ее с куратором. На этом этапе необходимо заполнить анкету клиента и провести интервьюирование. Обязательно нужно вести записи, задавать уточняющие вопросы, назначить время следующей встречи. В большинстве случаев срок подготовки консультации – одна неделя (срок может быть продлен в случае необходимости). На этом этапе очень важно установить доверительные отношения с клиентом для дальнейшей эффективной работы. Как правило, в юридическую клинику обращаются люди, попавшие в сложную жизненную ситуацию, не имеющие возможности оплатить услуги адвоката, также можно отметить такие особенности, как возраст, особенности характера, национальность. Все это может мешать клиенту рассказать о своей правовой проблеме. И очень важно в этой ситуации студенту-юристу владеть навыками интервьюирования в целях получения качественной информации от клиента. Речь идет о следующих навыках: подготовить место встречи, взаимное представление, выслушать свободный рассказ клиента, умение грамотно задавать вопросы. Клиент должен чувствовать к себе уважительное отношение, участие, что может помочь выстроить определенный уровень доверительности. Студенту-клиницисту очень важно донести до клиента такое сверхобязательное правило юридической клиники, как конфиденциальность, что также может помочь клиенту раскрыться во время интервьюирования.

Важный аспект интервьюирования – психологический. Конечно, все возможные ситуации предусмотреть невозможно, но что-то учесть можно. Во-первых, внешний вид консультантов. Он должен быть аккуратным, без излишеств (украшения, макияж, дорогие духи), предпочтителен деловой стиль

одежды и общения. Во-вторых, некоторым клиентам по ряду категорий дел сложно рассказывать о своей ситуации сразу нескольким дежурным клиницистам в общественной приемной. Есть смысл учитывать эту ситуацию и назначить студента, который имеет хорошие коммуникативные навыки и обладает эмпатией.

К психологическим аспектам интервьюирования надо отнести и проблему «трудных» клиентов. К этой категории относятся очень замкнутые, очень «говорливые» или уверенные в своей правоте, не признающие правовую позицию студента-клинициста. Последние, пожалуй, самые «трудные».

В построении комфортного общения с клиентами предпочтительнее спокойный темп речи, использование простой лексики без специальных и сложных терминов. Не стоит злоупотреблять большими объемами информации и сложными текстами (при письменной консультации). Такт, внимание, заинтересованность – основа общения с клиентом.

Существуют несколько оснований для отказа или прекращения работы с клиентом:

- Если клиент выставляет требования, противоречащие закону.
- Если отсутствует правовая позиция для защиты интересов клиента.
- Если имеет место конфликт интересов (с клиентами данной юридической клиники, со студентами-клиницистами, преподавателями, кураторами, а также с организацией, структурой которой является юридическая клиника.
- Также основаниями для отказа могут быть ограничения, вытекающие из специализации клиники и перечня категорий граждан, которым данная клиника оказывает бесплатную юридическую помощь.

Клиника играет важную социальную роль, помогая вузу поддерживать престиж предлагаемых им образовательных услуг. Правовое просвещение, бесплатная помощь, участие в решении общественных проблем – это минимальная часть миссии современных образовательных программ. И клиника, в этом случае, обеспечивает связь студентов и преподавателей с населением. своей каждодневной работой формируя общественное мнение о вузе. «Но имидж учебного заведения важен не только с точки зрения позитивной оценки социальной роли вуза. В условиях конкуренции на рынке образовательных услуг для вуза важно привлечь абитуриентов, и возможность обучения в клинике становится явным конкурентным преимуществом. Также выпускники клиники обычно легко устраиваются на работу и демонстрируют свою качественную практическую подготовку работодателям, что также важно для имиджа вуза» [4].

Результатом работы юридических клиник являются следующие «три внешних эффекта, независимо от вида клиники, ее специализации, но бесспорно актуальных для современного российского общества:

- более справедливая организация доступа к правосудию в обществе;
- правовое и социальное просвещение;
- воспитание нового поколения специалистов, отвечающих по своим профессиональным навыкам и качественно новым задачам в меняющемся обществе» [4].

В заключение хотелось бы обратить внимание на необходимость совершенствования процесса юридической помощи в юридических клиниках посредством включения новых форм общения с клиентами [3]. Последние события (пандемия Covid-19) отчетливо показали, что возникла необходимость введения в практику работы юридических клиник дистанционного формата, использование возможностей Интернета, телефонов «горячей линии», социальных сетей, что значительно повысит эффективность оказания правовой помощи и расширит круг клиентов из различных слоев населения.

Список использованной литературы

1. Доброхотова Е.Н. Модернизация высшего юридического образования в направлении усиления связи с практикой / Е.Н. Доброхотова // Правоведение. – 2003. – № 4. – С. 243–249.

2. Доброхотова Е.Н. Роль юридических клиник в подготовке юристов XXI века : О методах и формах юридического образования в современной России / Е.Н. Доброхотова // Правоведение. – 2000. – № 4. – С. 222–229.

3. Иванова С.В., Родионов Л.А. Практикоориентированный подход к организации образовательного процесса юридического вуза / С.В. Иванова, Л.А. Родионов // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. – 2020. – № 71. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/praktikoorientirovannyy-podhod-k-organizatsii-obrazovatel'nogo-protsess-a-yuridicheskogo-vuza> (дата обращения: 24.03.2021).

4. Мамин А.С., Усов И.С. Теоретико-правовой анализ развития юридического клинического образования в России / А.С. Мамин, И.С. Усов // Общество и право. – 2010. – № 5. – С. 27–30.

5. Полякова Н.В. Юридические услуги для населения: экономическая характеристика / Н.В. Полякова, Ю.О. Баранова, В.В. Поляков // Известия Байкальского государственного университета. – 2017. – Т. 27. – № 2. – С.146–153. – DOI: 10.17150/2500-2759.2017.27(2).

6. Сабирова Л.Л. Особенности юридического консультирования студентов в системе высшего профессионального образования / Л.Л. Сабирова // Вестник Марийского государственного университета. – 2020. – 1 (37). – С. 59–63.

7. Трунов И.Л. Предоставление бесплатной правовой помощи в России. «Центры юридической помощи»: суть понятия, история возникновения, современные практические аспекты / И.Л. Трунов // Право и политика. – 2003. – № 12. – С. 115.

Информация об авторах

Тетерина Людмила Александровна – старший преподаватель кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора Байкальского государственного университета, Иркутск, Россия, e-mail: LATeterina02@gmail.ru.

Кочеткова Ирэна Витальевна – старший преподаватель кафедры правового обеспечения национальной безопасности Байкальского государственного университета, Иркутск, Россия, e-mail: irenako88@gmail.com.

Authors

Ludmila A. Teterina – senior teacher of the Department of criminal action and prosecutor supervision of Baikal State University, Irkutsk, Russia, e-mail: LATeterina02@gmail.ru.

Irena V. Kochetkova – senior Lecturer of the Department of Legal Support for National Security of Baikal State University, Irkutsk, Russia, e-mail: irenako88@gmail.com.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ СПОРТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РОССИИ

Изучение особенностей российской спортивной индустрии – это его правовое регулирование, текущее состояние и основные тенденции, а также изучение особенностей спортивного механизма в политическом и экономическом контексте России. Сфера спорта в России имеет сильное государственное регулирование через структуру на федеральном, региональном и местном уровнях. Существуют серьезные препятствия в реализации спортивной деятельности. Эти барьеры необходимо устранить, чтобы открывать новые возможности для эффективного использования спортивных сооружений, развивать выбор спортивных мероприятий и увеличивать их вместимость. Сегодня существует потребность в поиске новых форм и методов продвижения и популяризации физической культуры и спорта для граждан проживающих на территории России, создания единого спортивного информационного пространства и обеспечении спортивной сферы более эффективными управленческими решениями. Выявлены основные вызовы в области спорта, такие как различие спортивных сооружений в разных регионах России, создание малобюджетных спортивных сооружений, развитие качественной современной материально-технической базы в образовательных учреждениях, а также вопрос подготовки квалифицированных кадров.

Ключевые слова: физическая культура, спорт, развитие спорта, экономика спортивные сооружения.

V.N. Turkova, M.Yu. Krivenkov, K.V. Yakimov

LEGAL REGULATION OF SPORTS ACTIVITIES IN RUSSIA

The study of the features of the Russian sports industry, its legal regulation, the current state and main trends, as well as the study of the features of the sports mechanism in the political and economic context of Russia. The field of sports in Russia has a strong state regulation through a structure at the federal, regional and local levels. There are serious obstacles in the implementation of sports activities. These barriers must be removed in order to open up new opportunities for the effective use of sports facilities, to develop the choice of sports events and to increase their capacity. Today, there is a need to find new forms and methods of promoting and popularizing physical culture and sports for citizens living on the territory of Russia. Creating a unified sports information space and providing the sports sphere with more effective management solutions. The main challenges in the field of sports are identified, such as the difference in sports facilities in different regions of Russia, the creation of low-budget sports facilities, the development of high-quality modern material and technical base in educational institutions, as well as the issue of training qualified personnel.

Keywords: physical culture, sports, sports development, economy sports facilities.

Согласно ч. 2 ст. 41 Конституции РФ в Российской Федерации финансируются федеральные программы охраны и укрепления здоровья населения, принимаются меры по развитию государственной, муниципальной, частной систем здравоохранения, поощряется деятельность, способствующая укреплению здоровья человека, развитию физической культуры и спорта, экологическому и санитарно-эпидемиологическому благополучию [1]. Спорт является позитивной силой с точки зрения здоровья и отдыха, а также обеспечивает социальные блага для миллиардов профессиональных спортсменов и любителей. Министерство спорта России оказывает огромную поддержку развитию женских и мужских видов спорта [2].

Неотъемлемой частью заботы государства о здоровье нации и их привлечение к физической культуре и спорту. Актуальность темы научной публикации обусловлена тем, что с каждым годом формируются и дополняются правовые компетенции, подстраивающиеся под особенности современной России входящих в систему профессионального спорта. Государство задает темп общественных отношений в лице его органов о необходимости развития и устойчивости классических видов спорта и развитие новых. Несмотря на устоявшееся мнение о том, что молодежь является самой здоровой категорией населения, самые высокие темпы роста заболеваемости наблюдаются, к сожалению, именно в юношеском возрасте.

Действующая редакция Федерального закона от 04.12.2007 г. № 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в РФ» (далее – Закон о спорте) является основным документом, регулирующим организацию и проведение спортивных соревнований в рамках условий российского законодательства. Стоит упомянуть, что в нашей стране законотворческая деятельность в области спорта началась лишь в постсоветский период. Формироваться правовая база физической культуры и спорта стала с разработки и принятия 27.04.1993 г. «Основ законодательства Российской Федерации о физической культуре и спорте». Нельзя сказать, что до их принятия в данной области отсутствовало правовое регулирование, однако правовые акты, регулирующие данную сферу, до этого не имели федерального закона и не создавали единой платформы правового обеспечения.

Каждый профессиональный спорт в России не сводится к принципу спортивного состязания, поскольку имеет элементы экономического подхода и зрелищно-развлекательным процессом. В настоящее время спорт регулируется нормативно-правовыми и социально-экономическими критериями и в силу данных критериев имеет ряд конфликтов и правонарушений (преступлений). В силу юридической безграмотности населения не всегда применяются нормативные правила в той или иной спортивной деятельности. В связи с развитием во всем мире и на территории России профессионального спорта есть необходимость усовершенствовать гражданско-правовую, административно-правовую, уголовно-правовую охрану [3].

Стоит отметить, что каждый из групповых видов спорта имеет не только собственную соревновательную деятельность, но и широкие возможности для

включения игрока, тренера, обслуживающего персонала в межличностные отношения. В широком смысле он охватывает спортивно-соревновательную деятельность, межличностные психологические отношения, этико-поведенческие нормы, которые складываются на основе этой деятельности [4–6].

Ранее действовавшее законодательство было в основном ориентировано на любительский спорт, что, несомненно, ограничивало массовое спортивное ориентирование в целях эффективности физического воспитания населения и выявления достойных, перспективных спортсменов с юного возраста в различных видах спорта. За последние десять лет огромное количество допинговых скандалов, в разбирательство которых вовлечены и спортивные «суды» (в виде арбитража, контрольно-дисциплинарных, антидопинговых и т.п. комитетов и комиссий), и медицинские лаборатории, правоохранительные органы. Соответственно роль правового регулирования с каждым разом возрастает.

В связи с развитием в государстве информационных технологий, есть все возможности правового регулирования (контроля) в области создания специальных спортивных условий для развития спортивной деятельности. Учитывая специфику и обособленность спортивной сферы, многие ученые и юристы сегодня сходятся во мнении, что данную сферу обоснованно и целесообразно осуществлять отдельным кодексом – Спортивным кодексом Российской Федерации. Под кодификацией понимается создание нового, систематизирующего правового акта. Действующее законодательство с учетом потребностей перерабатывается, нормы претерпевают изменения, вносятся новые. Создание единого спортивного акта должен отражать стратегию и приоритетность, целесообразность. Решение эффективности на региональном и муниципальном уровне в области физической культуры и спорта должно базироваться выше указанных ценностях. Реализация такого кодекса будет способствовать развитию спортивной юриспруденции.

Имея правовой нигилизм в России, решение юридических проблем большого спорта приобретает сегодня первостепенное значение, не менее чем физическая подготовка или медицинское обеспечение [7–9]. Юридически грамотно предусмотреть факторы, касающиеся необъективного судейства, дисквалификации спортсменов. Эффективная работа спортивного законодательства поможет избежать случаев вопиющего нарушения прав спортсменов и предвзятого судейства, которые получают огромный общественный резонанс [10–13].

Согласно гражданскому, уголовному законодательству и анализа сложившейся в России соответствующей судебной практики необходимо выработать комплекс мер по совершенствованию правовой охраны общественных отношений в сфере любительского и профессионального спорта. Для развития спорта необходимо было создать на региональном и муниципальном уровне организации – ассоциации, федерации и конфедерации, – которые бы навязывали и управляли этими коллективными ценностями. К сожалению, в практической деятельности спорт – это большой «факел» недобросовестной конкуренции и коррумпированности. Если мы действительно хотим, чтобы спорт стал основой для лучшего общества, одним из столпов человеческого и социального разви-

тия, нам нужно переосмыслить правила управления спортом и их критерии представительства и подотчетности – и построить что-то новое, прозрачное и целеустремленное. Для этого нам нужно эволюционировать с точки зрения управления, выстраивая систему, в которой честная игра всегда преобладает.

Спортивные организации должны создать культуру прозрачности, чтобы хорошая работа не просто выполнялась, а считалась выполненной. Следует интегрировать и поощрять политику в области доступа к информации. Спортивные организации должны придерживаться строгих требований к раскрытию информации, включая финансовую отчетность, и адекватно сообщать о своей деятельности своим внутренним заинтересованным сторонам, широкой общественности через доступные платформы открытых данных. Международные и национальные спортивные организации должны публиковать шкалы оплаты труда, а также оклады и расходы старших руководителей (членов) исполнительного комитета, вознаграждение членов правления и т.д.

Список использованной литературы

1. Конституция Российской Федерации от 12.12.1993 г. (ред. от 01.07.2020 г.) // Российская газета. – 1993. – № 237.

2. Буянова М.О., Алексеев С.В., Чеботарев А.В. Спортивное право: договорные отношения в спорте : учеб. пособие / М.О. Буянова, С.В. Алексеев, А.В. Чеботарев. – Москва, 2020. – Сер. 76. – 121 с.

3. Деменев С.В. Правовое регулирование спорта в международном праве и в праве Российской Федерации / С.В. Деменев // Государство и общество: актуальные вопросы взаимодействия : материалы 2-й Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 50-летию Всерос. гос. ун-та юстиции. – Казанский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2020. – С. 135–137.

4. Дорофеева А.М. Специфические объекты авторских и смежных прав в индустрии спорта / А.М. Дорофеева // Новый юридический вестник. – 2020. – № 6 (20). – С. 50–56.

5. Журова М.А. Единство спорта как институт защиты прав спортсменов / М.А. Журова // Вестник Гродненского государственного университета им. Янки Купалы. Серия 4. Правоведение. – 2020. – Т. 10. – № 1. – С. 21–27.

6. Мельник Т.Е. Права граждан старшего возраста в области массового спорта / Т.Е. Мельник // Журнал российского права. – 2019. – № 11. – С. 96–105.

7. Поляков К.Л., Полякова М.В., Алтунина Н.С. Моделирование влияния трудового права на оценку человеческих ресурсов в спорте / К.Л. Поляков, М.В. Полякова, Н.С. Алтунина // Журнал институциональных исследований. – 2019. – Т. 11. – № 4. – С. 6–25.

8. Рахманова Е.Н. Права человека и спорт / Е.Н. Рахманова // Право и права человека в современном мире: тенденции, риски, перспективы развития : материалы Всерос. науч. конф., посвящ. памяти проф. Ф.М. Рудинского. – Москва, 2020. – С. 224–228.

9. Семенов Н.В. Актуальные вопросы реализации права на спорт среди молодежи / Н.В. Семенов // Правовое образование : сб. науч. статей. – Ростов-на-Дону, 2017. – С. 156–158.

10. Сиякина Д.Ю. Европейский суд по правам человека: оценка эффективности механизма защиты прав человека в спорте / Д.Ю. Сиякина // Эволюция юриспруденции : сб. материалов Всерос. слета молодых юристов. – Махачкала, 2020. – С. 22–26.

11. Тимофейчик Т.Н. Регламентация права на занятие спортом в международном и национальном праве / Т.Н. Тимофейчик // Вестник Гродненского государственного университета им. Янки Купалы. Серия 4. Правоведение. – 2019. – Т. 9. – № 1. – С. 121–130.

12. Тимофейчик Т.Н. Право на занятие спортом: базовые принципы / Т.Н. Тимофейчик // Юстиция Беларуси. – 2020. – № 3 (216). – С. 71–76.

13. Яценко А.Ю., Мышкина К.Н. Право ребенка на полноценное физическое воспитание, оздоровление и занятие спортом: особенности реализации права в РФ / А.Ю. Яценко, К.Н. Мышкина // Вестник магистратуры. – 2014. – № 11. – С. 39–41.

Информация об авторах

Туркова Валентина Николаевна – старший преподаватель кафедры юриспруденции Института экономики, управления и права ФГБОУ ВО «ИРНИТУ», Иркутск, Россия, e-mail: nikolaevna_ur@mail.ru.

Кривенков Максим Юрьевич – старший преподаватель кафедры физической культуры и спорта ФГБОУ ВО «ИРНИТУ», Иркутск, Россия, e-mail: Krivenkov2610@mail.ru.

Якимов Константин Викторович – доцент кафедры общепрофессиональных и специальных дисциплин Российского государственного университета физической культуры, спорта, молодежи и туризма (филиал), Иркутск, Россия, e-mail: Krivenkov2610@mail.ru.

Authors

Valentina N. Turkova – Senior Lecturer of the Department of Law of Institute of Economics, Management and Law of Irkutsk Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «IRNITU», Irkutsk, Russia, e-mail: nikolaevna_ur@mail.ru.

Maksim Yu. Krivenkov – Senior Lecturer of the Department of Physical Culture and Sports of Irkutsk Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «IRNITU», Irkutsk, Russia, e-mail: Krivenkov2610@mail.ru.

Konstantin V. Yakimov – Associate Professor of the Department of General Professional and Special Disciplines of Russian State University of Physical Culture, Sports, Youth and Tourism (branch), Irkutsk, Russia, e-mail: Krivenkov2610@mail.ru.

СЕКЦИЯ 2. ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

УДК 342.55; 347.73

В.В. Игнатенко, Н.В. Васильева

К ВОПРОСУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ КОМПЕТЕНЦИИ ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ ПО ВОПРОСАМ МЕСТНЫХ НАЛОГОВ

Авторы обращают внимание на проблемы закрепления в Конституции Российской Федерации и законодательстве Российской Федерации о налогах и сборах компетенции органов местного самоуправления в сфере местных налогов. Анализируя бинарные принципы финансовой самостоятельности местного самоуправления и единства налоговой политики, авторы определяют возможности определения полномочий органов местного самоуправления по введению и установлению местных налогов.

Ключевые слова: местное самоуправление, местные налоги, самостоятельность местного самоуправления, Конституция, установление налогов, введение налогов.

V.V. Ignatenko, N.V. Vasileva

ON THE ISSUE OF DETERMINING THE COMPETENCE OF LOCAL SELF-GOVERNMENT AUTHORITY ON LOCAL TAXES

The authors draw attention to the problems of fixing the competence of local self-government authority in the field of local taxes in the Constitution of the Russian Federation and the legislation of the Russian Federation on taxes and fees. Analyzing the paired principles of financial independence of local self-government and the unity of tax policy, the authors determine the possibilities of determining the powers of local self-government bodies to introduce and establish local taxes.

Keywords: local self-government, local taxes, independence of local self-government, Constitution, establishment of taxes, introduction of taxes.

Наделение органов местного самоуправления полномочиями в сфере местных налогов и сборов представляется необходимым в плане закрепления экономической основы местного самоуправления. Одной из составляющих принципа независимости местного самоуправления является его финансовая самостоятельность, достижение которой невозможно без влияния органов местного самоуправления на вопросы местного налогообложения своими действиями.

Вместе с тем полномочия органов местного самоуправления в указанной сфере, учитывая конституционные принципы единства экономического про-

странства и единства налоговой политики, не могут быть неограниченными. Как указал Конституционный Суд Российской Федерации¹, определение смысла положений ч. 1 ст. 132 Конституции Российской Федерации возможно только с учетом конституционного принципа единства экономического пространства, который распространяется и на местные налоги и сборы.

Европейской хартией местного самоуправления при определении финансовой основы местного самоуправления также учитывается необходимость соблюдения принципа единства экономического пространства и единства налоговой политики государства. Статьей 9 данного международного акта утверждено, что «часть финансовых ресурсов органов местного самоуправления должна пополняться за счет местных сборов и налогов, ставки которых органы местного самоуправления вправе определять в пределах, установленных законом»².

Бинарность принципов финансовой независимости местного самоуправления и единства экономического пространства предопределяет необходимость поиска баланса между ними с учетом как публичных интересов бюджетов публично-правовых образований, так и частных интересов налогоплательщиков, исходя из принципа равенства налогообложения. Все это накладывает трудности в определении компетенции органов местного самоуправления в области местных налогов.

Прежде всего, обратим внимание на то, каким образом полномочия органов местного самоуправления в области местных налогов нашли свое закрепление в Конституции Российской Федерации. Содержание ст. 132 Конституции Российской Федерации³ в связи с принятыми в 2020 г. поправками претерпело изменения. Так, в первоначальной редакции ст. 132 было указано, что органы местного самоуправления «устанавливают местные налоги и сборы». В действующей редакции нормотворческое полномочие органов местного самоуправления в отношении местных налогов и сборов сформулировано иначе – «вводят местные налоги и сборы».

Комментируя данное изменение Е.В. Гриценко указывает, что оно представляет собой «изменение уточняющего характера, не несущее при этом в себе каких-либо содержательных изменений», поскольку в 1993 г. право муниципальных органов самостоятельно определять ставки местных налогов и сборов в рамках закона трактовалось как «установление налога», а в настоящее время как «введение» (регламентация соответствующим публичным субъектом не

---

¹ Об отказе в принятии к рассмотрению запросов Ленинского районного суда города Оренбурга и Центрального районного суда города Кемерово о проверке конституционности статьи 21 Закона Российской Федерации «Об основах налоговой системы Российской Федерации»: определение Конституц. Суда Рос. Федерации от 05.03.1998 г. № 22-О // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. – 1998. – № 3.

² Европейская хартия местного самоуправления. Совершена в Страсбурге 15.10.1985 г. Ратифицирована Федеральным законом 11.04.1998 г. № 55-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1998. – № 15. – Ст. 1695.

³ Конституция Российской Федерации : принята всенар. голосованием 12.12.1993 г., с изм., одобр. в ходе общерос. голосования 01.07.2020 г. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата опубликования 04.07.2020).

урегулированных в законе элементов налогообложения и введение налога на соответствующей территории) [3, с. 92].

Необходимо отметить, что в отсутствие легального определения категорий «установление налога» и «введение налога» как нормотворческих налоговых полномочий, соотношение содержания установления налога и его введения, а также их разграничение между собой являются дискуссионными, и выше приведена только одна из возможных точек зрения на разграничение указанных полномочий.

В юридической литературе высказываются различные точки зрения на разграничение установления и введения налога. Некоторые авторы считают, что установление налога является нормотворческим полномочием только Российской Федерации. Так, М.Ю. Березин полагает, что разграничение налоговых полномочий состоит в следующем – первоначальное установление налогов путем принятия соответствующего федерального закона и последующее введение местного налога муниципальным правовым актом [1, с. 12].

Однако, необходимо признать, что эта концепция не совсем согласуется с нормами действующего законодательства Российской Федерации о налогах и сборах. Так, согласно ст. 1 и 2 Налогового кодекса Российской Федерации законодательство о налогах и сборах (к которому относятся и нормативные правовые акты представительных органов муниципальных образований о местных налогах и сборах) регулирует властные отношения по установлению, введению и взиманию налогов, сборов, страховых взносов в Российской Федерации. При этом нет нормы об отнесении отношений по установлению налогов исключительно к предмету федерального нормотворчества. Далее, согласно ст. 17 Налогового кодекса Российской Федерации¹ налог считается установленным только в том случае, если определены все элементы налогообложения. Статьей 12 Налогового кодекса Российской Федерации закреплено, что муниципальные образования определяют в порядке и в пределах, предусмотренных федеральным законодательством, отдельные элементы налога. На основании приведенных положений логичнее выглядит признание за муниципальными образованиями нормотворческих полномочий не только по введению местных налогов, но и по их установлению. При этом, полномочие по установлению налога представляется возможным охарактеризовать как определение элементного состава налога, а по введению – принятие и введение в действие соответствующего нормативного правового акта, которым определяются необходимые положения о том или ином налоге.

В связи с этим, на наш взгляд, более точны позиции тех авторов, которые, признавая наличие у муниципальных образований нормотворческих налоговых полномочий, как по установлению, так и по введению налогов, отмечают их вторичный характер [6, с. 117]. Так, Ю.А. Крохина указывает на «характер предварительно санкционированного со стороны государства» правотворчества муниципальных образований в налоговой сфере [4, с. 126]. Ю.Л. Смирникова

---

¹ Налоговый кодекс Российской Федерации. Часть первая : Федер. закон от 31.07.1998 г. № 146-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 31. Ст. 3824.

трактует термин «установление налога» в двух аспектах: первичное (установление налога на федеральном уровне) и вторичное (установление местного налога органом местного самоуправления в определенных федеральным законодательством пределах) [5, с. 132].

Действительно, анализ действующей редакции Налогового кодекса Российской Федерации показывает, что муниципальные образования существенным образом ограничены как в установлении, так и во введении местных налогов. Что касается полномочий в области определения элементов местных налогов, что можно считать «вторичным» установлением налога, то обращает на себя внимание следующее. Органы местного самоуправления осуществляют точечное регулирование «своих» налогов: согласно ст. 12 Налогового кодекса Российской Федерации представительными органами местного самоуправления определяются в порядке и пределах, которые предусмотрены Налоговым кодексом Российской Федерации, следующие элементы местного налога: налоговые ставки, порядок и сроки уплаты налогов, особенности определения налоговой базы, налоговые льготы, основания и порядок их применения.

При этом, при установлении налоговых ставок по местным налогам федеральным законодательством определяется максимально возможная ставка. В связи с тем, что дифференциация налоговой ставки возможна только путем ее снижения, что влечет за собой уменьшение доходов местного бюджета, анализ муниципальной практики показывает, что в большинстве случаев муниципальными образованиями устанавливается максимальная ставка местного налога.

При установлении порядка уплаты налога определяется, каким образом будет уплачиваться налог – разовой уплатой всей суммы налога по окончании налогового периода либо уплатой в течение налогового периода предварительных платежей по налогу – авансовых платежей (ст. 58 Налогового кодекса Российской Федерации). Соответственно к полномочиям представительных органов местного самоуправления при установлении порядка уплаты местных налогов входит установление или не установление отчетных периодов, по которым уплачиваются авансовые платежи (опять же, если такая возможность установлена Налоговым кодексом Российской Федерации). На сегодняшний день такое право муниципальным образованиям предоставлено только в отношении порядка уплаты земельного налога налогоплательщиками-организациями

Изменение сроков уплаты местных налогов муниципальными правовыми актами в отношении налогоплательщиков – физических лиц невозможно, поскольку данные сроки прямо определены Налоговым кодексом Российской Федерации. Повлиять своими решениями органы местного самоуправления могут только в отношении срока уплаты земельного налога налогоплательщиками-организациями.

Анализируя полномочия органов местного самоуправления в области налоговых льгот, уместно отметить, что муниципальные образования вправе вводить дополнительные льготы, не предусмотренные на федеральном уровне. Несмотря на высказываемую критику наличия у федерального уровня власти полномочий по установлению налоговых льгот по местным налогам, которое является, по мнению экономистов, одной из причин продолжающейся неспо-

способности муниципальных образований самостоятельно и в полной мере обеспечивать реализацию расходных обязательств [2, с. 23], необходимо отметить, что данное положение является необходимой составляющей принципов единства налоговой политики и равенства налогоплательщиков.

Что касается полномочия по введению местного налога, то первое, что обращает на себя внимание, это закрепление законодательством о налогах и сборах данного полномочия как права-обязанности. Так, согласно ст. 12 Налогового кодекса Российской Федерации местные налоги вводятся в действие и прекращают действовать на территориях муниципальных образований в соответствии с Налоговым кодексом Российской Федерации и решениями представительных органов местного самоуправления о налогах. Получается, что муниципальные образования не вправе решать вопрос о введении или не введении местного налога на территории муниципального образования. Они обязаны ввести местный налог на своей территории путем принятия соответствующего муниципального правового акта, установив при этом, в установленных Налоговым кодексом Российской Федерации пределах, налоговые ставки, порядок и сроки уплаты налога и налоговые льготы.

Изложенное позволяет прийти к выводу о том, что, исходя из буквального толкования действующих норм Налогового кодекса Российской Федерации, полномочия органов местного самоуправления в отношении местных налогов необходимо определить как «устанавливать и вводить местные налоги», хотя и исходя из принципа единства экономического пространства в максимальной степени ограниченными федеральным законодательством о налогах и сборах. В связи с чем изменение редакции ст. 132 Конституции Российской Федерации не видится изменением уточняющего характера, поскольку требует пересмотра устоявшихся положений Налогового кодекса Российской Федерации.

Здесь стоит обратить внимание еще на один интересный момент. В действующей редакции Налогового кодекса Российской Федерации установлена возможность консолидации полномочий в области местных налогов на федеральном уровне. Во-первых, в ст. 12 Налогового кодекса Российской Федерации при определении полномочий органов местного самоуправления по определению элементов местных налогов сделана оговорка «если эти элементы налогообложения не установлены Налоговым кодексом Российской Федерации». Во-вторых, в Налоговом кодексе Российской Федерации имеются нормы, позволяющие взимать местные налоги и при отсутствии соответствующего закона решения муниципального образования. И в отношении земельного налога, и налога на имущество физических лиц в соответствующие статьи Налогового кодекса Российской Федерации включены нормы о том, что в случае не определения налоговых ставок по указанным налогам нормативными правовыми актами представительных органов муниципальных образований, налогообложение производится по налоговым ставкам, указанным в Налоговом кодексе Российской Федерации.

Полагаем, что такой способ регулирования – консолидация полномочий по установлению и введению местных налогов на федеральном уровне в полной мере направлен на следование принципам единства экономического про-

странства и единства налоговой политики, но существенным образом затруднит определение компетенции органов местного самоуправления в области местного налогообложения и потребует пересмотра сложившейся концепции распределения полномочий в налоговой сфере между различными уровнями публичной власти.

Список использованной литературы

1. Березин М.Ю. Характерные отличия процессов по установлению и введению региональных и местных налогов / М.Ю. Березин // Законодательство и экономика. – 2005. – № 10. – С. 11–18.

2. Быков С.С. Классификация налоговых льгот как условие и этап оценки их эффективности / С.С. Быков // Известия Иркутской государственной экономической академии. – 2013. – № 5 (91). – С. 20–26.

3. Гриценко Е.В. Федерализм и местное самоуправление в свете российской конституционной реформы 2020 года / Е.В. Гриценко // Сравнительное конституционное обозрение. – 2020. – № 4. – С. 80–97.

4. Налоговое право России : учеб. для вузов / отв. ред. Ю.А. Крохина. – Москва : Норма, 2003. – 656 с.

5. Смирникова Ю.Л. Финансово-правовой статус субъектов Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук / Ю.Л. Смирникова. – Москва, 2002. – 206 с.

6. Экономическая основа местного самоуправления: комментарий к главе 8 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». – Иркутск : Ин-т законодательства и прав. информ. Иркут. обл., 2007. – 253 с.

Информация об авторах

Игнатенко Виктор Васильевич – доктор юридических наук, профессор, ректор Байкальского государственного университета, Иркутск, Россия, e-mail: ignatenko_v59@mail.ru.

Васильева Наталья Викторовна – доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой предпринимательского и финансового права Байкальского государственного университета, Иркутск, Россия, e-mail: nativi@yandex.ru.

Authors

Victor V. Ignatenko – Doctor of Law, Professor, Rector of Baikal State University, Irkutsk, Russia, e-mail: ignatenko_v59@mail.ru.

Natalya V. Vasileva – Doctor of Law, Associate professor, the Head of the Department of Business and Financial law of Baikal State University, Irkutsk, Russia, e-mail: nativi@yandex.ru.

КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУДЕБНЫЙ НОРМОКОНТРОЛЬ В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ И РОССИИ: ОПЫТ И ПЕРСПЕКТИВЫ ДЛЯ РОССИИ

В статье дается оценка компетенции Конституционного Суда Российской Федерации по рассмотрению дел об оспаривании правовых актов в сопоставлении с опытом регулирования конституционного судебного нормоконтроля в посткоммунистических государствах Восточной Европы. Сделан вывод о возможности заимствования этого опыта в России в целях дальнейшего развития нормоконтрольных полномочий российского Конституционного Суда.

Ключевые слова: Конституционный Суд Российской Федерации, конституционный судебный нормоконтроль.

A.V. Vedernikov, A.A. Petrov

CONSTITUTIONAL JUDICIAL NORM CONTROL IN EASTERN EUROPE AND RUSSIA: EXPERIENCE AND PROSPECTS FOR RUSSIA

The article provides an assessment of the competence of the Constitutional Court of the Russian Federation to consider cases on challenging legal acts in comparison with the experience of regulating constitutional judicial regulation in the post-communist states of Eastern Europe. The conclusion is made about the possibility of borrowing this experience in Russia in order to further develop the regulatory powers of the Russian Constitutional Court.

Keywords: Constitutional Court of the Russian Federation, constitutional judicial regulation.

Масштабные преобразования, прошедшие на рубеже 80–90-х гг. XX в. на пространстве бывшего СССР и в восточноевропейских странах, сопровождались кардинальной перестройкой государственного механизма и правовой системы всех этих стран. В этот период в конституционное регулирование указанных государств было внедрено множество новых для Восточной Европы, но хорошо известных в государствах с устоявшимися конституционными традициями государственно-правовых институтов. Одним из таких новшеств стало повсеместное учреждение конституционных судов. В этой связи нельзя не согласиться с В.Д. Зорькиным, который обоснованно отмечает, что в странах бывшего социалистического лагеря конституционный контроль стал важной частью их правовой системы (и был бы неотъемлемой частью, если бы не ликвидация Конституционного Суда в Киргизии в результате революционных событий 2010-х гг. [3, с. 2]. Побудительным мотивом внедрения (а в некоторых странах, таких, как Польша – принципиальной модернизации) институтов конституционного правосудия в государствах Восточной Европы, как в России и

других странах постсоветского пространства, стало стремление обеспечить в этих государствах реальное действие принципов конституционализма как фундаментальной правовой базы дальнейшего всестороннего развития [19].

Учреждение конституционного суда как специализированного судебного органа, организационно не входящего в систему общих судов, является ключевым элементом европейской модели судебного конституционного контроля. Как отмечает А.А. Клишас, «с институциональной точки зрения главное отличие «европейской» модели от «американской» (североамериканской) состояло в том, что конституционная юстиция признавалась автономной от системы общего правосудия. Функционально автономия проявлялась в том, что конституционное правосудие осуществлялось не судами общей юрисдикции, а специализированным органом конституционного контроля» [5, с. 120]. В силу комплекса географических, исторических и политических причин постсоциалистические государства в процессе перехода от авторитарного к конституционно-демократическому пути развития избрали именно эту модель организации правовой охраны Конституции, ориентируясь на опыт европейских государств, где конституционные суды давно и успешно функционировали (Германия, Австрия, Италия, Испания и пр.). Основным идеологом специализированного конституционного правосудия по праву считается знаменитый австрийский правовед Ганс Кельзен (1881–1973), который в одной из своих фундаментальных работ, в частности, отмечал: «Необходимо дать компетенцию отмены неконституционных актов отдельно стоящему от него независимому органу и, как следствие, независимому от любой другой государственной власти – конституционному суду» [4, с. 6].

Таким образом, при всем разнообразии полномочий, которыми в принципе могут быть наделены конституционные суды, основным направлением их деятельности является конституционный нормоконтроль. В этой связи и с учетом естественной близости (исторической, географической) России и постсоциалистических стран Восточной Европы представляет интерес вопрос об опыте развития нормоконтрольных полномочий конституционных судов этих стран и о возможности использования этого опыта в Российской Федерации.

Следует заметить также, что актуальность поднятой темы дополнительно подтверждается тем, что правовое регулирование судебного конституционного контроля в России не стоит на месте – оно претерпело масштабное обновление в связи с внесением изменений в Конституцию Российской Федерации в 2020 г. (Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14.03.2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» [2], Федеральный конституционный закон от 09.11.2020 г. № 5-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации» [18]).

1. *Пределы конституционно-судебного нормоконтроля.* В России с самого начала формирования и функционирования института судебного конституционного контроля предусматривалась проверка правовых актов Конституционным Судом только на предмет их соответствия непосредственно Конститу-

ции Российской Федерации как правовому акту высшей юридической силы (ст. 165.1 Конституции (Основного Закона) Российской Федерации – России 1978 г., ст. 125 Конституции Российской Федерации 1993 г.). Проверка соответствия правовых актов другим правовым актам более высокой (но не высшей) юридической силы осуществляется иными судами по правилам Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации (гл. 21) [6] и Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (гл. 23) [1].

Между тем в ряде восточноевропейских государств получила распространение другая модель конституционного нормоконтроля, при которой конституционные суды наделяются полномочиями по разрешению более широкого круга нормативно-коллизийных споров.

Так, согласно Конституции Республики Албания, Конституционный Суд этой страны принимает решения по вопросам совместимости законов Албании, нормативных актов центральных и местных органов не только с Конституцией, но и с международными договорами (пп. «а» и «с» ч. 1 ст. 131) [8]. Полномочиями по проверке соответствия внутригосударственных нормативных актов международным договорам наделен Конституционный Суд Венгерской Республики (п. «f» ч. 2 ст. 24 Конституции Венгерской Республики) [7].

Конституционный Суд Республики Хорватия вправе принимать решения по вопросам соответствия подзаконных нормативных актов как Конституции, так и законам Хорватии (абз. 3 ст. 125 Конституции Республики Хорватия) [12]. Конституционный Суд Чешской Республики может проверять на предмет соответствия Конституции и законам не только нормативные акты, но и индивидуальные предписания (п. «b» ч. 1 ст. 78 Конституции Чешской Республики) [15].

Конституция Словацкой Республики устанавливает, что Конституционный Суд Словакии принимает решения по вопросам о соответствии законов Конституции, конституционным законам и международным договорам, ратифицированным в установленном порядке (п. «а» ч. 1 ст. 125) [14].

На основании абз. 3 ст. 160 Конституции Республики Словения Конституционный Суд Словении может проверять законы и другие нормативные акты с точки зрения их соответствия не только ратифицированным международным договорам, но и общим принципам международного права [11].

Представляется, что опыт стран Восточной Европы, которые пошли по пути расширения пределов нормоконтрольных полномочий своих конституционных судов, не ограничивая их только проверкой собственно «конституционности» законов и иных правовых актов, заслуживает внимания как одно из возможных направлений дальнейшего развития компетенции Конституционного Суда Российской Федерации. Так, в настоящее время не существует правового механизма, надежно обеспечивающего соответствие федеральных законов федеральным конституционным законам – рассмотрение таких вопросов не отнесено к компетенции ни Конституционного, ни какого бы то ни было иного российского суда, хотя Конституция Российской Федерации и устанавливает, что федеральные законы не могут противоречить федеральным конституционным законам (ч. 3 ст. 76). Отсутствует правовая возможность судебной проверки конституционности нормативных правовых актов, издаваемых федеральными

органами исполнительной власти, иными федеральными государственными органами (Генеральной прокуратурой, Счетной палатой, Центральной избирательной комиссией и т.д.), отдельными (не высшими) исполнительными органами государственной власти субъектов Российской Федерации. Полностью выведено из-под судебной оценки конституционности правовое регулирование, которое осуществляется на уровне местного самоуправления. Представляется, что проверка законности перечисленных категорий правовых актов не может рассматриваться как замена проверки их конституционности, поскольку при таком подходе умалывается принцип высшей юридической силы Конституции Российской Федерации, в силу ч. 1 ст. 15 которой требование непротиворечия Конституции относится к законам и иным правовым актам, принимаемым в Российской Федерации, – т.е. ко всем правовым актам без исключения.

2. *Временные рамки конституционно-судебного нормоконтроля.* Широкое распространение на конституционном пространстве посткоммунистической Восточной Европы получила практика осуществления предварительного конституционного контроля в отношении законов (законопроектов). Российский Конституционный Суд получил такие полномочия только в 2020 г. (ч. 5.1 ст. 125 Конституции Российской Федерации в редакции Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14.03.2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти»).

Например, в соответствии с п. «а» ст. 146 Конституции Румынии Конституционный Суд Румынии принимает решения о конституционности законов до их промульгации по ходатайству Президента Румынии, председателя одной из Палат, Правительства, Верховного Суда Правосудия, не менее 50 депутатов или не менее 25 сенаторов, а также в обязательном порядке – об инициативах пересмотра Конституции [13]. В Сербии правом инициировать рассмотрение конституционности принятых, но не промульгированных законов обладают только группы депутатов парламента численностью не менее одной трети от их общего числа (ч. 1 ст. 169 Конституции Республики Сербия) [10], в Польше – только Президент (ч. 2 ст. 122 Конституции Польской Республики) [9]. При этом в Польше механизм такой проверки весьма обстоятельно раскрыт непосредственно на уровне Конституции. В частности, ч. 4 ст. 122 Конституции Польской Республики учитывает возможность постановки вопроса о конституционности не только принятого закона в целом, но и отдельных его предписаний и устанавливает: «Президент Республики отказывает в подписании закона, признанного Конституционным Трибуналом несоответствующим Конституции. Однако, если несоответствие Конституции касается отдельных положений закона, а Конституционный Трибунал не вынесет решения о том, что они неразрывно связаны со всем законом, Президент Республики, узнав мнение Маршала Сейма, подписывает закон без учета положений, признанных несоответствующими Конституции, или возвращает закон Сейму с целью устранения несоответствия».

3. *Объекты конституционно-судебного нормоконтроля.* Заслуживает внимания также опыт отдельных государств Восточной Европы по вопросам

определения круга объектов нормоконтроля, осуществляемого конституционными судами. Так, интересное положение содержится в п. 4 ч. 2 ст. 24 Конституции Венгерской Республики – согласно данному пункту Конституционный Суд Венгрии вправе проверять и аннулировать положения законов, которые непосредственно не оспаривались заявителем (при условии, что между ними и оспоренными предписаниями закона имеется тесная содержательная взаимосвязь).

Пункт 5 ч. 1 ст. 167 Конституции Республики Сербия наделяет Конституционный Суд этой страны компетенцией по проверке соответствия Конституции и законам нормативных актов организаций, которым делегированы публично-властные полномочия, политических партий, профессиональных союзов, общественных объединений, а также коллективных соглашений. В России такими полномочиями не наделен ни один суд, хотя очевидно, что регулирующее воздействие такого рода актов может быть вполне сопоставимо с эффектом от нормативных актов органов публичной власти.

4. *Конституционно-судебный нормоконтроль в отношении международного права.* Помимо случаев, когда конституционные суды в странах Восточной Европы обладают более широкими полномочиями по вопросам нормоконтроля, чем Конституционный Суд Российской Федерации, встречаются и обратные ситуации, где российский опыт в регулировании этого направления судебной деятельности опережает восточноевропейский опыт.

Так, в соответствии с п. «б» ч. 5.1 ст. 125 Конституции Российской Федерации Конституционный Суд Российской Федерации в порядке, установленном федеральным конституционным законом, разрешает вопрос о возможности исполнения решений межгосударственных органов, принятых на основании положений международных договоров Российской Федерации в их истолковании, противоречащем Конституции Российской Федерации, а также о возможности исполнения решения иностранного или международного (межгосударственного) суда, иностранного или международного третейского суда (арбитража), налагающего обязанности на Российскую Федерацию, в случае если это решение противоречит основам публичного правопорядка Российской Федерации. Порядок осуществления этих полномочий конкретизирован в гл. XIII.1 Федерального конституционного закона от 21.07.1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» [17]. В конституциях же государств Восточной Европы аналогичные полномочия за конституционными судами не закреплены. При этом российский Конституционный Суд уже имеет опыт рассмотрения дел этой категории (см., например, Постановление от 19.04.2016 г. № 12-П по делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации постановления Европейского Суда по правам человека от 04.07.2013 г. по делу «Анчугов и Гладков против России» в связи с запросом Министерства юстиции Российской Федерации [16]).

Подводя итог, можно прийти к выводу о том, что регулирование пределов судебного конституционного нормоконтроля в Российской Федерации в целом соответствует подходам, сложившимся на всем посткоммунистическом европейском правовом пространстве. Вместе с тем опыт стран Восточной Европы

указывает и на определенные резервы дальнейшего развития и укрепления этого направления конституционного правосудия в России.

Список использованной литературы

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 30. – Ст. 3012.
2. Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14.03.2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // Российская газета. – 2020. – 16 марта.
3. Зорькин В.Д. Конституционное правосудие стран новой демократии: вызовы и перспективы // Журнал конституционного правосудия. – 2014. – № 3. – С. 1–10.
4. Кельзен Г. Судебная гарантия Конституции (конституционная юстиция). Ч. 2 // Право и политика. – 2006. – № 9. – С. 5–18.
5. Клишас А.А. Конституционный контроль и конституционное правосудие в зарубежных странах : дис. ... д-ра юрид. наук. – Москва, 2007. – 571 с.
6. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2015. – № 10. – Ст. 1391.
7. Конституция Венгрии. – URL: https://www.constituteproject.org/constitution/Hungary_2016?lang=en (дата обращения: 01.03.2021).
8. Конституция Республики Албания. – URL: https://www.constituteproject.org/constitution/Albania_2016?lang=en (дата обращения: 01.03.2021).
9. Конституция Республики Польша. – URL: https://www.constituteproject.org/constitution/Poland_2009?lang=en (дата обращения: 01.03.2021).
10. Конституция Республики Сербия. – URL: https://www.constituteproject.org/constitution/Serbia_2006?lang=en (дата обращения: 01.03.2021).
11. Конституция Республики Словения. – URL: https://www.constituteproject.org/constitution/Slovenia_2016?lang=en (дата обращения: 01.03.2021).
12. Конституция Республики Хорватия. – URL: https://www.constituteproject.org/constitution/Croatia_2013?lang=en (дата обращения: 01.03.2021).
13. Конституция Румынии. – URL: https://www.constituteproject.org/constitution/Romania_2003?lang=en (дата обращения: 01.03.2021).
14. Конституция Словацкой Республики. – URL: https://www.constituteproject.org/constitution/Slovakia_2017?lang=en (дата обращения: 01.03.2021).
15. Конституция Чешской Республики. – URL: https://www.constituteproject.org/constitution/Czech_Republic_2013?lang=en (дата обращения: 01.03.2021).
16. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 19.04.2016 г. № 12-П по делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации постановления Европейского Суда по правам человека от 04.07.2013 г. по делу «Анчугов и Гладков против России» в связи с запросом Министерства юстиции Российской Федерации // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2016. – № 17. – Ст. 2480.

17. О Конституционном Суде Российской Федерации : Федер. конституц. закон от 21.07.1994 г. № 1-ФКЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1994. – № 13. – Ст. 1447.

18. О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации» : Федер. конституц. закон от 09.11.2020 г. № 5-ФКЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2020. – № 46. – Ст. 7196.

19. Шайо А. Конституционализм и конституционный контроль в посткоммунистической Европе // Конституционное правосудие в посткоммунистических странах : сб. докл. – Москва : Центр конституц. исслед. МОНФ, 1999. – С. 5–12.

Информация об авторах

Ведерников Александр Викторович – магистрант, председатель Законодательного Собрания Иркутской области, Иркутск, Россия, e-mail: av2592829@gmail.com.

Петров Алексей Александрович – доктор юридических наук, доцент кафедры конституционного и административного права Байкальского государственного университета, Иркутск, Россия, e-mail: petrov-a-irk@mail.ru.

Authors

Alexander V. Vedernikov – Master student, Chairman of the Legislative Assembly of the Irkutsk Region, Irkutsk, Russia, e-mail: av2592829@gmail.com.

Aleksey A. Petrov – Doctor of Law, Associate Professor of the Department of Constitutional and Administrative Law of Baikal State University, Irkutsk, Russia, e-mail: petrov-a-irk@mail.ru.

О ДЕНОТАТИВНОМ ЗНАЧЕНИИ ТЕРМИНА «АРКТИЧЕСКАЯ ЗОНА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

В статье отмечается, что термин «Арктическая зона Российской Федерации» является достаточно новым для отечественной юриспруденции. Его введение в правовое регулирование связано с принятием ряда стратегических документов и направлено на определение пространственных пределов государственной арктической политики России. Для этих целей слово «Арктика» является слишком многозначным и неопределенным по содержанию. В филологии в рамках содержательной структуры термина выделяют денотативный и сигнификативный компоненты. Автор полагает, что в юридическом термине должен преобладать денотативный компонент, т.е. информация о действительности, об объектах окружающего мира, поскольку только при этом условии обеспечивается правовая определенность. На основе анализа действующих правовых актов выявлено два значения термина «Арктическая зона Российской Федерации», различающихся составом сухопутных территорий. Сделан вывод, что неопределенность содержания данного термина порождает проблемы в правоприменительной деятельности и требует устранения путем внесения изменений в действующее законодательство.

Ключевые слова: Арктика, арктическая зона, территориальная единица, состав территории, границы территории.

S.V. Praskova

ABOUT THE DENOTATIVE MEANING OF THE TERM «ARCTIC ZONE OF THE RUSSIAN FEDERATION»

The article notes that the term «Arctic zone of the Russian Federation» is quite new for domestic jurisprudence. Its introduction into legal regulation is connected with the adoption of a number of strategic documents and is aimed at determining the spatial limits of the state Arctic policy of Russia. For these purposes, the word «Arctic» is too ambiguous and vague in content. In philology, within the framework of the content structure of the term, denotative and significative components are distinguished. The author believes that the denotative component should prevail in the legal term, i.e. information about reality, about objects of the surrounding world, since only under this condition is legal certainty provided. Based on the analysis of existing legal acts, two meanings of the term «Arctic zone of the Russian Federation» have been identified, differing in the composition of land territories. It is concluded that the uncertainty of the content of this term generates problems in law enforcement activities and requires elimination by making changes to the current legislation.

Keywords: Arctic, arctic zone, territorial unit, composition of the territory, borders of the territory.

Развитию Арктической зоны Российской Федерации сейчас уделяется значительное внимание. Россия активно участвует в диалоге с другими странами циркумполярного мира и иными участниками международного сотрудничества по вопросам Арктики. В 2021–2023 гг. Россия председательствует в Арктическом совете и планирует проведение множества международных мероприятий, в том числе VI Международного арктического форума¹. Российская Федерация лидирует в целом ряде направлений, связанных с освоением Арктики. Развитие Северного морского пути, наука и технологии, охрана окружающей среды, вопросы обороны и безопасности, освоение арктических месторождений – это неполный перечень тех направлений, в которых ведут работу российские специалисты [30].

Однако любая комплексная государственная политика возможна только при наличии надлежащей правовой основы. В этом плане за последние годы сделано очень многое. Функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере развития Арктической зоны Российской Федерации возложены на Министерство Российской Федерации по развитию Дальнего Востока и Арктики, чем создан межотраслевой центр координации арктической политики России [13]. Принят Федеральный закон «О государственной поддержке предпринимательской деятельности в Арктической зоне Российской Федерации» [10] (далее – Федеральный закон), утверждены Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года [14], Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 года [17] (далее – Основы 2020 года), Государственная программа Российской Федерации «Социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации» [19]. Вместе с тем, это стратегическое регулирование осуществляется в отсутствие надлежащей теоретической основы. В отечественной науке отсутствует сколько-нибудь обоснованное представление об Арктической зоне Российской Федерации как объекте правового регулирования, особенностях ее правового статуса, месте в системе территориальных единиц в Российской Федерации. Не смотря на обилие научных статей по отдельным аспектам развития российской Арктики, по своей сути данное явление остается научно необоснованным и неопределенным. В этой связи представляется важным исследовать, прежде всего, содержательное наполнение термина «Арктическая зона Российской Федерации».

Само по себе использование этого термина является новацией последних дух десятилетий. Прежде использовалась слово «Арктика», которое является по своей сути обозначением физико-географического северно-полярного района Земли [29]. В мировой практике для обозначения территорий, находящихся внутри Северного полярного круга, и прилегающих к нему территорий используются различные термины: Арктика и Субарктика, Заполярье, Крайний Север, Циркумполярный мир и др. Однако для российской юриспруденции привычным является употребление слова «Арктика». Так, в советский и в современный

---

¹ Подробнее о значении международных арктических форумов см., например [1].

периоды для обозначения пространственной и функциональной компетенции органов власти используется именно термин «Арктика».¹ В той или иной степени официальное понимание Арктики сейчас закреплено в подп. «а» п. 3 Основ 2020 года: Арктика – северная полярная область Земли, включающая северные окраины Евразии и Северной Америки (кроме центральной и южной частей полуострова Лабрадор), остров Гренландия (кроме южной части), моря Северного Ледовитого океана (кроме восточной и южной частей Норвежского моря) с островами, а также прилегающие части Атлантического и Тихого океанов. Однако такое географическое понятие совершенно непригодно для целей правового регулирования и в силу своей неопределенности², и в силу того, что оно используется для обозначения именно физико-географического пространства, независимого от государственных границ и юрисдикции национальных органов власти³. Неудивительно, что с целью обозначения территориальной части только России, являющейся объектом внутригосударственного правового регулирования, отечественное законодательство стало использовать иной термин – «Арктическая зона Российской Федерации».

В литературе существует мнение, что понятие «арктическая зона» было определено решением Государственной комиссии при Совете Министров СССР по делам Арктики от 22.04.1989 г. [5, с. 15]. Однако это достаточно спорно. Задачей указанного решения было определить территорию, в отношении которой СССР планировал осуществлять свою арктическую политику. Оно должно было лечь в основу постановления Совета Министров СССР, но в условиях кризиса последнее так и не было принято. Более того, оригинал этого решения госкомиссии затерялся [4, с. 4]. О его содержании, в основном, судят по обобщенному изложению в Основах государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 года и дальнейшую перспективу [23] (далее – Основы 2008 г.), где лишь подчеркивается, что этим решением определен состав территорий субъектов Российской Федерации, относящихся к российской Арк-

---

¹ В СССР была создана Комиссия по делам Арктики и Антарктики при Кабинете Министров СССР [21], которая продолжила свое существование в виде Государственной комиссии РСФСР [9], а затем была преобразована в Межведомственную комиссию по делам Арктики и Антарктики [18]. Позднее была создана Государственная комиссия по вопросам развития Арктики [20]. При определении отраслевого органа государственного управления, ответственного за осуществление государственной арктической политики России, также был использован термин «Арктика» – Министерство Российской Федерации по развитию Дальнего Востока и Арктики [12].

² Михаил Жуков совершенно справедливо отмечает, что такого природного феномена как «Арктика» или «арктическая зона» на самом деле не существует. Существует «географический континуум» – в той или иной мере постепенные переходы между территориями с различными природными условиями. Это люди для удобства ориентирования в среде дают наименования относительно однородным участкам земной поверхности, причем однородность эта может быть весьма условной и определиться по совершенно разным критериям [3, с. 6].

³ Так, в Основах государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 года и дальнейшую перспективу при определении содержания термина «Арктика» подчеркивалось, что в пределах Арктики расположены пять приарктических государств – Россия, Канада, Соединенные Штаты Америки, Норвегия и Дания, которые обладают исключительной экономической зоной и континентальным шельфом в Северном Ледовитом океане (п. 2).

тике¹. Потому однозначно утверждать, что уже на рубеже последнего десятилетия прошлого века на уровне общегосударственной политики оперировали термином «арктическая зона» нельзя.

Анализ правовых актов, имеющих в общедоступных источниках, показывает, что до 1998 г. термин «арктическая зона» практически не употреблялся. Пожалуй, первым наиболее значимым его использованием является проект Федерального закона «Об арктической зоне Российской Федерации» [28], который был внесен в Государственную Думу в 1998 г., но отклонен в 2000 г. Из числа документов, имевших юридическую силу, термин «арктическая зона России» был впервые использован в Концепции государственной поддержки экономического и социального развития районов Севера, утвержденной в 2000 г. [11]. Характерно, что в этих документах в термине используется слово «арктическая», написанное со строчной буквы, так как подразумевается, что это прилагательное, указывающее на элемент географической зональности; «лесная зона», «степная зона» и т.д. [3, с. 6].

Осознанное использование термина «Арктическая зона Российской Федерации», связанное с наделением достаточно определенным содержанием, впервые осуществлено только в вышеупомянутых Основах 2008 г., которые хотя и не имели четко определенной правовой формы, но являлись важнейшим стратегическим документом, определяющим арктическую политику Российской Федерации, вплоть до 2020 года². Именно в Основах 2008 г. термин «Арктическая зона Российской Федерации» впервые в правовых актах был написан с заглавной буквы и использован как имя собственное. Согласимся с мнением [3, с. 6], что такая языковая трансформация подчеркивает, что государство рассматривает Арктическую зону Российской Федерации в качестве особого объекта государственной политики и правового регулирования.

Следует подчеркнуть, что Арктическая зона Российской Федерации является именно юридическим термином и не совпадает с климатической, биогеографической и ландшафтной зональностью физико-географического пространства. Он используется исключительно в целях правового регулирования – как пространственное обозначение пределов применения определенных направлений государственной политики.

В филологии в содержательной структуре термина выделяют денотативный и сигнификативный компоненты значения. Денотативное значение термина – это информация о действительности, об объектах окружающего мира. Сигнификативный компонент содержит информацию о свойствах (дифференциальных и интегральных признаках) изучаемого объекта, отраженных в сознании ученого, исследователя. Специфика терминологического значения заключается в превалировании сигнификативного компонента [6, с. 92]. Иначе говоря, любой термин используется для обозначения явлений реальной действительности.

---

¹ Согласно п. 2 Основ 2008 г. в состав Арктической зоной Российской Федерации входят полностью или частично территории Республики Саха (Якутия), Мурманской и Архангельской областей, Красноярского края, Ненецкого, Ямало-Ненецкого и Чукотского автономных округов, определенные решением Государственной комиссии при Совете Министров СССР по делам Арктики от 22.04.1989 г.

² В настоящий момент не применяются в связи с утверждением Основ 2020 года.

тельности, но при этом, употребляемый в контексте конкретного исследования, во многом отражает субъективное представление конкретного лица о таких явлениях реальной действительности.

Для целей правового регулирования превалирование сигнификативного компонента недопустимо. Термин, используемый в правовых актах, должен отвечать требованиям ясности, определенности и недвусмысленности. В силу неоднократно выраженной Конституционным Судом Российской Федерации правовой позиции неоднозначность, неясность и противоречивость правового регулирования неминуемо препятствуют адекватному уяснению его содержания и предназначения, допускают возможность неограниченного усмотрения публичной власти в процессе правоприменения, создают предпосылки для административного произвола и избирательного правосудия, чем ослабляют гарантии защиты конституционных прав и свобод; поэтому самого по себе нарушения требования определенности правовой нормы вполне может быть достаточно для признания такой нормы не соответствующей Конституции Российской Федерации [См., например: 25; 27]. Потому введение в правовое регулирование достаточно нового термина, производного от другого широко распространенного, но неюридического термина, должно сопровождаться введением легальной дефиниции. При чем такая дефиниция должна отражать наиболее существенные свойства обозначаемого термином понятия, позволяющие отличить его от сходных, но нетождественных понятий. Таким образом, легальная дефиниция соответствующего явления должна отражать именно денотативный компонент содержательной структуры термина.

Применительно к содержанию термина «Арктическая зона Российской Федерации» определенность денотативного компонента означает точное и недвусмысленное определение пространства, которое охватывается этим термином. Лучший способ для этого – определение границ соответствующей территориальной единицы. Однако, учитывая, что Арктическая зона Российской Федерации не является территориальным образованием базового характера (она не является элементом федеративного, административно-территориального или муниципального устройства), а в определенном смысле имеет характер «надстройки» между современными уровнями территориального устройства России, вполне допустимым представляется и способ определения содержания данной территориальной единицы посредством закрепления исчерпывающего перечня территориальных образований, входящих в ее состав¹. Именно последний способ в настоящий момент используется в российском законодательстве.

---

¹ Михаил Жуков противопоставляет такие способы определения Арктической зоны Российской Федерации как описание границ и закрепление состава, рассматривая их как альтернативные и наделяя разными последствиями [3, с. 14–16]. С этим мнением нельзя согласиться. Названные способы дают разные результаты, но не исключают друг друга. Описание границ территориальной единицы позволяет определить ее пределы в пространстве. Но и исчерпывающее перечисление территориальных единиц, имеющих четко определенные границы, в составе объединяющей их территориальной единицы дает те же результаты. Определенность внешней границы при таком способе определения территории не утрачивается при условии, что достигнута определенность границ всех составных частей. Разница лишь в том, что определение состава территории через другие территориальные единицы обогащает содержание объединяющей территориальной единицы, так как одновременно дает

Содержательный компонент термина «Арктическая зона Российской Федерации» раскрывается в двух правовых актах: Федеральном законе и Основах 2020 года, прочие документы лишь содержат отсылки к ним.

В Основах 2020 года под Арктической зоной Российской Федерации понимаются сухопутные территории, определенные Указом Президента Российской Федерации «О сухопутных территориях Арктической зоны Российской Федерации» [15] (далее – Указ Президента РФ), а также прилегающие к этим территориям внутренние морские воды, территориальное море, исключительная экономическая зона и континентальный шельф Российской Федерации (подп. «б» п. 3). Этот подход воспринят из Основ 2008 года с той разницей, что сухопутные территории определены более четко – посредством отсылки к действующему правовому акту. Таким образом, в рамках этих документов стратегического характера законодатель исходит из двух основных территориальных компонентов Арктической зоны Российской Федерации: сухопутных и несухопутных территорий.

Следует подчеркнуть, что такое деление территории имеет чисто юридическое значение и не связано с географической характеристикой пространства. Так, с позиций географии в российской Арктике можно выделить три звена: материковая территория суши, занятая тундровыми и лесотундровыми ландшафтами; острова, расположенные непосредственно в том или ином удалении от побережий; морская акватория в пределах 200-мильной морской экономической зоны, часто с плавающими льдами, переходящими к северу от побережий в сплошной ледяной покров [7, с. 11]. Деление же территорий в Указе Президента РФ обусловлено их правовым режимом. Сухопутные территории имеют исключительно внутригосударственный режим, а иные территории (морские воды и континентальный шельф) подвержены преимущественно международному регулированию. Такая концепция правового регулирования представляется вполне оправданной, поскольку определение северной границы Арктической зоны Российской Федерации является вопросом международных отношений и зависит, в том числе, от выбора секторального или конвенционального подхода¹. В то время как определение южной границы российской Арктики – вопрос исключительно внутригосударственного регулирования и может решаться по-разному в зависимости от приоритетных целей государственной политики.

представление и об ее внутренних границах, и о месте в системе территориальных единиц. Таким образом, определение территории способом определения границ либо способом определения состава не противопоставляются, они вполне могут использоваться одновременно. Применительно к Арктической зоне Российской Федерации проблема состоит не в выборе способа определения пространственных пределов, а в их определенности. В настоящий момент в законодательстве перечислены территории, входящие в ее состав, но не все из них имеют четко определенные границы. Проблемы определения «северной границы» российской Арктики неизбежно переходят в плоскость дискуссии о формах и объемах суверенных прав России в Северном Ледовитом океане. В силу неопределенности северной государственной границы Российской Федерации сохранится и неопределенность «северной границы» Арктической зоны Российской Федерации, вне зависимости от избранного способа ее определения.

¹ О проблеме разграничения прав арктических государств см., например [5, с. 13].

В Федеральном законе в целом используется та же концепция: определяются сухопутные территории Арктической зоны Российской Федерации, а также территории, подверженные международному регулированию (ч. 2–4 ст. 2). Однако понимание сухопутных территорий существенно различается.

Во-первых, в рамках Указа Президента РФ земли и острова, которые могут быть открыты в российском секторе Северного Ледовитого океана, отнесены к сухопутным территориям Арктической зоны Российской Федерации, а в Федеральном законе они выделены из сухопутных территорий и фактически включены в группу территорий, подверженных международно-правовому регулированию¹. С точки зрения физико-географической характеристики позиция Указа Президента РФ является предпочтительной, так как земли и острова, которые потенциально могут быть открыты в Северном Ледовитом океане, представляют собой сухопутное пространство. Однако согласно ст. 121 Конвенции Организации Объединенных Наций по морскому праву 1982 г. [8] режим сухопутных территорий, включая определение территориального моря, прилегающей зоны, исключительной экономической зоны и континентального шельфа, применяется к островам, пригодным для поддержания жизни человека или для самостоятельной хозяйственной деятельности. Острова, которые до сих пор не открыты в Северном Ледовитом океане, вряд ли подпадают под эту характеристику. Кроме того, исключение этих лишь потенциально возможных земель из состава сухопутных территорий в Федеральном законе не влияет на определенность Арктической зоны Российской Федерации в целом. Из толкования обоих актов следует, что земли и острова, которые могут быть открыты в российском секторе Арктики, входят в Арктическую зону Российской Федерации, а их правовой режим этими актами не определяется. Потому это различие в положениях Указа Президента Российской Федерации и Федерального закона представляется несущественным.

Во-вторых, различается перечень сухопутных территорий Арктической зоны Российской Федерации, являющихся территориями субъектов Российской Федерации. Указ Президента РФ и Федеральный закон единодушны в части определения территорий субъектов Российской Федерации, полностью входя-

---

¹ Различается и способ, которым определены такие земли и территории. В Указе Президента РФ они указаны путем отсылки к Постановлению Президиума ЦИК СССР «Об объявлении территорией Союза ССР земель и островов, расположенных в Северном Ледовитом океане» [16] и другим актам СССР, тогда как в Федеральном законе практически дословно воспроизведен текст указанного Постановления ЦИК СССР, определяющего их географическое положение: земли и острова, которые в будущем могут быть открыты, не являются территориями иностранных государств, расположены в Северном Ледовитом океане к северу от побережья Российской Федерации до Северного полюса в пределах между меридианом тридцать два градуса четыре минуты тридцать пять секунд восточной долготы от Гринвича, проходящим по восточной стороне Вайда-губы через триангуляционный знак на мысе Кекурский, и меридианом сто шестьдесят восемь градусов сорок девять минут тридцать секунд западной долготы от Гринвича, проходящим по середине пролива, разделяющего острова Ратманова и Крузенштерна группы островов Диомиды в Беринговом проливе. Однако содержательное различие этих формулировок заключается лишь в том, что Указ Президента РФ допускает возможность определения земель и островов в Северном Ледовитом океане иными актами СССР, а Федеральный закон ограничивается формулировкой Постановления Президиума ЦИК СССР от 15.04.1926 г. Это различие вряд ли существенно.

щих в состав Арктической зоны Российской Федерации (Мурманская область, Ненецкий автономный округ, Чукотский автономный округ, Ямало-Ненецкий автономный округ). Регионы, территории которых частично включены в состав Арктической зоны Российской Федерации, тоже определены одинаково (Республика Карелия, Республика Коми, Республика Саха Якутия), Красноярский край, Архангельская область), но различается перечень территорий этих регионов. В рамках Федерального закона в состав Арктической зоны Российской Федерации включен целый ряд муниципальных образований, которые не упоминаются в Указе Президента РФ¹. И это различие представляется отнюдь не редакционным. Фактически южная граница Арктической зоны Российской Федерации в Федеральном законе и Указе Президента РФ проводится по-разному.

Таким образом, денотативный компонент содержания термина «Арктическая зона Российской Федерации», используемого в Основах 2020 года, и денотативный компонент содержания термина «Арктическая зона Российской Федерации», используемого в Федеральном законе, совпадает лишь частично. А это означает фактическое наличие двух разных понятий при полной идентичности обозначающих их терминов.

Иначе говоря, существует две Арктические зоны Российской Федерации. Первая из них определена Основами 2020 года и Указом Президента РФ. Исходя из преамбулы последнего, это понятие используется в целях обеспечения национальных интересов Российской Федерации в Арктике. Вторая Арктическая зона Российской Федерации определена Федеральным законом в целях ее экономического развития, стимулирования и активизации инвестиционной и предпринимательской деятельности, создания экономической основы для опережающего социального развития и улучшения качества жизни в Арктической зоне Российской Федерации (п. 2 ст. 1). При этом вторая Арктическая зона Российской Федерации имеет больший размер, нежели первая.

Причины, по которым федеральный законодатель пошел на столь существенное содержательное различие, неясны. По образному выражению В.В. Гамукина, остается лишь предположить, что вхождение или нахождение той или иной территории в Арктическую зону Российской Федерации представляет собой своеобразный паллиатив, рожденный в результате вынужденного учета множества факторов [2, с. 204–205].

Однако оценка такого правового регулирования с точки зрения его определенности может быть только негативной. Наделение одного и того же термина разным содержанием без указания оснований и целей их применения, контекста употребления способно породить лишь противоречия в правоприменительной

---

¹ Муниципальное образование «Сегежский муниципальный район» (Республика Карелия), муниципальное образование городского округа «Инта», муниципальное образование городского округа «Усинск», муниципальный район «Усть-Цилемский» (Республика Коми), сельское поселение «Поселок Суринда», сельское поселение «Поселок Тура», сельское поселение «Поселок Нидым», сельское поселение «Поселок Учами», сельское поселение «Поселок Тутончаны», сельское поселение «Поселок Есей», сельское поселение «Поселок Чиринда», сельское поселение «Поселок Эконда», сельское поселение «Поселок Кислокан», сельское поселение «Поселок Юкта» Эвенкийского муниципального района (Красноярский край), муниципальное образование «Лешуконский муниципальный район», муниципальное образование «Пинежский муниципальный район» (Архангельская область).

практике. Это выглядит тем более непоследовательным, что, как было указано выше, термин «Арктическая зона Российской Федерации» был введен в правовое регулирование исключительно в целях достижения определенности пространственных пределов российской арктической политики. И долгое время велась работа над определением состава ее сухопутных территорий (см. об этом подробно [3; 4]). Эта определенность была достигнута после утверждения Указа Президента РФ и утрачена после вступления в силу Федерального закона.

Безусловно, для юриспруденции и не только российской, использование одного термина для обозначения содержательно различающихся понятий не является редкостью. Однако чаще всего речь идет об общеупотребительном слове, многозначность которого является свойством общеупотребимого языка и определенной исторической традицией. Так, Конституционный Суд Российской Федерации неоднократно отмечал, что требование определенности правового регулирования вовсе не исключает использование оценочных или общепринятых понятий: законодатель не лишен возможности прибегать к ним, если значение таких понятий доступно для восприятия и уяснения субъектами соответствующих правоотношений либо непосредственно из содержания конкретного нормативного положения или из системы находящихся в очевидной взаимосвязи положений, либо посредством выявления более сложной взаимосвязи правовых предписаний, в частности с помощью даваемых судами разъяснений по вопросам их применения (см., напр. [24; 26]). Однако словосочетание «Арктическая зона Российской Федерации» не является общеупотребимым, это искусственно созданный термин. И достижение его определенности в системе действующего правового регулирования возможно только при условии, что в каждом правовом акте по вопросам российской Арктики правотворческий орган должен указывать, какое именно значение термина он использует.

Так, можно утверждать, что термин «Арктическая зона Российской Федерации» используется в значении, определенном Основами 2020 года и Указом Президента РФ, в Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года, поскольку это прямо указано в ее п. 3, и в Государственной программе Российской Федерации «Социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации», поскольку это прямо определено в п. 1 разд. I. Но такая отсылка есть далеко не во всех правовых актах. Например, Правила отбора инвестиционных проектов, планируемых к реализации на территории Арктической зоны Российской Федерации [22], оперирует собственным невнятным пониманием Арктической зоны Российской Федерации: сухопутные территории и примыкающие к ним внутренние морские воды Российской Федерации и территориальное море Российской Федерации, а также арктический континентальный шельф Российской Федерации (абз. 2 п. 2). Учитывая, что речь идет об инвестиционной политике можно предположить, что должно использоваться значение термина «Арктическая зона Российской Федерации», определенное Федеральным законом, но с уверенностью утверждать это невозможно. И в дальнейшем подобные неясности будут только увеличиваться. Остается лишь надеяться, что федеральный законодатель внесет изменения в основные акты, регу-

лирующие российскую арктическую политику, и оставит лишь одно понимание Арктической зоны Российской Федерации.

В завершении хотелось бы отметить, что описанная в настоящей статье неоднозначность в понимании Арктической зоны Российской Федерации вызвана не недостатками юридической техники, а является следствием отсутствия концептуального понимания целей обособления этого пространства и его места в системе территориальных единиц России. Используя словосочетание «Арктическая зона Российской Федерации», законодатель не создал территориальную единицу, не определил ее соотношение с базовыми единицами различных слоев территориальной организации (субъектами Российской Федерации, муниципальными образованиями, административно-территориальными единицами), а лишь постарался достичь правовой определенности по вопросу пространственных пределов ряда направлений государственной политики. А поскольку такие направления могут существенно отличаться друг от друга (экологическая политика, политика безопасности России, экономическое развитие и т.д.), постольку при разных условиях один и тот же термин может наделять различным содержанием. Именно произвольность денотативного значения термина «Арктическая зона Российской Федерации» свидетельствует о необходимости осмысления ее природы как территориальной единицы Российской Федерации, либо отсутствия таковой.

Список использованной литературы

1. Быковский В.К. Арктическая зона Российской Федерации: правовой режим развития, обеспечения безопасности, охраны природы, защиты национальных интересов / В.К. Быковский // Международное сотрудничество евразийских государств: политика, экономика, право. – 2019. – № 1. – С. 88–96.

2. Гамукин В.В. Экономическая трансформация регионов арктической зоны Российской Федерации / В.В. Гамукин // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2019. – Т. 12. – № 5. – С. 201–216.

3. Жуков М. Методологические и методические проблемы выделения Арктической зоны Российской Федерации / М. Жуков // АРКТИКА. XXI век. Гуманитарные науки. – 2014. – № 1 (2). – С. 4–20.

4. Жуков М.А. Проблемы нормативного правового закрепления арктической зоны Российской Федерации / М.А. Жуков, В.Н. Крайнов. – URL: http://www.arcticandnorth.ru/Encyclopedia_Arctic/Encyclopedia_arctic_dfo.pdf (дата обращения: 20.04.2021).

5. Злотникова Т.В. Современные проблемы Арктического региона: природа, право, геополитика / Т.В. Злотникова // Экологическое право. – 2017. – № 6. – С. 12–16.

6. Иванова Г.А. Содержательная структура термина: прагматический аспект / Г.А. Иванова // Вестник ВятГУ. – 2008. – № 4. – С. 92–95.

7. Ивченко Б.П. Основные положения развития Арктической зоны Российской Федерации, как стратегической ресурсной базы страны / Б.П. Ивченко,

В.С. Кудряшов // Экономика и управление народным хозяйством. – 2019. – № 6 (8). – С. 8–13.

8. Конвенция Организации Объединенных Наций по морскому праву 1982 г. // СЗ РФ. – 1997. – № 48. – Ст. 5493.

9. О Государственной комиссии РСФСР по делам Арктики и Антарктики : Постановление Правительства РСФСР от 26.12.1991 г. № 75 // СПС «КонсультантПлюс».

10. О государственной поддержке предпринимательской деятельности в Арктической зоне Российской Федерации : Федер. закон от 13.07.2020 г. № 193-ФЗ // СЗ РФ. – 2020. – № 29. – Ст. 4503.

11. О Концепции государственной поддержки экономического и социального развития районов Севера : постановление Правительства Рос. Федерации от 07.03.2000 г. № 198 // СЗ РФ. – 2000. – № 12. – Ст. 1286.

12. О Министерстве Российской Федерации по развитию Дальнего Востока и Арктики : Постановление Правительства Рос. Федерации от 30.06.2012 г. № 664 // СЗ РФ. – 2012. – № 28. – Ст. 3898.

13. О совершенствовании государственного управления в сфере развития Арктической зоны Российской Федерации : Указ Президента Рос. Федерации от 26.02.2019 г. № 78 // СЗ РФ. – 2019. – № 9. – Ст. 824.

14. О Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года : указ Президента Рос. Федерации от 26.10.2020 г. № 645 // СЗ РФ. – 2020. – № 44. – Ст. 6970.

15. О сухопутных территориях Арктической зоны Российской Федерации : Указ Президента Рос. Федерации от 02.05.2014 г. № 296 // СЗ РФ. – 2014. – № 18 (ч. 1), ст. 2136.

16. Об объявлении территорией Союза ССР земель и островов, расположенных в Северном Ледовитом океане : Постановление Президиума ЦИК СССР от 15.04.1926 г. // СЗ СССР. – 1926. – № 32. – Ст. 203.

17. Об Основах государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 года : указ Президента Рос. Федерации от 05.03.2020 г. № 164 // СЗ РФ. – 2020. – № 10. – Ст. 1317.

18. Об упорядочении состава координационных и консультативных органов, образованных Правительством Российской Федерации : Постановление Правительства Российской Федерации от 01.10.1992 г. № 757 // Собрание актов Президента и Правительства РФ. – 1992. – № 15. – Ст. 1158.

19. Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации» : постановление Правительства Рос. Федерации от 30.03.2021 г. № 484 // СЗ РФ. – 2021. – № 14. – Ст. 2352.

20. Об утверждении Положения о Государственной комиссии по вопросам развития Арктики : Постановление Правительства Рос. Федерации от 14.03.2015 г. № 228 // СЗ РФ. – 2015. – № 13. – Ст. 1928.

21. Об утверждении Положения о Комиссии по делам Арктики и Антарктики при Кабинете Министров СССР и персонального состава этой Комис-

сии : Постановление Кабинета Министров СССР от 29.05.1991 г. № 308 // СПС «КонсультантПлюс».

22. Об утверждении Правил отбора инвестиционных проектов, планируемых к реализации на территории Арктической зоны Российской Федерации : Постановление Правительства Рос. Федерации от 18.03.2020 г. № 297 // СЗ РФ. – 2020. – № 12. – Ст. 1790.

23. Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 года и дальнейшую перспективу, утв. Президентом Российской Федерации 18.09.2008 г. № Пр-1969 // СПС «КонсультантПлюс».

24. По делу о проверке конституционности абзаца второй статьи 1 Федерального закона «О садоводческих, огороднических и дачных некоммерческих объединениях граждан» в связи с жалобами ряда граждан : Постановление Конституц. Суда Рос. Федерации от 14.04.2008 г. № 7-П // СЗ РФ. – 2008. – № 18. – Ст. 2089.

25. По делу о проверке конституционности положения подпункта 3 пункта 2 статьи 106 Воздушного кодекса Российской Федерации в связи с жалобами закрытого акционерного общества «Авиационная компания «Полет» и открытых акционерных обществ «Авиакомпания «Сибирь» и «Авиакомпания «ЮТэйр» : Постановление Конституц. Суда Рос. Федерации от 20.12.2011 г. № 29-П // СЗ РФ. – 2012. – № 2. – Ст. 397.

26. По делу о проверке конституционности статьи 16 Федерального закона «Об охране окружающей среды» и постановления Правительства Российской Федерации «Об утверждении Порядка определения платы и ее предельных размеров за загрязнение окружающей природной среды, размещение отходов, другие виды вредного воздействия» в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «Тополь» : Постановление Конституц. Суда Рос. Федерации от 05.03.2013 г. № 5-П // СЗ РФ. – 2013. – № 11. – Ст. 1164.

27. По делу о проверке конституционности части 2 статьи 99, части 2 статьи 100 Лесного кодекса Российской Федерации и положений постановления Правительства Российской Федерации «Об исчислении размера вреда, причиненного лесам вследствие нарушения лесного законодательства» в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «Заполярьефт» : Постановление Конституц. Суда Рос. Федерации от 02.06.2015 г. № 12-П // СЗ РФ. – 2015. – № 24. – Ст. 3547.

28. Проект Федерального закона № 98061514-2 «Об арктической зоне Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

29. Толковый словарь русского языка около 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов ; под общ. ред. Л.И. Скворцова. – 28-е изд., перераб. – Москва : ОНИКС, 2012. – 1375 с.

30. Трутнев Ю.П. Международный арктический форум состоится весной 2022 года в Санкт-Петербурге / Ю.П. Трутнев // Правительство Российской Федерации : офиц. сайт. – URL: <http://government.ru/news/42006> (дата обращения: 20.04.2021).

Информация об авторе

Праскова Светлана Васильевна – кандидат юридических наук, доцент, старший научный сотрудник Института правовых исследований Байкальского государственного университета, Иркутск, Россия, e-mail: savap@mail.ru.

Author

Svetlana V. Praskova – PhD in Law, Associate Professor, Senior Researcher of the Institute of Legal Research of Baikal State University, Irkutsk, e-mail: savap@mail.ru.

К ВОПРОСУ О ПОЛНОМОЧИЯХ ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫХ ОБРАЗОВАНИЙ В СФЕРЕ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ

Анализируются полномочия органов государственной власти и органов местного самоуправления по стратегическому планированию, выявляются недостатки правового регулирования обозначенной сферы. На примере Сибирского федерального округа проводится исследования форм реализации обозначенных полномочий.

Ключевые слова: стратегическое планирование, публичные полномочия, принцип плановости.

Yu.V. Pyatkovskaya, E.L. Ivanova

ON THE PUBLIC LEGAL AUTHORITY IN THE SPHERE OF STRATEGIC PLANNING

The authors analyzes the powers of state authorities and local self-government bodies for strategic planning, reveals the shortcomings of the legal regulation of the designated area. On the example of the Siberian Federal District, research is carried out on the forms of implementation of the designated powers.

Keywords: strategic planning, public authority, planning principle.

Эффективное социально-экономическое развитие любого государства основывается на принципе плановости. Особенно наглядно данный принцип реализовывался в СССР, где в основе деятельности как публично-правовых образований, так и хозяйствующих субъектов лежал плановый акт. С отказом от идеологии плановой экономики принцип плановости был неоправданно нивелирован. Вместе с тем, планирование является необходимой потребностью ведения любого современного публичного хозяйства, системно объединяя стратегическое и финансовое планирование.

В ряде зарубежных государств принцип плановости в той или иной степени закрепляется на конституционном уровне. Так, в ст. 38 Конституции Королевства Испании [2] говорится о том, что органы публичной власти обеспечивают защиту производства в соответствии с требованиями планирования. Достаточно полно обозначенный принцип находит свое закрепление в Конституции Турции (Турецкой Республики) [3], где отдельной статьей (ст. 166) устанавливается обязанность государства обеспечивать планирование экономического, социального и культурного развития, а также устанавливаются общие требования к этому процессу.

В постреформенной России вопросам стратегического планирования стало уделяться внимание в середине 90-х гг., что сопровождалось принятием Федерального закона «О государственном прогнозировании и программах соци-

ально-экономического развития Российской Федерации» [4]. Указанный Федеральный закон имел множество изъянов, поскольку не устанавливал четкой системы стратегического планирования, отсутствовали нормы о взаимодействии публичных органов разного уровня, а также нормы, позволяющие связать стратегическое планирование с бюджетным. Для устранения недостатков на смену указанного закона в 2014 г. был принят Федеральный закон № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» [8] (далее по тексту – Федеральный закон № 172-ФЗ).

Федеральным законом № 172-ФЗ осуществляется системное регулирование обозначенной сферы, координируется государственное и муниципальное стратегическое управление и бюджетная политика. В ст. 5 Федерального закона № 172-ФЗ закреплены полномочия органов государственной власти субъектов Российской Федерации в сфере стратегического планирования. Однако прежде чем говорить об опосредовании указанных полномочий в нормотворческой деятельности регионов, необходимо отметить, что отдельные из указанных полномочий в настоящее время не имеют однозначной оценки в юридической литературе.

Наиболее подвержено критике полномочие по установлению требований к содержанию документов стратегического планирования, разрабатываемых в субъектах Российской Федерации, порядку их разработки, рассмотрению и утверждению (одобрению). Так, Н.В. Омелехина, отмечая значимость корреляции соответствия планово-прогнозных документов не только с финансовыми, с планово-бюджетными документами, но и планово-прогнозных документов между собой, причем не только в рамках одного региона, но и в рамках «регион – федерация» и «регион – регион», указывает на необоснованность закрепления за органами государственной власти субъектов Российской Федерации полномочия по установлению требований к документам стратегического планирования (п. 2 ст. 5). По ее мнению, наделение указанным полномочием органов государственной власти не будет способствовать обеспечению целостности и финансовой устойчивости государства, так необходимой в условиях глубокой интеграции экономики [14, с. 17].

В монографии «Государственно-правовые основы ускоренного развития Дальнего Востока России» [1, с. 265] анализируемое полномочие подвергается не только содержательной критике, но и обозначаются ряд иных его дефектов, состоящих, по мнению авторов, в том числе в «сужении» перечня нормативных правовых актов, в соответствие с которыми органами государственной власти субъектов Российской Федерации осуществляется установление требований к содержанию документов стратегического планирования, порядку их разработки, рассмотрению и утверждению (одобрению) по сравнению с тем перечнем, который указывается в п. 6 этой же статьи.

Вместе с тем, несмотря на имеющиеся научные дискуссии, относительно отдельных полномочий органов государственной власти субъектов в сфере стратегического планирования, а также порядка их закрепления, перед региональным законодателем поставлена задача их реализации. В рамках настоящего исследования предлагается на примере субъектов Российской Федерации, вхо-

дящих в состав Сибирского федерального округа, выявить особенности, основные проблемы и тенденции правового регулирования общественных отношений, возникающих в сфере стратегического планирования в субъектах Российской Федерации.

Наиболее распространенной моделью правового регулирования вопросов стратегического планирования в субъектах Российской Федерации является принятие специального комплексного закона по указанным вопросам и специальных актов высшего исполнительного органа субъекта Российской Федерации на основе и в развитие такого закона. Указанная модель реализована в восьми из десяти субъектов, входящих в состав Сибирского федерального округа. В Новосибирской и Омской областях региональный законодатель ограничился лишь принятием актов высшего исполнительного органа, которые направлены на регулирование отдельных вопросов в сфере стратегического планирования [10; 11; 13]. Ввиду ограниченности объема настоящего исследования, возможным является провести лишь общий анализ актов законодательного уровня, направленным на регулирование процессов стратегического планирования в регионах. За исключением Закона Иркутской области «Об отдельных вопросах осуществления стратегического планирования в Иркутской области» [12] (далее – Закон Иркутской области) все, из подвергшихся исследованию законов получили название «О стратегическом планировании», что предполагает комплексное регулирование полномочий, закрепленных ст. 5 Федерального Закона № 172-ФЗ. Между тем, как показал анализ, не всегда указанные полномочия в региональных законах получают должное содержательное наполнение, а произведенное регулирование является достаточным.

Примером самого лаконичного закрепления вопросов стратегического планирования является Закон Республики Алтай [6]. Указанный Закон состоит всего из шести статей и в большей степени посвящен закреплению предоставленных Федеральным Законом № 172-ФЗ полномочий за конкретными органами государственной власти Республики Алтай. В нем очень поверхностно обозначены вопросы обеспечения согласованности и сбалансированности документов стратегического планирования в Республике Алтай (ч. 1 ст. 4), а процедуры по мониторингу и контролю реализации документов стратегического планирования, утвержденных (одобренных) органами государственной власти Республики Алтай, носят отсылочное регулирование (ст. 5).

Наиболее содержательное регулирование вопросов стратегического планирования осуществлено в законах Республики Тыва [7], Томской области [9] и Красноярского края [5]. В законах указанных субъектов Российской Федерации не только подробно обозначены полномочия каждого из участников стратегического планирования, даны определения, с учетом регионального уровня адаптированы положения федерального законодательства, определяющие систему и содержание документов стратегического планирования, но и содержательно раскрыты процедуры реализации (мониторинга реализации) данных документов (ст. 14 Закона Красноярского края, ст. 16 Закона Томской области, ст. 18 Закона Республики Тыва), более детально урегулирована процедура обще-

ственного обсуждения документов стратегического планирования (ст. 15 Закона Республики Тыва, ст. 5 Закона Красноярского края).

Следует также отметить, что федеральный законодатель, закрепляя в ст. 5 и 6 Федерального закона № 172-ФЗ полномочия в сфере стратегического планирования органов государственной власти субъектов и органов местного самоуправления соответственно, указывает только на необходимость согласованности долгосрочных целей и задач муниципального управления и социально-экономического развития муниципальных образований с приоритетами и целями социально-экономического развития Российской Федерации и субъектов Российской Федерации (п. 1 ст. 6). Вместе с тем механизма такого согласования федеральным законодательством не установлено. В связи с чем представляется необходимым закрепление указанного вопроса на уровне регионов. При этом согласно позиции Министерства экономического развития общие положения о порядке обеспечения согласованности долгосрочных целей и задач социально-экономического развития муниципальных образований с приоритетами и целями социально-экономического развития субъектов Российской Федерации должны быть закреплены именно в законе субъекта Российской Федерации [15, абз. 15 п. 4]. В настоящее время в пределах территории Сибирского федерального округа такого рода положения нашли свое отражение только в законах Алтайского и Красноярского края. При этом механизмы согласования, закрепленные в законах указанных субъектов Российской Федерации принципиально разные. Так, если Законом Алтайского края предусмотрен согласительный порядок взаимодействия между Правительством и органами местного самоуправления муниципальных образований Алтайского края в сфере стратегического (ст. 18), то согласно п. 1 ст. 16 Закона Красноярского края документы стратегического планирования муниципальных районов и городских округов края разрабатываются с учетом документов стратегического планирования края. Также ст. 16 Закона Красноярского края предусмотрено, что в целях обеспечения принципа единства и целостности системы стратегического планирования Правительство края разрабатывает для органов местного самоуправления рекомендации по разработке стратегий социально-экономического развития муниципальных районов и городских округов и планов мероприятий по реализации стратегий социально-экономического развития муниципальных районов и городских округов. Также предусматривается необходимость представления органами местного самоуправления проектов стратегий социально-экономического развития муниципальных районов и городских округов в Правительство края.

Таким образом, на сегодняшний день существует многообразие форм правового регулирования вопросов стратегического планирования на субфедеральном уровне. Вместе с тем, следует признать особую значимость надлежащего регулирования обозначенной сферы, поскольку с системой стратегического планирования, в первую очередь, увязывается бюджетный процесс. Поэтому полагаем необходимым более четко и императивно прописывать полномочия органов государственной власти и органов местного самоуправления в Федеральном законе № 172-ФЗ. Создание сбалансированной системы стратегического планирования, органично сочетающей полномочия органов публичной вла-

сти всех уровней является серьезной задачей, без решения которой невозможно эффективное социально-экономическое развитие России.

Список использованной литературы

1. Государственно-правовые основы ускоренного развития Дальнего Востока России : монография / Л.В. Андриченко, М.М. Баранчикова, К.М. Беликова и др. ; отв. ред. Ю.А. Тихомиров. – Москва : ИЗиСП, 2018. – 301 с.
2. Конституция Королевства Испании : принята 27.12.1978 г. // URL: legalns.com (дата обращения: 01.03.2021).
3. Конституция Турецкой Республики : принята 07.11.1982 г. // URL: legalns.com (дата обращения: 01.03.2021).
4. О государственном прогнозировании и программах социально-экономического развития Российской Федерации : Федер. закон от 20.07.1995 г. № 115-ФЗ (в ред. от 09.07.1999 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1995. – № 30. – Ст. 2871.
5. О стратегическом планировании в Красноярском крае : Закон Краснояр. края от 24.12.2015 г. № 9-4112 (в ред. от 18.11.2018 г.) // СПС «Консультант Плюс».
6. О стратегическом планировании в Республике Алтай : Закон Респ. Алтай от 22.05.2015 г. // СПС «Консультант Плюс».
7. О стратегическом планировании в Республике Тыва : Закон Респ. Тыва от 11.04.2016 г. № 160-ЗРТ (в ред. от 30.12.2016 г.) // СПС «Консультант Плюс».
8. О стратегическом планировании в Российской Федерации : Федер. закон от 28.06.2014 г. № 172-ФЗ (в ред. от 03.07.2016 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2014. – № 26. – Ч. 1. – Ст. 3378.
9. О стратегическом планировании в Томской области : Закон Том. обл. от 12.03.2015 г. № 24-ОЗ (в ред. от 01.01.2020 г.) // СПС «Консультант Плюс».
10. Об обеспечении регистрации документов стратегического планирования и мониторинга их реализации : Постановление Правительства Новосиб. обл. от 16.04.2019 г. № 155-п (в ред. от 16.06.2020 г.) // СПС «Консультант Плюс».
11. Об общественном обсуждении проектов документов стратегического планирования Омской области : Постановление Правительства Ом. обл. от 20.04.2016 г. № 100-п // СПС «Консультант Плюс».
12. Об отдельных вопросах осуществления стратегического планирования в Иркутской области : Закон Иркут. обл. от 05.12.2014 г. № 145-ОЗ (в ред. от 13.11.2018 г.) // СПС «Консультант Плюс».
13. Об отдельных вопросах стратегического планирования в Омской области : Постановление Правительства Ом. обл. от 23.12.2015 г. № 368-п (в ред. от 16.12.2020 г.) // СПС «Консультант Плюс».
14. Омелехина Н.В. Обеспечение финансовой устойчивости государства: региональный аспект проблемы (прикладное исследование) // Финансовое право. – 2016. – № 12. – С. 15–18.

15. Ответы на вопросы по реализации Федерального закона от 28.06.2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» : информ. Мин. экон. развития Рос. Федерации) // СПС «Консультант Плюс».

Информация об авторах

Пятковская Юлия Валерьевна – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры предпринимательского и финансового права Байкальского государственного университета, Иркутск, Россия, e-mail: julart@yandex.ru.

Иванова Елена Леонидовна – кандидат юридических наук, начальник отдела конституционного права Иркутского института законодательства и правовой информации им. М.М. Сперанского, Иркутск, Россия, e-mail: lenai@list.ru.

Authors

Yuliya V. Pyatkovskaya – Doctor of law, associate Professor, professor of the Department of Business and Financial Law of Baikal State University, Irkutsk, Russia, e-mail: julart@yandex.ru.

Elena L. Ivanova – Candidate of Law, Head of Constitutional Law Department of M.M. Speransky Irkutsk Institute of Legislation and Legal Information, Irkutsk, Russia, e-mail: lenai@list.ru.

КОВИДНАЯ ДИФФУЗИЯ ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Проводится анализ изменений в избирательном законодательстве РФ, обусловленных проведением выборов в условиях пандемии коронавируса. Автор приходит к выводу о поспешности и конъюнктурности принятия ряда избирательных новелл.

Ключевые слова: трехдневный режим голосования, голосование вне помещений избирательных участков, «день тишины», административный ресурс.

S.I. Shishkin

COVID DIFFUSION OF SELECTIVE LEGISLATION

The analysis of changes in the electoral legislation of the Russian Federation caused by the conduct of elections in the context of the coronavirus pandemic is carried out. The author comes to the conclusion that the adoption of a number of electoral novels is hasty and opportunistic.

Keywords: three-day voting regime, voting outside polling stations, «day of silence», administrative resource.

Избирательная кампания, состоявшаяся 13 сентября 2020 г., станет важной вехой на путях развития современного российского избирательного законодательства. Это первая кампания после плебисцита по одобрению поправок к Конституции РФ, испытавшая на себе «потенциал влияния» новой конституционной модели. Сам плебисцит, как форма одобрения воли законодателя, также сыграл важную роль в поиске оптимальных путей взаимодействия государства и общества. Поскольку, вслед за принятием конституционных новелл Государственной Думой РФ и одобрением их Советом Федерации, плебисцит принял на себя нагрузку основного звена легитимации всего объема конституционных изменений, при этом резко отличаясь по категоричности волеизъявления от референдума. Конституционный суд РФ одобрил предложенный порядок вступления поправок в силу и, таким образом, придал новую силу плебисциту как форме прямой демократии.

Сразу после завершения кампании по поправкам к Конституции РФ Центральная избирательная комиссия реализовала внутренний потенциал плебисцита в «усовершенствовании» практики функционирования избирательной системы. В частности, однодневный режим голосования был заменен на трехдневный. При этом никого не смутил тот факт, что кампании по выборам губернаторов в 18 субъектах Российской Федерации уже стартовали, как и многочисленные муниципальные выборы. Про известное правило, что правила игры в ходе игры не меняются, сформулированное в 90-е гг. Конституционным судом РФ, напрочь забыли. А между тем, трехдневный режим голосования в значительной степени

меняет весь избирательный расклад, влияет на стратегию и тактику всей избирательной кампании. Он касается вопросов финансирования кампании, организации работы штабов наблюдателей, подсчета голосов, проведения агитации и т.д. На мой взгляд, форсирование внедрения этого режима в российскую избирательную практику носило поспешный, конъюнктурный характер.

Апелляционная коллегия Верховного суда РФ оставила в силе решение нижестоящей инстанции и не стала рассматривать иск политической партии «Яблоко», оспаривающей постановление ЦИК о трехдневном досрочном голосовании. Верховный суд не захотел дать правовую оценку постановлению ЦИК, нарушающему сразу три права истцов: право избирать и быть избранными на основе всеобщего равного и прямого избирательного права при тайном голосовании; право в наблюдении за проведением выборов, право участвовать в предвыборной агитации на равных условиях, закрепленных в федеральном законе «Об основных гарантиях избирательных прав...». ЦИК фактически присвоила функции законодателя, ввела новые правовые конструкции – досрочное голосование в помещении, досрочное голосование на дому, – и, таким образом, превысила свои полномочия. Статьи 65 и 66 Закона между тем требуют определить порядок проведения досрочного голосования, в том числе вне помещений избирательных участков. Участковые комиссии получили широкие возможности по своему усмотрению толковать многочисленные вопросы досрочного голосования, а это произвол.

Обычно агитационная стадия в избирательной кампании заканчивалась в 18 часов пятницы перед днем тишины. Теперь нет четких ориентиров. Трехдневный режим девальвировал устоявшиеся правила. Можно заметить, что дню тишины не находится места в финале. Традиционная пауза неуместна в субботу, так как голосование уже началось в пятницу, и смысловая нагрузка тишины утонет в какофонии звуков с избирательных участков. Этот поток сигналов невозможно остановить. Призыв коммунистов идти на голосование только в воскресенье понятен, таким способом авторы призыва хотят свести к минимуму возможности искажения воли избирателя за счет воздействия на нее со стороны третьих лиц. Но есть еще один момент. Они (коммунисты) открывают неожиданную тему для осмысления – о роли каждого из трех дней голосования в условиях 5- и 6-дневной рабочей недели.

Почему всегда выборы в СССР и посткоммунистической России проводились в воскресенье, в выходной день? Потому что, по модели, законодатель защищал волю избирателей от разных примесей, особенно от производственных. Он как бы выводит голосующего от административного давления со стороны его непосредственного начальника, от паралича мозга страхом быть наказанным заслушания его приказа. Потом к этой матрице был добавлен и субботний день тишины.

Сегодня «все смешалось в доме Облонских». Пятница – обычный рабочий день. Слесарю Иванову захотелось пойти проголосовать на своем избирательном участке. Вопрос: должен ли начальник цеха Петров отпустить в рабочее время Иванова справиться его политическую нужду? Или слесарь может сделать это до и после рабочего дня? А хуже того, как должна вести себя бригада

ремонтников Сидорова, когда директор завода Семенов предложит им в обеденный перерыв проехать на заводском автобусе на избирательный участок? Вопросы детские и ответы на них очевидны, по модели. Я уж не говорю про такое страшное слово, как сейф-пакеты.

Меняются избирательные технологии в ковидное время. Может, это пошло от банков и коллекторских агентств. Скажем, если вы по состоянию здоровья, в силу возраста не способны прийти на избирательный участок, то обращаетесь с заявлением, чтобы проголосовать на дому. Инициатива по закону всегда за избирателем. А если вам на телефон раздается звонок и голос настоятельно предлагает вам услугу голосования на дому? То это грубейшее нарушение вашего права проголосовать на избирательном участке. Никто не может навязывать вам место голосования. Никто.

Летняя (ковидная) избирательная кампания показала, что ситуация пандемии коронавируса играет на руку кандидатам власти на выборах: управляемые избиратели (бюджетники) напуганы и послушны, лояльные избиратели (пенсионеры) хватаются за любую стабильность, протестные (средний класс и возраст) оглушены, растеряны и демотивированы. Все участники выборов находятся в условиях комплексного технологического давления с помощью административного ресурса.

Информация об авторе

Шишкин Сергей Иванович – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного права и теории права Юридического института Иркутского государственного университета, Иркутск, Россия, e-mail: director@law.isu.ru.

Author

Sergey I. Shishkin – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Constitutional Law and Legal Theory of Law Institute of Irkutsk State University, Irkutsk, Russia, e-mail: director@law.isu.ru.

О СПОСОБАХ ВЫЯВЛЕНИЯ И УСТРАНЕНИЯ СУДАМИ ДЕФЕКТОВ НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ

Анализируются закрепленные в российском законодательстве правовые возможности преодоления дефектов нормативных актов, которые могут быть реализованы в рамках деятельности органов судебной власти Российской Федерации. Проведенное исследование показало, что предусмотренные в законодательстве способы осуществления судебной деятельности не имеют своей непосредственной целью выявление дефектов подлежащих применению нормативных правовых актов, а также их устранение с помощью различных способов толкования. Такая ситуация не в последнюю очередь связана с советскими правовыми традициями, частью которых является неограниченная свобода законодателя. Несмотря на принципиальные социально-экономические и политические изменения в нашей стране, расширение контрольных функций органов судебной власти, указанные традиции продолжают существовать и поддерживаться.

Ключевые слова: судебная власть, судебное толкование, судебный нормоконтроль, конституционный контроль.

E.I. Devitskii

IDENTIFICATION AND ELIMINATION BY COURTS OF DEFECTS OF LEGISLATION

The article analyzes the legal possibilities of overcoming the defects of legislation as a result of the activities of the judicial authorities of the Russian Federation. It is established that the forms of administration of justice provided for in the legislation do not have the direct purpose of identifying defects in the normative legal acts to be applied, as well as their elimination through various methods of interpretation. Not least of all, this is due to the Soviet legal traditions, part of which is the unlimited freedom of the legislator. Despite the fundamental socio-economic and political changes in our country, the expansion of the control functions of the judiciary, such traditions continue to exist.

Keywords: judicial power, judicial interpretation, judicial norm control, constitutional control.

Обязательным признаком современных демократических государств является установленная основным законом система разделения государственной власти на законодательную, исполнительную и судебную. Как показывает история, реальная независимость и самостоятельность государственных органов, функционирующих в рамках определенной ветви власти, несмотря на многочисленные конфликты между ними, все же позволяет эффективно решать

большинство задач, стоящих перед государством, в том числе по обеспечению прав и интересов как отдельных граждан, так и общества в целом.

Однако важным элементом системы разделения властей, обеспечивающим до определенной степени стабильность ее функционирования, является реализация судами нормоконтрольных полномочий в отношении нормативных правовых актов, принимаемых органами законодательной и исполнительной власти. По меткому замечанию Г.А. Гаджиева «критерий качества закона – это судебная практика» [1]. Действительно, неясность, неопределенность и противоречивость правовых норм порождают проблемы их применения. Если же такими нормами устанавливаются правила поведения, призванные регулировать объективно конфликтные общественные отношения, возникающие в связи с необходимостью удовлетворения жизненно важных потребностей граждан, общества и государства, то многочисленные судебные споры и проблемы правоприменения, возникающие у судов при их разрешении, неизбежны.

В эпоху постоянного увеличения общего количества нормативных правовых актов и их бесконечного изменения, значение деятельности органов судебной власти по выявлению и устранению дефектов законодательства в целях обеспечения его устойчивости, стабильности, разумности, сбалансированного отражения интересов личности, общества и государства, трудно переоценить.

Целью настоящего исследования является анализ закрепленных в российском законодательстве правовых возможностей преодоления дефектов нормативных актов, которые могут быть реализованы в рамках деятельности органов судебной власти Российской Федерации.

В соответствии со ст. 118 Конституции Российской Федерации (далее – Конституция РФ) и ст. 1 Федерального конституционного закона № 7-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» судебная власть осуществляется только судами в лице судей и привлекаемых в установленном законом порядке к осуществлению правосудия присяжных и арбитражных заседателей, посредством конституционного, гражданского, арбитражного, административного и уголовного судопроизводства [9].

Таким образом, единственной правовой формой, в рамках которой суды имеют возможность преодолевать или устранять дефекты законодательства в установленной системе сдержек и противовесов, является рассмотрение и разрешение ими конкретных конституционных, гражданских, арбитражных, административных или уголовных дел. Анализ процессуального законодательства позволяет сделать вывод, что подавляющее большинство правовых конфликтов подлежит рассмотрению и разрешению в судах общей юрисдикции. По сравнению с потенциально широким охватом гражданских, уголовных и административных дел, компетенция арбитражных судов в основном связана с рассмотрением споров или неопределенных правовых ситуаций, возникающих при осуществлении предпринимательской или иной экономической деятельности, а также в связи с реализацией различными государственными органами контрольных функций в отношении субъектов такой деятельности.

Как представляется, при осуществлении правосудия по отнесенным к компетенции судов общей юрисдикции и арбитражных судов делам, преодолению

ние или устранение дефектов законодательства, возможно с помощью двух способов. Во-первых, в рамках судебного толкования (интерпретационной деятельности), результаты которого отражаются в мотивировочной части судебного акта. Во-вторых, в результате рассмотрения заявлений об оспаривании различных нормативных правовых актов.

При рассмотрении и разрешении от имени государства различных дел суды обеспечивают принудительную реализацию норм материального права, содержащихся в различных нормативных правовых актах. Одним из базовых требований ко всем актам судов общей юрисдикции и арбитражных судов является их законность. Поэтому разрешая конкретное дело, судья обязан соотнести установленные им в результате доказательственной деятельности конкретные обстоятельства реальной действительности с их описаниями, содержащимися в гипотезах и диспозициях правовых норм. Таким образом, суды попросту обречены на преодоление различных недостатков правовых норм путем их толкования. Объективная сложность и многоаспектность этого процесса лежит в основе многочисленных научных исследований и дискуссий.

Требование определенности содержания правовых норм было сформулировано Конституционным судом Российской Федерации еще в 1995 г. [10] в качестве конституционного требования к качеству закона и получило довольно подробное научно теоретическое обоснование. Между тем, в литературе существует мнение, согласно которому неопределенность является неотъемлемым свойством права в целом и правовой нормы в частности [8, с. 377–378]. Действительно, помимо откровенных юридико-технических ошибок законодателя существуют и объективные причины, обуславливающие значительную сложность или даже невозможность конкретизации правовых предписаний. Так, если общественные отношения характеризуются нестабильностью, то применение абстрактной методологии изложения нормативно-правовых актов является вполне естественным. При этом нормы, изложенные абстрактным способом, более аморфны и, соответственно, более адаптивны [2, с. 21]. Значение судебной интерпретации подобных норм трудно переоценить.

Обеспечивая единство судебной практики, постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации (далее – ВС РФ), содержат наиболее общие результаты судебного толкования применительно к различным категориям гражданских, уголовных, административных и арбитражных дел, устраняя правовую неопределенность путем конкретизации правовых норм, восполнения пробелов и разрешения законодательных противоречий. Как разъяснил Конституционный Суд Российской Федерации (далее – КС РФ) в одном из своих постановлений, не утративших своей актуальности и после исключения из Конституции РФ ст. 127, и объединения высших судов, право Высшего Арбитражного Суда РФ давать разъяснения по вопросам судебной практики направлено на поддержание единообразия в толковании и применении норм права арбитражными судами и является одним из элементов конституционного механизма охраны единства и непротиворечивости российской правовой системы. Осуществление этого правомочия объективно не может не основываться на вырабатываемых им правовых позициях, содержащих толкование разъясняемых по-

ложений законодательства. Отрицание права давать на основе обобщения судебной практики абстрактное толкование применяемых арбитражными судами норм права и формировать соответствующие правовые позиции, означало бы умаление его конституционных функций и предназначения как высшего суда в системе арбитражных судов [11].

Однако в последнее десятилетие дефекты законодательства приобретают все более общий, системный характер. Значительная часть современных законов не имеет самостоятельного предмета и лишь вносит изменения и дополнения в ранее принятые законы, а потому не всегда согласуется с существующей концепцией закона. Законодательство страдает неопределенностью правовых предписаний в виде неоднозначности, «размытости» формулировок, отсутствия единообразия в употреблении юридических терминов в системе законодательства, отсутствием механизма реализации закрепленных норм [6, с. 42]. Возможности традиционного судебного толкования по преодолению подобных дефектов весьма ограничены. Их эффективное устранение возможно прежде всего путем внесения изменений в действующие нормативные акты, но чаще всего подготовкой новых актов или глубокой переработкой действующих и принятием их в новой редакции. Изучая и обобщая судебную практику по различным категориям дел, суды, безусловно, располагают информацией не только о юрико-технических дефектах отдельных норм, содержащихся в статьях различных нормативных актов, но и о существенных недостатках этих актов в целом. Однако подобные дефекты выявляются судами не целенаправленно: основной их задачей было и остается рассмотрение и разрешение дел на основе норм, подлежащих применению в конкретном деле. Кроме того, Конституция РФ наделяет высшие суды правом законодательной инициативы только по вопросам их ведения (ч. 1 ст. 104), а значит нормотворческая компетенция ВС РФ ограничена сферой прежде всего процессуального законодательства.

Вторым возможным способом устранения судами общей юрисдикции и арбитражными судами дефектов законодательства является осуществление уже упоминавшейся функции нормоконтроля в рамках действующей системы сдержек и противовесов, закрепленной в Конституции РФ.

В соответствии со ст. 17 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации (далее – КАС РФ), суды общей юрисдикции рассматривают и разрешают административные дела о защите нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов граждан и организаций, связанные с осуществлением судебного контроля за законностью и обоснованностью реализации государственных или иных публичных полномочий [12]. В ст. 20 и 21 КАС РФ определено, что судами субъектов Российской Федерации, ВС РФ рассматриваются административные дела об оспаривании нормативных правовых актов, актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами, соответственно представительных органов муниципальных образований, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, Президента, Правительства Российской Федерации, федеральных органов исполнительной власти, иных органов. Арбитражный процессуальный

кодекс Российской Федерации наделяет аналогичной компетенцией только Суд по интеллектуальным правам (п. 1.1 и 1.2 ст. 29) [13].

Несомненным достоинством этой процедуры является возможность суда проверить не только отдельные нормы оспариваемого нормативного акта, но и акт целиком. Между тем, анализ норм КАС РФ, регламентирующих порядок рассмотрения судами административных исковых заявлений об оспаривании нормативных правовых актов, позволяет прийти к выводу об ограниченности правовых возможностей судов по выявлению дефектов законодательства и их устранению.

Прежде всего, это связано с установлением исчерпывающего перечня лиц, которые вправе обратиться в суд с подобным заявлением. Согласно ст. 208 КАС РФ таким правом, помимо традиционного перечня государственных, муниципальных органов и должностных лиц, наделены лица, в отношении которых применен акт, а также лица, которые являются субъектами отношений, регулируемых оспариваемым актом. Общественные объединения вправе оспаривать нормативные акты только в связи с защитой прав и интересов своих членов и только в случаях, предусмотренных федеральным законом. Кроме того, основным условием обращения в суд обозначенных субъектов является установленная ст. 209 КАС РФ обязанность обосновать, какие права, свободы и законные интересы нарушены, или существование реальной угрозы их нарушения. Указанные обстоятельства истцы обязаны доказать. В административном исковом заявлении также необходимо указать наименование и отдельные положения нормативного правового акта, который имеет большую юридическую силу и на соответствие которому надлежит проверить оспариваемый нормативный правовой акт полностью или в части. Однако суд не связан основаниями и доводами заявления и в любом случае обязан проверить наличие компетенции у соответствующего органа или лица на принятие акта, соблюдение установленных требований к процедуре его принятия, форме и виду, а также к порядку вступления оспариваемого нормативного правового акта в силу. К тому же суд, не ограничиваясь указаниями истца, обязан проверить соответствие оспариваемого акта или его части нормативным правовым актам, имеющим большую юридическую силу (ч. 7 и 8 ст. 213 КАС РФ).

По результатам рассмотрения административного дела суд согласно ст. 215 КАС РФ может признать оспариваемый нормативный правовой акт полностью или в части не действующим со дня его принятия или с иной определенной им даты. Основанием для такого решения является установление несоответствия такого акта нормативному правовому акту, имеющему большую юридическую силу.

Таким образом, даже если суд обнаружит, к примеру, явное несоблюдение баланса публичных и частных интересов либо невозможность с помощью оспариваемого нормативного правового акта реализовать цели, для которых он принят, но при этом не установит его формального несоответствия актам, имеющим большую юридическую силу, то, несмотря на закрепленный в ст. 9 КАС РФ принцип справедливости при рассмотрении и разрешении административных дел, он не вправе прекратить действие оспоренного нормативного правового акта.

Подобная ситуация вполне объяснима, поскольку описываемая судебная процедура изначально предназначена прежде всего для обеспечения единства правового пространства на всей территории Российской Федерации и верховенства федерального законодательства, а не его качества, а также для обеспечения реализации конституционного принципа разделения властей. По этой же причине, законы Российской Федерации, федеральные законы, федеральные конституционные законы не могут быть проверены даже ВС РФ. Остается непонятным исключение из его компетенции полномочий по проверке законности актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами, принимаемых Президентом и Правительством Российской Федерации. Видимо предполагается, что таких актов не существует.

В любом случае в рамках рассматриваемого способа устранения судами общей юрисдикции и арбитражными судами дефектов законодательства, результаты деятельности федерального законодателя не подлежат нормоконтролю со стороны указанных судов, а значит и здесь возможности судов существенно ограничены. Однако, как показывает практика, количество всевозможных недостатков именно федеральных законов год от года только увеличивается.

Единственным судебным органом, обладающим полномочиями, направленными в том числе, на устранение дефектов федерального законодательства, является КС РФ, который в соответствии с ч. 1 ст. 125 Конституции РФ осуществляет судебную власть посредством конституционного судопроизводства в целях защиты основ конституционного строя, основных прав и свобод человека и гражданина, обеспечения верховенства и прямого действия Конституции РФ на всей территории страны. По результатам рассмотрения дела в соответствии со ст. 80 Закона о Конституционном Суде в случае, если решением КС РФ закон признан не соответствующим Конституции РФ полностью или частично либо в данном судом истолковании закона вытекает необходимость устранения пробела или противоречий в правовом регулировании, то Правительство РФ обязано принять меры для разработки проекта закона, которым устраняются выявленные нарушения и внести его на рассмотрение Государственной Думы.

Анализ Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» [14] (далее – Закон о Конституционном Суде) позволяет выделить также два способа конституционного нормоконтроля, не равнозначных по своим возможностям в части преодоления или устранения дефектов прежде всего федерального законодательства.

В соответствии с ч. 2 ст. 125 Конституции РФ КС РФ разрешает дела о соответствии основному закону нормативных правовых актов Российской Федерации, уставов субъектов Российской Федерации, и законов субъектов, принятых по вопросам совместного ведения. Принятие поправок к Конституции РФ, повлекло внесение ряда изменений и в Закон о Конституционном Суде [15], в том числе в части возможности проверки на соответствие Конституции РФ проектов федеральных конституционных и федеральных законов (новая гл. XVII).

Однако рассмотрение судом указанных дел возможно только при наличии предусмотренных в ст. 36 Закона о Конституционном Суде поводов и оснований. Поводом к рассмотрению в данном случае является обращение в форме

запроса, правом на подачу которого обладают государственные органы, прямо предусмотренные в Конституции РФ и ст. 84 Закона о Конституционном Суде. Здесь необходимо отметить, что в последнее десятилетие проекты федеральных законов вносятся на рассмотрение Государственной Думы во многих случаях Президентом и Правительством Российской Федерации. Законопроекты, внесенные депутатами или сенаторами, будучи одобренными Государственной Думой в первом чтении, нередко подвергаются серьезной доработке с помощью поправок, предложенных опять же Администрацией Президента РФ или Правительством РФ. Таким образом, вступление федерального закона в силу в большинстве случаев означает, в том числе, что по всем вопросам его принятия позиции законодательной и исполнительной власти, а также Президента РФ согласованы. По этой причине проверка конституционности федеральных законов по инициативе обозначенных государственных органов явление довольно редкое. В случае же возникновения такой необходимости, соответствующий запрос направляется в КС РФ от имени органа законодательной или исполнительной власти какого-либо субъекта Российской Федерации. В целом практика КС РФ показывает, что государственные органы, в том числе и ВС РФ, с осторожностью пользуются своими полномочиями на обращение с запросом.

Однако для возбуждения такого дела в КС РФ необходимо и наличие основания для проверки. В ст. 36 Закона о Конституционном Суде в качестве такого основания обозначена обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствует ли Конституции РФ закон (проект закона), иной нормативный акт. При этом согласно ст. 85 Закона запрос допустим, если заявитель считает оспариваемый акт не подлежащим действию из-за его неконституционности. В самом же обращении должна быть изложена позиция заявителя по поставленному им вопросу и ее правовое обоснование со ссылкой на соответствующие нормы Конституции РФ (ст. 37).

Закон о Конституционном Суде по аналогии с КАС РФ также устанавливает пределы проверки оспариваемого нормативного акта, но исключительно на предмет соответствия Конституции РФ.

Наибольшим потенциалом по выявлению и устранению дефектов, прежде всего федеральных законов, обладает, конечно же, проверка соответствия содержания норм закона положениям Конституции РФ. В силу особого характера норм основного закона нашей страны, проверка на соответствие ему всех остальных правовых норм предполагает оценку многих их качественных характеристик. При этом, если для судов общей юрисдикции установление соответствия оспариваемого акта сформулированному в конституционно-правовой доктрине и отраженному в целом ряде позиций Конституционного Суда принципу правовой определенности важно прежде всего в рамках обеспечения иерархии норм, то выявление дефектов закона, связанных с несоблюдением данного принципа, самим КС РФ может служить основанием для признания закона недействующим полностью или в части. Как отмечает Н.С. Бондарь, КС РФ, «по своему предназначению в государственно-правовой системе призван обеспечивать (контролировать) конституционно обусловленный уровень определенности за-

конодательства, а также – в меру своих полномочий – ликвидировать издержки законотворческого процесса и законодательного регулирования» [4].

Представляется, что существенным процессуальным ограничением возможностей конституционного нормоконтроля являются требования ст. 74 Закона о Конституционном Суде, согласно которой КС РФ принимает постановления и дает заключения только по предмету, указанному в обращении, и лишь в отношении той части акта, конституционность которого подвергается сомнению в обращении. Таким образом, применительно к рассматриваемому способу нормоконтроля, пределы проверки определяются заявителем, а КС РФ, несмотря на свою не связанность основаниями и доводами, изложенными в обращении, выйти за эти пределы не вправе. Поэтому даже если вышеуказанные государственные органы и обращаются в КС РФ, то предмет их обращения предельно конкретен и, как правило, учитывает ранее обозначенные позиции суда.

Вторым и наиболее востребованным в настоящее время способом конституционного нормоконтроля является рассмотрение дел о конституционности нормативных правовых актов по жалобам на нарушение конституционных прав и свобод. Количество таких обращений постоянно растет, что не в последнюю очередь зависит от качества федерального законодательства. На наш взгляд, в связи с последними изменениями, внесенными вышеуказанным Федеральным конституционным законом главная особенность данной судебной процедуры заключается в том, что КС РФ фактически выполняет функцию высшего судебного органа страны по отношению к судам общей юрисдикции и арбитражным судам. Основной целью обращения в суд для заявителей является естественно не обнаружение и устранение дефектов федеральных законов, а последующий пересмотр судебных актов, принятых по делам с их участием.

Положительным моментом изменений является существенное расширение круга лиц, обладающих правом на обращение в суд. Так, в соответствии с новой редакцией ст. 96, таким правом, помимо граждан, обладают юридические лица и муниципальные образования в лице органов местного самоуправления. В интересах граждан и юридических лиц в суд могут обращаться Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации, его коллеги в субъектах Российской Федерации, другие уполномоченные по правам в отдельных сферах или отдельных категорий лиц, а также в соответствии с федеральным законом общероссийские организации.

Вместе с тем, федеральный законодатель существенно ужесточил требования к условиям обращения в суд. Так Г.А. Гаджиев в качестве одного из слабых мест концепции конституционного судопроизводства обозначил возможность действия и применения неконституционного закона в течение определенного периода после его принятия, пока не состоится соответствующее решение КС РФ. При этом, по мнению автора, чтобы сократить этот срок и тем самым уменьшить срок действия неконституционной нормы, в ст. 125 Конституции РФ предусмотрительно установлено, что КС РФ проверяет конституционность закона, примененного или еще только подлежащего применению в конкретном деле [1]. Однако новая редакция данной статьи исключает эту предусмотрительность. Сформулированный на ее основе п. 3 ст. 97 Закона о Конституцион-

ном Суде в качестве условия обращения в суд предусматривает исчерпание всех других внутригосударственных средств судебной защиты прав заявителя или лица, в интересах которого подана жалоба в КС РФ, при разрешении конкретного дела. Таким образом, чтобы федеральный закон стал предметом рассмотрения КС РФ, необходим не только факт нарушения конкретных прав и свобод заявителя по аналогии с гражданским и арбитражным процессуальным законодательством. Нарушение должно быть предметом судебного разбирательства соответствующего суда общей юрисдикции или арбитражного суда. Заявителем также должны быть реализованы все процессуальные возможности по обжалованию решения, основанного на оспариваемых нормах, в максимально высокой для соответствующей категории дел судебной инстанции.

С одной стороны, такой подход, возможно, приведет к сокращению количества обращений в КС РФ. Однако, исходя из установленных в процессуальном законодательстве сроков рассмотрения дел в суде первой, апелляционной, кассационной и надзорной инстанции, с момента вступления в силу федерального закона и до признания его статей неконституционными, пройдет не менее полутора лет, при условии исключительной грамотности, финансовой состоятельности и расторопности заявителя. Кроме того, как неоднократно отмечал сам КС РФ, принятие им соответствующего постановления или определения является основанием пересмотра решений, принятых только в отношении заявителя. Такой подход обусловлен целями соблюдения баланса принципов правовой определенности, стабильности гражданского оборота и справедливого судебного разбирательства, несовместимого с ошибочным судебным актом [16]. В свою очередь он означает, что для всех остальных граждан и юридических лиц пересмотр и отмена решений, принятых по их делам, возможны только в случаях, когда не истекли сроки на кассационное или надзорное обжалование этих решений или имеются основания для их восстановления.

В результате федеральный законодатель, при создании различных общеобязательных правил поведения, даже при очевидности их противоречия основному закону страны, может рассчитывать как минимум на два года их действия. При этом ущерб, причиненный применением таких норм, будет возмещен государством только определенным лицам.

Представляется, что ограниченность условий обращения с жалобой определяет и пределы толкования КС РФ Конституции РФ и оспариваемого закона. Как известно, юридическая сила решений КС РФ как своеобразных источников права определяется выраженными в них правовыми позициями. При исследовании нормативно-доктринальной природы правовой позиции, Н.С. Бондарь определил ее как основополагающую или важную правовую идею, сформулированную судом по итогам рассмотрения дела, которая может быть выражена в концентрированном виде как в качестве отдельного положения, так и (чаще всего) представляющая собой сквозную идею, характеризующуюся единой предметно-целевой направленностью и едиными доктринально-конституционными началами, находящимися в логическом соподчинении с резолютивной частью итогового решения КС РФ [3, с. 82].

Однако пределы формирования позиций КС РФ установлены законодательно. В соответствии со ст. 74, 96 и 97 Закона о Конституционном Суде КС РФ по жалобам проверяет конституционность закона или отдельных его положений в той части, в какой они были применены в деле заявителя, оценивая как буквальный смысл рассматриваемого акта, так и смысл, придаваемый ему официальным и иным толкованием, в том числе в решениях по конкретному делу или сложившейся правоприменительной практикой, а также учитывая его место в системе правовых актов, и принимает постановление только по предмету, указанному в обращении [17].

Таким образом, как и суды общей юрисдикции, КС РФ при рассмотрении конкретного заявления, выявляя конституционно-правовой смысл оспариваемых норм закона, также связан фактическими обстоятельствами конкретного дела, для разрешения которого эти нормы применялись, и не вправе оценивать на предмет соответствия Конституции РФ другие взаимосвязанные нормы закона, а тем более закон в целом.

Как представляется, ограниченность процессуальных возможностей КС РФ по толкованию Конституции РФ и федерального законодательства – одна из причин довольно медленного развития конституционно-правовой доктрины в отношении принципа правовой определенности, соблюдение которого федеральным законодателем является показателем качества и эффективности его деятельности. На основе правовых позиций КС РФ, сформулированных по конкретным делам, пока еще сложно однозначно квалифицировать многие недостатки федерального законодательства как дефекты, требующие обязательного устранения. Сам КС РФ неоднократно сталкивался с необходимостью корректировки некоторых своих позиций, на что уже обращалось внимание в литературе [7]. Прецедентный характер постановлений КС РФ не позволяет в полной мере реализовать иные, помимо позитивистского, подходы к правопониманию, в результате чего даже некоторые решения КС РФ вызывают сомнения с позиции соблюдения баланса конституционных ценностей, баланса публичных и частных интересов.

Настоящее исследование демонстрирует, что предусмотренные в законодательстве способы осуществления судебной деятельности имеют своей основной целью разрешение конкретных правоприменительных ситуаций. Выявление же недостатков применяемых нормативных правовых актов, их устранение с помощью различных способов толкования, будучи важной содержательной частью работы судов, также направлены на обеспечение рассмотрения и разрешения конкретных дел. Такая ситуация не в последнюю очередь связана с советскими правовыми традициями, предполагающими стабильность законодательства, невозможность формулирования судами новых правил поведения, а также неограниченную свободу усмотрения законодателя в установлении общеобязательных правил поведения. Несмотря на принципиальные социально-экономические и политические изменения, произошедшие в нашей стране, расширение контрольных функций органов судебной власти, указанные традиции продолжают существовать и поддерживаться. Отсутствие у ВС РФ не столько нормоконтрольных полномочий в отношении федеральных законов,

сколько правовой возможности обращать внимание федерального законодателя на недостатки, выявленные в ходе осуществления правосудия, требующие, по его мнению, внесения соответствующих изменений в нормы материального права, прямое тому подтверждение.

Проведенный анализ отдельных процессуальных особенностей конституционного судопроизводства также позволяет прийти к выводу о нежелании федерального законодателя ограничивать свою свободу в реализации своих полномочий. Поэтому в сферу конституционного правосудия попадает лишь малая часть нормативных правовых актов, при выявлении дефектов которых КС РФ прекращает их действие или устраняет недостатки путем выявления конституционно правового смысла оспариваемых норм, либо указывает на необходимость их законодательного устранения. В литературе неоднократно указывалось на необходимость соблюдения КС РФ принципа самоограничения при осуществлении конституционного контроля, особенно в части взаимоотношений с законодательной властью и вторжением в сферу ее компетенции [3, с. 85]. Однако последние изменения, внесенные в Закон о Конституционном Суде, в том числе усиливающие прецедентный характер конституционного нормоконтроля, отодвигают вопрос о самоограничении на второй план. Сегодня отношения в системе разделения властей таковы, что «...парадоксальным образом орган, призванный защищать Конституцию РФ, в том числе от «продуктов» законотворческой деятельности парламента, сам оказывается совершенно беззащитен от такой «деятельности» [5].

Как представляется, ограниченные контрольные полномочия органов судебной власти в системе сдержек и противовесов гарантируют не только свободу, но и фактическую бесконтрольность федерального законодателя, что в свою очередь, приводит к оторванности многих норм Конституции РФ от федерального законодательства, призванного прежде всего обеспечивать их реализацию.

Список использованной литературы

1. Гаджиев Г.А. Принцип правовой определенности и роль судов в его обеспечении. Качество законов с российской точки зрения // Сравнительное конституционное обозрение. – 2012. – № 4. – С. 16–28.
2. Болдырев С.Н. Юридическая техника: теоретико-правовой анализ: автореф. ... дис. д-ра юрид. наук. – Краснодар, 2014. – 45 с.
3. Бондарь Н.С. Нормативно-доктринальная природа решений Конституционного Суда РФ как источников права // Журнал российского права. – 2007. – № 4. – С. 75–85.
4. Бондарь Н.С. Правовая определенность – универсальный принцип конституционного нормоконтроля (практика Конституционного Суда РФ) // Конституционное и муниципальное право. – 2011. – № 10. – С. 4–11.
5. Велиева Д.С., Пресняков М.В. Реформа Конституционного Суда РФ 2020 года: «кто будет сторожить сторожей» // Конституционное и муниципальное право. – 2021. – № 1. – С. 12–22.

6. Нарутто С.В. Определенность законодательства как гарантия прав и свобод человека и гражданина в конституционно-судебной доктрине // LEX RUSSIA. – № 10. – 2018. – С. 40–49.

7. Нарутто С.В. Роль Конституционного суда Российской Федерации в определении парадигмы современного правопонимания // Конституционное и муниципальное право. – 2016. – № 11. – С. 64–70.

8. Рахматуллина З.З. Неопределенность правовой нормы как технико-юридический прием правотворчества // Правотворчество в Российской Федерации: проблемы теории и практики : материалы науч.-практ. конф., сост. 13–16 апр. 2009 г. в Рос. акад. правосудия / отв. ред. В.М. Сырых, М.А. Занина. – Москва : Рос. акад. правосудия, 2010. – С. 375–382.

9. О судебной системе Российской Федерации : федер. конституц. закон от 31.12.1996 г. № 1-ФКЗ (ред. от 08.12.2020 г.) // СЗ РФ. – 1997. – № 1. – Ст. 1.

10. По делу о проверке конституционности частей первой и второй статьи 54 Жилищного кодекса РСФСР в связи с жалобой Л.Н. Ситаловой : постановление Конституц. Суда РФ от 25.04.1995 г. № 3-П // СПС «КонсультантПлюс».

11. По делу о проверке конституционности положений части 4 статьи 170, пункта 1 статьи 311 и части 1 статьи 312 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами закрытого акционерного общества «Производственное объединение «Берег», открытых акционерных обществ Карболит», «Завод Микропровод» и «Научно-производственное предприятие «Респиратор» : постановление Конституц. Суда РФ от 21.01.2010 г. № 1-П // СПС «КонсультантПлюс».

12. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 г. № 21-ФЗ (ред. от 08.12.2020 г.) // СЗ РФ. – 2015. – № 10. – Ст. 1391.

13. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 г. № 95-ФЗ (ред. от 08.12.2020 г.) // СЗ РФ. – 2002. – № 30. – Ст. 3012.

14. О Конституционном Суде Российской Федерации : федер. конституц. закон от 21.07.1994 г. № 1-ФКЗ (ред. от 09.11.2020 г.) // СЗ РФ. – 1994. – № 13. – Ст. 1447.

15. О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации» : федер. конституц. закон от 09.11.2020 г. № 5-ФКЗ // СЗ РФ. – 2020. – № 46. – Ст. 7196.

16. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Абидуева Александра Николаевича на нарушение его конституционных прав пунктом 3 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституц. Суда РФ от 10.10.2013 г. № 1496-О // СПС «КонсультантПлюс».

17. По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 84 Федерального закона «Об акционерных обществах» в связи с жалобой открытого акционерного общества «Приаргунское» : постановление Конституц. Суда РФ от 10.04.2003 г. № 5-П // СПС «КонсультантПлюс».

Информация об авторе

Девицкий Эдуард Иванович – кандидат юридических наук, доцент, директор Института правовых исследований Байкальского государственного университета, Иркутск, Россия, e-mail: 010206@bgu.ru.

Author

Eduard I. Devitsky – Candidate of Law, Associate Professor, Director of the Institute of Legal Studies of Baikal State University, Irkutsk, Russia, e-mail: 010206@bgu.ru.

**КОНСТИТУЦИОННЫЕ ОБЯЗАННОСТИ В СФЕРЕ
ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАК ФАКТОР,
ОБЕСПЕЧИВАЮЩИЙ РАВНОВЕСИЕ
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ И ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ**

Формирование интаэросистемы бизнес – общество – государство предполагает установление взаимных правомочий взаимодействующих субъектов. Одной из форм установления полномочий является конституционное закрепление обязанностей субъектов интаэросистемы, которые могут конкретизироваться и дополняться в развивающем конституцию законодательстве. Конституционные обязанности субъектов предпринимательской деятельности весьма разнообразны, что связано с комплексностью их правового статуса и большой вовлеченностью в общественные процессы.

Ключевые слова: предприниматель, конституция, обязанности, правомочия, равновесие.

Е.М. Yakimova

**CONSTITUTIONAL DUTIES IN THE FIELD
OF ENTREPRENEURIAL ACTIVITY AS A FACTOR ENSURING
THE EQUILIBRIUM OF THE ECONOMIC SYSTEM**

The formation of an intaerosystem business-society-state involves the establishment of mutual powers of interacting entities. One of the forms of establishing powers is the constitutional consolidation of the duties of the subjects of the intaerosystem, which can be specified and supplemented in the legislation developing the constitution. The constitutional duties of business entities are very diverse, which is associated with the complexity of their legal status and great involvement in public processes.

Keywords: entrepreneur, constitution, duties, powers, balance.

Правовое измерение общественных отношений характеризуется режимом правомерности правового регулирования и реализации конституционных правомочий различных субъектов. В правовом государстве баланс прав и обязанностей должен быть выстроен таким образом, чтобы обеспечить равновесие общественной системы. Достижение равновесного состояния предполагает приведение к общему конституционному знаменателю воздействующих на интаэросистему «бизнес – общество – государство» сходящихся сил с целью обеспечения устойчивого ее развития с использованием средств конституционного регулирования.

Предпринимательская деятельность выступает драйвером развития общества в целом и экономической системы в частности, однако данная деятель-

ность сопряжена со значительным числом разнородных процессов, столкновением различных интересов. В сфере предпринимательской деятельности задействованы несколько групп субъектов, которых условно можно разделить на самих субъектов предпринимательской деятельности (т.е. носителей «предпринимательских» прав и свобод) и субъектов, в отношении которых у предпринимателей возникают определенные обязанности (например, государство, работники, потребители товаров и услуг). Следовательно, перечень конституционных обязанностей в широком их толковании (не только как закрепленные в Конституции России, но и корреспондирующие с конституционными правами взаимодействующих с предпринимателями субъектами права) применительно к субъектам предпринимательской деятельности значителен.

Конституционными обязанностями для субъектов предпринимательской деятельности в узком смысле является обязанность платить законно установленные налоги и сборы (ст. 57 Конституции России), обязанность сохранять природу и окружающую среду, бережно относиться к природным богатствам (ст. 58 Конституции России). Данные обязанности, без сомнения, составляют основу конституционных правомочий субъектов предпринимательской деятельности, выражают приоритетные для государства и общества направления взаимодействия с иными участниками общественных отношений.

Обязанность платить налоги является видом публично-правовой обязанности. Среди всех 16 налогов и сборов, обозначенных в Налоговом кодексе РФ, субъекты предпринимательской деятельности могут быть плательщиками 13, а также налоговыми агентами для одного (налога на доходы физических лиц), поэтому положения Налогового кодекса РФ, прежде всего, адресованы именно им. Налоги и сборы являются главной составляющей бюджета любого государства, следовательно, полное освобождение от уплаты налогов субъектами предпринимательской деятельности утопично, вместе с тем, предприниматели очень чувствительны к усилению налоговой нагрузки, ее чрезмерное усиление приводит не только к снижению деловой активности, но и замедлению экономического развития, поэтому «важнейшей задачей при установлении обязанности платить налоги является обеспечение сбалансированности между противоположными интересами государства (собрать как можно больше налогов) и плательщика налогов (отдать государству по возможности меньшую часть своего имущества)» [2, с. 206], что способствует поддержанию равновесия в системе бизнес-государство-общество.

В деле поддержания баланса интересов государства и налогоплательщиков особое место занимает деятельность Конституционного Суда РФ: федеральный орган конституционного контроля получает большое число жалоб налоговой тематики и реализует свою компетенцию с учетом идеи поддержания стабильности экономической системы общества и ее правового базиса, исходя из того, что «конституционная всеобщая обязанность уплачивать законные налоги и сборы, несмотря на ее императивный характер, направлена на защиту не только публичных интересов, но и частных» [1, с. 150]. Конституционным Судом при разрешении дел анализируются положения ст. 57 Конституции в системе конституционных норм, в том числе норм-принципов.

Обязанность сохранять природу и окружающую среду, бережно относиться к природным богатствам применительно к предпринимательской деятельности является отражением концепции ответственного ведения бизнеса.

Рассматриваемая обязанность корреспондируется как с правом индивида на благоприятную среду (ст. 42 Конституции России), так и правами самой природы. Несмотря на то, что наличие у природы собственных правомочий не имеет однозначной трактовки в юридическом сообществе и не находит отражение в конституционном законодательстве, окружающая среда нуждается в охране и защите в том числе посредством установления обязанностей для природопользователей.

Для предпринимательского сообщества данная обязанность имеет несколько преломлений: соблюдение нормативов вреда, наносимого окружающей среде, основанных на наилучших действующих технологиях (гл. V Федерального закона «Об охране окружающей среды» – далее Федеральный закон), соблюдение требований в области охраны окружающей среды при осуществлении отдельных видов хозяйственной и иной деятельности (гл. VII Федерального закона); проведение экологической сертификации хозяйственной и иной деятельности (ст. 31 Федерального закона), получение, в установленных случаях, комплексного экологического разрешения (ст. 32 Федерального закона), предоставление, в установленных случаях, декларации о воздействии на окружающую среду (ст. 33 Федерального закона), проведение экологической экспертизы (ст. 33 Федерального закона), проведение экологического аудита (правовое регулирование осуществляется большим числом нормативно-правовых актов, Федеральный закон «Об охране окружающей среды» содержит лишь определение экологического аудита), внесение платы за негативное воздействие на окружающую среду (экологических платежей) (гл. IV Федерального закона). Отметим, что выплата так называемых экологических платежей, устанавливаемых в зависимости от вида, объема и интенсивности использования природных ресурсов и вредного воздействия на окружающую среду.

Дополнительные «околоконституционные» обязанности субъектов предпринимательской деятельности в широком понимании включают разнообразные проявления действий, возложенных на них в связи с наличием прав у других субъектов: прежде всего, государством, работниками, потребителями товаров и услуг, а также общим принципом законности любой деятельности. Обязанности могут носить также гражданско-правовой характер, такие обязанности возникают в отношении контрагентов, тех же работников, потребителей товаров и услуг. Перед государством, в частности, у предпринимателя возникает обязанность получить лицензию или иное разрешение, если того требует законодательство.

Значительную часть обязанностей субъекты предпринимательской деятельности несут перед своими работниками, поскольку права работников корреспондируются с правами работодателей. Так, конституционное регулирование охватывает вопросы определения компетенции Российской Федерации и ее субъектов в регулировании трудовых отношений (п. «к» ч. 1 ст. 72), гарантированности со стороны государства определенных стандартов защиты прав ра-

ботников и охраны труда (ч. 2 ст. 7, ч. 3, 4 ст. 37), установления свободы труда и, следовательно, запрета рабского и принудительного труда (ч. 1–2 ст. 37) как корреспондирующей обязанности.

Субъекты предпринимательской деятельности несут большое число обязанностей перед потребителями товаров и услуг, что объективно обусловлено охраной жизни и здоровья граждан, обеспечением права собственности. Потребитель имеет право, а, следовательно, субъект предпринимательской деятельности обязан, способствовать реализации таких прав, как: право потребителя на безопасность товара (работы, услуги) (ст. 7 Закона о защите прав потребителя – далее Закон); право потребителя на информацию об изготовителе (исполнителе, продавце) и о товаре (работе, услуге) (ст. 8 Закона); право на замену товара в случае обнаружения в нем недостатков или на отказ от сделки (ст. 18 Закона); право на замену товара надлежащего качества (ст. 25 Закона); право на компенсацию морального вреда.

Потребитель, в свою очередь, также связан требованиями к правомерному предъявлению претензий к предпринимателю с целью противодействия «потребительскому экстремизму» со стороны недобросовестного потребителя. Попытки злоупотребления правом со стороны потребителя встречаются в правоприменительной практике достаточно часто. Несоблюдение обязанностей со стороны субъектов предпринимательской деятельности, как и со стороны потребителей их услуг, стоит рассматривать как нарушение равновесия системы бизнес – общество – государство, однако правовые средства реагирования на подобного рода действия способствуют приведению указанной системы к равновесному состоянию.

Иными словами, конституционные обязанности субъектов предпринимательской деятельности связаны с реализацией фискальной цели государства, реализацией корреспондирующих прав других субъектов, что позволяет обеспечить не только собственно баланс публичных и частных интересов, но и равновесие экономической и правовой системы.

Список использованной литературы

1. Зотов С.А. Конституционная обязанность платить налоги – детерминанта правового статуса налогоплательщика // Ленинградский юридический журнал. – 2012. – № 2 (28). – С. 148–153.

2. Троицкая А. Конституционная обязанность платить налоги в решениях Конституционного Суда России / А. Троицкая // Сравнительное конституционное обозрение. – 2004. – № 4 (49). – С. 206–216.

Информация об авторе

Якимова Екатерина Михайловна – кандидат юридических наук, доцент кафедры правового обеспечения национальной безопасности Байкальского государственного университета, Иркутск, Россия, e-mail: yakimova_katerin@mail.ru.

Author

Yakimova Ekaterina Mihailovna – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Chair of Legal Support of National Security of Baikal State University, Irkutsk, Russia, e-mail: yakimova_katerin@mail.ru.

ФОНД НАЦИОНАЛЬНОГО БЛАГОСОСТОЯНИЯ КАК МЕХАНИЗМ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ФИНАНСОВОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВА

В статье рассматривается создание специального фонда в качестве механизма сглаживания последствий экономических кризисов. Обосновывается понятие и цели фонда национального благосостояния, определяется его роль в финансовой безопасности государства. Автором выявляются проблемы по теме исследования и предлагаются пути их решения.

Ключевые слова: фонд национального благосостояния, инвестиции, финансовая безопасность.

N.D. Bersenev

THE NATIONAL WELFARE FUND AS A MECHANISM FOR ENSURING THE FINANCIAL SECURITY OF THE STATE

The article discusses the creation of a special fund as a mechanism to mitigate the consequences of economic crises. The concept and goals of the national welfare fund are substantiated, and its role in the financial security of the state is determined. The author identifies the problems on the research topic and offers the ways to resolve them.

Keywords: national welfare fund, investments, financial security.

Российская Федерация является одной из наиболее богатых природными ресурсами стран мира: наша страна занимает лидирующие позиции по добыче нефти и газа (по обоим направлениям она входит в топ-3 стран мира). Располагающая обширными ресурсами Россия является крупным экспортером, и часть доходов федерального уровня от продажи газа и нефти поступает в Фонд национального благосостояния России.

В условиях рыночной экономики, характерной чертой которой можно назвать цикличность – периодически сменяющиеся друг друга спады и подъемы производства, – зачастую имеют место экономические кризисы, которые также представляют собой этап экономического цикла. В период кризисов в экономике России, экономиках других стран и во всей мировой экономике проявляются различные негативные тенденции, которые находят свое проявление в резком снижении темпов роста ВВП, падении цен на нефть, росте безработицы населения, оттоке инвестиций и т.д. Вторая половина 1999 г. была ознаменована превышением мировыми ценами на нефть отметки в 20 долл. США за баррель, что обеспечило России приток доходов в бюджет, Президент В.В. Путин выступил с предложением о создании резервного фонда, формируемого из средств, поступление которых обеспечила «благоприятная внешнеэкономическая конъюнктура» [3, с. 55].

Во многом сгладить негативные тенденции экономических кризисов позволяет грамотно выстроенная система стратегического планирования [1, с. 3–5]. Однако данные негативные явления неизбежны. Поскольку в условиях экономического кризиса нарушается экономическая стабильность всех субъектов хозяйственных отношений – от отдельных домохозяйств до государства в целом – необходимым условием поддержания стабильной обстановки в условиях рыночной экономики является создание специальных защитных механизмов. Одним из механизмов достижения макроэкономической стабильности является создание специальных фондов [7, с. 78]. Так, в 2004 г. в нашей стране был образован Стабилизационный фонд Российской Федерации. Главной функцией данного фонда являлось обеспечение гарантий по поддержанию экономической и финансовой стабильности в условиях резкого падения цен на нефть за счет достижения сбалансированности федерального бюджета [5, с. 219]. Однако с момента создания Стабфонда прошло немало времени и многое изменилось.

Поскольку одной из важнейших функций бюджета является социальное обеспечение граждан, включающее в себя выплаты пособий и пенсий, иных платежей, направляемых на социальные нужды, потребовалась трансформация Стабилизационного фонда в целях придания ему ряда дополнительных функций. В этой связи в начале 2008 г. произошло разделение Стабфонда на Резервный фонд и Фонд национального благосостояния (далее – ФНБ). Каждый из новообразованных фондов был наделен своими функциями: так, функции Резервного фонда были связаны преимущественно со снижением темпов инфляции и с покрытием расходов бюджета в условиях резкого снижения цен на нефть, в то время как функции ФНБ состояли в софинансировании пенсионных накоплений населения, а также в покрытии дефицита Пенсионного фонда России (далее – ПФР).

В 2017 г., когда в Резервном фонде были израсходованы все средства в иностранной валюте, он был объединен с ФНБ, и в настоящее время именно ФНБ является единственным суверенным фондом, который выполняет как свою прежнюю функцию по софинансированию накопительных пенсий граждан и компенсации дефицита федерального бюджета и ПФР, а также функцию Резервного фонда по обеспечению гарантий расходных обязательств государства в ситуациях, когда мировые цены на энергоресурсы опускаются ниже базовых показателей, а объем нефтегазовых поступлений в бюджет сокращается.

Суверенный статус ФНБ обеспечил ему ряд дополнительных особенностей в части использования средств бюджета, рассмотрение которых представляет определенный интерес с точки зрения поиска возможностей для повышения эффективности этого процесса [6, с. 176]. Прежде всего, необходимо отметить, что формирование ФНБ происходит в установленном Правительством РФ порядке за счет доходов от управления средствами ФНБ и дополнительных доходов, которые обеспечиваются благодаря добыче и продаже энергоресурсов. Такими дополнительными доходами являются таможенные пошлины на вывоз природного газа, сырой нефти и получаемых из нефти товаров. Кроме того, к числу дополнительных нефтегазовых доходов относится налог на добычу углеводородных полезных ископаемых [4, с. 522].

Формирование дополнительных доходов происходит благодаря продаже углеводородных энергоресурсов по цене, превышающей плановую, закрепленную в проекте федерального бюджета на предстоящий год и на плановый период. Именно разница между плановой и фактической стоимостью энергоресурсов составляет основу для пополнения ФНБ.

Что касается управления средствами ФНБ, то его осуществляет в установленном Правительством РФ порядке Минфин России. Кроме того, отдельными полномочиями по управлению средствами ФНБ наделен Центральный Банк России. Цель управления средствами ФНБ состоит в обеспечении стабильности дохода, получаемого от долгосрочного размещения этих средств. При этом в краткосрочной перспективе допускается возможность получения отрицательного финансового результата.

В рамках управления средствами ФНБ происходит приобретение за их счет иностранной валюты в евро, долларах США или в фунтах стерлингов для последующего их размещения на счетах Центробанка России. В свою очередь, Центробанк уплачивает за пользование размещенными средствами проценты, которые предусмотрены положениями договора банковского счета.

Еще одним способом управления средствами ФНБ является их размещение в рублевых активах или иностранной валюте на депозитах банков с государственным участием и национальных банков развития, таких как ПАО ВТБ или государственная корпорация «Внешэкономбанк». Кроме того, средства ФНБ могут вкладываться в ценные бумаги [4, с. 523].

Максимальные доли уставных финансовых активов в общем объеме выделяемых средств ФНБ устанавливается Правительством РФ. Утверждать нормативные доли в рамках установленных Правительством РФ для обеспечения более эффективного управления средствами ФНБ вправе и Минфин России

Правительство РФ также направляет в Федеральное Собрание ежегодный отчет, позволяющий составить представление о том, как формируются и используются дополнительные нефтегазовые доходы, а также квартальные и годовые отчеты, позволяющие оценить эффективность управления средствами ФНБ.

Нельзя не отметить и проблемные аспекты по теме исследования. Так, весной 2020 г. российская экономика столкнулась с большими трудностями, когда в условиях распространения по всему миру эпидемии коронавируса и в результате срыва сделки ОПЕК+, цены на нефть резко упали. В совокупности факторы падения цен на нефть и коронавирусной угрозы негативным образом сказались на уровне экономической активности практически во всех секторах российской экономики, что обусловило возникновение рисков недополучения налогов, в том числе и по нефтегазовым статьям бюджета [3, с. 58]. Одновременно с этим на фоне начавшегося экономического спада произошло сокращение иных, не связанных с нефтегазовой отраслью доходов в федеральный бюджет, в том числе страховых взносов во внебюджетные фонды.

В указанной ситуации потребовалось увеличение трансфертов из федерального бюджета в пользу внебюджетных фондов, в целях реализации антикризисной программы и поддержания сбалансированности пенсионной системы, что и было осуществлено за счет средств ФНБ.

В силу этих причин, в условиях продолжающегося коронавирусного кризиса и в дальнейшей перспективе для ФНБ наиболее целесообразным решением остается функционирование в качестве стабилизационного механизма, обеспечивающего сбалансированность федерального бюджета, который будет не только компенсировать выпадающие нефтегазовые доходы, но и направлять средства на реализацию антикризисных мероприятий в реальном секторе экономики. К числу таких мероприятий могут быть отнесены субсидии, направляемые на поддержку занятости населения и на финансовое оздоровление предприятий в условиях кризиса.

Кроме того, в связи с тем, что, по замечанию М.Л. Дорофеева, рецессии в мире не было с 2008 г. и вероятность ее наступления в 2021 г. довольно высока, можно предположить, что Россия рискует столкнуться со значительным снижением внешнего спроса и вероятного падения цен на энергоносители. Представляется, что в такой ситуации акцент необходимо делать на упрочении надежности и ликвидности активов, в которые инвестируются средства ФНБ, в определенном смысле жертвуя некоторым процентом рентабельности этих инвестиций. Полагаем, что в том случае, когда средства фонда будут инвестироваться в реализуемые на территории России инфраструктурные проекты, преимущество должны иметь проекты с минимальными сроками окупаемости.

Следует принимать во внимание также, что фактор нахождения вопросов, связанных с повышением эффективности контроля за реализацией инфраструктурных проектов в части эффективного использования средств, прежде всего, в политической плоскости, а не в финансовой и экономической, в связи с чем осуществление такого контроля в значительной степени связано с крайне актуальными в ней стране проблемами коррупции [2, с. 18]. Без направления усилий на решение этой актуальной для современной России проблемы путем реализации масштабных реформ в политической, судебной и законодательных системах, невозможно вести речь о достижении необходимого уровня прозрачности и экономической эффективности процесса управления средствами ФНБ.

Кроме того, для обеспечения эффективности процесса управления средствами фонда необходимым условием является изучение и усвоение успешного зарубежного опыта совершенствования рассматриваемой сферы. В частности, на основе анализа зарубежного опыта можно сформулировать ряд рекомендаций, направленных на повышение эффективности управления средствами ФНБ в целях повышения уровня национального благосостояния в нашей стране. Прежде всего, представляется необходимым рекомендовать уполномоченным на управление средствами ФНБ органам вложение средств фонда в долговые обязательства зарубежных стран, характеризующихся высоким уровнем риска, в целях диверсификации инвестиционного портфеля и повышения доходности, что в перспективе может обеспечить России привлечение новых экономических партнеров и увеличение прибыли от управления средствами ФНБ.

Кроме того, необходимым шагом представляется инвестирование средств ФНБ в инфраструктурные проекты, причем, не только с минимальными сроками окупаемости, но и с явно выраженной социальной направленностью. Инфраструктурными проектами с социальной направленностью являются, напри-

мер, строительство спортивных объектов, центров профобразования и переподготовки.

Также явно выраженную социальную направленность может иметь направление средств в качестве инвестиций в развитие региональной инфраструктуры в целях создания новых рабочих мест и производств.

Наконец, изменениям должны подвергнуться и основы функционирования самого фонда. В частности, считаем необходимым шагом нормативное закрепление статуса ФНБ как фонда инвестиционного типа, детальную регламентацию его целей и задач, а также закрепление санкций, предусмотренных для случаев неэффективного управления средствами фонда или нецелевого их использования. Большое значение будет иметь также систематизация процедур реализации проектов, предусматривающих вложение средств в развитие инфраструктуры.

Представляется, что реализация приведенных выше предложений может поспособствовать более эффективному инвестированию средств ФНБ и максимизации прибыли, получаемой от управления этими средствами, что, в конечном счете, приведет к повышению уровня национального благосостояния.

Список использованной литературы

1. Арбатская Ю.В. Правовое регулирование планирования и прогнозирования социально-экономического развития субъектов Российской Федерации / Ю.В. Арбатская, Е.Л. Иванова, А.Г. Шин. – Иркутск : Иркут. ин-т законодательства прав. информ. им. М.М. Сперанского, 2011. – 31 с.

2. Дорофеев М.Л. Особенности управления фондом национального благосостояния РФ в современных условиях / М.Л. Дорофеев // Известия высших учебных заведений. Серия: Экономика, финансы и управление производством. – 2020. – № 1 (43). – С. 12–19.

3. Кислова Е.Г. Роль фонда национального благосостояния в современной экономике России / Е.Г. Кислова // Вестник экспертного совета. – 2020. – № 2-3 (21-22). – С. 55–60.

4. Курочкина А.С., Клейстер Д.Ю. Фонд национального благосостояния РФ / А.С. Курочкина, Д.Ю. Клейстер // Научный электронный журнал Меридиан. – 2020. – № 2 (36). – С. 522–524.

5. Ламакина А.С. Анализ фонда национального благосостояния Российской Федерации / А.С. Ламакина // Молодые экономисты будущему России : сб. науч. тр. по материалам 11-й Междунар. науч.-практ. конф. студ. и молодых ученых. – 2019. – С. 219–220.

6. Леднева Л.К., Малышева Е.В., Мишин А.А. Влияние инвестиций на фонд национального благосостояния / Л.К. Леднева, Е.В. Малышева, А.А. Мишин // Экономика и сервис: от теории к практике : материалы 7-й Междунар. науч.-практ. конф. – 2019. – С. 176–180.

7. Пятковская Ю.В. Бюджетные расходы в системе государственных и муниципальных расходов: правовой аспект : монография / Ю.В. Пятковская ; под общ. ред. Е.Ю. Грачевой. – Иркутск : Изд-во БГУ, 2015. – 164 с.

Информация об авторе

Берсенёв Никита Дмитриевич – аспирант кафедры предпринимательского и финансового права Байкальского государственного университета, Иркутск, Россия, e-mail: bersenoff@bk.ru.

Author

Nikita D. Bersenev – Postgraduate student of the Department of Business and Financial Law of Baikal State University, Irkutsk, Russia, e-mail: bersenoff@bk.ru.

ОСНОВНЫЕ АСПЕКТЫ СТАТУСА КАНДИДАТОВ НА ВЫБОРНЫЕ ДОЛЖНОСТИ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Рассматриваются основные нормативные источники, образующие фундамент избирательных правоотношений. Определяются участники подобных правоотношений, делается акцент на содержании правового статуса кандидата на выборную должность в представительном органе местного самоуправления. Приводятся механизмы обеспечения правового статуса кандидата в период его выдвижения и регистрации. Определяется проблематика обеспечения правового статуса кандидата, предлагаются возможные пути ее разрешения.

Ключевые слова: выборы, кандидаты, правовой статус, выборные должности, органы местного самоуправления.

M.V. Bogachev

MAIN ASPECTS OF THE STATUS OF CANDIDATES FOR ELECTED POSITIONS OF LOCAL SELF-GOVERNMENT IN THE RUSSIAN FEDERATION

The main normative sources that form the foundation of electoral legal relations are considered. The main participants in such legal relations are determined, the emphasis is placed on the content of the legal status of a candidate for an elective position in a representative body of local self-government. The mechanisms of ensuring the legal status of a candidate during the period of nomination and registration are given. The problem of ensuring the legal status of the candidate is determined, possible ways of its solution are proposed.

Keywords: elections, candidates, legal status, elective offices, local government authorities.

Принятая в 1993 г. Конституция Российской Федерации выделила всю последовательность планомерного развития государства и общества. При этом демократия была провозглашена как один из наиболее значимых принципов построения конституционного государства.

Как известно, отечественный избирательный фундамент закладывался с ориентиром на международные стандарты. Всеобщая декларация прав человека и гражданина 1948 г. закрепила право каждого человека принимать участие в управлении своей страной непосредственно или посредством свободно избранных представителей. В 1966 г. Международный пакт о гражданских и политических правах установил, что каждый гражданин имеет право голосовать и быть избранным на подлинных периодических выборах, как обеспечение свободного волеизъявления избирателей [1, с. 46]. При этом государства-

участники уважают право своих граждан принимать участие в управлении страной непосредственно или через представителей, избираемых ими свободно в ходе честного избирательного процесса.

В Конституции РФ выборы провозглашены наивысшим выражением власти народа. При этом указанное положение обуславливает наделение выборов ролью основного способа формирования представительных органов публичной власти. Так, в нашей стране путем организованного проведения выборов формируются на федеральном уровне – Государственная Дума Федерального Собрания РФ, на региональном уровне – законодательный (представительный) орган государственной власти региона, на местном – представительный орган местного самоуправления.

На сегодняшний день в рамках обозначенных выборов можно выделить следующих основных участников:

- избиратели;
- кандидаты;
- доверенные лица кандидатов;
- избирательные объединения (политические партии);
- избирательные объединения (общественные организации и движения);
- избирательные комиссии;
- суды;
- органы публичной власти.

Вышеуказанные категории между собой объединены тем, что в отношении предусмотренных избирательных правоотношений они могут выступать в виде определенных участников, на которых может быть также полностью возложена прямая обязанность в оказании содействия в отношении осуществления избирательных прав граждан через область создания надлежащих условий в целях организации и проведения соответствующих выборов, а также, для предотвращения возникающих нарушений в системе избирательного законодательства и привлечения к ответственности виновных лиц.

Однако на сегодняшний день возникающие в Российской Федерации процессы трансформации правового пространства сопровождаются серьезным реформированием избирательного законодательства. В свою очередь, не удалось избежать возникновения проблем, к которым можно отнести нестабильность избирательного законодательства, заведомое неисполнение некоторых норм, имитацию некоторых процедур и действий, имеющих прямую и косвенную направленность в отношении основных субъектов избирательного права. При этом возникающие проблемы правового положения кандидата, как обязательного участника всего избирательного процесса, являются практически неизученными.

В отечественной правовой науке также не были проведены комплексные правовые исследования, имеющие прямое отношение к сущности правового статуса кандидата, в том числе, касательно вопросов его реального соотношения с общеправовым статусом личности, а также характеристики структуры

статуса и ее некоторых значимых элементов на примере выборов в органы местного самоуправления.

Отметим, что понятие «кандидат» имеет свои специфические черты. Кандидат – это определенное лицо, которое принимает участие в выборах в предусмотренном законом порядке. При проведении данного процесса лицо претендует на установленную должность в органе местного самоуправления. Проводя анализ мнений многих авторов на этот счет, можно отметить то, что В.В. Альхименко определял правовой статус кандидата, в том числе, выделяя общую категорию его представителей в область конкретных избирательных правоотношений. При этом правовед в равной степени отражал также предусмотренные законом права и обязанности кандидата как категории граждан, принимающих активное участие в выборах [2, с. 56]. Статус кандидата, как показывает общая практика, зачастую наделяет лицо перечнем существенных полномочий, осуществляемых как лично, так и через представителей (доверенных лиц). Полномочия осуществляются, в том числе, в рамках принятия активного участия в предвыборной кампании.

На сегодняшний день, характеризуя данный вопрос, отметим, что из положения норм ст. 24 Федерального закона от 26.11.1996 г. № 138-ФЗ «Об обеспечении конституционных прав граждан Российской Федерации избирать и быть избранными в органы местного самоуправления» следует, что все кандидаты обладают равными правами и несут равные обязанности. Кандидаты, находящиеся на государственной или муниципальной службе, а также работающие в средствах массовой информации, со дня регистрации и до дня официального опубликования общих итогов выборов в обязательном порядке временно освобождаются от исполнения служебных обязанностей. Отметим, что кандидат вправе не позднее, чем за пять рабочих дней до дня выборов снять свою кандидатуру. Информация о выбытии кандидатов в течение двух дней публикуется избирательной комиссией муниципального образования и соответствующей окружной избирательной комиссией и сообщается средствам массовой информации [3, с. 48]. В данном ключе отдельно стоит отметить статус доверенных лиц кандидатов. Доверенное лицо кандидата не может состоять ни в одной избирательной комиссии. Доверенные лица получают от соответствующей избирательной комиссии удостоверение и ведут предвыборную агитацию. Со дня регистрации кандидата до дня официального опубликования общих итогов выборов включительно, работодатель обязан предоставлять доверенным лицам по их заявлению неоплачиваемый отпуск. Кандидаты, назначившие доверенных лиц, вправе в любое время отозвать их, уведомив об этом соответствующую избирательную комиссию, которая аннулирует выданные этим доверенным лицам удостоверения.

Таким образом, отталкиваясь от общих положений и норм, согласно данному вопросу о выборах кандидатов, зачастую можно увидеть лишь то, что сами кандидаты (список кандидатов) первоначально должны быть зарегистрированы конкретной избирательной комиссией на основании общего числа собранных подписей избирателей. На практике чаще всего можно заметить то, что в избирательную комиссию предоставляется составленное в личной форме

заявление (в составе остального пакета необходимых документов) кандидата (кандидатов) о том, что он дает полное согласие на выдвижение по указанному избирательному округу. Регистрация кандидата может быть отменена (аннулирована) также в случае существенной недостоверности сообщенных о себе сведений, а также непредставлении данных о наличии неснятой или непогашенной судимости, или при наличии иностранного гражданства, а также при неполном пакете необходимых документов.

Как известно, регистрации кандидата предшествует его выдвижение. Согласно представленным положениям норм ст. 33 Федерального закона от 12.06.2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» следует то, что: «О выдвижении кандидата (кандидатов), в том числе в составе списка кандидатов, избирательная комиссия уведомляется в установленном законом порядке».

В этой части избирательные объединения как субъект избирательных правоотношений наиболее часто сталкиваются с проблемой в подготовке и предоставлении документов, особенно в части проверки подписей избирателей в поддержку выдвигаемых кандидатов. Избирательное объединение в соответствии с федеральным законом, имеет право участвовать в выборах местного уровня. Следует отметить, что при проведении выборов депутатов представительных органов муниципальных образований по одномандатным и (или) многомандатным избирательным округам, глав муниципальных образований избирательным объединением является также иное общественное объединение, которое может согласно положениям своего устава участвовать в выборах, и образовано в форме общественной организации либо общественного движения. На сегодняшний день, проводя общий анализ вопроса о регистрации кандидатов, выдвинутых избирательным объединением, можно выделить лишь то, что федеральное и региональное избирательное законодательство в первую очередь устанавливает ряд гарантий в отношении выдвинутых избирательным объединением кандидатов. Судебная же практика, напротив, разнится в зависимости от субъекта Российской Федерации. При этом, несмотря на наличие гарантий не только в федеральном, но и региональном законодательстве касательно области выдвижения кандидатов на муниципальных выборах политическими партиями, немаловажная их роль в избирательном процессе с каждым разом постепенно увеличивается.

Вместе с тем на сегодняшний день в законодательстве существует разнообразное количество инструментов и механизмов для привлечения кандидатами и избирательными объединениями граждан к участию в выборах. Так, с каждым новыми выборами увеличивается роль аудиовизуальной составляющей, сети «Интернет», в особенности социальных сетей, где заинтересованные субъекты избирательного процесса могут привлекать внимание электората к формированию представительных органов местного самоуправления. Достижения научно-технического прогресса способствуют развитию форм и методов агитации. Данный способ информационного обеспечения выборов имеет немаловажное значение в обеспечении статуса кандидата на выборную должность в орган местного самоуправления. Агитация призвана побудить избирателей ак-

тивно принимать участие в голосовании и выбирать определенных кандидатов, понимая все «за» или «против» него (них). Агитация, в основном, дает положительные результаты, поскольку определенные группы избирателей не всегда могут знать, за кого они отдают свой голос, и кем на самом деле является кандидат. Однако на основании соответствующей информации о кандидате в рамках агитации избиратели имеют возможность выразить свою поддержку на основе принципа свободного волеизъявления.

Подводя итоги, хотелось бы сказать о том, что модель организации выборов в Российской Федерации перманентно изменяется на всех уровнях. В фокусе научного осмысления правового статуса кандидата на выборную должность в представительные органы местного самоуправления требуется глубинное изучение проблем избирательного законодательства, устанавливающего определенные требования (например, в части сбора подписей в поддержку кандидата избирателями) или ограничения. При этом сами выборы необходимо проводить в фокусе соблюдения незыблемого принципа сменяемости публичной власти.

Список использованной литературы

1. Васильев В.И. Местное самоуправление : учеб. и науч.-практ. пособие / В.И. Васильев. – Москва : Юринформцентр, 2016. – 464 с.
2. Кабашов С.Ю. Местное самоуправление в Российской Федерации : учеб. пособие / С.Ю. Кабашов. – Москва : Флинта, 2015. – 608 с.
3. Нудненко Л.А., Тхабисимова Л.А. К вопросу о правовом статусе и гарантиях деятельности зарегистрированного кандидата / Л.А. Нудненко, Л.А. Тхабисимова // Государственная власть и местное самоуправление. – 2016. – № 11. – С. 36–39.

Информация об авторе

Богачев Михаил Витальевич – магистрант кафедры государственно-правовых дисциплин Байкальского государственного университета, Иркутск, Россия, e-mail: 89025198900@mail.ru.

Author

Mikhail V. Bogachev – master's degree student of Chair of State and Legal Disciplines of Baikal State University, Irkutsk, Russia, e-mail: 89025198900@mail.ru.

О.В. Карнаухова

ОБ ОТДЕЛЬНЫХ ВОПРОСАХ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ФОНДОВ В СОСТАВЕ БЮДЖЕТА

В статье рассматривается история создания фондов в составе бюджета (бюджетных фондов) в России. Анализируются вопросы правового регулирования обозначенной сферы. Дается оценка экономического значению бюджетных фондов. Соотносятся понятия «целевой бюджетный фонд» и «фонды в составе бюджета».

Ключевые слова: внебюджетные фонды, фонды в составе бюджета, бюджетные фонды, резервные фонды.

O.V. Karnauhova

ON CERTAIN ISSUES OF LEGAL REGULATION OF FUNDS AS PART OF THE BUDGET

The article examines the history of the creation of budget funds in Russia, describes the modern system and analyzes their legal regulation. The assessment of the economic value of budgetary funds is given. The author correlates the concepts of «target budgetary fund» and «funds within the budget».

Keywords: off-budget funds, funds within the budget, budgetary funds, reserve funds.

В последние годы экономика Российской Федерации переживает не лучшие времена, сопровождающиеся частыми кризисами. Во многом это связано с давлением со стороны иностранных государств, в частности, со стороны США и Евросоюза, которые стремятся к эскалации напряженности в отношениях путем непрекращающегося введения все новых санкций.

В этих условиях Россия вынуждена взять курс на политику импортозамещения и должна стремиться к возрождению отечественного производственного сектора и развитию собственного финансового рынка. Однако, указанные процессы сегодня идут крайне медленными темпами, что предопределяет необходимость максимально широко использовать финансовые рычаги воздействия на экономику [1, с. 22]. В связи с этим, актуализируется значение фондов в составе бюджета, призванных повысить устойчивость социально-экономического развития государства и способствовать развитию экономики и промышленности даже в условиях давления и изоляции. Для обеспечения надлежащего социально-экономического развития России происходит усложнение финансовой деятельности государства, появляются относительно новые для российской правовой системы публичные фонды денежных средств [5, с. 4].

Необходимо отметить, что в современной научной юридической литературе система функционирования бюджетных фондов Российской Федерации остается малоисследованной. Не достаточно освященным в научной литературе является и исторический аспект функционирования бюджетных фондов. По этим причинам, представляется целесообразным восполнить обозначенные пробелы и проследить генезис бюджетных фондов, а также дать оценку их организационно-правовым особенностям и значению в экономике России.

В первую очередь, необходимо дать определение дефиниции «бюджетный целевой фонд». Обращаясь к Бюджетному кодексу Российской Федерации, мы видим, что ст. 17, содержащая определение целевого бюджетного фонда, утратила силу [7]. Однако некоторые авторы указывают, что конструкция целевого бюджетного фонда не потеряла своей актуальности и по сей день [3, с. 276]. При этом под целевыми бюджетными фондами понимаются фонды денежных средств, образуемые в соответствии с законодательством Российской Федерации в составе бюджета за счет доходов целевого назначения или в порядке целевых отчислений от конкретных видов доходов или иных поступлений и используемые по отдельной смете. С учетом изложенного отдельные ученые подчеркивают, что так как все бюджетные фонды являются целевыми, приведенное определение целевых бюджетных фондов подходит ко всем бюджетным фондам [4, с. 33]. Указанное суждение вызывает некоторые возражения.

Обращаясь к истории создания бюджетных фондов, необходимо отметить, что ни в Российской империи, ни в Советском Союзе бюджетных фондов не существовало, однако предпосылки к их появлению все же были. Так, Д.С. Бабошкин отмечает, что в бюджетной системе Советского Союза существовал чрезвычайный бюджет, который, по сути, представлял собой специализированный фонд, средства из которого шли на ликвидацию убытков от стихийных бедствий и погашение госдолга [3, с. 277].

В конце 80-х гг. в Советском Союзе были созданы первые внебюджетные фонды, которые стали предшественниками бюджетных фондов. А вот уже в Законе РСФСР от 10.10.1991 г. № 1734-1 «Об основах бюджетного устройства и бюджетного процесса в РСФСР» впервые появляется дефиниция «целевой бюджетный фонд». В соответствии с законом, появилась возможность создавать в составе бюджета целевые и резервные фонды. Средства фондов в виде субсидий, субвенций и дотаций передавались на безвозмездной основе в конкретных целях бюджетам низших уровней [10, с. 43].

Первые бюджетные фонды в России появились в 1993 г. в составе федерального бюджета, а затем и в составе региональных бюджетах. Примерами таких фондов являются фонды поддержки предпринимательства, фонды социальной поддержки [6, с. 121; 3, с. 277].

Расцвет развития бюджетных фондов пришелся на 1995 г., в это время появились Федеральный дорожный фонд, Федеральный экологический фонд, Государственный фонд борьбы с преступностью, Фонд развития таможенной системы и др. Это было обусловлено тем, что существовавшие в начале 90-х гг. внебюджетные фонды были консолидированы в бюджет, по факту, произошла трансформация внебюджетных фондов в бюджетные [3, с. 278].

Однако важнейшим этапом в развитии бюджетных фондов стало принятие в 1998 г. Бюджетного кодекса Российской Федерации, закрепившего понятие «целевой бюджетный фонд». Это дало толчок для создания целевых бюджетных фондов, которые к 2005 г. составляли около 10 % от региональных бюджетов [8, с. 145]. С 1 января 2008 г. ст. 17 Бюджетного кодекса Российской Федерации, посвященная целевым бюджетным фондам, утратила силу, а сами фонды были упразднены в связи с необходимостью максимально консолидировать доходы ослабевшего после кризиса бюджета.

В целом анализ истории существования Российского государства позволяет утверждать, что феномен целевых бюджетных фондов – довольно новое явление. Возникновение бюджетных фондов было обусловлено рядом причин. Если их обобщить, то можно сделать вывод, что к созданию бюджетных фондов побудила необходимость заблаговременного запаса средств на финансирование отдельных видов расходов. Они создавались для реализации относительно долгосрочных целей и расформировывались либо при их достижении, либо при недостаточности средств на формирование фондов. С 1991 по 2008 г. в России существовало более 30 бюджетных фондов, некоторые из них трансформировались в бюджетные субсидии, иные были упразднены [9, с. 46].

В настоящее время система бюджетных фондов в России устроена следующим образом. Бюджетные фонды могут создаваться в составе бюджета любого уровня, поэтому, исходя из этого критерия, мы можем выделить три разновидности бюджетных фондов:

- федеральные. Яркими примерами таких фондов являются резервный фонд, фонд национального благосостояния, инвестиционный фонд и др.;
- региональные. В регионах могут быть созданы Резервный фонд субъекта РФ, дорожный фонд и др.;
- местные. Например, могут создаваться резервные и дорожные фонды местных администраций.

Бюджетные фонды также различаются в зависимости от целей. Здесь можно выделить чрезвычайные фонды, к примеру, резервный фонд Президента Российской Федерации. Также существуют инфраструктурные фонды, к примеру, дорожные фонды. Помимо них, есть еще стабилизационные фонды, ярким примером которых является Фонд национального благосостояния Российской Федерации. Говоря о видах бюджетных фондов в научной литературе также выделяется понятие «суверенные фонды», которые создаются не только в целях сбережения средств (прежде всего, суверенные фонды представляют собой государственный финансовый резерв), но и для активной инвестиционной деятельности, они могут выступать в качестве инструмента по поддержанию стабильного курса национальной валюты. Сегодня основу формирования суверенного фонда в России по-прежнему составляют нефтегазовые доходы, поэтому количество средств в фонде напрямую зависит от цен на нефть и газ. Это не может не беспокоить правительство нашей страны, поэтому в последнее время предпринимаются попытки снизить зависимость рубля от цен на сырье.

Особо следует подчеркнуть, что указанные фонды не являются целевыми бюджетными фондами, поскольку их расходы напрямую не привязаны к целе-

вым доходам и обособленно не хранятся на отдельных счетах [2, с. 55]. По своей природе – это фонды в составе расходов.

Правовое регулирование деятельности бюджетных фондов осуществляется в рамках федеральных нормативно-правовых актов, а также в рамках законов субъектов и соответствующих актов органов местного самоуправления. При этом правовую основу для детального правового регулирования функционирования бюджетного фонда составляет Бюджетный кодекс Российской Федерации. Например, в ст. 82 Бюджетного кодекса Российской Федерации предусмотрено создание резервного фонда Президента Российской Федерации, в ст. 96.10 регулируется Фонд национального благосостояния, ст. 81.1 Бюджетного кодекса Российской Федерации предусмотрена возможность создания резервного фонда субъекта и др.

Таким образом, бюджетные фонды в России имеют тридцатилетнюю историю развития, сопровождавшуюся их ликвидацией и восстановлением. Их появление было обусловлено желанием обеспечить большую устойчивость социально-экономического развития государства в период экономических спадов. С их помощью государство старается обезопасить экономику от колебаний цен на сырье и давления со стороны других государств. История показывает состоятельность бюджетных фондов. Именно благодаря значительным резервам, России удалось пережить кризис 2008 г., а также справиться с кризисом 2014 г. Сегодня в условиях нарастающего санкционного давления и кризиса, связанного с продолжающейся эпидемией коронавируса наличие специальных бюджетных фондов позволяет государству и гражданам быть уверенными в стабильности финансовой системы. Кроме того, в настоящее время стоит задача обеспечить сохранность публичных ресурсов, а также их значительное увеличение. Поэтому использование средств бюджетных фондов должно осуществляться эффективно, инвестирование должно осуществляться только в прибыльные проекты. Помимо прочего необходимо обратить внимание на зарубежный опыт организации деятельности суверенных фондов и перенять успешные методы управления. Средства публичных стоит вкладывать в развитие социально-экономической инфраструктуры и использовать для решения демографических проблем.

Список использованной литературы

1. Арбатская Ю.В. Бюджет как основа финансовой системы субъекта Российской Федерации (правовые аспекты) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Москва, 2003. – 28 с.
2. Арбатская Ю.В. Влияние отдельных финансово-правовых институтов на инновационное развитие России / Ю.В. Арбатская, Н.В. Васильева, М.М. Винокурова. – Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2014. – 166 с.
3. Бабошкин Д.С. Генезис бюджетных целевых фондов / Д.С. Бабошкин // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2017. – № 5 (118). – С. 274–279.

4. Бабошкин Д.С. Правовое регулирование деятельности бюджетных фондов / Д.С. Бабошкин // *Налоги*. – 2018. – № 3. – С. 33–36.

5. Васильева Н.В. Правовое регулирование публичных доходов / Н.В. Васильева. – Иркутск : Изд-во БГУ, 2015. – 194 с.

6. Вотинова Е.И., Абзалов К.В., Шляхтин А.Е. Вопрос о восстановлении целевых бюджетных фондов в России / Е.И. Вотинова, К.В. Абзалов, А.Е. Шляхтин // *Материалы конференции «Международный молодежный симпозиум по управлению, экономике и финансам» 5–6 декабря 2017 г.* – Казань, 2017. – С. 121–123.

7. О внесении изменений в Бюджетный кодекс Российской Федерации в части регулирования бюджетного процесса и приведении в соответствие с бюджетным законодательством Российской Федерации отдельных законодательных актов Российской Федерации : Федер. закон от 26 апр. 2007 г. № 63-ФЗ // *Собрание законодательства РФ*. – 2007. – № 18. – Ст. 2117.

8. Пятковская Ю.В. Правовое регулирование расходов бюджета субъекта Российской Федерации : монография / Ю.В. Пятковская ; под ред. Е.Ю. Грачевой. – Москва : Норма, 2017. – 288 с.

9. Шевченко Е.Е. Система бюджетных фондов по законодательству Российской Федерации / Е.Е. Шевченко // *Финансовое право*. – 2017. – № 9. – С. 42–46.

10. Шевченко Е.Е. Причины создания и перспективы развития первых бюджетных фондов Российской Федерации / Е.Е. Шевченко // *Финансовое право*. – 2018. – № 6. – С. 43–48.

Информация об авторе

Карнаухова Олеся Владимировна – аспирант кафедры предпринимательского и финансового права Байкальского государственного университета, Иркутск, Россия, e-mail: ole.chupaxina@yandex.ru.

Author

Olesya V. Karnauhova – post-graduate student of Chair of Business and Financial Law of Baikal State University, Irkutsk, Russia, e-mail: ole.chupaxina@yandex.ru.

**ПРИНЦИП ЭФФЕКТИВНОСТИ БЮДЖЕТНЫХ РАСХОДОВ
ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ЗАКУПОК ТОВАРОВ, РАБОТ, УСЛУГ
ДЛЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ
И МУНИЦИПАЛЬНЫХ НУЖД**

В статье указывается на отсутствие в законодательстве легального понятия «эффективность закупок» и критериев, по которым определяется эффективность закупок, установлена схожесть бюджетного законодательства с законодательством контрактной системы в разрезе принципа эффективности, проанализированы отчеты государственных органов по вопросу эффективности бюджетных расходов при осуществлении закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд.

Ключевые слова: государственные закупки, муниципальные закупки, контрактная система, принцип эффективности, бюджетные средства, бюджетные расходы.

N.S. Kolbyagin

**PRINCIPLE OF EFFECTIVENESS OF BUDGET EXPENDITURE
WHEN PURCHASING GOODS, WORKS, SERVICES TO PROVIDE
STATE AND MUNICIPAL NEEDS**

The article points out the absence in the legislation of the legal concept of «procurement efficiency» and the criteria by which the efficiency of procurement is determined, the similarity of budget legislation with the legislation of the contract system in the context of the principle of efficiency is established, reports of state bodies on the effectiveness of budget expenditures in the procurement of goods, works, services to meet state and municipal needs.

Keywords: public procurement, municipal procurement, contract system, principle of efficiency, budgetary funds, budgetary expenditures.

Обеспечению принципа эффективности уделяется значительное внимание на протяжении последнего десятилетия. Особенно актуально это для сферы публичной финансовой деятельности. Именно с целью повышения эффективности использования бюджетных средств вносится значительное число поправок в бюджетное законодательство Российской Федерации. В условиях пандемии, а также в силу значительного ущерба, нанесенного мировой экономике пандемией COVID-19 эффективное расходование бюджетных средств является одной из приоритетных и актуальных задач для Российской Федерации.

Значительная часть публичных расходов приходится на закупки товаров, работ, услуг для обеспечения государственных (муниципальных) нужд. В настоящее время государственные закупки характеризуются колоссальными

оборотах. Согласно статистическим данным за первые три квартала 2020 г. государственными заказчиками заключено и размещено в реестре контрактов 2,4 млн контрактов на общую сумму 6 трлн р., из них 1,3 млн контрактов на общую сумму более 4,2 трлн р. заключены по результатам закупок, извещения о которых размещены в Единой информационной системе (далее по тексту – ЕИС) в 2020 г. (с 01.01.2020 по 30.09.2020 г.), среди которых: 18 % заключены заказчиками федерального уровня на сумму 1,1 трлн р., что составляет 27 % от общего объема контрактов, заключенных по результатам закупок, извещения о которых размещены в ЕИС в I–III кварталах 2020 г.; 56 % заключены заказчиками регионального уровня на сумму 2,1 трлн р., что составляет 52 % от общего объема контрактов, заключенных по результатам закупок, извещения о которых размещены в ЕИС в I–III кварталах 2020 г.; 27 % заключены заказчиками муниципального уровня на сумму 885 млрд р., что составляет 21 % от общего объема контрактов, заключенных по результатам закупок, извещения о которых размещены в ЕИС в I–III кварталах 2020 г. [1]. Приведенная статистика указывает, что закупки товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд (далее по тексту – контрактная система) играют значимую роль в экономике Российской Федерации и могут рассматриваться одним из важных факторов, повышения эффективности бюджетных расходов.

Прежде всего принцип эффективности закрепляется Федеральным законом от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (далее – Закон о контрактной системе), в ст. 1 которого устанавливается, что указанный закон регулирует отношения в целях повышения эффективности государственных и муниципальных закупок. В ст. 6 Закона о контрактной системе среди принципов контрактной системы называется принцип эффективности осуществления закупок. Однако в дальнейших статьях Закона о контрактной системе, где раскрывается содержание отдельных принципов, в ст. 12 говорится уже о принципе ответственности за результативность обеспечения государственных и муниципальных нужд, эффективность осуществления закупок, который сводится к обвязыванию публичных органов при планировании и осуществлении закупок должны исходить из необходимости достижения заданных результатов обеспечения государственных и муниципальных нужд.

Нередко в научной литературе при исследовании вопросов эффективности деятельности публичных органов отмечается некая декларативность данного принципа и недостаточная обеспеченность его реализации реальными механизмами [2, с. 32], что вполне обоснованно. Однако несмотря на это законодательство обязывает проводить оценку эффективности. Например, в соответствии со ст. 97 Закона о контрактной системе при мониторинге закупок, проводимом публичными контрольными органами, в обязательном порядке при составлении сводного аналитического отчета дается оценка эффективности осуществления закупок. Таким образом, в Законе о контрактной системе отсутствует понятие эффективности закупок, а также критерии, по которым определяется эффективность закупок; законодательство о контрактной системе по су-

ти отождествляет эффективность и результативность закупок, что может быть оправданно только лишь с учетом этимологии обозначенных понятий [8, с. 54].

Таблица соответствия видов расходов классификации расходов бюджетов и статей (подстатей) классификации операций сектора государственного управления [3], относит осуществление закупок товаров, работ и услуг для государственных (муниципальных) нужд к видам расходов бюджетов. Соответственно принцип эффективности использования бюджетных средств, предусмотренный бюджетным законодательством Российской Федерации, непосредственно относится к организации контрактной системы. Таким образом, можно сделать вывод, что принцип эффективности осуществления закупок закрепленный в ст. 6 Закона о контрактной системе и принцип эффективности использования бюджетных средств изложенный в ст. 34 Бюджетного кодекса Российской Федерации следует толковать как тождественные принципы. При этом бюджетное законодательство Российской Федерации сводит эффективность к двум факторам – экономности (необходимость получить определенный результат за меньшие денежные средства) и результативности (получение лучшего результата за определенную денежную сумму). С учетом изложенного представляется необходимым закрепить в законодательстве о контрактной системе понятия и критерии эффективности осуществления закупок, что позволило бы упорядочить работу заказчиков и поставщиков, а также обеспечило бы стабильность функционирования развития контрактной системы.

С целью повышения эффективности расходов бюджета подготовлена Концепция повышения эффективности бюджетных расходов в 2019–2024 гг. (далее – Концепция) утвержденная распоряжением Правительства Российской Федерации от 31 января 2019 г. № 117-р [4]. Концепция определяет, что одной из приоритетных задач повышения эффективности бюджетных расходов является развитие контрактной системы в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных (муниципальных) нужд.

В целях реализации Концепции в системообразующие законы контрактной системы вносятся поправки, только в 2019 г. Закон о контрактной системе изменялся 8 раз, в его развитие принято 55 нормативных правовых актов [7].

В 2020 г. Институт анализа предприятий рынка НИУ Высшей школы экономики провел масштабное исследование системы государственных закупок Российской Федерации на базе опроса ее участников с целью выявления основных проблем оценки эффективности. Полученные результаты показали, что большинство респондентов считают закупку эффективной, если по ее результатам поставлен качественный товар и контракт исполнен в срок. При этом показатели высокой конкуренции и значительной экономии, которые являются главными критериями эффективности для государственных органов, считает значимыми относительно небольшое число участников [10].

По мнению представителей Счетной палаты Российской Федерации, для дальнейшего развития контрактной системы прежде всего не хватает качественных критериев оценки эффективности закупок. Регуляторы в сфере закупок используют для оценки такие показатели, как среднее количество заявок на один лот и относительную экономию по результатам проведения закупочных

процедур. Первый должен показать общий уровень конкуренции, а второй – эффективность закупки. Ссылаясь на результаты исследования системы государственных закупок Российской Федерации Института анализа предприятий рынка НИУ Высшей школы экономики Счетная палата Российской Федерации указывает на основные проблемы действующей контрактной системы – недостаточное понимание регуляторами интересов участников закупок и ценообразование [9].

На наш взгляд выявленные Счетной палатой Российской Федерации проблемы оправданы, поскольку участники закупок не успевают наработать практику реализации изменений контрактной системы, в силу того, что она постоянно и интенсивно изменяется с момента своего формирования. Когда постоянно меняются правила игры очень сложно их выучить и научиться их выполнять правильно. Например, от того насколько правильно и точно заказчик определит начальную максимальную цену контракта (далее – НМЦК), будет зависеть цена контракта, что определяет эффективность расходов. Большой объем нарушений связан с ценообразованием, а именно с обоснованием государственными заказчиками НМЦК. Так, ФАНО России ФКУ «Дирекция единого заказчика по строительству, капитальному и текущему ремонту» в расчет НМЦК на завершение строительства блока «Ц» административной части лабораторного корпуса ФГБНУ «Всероссийский научно-исследовательский институт сельскохозяйственной биотехнологии» включило виды работ и сметные показатели, не соответствующие утвержденной проектно-сметной документации, в размере 48 356,0 тыс. р. [6]. Рослесхозом при определении НМЦК на выполнение работ по текущему ремонту помещений была завышена стоимость материала, что привело к неправомерному удорожанию стоимости работ на общую сумму 4 420,7 тыс. р. [5].

Проведенный в настоящей статье анализ позволяет констатировать, что вопрос эффективности бюджетных расходов при осуществлении закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд крайне актуален, публичному регулятору необходимо рассмотреть возможность разработки изменений совершенствующих механизм контрактной системы, в том числе закрепить понятие и критерии эффективности осуществления закупок, утверждения закона, определяющего конкретный порядок формирования НМЦК, в том числе с учетом отраслевой специфики.

Список использованной литературы

1. Аналитический отчет по результатам осуществления мониторинга закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд в соответствии с Федеральным законом от 05.04.2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» по итогам III квартала 2020 года. – URL: https://minfin.gov.ru/ru/document/?id_4=133411-analiticheskii_otchet_po_rezultatam_osushchestvleniya_monitoringa_zakupok_tovarov_rabot_uslug_dlya_obe

specheniya_gosudarstvennykh_i_munitsipalnykh_nuzhd_v_sootvetstvii_s_fede (дата обращения: 01.03.2021).

2. Арбатская Ю.В. О некоторых правовых проблемах повышения эффективности финансовой деятельности государства / Ю.В. Арбатская, М.Н. Кузьмина // Академический юридический журнал. – 2008. – № 1 (31). – С. 31–38.

3. Информация Минфина России от 9 марта 2021 г. «Таблица соответствия видов расходов классификации расходов бюджетов и статей (подстатей) классификации операций сектора государственного управления, применяемая в 2021 году». – URL: https://minfin.gov.ru/ru/document/?id_4=130829-tablitsa_sootvetstviya_vidov_raskhodov_klassifikatsii_raskhodov_byudzhetov_i_stat_ei_podstatei_klassifikatsii_operatsii_sektora_gosudarstvennogo_upravleniya_primenyaema_v_20 (дата обращения: 01.03.2021).

4. Об утверждении Концепции повышения эффективности бюджетных расходов в 2019–2024 годах : Распоряжение Правительства РФ от 31.01.2019 г. № 117-р // СЗ РФ. – 2019. – № 6. – Ст. 542.

5. Отчет о результатах контрольного мероприятия «Проверка исполнения Федерального закона «О федеральном бюджете на 2018 год и на плановый период 2019 и 2020 годов» и бюджетной отчетности об исполнении федерального бюджета за 2018 год» утвержден Коллегией Счетной палаты 30 апреля 2019 г. (протокол № 20К (1316)). – URL: <https://ach.gov.ru/promo/implementation-federal-budget-2018/index.html> (дата обращения: 01.03.2021).

6. Отчет о результатах контрольного мероприятия «Проверка эффективности выполнения учреждениями функций государственного заказчика (заказчика) в рамках переданных полномочий по заключению и исполнению государственных контрактов при осуществлении бюджетных инвестиций в объекты федеральной адресной инвестиционной программы за 2015–2017 годы и истекший период 2018 года» : утвержден Коллегией Счетной палаты 20.03.2019 г. (протокол № 11К (1307)). – URL: <https://ach.gov.ru/upload/iblock/393/393399e7c43548d60cfd89762aeefbe8.pdf> (дата обращения: 01.03.2021).

7. Отчет Счетной палаты Российской Федерации о результатах экспертно-аналитического мероприятия «Мониторинг развития системы государственных и корпоративных закупок в Российской Федерации за 2019 год». – URL: <https://ach.gov.ru/upload/iblock/fea/fea86920fc7f4c8b39262ce74beb32d8.pdf> (дата обращения: 01.03.2021).

8. Пятковская Ю.В. Бюджетные расходы в системе государственных и муниципальных расходов: правовой аспект / Ю.В. Пятковская ; под общ. ред. Е.Ю. Грачевой. – Иркутск : Изд-во БГУ, 2015. – 164 с.

9. Счетная палата: потенциал контрактной системы раскрыть пока не удалось. – URL: <https://ach.gov.ru/checks/schetnaya-palata-potentsial-kontraktnoy-sistemy-raskryt-po-ka-ne-udalos> (дата обращения: 01.03.2021).

10. Яковлев А.А., Балаева О.Н., Родионова Ю.Д., Ткаченко А.В. Госзакупки во время пандемии COVID-19: взгляд «снизу». Что думают заказчики и поставщики? // СоциоДиггер. – 2021. – № 6 (1). – С. 19–29.

Информация об авторе

Колбягин Николай Сергеевич – аспирант кафедры предпринимательского и финансового права Байкальского государственного университета, Иркутск, Россия, e-mail: n.kolbyagin@yandex.ru.

Author

Nikolay S. Kolbyagin – post-graduate student of the Chair of Business and Financial Law of Baikal State University, Irkutsk, Russia, e-mail: n.kolbyagin@yandex.ru.

КОНЦЕПЦИЯ ВСПОМОГАТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ: ИНСТИТУТ ПОЛНОМОЧНОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЯ ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В данной статье приведена концепция вспомогательных органов, раскрыты их признаки, что позволило сделать вывод об относимости института полномочных представителей Президента РФ в федеральных округах к числу вспомогательных органов. Важным моментом является закрепление существования данного органа в Конституции Российской Федерации. В связи с этим исследован исторический аспект института полномочных представителей, причины его учреждения, выполнен анализ нормативной базы, регламентирующей деятельность института. На фоне проведенного исследования выделены проблемы в функциональной сфере полномочных представителей и пути их решения.

Ключевые слова: орган государственной власти, вспомогательный орган, полномочный представитель Президента, федеральный округ, аппарат полномочного представителя.

A.S. Danilina

THE CONCEPT OF SUBSIDIARY BODIES OF STATE POWER: THE INSTITUTION OF THE PLENIPOTENTIARY REPRESENTATIVE OF THE PRESIDENT OF THE RUSSIAN FEDERATION

This article presents the concept of auxiliary bodies, reveals their features, which allowed us to conclude that the institution of plenipotentiary representatives of the President of the Russian Federation in the federal districts is considered to be one of the auxiliary bodies. An important point is the consolidation of the existence of this body in the Constitution of the Russian Federation. In this regard, the historical aspect of the institute of plenipotentiaries, the reasons for its establishment, and the analysis of the regulatory framework governing the activities of the institute are investigated. Against the background of the conducted research, the problems in the functional sphere of authorized representatives and the ways to solve them are highlighted.

Keywords: state authority, subsidiary body, authorized representative of the President, federal district, office of the authorized representative.

На органы государственной власти возлагается колоссальная нагрузка по организации и управлению обществом. В связи с этим, для эффективного выполнения задач, поставленных перед органами государственной власти, создаются вспомогательные органы.

Концепция вспомогательных органов обязана своему возникновению знаменитому русскому юристу XX в. – Н.М. Коркунову. В своей работе

Н.М. Коркунов полагал, что органы власти бывают «решающими», т.е. те, что «прямые, непосредственные... решают, как именно распорядиться вверенной им функцией власти» и «содействующие», которые по существу «не непосредственные, а только содействуют решающим органам» [3, с. 249]. В качестве примера такой классификации органов власти Н.М. Коркунов приводит в роли решающего органа – судью или судебную коллегия, так как основная функция этого органа правосудие, а содействующим правосудию органом в его примере являются канцелярия и приставы [3, с. 249]. Со временем понятие содействующие органы в юридической науке заместилось на вспомогательные органы, однако, исследователи не пришли к содержанию единой формулировки вспомогательных органов. Только исходя из существующих определений, можно сделать общий вывод, что вспомогательные органы государственной власти – это органы, выполняющие «обеспечительную функцию и осуществляющие квалифицированную помощь органам государственной власти в осуществлении ими своих полномочий» [3, с. 25].

Для полного понимания сущности вспомогательных органов думается целесообразным обозначить признаки, характеризующие их [2, с. 24].

1) Вспомогательные органы находятся в составе государственного органа либо существуют самостоятельно, но неразрывно связаны с органом государственной власти, которому оказывают содействие.

2) Издают акты ненормативного характера.

3) Структура и функции вспомогательных органов определяется актом государственного органа, которому они оказывают содействие.

4) Целью создания вспомогательных органов является осуществление квалифицированной помощи органам государственной власти.

5) Вспомогательные органы формируются из государственных служащих.

6) Создаются, как правило, для осуществления своих функций на неопределенный, длительный период времени.

Вспомогательные органы встречаются достаточно часто, и поговорив об их признаках, к числу таковых можно отнести советы, аппараты, секретариаты и иные [2, с. 25]. Однако ведя разговор о данной теме нельзя не выделить среди вспомогательных органов полномочных представителей Президента Российской Федерации в федеральных округах, ведь данный институт имеет достаточно интересную историю, и несмотря на то, что является вспомогательным органом при Президенте РФ содержит проблематику дублирования полномочий с органами исполнительной власти.

Полномочные представители Президента РФ были введены после событий, вошедших в историю как «августовский путч». Так, основанием учреждения данного института являлось нарушение системы взаимоотношений между центром и регионами, что выразилось в нежелании регионов поддержать Президента Российской Советской Федеративной Социалистической Республики (далее – РСФСР) – Бориса Николаевича Ельцина. Для предотвращения дальнейшего усугубления данной ситуации был издан Указ Президента РСФСР от 22.08.1991 г. № 75 «О некоторых вопросах деятельности органов исполнительной власти в РСФСР», согласно положениям которого, создавались представи-

тельства Президента РСФСР в республиках и представительства республик при Президенте РСФСР для взаимодействия органов исполнительной власти РСФСР и республик, входивших в состав РСФСР [4, с. 89]. Далее Б.Н. Ельциным было издано распоряжение от 31.08.1991 г. № 33 «Об утверждении временного положения о представителях Президента РСФСР в краях, областях, автономной области, автономных округах, городах Москве и Ленинграде», 2 сентября 1991 г. уже издается распоряжение под № 34 «Об утверждении Временного положения о представительствах Президента РСФСР в республиках в составе РСФСР». Указанные нормативно-правовые акты носили временный характер, в связи с чем в них не был отражен правовой статус полномочных представителей [4, с. 90].

Первым правовым актом, в котором определялся порядок назначения и освобождения от должности полномочного представителя Президента РФ стал Указ Президента РФ от 15.07.1992 г. № 765 «Об утверждении положения о Представителе Президента РФ в крае, области, автономной области, автономном округе, городах Москве и Санкт-Петербурге», кроме этого он устанавливал для полномочных представителей подчинение Президенту РФ и персональную ответственность перед ним [4, с. 91].

Несмотря на то, что у института полномочных представителей Президента РФ были противники, которые выступали за его ликвидацию, изменившаяся политическая обстановка в России в конце 1993 г., наоборот, способствовала реформированию данного института в регионах. Немаловажным является дублирование правомочия Президента РФ о назначении и освобождении полномочных представителей в основном законе России, который был принят 12 декабря 1993 г. всенародным голосованием. Так, согласно п. «к» ст. 83 ныне действующей Конституции Российской Федерации, Президент РФ решает вопрос о назначении и освобождении от должности полномочных представителей Президента РФ.

В 1994 г. полномочные представители Президента РФ в краях, областях, автономной области, автономном округе, городах Москве и Санкт-Петербурге стали именоваться полномочными представителями Президента РФ в субъектах РФ. Позже в 1997 г. институт полномочных представителей Президента РФ в субъектах трансформировался в институт полномочных представителей Президента РФ в регионах РФ, а их полномочия расширились [4, с. 92]. В 1997 г. в Администрации Президента РФ возникли мысли о преобразовании полномочных представителей Президента РФ с регионального уровня в межрегиональный, однако воплотились они только 13 мая 2000 г. Указом Президента РФ г. № 849 «О полномочном представителе Президента Российской Федерации в федеральном округе», который в том числе утвердил перечень федеральных округов и их центры. В соответствии с данным указом, в настоящее время в РФ действует восемь федеральных округов:

1. Центральный федеральный округ.
2. Северо-Западный федеральный округ.
3. Южный федеральный округ.
4. Северо-Кавказский федеральный округ.

5. Приволжский федеральный округ.
6. Уральский федеральный округ.
7. Сибирский федеральный округ.
8. Дальневосточный федеральный округ.

Кроме вышеизложенного, Указ Президента РФ «О полномочном представителе Президента РФ в федеральном округе» определил порядок назначения и освобождения от должности, сроки нахождения в должности, задачи, функции, права полномочного, а также организацию и обеспечение его деятельности. Так, полномочный представитель назначается и освобождается от должности Президентом РФ по представлению Руководителя Администрации Президента РФ. При этом следует указать, что полномочные представители Президента РФ в федеральных округах входят в состав Администрации Президента РФ, что предусмотрено в Положении об Администрации Президента РФ, утвержденном Указом Президента РФ от 06.04.2004 г. № 490. Назначаются полномочные представители на срок, определяемый Президентом РФ, однако их срок не может превышать срок действия полномочий Президента РФ. Также у каждого полномочного представителя Президента РФ в федеральном округе есть свой отличный от других аппарат. Так, для сравнения, рассмотрим аппарат полномочного представителя Президента РФ в Сибирском федеральном округе (СФО) и аппарат полномочного представителя Президента РФ в Центральном федеральном округе (ЦФО). Аппарат в СФО включает в себя:

- пяти заместителей полномочного представителя Президента РФ в СФО;
- трех помощников полномочного представителя Президента РФ в СФО;
- десяти главных федеральных инспекторов (ГФИ) полномочного представителя Президента РФ в СФО. Количество ГФИ соответствует количеству субъектов, входящих в состав СФО.

Структуру Аппарата полномочного представителя Президента РФ в ЦФО составляет:

- шесть заместителей;
- четыре помощника;
- восемь начальников департаментов;
- восемнадцать главных федеральных инспекторов;
- шестнадцать федеральных инспекторов.

Таким образом, можно отметить, что каждый аппарат обладает своеобразным составом. Например, в структуре аппарата полномочного представителя Президента РФ отсутствуют начальники департаментов и федеральные инспекторы.

Существование рассматриваемого института имеет большое значение для осуществления эффективного взаимодействия между всеми уровнями органов государственной власти и обеспечения единого правового пространства. Институт полномочных представителей жизнеспособный и должен продолжить свое существование. Однако, невзирая на все преимущества наличия полномочных представителей, стоит обратить внимание на проблему дублирования их полномочий с полномочиями органов исполнительной власти. Указанная проблема проявляется при осуществлении анализа полномочий, предусмотренных Указом

Президента РФ «О полномочном представителе Президента РФ в федеральном округе» и Федеральным конституционным законом от 06.11.2020 г. № 4 «О Правительстве РФ». Итак, на основании анализа вышеизложенных нормативно-правовых актов, можно выделить следующие сходные полномочия:

1. Обеспечение координации деятельности соответствующих органов исполнительной власти

2. Представитель Президента РФ организует взаимодействие федеральных органов исполнительной власти с общественными и религиозными объединениями, а Правительство РФ взаимодействует с такими объединениями.

3. Представитель Президента РФ разрешает разногласия между федеральными органами государственной власти и органами государственной власти субъектов РФ, которые расположены в пределах федерального округа. Тогда как Правительство РФ разрешает разногласия, возникшие между органами исполнительной власти.

В данном ключе стоит отметить, что прошлый ФКЗ «О Правительстве РФ» от 17.12.1997 г. № 2 содержал гораздо больше похожих полномочий, а также существовала норма, предусматривающая право заместителей Председателя Правительства РФ и федеральных министров замещать должности полномочных представителей в федеральных округах. В связи с принятием нового ФКЗ «О Правительстве РФ» можно говорить о том, что законодатель идет по пути отграничения полномочий исполнительных органов от полномочий представителей Президента РФ в федеральных округах. Тем не менее, в новом ФКЗ все же прослеживается аналогичность полномочий вышеуказанных органов.

Говоря о проблематике института полномочных представителей в федеральных округах, стоит отметить еще одну немаловажную проблему, которая касается отсутствия конкретных полномочий представителей Президента РФ в федеральных округах в отношении своих аппаратов. Такой вывод позволяет сделать анализ нормативно-правового акта, регламентирующего деятельность института полномочных представителей Президента РФ – вышеупомянутый Указ Президента РФ «О полномочном представителе Президента Российской Федерации в федеральном округе».

Для решения выявленных проблем необходимо, во-первых, проводить анализ полномочий представителей Президента РФ в федеральных округах, чтобы исключить их аналогичность с органами исполнительной власти и приблизить к полномочиям Президента РФ, вспомогательным органом которого, собственно, и является рассматриваемый институт. Во-вторых, стоит детализировать в нормативно-правовом акте, а именно в существующем Указе Президента РФ «О полномочном представителе Президента РФ в федеральном округе» полномочия представителей Президента РФ в федеральных округах относительно их аппаратов [1, с. 35].

Список использованной литературы

1. Безменова Н.А., Храмцов А.Б. Институт полномочных представителей Президента Российской Федерации. Эволюция, состав, проблемы / Н.А. Безменова, А.Б. Храмцов // Закон и право. – 2019. – № 4. – С. 30–36.

2. Ким В.В. Концепция вспомогательных органов государственной власти: институт полномочных представителей Президента России в федеральных округах / В.В. Ким // Актуальные проблемы российского права. – 2020. – № 7 (116). – С. 22–29.

3. Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права [соч.] / Н.М. Коркунов. – Санкт-Петербург : Магазин Н.К. Мартынова, 1909. – 354 с.

4. Кравцова Е.А. Вспомогательные и консультативные органы, создаваемые при органах государственной власти субъектов Российской Федерации: сравнительно-правовой анализ / Е.А. Кравцова // Вестник Уфимского юридического института. – 2019. – № 4 (86). – С. 24–29.

5. Лебедев В.А. Становление и развитие института полномочного представителя Президента Российской Федерации в федеральном округе / В.А. Лебедев // Вестник Университета им. О.Е. Кутафина. – 2018. – № 6 (46). – С. 88–96.

Информация об авторе

Данилина Анастасия Сергеевна – студент Института государства и права Байкальского государственного университета, Иркутск, Россия, e-mail: nastyu.danilina.00.00@list.ru.

Author

Anastasia S. Danilina – student of the Institute of State and Law of Baikal State University, Irkutsk, Russia, e-mail: nastyu.danilina.00.00@list.ru.

К ВОПРОСУ ОБРАЗОВАНИЯ И ФОРМИРОВАНИЯ МУНИЦИПАЛЬНЫХ КОНТРОЛЬНО-СЧЕТНЫХ ОРГАНОВ

Анализируются положения федерального законодательства в части выявления проблем, касающихся обязательного наличия в структуре органов местного самоуправления контрольно-счетных органов, а также наделения их статусом юридического лица. Проводится анализ практики применения нормативных правовых актов, регулирующих деятельность муниципальных контрольно-счетных органов на примере Иркутской области и Республики Саха (Якутия). Разработаны предложения по решению выявленных проблем, направленных на совершенствование федерального законодательства.

Ключевые слова: органы местного самоуправления, внешний муниципальный финансовый контроль, муниципальные контрольно-счетные органы, представительные органы, муниципальные образования.

Н.А. Kuminova

ON THE QUESTION OF EDUCATION AND FORMATION OF MUNICIPAL CONTROL AND ACCOUNTING BODIES

The article analyzes the provisions of federal legislation in terms of identifying problems related to the mandatory presence of control and accounting bodies in the structure of local self-government bodies, as well as endowing them with the status of a legal entity. The analysis of the practice of applying normative legal acts regulating the activities of municipal control and accounting bodies is carried out on the example of the Irkutsk region and the Republic of Sakha (Yakutia). Proposals were developed to solve the identified problems aimed at improving federal legislation.

Keywords: local government bodies, external municipal financial control, municipal control and accounting bodies, representative bodies, municipalities.

С принятием Федерального закона от 07.02.2011 г. № 6-ФЗ «Об общих принципах организации и деятельности контрольно-счетных органов субъектов Российской Федерации и муниципальных образований» (далее – Федеральный закон № 6-ФЗ) была установлена система формирования, организации и деятельности контрольно-счетных органов муниципальных образований. В ходе правоприменения Федерального закона № 6-ФЗ на практике возникает ряд проблем.

Статьей 34 Федерального закона от 06.10.2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (далее – Федеральный закон № 131-ФЗ) установлена структура органов местного самоуправления, также определена обязательная структура органов местного самоуправления, в которую входят: представительный орган муниципального образования, глава муниципального образования, местная администрация (ис-

полнительно-распорядительный орган муниципального образования) [5]. Данные законодательные нормы не предусматривают обязательного наличия муниципальных контрольно-счетных органов.

В Бюджетном кодексе Российской Федерации отсутствуют положения, которые указывали бы на то, что формирование контрольно-счетного органа в качестве органа местного самоуправления в каждом муниципальном образовании обязательно. Федеральным законом № 6-ФЗ не закреплено обязанности за муниципальными образованиями по созданию контрольно-счетных органов в качестве самостоятельного органа местного самоуправления [3].

Создание муниципального контрольно-счетного органа возможно только при наличии его в уставе муниципального образования как органа местного самоуправления. Также на образование контрольно-счетного органа напрямую влияет статус муниципального образования (например, муниципальный район, городское или сельское поселение и т.п.), численность населения муниципального образования, наличие финансовых (бюджетных) возможностей и кадровых ресурсов конкретного муниципального образования.

В судебной практике имеются противоположные решения по вопросу обязательности создания муниципальных контрольно-счетных органов. Так Верховный суд Республики Карелия в своем Апелляционном определении от 24.06.2014 г. указал на то, что образование контрольно-счетного органа является правом муниципального образования, которым последнее может воспользоваться по своему усмотрению [1]. Однако, Решением Ногликского районного суда Сахалинской области от 03.02.2015 г. по делу № 2-44/2015 суд признает правомерными доводы прокурора о том, что надлежащее исполнение органами местного самоуправления бюджетного законодательства Российской Федерации предполагает обязательность создания контрольно-счетных органов в каждом муниципальном образовании в формах, установленных Федеральным законом № 6-ФЗ [7].

На практике контрольно-счетные органы обязательно образуются на уровне городских округов и муниципальных районов, а также в крупных городских поселениях. Так, например, в Иркутской области, в которой насчитывается 10 городских округов и 32 муниципальных района, на 1 января 2020 г. в каждом из них образован контрольно-счетный орган. Аналогичная ситуация в Республике Саха (Якутия) на 1 января 2020 г. образовано 39 контрольно-счетных органа, из которых 2 – на уровне городских округов, 34 – в муниципальных районах и 3 – на уровне городских поселений.

Частью 8 ст. 3 Федерального закона № 6-ФЗ предусмотрено, что контрольно-счетный орган муниципального образования в соответствии с уставом муниципального образования и (или) нормативным правовым актом представительного органа муниципального образования может обладать правами юридического лица [6]. Данная норма не носит императивный характер и на практике приводит к различному ее правоприменению. В результате этого возникают различные модели формирования контрольно-счетных органов муниципальных образований [8].

1. Контрольно-счетный орган муниципального образования в соответствии с уставом муниципального образования, входит в структуру органов местного самоуправления и является органом местного самоуправления, обладает правами юридического лица.

Данная модель наилучшим образом отражает правильность применения диспозитивной нормы Федерального закона № 6-ФЗ. Преимуществом применения этой модели является то, что деятельность муниципального контрольно-счетного органа максимально эффективна при осуществлении внешнего муниципального финансового контроля, а также в полной мере реализует основополагающие принципы самостоятельности и независимости. Примерами реализации данной формы образования являются Контрольно-счетная палата муниципального образования «Мирнинский район» Республики Саха (Якутия), Контрольно-счетный орган муниципального образования «Ленский район» Республики Саха (Якутия), Контрольно-счетная палата города Усолье-Сибирское Иркутской области, Контрольно-счетная палата города Братска Иркутской области.

2. Решением представительного органа муниципального образования контрольно-счетный орган входит в структуру органов местного самоуправления, определенную уставом, но не наделен правами юридического лица.

В ходе применения формирования муниципального контрольно-счетного органа по второй модели существует ряд недостатков, например, проблемы финансирования деятельности контрольно-счетного органа без статуса юридического лица в связи с тем, что такой орган не будет являться участником бюджетного процесса, согласно нормам ст. 152 Бюджетного кодекса [2]. Следом возникают проблемы осуществления материально-технического снабжения контрольно-счетного органа, а также реализации прав работников контрольно-счетного органа (муниципальных служащих) в части денежного содержания. Пунктом 1 ст. 10 Федерального закона от 02.03.2007 г. № 25-ФЗ «О муниципальной службе в Российской Федерации» установлено, что денежное содержание муниципальным служащим, выплачивается за счет средств местного бюджета [4]. На практике созданные по второй модели муниципальные контрольно-счетные органы существуют, например, Контрольно-счетная палата муниципального образования Слюдянский район Иркутской области, Контрольно-ревизионная комиссия муниципального района Усольского районного муниципального образования, Контрольно-счетный орган муниципального образования «Город Ленск» Республики Саха (Якутия).

В связи с тем, что в силу норм бюджетного законодательства данные муниципальные контрольно-счетные органы не являются участниками бюджетного процесса, материально-техническое снабжение, финансовое содержание работников полностью осуществляется представительным органом муниципального образования. Конечно же это является положительным моментом, так как не требует дополнительных расходов бюджета на содержание аппарата муниципального контрольно-счетного органа, однако ставит деятельность органа в зависимость от представительного органа, который в свою очередь при определенных политических ситуациях может повлиять на результаты деятельности муниципального контрольно-счетного органа в части его выводов по результа-

там проведенных контрольных мероприятий в отношении объектов проверки. Данные обстоятельства считаем существенным недостатком при реализации этой модели, устранением которого может являться заключение соглашений с представительными органами муниципальных районов о передаче контрольно-счетному органу муниципального района полномочий контрольно-счетного органа поселения по осуществлению внешнего муниципального финансового контроля либо с контрольно-счетными органами субъектов Российской Федерации о передаче им полномочий по осуществлению внешнего муниципального финансового контроля. Части 11, 12 ст. 3 Федерального закона № 6-ФЗ предусматривают данную возможность. При этом принципы самостоятельности и независимости будут реализованы в полной мере, а также позволит существенно сократить расходы бюджета на содержание аппарата контрольно-счетного органа. Считаем, что передача полномочий актуальна для тех муниципальных образований, которые испытывают дефицит не только финансовых (бюджетных) возможностей, но и кадровых ресурсов.

3. Решением представительного органа муниципального образования контрольно-счетный орган не включен в структуру органов местного самоуправления. Контрольно-счетный орган предусматривается в составе представительного органа. Данная модель на практике применяется редко, одним из примеров является контрольно-счетный орган муниципального образования «Город Ленск» Ленского района Республики Саха (Якутия), который до 2017 г. входил в структуру представительного органа муниципального образования.

Рассмотрим правомерность реализация третьей модели – создания контрольно-счетного органа в структуре представительного органа муниципального образования – с точки зрения правовых норм действующего законодательства.

Бюджетным кодексом (ст. 153) установлены бюджетные полномочия представительных органов, которые предусматривают, что представительные органы муниципальных образований рассматривают и утверждают бюджеты и отчеты об их исполнении, осуществляют контроль в ходе рассмотрения отдельных вопросов исполнения бюджетов, формируют и определяют правовой статус органов внешнего муниципального финансового контроля.

В соответствии с Федеральным законом № 131-ФЗ в исключительной компетенции представительных органов муниципальных образований находится контроль за исполнением органами местного самоуправления и должностными лицами полномочий по решению вопросов местного значения.

Данными нормами закреплены контрольные полномочия представительных органов муниципальных образований.

Контрольно-счетный орган, входящий в структуру представительного органа, может осуществлять некоторые функции внешнего муниципального финансового контроля, вместе с тем будет отличаться от контрольно-счетного органа муниципального образования.

Недостатками реализации третьей модели будет являться, то, что контрольно-счетный орган не обладает собственными полномочиями по решению вопросов местного значения, входит в состав представительного органа муниципального образования и является его структурным подразделением. При этом

на него не распространяются положения Федерального закона № 6-ФЗ. Контрольно-счетные органы в структуре представительных органов могут осуществлять лишь те функции в области внешнего муниципального финансового контроля, которые входят в полномочия данных представительных органов муниципальных образований.

Безусловно, рассмотренные проблемы, возникшие в результате правоприменения диспозитивных положений федерального законодательства, требуют принятия решений, направленных на исключение неправильного толкования и применения норм законодательства, а также на повышение уровня эффективности деятельности муниципальных контрольно-счетных органов.

На наш взгляд, решением может стать внесение изменений в федеральное законодательство в части закрепления за представительными органами обязанности по созданию муниципальных контрольно-счетных органов с обязательным присвоением статуса юридического лица для муниципальных районов, городских округов и городских округов с внутригородским делением, с одновременным возложением на муниципальные районы полномочий по внешнему муниципальному финансовому контролю городских и сельских поселений, а на городские округа с внутригородским делением – полномочий по внешнему муниципальному финансовому контролю внутригородских районов.

Считаем, что такая модель образования и формирования муниципальных контрольно-счетных органов будет наиболее эффективной при осуществлении полномочий по внешнему муниципальному финансовому контролю.

Список использованной литературы

1. Апелляционное определение Верховного суда Республики Карелия от 24.06.2014 г. по делу № 33-2477/2014 // СПС «КонсультантПлюс».
2. Бюджетный кодекс Российской Федерации : Федер. закон от 31.07.1998 г. № 145-ФЗ : (ред. от 22.12.2020 г.) // Собрание законодательства РФ. – 1998. – № 31. – Ст. 3823.
3. Лукьянова А.Ю. Правовой статус контрольно-счетного органа муниципального образования и проблемы его определения / А.Ю. Лукьянова // Молодой ученый. – 2017. – № 15. – С. 267–270.
4. О муниципальной службе в Российской Федерации : Федер. закон от 02.03.2007 г. № 25-ФЗ : (ред. от 27.10.2020 г.) // Собрание законодательства РФ. – 2007. – № 10. – Ст. 1152.
5. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации : Федер. закон от 06.10.2003 г. № 131-ФЗ : (ред. от 29.12.2020 г.) // Собрание законодательства РФ. – 2003. – № 40. – Ст. 3822.
6. Об общих принципах организации и деятельности контрольно-счетных органов субъектов Российской Федерации и муниципальных образований : Федер. закон от 07.02.2011 г. № 6-ФЗ : (ред. от 27.12.2018 г.) // Собрание законодательства РФ. – 2011. – № 7. – Ст. 903.
7. Решение Ногликского районного суда Сахалинской области от 03.02.2015 г. по делу № 2-44/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

8. Соловьев Г.Е., Алексеева М.Г. Правовой статус контрольно-счетного органа муниципального образования в России: актуальные вопросы теории и практики / Е.Г. Соловьев, М.Г. Алексеева // Государственный аудит. Право. Экономика. – 2017. – № 3–4. – С. 171–177.

Информация об авторе

Куминова Наталья Анатольевна – главный инспектор Контрольно-счетного органа муниципального образования «Город Ленск» Ленского района Республики Саха (Якутия), магистрант кафедры государственно-правовых дисциплин Байкальского государственного университета, Иркутск, Россия, e-mail: natte@bk.ru.

Author

Natalya A. Kuminova – Chief Inspector of the Control and Accounts Body of the Municipal Formation «City of Lensk» of the Lensky District of the Republic of Sakha (Yakutia), Master student of the Department of State and Legal Disciplines of Baikal State University, Irkutsk, Russia, e-mail: natte@bk.ru.

**ПРАВО НА ОБРАЗОВАНИЕ В РОССИИ
И ЗАРУБЕЖНЫХ ГОСУДАРСТВАХ:
СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ ПОДХОД**

В статье анализируются подходы к пониманию содержания права на образование в зарубежных государствах на примере Франции, Финляндии, Германии, Индии и Китая. Рассматривается законодательная база, устанавливающая основные принципы реализации права на образование. Раскрывается подход к пониманию права на образование в законодательстве Российской Федерации. Выделяются общие принципы понимания и реализации права на образование.

Ключевые слова: образование, образовательная система, право на образование, закон об образовании, реализация права.

А.К. Lutoshkina

**THE RIGHT TO EDUCATION IN RUSSIA
AND FOREIGN COUNTRIES: A COMPARATIVE LEGAL APPROACH**

The article presents approaches to understanding the content of the right to education in foreign countries on the example of France, Finland, Germany, India and China. The article considers the legislative framework that establishes the basic principles for the realization of the right to education. The article reveals the approach to understanding the right to education in the legislation of the Russian Federation. The general principles of understanding and realization of the right to education are highlighted.

Keywords: education, education system, the right to education, the education law, implementation of the right.

В настоящее время право на образование рассматривается как одно из важнейших прав человека, это право реализуется подавляющим большинством государств. При этом его регулирование осуществляется не только на национальном, но и на международном уровне.

Так, на международном уровне большое внимание образованию стандартам прав личности уделяет Организация Объединенных Наций [1, с. 20–39]. В частности, исследуемому явлению – ее специализированное учреждение по вопросам образования, науки и культуры ЮНЕСКО. К международным актам, регулирующим право на образование, относятся: Всеобщая декларация прав человека 1948 г., Конвенция о борьбе с дискриминацией в области образования 1960 г., Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах 1966 г., Конвенция о правах ребенка 1989 г., Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод 1953 г. и др. Несмотря на наличие международных актов, принципы которых являются обязательными для госу-

дарств их подписавших, подходы к пониманию и реализации права на образование в каждом государстве отличаются. Для того чтобы получить общую картину понимания данного права в мире, следует рассмотреть подходы, применяемые в разных регионах и выявить, какие из применяемых принципов являются общими для всех.

Для начала рассмотрим подход Франции. Именно во французской Конституции впервые в 1791 г., было закреплено право на образование: «Будет обеспечено и организовано народное образование, общее для всех граждан, бесплатное в части, необходимой для всех людей...». В преамбуле французской Конституции 1946 г., являющейся составной частью Конституции Французской Республики 1958 г. закрепляется, что: «Организация общественного бесплатного и светского образования всех ступеней является долгом Государства». Так же устанавливаются бесплатность образования, его не религиозность. Образование признается национальным приоритетом.

Образование во Франции делится на три основных ступени: начальная ступень, средняя ступень и высшая ступень. Государство, реализуя конституционные положения, утверждает все школьные программы, как государственных, так и частных образовательных учреждений, активно поддерживает частные школы, оплачивая труд преподавателей и помогая в иных расходах. Так же 15 июня 2000 г. ордонансом Президента Республики № 2000-549 введен в действие Кодекс об образовании Франции, который признает равное право на образование за всеми молодыми людьми, каково бы ни было их общественное, культурное и географическое происхождение.

Семьи во Франции привлекаются к процессу получения школьного образования детей, школа лишь дополняя семейное воздействие, содействует получению образования ребенком. Считается, что школа, университет и семья должны подготовить ребенка к взрослой жизни, бытовым условиям и к реализации им своих обязанностей как человека и гражданина. Следовательно, в основе законодательства лежит понимание образования как инструмента для формирования полноценной личности гражданина, который сможет реализовать себя в жизни.

Интересным является и подход к реализации права на образование в Финляндии, где оно разделено на четыре ступени. Система образования Финляндии считается одной из наиболее эффективных и прогрессивных в Европе. В частности, образование относится к основным правам и также закрепляется в Конституции вместе с правом на родной язык и культуру. В данном государстве существует целая система федеральных законов, регулирующих отдельные вопросы реализации права на образование. К примеру, обязательное образование можно получить не только в школе, но и любым иным способом, позволяющим усвоить необходимый объем знаний. Также гарантируется равноправие при получении образования независимо от пола, языка, национальности и места жительства. Также стоит отметить, что в Финляндии существует принцип пожизненного обучения, который выражается в праве каждого гражданина продолжать саморазвитие и познание нового, расти морально и этически ответственным членом общества на протяжении всей жизни.

Интересно отметить, что в Конституции Финляндии закреплены следующие фундаментальные положения: бесплатность начального образования; обязанность органов публичной власти обеспечивать каждому равные возможности в соответствии с его способностями и особыми потребностями получать, помимо основного, также иное образование и заниматься саморазвитием независимо от уровня материальной обеспеченности; гарантированность свободы обучения наукам и искусству, а также высшего образования. Образование для Финляндии – это жизненно важный, непрерывный в течение всей жизни процесс получения знаний.

Вместе с тем, представляется, что одной из самых гибких систем образования считается система образования в ФРГ [1]. Основным законом об образовании в Германии предоставляется право каждому гражданину свободно развивать свою личность и выбирать школу, место учебы и профессию по своим способностям и наклонностям. Школьное образование считается обязательным с 1 по 9 класс и находится под особым государственным контролем. Каждый гражданин Германии может получить общее, высшее и профессиональное образование в течение всей жизни. Школьное образование, получаемое в государственных школах, является бесплатным не только для граждан Германии, но и для иностранных граждан. К тому же допускается создание не только государственных, но и частных образовательных учреждений, однако их количество невелико. Полагаем, образование в ФРГ призвано направить способности каждого ученика в нужное русло и помочь, как можно раньше определиться с той областью, где человек сможет реализоваться наиболее эффективно.

Тем не менее, стоит заметить, что не во всех странах развитие права на образование имеет столь очевидные успехи. Так, например, образование в Индии долгое время было недоступно для основных слоев населения в силу его платности и некоторых религиозных убеждений. Этот факт способствовал постоянному увеличению процента безграмотного населения, уменьшением которого государству приходится заниматься и на сегодняшний день. Акт, изменивший положение, был принят лишь в 2001 г. – Конституционный акт о 86-й поправке к Конституции Индии 1949 г. Таким образом, в Основной Закон была введена ст. 21-А («Право на образование»), которая закрепила бесплатное и обязательное образование для детей в возрасте от 6 до 14 лет.

В 2009 г. в силу и на основании указанной статьи был принят Акт № 35 «О праве детей на бесплатное и обязательное образование», где под бесплатным образованием следует понимать то, что ни один ребенок не должен вносить никаких плат за обучение и получаемое им образование. В свою очередь, принцип обязательности образования заключается в том, что правительство и соответствующие местные органы власти обязаны контролировать посещаемость школьных занятий, а также следить за тем, чтобы каждый ребенок в полной мере смог получить базовое школьное образование.

Тем не менее, несмотря на очевидное отставание Индии в реализации права населения на образование, государство предпринимает возможные меры по его сокращению. Так, например, в начале 2000-х была создана специальная программа – Национальная миссия по повышению грамотности. Представляет-

ся, что данная программа показала свою эффективность – с каждым годом число молодого грамотного населения растет. Для Индии образование – это в первую очередь инструмент, помогающий воспитать грамотное и социально адаптированное население.

Интересный и более строгий подход мы можем наблюдать в Китае. «Граждане Китайской Народной Республики имеют право на образование и обязаны учиться. Государство обеспечивает всестороннее нравственное, умственное и физическое развитие молодежи, подростков и детей» – говорится в ст. 46 Конституции Китайской Народной Республики 1982 г. По Закону об образовании КНР, свое образование государство развивает согласно идеями марксизма-ленинизма, Мао Цзэдуна и теории построения социализма с китайской спецификой. Тем не менее, Китай закрепляет такие основополагающие начала как равный доступ к образованию каждого, недопустимость дискриминации при получении образования; ведущая роль государства в управлении образованием на всех уровнях организации власти; недопустимость создания частных учебных заведений с целью получения прибыли; разделение образования на 4-й ступени; обязательность получения девятилетнего образования. Что касается бесплатности образования, то здесь бесплатными могут быть лишь первые девять классов. В этой части можно провести отличие между правом на образование и обязанностью его получения, о которых говорится в норме ст. 46 Конституции КНР. Обязанность заключается в получении именно основного девятилетнего образования. Право же – это, во-первых, возможность продолжать свое обучение на следующих ступенях, а во-вторых, это невозможность ограничения доступа к получению обязательного девятилетнего образования.

Следует отметить, что в Китае образование считается первой учебной и трудовой деятельностью гражданина. В законодательстве Китая прослеживается главная идея образования, в основе которой лежит понимание образования как инструмента для воспитания законопослушного, трудолюбивого и высокоморального гражданина, который сможет стать ценным кадром для своего государства и приносить ему пользу.

В Российской Федерации право каждого гражданина на образование закреплено на конституционном уровне. К тому же в рамках ст. 43 Основного Закона гарантируется общедоступность, бесплатность получения школьного образования, право на конкурсной основе бесплатно получить высшее образование, обязательность основного общего образования, поддержка различных форм образования и самообразования.

Как известно, природа правовых явлений более детально раскрывается в отраслевом законодательстве [2]. Так, согласно положениям Федерального закона от 29.12.2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (далее – ФЗ «Об образовании») под образованием можно понимать единый целенаправленный процесс воспитания и обучения человека, являющийся общественно значимым благом и осуществляемый в интересах человека, семьи, общества и государства, а также совокупность приобретаемых знаний, умений, навыков, ценностных установок, опыта деятельности и компетенции, определенных объема и сложности в целях интеллектуального, духовно-

нравственного, творческого, физического и (или) профессионального развития человека, удовлетворения его образовательных потребностей и интересов. Вместе с тем федеральный законодатель дал определение понятию «образовательная деятельность» – это деятельность по реализации основных и дополнительных образовательных программ. Следует отметить, что таким правом наделяют не только юридических лиц, но и индивидуальных предпринимателей. При этом все российское образование можно разделить на общее образование, профессиональное образование, дополнительное образование и профессиональное обучение, обеспечивающие возможность реализации права на образование в течение всей жизни (непрерывное образование). Общее образование и профессиональное образование реализуются по уровням образования.

Подводя итог проведенному исследованию существующих систем образования, можно прийти к выводу, что в основе любого национального законодательства лежат принципы и идеи международного права. Главный из них – это равное право каждого человека на получение образования. В некоторых государствах установлены свои условия его получения. Ведущую роль в управлении образованием на себя берут государства. Основными компонентами права на образование, получившими отражение в национальных законодательствах, являются:

- 1) обязательность и бесплатность начального или среднего образования в государственных и муниципальных школах и некоторых других образовательных учреждениях;
- 2) предоставление родителям возможности выбора формы обучения для своего ребенка, например, религиозное или светское;
- 3) свобода преподавания;
- 4) свобода организации частных учебных заведений.

Таким образом, право на образование понимается достаточно широко, оно не ограничивается только школьным или только вузовским этапом. Каждое государство стремится создать наиболее оптимальные и доступные условия для его получения, стремится снизить уровень безграмотного населения. Этот подход должен привести к повышению качества подготавливаемых специалистов, а, следовательно, к повышению качества жизни не только в каждом отдельном государстве, но и в международном измерении.

Список использованной литературы

1. Баранова С.А. Проблемы конституционно-правовой природы и правовой регламентации права на высшее образование в России и Германии / С.А. Баранова. – Москва : Изд-во «Креативная экономика», 2017. – 192 с.
2. Слободчикова С.Н. Правовая природа сроков в российском избирательном праве / С.Н. Слободчикова // Академический юридический журнал. – 2014. – № 3 (57). – С. 48–54.
3. Слободчикова С.Н. Свободные выборы как избирательный стандарт (конституционно-правовое исследование) : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / С.Н. Слободчикова. – Иркутск, 2019. – 219 с.

Информация об авторе

Лутошкина Алина Курбановна – магистрант кафедры государственно-правовых дисциплин Байкальского государственного университета, Иркутск, Россия, e-mail: cruschinsky@mail.ru.

Author

Alina K. Lutoshkina – master's degree student of the Chair of State and Legal Disciplines of Baikal State University, Irkutsk, Russia, e-mail: cruschinsky@mail.ru.

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ОСНОВНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ РЕФОРМЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ГРАЖДАНСКОЙ СЛУЖБЫ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье рассматриваются основные направления развития государственной гражданской службы на каждом этапе административной реформы. Выделяются общие и специфические проблемы на каждом этапе. Делаются выводы по современному состоянию государственной гражданской службы в Российской Федерации и предполагаемым перспективам ее развития.

Ключевые слова: государственная гражданская служба, административная реформа, эффективность, кадровая технология.

I.V. Mikhaylov

COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS OF THE MAIN DIRECTIONS OF CIVIL REFORM IN THE RUSSIA FEDERATION

The article considers the main directions at each stage of the administrative reform of the public civil service. Common and specific problems are identified at each stage. Conclusions are made on the current state of the state civil service in the Russian Federation and the prospects for its development.

Keywords: civil service, administrative reform, efficiency, human resources technology.

Процесс развития государственной службы в Российской Федерации часто становится объектом научных исследований. При этом такие изыскания позволяют прийти к важным теоретическим выводам, определить причинно-следственные связи, проблемы и перспективы, внести практические предложения. Специфика государственной власти выражается в том числе и в том, что каждая ее ветвь, не исключая взаимодействия между ними, реагирует на изменения, модернизируется, противодействует нежелательным явлениям по своему. Каждой ветви государственной власти присущ персональный арсенал методов, которые в правовом государстве реализуются через юридические процедуры. Существует позиция, что при модернизации административного ресурса государства наиболее важное влияние на этот процесс оказывает исполнительная власть. Тогда все встает на свои места, и административная реформа, как деятельность исполнительной власти по ее самосовершенствованию, разумеется, при руководящем и направляющем воздействии Президента РФ и деятельном участии структур гражданского общества, становится реальностью [2, с. 153]. Действительно, органы государственной исполнительной власти первыми отмечают изменения в обществе, оперативно на них реагируют, разрабатывают программы и предложения, которые впоследствии реализуются в

подзаконных актах, либо вносятся в качестве проектов законодательных актов. Однако чрезмерное акцентирование на одной ветви, на наш взгляд, не отражает в полной мере единство системы государственной власти. Для должного уровня правового регулирования необходимо реализовывать законодательное, подзаконное нормотворчество, а также опираться на судебную практику. Исходя из принципов построения российской системы права, наиболее крупным сферам отношений положено регулирование нормами законов, так как государственная служба в Российской Федерации регулируется в первую очередь федеральным законодательством. Исключением может являться восполнение пробелов, но только как экстренное временное средство, для устранения ситуации угрожающей стабильности государства и его национальной правовой системе. Так как все же подзаконное нормотворчество призвано придать определенной проблеме практический характер, конкретизировать общие правовые предписания, не создавая новых норм закона и толкований.

Исходя из иницирующей роли исполнительной власти и природой нормативно-правового регулирования реформ, можно сделать вывод, что этапы развития системы, обусловлены достаточно кардинальными изменениями в социально-экономической и политической сфере, которые происходят в каждом десятилетии существования демократической России и связаны с принятием ключевых актов, которые закрепляют новый вектор или вносят коррективы в текущий. Однако необходимо учитывать, что политические мотивы, находясь вне юридической плоскости, определяют концепции, которые получают нормативное закрепление. Так, А.А. Гришковец считает, что старт реальной административной реформе был дан письмом Председателя Правительства РФ М.М. Касьянова от 18.02.2002 г. № МК-П26-492 на имя Президента РФ, в котором излагались основные идеи предлагаемых преобразований [2, с. 136]. Указ Президента РФ от 23.07.2003 г. № 824 «О мерах по проведению административной реформы в 2003–2004 годах» [9] закрепил следующие основные направления: ограничение вмешательства государства в экономическую деятельность субъектов предпринимательства, в том числе прекращение избыточного государственного регулирования; исключение дублирования функций и полномочий федеральных органов исполнительной власти; развитие системы саморегулируемых организаций в области экономики; организационное разделение функций, касающихся регулирования экономической деятельности, надзора и контроля, управления государственным имуществом и предоставления государственными организациями услуг гражданам и юридическим лицам; завершение процесса разграничения полномочий между федеральными органами исполнительной власти и органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации, оптимизация деятельности территориальных органов федеральных органов исполнительной власти. Формирование централизованной системы государственного управления, либерализация рыночных отношений, освобождение предпринимательской деятельности от несоразмерного воздействия со стороны государства, как в рамках нормативно-правового регулирования, так и правоприменительной деятельности, отражается в векторах, которые закрепила данная реформа. И, если Федеральный закон от 27.05.2003 г. № 58-

ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации» [7] и Федеральный закон от 27.07.2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» [8] стали базисом, закрепившим принципы и основные механизмы реализации государственной гражданской службы, то названный Указ Президента определил вектор развития, направление административных и финансовых ресурсов реформы. В целом, акцент данного периода реформирования был сделан на организационном аспекте, но административная реформа 2004 г., предусматривающая реорганизацию федеральных органов исполнительной власти сопровождалась рядом нюансов, ставивших под сомнение достижение планируемых результатов [6, с. 57]. Однако, решение ряда проблем в этих сферах, позволило сделать государственное управление более оперативным, гибким, внести коррективы в контрольно-надзорную деятельность.

На рубеже первого и второго десятилетий XXI в. Президентом РФ среди наиболее важных направлений модернизации была обозначена необходимость развития государственной службы. Во исполнение этих поручений Министерством труда и социальной защиты РФ была разработана программа по реформированию и развитию системы государственной службы. Указом Президента РФ от 10.03.2009 г. № 261 «О федеральной программе «Реформирование и развитие системы государственной службы Российской Федерации» [11] ей был положен путь в реализацию. Определяя цель программы, можно сказать, что необходимо было закрепить систему государственной службы (закончив реформирование ее видов) и придать ей централизованное управление. Кроме того, возник вопрос формирования высококвалифицированного кадрового состава, который обеспечивал бы высокую эффективность результатов деятельности, в совокупности со взаимодействием с формирующимся институтом общественного контроля и развивающейся инновационной экономикой. Из этого положения можно сделать вывод, что эффективность государственного управления связывается напрямую с деятельностью государственных служащих, непосредственных исполнителей государственных функций. Раскрывая амбициозные 25 задач программы, становится видно, что желаемая эффективность складывается из: целостной системы управления, которая может обеспечить межведомственное взаимодействие на всех уровнях; усовершенствования антикоррупционной системы; создания взаимодействия между органами государственной власти и институтами гражданского общества, чтобы иметь двусторонний диалог и в тоже время реализовывать общественный контроль; модернизации и развития системы государственной службы, в том числе сокращения численности состава при повышении квалификации кадров, информатизации процессов, а также применении мотивационных методов. Реализация межведомственного взаимодействия проявляется в различных аспектах осуществления государственных органами своих функций. Так оно может быть реализовано правоохранительными органами, к примеру, путем координации деятельности по борьбе с экстремизмом либо применяться при разработке нормативных актов, затрагивающих широкий круг правоотношений при котором необходимо учитывать статистику, программные предложения от ряда органов. Однако, особенно ярко с точки зрения информационного взаимодействия этот процесс реа-

лизуется при предоставлении государственных и муниципальных услуг. Стоит отметить, что политика упрощения доступа к получению услуг населением, направление ряда реформ (административной, цифровой), так что повышение эффективности государственного управления совокупный фактор. Развитие же антикоррупционного законодательства осложняется уровнем латентности коррупционных правонарушений. Направляются огромные усилия на предупреждение и выявления фактов коррупции, как с проектной теоретической основы, так и с практическим применением.

В рамках целостного развития методов борьбы, коррупция определяется как система связанных явлений: коррупциогенных факторов, коррупциогенных рисков, коррупциогенных правонарушений и негативных последствий. Однако, необходимо понимать, что любая форма контроля, надзора или противодействия правонарушениям должны минимизировать вмешательство в объективно нормальный процесс функционирования управленческого механизма. Этот аспект необходимо учитывать, при целом ряде случаев, когда например ответственность применяется к непосредственному руководителю, который будучи осведомленным о личной заинтересованности не принял мер по предотвращению конфликта интересов. В таком случае, на наш взгляд, необходимо учитывать деяние подчиненного работника, так и непосредственные действия самого руководителя в совокупности, для объективного установления причин и уточнения критерия увольнения государственного гражданского служащего, чтобы соблюсти не только государственный интерес, но и права государственного служащего, чтобы в целом при прохождении службы он чувствовал себя более защищенным через реализацию механизмов гарантий. Таким образом, если провести сравнение с направлениями реформ 2004 г., то мы видим, что на современном этапе, акценты сделаны на: формирование системы государственной службы Российской Федерации как целостного государственно-правового института, создание системы управления государственной службой; внедрение на государственной службе Российской Федерации эффективных технологий и современных методов кадровой работы; повышение эффективности государственной службы Российской Федерации и результативности профессиональной служебной деятельности государственных служащих. И если первое положение соотносится все с тем же организационным аспектом, базой построения всей системы, то положения о внедрении кадровых технологий и повышении эффективности деятельности говорят о качественных изменениях в подходах развития института государственной службы в целом. На этом этапе, все еще рассматривается реформа государственной службы, как единая программа, внутри которой оказывается влияние на каждый ее вид. Однако, становится понятно, что специфика каждого вида государственной службы в Российской Федерации, не позволяет под копирку применять одинаковые кадровые практики и методики повышения эффективности.

Так, на современном этапе акцентируется внимание на гражданской государственной службе, как самостоятельном виде системы государственной службы Российской Федерации и объекте реформирования. Указ Президента РФ от 24.06.2019 г. № 288 «Об основных направлениях развития государствен-

ной гражданской службы Российской Федерации на 2019–2021 годы» [13] установил, что основными направлениями развития государственной гражданской службы являются: совершенствование порядка назначения на должности государственной гражданской службы Российской Федерации граждан Российской Федерации, государственных гражданских служащих Российской Федерации; стимулирование гражданских служащих к повышению эффективности своей профессиональной служебной деятельности, развитие системы государственных правовых и социальных гарантий на гражданской службе; внедрение новых форм профессионального развития гражданских служащих, в том числе предусматривающих использование информационно-коммуникационных технологий; ускоренное внедрение информационно-коммуникационных технологий в государственных органах в целях повышения качества кадровой работы. Использование информационно-коммуникационных технологий отличительная черта текущего столетия, которая пронизывает все общественные сферы. Логичным является тот факт, что государственное управление не может быть реализовано без их применения. За всем этим: повышение качества и доступности государственных услуг, упрощение процедуры и сокращение сроков их оказания; сокращение административных издержек; внедрения единых стандартов управленческого взаимодействия; расширение пределов открытости информации о деятельности органов государственной и муниципальной власти [4, с. 197]. И самое главное: оптимизация взаимодействия органов власти различного уровня в режиме «сетевое управления и «открытого правительства» [3, с. 123]. Информатизация – это путь к успешному созданию системы, при которой технические и процедурные моменты будут занимать минимум времени, увеличивая полезное время деятельности государственных гражданских служащих, не ограничивая их невысокими техническими возможностями. Важный, но сопутствующий факт. Так как каждая информационная система является вспомогательным элементом в основной деятельности госслужащего. Можно согласиться с тем, что в настоящее время политико-правовая значимость профессионального и компетентного государственного служащего заключается в том, что его основное призвание направлено на оперативное, качественное и своевременное исполнение вверенных ему государством полномочий [1, с. 16]. Для этого необходимо обеспечить все стадии прохождения службы соответствующим нормативно-правовым регулированием. Принятие соответствующих актов предваряло реформу и сопровождает ее на сегодняшний день. Так, с целью совершенствования порядка назначения на должности государственной гражданской службы, было принято Постановление Правительства РФ от 31.03.2018 г. № 397 «Об утверждении единой методики проведения конкурсов на замещение вакантных должностей государственной гражданской службы Российской Федерации и включение в кадровый резерв государственных органов» [14], которое основывается на федеральном законодательстве, Указе Президента РФ от 01.02.2005 г. № 112 «О конкурсе на замещение вакантной должности государственной гражданской службы Российской Федерации» [10] и Указе Президента РФ от 01.03.2017 г. № 96 «Об утверждении Положения о кадровом резерве федерального государственного органа» [12]. В совокупности

эти акты регламентируют процедуру поступления на государственную службу, реализуя принцип кадрового отбора, позволяя при общедоступности государственной гражданской службы, провести отбор наиболее квалифицированных и компетентных граждан. Нормативно развивается институт наставничества, который является важной кадровой технологией, позволяющей адаптироваться впервые поступающим на государственную гражданскую службу гражданам. В целом, направленность на профессионализм, с сохранением четких и прозрачных критериев проведения испытаний, в рамках конкурсной основы, вот принцип сегодняшнего порядка назначения на должности. Компетентного исполнения должностных обязанностей не может быть без понятия эффективности. Для рассмотрения можно обратиться к Федеральному закону «О государственной гражданской службе» [8]. Как раз в данном законе «эффективность» отнесена к деятельности госслужащих и органов государственной власти в целом. Статьями 14 и 47 Федерального закона «О государственной гражданской службе» устанавливается, что должностной регламент содержит в себе так называемые критерии показателей эффективности деятельности служащего, на ознакомление с которыми он имеет право. В вышеперечисленных мерах, направленных на повышение эффективности, были четкие указания на цели, но из них повышение эффективности вытекает следствием. По отношению к государственной службе, необходимы не только итоговые оценки по результатам деятельности (результативность), но и оценка эффективности, причем по строго установленным основаниям. Связано это с использованием приемов мотивации, как пример, статьей 50 Федерального закона «О государственной гражданской службе» установлено, что помимо должностного оклада, служащему выплачиваются дополнительные выплаты в целях стимулирования профессиональных качеств и т.д. Законодательно также предусматривается, что внутренними актами органов государственной власти могут устанавливаться специфические показатели эффективности и результативности деятельности служащих. Причем, при определенном содержании срочного служебного контракта служащих, фонд оплаты труда в органе государственной власти может формироваться также и на основании оценки эффективности деятельности органа в целом. В таком случае происходит двойная проверка деятельности на соотношение с критериями эффективности, что приводит к зависимости деятельности органа от уже достигнутых результатов. Возникают сомнения, всегда ли будут выработаны объективные и справедливые критерии оценки эффективности, не будут ли они нарушать права и гарантии государственных служащих, либо влиять на функционирование органа в целом ведь перед органами государственной власти могут быть поставлены совершенно разные задачи, причем каким-то из них будет обозначено приоритетное значение.

Таким образом, мы видим, что система государственной службы видоизменялась с целью сохранения актуальности. При определении основных направлений реформ ставились похожие вопросы, которые в каждый период имели свои решения, с течением времени недостаточные, будь то в силу информационно-технологической ограниченности, не до конца сформированной политической системой (на ранних этапах), либо по иным другим причинам.

Сегодняшнее видение развития, особенно на примере государственной гражданской службы, позволяет говорить, что, добившись больших успехов в информатизации и компьютеризации, государство не забывает о ключевом элементе, осуществлении госслужащим, профессионально и компетентно, вверенных ему государственных полномочий. Сегодня отмечают выраженную тенденцию к существенному увеличению качества и комплексности (количества) современных кадровых технологий, успешно применяемых в государственных органах федерального уровня и уровня субъектов [5 с. 308]. А для дальнейшего развития, необходимость использования передовых кадровых практик является бесспорной. Сегодняшний план ориентирован 2021 г., с большой долей вероятности к концу года Президентом РФ будет принят новый Указ, который определит следующий вектор, либо скорректирует текущий. К сожалению, пандемия, скорее всего, внесет в него свои коррективы. Ежегодно Министерство труда и социальной защиты Российской Федерации проводит конкурс на лучшие кадровые практики, многие из которых получают распространение. Возможно, сегодняшнее положение в обществе станет толчком к развитию актуальных существующих и появлению новых для государственной гражданской службы кадровых практик: перевод на удаленную работу, дистанционное профессиональное развитие, дистанционное развитие государственно-служебной культуры, борьба с профессиональным «выгоранием» путем формирования здорового образа жизни и благоприятных условий труда и других.

Список использованной литературы

1. Арутюнова С.Э. Тенденции развития государственной службы / С.Э. Арутюнова // Актуальные проблемы современности: наука и общество. – 2019. – № 1. – С. 16–18.
2. Гришковец А.А. Административная реформа: истоки, современное состояние, перспективы / А.А. Гришковец // Труды Института государства и права Российской академии наук. – 2020. – Т. 15. – № 2. – С. 135–157.
3. Охотский Е.В. Государственное управление: на пути к современной модели государственного менеджмента / Е.В. Охотский // Вестник МГИМО. – 2014. – № 3. – С. 115–126.
4. Охотский Е.В. Информационно-коммуникационные технологии в государственном управлении: состояние, планы, перспективы / Е.В. Охотский // Коммуникология. – 2017. – Т. 5. – № 1. – С. 195–203.
5. Панова Е.А., Опарина Н.Н. Российская государственная гражданская служба: достижения и развитие кадровой политики / Е.А. Панова, Н.Н. Опарина // Государственное управление. Электронный вестник. – 2019. – № 73. – С. 305–324.
6. Федотов П.В., Разыграева М.Г. Этапы реформирования государственной гражданской службы в Российской Федерации / П.В. Федотов, М.Г. Разыграева // Вестник ГУУ. – 2013. – № 22. – С. 55–58.

7. О системе государственной службы Российской Федерации : Федер. закон от 27.05.2003 г. № 58-ФЗ (ред. от 23.05.2016 г.) // Собрание законодательства РФ. – 2003. – № 22. – Ст. 2063.

8. О государственной гражданской службе Российской Федерации : Федер. закон от 27.07.2004 г. № 79-ФЗ (ред. от 08.12.2020 г.) // Собрание законодательства РФ. – 2004. – № 31. – Ст. 3215.

9. О мерах по проведению административной реформы в 2003–2004 годах : Указ Президента РФ от 23.07.2003 г. № 824 (ред. от 23.07.2003 г.) // Собрание законодательства РФ. – 2003. – № 30. – Ст. 3046.

10. О конкурсе на замещение вакантной должности государственной службы Российской Федерации : Указ Президента РФ от 01.02.2005 г. № 112 (ред. от 31.12.2020 г.) // Собрание законодательства РФ. – 2005. – № 6. – Ст. 439.

11. О федеральной программе «Реформирование и развитие системы государственной службы Российской Федерации (2009–2013 годы)» : Указ Президента РФ от 10.03.2009 г. № 261 (ред. от 10.08.2012 г.) // Собрание законодательства РФ. – 2009. – № 11. – Ст. 1277.

12. Об утверждении Положения о кадровом резерве федерального государственного органа : Указ Президента от 01.03.2017 г. № 96 (ред. от 10.09.2017 г.) // Собрание законодательства РФ. – 2017. – № 10. – Ст. 1473.

13. Об основных направлениях развития государственной гражданской службы Российской Федерации на 2019–2021 годы : Указ Президента РФ от 24.06.2019 г. № 288 (ред. от 08.12.2020 г.) // Собрание законодательства РФ. – 2019. – № 26. – Ст. 3410.

14. Об утверждении единой методики проведения конкурсов на замещение вакантных должностей государственной гражданской службы Российской Федерации и включение в кадровый резерв государственных органов : Постановление Правительства от 31.03.2018 г. № 397 (ред. от 24.09.2020 г.) // Собрание законодательства РФ. – 2018. – № 16 (ч. II). – Ст. 2359.

Информация об авторе

Михайлов Илья Вячеславович – магистрант кафедры государственно-правовых дисциплин Байкальского государственного университета, Иркутск, Россия, e-mail: ilyamikha@yandex.ru.

Author

Ilya V. Mikhaylov – undergraduate of the Chair of State Legal Disciplines of Baikal State University, Irkutsk, Russia, e-mail: ilyamikha@yandex.ru.

КОНСУЛЬТАТИВНАЯ ФОРМА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ИНСТИТУТОВ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА И ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ В РОССИИ И СТРАНАХ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

В статье сделана попытка осмысления институтов гражданского общества сквозь призму взаимодействия с органами государственной власти в Российской Федерации и странах Западной Европы. Перечислены формы такого взаимодействия и более подробно рассмотрена консультативная форма. В этом ключе рассмотрена деятельность Общественной палаты Российской Федерации и Социального и экономического Совета во Франции и Испании.

Ключевые слова: институты гражданского общества, формы взаимодействия, Общественная палата Российской Федерации, общественные (консультативные) советы стран Европейского Союза.

А.К. Rozhkova

CONSULTATIVE FORM OF INTERACTION BETWEEN CIVIL SOCIETY INSTITUTIONS AND PUBLIC AUTHORITIES IN RUSSIA AND THE COUNTRIES OF THE EUROPEAN UNION

The article attempts to understand the institutions of civil society through the prism of interaction with public authorities in the Russian Federation and Western European countries. The forms of such interaction are listed and the advisory form is considered in more detail. In this context, the activities of the Public Chamber of the Russian Federation and the Social and Economic Council in France and Spain are considered.

Keywords: civil society institutions, forms of interaction, the Public Chamber of the Russian Federation, public (advisory) councils of the European Union countries.

Реформы в области права последние 30 лет направлены на построение жизнеспособного гражданского общества и правового государства в Российской Федерации. Обратимся к сущности такой категории как «гражданское общество».

Следует отметить, что термин «общество» и «гражданское общество» не являются тождественными, ведь общество возникло задолго до появления государства. Институты же гражданского общества стали появляться в результате достижений Великих буржуазных революций в Западной Европе. Отчасти их появление объясняется не только объективными факторами, но и концепциями гражданского общества в работах таких ярких мыслителей как Джон Локк, Шарль Монтескье, Иммануил Кант, Георг Гегель, Карл Маркс.

Вопрос сущности гражданского общества сложный, лежит на стыке таких наук как социальная философия, политология, юриспруденция и др. Некоторые

позиции и подходы представляются автору противоречивыми и даже взаимоисключающими. Затруднение в определении понятия «гражданское общество» в юриспруденции зачастую возникает еще и потому, что отсутствует какое-либо общепризнанное классическое определение гражданского общества, ведь изначально мыслители формулировали некий «идеал, который в последующем должен воплотиться в правовой реальности» [7, с. 167].

Говоря о гражданском обществе в контексте децентрализации власти (такой процесс особенно заметен в странах Европы, так как именно там глобализационные процессы развернуты особенно широко), автор подразумевает такие его проявления как, законодательство, основанное на принципах демократии, равный доступ граждан к участию в государственных и общественных делах, независимый суд и СМИ, прозрачность избирательного процесса, верховенство закона, гарантированность и реализация прав и свобод человека и гражданина, политический плюрализм и др.

Неразрешимым вопросом на сегодняшний день остается формирование гражданского общества «снизу», т.е. по инициативе самих граждан в России. «Замкнутый круг: гражданское общество невозможно построить из-за низкого уровня правосознания, однако его сложно повысить в условиях неразвитого гражданского общества» [8, с. 149], поэтому «в России в отличие от Запада сама власть вынуждена стимулировать участие граждан в общественной жизни (по инициативе сверху)» [10, с. 50], считает В.В. Чуксина, именно «гражданское общество кристаллизуется, пульсирует и движется практической энергией людей, которые в нем живут и действуют» [1, с. 99], по крайней мере, в идеале.

В действующей Конституции Российской Федерации отсутствует упоминание гражданского общества. Профессор Н.И. Матузов утверждает, что отдельные составляющие гражданского общества изложены в основном документе государства: «право частной собственности, предпринимательство, права человека, равенство всех перед законом и судом и др.» [2, с. 328]. Нет легальной дефиниции гражданского общества и в других законах и подзаконных актах.

Профессор А.Н. Писарев полагает, что «плодотворное сотрудничество государства и гражданского общества возможно только в случае эффективного функционирования различных форм их взаимодействия, призванных обеспечить участие граждан в непосредственном управлении делами государства и общества и выявить общественное мнение, интересы, инициативы граждан, которые должны в обязательном порядке учитываться органами власти в нормотворческой и правоприменительной деятельности» [6, с. 5]. Формы такого взаимодействия разнообразны в странах с демократическим политическим режимом. Целесообразно их разделить на несколько основных групп:

1. «Императивные формы взаимодействия: референдум, выборы, голосование по вопросу отзыва депутата или должностного лица.

2. Консультативные формы взаимодействия: работа общественных (консультативных) советов при органах исполнительной и законодательной (представительной) власти.

3. Протестные формы: митинги, шествия, пикеты, демонстрации.

4. Правотворческие формы взаимодействия: правотворческая инициатива институтов гражданского общества, общественная экспертиза законопроектов» [6, с. 7].

Появление в странах Западной Европы институтов гражданского общества не случайно, оно обусловлено рядом исторических и теоретических предпосылок: начиная с фундамента европейской цивилизации – симбиоза греко-римской культуры и христианства, заканчивая особенностями миграционных процессов, географических и климатических условий.

В данной работе авторы остановятся на анализе консультативной форме взаимодействия, а именно на некоторых аспектах деятельности общественных (консультативных) советов в странах ЕС и Общественной палате Российской Федерации.

В подавляющем большинстве европейских стран такая форма представлена деятельностью общественных советов при законодательных и/или исполнительных органах государственной власти.

В.Ф. Нестерович полагает, что именно ФРГ внедрила систему консультативно-совещательных органов как форму влияния общественности на принятие нормативно-правовых актов. Именуются такие органы комитетами, советами, рабочими группами или комиссиями. В чем заключается такое влияние? «Заинтересованные лица, руководствуясь нормами «Регламента деятельности федерального правительства» и «Единым положением о федеральных министерствах», инициируют перед правительственными ведомствами принятие необходимых нормативно-правовых актов, в том числе и законов. Адресаты этой инициативы – федеральные органы исполнительной власти, после предварительного изучения проектов нормативно-правовых актов, привлекают к работе над ними вневедомственных специалистов и экспертов, или, при наличии в этом потребности, создают на временной или постоянной основе консультативно-совещательные органы, в состав которых входят представители общественных объединений и союзов» [3]. Немецкий ученый В. Хеннис полагает, что «совещательные органы настолько прочно представляют чьи-либо интересы, что по сути своей стали неотъемлемым субъектом правотворческого процесса, как Бундестаг или Правительство» [9].

Проблемой является, с одной стороны, то обстоятельство, что правовой статус таких совещательных органов до сих пор четко не определен, но, с другой стороны, определенная гибкость в законодательстве в отношении процедуры создания и функционирования таких органов является скорее плюсом. Ведь «интересы практически всех крупных фирм и компаний Германии представлены совещательными органами на разного рода конференциях, семинарах, круглых столах с участием должностных лиц органов государственной власти» [3].

Консультативные органы существуют даже при крупных политических партиях ФРГ, именно они корректируют политические программы партий по острым социальным и экономическим вопросам на соответствие интересам широких слоев населения страны.

Обратимся к опыту Франции. Ведь именно французская модель взаимодействия государства и общества в лице Социального и экономического совета

(Le Conseil Économique et social) вдохновила законодателя на создание Общественной палаты Российской Федерации и общественных палат субъектов.

Причем деятельность данного Совета урегулирована не только специальным законом, как в Российской Федерации, но и упоминается в Конституции Франции в контексте обязательной правовой экспертизы законопроектов, затрагивающих экономические и социальные вопросы. Целью создания такого Совета, по-видимому, было консультирование органов государственной власти и высших должностных лиц по острым социально-экономическим проблемам, ведь к принятию важных решений привлекаются разного рода ассоциации, движения, профсоюзы, налаживая определенный диалог власти и общества.

В.Ф. Нестерович считает, что «влияние общественности на принятие нормативно-правовых актов в парламенте Франции фактически осуществляется через деятельность более 170 так называемых «содружеств» и «исследовательских групп», специализирующихся на разработке предложений с целью дальнейшего их продвижения в качестве законодательных инициатив, поправок в нормативно-правовые акты, а также заметное влияние на законотворческий процесс оказывают внепарламентские органы (напр., Комитет по себестоимости производства вооружений, Национальная комиссия по информированию и свободе, Постоянный совет по делам военной службы, Национальный совет статистики и т.д.)» [3].

В Испании также действует подобный консультативно-совещательный орган Экономический и социальный совет (Consejo Económico y Social España). Однако, в Конституции Испании он не упоминается. На сегодняшний день действует Закон Испании «О создании Экономического и социального совета» от 18.06.1991 г.

«Экономический и социальный Совет укрепляет участие субъектов в экономической и социальной жизни, подтверждая их роль в развитии демократического правового государства» [11].

Выполняя эту конституционную функцию, Совет служит «постоянной институциональной платформой для диалога и обсуждения, поскольку он является единственным органом, в котором представлен широкий круг профессиональных партнерских организаций (профсоюзы, ассоциации нанимателей)» [11].

Подобные совещательные органы существуют в Польше, в Венгрии, в Сербии, в Греции, в Италии и других европейских странах.

Рассмотрим кратко российскую модель взаимодействия государства и гражданского общества в контексте его консультативной формы. Под ней автор подразумевает деятельность Общественной палаты Российской Федерации, общественных палат субъектов федерации, а также работу Общественных советов при федеральных и региональных законодательных (представительных) и исполнительных органов власти.

Регулирует статус Общественной палаты Российской Федерации федеральный закон от 04.04.2005 г. «Об Общественной палате Российской Федерации», в котором четко определена правовая основа, принципы деятельности, порядок формирования и основные направления деятельности данного органа. Общественная палата создана, согласно ст. 1 ФЗ, в целях «взаимодействия

граждан Российской Федерации, общественных объединений, профессиональных союзов, творческих союзов, объединений работодателей и их ассоциаций, профессиональных объединений, а также иных некоммерческих организаций, созданных для представления и защиты интересов профессиональных и социальных групп с федеральными органами государственной власти, органами государственной власти субъектов Российской Федерации и органами местного самоуправления в целях учета потребностей и интересов граждан Российской Федерации, защиты прав и свобод граждан Российской Федерации и прав общественных объединений и иных некоммерческих организаций при формировании и реализации государственной политики в целях осуществления общественного контроля за деятельностью федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления, а также в целях содействия реализации государственной политики в области обеспечения прав человека в местах принудительного содержания» [4]. Процедура формирования данного органа сложная, проходит несколько последовательных этапов, имеет сходства с французским аналогом.

Однако, говорить об эффективной работе Общественной палаты, по мнению ряда исследователей (напр., Эксперты Общероссийского гражданского форума, проводимого Комитетом гражданских инициатив, начиная с 2017 г.), не приходится на данный момент. Ее состав по-прежнему подбирается в большей мере Администрацией Президента, а полномочия не достаточны как, например, для реализации общественного контроля, так и в целом, для эффективного диалога государства и общества.

По своей сути сегодня Общественная палата – «карманный орган» Президента. Граждане не информируются в полном объеме о его работе, зачастую не знают о его существовании. Низкая эффективность работы проявляется в пассивной позиции Общественной палаты по самым острым социальным вопросам современности: поднятие пенсионного возраста и налогов, принятие ряда репрессивных законов, стремительное падение уровня жизни российских граждан.

В каждой стране существует своя специфика создания и функционирования совещательных органов при реализации консультативной формы взаимодействия государства и институтов гражданского общества.

Подводя итог, подчеркнем, что слепое копирование зарубежного правового опыта не дает положительного результата, только его анализ и учет национальных особенностей правовой системы позволит наладить более эффективное правовое регулирование отношений в сфере построения подлинного гражданского общества.

В России этого добиться будет невозможно без прочного фундамента совместной взаимодополняющей работы институтов гражданского общества, органов государственной власти и местного самоуправления, а также активной гражданской позиции по вопросам участия институтов гражданского общества в процессе принятия важных политико-правовых решений, как на уровне Российской Федерации, так и на уровне ее субъектов.

Список использованной литературы

1. Политология для юристов : курс лекций / под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. – Москва : Юрист, 2002. – 774 с.
2. Мамут Л.С. Гражданское общество и государство: проблема соотношения // Общественные науки и современность. – 2002. – № 5. – С. 94–103.
3. Нестерович В.Ф. Правовое регулирование консультативных органов в европейских государствах. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konstitutsionno-pravovoe-regulirovanie-konsultativno-soveschatelnyh-organov-v-evropeyskih-gosudarstvah> (дата обращения: 01.03.2021).
4. Об Общественной палате Российской Федерации : Федер. закон от 04.04.2005 г. № 32-ФЗ (в ред. от 05.12.2017 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации www.pravo.gov.ru (дата обращения: 01.03.2021).
5. Об Экономическом и социальном совете Франции : Органич. закон № 58-1350 от 29.12.1959 г. – URL: <https://worldconstitutions.ru/?p=867> (дата обращения: 01.03.2021).
6. Писарев А.Н. Формы взаимодействия государства и гражданского общества в Российской Федерации : учеб. пособие. – Москва : РГУП, 2017. – 220 с.
7. Рожкова А.К. Правовой идеал и правовая реальность: точки соприкосновения // Известия ИГЭА. – 2010. – № 6. – С. 164–168.
8. Рожкова А.К. Менталитет и уровень соблюдения прав личности в Российской Федерации: проблемы и перспективы // Терроризм и права человека: гибридные угрозы, новые вызовы, система противодействия : материалы всерос. науч.-практ. конф. / под ред. Г.Б. Романовского. – Пенза : Изд.-во ПГУ, 2020. – С. 142–149.
9. Симон В. Всесилие союзов предпринимателей. Союзы в экономической и политической системе ФРГ. – URL: <http://libarch.nmu.org.ua/handle/GenofondUA/60119?show=full> (дата обращения: 01.03.2021).
10. Чуксина В.В. Государственные специализированные органы по содействию правам человека и их защите (сравнительно-правовое исследование) : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.02. – Омск, 2016. – 54 с.
11. Экономический и социальный совет Испании // URL: <http://www.ces.es/naturaleza> (дата обращения: 01.03.2021).

Информация об авторе

Рожкова Анна Константиновна – помощник депутата Законодательного Собрания Иркутской области, магистрант Байкальского государственного университета, Иркутск, Россия, e-mail : rannette@mail.ru.

Author

Anna K. Rozhkova – assistant to the deputy of the Legislative Assembly of the Irkutsk region, master's degree student of Baikal State University, Irkutsk, Russia, e-mail: rannette@mail.ru.

ПРОБЛЕМАТИКА ОБЩЕРОССИЙСКОГО ГОЛОСОВАНИЯ В ОТЕЧЕСТВЕННОМ ИЗМЕРЕНИИ

Исследуется сущность общероссийского голосования, определяются дальнейшие перспективы его закрепления в российском законодательстве и применения в практической плоскости. Приводятся результаты опроса, проведенного авторами статьи с целью выявления общественного мнения о новом конституционном институте с учетом абсолютно-определяющей роли граждан в одобрении конституционных изменений. На основе проведенного исследования предлагается авторское определение общероссийского голосования.

Ключевые слова: общероссийское голосование, конституционная поправка, конституционные изменения, форма демократии, народовластие.

E.D. Samsonova, L.R. Alieva

THE PROBLEM OF ALL-RUSSIAN VOTING IN DOMESTIC DIMENSION

The essence of the all-Russian voting is investigated, further prospects of its consolidation in Russian legislation and application in practice are determined. The article presents the results of a survey conducted by the authors of the article in order to identify the corresponding public opinion about the new constitutional institution, taking into account the absolutely determining role of citizens in the approval of constitutional changes. On the basis of the research carried out, the author's definition of the all-Russian voting is proposed.

Keywords: all-Russian voting, constitutional amendment, constitutional changes, form of democracy, democracy.

В 2020 г. отечественная правовая модель организации публичной власти претерпела значительные изменения в фокусе поправки к гл. 3–8 Конституции Российской Федерации [1]. Помимо отдельных положений Основного Закона трансформировался сам механизм принятия конституционной поправки. Как известно, в ст. 136 Конституции РФ определяется классический механизм изменения положений гл. 3–8. Так, конституционная поправка одобряется и принимается Федеральным Собранием РФ в порядке принятия федерального конституционного закона, а затем вступает в силу после ее одобрения органами законодательной власти не менее чем двух третей субъектов РФ и обнародуется в форме Закона РФ о поправке к Конституции РФ. Однако в рамках ст. 3 Закона РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» (далее – Закон РФ о поправке) в конституционно установленной процедуре появились два новых обязательных элемента. Во-первых, участие Конституционного Суда Российской Федерации как высшего судебно-

го органа, который должен был установить соответствие комплекса предложенных конституционных изменений положениям гл. 1, 2 и 9 Конституции РФ. Во-вторых, проведение общероссийского голосования как демократического способа легитимации государственных решений.

В фокусе заявленной тематики исследования полагаем, что общероссийское голосование – это новелла, сущность которой можно определить с помощью нормативно-правовых актов, определяющих порядок и условия ее проведения, а именно Закона РФ о поправке и Указа Президента РФ от 17.03.2020 г. № 188 «О назначении общероссийского голосования по вопросу одобрения изменений в Конституцию Российской Федерации» (далее – Указ Президента РФ № 188). Анализируя отдельные положения данных актов, можно сделать вывод о том, что общероссийское голосование представляет собой демократическую процедуру, выражающуюся в волеизъявлении граждан по вопросу внесения изменений в Основной Закон страны. Важно отметить, что народное волеизъявление выразилось в форме одобрения, а не принятия комплекса конституционных изменений. Так, согласно Указу Президента РФ № 188 вопрос, выносимый на общероссийское голосование, звучал следующим образом: «Вы одобряете изменения в Конституцию Российской Федерации?» с вариантами ответа «да» или «нет».

Детально останавливаясь на нормативном регулировании общероссийского голосования, можно отметить тот факт, что условия, порядок и иная информация об общероссийском голосовании, не находят своего отражения в рамочном федеральном законодательстве, регулирующем вопросы участия граждан в управлении делами государства посредством выборов и референдумов [5, с. 11]. Следовательно, неочевидна дальнейшая судьба общероссийского голосования как содержательного элемента механизма принятия конституционных поправок. Возникает правомерный вопрос, будет ли в дальнейшем данный элемент использоваться на постоянной основе в новой демократической модели одобрения конституционных изменений или это «одноразовая акция».

В свою очередь, если общероссийское голосование станет постоянным элементом в механизме принятия конституционных поправок, то каким образом он будет закрепляться в федеральном законодательстве [3, с. 61]. В данном контексте возможны два варианта. Первый: будет принят отдельный федеральный закон об общероссийском голосовании, учитывающий уникальную природу исследуемого института. Второй: новый вид голосования имплементируется в законодательство о выборах и референдумах в РФ, в частности, в Федеральный закон от 12.02.2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации».

Вместе с тем, учитывая особую демократическую значимость общероссийского голосования, нельзя не признать ведущую роль граждан в механизме внесения конституционной поправки 2020 г. в Основной закон страны. Как известно одобрение гражданами конституционных изменений в ходе проведения процедуры общероссийского голосования, активировало возможность вступления в силу ст. 1 Закона РФ о поправке. Таким образом, разрешая вопрос о дальнейшей судьбе общероссийского голосования, представляется целесообразным

исследовать общественное мнение по вопросу закрепления общероссийского голосования в качестве постоянного содержательного элемента механизма конституционных изменений гл. 3–8 Конституции РФ.

В рамках заявленной проблематики исследования авторами был проведен опрос, позволяющий на основе выходных оценить общественное восприятие общероссийского голосования как основного демократического инструмента в механизме принятия поправки к Конституции РФ в 2020 г., а также ответить на ряд сопутствующих вопросов.

Опрос проводился в электронной форме с помощью онлайн-сервиса для создания опросов «Google Forms» и охватил календарный период с января по март 2021 г. В опросе приняли участие 56 респондентов, представляющих различные социальные группы (студенты и преподаватели вуза, государственные служащие, индивидуальные предприниматели, иные лица). Участникам были заданы вопросы по типу: «Как Вы относитесь к проведению общероссийского голосования в 2020 г. для принятия поправки к Конституции РФ?», «Участвовали ли Вы в общероссийском голосовании?», «Стоит ли включать в механизм принятия поправок к Конституции РФ общероссийское голосование на постоянной основе?» и т.д. Далее, представляется целесообразным отразить результаты опроса.

Так, на вопрос «Участвовали ли вы в общероссийском голосовании» положительно ответило лишь 38,2 % участвующих, остальные 61,2 % не принимали участие в данной форме демократии. Отчасти это было связано с отсутствием представления о сущности и функциональной направленности общероссийского голосования. На вопрос «Как вы относитесь к проведению общероссийского голосования в 2020 г. для принятия поправки к Конституции РФ?» 34,5 из 100 % участников выразили свое положительное отношение к проведению данного вида голосования. Представляется, столь низкий показатель связан с проявлением политического нигилизма – представления о невозможности повлиять на итоговые результаты общероссийского голосования. Те, кто выразил положительное отношение к общероссийскому голосованию, полагаем, оценили уникальную возможность принять участие в одобрении новой модели взаимоотношений личности, общества и государства. Вместе с тем почти 11 % респондентов выразили свое безразличное отношение к проведению общероссийского голосования, что в большей степени связано с отсутствием у опрашиваемых желания осуществлять свое право на управление делами государства. Около 2 % опрашиваемых отнеслись к общероссийскому голосованию с интересом, как к новой форме демократии, остальные 2 % выразили свою настороженность.

В результате анализа полученных данных по вопросу «Ощутили ли Вы свою значимую роль в ходе проведения общероссийского голосования как способа одобрения изменений в Конституцию РФ?» можно констатировать, что только 18,2 % опрашиваемых ответило положительно, остальные 36,4 % не почувствовали свою значимость в ходе реализации новой демократической процедуры, а оставшиеся 18,2 % высказались, что в принципе не видели смысла в голосовании. В рамках полученных результатов по вопросу «Стоит ли вклю-

чить в механизм принятия поправок к Конституции РФ общероссийское голосование на постоянной основе?» было выявлено, что большая часть, а именно 54,5 % респондентов ответили отрицательно. В данном случае необходимо отметить тот факт, что граждане, которые принимали участие в процедуре общероссийского голосования (38,2 %), видят необходимость постоянного проведения общероссийского голосования при принятии поправок к Конституции РФ. В свою очередь, те, кто не принимал участие, отрицательно относятся к проведению общероссийского голосования на постоянной основе.

Таким образом, результаты проведенного опроса показывают, что у большинства респондентов сформировалось негативное отношение к новому демократическому институту. Полагаем, это связано с тем, что большинство участников, не осознают в полной мере правовую природу общероссийского голосования, его конституционную ценность. Непонимание сути приводит к появлению правового нигилизма, справиться с которым под силу только лишь повышая уровень правовой осведомленности о данной демократической процедуре [4, с. 132–133]. Представляется, что негативные показатели опроса не являются объективно верными в силу своего оценочного характера, а потому не могут восприниматься в качестве определяющих.

Кроме того, немаловажное значение на такие негативные результаты оказывают факты подкупов избирателей на различных уровнях избирательного процесса. В этом смысле следует согласиться с В.В. Игнатенко, что «подкуп избирателей снижает уровень политической конкуренции на выборах, оказывая негативное влияние на публично-правовые процессы» [2, с. 25].

Вместе с тем, исследуя особую юридическую природу общероссийского голосования, можно представить альтернативное результатам опроса мнение. Так, проведение общероссийского голосования имеет несколько аспектов, которые положительно характеризуют исследуемый демократический институт. В частности, у граждан РФ впервые появилась возможность принять участие в легитимации конституционных изменений. Ни в 2008 г., ни в 2014 г. у народа как источника власти не было правовых оснований одобрять государственные решения в рамках изменений конституционных положений. Полагаем, с 2020 г. можно говорить о том, что государство действительно стремится упрочить институты гражданского общества с помощью внедрения демократических процедур в правовую модель взаимоотношений личности, общества и государства. В свою очередь, общероссийское голосование в данном контексте показывает себя в качестве эффективного инструмента проведения соответствующей государственной политики. Представляется, что новый вид голосования является неотъемлемым институтом демократического правового государства, в котором гарантируются права и свободы человека и гражданина. Как известно, Конституционный Суд РФ обосновал конституционную оправданность и легитимность иницилируемого Президентом РФ общероссийского голосования, что позволило на законных основаниях его провести.

На основе вышеизложенного можно сделать вывод о том, что общероссийское голосование выступает одной из форм реализации конституционного права граждан на участие в управлении делами государства и расширяет грани-

цы ч. 1 ст. 32 Конституции РФ, гарантируя гражданам реализацию одного из ключевых публично-политических прав, признаваемых не только Россией, но и международным сообществом. Полагаем, общероссийское голосование – это новый конституционный институт одобрения государственных решений по вопросу внесения изменений в Конституцию РФ, который необходимо закрепить в федеральном законодательстве как демократическую константу.

Список использованной литературы

1. Авакьян С.А. Проекты законов о поправках к Конституции Российской Федерации: грядет раунд четвертый? / С.А. Авакьян // Конституционное и муниципальное право. – 2020. – № 1. – С. 31–44.

2. Игнатенко В.В. Подкуп избирателей как коррупционное административное правонарушение / В.В. Игнатенко // Академический юридический журнал. – 2014. – № 3 (57). – С. 24–28.

3. Коновалов Д.Д. Общероссийское голосование по вопросу одобрения изменений в Конституцию России: зачем и почему? / Д.Д. Коновалов // Конституционное и муниципальное право. – 2020. – № 11. – С. 60–63.

4. Слободчикова С.Н. Свободные выборы как избирательный стандарт (конституционно-правовое исследование) : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / С.Н. Слободчикова. – Иркутск, 2019. – 219 с.

5. Слободчикова С.Н. К вопросу о конституционно-правовой регламентации принципа свободных выборов в России / С.Н. Слободчикова // Государственная власть и местное самоуправление. – 2019. – № 4. – С. 11–15.

Информация об авторах

Самсонова Елизавета Дмитриевна – студент Института государства и права Байкальского государственного университета, Иркутск, Россия, e-mail: lisam20@mail.ru.

Алиева Лэйла Рафиговна – студент Института государства и права Байкальского государственного университета, Иркутск, Россия, e-mail: l.alieva.r@mail.ru.

Authors

Elizaveta D. Samsonova – student of the Institute of State and Law of Baikal State University, Irkutsk, Russia, e-mail: lisam20@mail.ru.

Leyla R. Alieva – student of the Institute of State and Law of Baikal State University, Irkutsk, Russia, e-mail: l.alieva.r@mail.ru.

КОНТРОЛЬ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ЛИЦЕНЗИОННО-РАЗРЕШИТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ РОСГВАРДИИ ЗА ОБОРОТОМ ГРАЖДАНСКОГО ОРУЖИЯ В РФ

Дается оценка сложившейся административно-правовой политики обеспечения правил оборота гражданского оружия. Анализируются положения российского законодательства об обороте оружия и административной ответственности за его нарушения. Рассматриваются меры административного принуждения, применяемые лицензионно-разрешительными подразделениями Росгвардии.

Ключевые слова: лицензионно-разрешительная система, гражданское оружие, административное принуждение, контроль за оборотом оружия, незаконный оборот.

М.А. Sinkova

CONTROL OF LICENSE AND PERMISSIONING UNITS OF THE RUSSIAN FEDERATION OF CIVIL WEAPONS TURNOVER IN THE RUSSIAN FEDERATION

An assessment of the existing administrative and legal policy of ensuring the rules for the circulation of civilian weapons is given. The article analyzes the provisions of the Russian legislation on the circulation of weapons and administrative responsibility for its violations. The article considers the measures of administrative coercion applied by the licensing and permitting divisions of the Russian Guard.

Keywords: licensing and permissive system, civilian weapons, administrative coercion, control over the circulation of weapons, illegal circulation.

Незаконный оборот оружия на сегодняшний день является одним из основных факторов, способствующих росту преступности, терроризма в стране, осложнению криминогенной обстановки и представляет очевидную угрозу государственной, общественной и личной безопасности. В России не существует ни единого региона, где не было бы преступлений, административных правонарушений, связанных с незаконным оборотом оружия.

В связи с ростом спроса на огнестрельное оружие среди гражданского населения значительную актуальность приобретает анализ института административной ответственности за нарушение правил оборота гражданского оружия и выявление особенностей применения мер административного принуждения.

Издавна оружие является неотъемлемой частью существования человека. Первым оружием были камень и палка. С течением времени оружие становилось сложнее. Кроме того изменилось его основное назначение. Если изначально оружие использовали для охоты и защиты от диких зверей, то со временем его предназначение стало заключаться в нападении на таких же людей, и, сле-

довательно, защита от них [4]. В связи с этим возник вопрос правового регулирования оборота оружия. Одной из основополагающих причин, влияющих на особенности правового регулирования оборота оружия, выступает общественная опасность при неправомерном либо неосторожном использовании оружия, именно поэтому государству необходимо создать такие условия его хранения, учета, использования, при которых обеспечивалась бы безопасность самого общества. Установление юридической ответственности, один из способов обеспечения соблюдения правил оборота оружия.

В качестве инструментов используемых сотрудниками Федеральной службы войск национальной гвардии РФ (далее – Росгвардия) контроля за оборотом оружия, можно выделить, такие как: выдача лицензий на приобретение соответствующих видов оружия; регистрация и учет приобретаемого оружия; проверка условий хранения приобретенного оружия; изъятие оружия; аннулирование лицензий и разрешений [5]. Следует отметить, что данный перечень не полон.

Основными задачами сотрудников по осуществлению лицензионно-разрешительной системы являются: предупреждение утраты и хищения огнестрельного оружия; пресечение использования его не по назначению; своевременное выявление и устранение нарушений установленных правил оборота; контроль за частной детективной и охранной деятельностью и др.

Итак, лицензионно-разрешительная деятельность преимущественно сосредоточена в двух основных направлениях, таких как:

1. Контроль за соблюдением законодательства в области оборота оружия, основу которого составляет Федеральный закон от 13.12.1996 г. № 150-ФЗ «Об оружии».

2. Контроль за соблюдением законодательства в области частной детективной (сыскной) и охранной деятельности, согласно Закону Российской Федерации от 11.03.1993 г. № 2487-1 «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации» [2].

По различным оценкам, в России оружием на законных основаниях владеют около 5 млн россиян, у которых находится более 6,6 млн единиц различных видов оружия. Спрос на оружие ежегодно растет, и это обстоятельство в первую очередь влияет на характер особого режима правового регулирования оборота оружия, сопряженного с ограничениями, необходимыми для эффективной охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности. Однако указанные показатели России в разы меньше в сравнении с другими государствами, например, в Швейцарии более 27 % граждан имеют в собственности огнестрельное оружие (в это количество не входит военное оружие). Военное оружие (табельное боевое огнестрельное оружие), закрепленное за гражданами в период службы в армии, в том числе пулеметы и гранатометы, хранится у всех военнообязанных граждан, находящихся в запасе вооруженных сил, по месту их жительства до истечения сроков нахождения в запасе. Таким образом, владельцами огнестрельного оружия является практически все мужское население данного государства. Существенно упрощенная возможность приобретения огнестрельного оружия, в том числе позволяющего вести автома-

тический огонь, имеется во многих европейских странах, не говоря уже о США, где на руках у граждан около ста миллионов единиц огнестрельного оружия [6].

Исходя из того что оружие, предназначено, прежде всего, для поражения живой силы и, при определенных условиях, может представлять угрозу личной, общественной, а в отдельных случаях и государственной безопасности и другим охраняемым интересам общества, государство было вынуждено предпринять следующие меры:

- запретить произвольное использование оружия;
- установить систему норм, которыми необходимо руководствоваться при осуществлении деятельности и действий в отношении оружия;
- установить особый порядок приобретения правоспособности в сфере оборота оружия;
- образовать систему органов исполнительной власти, призванных обеспечивать контроль за соблюдением порядка обращения с оружием.

Другими словами, государство, используя систему административно-правовых инструментов, оказывает управляющее воздействие на тот участок общественных отношений, объектом которого является оружие.

Как было сказано ранее, основополагающим нормативным актом, регулирующим отношения в исследуемой области, является Федеральный закон «Об оружии» от 13.12.1996 г. № 150-ФЗ (далее – закон «Об оружии»), анализ которого позволяет выделить в нем ряд признаков, характерных для правовых режимов:

- в первую очередь это определенный круг регулируемых общественных отношений, выделенных по однородному объекту правоотношений – оружию;
- во-вторых, целевая направленность – защита жизни и здоровья граждан, собственности, обеспечение общественной безопасности, охрана природы и природных ресурсов, укрепление международного сотрудничества в борьбе с преступностью и незаконным распространением оружия; обеспечение, определенный комплекс правовых средств, предназначенных для достижения заданных целей.

В рамках исполнения функций по контролю за оборотом оружия, особое внимание следует уделить мерам административного принуждения. Административное принуждение – это метод государственного управления, основанный на нормах административного права, совокупность средств психического, физического и иного воздействия, применяемых федеральными органами исполнительной власти в целях обеспечения общественного порядка и общественной безопасности.

Должностные лица используют средства административного принуждения в своей деятельности без обращения в суд. Однако существует ряд определенных случаев, предусмотренных законодательством, при которых меры административного принуждения могут применяться только судами (судьями). По целевому назначению меры административного принуждения подразделяются на три группы: административно-предупредительные, меры административного пресечения и меры административной ответственности.

Как было отмечено выше, к мерам административного принуждения относятся меры обеспечения производства по делу об административном правонарушении. Так, один из главных видов административного принуждения – административная ответственность в виде административных наказаний.

За совершение административных правонарушений связанных с нарушением правил обращения с оружием, к гражданам применяются следующие виды административных наказаний: предупреждение; административный штраф; конфискация орудия совершения или предмета административного правонарушения; лишение специального права, предоставленного физическому лицу; административный арест [5].

Самым мягким наказанием является предупреждение – мера административного наказания, в первую очередь, заключающаяся в моральном порицании гражданина. Указанная мера применяется только за нарушения ч. 1 ст. 20.11 КоАП РФ в отношении физического лица, допустившего нарушение сроков регистрации (перерегистрации) оружия или сроков постановки его на учет.

Административный штраф – административное наказание, выраженное в денежном наказании, взимаемом с нарушителя в доход бюджета. Штрафные санкции предусмотрены во всех статьях в сфере оборота оружия.

Конфискация орудия совершения или предмета административного правонарушения – безвозмездное обращение в федеральную собственность или в собственность субъекта Российской Федерации не изъятых из оборота вещей. Решение о конфискации оружия у законного владельца может вынести только суд. В области оборота оружия данная мера применяется в качестве дополнительного наказания, совместно с административным штрафом (например, ч. 4, 6 ст. 20.8 КоАП РФ).

Одним из самых строгих наказаний считается административный арест, который заключается в изоляции правонарушителя от общества. Арест применяется только в ч. 6 ст. 20.8 КоАП РФ за незаконное приобретение, продажу, передачу, перевозку, хранение или ношение гражданского огнестрельного гладкоствольного оружия и огнестрельного оружия ограниченного действия сроком от пяти до пятнадцати суток, совместно с конфискацией оружия и патронов к нему. Также как и конфискация, указанный вид наказания назначается судьей [1].

Также в качестве мер административного принуждения в отношении лиц, совершивших противоправное деяние в области оборота оружия, с целью предупреждения новых правонарушений можно выделить и такие меры административного принуждения как:

1. Изъятие огнестрельного оружия и патронов к нему (ст. 27 закона «Об оружии»). Как правило, изъятие оружие осуществляется в результате грубого нарушения законодательства гражданами владеющими оружием. К таким нарушениям можно отнести: ношения оружия в состоянии алкогольного или наркотического опьянения, нарушения правил хранения, изготовления, продажи, передачи или использования оружия и патронов к нему. Кроме того изъятие огнестрельного оружия осуществляется в результате аннулирования в ли-

цензии и (или) разрешения, принадлежащего гражданину и в результате смерти владельца оружия.

2. Аннулирование разрешения на хранение оружия (ст. 26 закона «Об оружии»). Самым мягким основание для аннулирования можно считать добровольный отказ от лицензии и (или) разрешения. Однако, существует ряд оснований для аннулирование разрешительных документов: вынесение судебного решения о лишении гражданина соответствующего специального права; аннулирование охотничьего билета; возникновение обстоятельств, исключающих возможность получения лицензии и (или) разрешения. Данные обстоятельства предусмотрены ст. 13 закона «Об оружии» (систематические (не менее двух раз в течение года) нарушения либо неисполнения гражданами требований, предусмотренных нормативными правовыми актами Российской Федерации, регламентирующими оборот оружия; конструктивная переделка владельцами гражданского или служебного оружия и патронов к нему, повлекшей изменение баллистических и других технических характеристик указанных оружия и патронов к нему) [3].

На основе всего вышесказанного, можно сделать вывод, что ответственность за правонарушения, связанные с оружием, урегулирована российским правом в достаточном, но не полном объеме. При владении и пользовании оружием гражданам следует придерживаться норм законов, регламентирующих оборот гражданского оружия, своевременно производить регистрацию (перерегистрацию) и не допускать нарушений административного законодательства.

Административная ответственность за нарушение правил оборота гражданского оружия обладает всеми признаками, присущими юридической ответственности, выступает как самостоятельная форма реагирования со стороны государства на правонарушения, которые посягают на установленные правила оборота гражданского оружия.

Список использованной литературы

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях : Федер. закон от 30.12.2001 г. № 195-ФЗ : (ред. от 05.04.2021 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

2. О войсках национальной гвардии Российской Федерации : Федер. закон от 03.07.2016 г. № 226-ФЗ : (ред. от 31.07.2020 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

3. Об оружии : Федер. закон от 13.12.1996 г. № 150-ФЗ : (ред. от 08.12.2020 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

4. Белоконь А.В. Исторические аспекты развития процесса правового регулирования оборота оружия в Российском государстве / А.В. Белоконь // Российский следователь. – 2014. – № 16. – С. 21–28.

5. Кушнирык В.В. Роль лицензионно-разрешительной системы полиции МВД России в обеспечении экономической безопасности / В.В. Кушнирык, А.А. Крылов // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. – 2015. – № 4. – С. 53–57.

б. Моисеенко А.Г. Административно-правовое регулирование оборота гражданского огнестрельного оружия в Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.14 / А.Г. Моисеенко. – Москва, 2011. – 183 с.

Информация об авторе

Синькова Мария Алексеевна – магистрант кафедры государственно-правовых дисциплин Байкальского государственного университета, Иркутск, Россия, e-mail: mariya.shamanova@mail.ru.

Author

Mariya A. Sinkova – undergraduate of the Department of State and Legal Disciplines of Baikal State University, Irkutsk, Russia, e-mail: mariya.shamanova@mail.ru.

ФОРМЫ БЮДЖЕТНЫХ АССИГНОВАНИЙ В СОВРЕМЕННОМ БЮДЖЕТНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

В статье изучаются вопросы правового регулирования форм бюджетных ассигнований в современном бюджетном законодательстве Российской Федерации. Указывается на отсутствие в законодательстве единообразных признаков, на основе которых выделяются указанные формы. Для иллюстрации обозначенных пробелов в законодательстве приводятся примеры практических проблем, связанных с отнесением расходов, связанных с социальным обеспечением населения, к различным формам бюджетных ассигнований.

Ключевые слова: бюджетное право, бюджетное законодательство, бюджетные отношения, формы расходов, расходы бюджеты, бюджетные ассигнования.

G.A. Khaitov

FORMS OF BUDGET ALLOCATIONS IN THE MODERN BUDGET LEGISLATION OF THE RUSSIAN FEDERATION: PROBLEMS OF LEGAL REGULATION AND LAW ENFORCEMENT

The article examines the legal regulation of the forms of budget allocations in the modern budget legislation of the Russian Federation. It declares that there are no uniform signs in the legislation which indicate forms of budget allocations. The article includes some examples of Russian law practice about problems of choosing right form of budget allocations to some social security expenditures.

Keywords: budget law, budget legislation, budget relations, forms of expenses, budget expenditures, budget allocations.

С развитием бюджетного законодательства Российской Федерации особое значение приобрело правовое регулирование общественных отношений, связанных с расходами бюджета. Расходы бюджета как часть государственных и муниципальных расходов обуславливаются соответствующими государственными потребностями или потребностями муниципального сообщества [8, с. 7]. За счет средств бюджета реализуется основная масса функций государства и его территорий по управлению обществом и обеспечению его жизнедеятельности [5, с. 72]. При этом бюджетные расходы характеризуются постоянством и повседневностью [1, с. 11]. Соответственно, правильное, своевременное и качественное расходование денежных средств, принадлежащих публичному образованию, аккумулированных в централизованном денежном фонде – бюджете, играет важную роль в достижении целей и задач развития России в экономической, социальной, культурной и иных сферах.

В различные периоды в советском и российском законодательстве существовали различные подходы к регулированию вопросов расходов бюджета, в частности к установлению их видов и форм. Изучению сущности и видов бюджетных расходов, включая их классификацию по различным основаниям (по ведомственному, функциональному признаку, по экономическому основанию) посвящены многие работы ученых и практиков, среди которых С.И. Иловайский [6], Д.Л. Комягин [7], А.В. Голубев [3; 4], Ю.В. Пятковская [8]. С принятием Бюджетного кодекса Российской Федерации [9] (далее – БК РФ) была установлена классификация форм расходов, в основе которой лежало целевое назначение бюджетных средств и механизм их использования. Однако, на сегодняшний день бюджетное законодательство Российской Федерации вместо форм расходов выделяет в качестве базового понятие расходного обязательства, реализуемого по установленным формам бюджетных ассигнований, в результате чего в БК РФ смещены акценты от «управления бюджетными ресурсами» на «управление результатами» [2, с. 22]. Так, в ст. 69 БК РФ закреплён исчерпывающий перечень форм бюджетных ассигнований, а в следующих за ней статьях БК РФ детально раскрыты особенности соответствующих форм, выделяются «подформы» бюджетных ассигнований, а также закрепляются требования к нормативным правовым актам, в результате принятия которых возникают расходные обязательства по соответствующим формам бюджетных ассигнований, предусматриваются особенности механизма выделения и использования бюджетных средств.

Вместе с тем, бюджетное законодательство не даёт ответа на вопрос, по каким признакам законодатель выделил в качестве самостоятельных те или иные формы бюджетных ассигнований. С одной стороны, в качестве признака, выделяющего самостоятельную форму бюджетных ассигнований, можно определить «конечного получателя бюджетных средств» (например, различные формы ассигнований на предоставление бюджетных инвестиций или субсидий юридическим лицам). С другой стороны, квалифицирующим признаком такой формы бюджетных ассигнований, как ассигнования на социальное обеспечение населения выступает цель выделения бюджетных средств, сопоставимая с положениями ст. 39 Конституции Российской Федерации.

Такая недостаточная последовательность в выделении форм бюджетных ассигнований влечёт сложности, связанные с верным отнесением в практической деятельности бюджетных расходов по формам бюджетных ассигнований. Это, в свою очередь, в дальнейшем порождает проблемы с контролем за использованием бюджетных средств, в частности, за их целевым и эффективным использованием в точном соответствии с положениями законодательства. Таким образом, вопросы сущности, видов и форм расходов бюджета остаются дискуссионными вопросами, актуальными для финансово-правовой науки.

Например, наиболее «широкой» формой бюджетных ассигнований являются ассигнования на оказание государственных (муниципальных) услуг (выполнение работ), включая ассигнования на закупки товаров, работ, услуг для обеспечения государственных (муниципальных) нужд. Статья 69¹ БК РФ, раскрывающая содержание этой формы бюджетных ассигнований, содержит большое количество «подформ», среди которых, например, предусматриваются ассигнования:

– на закупку товаров, работ и услуг для обеспечения государственных (муниципальных) нужд;

– на предоставление субсидий юридическим лицам, индивидуальным предпринимателям, а также физическим лицам – производителям товаров, работ, услуг в целях финансового обеспечения исполнения государственного (муниципального) социального заказа на оказание государственных (муниципальных) услуг в социальной сфере.

Однако, как указано выше, другой самостоятельной формой бюджетных ассигнований ст. 69 БК РФ предусматривает бюджетные ассигнования на социальное обеспечение населения. Согласно ст. 74¹ БК РФ к бюджетным ассигнованиям на социальное обеспечение населения относятся бюджетные ассигнования на предоставление социальных выплат гражданам либо на приобретение товаров, работ, услуг в пользу граждан для обеспечения их нужд в целях реализации мер социальной поддержки населения. Учитывая взаимосвязь бюджетно-правового регулирования и ст. 39 Конституции Российской Федерации, гарантирующей каждому право на социальное обеспечение, важно уяснить понятие и содержание этой конституционной нормы.

Конституционный Суд Российской Федерации пояснял, что социальное обеспечение осуществляется посредством денежных выплат (пенсий, социальных пособий и др.), предоставления гражданам натуральных видов содержания, социальных услуг за счет средств обязательного социального страхования, бюджетных ассигнований и иных источников. Содержание социального обеспечения заключается в материальном обеспечении, предоставлении человеку средств к существованию [10].

Соответственно, социальное обеспечение за счет бюджетных средств в Российской Федерации проявляется в различных формах. Например, пенсионное обеспечение и социальные выплаты перечисляются непосредственно гражданину, что соотносится с содержанием ст. 74¹ БК РФ.

В свою очередь, реализация натуральных льгот предполагает различные механизмы бюджетно-правового обеспечения соответствующих расходов. Например, льгота в виде предоставления гражданину бесплатных лекарственных препаратов может предполагать закупку этих лекарственных препаратов и передачу купленных лекарств нуждающемуся гражданину, либо возмещение недополученных доходов и затрат аптек (фармацевтических организаций), которые предоставили лекарства нуждающемуся гражданину бесплатно. Натуральная мера социальной поддержки по бесплатному проезду общественным транспортом или в виде сниженной провозной платы также может предполагать возмещение затрат перевозчиков.

Соответственно, возникает логичный вопрос о том, могут ли в данных случаях, которые связаны с социальным обеспечением населения, использоваться бюджетные средства по формам бюджетных ассигнований, не предусмотренных ст. 74¹ БК РФ? В частности, может ли применяться к таким общественным отношениям ст. 78 БК РФ, которая предусматривает предоставление субсидий юридическим лицам, индивидуальным предпринимателям и физическим лицам – производителям товаров, работ, услуг в целях возмещения недо-

полученных доходов и (или) финансового обеспечения (возмещения) затрат в связи с производством (реализацией) товаров, выполнением работ, оказанием услуг? Или, возможно, в данном случае требуется применение нового механизма организации социального обеспечения в виде государственного (муниципального) социального заказа на оказание государственных (муниципальных) услуг в социальной сфере¹ и, соответственно, ст. 78⁴ БК РФ, раскрывающей механизм выделения и использования бюджетных средств по соответствующей «подформе» бюджетных ассигнований, входящей в форму бюджетных ассигнований, закрепленную в ст. 69¹ БК РФ?

Главным образом ставится вопрос: если механизм бюджетного обеспечения натуральных мер социальной поддержки не соотносится с содержанием ст. 74 БК РФ [11], означает ли это, что эти меры социальной поддержки перестают быть «социальным обеспечением»? Ведь выделение в БК РФ специальной «целевой» формы бюджетных ассигнований, наверное, было сделано законодателем не случайно.

Среди аналогичных проблем выделяется то, что ассигнования на закупку (приобретение) товаров, работ, услуг предусмотрено как в ст. 69¹, так и в ст. 74 [12]. В связи с этим возникает вопрос о механизме осуществления таких закупок со стороны получателя бюджетных средств. Подлежит ли в приведенном выше примере с аптеками применению ст. 72 БК РФ, отсылающая к законодательству Российской Федерации о контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд?

Необходимо обратить внимание, что действующее законодательство не содержит легального определения понятия «государственная (муниципальная) нужда». Однако, в целом законодательство Российской Федерации о контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд основывается на принципах, которые лежали в основе признанного утратившим силу Федерального закона от 21.07.2005 г. № 94-ФЗ «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд» [12], который определял понятие «государственная нужда» (и, соответственно, «муниципальная нужда») выполнением полномочий соответствующего публичного образования (Российской Федерации, субъекта Российской Федерации, муниципального образования) и его органов.

Таким образом, если исходить из этого и учитывать, что обеспечение предоставления натуральных льгот является полномочием соответствующего публичного образования, то приобретение лекарств в целях их бесплатного предоставления нуждающимся гражданам должно быть признано закупкой для обеспечения государственных (муниципальных) нужд. Соответственно, к таким сделкам, совершаемым за счет бюджетных средств, выделенных в рамках ст. 74 БК РФ, подлежит применению и ст. 72 БК РФ.

---

¹ О государственном (муниципальном) социальном заказе на оказание государственных (муниципальных) услуг в социальной сфере : федер. закон от 13.07.2020 г. № 189-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2020. № 29. Ст. 4499.

Следует отметить, что на практике фактически отсутствует понимание различности и самостоятельности форм бюджетных ассигнований, перечисленных в ст. 69 БК РФ. При установлении и реализации конкретных расходных обязательств в сфере социального обеспечения населения правотворческие и правоприменительные органы делают увязку вводимого и реализуемого правового регулирования с различными нормами БК РФ. В связи с этим отсутствует единообразная практика по применению соответствующих положений бюджетного законодательства и отраслевого законодательства, целью которых является социальное обеспечение населения.

Например, в Иркутской области вопросы, связанные с предоставлением гражданам натуральных мер социальной поддержки в виде бесплатного (льготного) проезда на общественном транспорте финансируются путем выделения бюджетных средств на предоставление субсидий перевозчикам в соответствии со ст. 78 БК РФ [13]. В то же время при правовом регулировании схожего по сути механизма возмещения расходов аптечных организаций в связи с предоставлением натуральной меры социальной поддержки по бесплатному обеспечению лекарственными препаратами для детей первых трех лет жизни из малоимущих семей ст. 78 БК РФ не используется [14], а на основе ст. 74 БК РФ [15] (что следует из кодов классификации соответствующих расходов в законе об областном бюджете) устанавливается более гибкое по сравнению со ст. 78 БК РФ правовое регулирование, позволяющее фактически предоставлять аптечным организациям «квазисубсидии».

В то же время, например, реализация натуральной меры социальной поддержки путем льготного обеспечения лекарственными препаратами для медицинского применения, специализированными продуктами лечебного питания, медицинскими изделиями граждан, страдающих социально значимыми заболеваниями на основании Закона Иркутской области от 17.12.2008 г. № 106-оз «О социальной поддержке отдельных групп населения в оказании медицинской помощи в Иркутской области» [16] осуществляется путем безвозмездного предоставления гражданам лекарственных препаратов для медицинского применения, специализированных продуктов лечебного питания, медицинских изделий аптечными организациями, расположенными на территории Иркутской области [17]. При этом соответствующие лекарственные препараты закупаются министерством здравоохранения Иркутской области в соответствии с Федеральным законом от 05.04.2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» [18], что подтверждается планом-графиком закупок данного органа власти. Указанное свидетельствует об использовании формы бюджетных ассигнований, предусмотренной ст. 69 БК РФ [19] и обуславливает применение ст. 72 БК РФ.

Не способствует разрешению озвученных проблем и бюджетная классификация Российской Федерации [19], которая не заставляет увязывать конкретные расходы, предусматриваемые законом о бюджете на основе нормативных правовых актов и договоров, в результате которых возникли расходные обязательства, с классификацией форм бюджетных ассигнований, предусмотренной БК РФ.

В связи с изложенным требуется обсуждение вопросов, связанных с обеспечением действия положений БК РФ, регулирующих формы бюджетных ассигнований, гармонизации существующего правового регулирования и соотношения правовых норм, закрепляемых в правовых актах, касающихся установления расходных обязательств, механизмов использования бюджетных средств на цели социального обеспечения населения, с нормами бюджетного законодательства. Следует вернуться к дискуссии об изменении подходов к правовому регулированию классификации расходов бюджета, в частности, к дискуссии о соотношении понятий «расходы», «расходные обязательства» и «бюджетные ассигнования» в целях установления четких признаков, на основе которых осуществляется выделение видов и (или) форм расходов (расходных обязательств или бюджетных ассигнований).

Список использованной литературы

1. Арбатская Ю.В. К дискуссии о планировании бюджетных расходов / Ю.В. Арбатская // *Налоги и финансовое право*. – 2015. – № 5. – С. 10–13.
2. Васильева Н.В. О некоторых проблемах составления проектов бюджетов, рассмотрения и утверждения бюджетов субъектов Российской Федерации и муниципальных образований / Н.В. Васильева // *Академический юридический журнал*. – 2008. – № 2. – С. 22–28.
3. Голубев А.В. Расходы бюджетов как финансово-правовое понятие / А.В. Голубев // *Финансовое право*. – 2012. – № 2. – С. 16–21.
4. Голубев А.В. Расходное обязательство как правовое основание формирования и реализации расходов бюджета, ориентированных на результат / А.В. Голубев // *Финансовое право*. – 2013. – № 4. – С. 12–17.
5. Землянская Н.И. О понятии «расходы бюджета» / Н.И. Землянская // *Ленинградский юридический журнал*. – 2013. – № 3 (33). – С. 72–75.
6. Иловайский С.И. Учебникъ финансового права / С.И. Иловайский. – Одесса : Тип. Штаба Одесскаго Военнаго Округа, 1895. – 334 с.
7. Комягин Д.Л. Бюджетное право России : учеб. пособие / Д.Л. Комягин ; под ред. А.Н. Козырина. – Москва : Ин-т публично-прав. исслед., 2011. – 352 с.
8. Пятковская Ю.В. Бюджетные расходы в системе государственных и муниципальных расходов: правовой аспект : монография / Ю.В. Пятковская ; под общ. ред. Е.Ю. Грачевой. – Иркутск : Изд-во БГУ, 2015. – 164 с.
9. Бюджетный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 31.07.1998 г. № 145-ФЗ // *Собрание законодательства РФ*. – 1998. – № 31. – Ст. 3823.
10. По делу о проверке конституционности положения абзаца шестого пункта 1 статьи 28 Закона Российской Федерации от 19 апреля 1991 года «О занятости населения в Российской Федерации» в редакции от 20 апреля 1996 года : постановление Конституц. Суда РФ от 16.12.1997 г. № 20-П // *Собрание законодательства РФ*. – 1997. – № 51. – Ст. 5878.
11. О государственном (муниципальном) социальном заказе на оказание государственных (муниципальных) услуг в социальной сфере : Федер. закон от 13.07.2020 г. № 189-ФЗ // *Собрание законодательства РФ*. – 2020. – № 29. – Ст. 4499.

12. О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд : Федер. закон от 21.07.2005 г. № 94-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2005. – № 30, ч. 1. – Ст. 3105.

13. О бесплатном проезде отдельных категорий граждан в Иркутской области в 2013–2023 годах : Постановление Правительства Иркут. обл. от 12.03.2013 г. № 81-пп // Областная газета. – 2013. – 25 марта.

14. Об утверждении Положения о порядке и условиях предоставления в Иркутской области мер социальной поддержки по бесплатному обеспечению лекарственными препаратами для медицинского применения, отпускаемыми по рецептам на лекарственные препараты, при амбулаторном лечении для детей первых трех лет жизни из малоимущих семей и семей одиноких родителей и для детей в возрасте до шести лет из многодетных семей, и возмещения расходов в связи с их предоставлением : постановление Правительства Иркут. обл. от 12.02.2009 г. № 28-пп // Областная газета. – 2009. – 18 февр.

15. Об областном бюджете на 2021 год и на плановый период 2022 и 2023 годов : Закон Иркут. обл. от 16.12.2020 г. № 114-ОЗ // Ведомости Законодательного Собрания Иркутской области. – 2020. – № 37. – Т. 2.

16. О социальной поддержке отдельных групп населения в оказании медицинской помощи в Иркутской области : Закон Иркут. обл. от 17.12.2008 г. № 106-оз // Ведомости Законодательного собрания Иркутской области. – 2009. – № 5. – Т. 1.

17. Об утверждении Положения о порядке и условиях льготного обеспечения лекарственными препаратами для медицинского применения, специализированными продуктами лечебного питания, медицинскими изделиями граждан, страдающих социально значимыми заболеваниями, в Иркутской области : постановление Правительства Иркут. обл. от 05.11.2013 г. № 502-пп // Областная газета. – 2013. – 15 нояб.

18. О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд : Федер. закон от 05.04.2013 г. № 44-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2013. – № 14. – Ст. 1652.

19. О Порядке формирования и применения кодов бюджетной классификации Российской Федерации, их структуре и принципах назначения : приказ Мин. финансов Рос. Федерации от 06.06.2019 г. № 85н // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>.

Информация об авторе

Хаитов Григорий Александрович – аспирант кафедры предпринимательского и финансового права Байкальского государственного университета, Иркутск, Россия, e-mail: g.khaitov@mail.ru.

Author

Grigorii A. Khaitov – post-graduate student of the Chair of business and financial law of Baikal State University, Irkutsk, Russia, e-mail: g.khaitov@mail.ru.

К ВОПРОСУ О СТАНОВЛЕНИИ ИНСТИТУТА УПОЛНОМОЧЕННЫХ ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА В СУБЪЕКТАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Рассматриваются вопросы становления института уполномоченных по правам человека в субъектах Российской Федерации и развития законодательной базы их организации и деятельности. Автором рассматривается значение факта принятия федерального закона, определившего единые принципы организации и деятельности уполномоченных по правам человека в субъектах Российской Федерации. Высказываются предложения по дальнейшему совершенствованию законодательного регулирования статуса региональных уполномоченных по правам человека.

Ключевые слова: защита прав и свобод человека и гражданина, уполномоченный по правам человека в субъекте Российской Федерации, гарантии организации и деятельности уполномоченного по правам человека в субъекте Российской Федерации.

L.Yu. Tsyganova

TO THE ISSUE OF FORMATION OF THE INSTITUTE OF COMMISSIONERS FOR HUMAN RIGHTS IN THE SUBJECTS OF THE RUSSIAN FEDERATION

The article considers the issues of formation of the institute of commissioners for human rights in the subjects of the Russian Federation and development of legislation of their organization and activity. The author focuses the meaning of adopting the Federal Law, considering uniform principles of organization and activity of commissioners for human rights in the subjects of the Russian Federation. Proposals for further improvement of legislative regulation of the status of commissioners for human rights in the subjects of the Russian Federation are made.

Keywords: protection of human and civil rights and freedoms, commissioner for human rights in the subjects of the Russian Federation, guarantees of organization and activity of the commissioner for Human rights in the subjects of the Russian Federation.

Конституция Российской Федерации (ст. 2) определяет, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью, а признание, соблюдение и защита прав, свобод человека и гражданина – обязанностью государства.

Согласно ст. 45 Конституции Российской Федерации в нашей стране гарантируется государственная защита прав и свобод человека и гражданина.

В числе государственных органов, призванных защищать права и свободы человека и гражданина, есть орган, отличающийся совсем небольшим пери-

одом деятельности в нашем государстве – это уполномоченные по правам человека в субъекте Российской Федерации (далее – уполномоченный, региональный уполномоченный).

Впервые институт регионального уполномоченного был учрежден в Республике Башкортостан [4, с. 5]. Так, 29 апреля 1996 г. президентом республики Башкортостан был подписан Закон «Об Уполномоченном по правам человека в Республике Башкортостан» [4, с. 5; 9]. В июне 1996 г. в Свердловской области был принят областной закон «Об Уполномоченном по правам человека в Свердловской области» [9].

По состоянию на 1 октября 2016 г. уполномоченные были назначены и работали в 84-х субъектах Российской Федерации из 85. Регионального уполномоченного не было только в одном субъекте Российской Федерации – в Республике Тыва. Постановлением Верховного Хурала (парламента) Республики Тыва от 23 декабря 2016 г. Россова Ольга Валерьевна была утверждена на должность Уполномоченного по правам человека с возложением обязанностей Уполномоченного по правам ребенка в Республике Тыва [13].

Принятие региональных законов об уполномоченных и процесс назначения уполномоченных на должность были окончены в 2016 г. Таким образом, к концу декабря 2016 г. региональные уполномоченные появились в каждом субъекте Российской Федерации. Период становления института региональных уполномоченных охватил 20 лет.

Долгое время основой для деятельности региональных уполномоченных являлось только региональное законодательное регулирование. При этом, отмечались разные подходы к регламентации организации и деятельности этих государственных органов в разных субъектах Российской Федерации. По мере становления института региональных уполномоченных все чаще в литературе ставился вопрос о необходимости единообразного федерального регулирования этого института [5; 7; 11].

Проведенный анализ законов, действующих в разных субъектах Российской Федерации, выявил существенные различия в статусах уполномоченных, их правах, обязанностях, ответственности, организационных основах деятельности [8, с. 8]. Такие различия приводили к неравным условиям правовой защиты граждан при их обращении к региональным уполномоченным.

В марте 2020 г. был принят и вступил в силу Федеральный закон «Об уполномоченных по правам человека в субъектах Российской Федерации» [11] (далее – Закон). В нем впервые на федеральном уровне были подробно закреплены общие положения, являющиеся основой деятельности региональных уполномоченных. При подготовке этого Закона был учтен опыт применения принятого в 2015 г. Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях совершенствования деятельности уполномоченных по правам человека» [8].

Согласно ст. 1 Закона должность уполномоченного может учреждаться в целях обеспечения дополнительных гарантий государственной защиты прав, свобод человека и гражданина на территории соответствующего субъекта Российской Федерации.

В данном Законе определено, что региональный уполномоченный способствует восстановлению нарушенных прав, свобод человека и гражданина, совершенствованию регионального законодательства, муниципальных нормативных правовых актов в части защиты прав, свобод человека и гражданина, правовому просвещению в области соблюдения прав и свобод человека и гражданина, форм, методов их защиты, а также развитию международного сотрудничества в области прав человека.

В ст. 3 Закона закреплена независимость уполномоченного при осуществлении своих полномочий от каких-либо органов, должностных лиц, также его неподотчетность им.

Несмотря на установление единых принципов организации и деятельности уполномоченных, Законом была оставлена для регионального законодателя определенная свобода нормативного регулирования.

На наш взгляд, требует своего рассмотрения вопрос о пределах регионального законодательного регулирования правового статуса уполномоченных. Как представляется, необходим баланс федерального и регионального регулирования, с целью обеспечения надежных гарантий организации и деятельности региональных уполномоченных как независимых государственных правозащитных органов, осуществляющих защиту прав, свобод человека и гражданина.

Как верно отмечается в литературе, закрепленные в законодательстве гарантии независимой организации и деятельности региональных уполномоченных являются важнейшим средством обеспечения самостоятельного и независимого статуса при осуществлении ими правозащитных функций. При этом под этими гарантиями следует понимать установленные законодателем условия, правила и процедуры, обеспечивающие беспрепятственную реализацию в полном объеме прав и обязанностей региональных уполномоченных в качестве независимых государственных правозащитников с особым конституционно-правовым статусом [2, с. 17].

Среди проблемных следует отметить факультативный характер законодательного регулирования правового статуса аппарата региональных уполномоченных. Решение этого вопроса федеральным законодателем делегировано органам законодательной власти субъектов Российской Федерации. В настоящее время в федеральном законодательстве нет специальной нормы о полномочии регионального уполномоченного самостоятельно образовывать свой рабочий аппарат. К примеру, в настоящее время не все региональные уполномоченные имеют свои аппараты. Как справедливо отмечалось исследователями деятельность региональных уполномоченных без их собственных аппаратов, которыми они руководят сами, не может быть по определению эффективной, а также независимой прежде всего от органов исполнительной власти [2, с. 18].

Также, на наш взгляд, следует поддержать высказанное в литературе предложение о более подробной и конкретизированной законодательной регламентации на федеральном уровне вопросов финансирования деятельности региональных уполномоченных в целях обеспечения их независимого статуса [3, с. 54].

Подытоживая изложенное, отметим, что вопросы законодательного обеспечения гарантий деятельности региональных уполномоченных в качестве независимых государственных правозащитных органов требуют пристального внимания федерального законодателя.

Список использованной литературы

1. Волков Н.А. Институт российских уполномоченных по правам человека: история и современность / Н.А. Волков // Вестник Кузбасского института. – 2016. – № 4. – С. 136–142.

2. Игнатенко В.В. Проблемы законодательного регулирования гарантий организации и деятельности уполномоченных по правам человека в субъектах Российской Федерации / В.В. Игнатенко // Академический юридический журнал. – 2019. – № 4. – С. 16–21.

3. Игнатенко В.В. Проблемы совершенствования правового статуса уполномоченных по правам человека в субъектах Российской Федерации / В.В. Игнатенко // Проблемы современного законодательства России и зарубежных стран : материалы 8-й Междунар. науч.-практ. конф. (Иркутск, 27 сент. 2019 г.). – Иркутск : Иркут. ин-т (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2019. – С. 52–57.

4. Календарь основных событий, связанных с развитием института Уполномоченных по правам человека в регионах России в 1996–2008 гг. / под ред. Н.А. Цимбаловой. – Серия : «Библиотека Уполномоченного по правам человека в субъекте РФ». – Вып. 3. – Санкт-Петербург : Норма, 2008. – 120 с.

5. Михайлов В.К. Должен ли федеральный законодатель определять основы правового статуса и деятельности регионального омбудсмена? / В.К. Михайлов // Российская юстиция. – 2016. – № 1. – С. 58–61.

6. Москалькова Т.Н. О совершенствовании законодательного обеспечения деятельности уполномоченных по правам человека в субъектах Российской Федерации / Т.Н. Москалькова // Конституционное и муниципальное право. – 2018. – № 1. – С. 4–7.

7. Москалькова Т.Н. О совершенствовании правового статуса уполномоченного по правам человека в субъектах Российской Федерации / Т.Н. Москалькова // Актуальные вопросы обеспечения прав и свобод человека и гражданина: региональное измерение : материалы 2-й Всерос. науч.-практ. конф. (Хабаровск, 13 сент. 2017 г.). – Хабаровск : Дальневост. ин-т управ. – филиал РАНХиГС, 2017. – С. 7–11.

8. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях совершенствования деятельности уполномоченных по правам человека : Федер. закон от 06.04.2015 г. № 76-ФЗ // Российская газета. – 2015. – 8 апр.

9. Об Уполномоченном по правам человека Свердловской области : Областной закон от 14.06.1996 г. № 22-ОЗ // Собрание законодательства Свердловской области. – 1996. – № 1 (1996). – Ст. 1.

10 . Об Уполномоченном Республики Башкортостан по правам человека : Закон Респ. Башкортостан от 29.04.1996 г. № 31-з // Законы Республики Башкортостан. – 1996. – Вып. 13.

11. Об уполномоченных по правам человека в субъектах Российской Федерации» : Федер. закон от 18.03.2020 г. № 48-ФЗ // Российская газета. – 2020. – 20 марта (№ 60).

12. Тамбовцев В.В. К вопросу о создании в Российской Федерации единой системы государственной защиты прав человека / В.В. Тамбовцев // Омбудсмен. – 2012. – № 1. – С. 16–21.

13. Уполномоченный по правам человека (ребенка) в Республике Тыва. – URL: <http://ombudsman.rtvva.ru> (дата обращения: 16.03.2021).

Информация об авторе

Цыганова Людмила Юрьевна – аспирант Байкальского государственного университета, Иркутск, Россия, e-mail: tsyganova.38@mail.ru.

Author

Lyudmila Yu. Tsyganova – post-graduate student of Baikal State University, Irkutsk, Russia, e-mail: tsyganova.38@mail.ru.

ОСОБЕННОСТИ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПОДКУП ИЗБИРАТЕЛЕЙ

Рассмотрены особенности юридической природы конституционно-правовой ответственности за подкуп избирателей. Проанализировано соотношение конституционно-правовой, административной и уголовной ответственности за подкуп избирателей. Дается определение конституционно-правовой ответственности за подкуп избирателей.

Ключевые слова: подкуп избирателей, конституционно-правовая ответственность, административная ответственность, уголовная ответственность.

M.V. Shturueva

FEATURES OF THE CONSTITUTIONAL LEGAL RESPONSIBILITY FOR VOTER BRIBERY

The features of the legal nature of the constitutional-legal responsibility for bribing voters are considered. The correlation of constitutional-legal, administrative and criminal liability for voter bribery is analyzed. The definition of constitutional-legal responsibility for bribery of voters is given.

Keywords: bribery of voters, constitutional-legal responsibility, administrative responsibility, criminal responsibility.

Подкуп избирателей как избирательное правонарушение представляет собой предоставление либо обещание предоставления имущественных материальных выгод избирателям при проведении предвыборной агитации с целью склонить к реализации ими своего активного избирательного права не свободно, а в интересах достижения определенным кандидатом или избирательным объединением выгодного для них результата выборов¹.

Установленный в федеральном законодательстве (п. 2 ст. 56 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации») общий правовой запрет на осуществление деяний, связанных с подкупом избирателей, обеспечивается охранительными средствами уголовного и административного характера, а также мерами конституционно-правовой ответственности.

В зависимости от отраслевой принадлежности нормативно-правовой основы ответственности за подкуп избирателей различаются три вида ответственности: конституционно-правовая (ответственность по избирательному праву), административная и уголовная ответственность, которые отличаются друг от друга

---

¹ Подробно о понятии подкупа избирателей см.: [4, с. 113–115; 5, с. 67–68; 8, с. 19; 9, с. 136].

основаниями, санкциями, субъектным составом, процессуальной формой реализации, правовыми последствиями наказания виновных лиц [1, с. 6].

В соответствии со ст. 5.16 КоАП РФ подкуп избирателей квалифицируется в качестве самостоятельного деликта, влекущего применение к виновным лицам мер административной ответственности в виде административного штрафа.

Отдельные противоправные деяния, сопряженные с подкупом избирателей, законодателем подверглись криминализации. При этом подкуп избирателей не образует самостоятельный состав преступления, а служит только квалифицирующим признаком для основного состава – воспрепятствование осуществлению избирательных прав или работе избирательных комиссий, предусмотренного ст. 141 Уголовного кодекса РФ [3, с. 559].

Привлечение лиц, виновных в совершении подкупа избирателей, к уголовной или административной ответственности не исключает возможности применения к ним также мер конституционно-правовой ответственности в виде отказа в регистрации кандидата (списка кандидатов), отмены регистрации кандидата (списка кандидатов), признания решения избирательной комиссии о результатах выборов недействительным.

Так же как и уголовной, и административной ответственности, применяемой за правонарушения в избирательной системе, конституционно-правовой ответственности за избирательные правонарушения присущи следующие признаки:

- наступление за нарушение правовых норм (правовых предписаний), содержащихся в избирательном законодательстве;
- выражение в отрицательной оценке государства;
- наступление неблагоприятных последствий для правонарушителя в виде применения государственно-правового принуждения;
- применение юрисдикционным органом в особом процессуальном порядке, установленном законодательством.

Конституционно-правовая ответственность за избирательные правонарушения как одна из разновидностей юридической ответственности, задействованных в избирательной системе, может быть охарактеризована свойственными ей целями. Они заключаются в охране правопорядка в конституционно-правовых отношениях, связанных с реализацией и защитой избирательных прав граждан, организацией и проведением выборов как одной из непосредственных форм народовластия. Эти цели достигаются возможностью наступления ответственности, стимулирующей отказ от совершения неправомерных деяний, восстановлением нарушенных общественных отношений и правопорядка, общим и частным предупреждением правонарушений. Указанные цели опосредуются в функциях конституционно-правовой ответственности за избирательные правонарушения, среди которых следует выделить карательную (штрафную), право-восстановительную и превентивную [9, с. 33–34].

Таким образом, конституционно-правовую ответственность за подкуп избирателей, наряду с уголовной и административной ответственностью за деяния, сопряженные с подкупом избирателей в электоральной сфере, можно считать проявлением ретроспективной юридической ответственности в избирательной

системе. Ее также можно признать разновидностью публично-правовой ответственности за нарушения законодательства о выборах [2, с. 18–19].

В то же время конституционно-правовая ответственность за подкуп избирателей обладает специфическими свойствами и качествами, которые отличают ее от иных разновидностей юридической ответственности, применяемых за правонарушения, связанные с подкупом избирателей. Обратим внимание на эти особенности.

1. Отличительные черты конституционно-правовой ответственности за подкуп избирателей опосредованы особым кругом источников, в качестве которых выступают законодательные акты, регламентирующие порядок организации и проведения выборов. Это также проявляется в специфике нормативного основания конституционно-правовой ответственности за подкуп избирателей, которым следует признать исключительно нормы избирательного законодательства, закрепляющие запреты на совершение деяний, содержащих признаки подкупа избирателей, и устанавливающие конституционные санкции за их нарушение. В отличие от конституционно-правовой ответственности нормативное основание уголовной и административной ответственности за деяния, связанные с подкупом избирателей, составляют соответственно нормы уголовного законодательства и законодательства об административных правонарушениях.

2. Отличие конституционно-правовой ответственности за подкуп избирателей обусловлено спецификой ее фактического основания, в качестве которого выступает избирательное правонарушение, представляющее собой отдельную разновидность виновных, противоправных, общественно вредных деяний, посягающих на избирательные права, за совершение которых на основании избирательного законодательства применяются санкции конституционно-правового характера. Фактическим основанием уголовного и административного преследования за действия, сопряженные с подкупом избирателей, является совершение соответственно преступления или административного правонарушения. В отличие от фактического основания уголовной и административной ответственности, наименование фактического основания конституционно-правовой ответственности не нашло единообразного доктринального признания и законодательного закрепления.

3. Конституционно-правовая ответственность за подкуп избирателей отличается от уголовной и административной ответственности за деяния, связанные с подкупом в избирательной системе, особым субъектным составом. Его специфичность определяется наличием особого признака – обладание лицом, подвергаемым за подкуп избирателей воздействию установленных конституционных санкций, специальным правовым статусом в избирательном процессе. Меры конституционно-правовой ответственности за подкуп избирателей могут применяться исключительно к кандидатам и избирательным объединениям, обладающим специальной избирательной правосубъектностью, тогда как к уголовной ответственности могут привлекаться граждане, а к административной – граждане и юридические лица, в том числе не наделенные специальными статусами в рамках избирательного процесса.

4. Конституционно-правовая ответственность за подкуп избирателей характеризуется особой процессуальной формой реализации. Применение меры конституционно-правовой ответственности за подкуп избирателей в виде отказа в регистрации кандидата, списка кандидатов, выдвинутого избирательным объединением, производится в административном порядке соответствующими избирательными комиссиями, наделенными избирательным законодательством полномочиями по регистрации кандидатов, списков кандидатов. Конституционные санкции в виде отмены регистрации кандидата, списка кандидатов, а также отмены решения избирательной комиссии о результатах выборов в случае совершения подкупа избирателей применяются судами общей юрисдикции. Привлечение же к уголовной или административной ответственности за деяния, связанные с подкупом избирателей, осуществляется исключительно в судебном порядке.

5. Отличительной чертой конституционно-правовой ответственности за подкуп избирателей являются установленные избирательным законодательством санкции, содержание которых связано с лишением привлекаемого к такой ответственности лица специального статуса (специальной избирательной правосубъектности) или выражается в применении к нему иных мер, влекущих прекращение, ограничение или иное умаление его прав в избирательном процессе. В отличие от конституционных санкций, административное наказание состоит в обращении денежного взыскания на правонарушителя в виде административного штрафа, а уголовное наказание – в виде штрафа либо исправительных работ, ареста или лишения свободы.

Оригинальность конституционных санкций также заключается в том, что практически все они сформулированы законодателем как абсолютно определенные, имеют точное фиксированное выражение, их применение жестко связано с определенным этапом (стадией) избирательного процесса, они могут применяться исключительно к определенному кругу субъектов [9, с. 42].

6. Конституционно-правовая ответственность за подкуп избирателей отличается от уголовной и административной ответственности, применяемой за подкуп избирателей в электоральной сфере, правовыми последствиями наказания виновных лиц. Применение мер конституционно-правовой ответственности в виде отказа в регистрации кандидата, списка кандидата или отмены такой регистрации заключается в воспрепятствовании кандидату либо зарегистрированному кандидату в реализации его пассивного избирательного права как претендента на выборную должность или избрание депутатом на данных выборах. Конституционная санкция в виде отмены решения избирательной комиссии о результатах выборов не только выражается в виде взыскания (кары), налагаемого на правонарушителя, и препятствует ему в приобретении статуса выборного лица, но и аккумулирует в себе правосстановительные функции, заключающиеся в признании ничтожности всех произведенных в ходе избирательной кампании избирательных действий и ее результатов.

Завершая общеправовую характеристику конституционно-правовой ответственности за подкуп избирателей, сформулируем понятие такой ответственности. Конституционно-правовая ответственность за подкуп избирателей выражается в отрицательной оценке государством, основанной на юридическом и обще-

ственном осуждении этого избирательного правонарушения, и наступлении в особом процессуальном порядке неблагоприятных последствий в виде применения юрисдикционным органом меры конституционно-правового принуждения, и обусловлена обязанностью кандидата, избирательного объединения, виновного в совершении подкупа избирателей, претерпеть действие одной из установленных избирательным законодательством санкции в виде отказа в регистрации кандидата, списка кандидатов или отмены такой регистрации или отмены решения соответствующей избирательной комиссии о результатах выборов.

Список использованной литературы

1. Игнатенко В.В. Юридическая ответственность и избирательный процесс. – Москва : РЦОИТ, 2002. – 144 с.
2. Игнатенко В.В. Конституционно-правовая ответственность в избирательном процессе // Академический юридический журнал. – 2002. – № 3. – С. 18–29.
3. Игнатенко В.В. Ответственность за нарушение избирательных прав (глава 19). Избирательное право и избирательный процесс в Российской Федерации : учеб. для вузов / отв. ред. А.А. Вешняков. – Москва : НОРМА, 2003. – С. 517–562.
4. Игнатенко В.В. Правонарушения и юридическая ответственность в избирательном процессе : учеб. пособие. – Иркутск, 2003. – 186 с.
5. Игнатенко В.В. Административная ответственность участников выборов : учеб. пособие. – Иркутск, 2003. – 107 с.
6. Игнатенко В.В., Штурнева М.В., Магданов А.Л. Особенности квалификации подкупа избирателей как конституционно-правового деликта // Избирательное право. – 2007. – № 2. – С. 19–26.
7. Игнатенко В.В. Понятие подкупа избирателей как конституционно-правового деликта и особенности его квалификации // Академический юридический журнал. – 2012. – № 3. – С. 4–10.
8. Игнатенко В.В. Подкуп избирателей как коррупционное административное правонарушение // Академический юридический журнал. – 2014. – № 3. – С. 24–28.
9. Штурнев А.Е. Конституционно-правовая ответственность за избирательные правонарушения в Российской Федерации. – Иркутск, 2004. – 208 с.

Информация об авторе

Штурнева Марина Викторовна – кандидат юридических наук, начальник правового отдела Избирательной комиссии Иркутской области, Иркутск, Россия, e-mail: ikio@irkutsk.ru.

Author

Marina V. Shturueva – Candidate of Law, Head of the Legal Department of Election Commission of the Irkutsk Region, Irkutsk, Russia, e-mail: ikio@irkutsk.ru.

СЕКЦИЯ 3. ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ

УДК 347.962.2

С.М. Амосов

СУДЕБНАЯ РЕФОРМА ДОЛЖНА БЫТЬ ПРОДОЛЖЕНА

Анализируя вопрос о судебной реформе, автор обращает внимание на отставание современного правосудия от запросов общества и, указывая в данной связи на колоссальную загруженность судей, а также условность и субъективность имеющихся подходов к изучению личности кандидатов в судьи, делает вывод, что необходимо реформировать правосудие таким образом, чтобы судья стал свободным, самостоятельным и творческим государственным деятелем, и что главное правосудие должно быть в первой инстанции.

Ключевые слова: правосудие, судья, личность судьи, кандидаты в судьи, судебная реформа.

S.M. Amosov

JUDICIAL REFORM MUST BE CONTINUED

Analyzing the issue of judicial reform, the author draws attention to the lagging of modern justice from the demands of society and, pointing in this regard to the colossal workload of judges, as well as the conventionality and subjectivity of the existing approaches to the study of the personality of candidates for a judge, concludes that it is necessary reform justice in such a way that the judge becomes a free, independent and creative statesman, and that the main justice should be in the first instance.

Keywords: justice, judge, personality of a judge, candidates for judges, judicial reform.

Можно ли правосудие в России приблизить к идеальному с позиций современного человека? Ведь оно и призвано служить человечеству и, естественно, отдельному человеку тоже. Но что же это за явление, за общественный институт? Главным образом, учреждение правосудия представляет из себя самую судебную систему, строгий процессуальный порядок деятельности (судопроизводство), опору на законодательство, принятое по регламенту и покрывающее всю российскую территорию, и завершается государственным исполнением приговоров и решений.

Уже внутри этого механизма есть необходимая движущая сила – судья. Это энергия жизни, непрерывно питающая правосудие, главная составляющая часть и самая важная, потому что каков судья – таков итог приговора и решения. Из этого следует, что в какую бы организационную структуру не войдет

достойный судья – в любом случае он найдет справедливое решение. И как не мудри со стремлением е совершенствоваться – негодный судья может все испортить, извратить.

Самое интересное – построить и перестроить судебную систему, организационно совершенствовать структуру суда намного легче и проще, чем найти главный человеческий, а оттого духовный элемент правосудия. Естественно, первое можно начать с нуля, приспособив организацию под веления времени и соотнося с мировым опытом. Система и структура начинают функционировать как бы с рождения. Направляй и поправляй – это всегда возможно. Но нет такого учреждения, где и когда начинает взращиваться судья, с чистого листа не начать его подготовку. В суд приходят уже зрелые люди. Только зрелость у всех разная, и как найти, отобрать тех, кому можно доверить распоряжение человеческим бытием.

Серьезные исследования по данной проблематике проведены членом-корреспондентом РАН РФ М.И. Клеандровым в монографии «Судейский корпус России: совершенствование механизма формирования» [1, гл. 7–13]. Обобщен исторический мировой опыт, исследованы российские современные реалии. Нестандартный подход к теме, новаторские предложения не всеми могут восприниматься как необходимое. Это естественно, потому что последние десятилетия новаций по изучению проблем личности судьи немного. Главным образом, наверное, сохраняется представление о достаточности результатов реформ девяностых годов, но время уже заставляет задумываться об отставании правосудия от поступательного движения запросов общества.

В чем это выражается?

В неразрешимости многих проблем. Огромная, сверх всяких человеческих норм труда нагрузка попросту душит судебную систему уже много лет, но решение справиться с ней так и не найдено. Особенно завалены работой суды первых инстанций. Есть данные, что в месяц, в среднем, они разрешают до двухсот дел и материалов. Изнуряющий конвейер уже давно исключил и сами мысли о мудром правосудии. Эти слова о мудрости, духовности права в среде юристов, причастных к нему, лучше не говорить. Да и всем гражданам тоже. Не верят. Хотя на поверхности есть простой выход решения проблемы – изготовление судебного решения без обременительной «писанины». Современный человек достаточно образован, чтобы понять суть судебного документа. Но это техническая сторона правосудия и она имеет варианты совершенствования, тем более учитывая прогресс в информационных технологиях.

Гораздо сложнее человеческий фактор, личность судьи, живой организм правоприменения. Каждый человек индивидуален, со своим характером, особенностями, все скрыто в нем. Но на службе правосудию нужны особенные люди.

Нормативные источники не содержат подробных личностных признаков судьи, отличительных от других людей. Кодекс Судейской этики включает больше запретов поведения и рекомендаций, но не характеризует, а каков он должен быть. Видимо, личность судьи презюмируется как субъекта-носителя лучших качеств. Только как определить из многих претендентов на судейские должности именно такого человека?

Показателями служат: предыдущая юридическая деятельность, профессионализм, отзывы и рекомендации доверенных специалистов, характеристики, изучение жизни в быту, сведения правоохранительных органов о законопослушании кандидата в судьи. Наконец, проверка претендента в судьи на конфликт его возможных интересов. Последний элемент личности приобрел в последние годы особое значение. Потому важнейшие качества профессиональных знаний, опыта, достойной и честной жизни отступают перед различными вариациями на тему конфликта интересов. Между тем по здравому смыслу это первенство в оценке человека на самом деле противоречит главному принципу правосудия – презумпции невиновности, потому что не является достоверным, а только возможным, причем с призрачной вероятностью.

Таким образом, все современные подходы к изучению личности кандидатов в судьи абсолютно субъективны и условны. Поэтому, исходя из достойного отношения к современным гражданам России и особенно к судейским претендентам, предположения о возможных конфликтах интересов нужно опустить на самый низ изучения личности. Наконец, использовать логику и достоверность, а не подозрения, чаще всего не обоснованные конкретными данными. В дальнейшем совершенствовании российского правосудия нужно сделать все, чтобы поднять авторитет судьи в обществе, добиться уважения и доверия к судье у граждан России и, что также важно – в мировом сообществе.

Для этого необходимо реформировать правосудие таким образом, чтобы судья стал свободным, самостоятельным и творческим государственным деятелем.

Статья 120 Конституции РФ устанавливает, что судьи независимы и подчиняются только Конституции РФ и федеральному закону. Исходя из этого принципиального положения, все судьи вправе принимать решения на основе федерального закона, руководствуясь в конкретике своим правосознанием самостоятельно, возможно в данное время не согласовывающимся с позициями вышестоящих судов, с чем потом, по мере движения дела, соглашаются другие инстанции или не соглашаются, либо отменяют, изменяют решение, если находят иной смысл рассматриваемых событий.

Суть такого поворота в судебной компетенции проста, но значима. Суд первой инстанции есть главное звено правосудия. Он совершает правовое действие среди людей, открыто. Не только на глазах сторон, но и местной публики, как правило, всегда заинтересованной в исходе дела в ту или в другую сторону. Поэтому суды всех инстанций должны иметь конституционную основу в своих решениях.

Еще раз подчеркнем: главное правосудие должно быть в первой инстанции. Именно здесь возможно наиболее легкое, простое, естественно всестороннее, полное и объективное исследование обстоятельств дела. Сравните с ворохом бумаг и только их, а не живых людей, следующих до самого верха инстанций.

Правосудие должно обосновывать свои выводы из реальной жизни, не из ее интерпретации.

Вышестоящие инстанции при таком порядке могут принимать на себя право их подправлять и поправлять.

Самое главное: реформировать в таком ключе легко и проще, чем перестраивать ее структуру, потому что это есть содержание внутренних отношений, не задевающее внешних институтов и учреждений. Все возможно решить, изменив доктрину иерархии в судебной системе. Волевым решением принадлежит Верховному Суду и органам судейского сообщества.

Следует подчеркнуть, что действующая процессуальная регламентация от Конституции до кодексов позволяет такое переустройство, так как все суды должны руководствоваться основополагающим принципом своей независимости и подчинению только закону (ст. 120 Конституции Российской Федерации).

Отбор кандидатов на судебные должности необходимо максимально освободить от решающей роли руководителей суда. Аргументы в том, что именно они знают, кто более достоин судебного места, субъективны, поэтому несостоятельны. Кто будет спорить, что немало достойных специалистов не проходят квалификационных коллегий потому, что неуютны председателям. Поэтому правильна идея М.И. Клеандрова о необходимости особой судейской инфраструктуры по отбору претендентов на судебные должности и наделении их полномочиями [2, гл. 5–6].

Особенно это относится к председателям судов. Наиболее демократичный принцип их назначению прост. Председателем суда становится старейший судья, после его отставки – следующий по возрасту. Суть такого порядка очевидна: председателем становится опытный правовед, а административные функции выполняет другое лицо.

Список использованной литературы

1. Клеандров М.И. Судейский корпус России: совершенствование механизма формирования : монография / М.И. Клеандров. – Москва : Норма : Инфра-М, 2019. – 320 с.
2. Клеандров М.И. О Совете судебной власти Российской Федерации : монография / М.И. Клеандров ; Рос. акад. наук, Ин-т гос-ва и права. – Москва : Норма : Инфра-М, 2016. – 158 с.

Информация об авторе

Амосов Сергей Михайлович – доктор юридических наук, судья в отставке, Заслуженный юрист Российской Федерации, профессор кафедры гражданского права и процесса Байкальского государственного университета, Иркутск, Россия, e-mail: AmosovSM@bgu.ru.

Author

Sergey M. Amosov – Doctor of Law, Retired Judge, Honoured Lawyer of Russia, Professor of Civil Law and Procedure Department of Baikal State University, Irkutsk, Russia, e-mail: AmosovSM@bgu.ru.

О ТРАКТОВКЕ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ОБЯЗАННОСТИ: ДОЛЖЕНСТВОВАНИЕ КАК НЕОБХОДИМОСТЬ

Рассматриваются подходы к определению юридической (гражданско-правовой) обязанности: 1) посредством понятия «долженствование» и 2) посредством понятия «необходимость». Автор высказывает мнение, что для сложившегося в доктрине противопоставления данных подходов оснований не имеется, а также обосновывает вывод о том, что необходимо различать виды долженствования и выделять два вида, которые имеют отношение к трактовке гражданско-правовой обязанности. Первый вид – долженствование, основанное на внутреннем волевом начале, и второй вид – долженствование, основанное на внешнем волевом начале.

Ключевые слова: обязанность, долженствование определенного поведения, необходимость определенного поведения, долженствование, основанное на внутреннем волевом начале, долженствование, основанное на внешнем волевом начале.

N.P. Aslanyan

ON THE INTERPRETATION OF CIVIL LEGAL DUTIES: DUE AS A NECESSITY

In the article approaches to the definition of a legal (civil) duty are considered: 1) through the concept of «ought» and 2) through the concept of «necessity». The author expresses the opinion that there are no grounds for the opposition of these approaches that has developed in the doctrine, and also substantiates the conclusion that it is necessary to distinguish between the types of duty and highlights two types that are relevant to the interpretation of civil law duties. The first type is a duty based on an internal volitional principle, and the second type is a duty based on an external volitional principle.

Keywords: duty, duty of a certain behavior, necessity of a certain behavior, duty based on the internal volitional principle, duty based on the external volitional principle.

В отечественной правовой литературе предложены два подхода к определению юридической обязанности: 1) посредством понятия «долженствование» и 2) посредством понятия «необходимость».

Сторонники первого подхода понимают под обязанностью меру должного поведения («долженствование поведения»). Так, О.С. Иоффе и М.Д. Шаргородский давали следующую дефиницию: «...обязанность есть обеспеченная законом мера должного поведения, которой обязанное лицо следует в соответствии с требованиями и в целях удовлетворения признаваемых законом интере-

сов управомоченного» [8, с. 223]. По мнению Р.О. Халфиной, «обязанность есть обеспеченная законом мера должного поведения, которой следует обязанное лицо в соответствии с требованиями управомоченного» [20, с. 242]. Н.С. Малейн считал, что «субъективная обязанность есть мера должного поведения обязанного субъекта, необходимого для осуществления возможного поведения управомоченного» [13, с. 93]. Е.Я. Мотовиловкер подчеркивает, что юридическая обязанность – это «определяемая законом мера должного поведения, которая выражает обязательность некоторого поведения, требуемого управомоченным от другого субъекта в целях удовлетворения его собственных интересов» [14, с. 47]. Таким образом, сторонники первого подхода видят в обязанности модель некоего должного (требуемого) с правовой точки зрения поведения, закрепленную в правовой норме, в силу чего являющуюся мерилем поведения обязанного лица.

Сторонники второго подхода понимают под обязанностью меру необходимого поведения («необходимость поведения»). Так, С.Ф. Кечекьян указывал, что юридическая обязанность «есть обусловленная содержащимся в нормах права требованием и обеспеченная государственным принуждением необходимостью определенного поведения» [10, с. 60]. По определению В.С. Ема, правовая обязанность есть «закрепленное в норме права требование к субъекту, выражающее социально обусловленную необходимость определенного поведения, обеспеченное возможностью государственного принуждения субъекта к такому поведению» [7, с. 39–40]. Таким образом, и сторонники второго подхода видят в обязанности модель некоего должного (требуемого) с правовой точки зрения поведения, закрепленную в правовой норме, в силу чего являющуюся мерилем поведения обязанного лица.

Следовательно, с сущностных позиций рассмотренные подходы не отличаются друг от друга. И в первом, и во втором случае правоведы ведут речь о предусмотренной в объективном праве мере (модели) поведения, требуемого от обязанного лица. Между тем определение обязанности посредством категории «долженствование» признается в доктрине «сложившимся» и «аксиоматичным» [11, с. 20], а ее определение посредством категории «необходимость» вызывает критику и нередко признается неприемлемым. Так, Н.Г. Александров писал, что «термин “необходимость” привычно связывается с понятием объективной закономерности. Он обозначает такое развитие явлений, которое с неизбежностью вытекает из их внутренней сущности и взаимосвязи с другими явлениями» [1, с. 111–112], и приходил к выводу: поскольку обязанность такой неизбежности не отражает, от применения термина «необходимость» в ее определении следует отказаться. А.Б. Бабаев и В.А. Белов указывают, что в научной литературе понятие необходимости противопоставляется понятию случайности, и трактуется в значении «*неизбежности* возникновения определенного явления, независимости его возникновения от побочных факторов» [2, с. 223], в связи с чем приходят к выводу, согласно которому «при определении категории юридической обязанности следует использовать понятие *долженствования*, а не необходимости» [2, с. 224]. Нельзя не заметить, что правоведы, критикующие определение юридической обязанности посредством понятия «необходи-

мость», исходят из философской трактовки данного понятия¹ и считают, что, так как общественные отношения базируются не на неотвратимых природных законах, определять юридическую обязанность как необходимость неверно.

На первый взгляд эти аргументы выглядят убедительно – общественные отношения действительно не подчиняются каким-либо неизбежным, неотвратимым законам. Так как речь идет о человеческом поведении, на передний план выходят волевые процессы как «сознательное регулирование человеком своего поведения и деятельности» [14, с. 372], а такое регулирование базируется на свободе выбора, поскольку, как признают психологи, «самым характерным для овладения собственным поведением является выбор» [6, с. 274]. Правовые предписания базируются на социальных закономерностях, реализация которых зависит от воли и свободного выбора человека. Если рассматривать правоотношение как систему, а субъектов правоотношения – как элементы системы, то при характеристике субъектов можно использовать положение системного подхода, согласно которому элементы систем «функционируют вероятностным образом и имеют определенное число степеней свободы» [3, с. 178]. Данное положение дает основания для утверждения о том, что во взаимодействии субъектов правоотношения обязанный субъект «имеет свободу выбора между исполнением правового веления и отступлением от него» [16, с. 47]. Но означают ли эти соображения, что философское понимание необходимости является единственно возможным и юридическую обязанность нельзя рассматривать как необходимость, а следует трактовать только как долженствование?

В русском языке слово «необходимость» имеет несколько лексических значений и только в одном из них совпадает с философской трактовкой: 1) надобность, потребность; 2) нужность; 3) обязательность, неизбежность [18, с. 418; 4, с. 501]. Более того, слово «долженствование» толкуется в русском языке именно как необходимость («необходимость чего-нибудь, вытекающая из нравственного закона», «необходимость того, что должно свершиться» [4, с. 212]), а в философии долг определяется через словосочетание «нравственная необходимость» [21, с. 248]. Уместно также указать, что, по утверждению И. Канта, долженствование является выражением необходимости [11, с. 487]. Поэтому, как представляется, синонимизация терминов «долженствование» и «необходимость» вполне оправдана. Интересно отметить, что С.Н. Братусь при определении обязанности употреблял термины «долженствование» и «необходимость» как тождественные. Правовед, в частности, писал, что обязанность, будучи мерой поведения, «означает долженствование, необходимость этого поведения со стороны обязанного лица» [5, с. 11]. Е.Я. Мотовиловкер, настаивающий на определении понятия юридической ответственности посредством понятия долженствования, указывает, что слово «необходимость» также может быть привлечено для более полной характеристики «должного» и предлагает определять должное «как необходимость некоторого поведения лица в целях

---

¹ В философии под необходимостью понимается «наличие между объектами и системами устойчивых, неизбежных, неотвратимо действующих во времени связей и отношений... Необходимость соотносится с такими понятиями и представлениями, как закономерность, жесткость, неизбежность, однозначность, упорядоченность» [19, с. 363].

удовлетворения интересов другого субъекта» [14, с. 48]. Следует указать также, что правоведы, определяющие обязанность посредством категории «необходимость», не отталкиваются от философской трактовки этой категории, а исходят из многозначности термина «необходимость» и, по утверждению С.Ф. Кечекьяна, о необходимости применительно к юридической обязанности следует говорить «в смысле связанности поведения требованиями, содержащимися в нормах права, и о его соответствии этим требованиям» [10, с. 60].

На приемлемость использования терминов «долженствование» и «необходимость» в качестве равнозначных при определении понятия юридической обязанности указывает лингвистическая трактовка модального предиката «должен». Данное слово относится к модальным лексемам, имеющим значение необходимости, причем в числе прочих модальных лексем оно занимает особое место, поскольку «наиболее точно передает общее значение необходимости» и может быть использовано «для передачи всех без исключения семантических вариантов данного значения» [21, с. 147]. Лингвисты выделяют множество вариантов значения необходимости. Не перечисляя их полностью, укажу только на два значения: 1) необходимость в значении «предписанности с точки зрения внутреннего долга» и 2) необходимость в значении «долженствования как следствия воздействия чужой воли» [21, с. 147]. Значимым является также положение, согласно которому при долженствовании речь идет «об обусловленности ситуации теми или иными (объективными или субъективными) факторами, которые с точки зрения некоего лица... требуют... превращения потенциального в актуальное» [21, с. 142]. При этом ситуация долженствования является «ситуацией волонтаривной, т.е. предполагающей наличие некоего волевого начала, обеспечивающего возможность реализации действия» [21, с. 142]. Таким образом, лингвисты признают, что долженствование может являться либо результатом собственного волевого решения, либо результатом воздействия чужой воли. Правоведы, исследуя «долженствование», также указывают, что установки, которым следует субъект, избирая тот или иной вариант поведения, конечно же, формируются самим субъектом, но не исключено, что фактор, определяющий установку, может носить и объективный характер. Так, по мнению Н. Неновски, в содержании должного «есть нечто объективное, идущее “извне”» [15, с. 97; 17, с. 13–14].

Данные соображения позволяют сделать вывод о том, что необходимо различать виды долженствования и выделять, по меньшей мере, два вида, которые имеют отношение к трактовке гражданско-правовой обязанности. Первый вид – долженствование, основанное на внутреннем волевом начале (его можно условно назвать «свободным долженствованием»). Второй вид – долженствование, основанное на внешнем волевом начале (его можно условно назвать «принудительным долженствованием»). Внутреннее волевое начало – это собственная воля обязанного лица, побуждающая его к исполнению либо неисполнению должного. Внешнее волевое начало – это чужая воля, вынуждающая обязанное лицо осуществлять не тот вариант поведения, который детерминирован его собственной волей, а тот, который предписан ему правовой нормой под угрозой принуждения. Признание двух видов долженствования в гражданском

праве позволяет говорить о существовании двух видов гражданско-правовой обязанности: 1) обязанности как долженствования (необходимости) определенного поведения обязанного лица, обусловленного внутренним волевым началом (собственной волей обязанного лица) и 2) обязанности как долженствования (необходимости) определенного поведения обязанного лица, обусловленного внешним волевым началом (волей управомоченного субъекта или компетентного органа). Примером первого вида обязанности является обязанность в регулятивном гражданском правоотношении; примером второго вида – обязанность в охранительном гражданском правоотношении.

Список использованной литературы

1. Александров Н.Г. Законность и правоотношения в советском обществе / Н.Г. Александров. – Москва : Госюриздат, 1955. – 176 с.
2. Бабаев А.Б., Белов В.А. Проблемы общего учения о гражданском правоотношении / А.Б. Бабаев, В.А. Белов // Гражданское право : Актуальные проблемы теории и практики / под ред. В.А. Белова. – Москва : Юрайт-Издат, 2007. – С. 197–263.
3. Блауберг И.В., Юдин Э.Г. Становление и сущность системного подхода / И.В. Блауберг, Э.Г. Юдин. – Москва : Наука, 1973. – 270 с.
4. Большой толковый словарь русского языка / под ред. Д.Н. Ушакова. – Москва : ООО «Изд-во АСТ» : ООО «Изд-во Астрель», 2004. – 1268 с.
5. Братусь С.Н. Субъекты гражданского права / С.Н. Братусь. – Москва : Госюриздат, 1950. – 367 с.
6. Выготский Л.С. Проблемы развития психики // Собр. соч. : В 6 т. Т. 3 / под ред. [и с послесл.] А.М. Матюшкина. – Москва : Педагогика, 1983. – 367 с.
7. Ем В.С. Категория обязанности в советском гражданском праве (вопросы теории) : дис. ... канд. юрид. наук / В.С. Ем. – Москва, 1981. – 209 с.
8. Иоффе О.С., Шаргородский М.Д. Вопросы теории права / О.С. Иоффе, М.Д. Шаргородский. – Москва : Госюриздат, 1961. – 381 с.
9. Кант И. Сочинения : В 6 т. Т. 3 / И. Кант. – Москва : Мысль, 1964. – 799 с.
10. Кечекьян С.Ф. Правоотношения в социалистическом обществе / С.Ф. Кечекьян. – Москва : Изд-во АН СССР, 1958. – 187 с.
11. Красавчиков О.А. Гражданское правоотношение – юридическая форма общественного отношения / О.А. Красавчиков // Категории науки гражданского права : избр. труды : В 2 т. Т. 2. – Москва : Статут, 2005. – С. 7–25.
12. Маклаков А.Г. Общая психология : учебник / А.Г. Маклаков. – Санкт-Петербург : Питер, 2008. – 583 с.
13. Малеин Н.С. Гражданский закон и права личности в СССР / Н.С. Малеин. – Москва : Юрид. лит., 1981. – 215 с.
14. Мотовиловкер Е.Я. Теория регулятивного и охранительного права / Е.Я. Мотовиловкер. – Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1990. – 136 с.
15. Неновски Н. Право и ценности / Н. Неновски. – Москва : Прогресс, 1987. – 245 с.

16. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – Москва : Азъ Ltd., 1992. – 960 с.
17. Ромашов Р.А. Закон, правило, норма, долженствование / Р.А. Ромашов // Правоведение. – 2001. – № 6. – С. 13–19.
18. Философия : Энциклопедический словарь / под ред. А.А. Ивина. – Москва : Гардарики, 2004. – 1072 с.
19. Философский словарь / А.И. Абрамов, Л.Р. Авдеева, С.С. Аверинцев [и др.] ; под ред. И.Т. Фролова. – Москва : Республика, 2001. – 719 с.
20. Халфина Р.О. Общее учение о правоотношении / Р.О. Халфина. – Москва : Юрид. лит., 1974. – 351 с.
21. Цейтлин С.Н. Необходимость / С.Н. Цейтлин // Теория функциональной грамматики : Темпоральность. Модальность. – Ленинград : Наука, Ленингр. отд-ние, 1990. – С. 142–156.

Информация об авторе

Асланян Наталья Павловна – доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского права и процесса Байкальского государственного университета, профессор кафедры международного права Северо-Кавказского филиала Российского государственного университета правосудия, Иркутск, Россия, e-mail: AslanyanNP@bgu.ru.

Author

Natalia P. Aslanyan – Doctor of Law, Professor of the Department of Civil Law and Procedure of Baikal State University, Professor of the Department of International Law of North Caucasus Branch of Russian State University of Justice, Irkutsk, Russia, e-mail: AslanyanNP@bgu.ru.

О ЛЕГАЛЬНОМ НАСИЛИИ В СЕМЕЙНО-ПРАВОВОЙ СФЕРЕ

Обозначена проблема допустимости вмешательства публичной власти в отношения между членами семьи. Определяются подходы к пониманию термина «насилие» и легализации применения насилия по отношению к нарушителям семейных норм. С этих позиций дана общая оценка законопроекту «О профилактике семейно-бытового насилия в Российской Федерации».

Ключевые слова: насилие, семья, законопроект, постановление ЕСПЧ.

О.Yu. Kosova

ON LEGAL VIOLENCE IN THE FAMILY LEGAL SPHERE

The article outlines the problem of admissibility of public authorities' interference in relations between family members. The author defines the approaches to understanding the term «violence» and legalizing the use of violence in relation to violators of family norms. From these positions, a general assessment was given to the draft law «On the prevention of domestic violence in the Russian Federation».

Keywords: violence, family, bill, ECHR Judgment.

Любые сообщества, какими бы количественными или иными показателями они не различались: будь то нация, этнос или малая социальная группа как, например, семья, не могут существовать без внутренней организации. Ее наличие, в свою очередь, предполагает необходимость принятия и поддержания составляющими ее людьми определенных правил поведения, иначе смысл людского объединения и его существования утрачивается.

Какими бы ни были установленные в обществе правила взаимодействия, всегда находятся люди, не принимающие их в силу своих убеждений, уровня культуры, нравственных ориентиров и других факторов. Тогда с большой степенью вероятности происходит нарушение правил, а совершаемые против правил поступки (действия или бездействия), осуждаются и пресекаются со стороны управляющих обществом лиц, нарушитель наказывается. Естественно, что применение мер наказания в подавляющем большинстве случаев объективно сопряжено с насилием со стороны управляющих субъектов.

В общенациональном масштабе управленческие функции выполняет государство, располагающее привилегией формирования правовых норм и использования права в качестве основного инструмента управления. Поскольку без аппарата принуждения право бессильно, государство формирует свои структуры (органы, субъекты), наделяет их управленческими полномочиями, в том числе по применению насилия, определяет механизм их работы и взаимодействия. В разных правовых отраслях присутствуют институты, посвященные мерам ответственности за отраслевые правонарушения и порядку их применения

к нарушителям: в уголовном праве – за совершения особо социально опасных нарушений, преступлений; в административном – за административные правонарушения; в гражданском – за неисполнение имущественных обязательств, причинение вреда и т.п.

Как видно, правовое регулирование общественных отношений предполагают узаконенное применение насилия при наличии определяемых законами оснований, соблюдении установленных процедур, применении соответствующих мер. Учитывая дискуссионность проблем юридической ответственности, все же нет необходимости перечислять меры юридически оформленного воздействия на личность или имущество нарушителя, которые заложены в действующем законодательстве, их круг широк и в отраслевом отношении разнообразен, например, диапазон мер, непосредственно касающихся личности, складывается от предупреждения (ст. 3.4 КоАП) до смертной казни (ст. 59 УК РФ); меры имущественного характера включают неустойки, штрафы, возмещение убытков и др. В рамках статьи важно выяснить, насколько допустимо легальное насилие в семейно-правовой сфере.

Согласно устоявшемуся значению этого слова насилие – это «применение силы, принудительное воздействие» на кого- или что-нибудь; в том числе «нарушение личной неприкосновенности» [15]. Значит, при широком подходе насилие предполагает воздействие со стороны субъекта, располагающего силой и применяющего ее вопреки воле того, по отношению к кому она прилагается. Силовое воздействие может быть разным, например, на тело или мозг человека; на его личность или имущество; на отдельного человека или группу лиц; в зависимости от используемых инструментов приложения силы и др. В более узком аспекте «легальное насилие», на наш взгляд, представляет собой узаконенный способ управленческого воздействия государства, обеспечивающий выполнение установленных им правовых норм и сопряженный с принудительным воздействием на правонарушителей; в рассматриваемой ситуации – в семейной сфере общественной жизни.

Семья представляет собой особое сообщество, следовательно в поиске юридических управленческих ориентиров легального воздействия на институт семьи государство должно опираться на определенные концептуальные установки. Известно, что одним из сущностных признаков семейной формы организации жизни людей является лично-доверительный характер их отношений. Гегель, определяя сущность семьи, считал, что она «основана на любви, доверии и взаимном повиновении (пиетет)» [1, с. 49]. О.С. Иоффе подчеркивал, что «объективные возможности юридического нормирования» здесь «существенно ограничены», так как «связаны с внутренним миром переживаний, не поддающихся внешнему контролю» [6, с. 177]. Уже из этих высказываний вытекает вывод, что стабильность семьи определяется морально-личностными установками членов семьи и их добрым отношением друг другу.

В переложении на юридический лексикон это предполагает со стороны государства, во-первых, признание добросовестности членов семьи в семейных правоотношениях, так, согласно ст. 5 Конвенции о правах ребенка ООН [7] Российская Федерация, уважает ответственность, права и обязанности родителей,

других лиц, несущих по закону ответственность за ребенка, «должным образом управлять и руководить ребенком в осуществлении» его конвенциональных прав и «делать это в соответствии с развивающимися способностями ребенка».

Во-вторых, государством признается автономность семьи, изначальная ограниченность вмешательства его публичных структур во внутрисемейные отношения. Среди принципов, положенных в основу семейной политики России вынесена «самостоятельность семьи в принятии решений относительно своей внутренней жизни» [9]. В Семейном кодексе РФ [14] (далее – СК РФ) присутствует понимание того, что построение семейных отношений должно строиться «на чувствах взаимной любви и уважения, взаимопомощи и ответственности перед семьей всех ее членов, недопустимости произвольного вмешательства кого-либо в дела семьи» (п. 1 ст. 1 СК РФ). Среди основополагающих принципов семейного права присутствует принцип разрешения всех вопросов жизни семьи на основе достигнутого между членами семьи согласия (п. 3 ст. 1, п. 2 ст. 31, п. 2 ст. 65 СК РФ).

Декларируемое невмешательство в дела семьи вовсе не исключает членов семьи из жизни общества и возможности распространения на них мер ответственности, заложенных в публичных отраслях российского права при наличии общих оснований для применения таких мер, например, при совершении в семье поступков в отношении других членов семьи, которые считаются общественно-опасными деяниями и подпадают под действие УК РФ (например, ст. 105, 109, 111 и др. УК РФ). Более того, в УК РФ имеются специальные составы, субъектами которых являются члены семьи (ст. 156, 157 УК РФ), а в ряде статей помимо общих содержатся специальные составы преступлений, по которым к ответственности за противоправные деяния насильственного характера привлекаются обладающие семейно-правовым статусом физические лица (например, ч. 2 ст. 150, ч. 2 ст. 151 УК РФ).

В Семейном кодексе РФ закреплено немало норм, которые безусловно касаются воздействия на волевое поведение членов семьи через публичное «не произвольное» вмешательство в дела семьи, но по сути не являющихся мерами ответственности. Они указывают, главным образом, на приоритет интересов так называемой «слабой стороны»: детей, нетрудоспособных совершеннолетних членов семьи, женщин имеющих малолетних детей или беременных женщин, в частности, это нормы об алиментировании (разд. V), о возрастных ограничениях при заключении брака (ст. 13) о запрете расторгать брак с беременной женщиной без ее согласия (ст. 17), о судебном установлении отцовства (ст. 49) и др.

Вместе с тем норм, связанных с применением легального «семейно-правового насилия» вследствие совершения семейных правонарушений членами семьи мало, к их числу, для примера, можно отнести взыскание неустойки за просрочку уплаты алиментов (ст. 115 СК РФ), а также лишение родительских прав (ст. 69 СК РФ) вследствие жестокого обращения с ребенком, злоупотребления родительскими правами, сопряженным с насилием, совершения умышленного преступления против ребенка или иных членов семьи, а в аналогичных ситуациях отмену усыновления (ст. 141 СК РФ) и отстранение опекунов (попечителей) от выполнения их обязанностей (п. 3 ст. 39 ГК РФ), ограничение родитель-

ских прав (абз. 2 п. 2 ст. 73 СК РФ), немедленное отобрание ребенка (ст. 77 СК РФ). Помимо желания титульных воспитателей в случаях ст. 69, 73, 77, 141 СК РФ, п. 3 ст. 39 ГК РФ происходит отобрание ребенка из их семьи.

Дело, думается в том, что грубое внутреннее насилие в семье происходит в полном противоречии с самой сутью семейного союза и внутрисемейных отношений, сам его факт по большей части уже указывает на деградацию внутрисемейных связей и начавшийся процесс их распада, что создает потенциал для внешнего вмешательства. Применение же внешнего семейно-правового «легального насилия» ограничено природой семейных отношений и объективно имеет разумные пределы, особенно с учетом того, что на случай аномального функционирования семьи социально опасные действия членов семьи подпадают под нормы уголовного, административного права, кроме того начинает работать механизм их профилактики, заложенный Федеральным законом «Об основах профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» [11].

В аспекте проблемы легального насилия и допустимости вмешательства публичных органов в дела семьи представляет интерес вопрос о продвижении в законодательном процессе с 2016 г. законопроекта, касающегося «профилактики семейно-бытового насилия». В ноябре 2019 г. проект федерального закона «О профилактике семейно-бытового насилия в Российской Федерации» был опубликован для общественного обсуждения [13]. Важно заметить, что проект был сверстан на базе Конвенции Совета Европы «О предотвращении и противодействии насилию в отношении женщин и домашнего насилия» (Стамбульской конвенции) [8], а его принятие могло стать подготовительным шагом к ратификации этого во многом радикально-феминистского документа, так, к примеру, ввиду принятия аналогичного закона на Украине в 2017 г., Европейский Союз и Совет Европы призвали Украину незамедлительно ратифицировать Стамбульскую конвенцию [3].

Активизация законодательного продвижения законопроекта, на наш взгляд, была связана с принятием Европейским Судом по правам человека (ЕСПЧ) постановления по жалобе № 41261/17 «Володина против России», в котором на Россию возлагается ответственность за отсутствие защиты пострадавшей, ей присуждалась выплата компенсации морального вреда, указывалось на нежелание российского государства «признать серьезность и масштабы проблемы домашнего насилия в России и его дискриминационное воздействие на женщин» [12]. В постановлении ЕСПЧ констатируются факты применения неправомерного насилия по отношению к заявительнице со стороны ее бывшего сожителя и неоднократность «спуска на тормозах» уголовного преследования в отношении него со стороны правоохранительных органов.

Хотя проблематично считать отношения между заявительницей и сожителем охраняемыми семейным правом, нельзя не согласиться с ЕСПЧ в констатации нарушений Российской Федерацией ст. 14 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод [2] (далее – ЕК) в части оценки бездействия со стороны российских правоохранительных органов: «реакция российских властей, которые были проинформированы о риске повторного насилия со стороны бывшего партнера заявителя, была явно неадекватной, учитывая тя-

жесть совершенных преступлений. Они не принимали никаких мер для защиты заявителя или осуждения поведения С. Они оставались пассивными перед лицом серьезного риска жестокого обращения с заявителем и, благодаря их бездействию и непринятию мер сдерживания, позволили С. продолжать угрожать, беспрепятственно преследовать и нападать на заявителя и оставаться безнаказанным» (п. 91 постановления). ЕСПЧ дал оценку действиям ответчика по жалобе, т.е. Российской Федерации, констатируя нарушения ст. 14 ЕК в совокупности со ст. 3 ЕК со стороны органов, обязанных обеспечивать защиту граждан от неправомерного насилия, публично наказуемого согласно действующему российскому законодательству.

Ни в коей мере не оправдывая противоправное жестокое поведение сожителя по отношению к заявительнице, в то же время, нельзя согласиться с ЕСПЧ, посчитавшего «отсутствие в России специального закона о насилии в семье... одним из основных препятствий на пути борьбы с этим насилием» (п. 61), тем более что, применяя ст. 3, 14 ЕК, он не считал необходимым рассматривать жалобу в соответствии со ст. 13 Конвенции «Право на эффективное средство правовой защиты». Полагаем, это обусловлено и тем, что в действующем законодательстве немало норм, направленных на пресечение проявлений незаконного насилия, в нем устанавливается соразмерная ответственность за преступления против личности, а правоохранители наделены достаточно широкими полномочиями. Для реализации Европейской конвенции со стороны России нужна соответствующая работа с кадровым составом правоохранительных органов, должностные лица которых не предпринимали мер для привлечения сожителя к ответственности за насильственные действия, а не принятие нового специального закона о борьбе с насилием в семье, проект которого не получил общественной поддержки.

Важно заметить, что из содержания постановления ЕСПЧ явствует, что при формировании своей позиции он опирался на главным образом неофициальные, вызывающие сомнения в их достоверности статистические источники о насилии в российских семьях (п. 44, 45, 61 постановления). В постановлении, на наш взгляд, обнаруживается политическая направленность деятельности ангажированных НКО. В позиции ЕСПЧ отчетливо просматривается цель продвижения в российское законодательство положений Стамбульской конвенции, Суд делает очевидно не соответствующие реалиям выводы: в России «дискриминация в отношении женщин является частью официальной государственной политики, которая отстаивает «традиционные ценности» и жесткую гендерную роль и не осуждает применение физического насилия против членов семьи» (п. 105); Россия, остается «в числе немногих государств-членов, национальное законодательство которых не обеспечивает жертвам насилия в семье каких-либо сопоставимых мер защиты (п. 89 постановления).

В ряде публикаций вполне обоснованно негативно оценивались концепция, содержание законопроекта, были показаны его несоответствие Конституции РФ, российскому законодательству и негативные последствия принятия для общества [4; 5]. Разделяя ее, полагаем, что реализация предлагаемых проектом норм, очевидно, имела бы своими последствиями дальнейшее разрушение

института семьи [10]. Так, в частности, в нем, с одной стороны, концептуально заложена установка «семья – источник насилия», с другой, создается легальный механизм неоправданно усиленного вмешательства извне во внутрисемейные отношения по всем основным образующим семью линиям: взаимоотношениям супругов, родителей и детей. При этом крайне содержательно размыто и не встраивается в существующее правовое регулирование само понятие «семейно-бытовое насилие». Законопроект предоставляет правоохранителям полномочия, запускающие процедуры лишения граждан возможности осуществления их конституционных прав на жилище, собственность, а также на общение с членами семьи (например, закрепление права-обязанности сотрудников полиции выносить «защитные предписания», фиксировать факты «семейно-бытового насилия» и др.). Неоправданно широкими полномочиями в рамках «профилактики семейно-бытового насилия» наделены общественные структуры, получающие возможности беспрепятственного влияния не только на граждан, проживающих в конкретной семье (например, право сообщения о фактах насилия правоохранителям), но и на общественное сознание (публичное проведение информационных компаний и «просвещение населения в сфере семейно-бытовых отношений»), а также для применения ими по сути насильственных мер в отношении «нарушителей» через реализацию специализированных психологических программ и др.

Вмешательство со стороны публичной власти в семейные отношения должно быть крайне осторожным и взвешенным, так как зачастую способствует окончательному разрыву межличностных отношений, закрывает возможность примирения внутри семьи. Полагаем, что важнейшей задачей семейной политики должна стать профилактика распада семьи, так как не допустить кризиса в социально неблагополучной семье и всеми возможными способами способствовать нормализации отношений в ней, гораздо важнее, чем во время обострившегося кризисного состояния юридически констатировать этот факт и способствовать реальному ее разрушению.

Список использованной литературы

1. Гегель Георг В.Ф. Философская пропедевтика. Работы разных лет : В 2 т. – Т. 2. – Москва : Мысль, 1973. – 630 с.
2. Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод. – URL: https://www.echr.coe.int/documents/convention_rus.pdf (дата обращения 13.03.2021).
3. ЕС и Совет Европы призвали Украину незамедлительно ратифицировать Стамбульскую конвенцию // Европейская правда. – URL: <https://www.eurointegration.com.ua/rus/news/2019/11/27/7103565> (дата обращения 13.03.2020).
4. Заключение эксперта Общественного уполномоченного по защите семьи. – URL: <https://vk.com/@detipeterburg-uridicheskoe-zakluchenie-na-zakonoproekto-profilaktike-semei> (дата обращения 05.12.2019).

5. Заявление Патриаршей Комиссии Русской Православной Церкви по вопросам семьи, защиты материнства и детства от 04.12.2019 г. // URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/5541276.html> (дата обращения 27.04.2020).

6. Иоффе О.С. Советское гражданское право: курс лекций / О.С. Иоффе. – Т. 3. – Ленинград : Изд-во Ленингр. ун-та, 1965. – 347 с.

7. Конвенция о правах ребенка Организации Объединенных Наций 1989 г. // СПС «КонсультантПлюс».

8. Конвенция Совета Европы «О предотвращении и противодействии насилию в отношении женщин и домашнего насилия» (Стамбульская конвенция). – URL: <https://rm.coe.int/168046253f> (дата обращения 05.05.2020).

9. Концепция государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года : Распоряжение Правительства РФ 25.08.2014 г. № 1618-р. – URL: <https://rg.ru/2014/08/29/semya-site-dok.html> (дата обращения 16.03.2021).

10. Косова О.Ю. Профилактика насилия или разрушение института семьи? / О.Ю. Косова ; под ред. Н.Н. Тарусиной // Социально-юридическая тетрадь. – Вып. 10. – Ярославль : ЯрГУ, 2020. – 214 с.

11. Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних : федер. закон от 24.06.1999 г. № 120-ФЗ (с изм. и доп.) // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/14023> (дата обращения 13.03.2021).

12. Постановление Европейского Суда по правам человека по жалобе № 41261/17 «Володина против России». – URL: <http://european-court-help.ru/delo-41261-17-volodina-protiv-rossii> (дата обращения 07.05.2020).

13. О профилактике семейно-бытового насилия в Российской Федерации: Проект Федерального закона. – URL: <http://council.gov.ru/media/files/rDb1bpYASUAxolgmPXEFKLUiQ7JAARUS.pdf> (дата обращения 08.12.2020).

14. Семейный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 29.12.1995 г. № 223-ФЗ (с изм. и доп.) // СПС «КонсультантПлюс».

15. Ушаков Д.Н. Толковый словарь : В 4-х т. – Т. 2. – URL: <https://povto.ru/russkie/slovare/tolkovie/ushakova/tolkovii-slovar-ushakova-bukva-n.htm> (дата обращения 12.04.2020).

Информация об авторе

Косова Ольга Юрьевна – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского права и процесса Иркутского института (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), Иркутск, Россия, e-mail: olurko@mail.ru.

Author

Olga Yu. Kosova – Doctor of the law, Assistant professor, Professor of the Department of Civil Law and Procedure of Irkutsk Law Institute (branch) All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of the Russian Federation), Irkutsk, Russia, e-mail: olurko@mail.ru.

ТЕЗИСЫ О СИСТЕМЕ ГРАЖДАНСКОГО ОБОРОТА КАК ПРЕДМЕРЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Отмечается, что система гражданского оборота как социальный феномен, тождественный экономической сфере общества, является межотраслевым предметом правового регулирования, и обосновывается, что тип механизма правового регулирования данной системы следует признать общедозволительным. Исходя из межотраслевого характера воздействия права на систему гражданского оборота, выдвигается тезис, что правовое регулирование системы гражданского оборота осуществляется не только на федеральном, но и на региональном уровнях, в связи с чем перечень источников правового регулирования гражданского оборота не сводится к формам выражения гражданско-правовых норм и нуждается в расширении.

Ключевые слова: система гражданского оборота, правовое регулирование, предмет правового регулирования, механизм правового регулирования, правовые ограничения, дозволения.

Yu.V. Vinichenko

THESES ABOUT THE CIVIL CIRCULATION SYSTEM AS A OBJECT OF LEGAL REGULATION

It is noted that the system of civil circulation as a social phenomenon, identical to the economic sphere of society, is an intersectoral object of legal regulation, and it is substantiated that the type of mechanism of legal regulation of this system should be recognized as generally permissible. Based on the intersectoral nature of the impact of law on the system of civil circulation, the thesis is put forward that legal regulation of the system of civil circulation is carried out not only at the federal, but also at the regional levels, and therefore the list of sources of legal regulation of civil circulation is not limited to forms expression of civil law and needs to be expanded.

Keywords: system of civil circulation, legal regulation, object of legal regulation, mechanism of legal regulation, legal restrictions, permissions.

1. Исходя из восприятия гражданского оборота как системы¹, а именно как тождественной экономическому обороту сферы общества [2], различные отношения в структуре которой в силу их социальной значимости подпадают под регулирующее воздействие системы права, с логической необходимостью следует вывод о необходимости признания системы гражданского оборота *предметом правового регулирования*². Принимая же во внимание различную

¹ Об основаниях системного исследования гражданского оборота см. подробнее [1; 3].

² Заметим, что и в современной юридической литературе можно встретить суждения, позволяющие заключить, что их авторы признают факт регулирующего воздействия права именно на

отраслевую принадлежность соответствующих правовых норм¹, представляется бесспорным, что система гражданского оборота образует *межотраслевой* предмет правового регулирования; это отмечается и в отечественной юридической литературе [8, с. 136]. В данной связи нуждаются в осмыслении непосредственно не обсуждавшиеся до настоящего времени в доктрине вопросы, авторское видение которых тезисно будет представлено в настоящей работе.

2. Характеристика системы гражданского оборота как межотраслевого предмета правового регулирования обуславливает необходимость решения вопроса о *механизме правового регулирования данной системы*. Указанный вопрос в юридической литературе не ставился, однако отдельные его аспекты анализировались в отечественной цивилистике. В частности, М.Ю. Челышев, рассматривая межотраслевое правовое регулирование с позиций обеспечения публичных интересов в экономической сфере, полагал, что оно может проявляться исключительно в правовых комплексах как совокупности правовых норм, системно, комплексно регулирующих определенную жизненную ситуацию, и сочетающих два типа правового регулирования – публично-правовой и частноправовой [8, с. 137–138].

Оставляя за рамками настоящей работы проблему «комплексности»², позволю себе не согласиться с приведенной позицией, главным образом в силу того, что по мнению ее автора определенный межотраслевой правовой комплекс регламентирует *«какую-то одну (курсив мой. – Ю. В.) жизненную ситуацию»* [8, с. 138]. Будучи допустимым и, возможно, эффективным с точки зрения анализа определенной, относительно «узкой» сферы правового регулирования (предпринимательской деятельности, отношений с участием потребителей, акционерных и иных корпоративных отношений и т.д.), данный тезис, полагаю, неприемлем в вопросе правовой регламентации системы гражданского оборота (складывающейся из бесконечной вариативности «межотраслевых» жизненных ситуаций) *в целом*, поскольку в этом случае система правовых средств, регламентирующих гражданский оборот, предстает в виде обширного «комплекса

гражданский оборот. Например: «в законодательстве, регулирующем гражданский оборот» [9, с. 36], «гражданское право регулирует... отношения гражданского оборота» [4, с. 20].

¹ Наряду с гражданско-правовыми положениями это нормы иных отраслей права (земельного, лесного, водного, административного, уголовного и др.), устанавливающие особые правила оборота отдельных видов объектов гражданского оборота и правовые последствия их нарушения. В частности, меры ответственности за нарушение имеющихся правил оборота, включая введение в гражданский оборот, и незаконный (гражданский) оборот отдельных видов объектов, содержатся: в ст. 25 ФЗ РФ от 22.11.1995 г. № 171-ФЗ «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции»; ст. 138.1, 171.3, 187, 191, 228, 228.2, 228.3, 234, 234.1, 238.1, 242, 242.1, 258.1, 327 Уголовного кодекса РФ от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ; ст. 27 ФЗ РФ от 13.12.1996 г. № 150-ФЗ «Об оружии»; ст. 47, 51, 52 ФЗ РФ от 08.01.1998 г. № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах» (Собрание законодательства РФ. 1998. № 2. Ст. 219); ст. 24 ФЗ РФ от 02.01.2000 г. № 29-ФЗ «О качестве и безопасности пищевых продуктов»; ст. 6.8, 6.15, 6.16, 6.16.1, 6.20, 6.27, 6.33, 7.5, 7.10, 7.11, 7.12, 7.15.1, 7.18, 7.19, 7.20, 7.24, 7.27, 7.30, 7.31.1, 7.32, 7.32.1, 7.32.3, 7.33, 8.20, 8.26, 8.28, 8.28.1, 14.2, 14.4, 14.4.2, 14.5, 14.7, 14.10, 14.11, 14.12, 14.13, 14.15, 14.16, 14.17, 14.24 и др. Кодекса РФ об административных правонарушениях от 30.12.2001 г. № 195-ФЗ; п. 6 ст. 47, ст. 59, подп. 1) п. 1 ст. 69 ФЗ РФ от 12.04.2010 г. № 61-ФЗ «Об обращении лекарственных средств».

² В данном вопросе мне близка позиция С.И. Суловой [7].

правовых комплексов». Подлежащий при этом применению системный подход предполагает исчерпывающее выявление всех компонентов (элементов) данного комплекса (*всех* как публично-, так и частноправовых норм) и, соответственно, всех элементов входящих в него «подкомплексов», что с правоприменительных позиций представляется излишним.

Полагаю, что при нормативной регламентации системы гражданского оборота со стороны позитивного права, равно как и при юридической квалификации определенной ситуации, имеющей место в гражданском обороте, достаточно необходимым является выявление императивных запретов и ограничений; все иные, кроме подпадающих под действие соответствующих правовых норм, поведенческие акты субъектов – участников системы гражданского оборота согласовываются ими самостоятельно на паритетных началах. Иными словами, представляется, что правовое регулирование системы гражданского оборота осуществляется *не посредством сочетания двух типов* правового регулирования, а *по одному – общедозволительному типу*, при котором, как известно, «дозволено все, что не запрещено законом» [см., например: 5, с. 95–96; 6, с. 173–175].

Выдвигая данный тезис, я исхожу из того, что «общедозволительность», свойственную данному типу правового регулирования, обеспечивают не только диспозитивные регулятивные гражданско-правовые нормы, наделяющие субъектов юридическими возможностями и составляющие в массиве всех правовых регуляторов гражданского оборота абсолютное большинство. Указанный тип правового регулирования не исключает, но, напротив, изначально предполагает некие рамки-запреты, в пределах которых поведение субъектов является дозволенным. Публично-правовые нормы, наряду с общими частноправовыми ограничениями (например, недопустимость злоупотребления правом), и выступают в качестве тех запретов, которые формируют, задавая границы, правовое поле «общедозволительности» поведения субъектов гражданского оборота либо, в случае нарушения установленных запретов, выполняют охранительную функцию. Так, и по авторитетному мнению В.Ф. Яковлева, связь гражданского права, например, с уголовным правом является функциональной, связью «обслуживания» [10, с. 236]; это выражается в том, что последнее «присущими ему юридическими средствами охраняет отношения собственности», которые регулируются гражданским правом [Там же].

3. Еще одним аспектом вопроса о системе гражданского оборота как предмете правового регулирования является вопрос об *уровнях и источниках правового регулирования гражданского оборота*.

Исходя из того, что система гражданского оборота является межотраслевым предметом правового регулирования (подпадает под регулирующее нормативное воздействие не только норм отрасли гражданского права), следует признать, что правовое регулирование данной системы не находится в исключительном ведении Российской Федерации (ст. 71 Конституции РФ [11]), а источники правового регулирования гражданского оборота не ограничиваются формами выражения правовых норм, легально закрепленными в ст. 3 ГК РФ [12]. Наряду с указанными в этой статье ГК РФ гражданским законодательством,

иными правовыми актами (актами Президента и Правительства РФ, федеральных министерств и ведомств), а также общепризнанными принципами и нормами международного права и международными договорами (ст. 7 ГК РФ), правовыми обычаями (ст. 5 ГК РФ), к источникам частнопроводного регулирования системы гражданского оборота следует отнести: 1) акты субъектов РФ, направленные на организацию гражданского оборота на отдельных территориях РФ; 2) правовые позиции высших судебных инстанций.

В пользу первых из отмеченных видов актов можно привести пример с северным завозом (имеются в виду постановления региональных властей, утверждающих перечень товаров, подлежащих завозу в районы Крайнего Севера и приравненные к ним местности в ограниченные сроки¹, во исполнение которых на основании тендеров определяются лица, с которыми заключаются гражданско-правовые договоры поставки²), а также акты субъектов РФ, определяющие, например, применительно к актуальной социальной ситуации, что введенный режим повышенной готовности, вызванный пандемией COVID-19, признается на их территории обстоятельством непреодолимой силы³. В пользу признания источником частнопроводного регулирования гражданского оборота правовых позиций высших судебных инстанций, как представляется, свидетельствует многочисленная судебная практика, изобилующая примерами отмен судебных решений нижестоящих судебных инстанций по гражданско-правовым спорам ввиду их несоответствия позиции, в частности, Конституционного Суда РФ, Верховного Суда РФ⁴.

Итак, резюмируем: система гражданского оборота как социальный феномен, тождественный экономической сфере общества, является межотраслевым

---

¹ По существу, определяющие тем самым виды объектов гражданского оборота в рамках отдельно взятой территории, в связи с чем подлежащие причислению к правовым нормам, регулирующим систему гражданского оборота. Так, согласно постановлению Правительства Иркутской области от 04.02.2019 г. № 67-ПП «О перечне продовольственных товаров, доставляемых в поселения Иркутской области, расположенные в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях с ограниченными сроками завоза грузов (продукции) и (или) на территории островов» жителям соответствующих местностей на территории Иркутской области был «не положен», ввиду отсутствия в соответствующем перечне, такой объект, как сыр.

² См., например: URL: https://etpgpb.ru/procedure/tender/price_request/164535-postavka-remkomplektov-kip-po-programme-severnuy-zavoz-kr-2021/; URL: <https://synapsenet.ru/zakupki/fz44/0388100001819000062%231--arhangelskaya-obl-priobretenie-produktov-dlya-stancij> (дата обращения: 19.03.2021).

³ Так, Верховный Суд РФ разъяснил, что «признание распространения новой коронавирусной инфекции обстоятельством непреодолимой силы не может быть универсальным для всех категорий должников, независимо от типа их деятельности, условий ее осуществления, в том числе региона, в котором действует организация», и существование таких обстоятельств надлежит устанавливать с учетом обстоятельств конкретного дела (п. 7 Обзора по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 1 : утв. Президиумом Верховного Суда РФ 21.04.2020. По материалам «КонсультантПлюс», введенный в свое время режим повышенной готовности был признан форс-мажором далеко не во всех регионах России.

⁴ См., например: определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 31.08.2020 г. № 305-ЭС19-24480 по делу № А41-22526/2016 ; определение Верховного Суда РФ от 04.03.2021 г. № 305-ЭС20-23195 по делу № А40-294462/2019 ; апелляционное определение Нижегородского областного суда от 30.04.2019 г. по делу № 33-4997/2019.

предметом правового регулирования. В силу этого нормы отдельных отраслей права при регулировании данной сферы находятся в состоянии взаимодействия. Однако тип механизма правового регулирования системы гражданского оборота является общедозволительным, при котором нормы гражданского (частного) права оказывают преимущественно диспозитивное регулятивное воздействие, в то время как публично-правовые нормы очерчивают границы (устанавливают запреты), в пределах которых поведение субъектов – участников гражданского оборота является дозволенным, и выполняют охранительную функцию при нарушении этих запретов. Из межотраслевого характера воздействия права на систему гражданского оборота следует, что правовое регулирование данной системы осуществляется не только на федеральном, но и на региональном уровнях и, соответственно, перечень источников правового регулирования гражданского оборота нуждается в расширении за счет причисления к ним актов субъектов РФ, направленных на организацию гражданского оборота на отдельных территориях РФ, и правовых позиций высших судебных инстанций.

Список использованной литературы

1. Виниченко Ю.В. Гражданский оборот: методологические основания цивилистического исследования / Ю.В. Виниченко. – Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2014. – 166 с.
2. Виниченко Ю.В. О соотношении гражданского и экономического оборота / Ю.В. Виниченко // Известия Иркутской государственной экономической академии. – 2015. – Т. 25, № 5. – С. 879–887. – DOI: 10.17150/1993-3541.2015.25(5).879-887.
3. Виниченко Ю.В. Гражданский оборот как система / Ю.В. Виниченко // Сибирский юридический вестник. – 2015. – № 4 (71). – С. 47–53.
4. Гражданское право : учебник : в 3 т. Т. 1 / под общ. ред. С.А. Степанова. – Москва : Проспект ; Екатеринбург : Ин-т частного права, 2010. – 640 с.
5. Общая теория государства и права. Академический курс : в 3 т. Т. 3 / отв. ред. М.Н. Марченко. – Москва : Зерцало-М, 2002. – 528 с.
6. Пьянов Н.А. Теоретические проблемы государственного регулирования общественных отношений : монография / Н.А. Пьянов. – Иркутск : Изд-во ИГУ, 2012. – 249 с.
7. Сулова С.И. О комплексности в цивилистических исследованиях / С.И. Сулова // Методологические проблемы цивилистических исследований. – 2019. – Т. 1. – № 1. – С. 363–381.
8. Чельшев М.Ю. Межотраслевое правовое регулирование как средство обеспечения публичных интересов в экономической сфере / М.Ю. Чельшев // Журнал российского права. – 2005. – № 12. – С. 136–140.
9. Эбзеев Б.Б. Гражданский оборот: понятие и юридическая природа / Б.Б. Эбзеев // Государство и право. – 1999. – № 2. – С. 32–38.
10. Яковлев В.Ф. Гражданско-правовой метод регулирования общественных отношений / В.Ф. Яковлев. – Москва : Статут, 2006. – 240 с.

11. Конституция Российской Федерации : принята всенар. голосовани-ем 12.12.1993 г. с изм., одобр. в ходе общерос. голосования 01.07.2020 г. (с учетом поправок, внесенных Законами Рос. Федерации о поправках к Конституции Рос. Федерации от 30.12.2008 г. № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 г. № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 г. № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 г. № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 31. – Ст. 4398.

12. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая : Федер. закон РФ от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 09.03.2021 г.) // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.

Информация об авторе

Виниченко Юлия Вараздатовна – кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой гражданского права и процесса Байкальского государственного университета, Иркутск, Россия, e-mail: juvinichenko@mail.ru.

Author

Yulia V. Vinichenko – PhD in Law, Associate Professor, Head of Civil Law and Procedure Department of Baikal State University, Irkutsk, Russia, e-mail: juvinichenko@mail.ru.

**К ВОПРОСУ О НЕЗАВЕРШЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ
СУРРОГАТНОГО МАТЕРИНСТВА**

В статье авторы анализируют некоторые проблемы правового регулирования суррогатного материнства в российском законодательстве. Обращается внимание на недостатки его законодательного определения. Отмечаются некоторые существенные трудности государственной регистрации рождения ребенка в органах ЗАГС не состоящими в браке лицами и одинокими отцами, обусловленные недостатками правового регулирования. Делается вывод о необходимости совершенствования соответствующих норм семейного законодательства.

Ключевые слова: семейное законодательство, суррогатное материнство, договор на суррогатное материнство.

S.V. Kornakova, E.L. Poletaeva, E.V. Chigrina

**ON THE ISSUE OF INCOMPLETE
LEGAL REGULATION OF SURROGACY**

In the article, the authors turn to the analysis of some problems of legal regulation in the Russian legislation of surrogacy. Attention is drawn to the shortcomings of its legislative definition. There are some significant difficulties in the state registration of the birth of a child in the civil registry office by unmarried persons and single fathers, due to the shortcomings of legal regulation. It is concluded that it is necessary to improve the relevant norms of family law.

Keywords: family legislation, surrogacy, surrogacy contract.

Термин «суррогатное материнство» начал использоваться в отечественном семейном законодательстве более четверти века назад (с 1995 г.) в связи с включением в ст. 51 Семейного Кодекса Российской Федерации (далее – СК РФ) понятия «суррогатная мать» (п. 4). Но это означает не то, что такого явления, как суррогатное материнство, до этого времени не существовало, а то, что только с момента его отражения в российском законодательстве оно стало подлежать правовому регулированию, стало явлением правовой действительности.

Суррогатное материнство известно с древних времен. В частности, в Древнем Риме традиционное суррогатное материнство считалось «средством здравого смысла при бездетности». Упоминание о нем имеется уже в Библии, а в период шумерского царства (IV–III тыс. до н. э.) практика традиционного суррогатного материнства, происходившего естественным путем, когда суррогатная мать была одновременно и биологической матерью, являлась распространенной. Более того, по законам того времени предписывалось уважительное отношение к наемной матери, которой причиталось вознаграждение или особое положение. Как указывается исследователями, в эпоху средневековья

для его применения в Китае, Корее, Японии не являлись преградой ни культурные, ни религиозные различия [4, с. 50–51].

В сороковых годах прошлого века в Гарвардском университете предпринимались попытки использовать для вынашивания ребенка другую женщину. Именно тогда было положено начало научным исследованиям, и к восьмидесятым годам прошлого века процедура суррогатного материнства стала в США широко применяемой.

В России первые результаты применения экстракорпорального оплодотворения (ЭКО) датируются 1986–1987 гг., когда в Москве, а затем в Ленинграде родились зачатые в лаборатории девочка и мальчик. Первая программа суррогатного материнства в 1995 г. была реализована в Харькове. В качестве суррогатной матери для дочери, имеющей врожденное отсутствие матки, поэтому не способной иметь детей, выступила мать. В Санкт-Петербурге в этом же году для ребенка женщины, которой в результате первой беременности была удалена матка, гестационным курьером стала ее подруга. В результате ЭКО на свет появились две 7-месячные девочки, а генетические родители в качестве компенсации суррогатной матери подарили ей трехкомнатную квартиру [4, с. 50].

Само понятие «суррогат» (от лат. *surrogatus* – поставленный взамен) означает заменитель, эрзац, обладающий лишь некоторыми свойствами заменяемого [6, с. 444]. Отсюда следует, что суррогатная мать – это временно (на период беременности и родов) заменяющая будущую мать женщина в случае рождения у нее ребенка.

Российским законодательством практика, когда женщина одновременно является и суррогатной и биологической матерью ребенка, запрещена. К суррогатному материнству, предполагающему использование в качестве суррогатной матери женщину, которая не приходится биологической матерью ребенка, относят и случаи, когда используют донорские клетки для оплодотворения и вынашивания ребенка другой матерью. Поэтому в большинстве случаев суррогатная мать не является биологической, но и не всегда «родители» – это лица, в отношении которых заключается соглашение, являются биологическими родителями.

В настоящее время суррогатное материнство, ставшее доступным при современном уровне развития медицины, относится к одному из методов терапии бездетности [7] и, учитывая наличие большого количества бездетных пар, является широко обсуждаемой темой. Более того, сегодня большое распространение приобрели ситуации, когда один родитель (и не обязательно женщина), желая завести ребенка, прибегает к услугам суррогатной матери.

Тем не менее, правовые вопросы суррогатного материнства в России нельзя признать полностью урегулированными. Так, Федеральным законом от 21.11.2011 г. № 323-ФЗ «Об основах здоровья граждан» [8] дается определение суррогатного материнства, под которым понимается «вынашивание и рождение ребенка (в том числе преждевременные роды) по договору, заключаемому между суррогатной матерью (женщиной, вынашивающей плод после переноса донорского эмбриона) и потенциальными родителями, чьи половые клетки использовались для оплодотворения, либо одинокой женщиной, для которых вынашивание и рождение ребенка невозможно по медицинским показаниям».

Сразу отметим, что только указания в положениях указанной нормы на то, что суррогатное материнство может осуществляться на основании заключения соответствующего договора, нельзя признать достаточным, поскольку в российском законодательстве отсутствует его подробная регламентация. Многими учеными обращается внимание на неопределенность правовой природы, предмета, а также прав и обязанностей сторон указанного договора [1, с. 63; 2, с. 18; 5, с. 100].

Судебной практике известны случаи, обусловленные отсутствием юридических норм, защищающих как самих суррогатных матерей, так и заказчиков (потенциальных родителей): отказ суррогатной матери отдать ребенка, обусловленный не только материнским инстинктом, отказ генетических родителей забрать ребенка по причине многоплодной беременности суррогатной матери, не того пола родившегося ребенка или наличие у него патологий, наступление беременности в семье потенциальных родителей, распад семьи и др. Поэтому при отсутствии подробного регулирования отношений, возникающих в связи с заключением договора о суррогатном материнстве возможны ситуации, приводящие к судебным спорам относительно прав на ребенка, рожденного суррогатной матерью.

Кроме этого, в приведенном выше определении суррогатного материнства отсутствует указание на возможность заключения договора о суррогатном материнстве одиноким мужчиной, хотя такие случаи имеют место на практике. Следствием данного законодательного пробела нередко является отказ органов ЗАГС в государственной регистрации рождения ребенка, добиваться которой одиноким отцам приходится посредством судебного решения.

Неправомерность подобного отказа судами на практике обосновывается следующим:

«Учитывая то, что действующее законодательство не регулирует вопрос установления отцовства и регистрации рождения детей, не имеющих матери, а имеющих только отца, суд полагает необходимым использовать нормы действующего семейного законодательства по аналогии, учитывая то, что отсутствие правовых норм не может являться основанием для умаления и нарушения прав и законных интересов ребенка и его отца» [9].

В связи с этим подчеркнем, что в качестве стороны договора о суррогатном материнстве могут выступать и биологические отцы, в противном случае нарушается гендерное равноправие.

Часть 2 п. 4 ст. 51 СК РФ предусматривает, что «лица, состоящие в браке между собой и давшие свое согласие в письменной форме на имплантацию эмбриона другой женщине в целях его вынашивания, могут быть записаны родителями ребенка только с согласия женщины, родившей ребенка (суррогатной матери)». Следовательно, закон сохраняет за суррогатной матерью право оставить рожденного ею ребенка у себя и быть зарегистрированной в органах ЗАГС в качестве его матери. Поэтому без согласия суррогатной матери, являющегося ее правом, генетические родители не смогут оформить своего ребенка, а понудить ее к такому согласию не представляется возможным.

Существующий порядок предполагает, что женщина, родившая ребенка, считается биологической матерью, хотя в рассматриваемых ситуациях таковой, по сути, не является. Презумпция материнства в семейных отношениях отдается матери, выносившей и родившей ребенка, что для суррогатного материнства, по справедливому мнению Е.Е. Пироговой, неприемлемо [3, с. 23].

Вместе с тем, как следует из разъяснений Верховного суда РФ, «судам следует иметь в виду, что в случае, если суррогатная мать отказалась дать согласие на запись родителями потенциальных родителей, то данное обстоятельство не может служить безусловным основанием для отказа в удовлетворении иска этих лиц о признании их родителями ребенка и передаче им ребенка на воспитание. В целях правильного рассмотрения дела суду следует проверить, заключался ли договор о суррогатном материнстве и каковы условия этого договора, являются ли истцы генетическими родителями ребенка, по каким причинам суррогатная мать не дала согласия на запись истцов в качестве родителей ребенка, и с учетом установленных по делу обстоятельств, а также положений ст. 3 Конвенции о правах ребенка разрешить спор в интересах ребенка» [10].

В связи с этим считаем, что категоричная формулировка о приоритетности мнения суррогатной матери в ч. 2 п. 4 ст. 51 СК РФ должна быть изменена.

Следует указать и на то, что использование в п. 4 ст. 51 СК РФ понятия «лица, состоящие в браке между собой» также порождает препятствие в получении свидетельства о рождении ребенка лицами, не состоящими в браке.

Так, по одному из изученных дел заявителям было отказано в государственной регистрации рождения ребенка со следующей мотивацией органа ЗАГС: «...произвести государственную регистрацию рождения родившегося у них ребенка возможным не представляется, поскольку на момент подачи заявления в письменной форме на применение метода искусственного оплодотворения и на имплантацию эмбриона, они не состояли в зарегистрированном браке».

Суд признал необходимым обязать органы ЗАГС произвести государственную регистрацию рождения ребенка заявителей с обращением решения к немедленному исполнению, полагая, что «промедление исполнения данного решения суда противоречит интересам не только заявителей, но и интересам их новорожденного ребенка» [11; 12].

Для регистрации детей, рожденных по договору на суррогатное материнство, установлен порядок, в соответствии с которым родители предоставляют в органы ЗАГС справку из медицинской организации и согласие суррогатной матери на оформление ими ребенка. Не проще ли предоставить договор о суррогатном материнстве, который и мог бы служить основанием для государственной регистрации рождения детей, рожденных при использовании процедуры суррогатного материнства? Такая возможность позволила бы упростить процедуру оформления прав на детей, а так же обязанностей родителей, в интересах которых этот договор заключался.

Как представляется, упрощение процедуры регистрации актов гражданского состояния на основании договора о суррогатном материнстве, позволит разгрузить суды от категории дел, направленных на установление отцовства и внесения записи в акты гражданского состояния. В связи этим представляется необ-

ходимым внесения в ст. 14 Федерального закона «Об актах гражданского состояния» нормы, позволяющей органам ЗАГС вносить запись о рождении ребенка на основании представленного договора о суррогатном материнстве [13]. При этом для минимизации злоупотреблений и юридических ошибок целесообразно закрепление в законе предписания о необходимости нотариального заверения такого договора, отражающего информированное согласие суррогатной матери.

Список использованной литературы

1. Митрякова Е.С. Правовое регулирование суррогатного материнства в России : дис. ... канд. юрид. наук / Е.С. Митрякова. – Тюмень, 2006. – 175 с.
2. Пестрикова А.А. Обязательства суррогатного материнства : дис. ... канд. юрид. наук / А.А. Пестрикова. – Самара, 2007. – 202 с.
3. Пирогова Е.Е. Проблемы правового регулирования при установлении происхождения детей, рожденных суррогатной матерью / Е.Е. Пирогова // Семейное и жилищное право. – 2019. – № 2. – С. 22–24.
4. Трифонова Н.С. Суррогатное материнство: исторический обзор / Н.С. Трифонова, Э.В. Жукова, А.И. Ищенко, Л.С. Александров // Российский вестник акушера-гинеколога. – 2015. – № 15 (2). – С. 49–55.
5. Фаракшина К.Ф. Предмет договора суррогатного материнства: теория и практика / К.Ф. Фаракшина // Актуальные проблемы российского права. – 2013. – № 6 – С. 98–102.
6. Философский энциклопедический словарь. – Москва : Инфра-М, 2007. – 576 с.
7. О применении вспомогательных репродуктивных технологий (ВРТ) в терапии женского и мужского бесплодия (Зарегистрировано в Минюсте РФ 24.04.2003 г. № 4452) : Приказ Минздрава РФ от 26.02.2003 г. № 67 // Российская газета. – 2003. – № 84.
8. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2021 г.) : Федер. закон от 21.11.2011 г. № 323-ФЗ (ред. от 22.12.2020 г.) // СЗ РФ. – 2011. – № 48. – Ст. 6724.
9. Решение Дзержинского районного суда (г. Санкт-Петербург) от 08.04.2020 г. по делу № 2-980/2020. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/8LeGc3YT3IZV> (дата обращения: 26.04.2021).
10. О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных с установлением происхождения детей : Постановление Пленума Верхов. Суда РФ от 16.05.2017 г. № 16 (ред. от 26.12.2017 г.) // Бюллетень Верховного Суда. – 2017. – № 7.
11. Решение Дзержинского районного суда г. Санкт-Петербурга от 14.05.2020 г. по делу № 2-1114/2020. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/WN6OMIxW7uW6> (дата обращения: 15.03.2021).
12. Решение Октябрьского районного суда г. Улан-Удэ (Республика Бурятия) от 18.01.2020 г. по делу № 2-831/202. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/q7q7XNDUq7b8> (дата обращения: 15.03.2021).

13. Об актах гражданского состояния : Федер. закон от 15.11.1997 г. № 143-ФЗ (ред. от 24.04.2020 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2021 г.) // СЗ РФ. – 1997. – № 47. – Ст. 5340.

Информация об авторах

Корнакова Светлана Викторовна – доцент кафедры правового обеспечения национальной безопасности Байкальского государственного университета, Иркутск, Россия, e-mail: Svetlana-kornakova@yandex.ru.

Поletaева Екатерина Леонидовна – старший преподаватель кафедры гражданского права и процесса Байкальского государственного университета, Иркутск, Россия, e-mail: katrinko@mail.ru.

Чигрина Елена Владимировна – доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Байкальского государственного университета, Иркутск, Россия, e-mail: chigrinaev@bgu.ru.

Authors

Svetlana V. Kornakova – Associate Professor of the Department of Legal Support of National Security of Baikal State University, Irkutsk, Russia, e-mail: Svetlana-kornakova@yandex.ru.

Ekaterina L. Poletaeva – Senior Lecturer of the Department of Civil Law of Baikal State University, e-mail: katrinko@mail.ru.

Chigrina Elena Vladimirovna – Associate Professor of the Department of State and Legal Disciplines of Baikal State University, Irkutsk, Russia, e-mail: chigrinaev@bgu.ru.

**ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
ОБ УПРОЩЕННОМ ПОРЯДКЕ РАССМОТРЕНИЯ ДЕЛ
В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ**

В статье констатируется фрагментарность и бессвязность правовых норм об упрощенном производстве в гражданском процессе. Автором выдвигаются три основных направления дальнейшего совершенствования законодательства: унификация правовых норм об упрощенном производстве в арбитражном и гражданском процессах, снижение занятости судов, устранение пробелов правового регулирования. Параллельно автор акцентирует внимание на отдельных недостатках упрощенного производства и предлагает пути их устранения.

Ключевые слова: гражданский процесс, упрощенное производство, совершенствование законодательства, судебная нагрузка, подсудность, пробелы законодательства.

A.Yu. Staritsyn

**THE WAYS TO IMPROVE THE LEGISLATION
OF THE SIMPLIFIED PROCEDURE FOR CONSIDERATION
OF CASES IN THE CIVIL PROCESS**

The article states the fragmentation and incoherence of the rules on simplified procedure in civil procedure. The author puts forward three main directions for improving the simplified procedure for considering civil cases: unification of the norms of simplified proceedings in arbitration and civil procedures, reducing the employment of courts, eliminating gaps in legal regulation. In parallel, the author focuses on the disadvantages of simplified production and offers ways to eliminate them.

Keywords: civil procedure, simplified proceedings, improvement of legislation, judicial burden, jurisdiction, gaps in legislation.

Упрощение или ускорение как один из высокоэффективных способов правового регулирования судопроизводства воспринято многими зарубежными правовыми порядками. При этом в большинстве стран применимы те или иные формы упрощенных производств. «Несмотря на различие сформировавшихся моделей существенные черты, цели и задачи таких производств в значительной степени совпадают» [1, с. 51]. Объясняется это тем, что современные процессуальные системы ряда стран сталкиваются с одним и тем же пакетом неизбежных, но решаемых проблем – излишняя длительность процесса рассмотрения и разрешения дел, существенные издержки правосудия для участвующих в нем лиц, высокая нагрузка судов. Российская процессуальная система не стала исключением.

Так, в 2002 г. вступивший в законную силу Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – АПК РФ) [4] содержал главу «Рас-

смотрение дел в порядке упрощенного производства», которая позднее претерпела ряд существенных изменений в 2012 и 2016 гг., повлекших за собой положительные результаты судебной практики. Так, согласно официальным данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации за 2016 г. количество дел, рассмотренных арбитражными судами в порядке упрощенного производства, составило 663 864 дела, а всего в течение года было рассмотрено 1 571 316 дел [5]. В процентном соотношении – 42 % от общего количества рассмотренных дел пришлось именно на упрощенное производство. Указанное продемонстрировало высокий показатель применяемости, а соответственно и доверия со стороны субъектов гражданского оборота к рассматриваемой процессуальной форме в арбитражном процессе.

Поскольку практика рассмотрения дел в рамках упрощенного производства приобрела широкое распространение в арбитражном процессе, то соответствующая процедура нашла законодательное закрепление и в Гражданском процессуальном кодексе Российской Федерации (далее – ГПК РФ) [6]. В соответствии с Федеральным законом от 02.03.2016 г. № 45-ФЗ «О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации и Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации» [7] в ГПК РФ была введена отдельная глава 21.1 «Упрощенное производство», а также точно внесены связанные с этим изменения в иные нормы кодифицированного акта. При этом следует утверждать вовсе не об унификации процессуального законодательства (поскольку упрощенное производство представляет собой изобретение арбитражного процесса), а фактически о заимствовании процессуальных норм из АПК РФ с одновременным их совершенствованием.

Действующее процессуальное законодательство об упрощенном порядке в гражданском процессе, несомненно, носит позитивный характер, в том числе по причине того, что обеспечивает некое ускорение реализации судебной защиты нарушенных прав, обеспечивая тем самым высокий уровень доступности правосудия для граждан. Но однозначно и то, что оно требует качественного осмысления и позитивного реформирования. Сложившаяся судебная практика, доктринальные исследования, содержание соответствующих правовых норм демонстрируют фрагментарность и бессвязность законодательного регулирования упрощенных процедур в современных правовых реалиях. В связи с чем, полагаем целесообразным выявить три, на наш взгляд, важнейших направления дальнейшего совершенствования гражданско-процессуального законодательства об упрощенном производстве.

Первое направление совершенствования законодательства связано с формированием единого для арбитражного и гражданского процесса механизма правового регулирования упрощенного производства. Выявление данного направления обусловлено одобренным решением Комитета по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 08.12.2014 г. № 124 (1) «Концепции единого Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации» [8]. Нельзя не признать незавершенность намерений законодателя в стремлении реализации положений указанной концепции. Напри-

мер, в упрощенном производстве в арбитражном и гражданском процессе кардинально различаются порядок взаимодействия суда и лиц, участвующих в деле, сроки рассмотрения дел, порядок вынесения решения по делу. Хотя и расхождение в основаниях применения упрощенных процедур является обоснованным с учетом различной подведомственности судов общей юрисдикции и арбитражных судов. Принятие такого кодифицированного акта, содержащего единый механизм рассмотрения дел в упрощенном порядке, станет следствием оценки, сопоставления действующих правовых норм и изъятия наиболее удачных положений, способствующих справедливому правосудию и сокращению издержек лиц, участвующих в деле. Полагаем целесообразным придерживаться заданной законодателем траектории правового движения и сформировать единые правила, нормы регулирования упрощенного производства.

Второе направление совершенствования законодательства об упрощенном производстве заключается в снижении нагрузки судебных органов, которая не позволяет гражданам получить судебную защиту своих нарушенных прав и законных интересов оперативно и безусловно. Несмотря на введение в гражданское процессуальное право норм об упрощенном производстве нагрузка на судебные органы существенно не сократилась. Обоснованно утверждать, что эффект от этого носит поверхностный характер. Согласно статистическим данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации за первое полугодие 2020 г. было принято к производству более 7 млн дел, а в упрощенном порядке было рассмотрено немногим больше 53 тысяч гражданских дел [9]. Признаем, что указанная ситуация имеет множество иных факторов, напрямую влияющих на чрезмерную нагрузку судебных органов: малочисленность штата, неосведомленность граждан о примирительных процедурах, неиспользовании медиации, неготовность истца и ответчика к компромиссу, искусственное затягивание процесса его участниками [3, с. 57]. Тем не менее, несовершенство упрощенного производства, выражающееся в отсутствии ясности в эффективном соотношении приказного, упрощенного и искового производств также оказывает свою долю влияния. Так, нормы гл. 21.1. ГПК РФ не позволяют четко установить вероятность применения упрощенного порядка при рассмотрении гражданского дела мировым судьей, оставляя открытым вопрос о сроке рассмотрения дела. Здесь же следует отметить сомнения в ускорении производства по делу в сравнении с общеисковыми сроками, ведь рассмотрение дела происходит в суде общей юрисдикции в течение двух месяцев. Кроме того, вызывает сомнения ускорение судопроизводства при обязательном рассмотрении ряда требований в приказном производстве, предусматривающем достаточно простой способ преодоления законной силы вынесенного судебного приказа. К тому же в случае перехода из упрощенного в общий порядок рассмотрения дела, гражданский процесс начинается с самых начальных этапов, а также соответствующие сроки подлежат исчислению с момента такого перехода. В силу этого полагаем необходимым осуществить оптимизацию правил подсудности в рамках упрощенного производства. Однако законодателю при этом не следует поддаваться излишнему прагматизму и заниматься исключительно структурными и организационными аспектами деятельности органов

судебной ветви власти. Необходимо помнить, что само по себе снижение судебной нагрузки имеет свою особую цель – повышение доступности правосудия для граждан [2, с. 97].

Третье направление совершенствования процессуального законодательства сводится к устранению существующих пробелов правового регулирования упрощенной процедуры рассмотрения гражданских дел, что связано относительно недавним применением и достаточно скудным содержанием законодательных положений. Попытку законодателя «уместить» все особенности упрощенного производства в положениях четырех статей следует признать неудачной, поскольку она привела к погрешностям юридической техники, сумбурности изложения норм, не соответствию общей картине гражданского судопроизводства, создала сложности в толковании их положений. В этом аспекте отметим, что действующее законодательство не учитывает особенности реализации лицами, участвующими в деле, распорядительных действий, например, право заключения мирового соглашения. Так, нормы гл. 21.1 ГПК РФ не определяют порядок утверждения мирового соглашения, соответствующие положения не отражены в ч. 4 ст. 232.2 ГПК РФ.

Перспективным предстает использование преимуществ информационных технологий, электронного оборота, который, на наш взгляд, предстает действительно точной и современной альтернативой бумажному документообороту, позволяющей оперативно обмениваться доказательствами сторонам дела. Электронный документооборот позволит предусмотреть краткие сроки в сравнении с общеустановленными в исковом производстве, тем самым оправдать упрощенность применяемых процедур. Применение информационных технологий в гражданском процессе, по аналогии с арбитражным, позволит сформировать закрытый кластер, содержащий все документы, материалы по делу, а также позволит своевременно сторонам ознакомиться с представленными другой стороной доказательствами. А соответствующая профессиональная информационная защита обеспечит сохранность материалов и их конфиденциальность. Таким образом, опыт и простота электронного оборота, присущие арбитражному процессу, вполне может быть позаимствована гражданским процессуальным законодательством, что существенно повысит эффективность упрощенной процедуры. Разумеется, при этом должны быть учтены фактические возможности граждан по обеспечению доступа к программам правосудия, требующих наличие специальных средств и минимальных знаний, достаточных для эксплуатации соответствующих технологий. В этом аспекте полезна европейская модель проведения разбирательства по делам с малой ценой иска, которая сводится к заполнению типового формуляра, доступного для понимания граждан, не имеющих юридического образования. Порядок взаимодействия лиц, участвующих в деле, и суда предстает еще одним пространством, в котором упрощение позволит обеспечить беспрепятственную реализацию права граждан на судебную защиту.

Кроме того, положение ГПК РФ о вынесении по общему правилу при рассмотрении дел в упрощенном порядке лишь резолютивной части, вряд ли может быть интерпретировано как проявление тезиса «упрощенное производство для сторон гражданского процесса, для обеспечения высокого уровня до-

ступности правосудия». Положения п. 1 ст. 232.4 ГПК РФ являются ярким случаем превалирование публичных интересов (оптимизации работы судебных органов), над частными интересами. Признаем, что упрощение судопроизводства должно распространять свое действие на непосредственно процедуру рассмотрения дела, а судебное решение в части его содержания должно оставаться неизблемым, поскольку оно призвано обеспечивать обоснованность и законность вывода, содержащегося в резолютивной части решения суда. Представляется, что оптимизация работы судебных органов могла бы быть осуществлена иными способами при соблюдении гарантий прав и основных свобод лиц, участвующих в деле. В частности, возможность вынесения лишь резолютивной части по завершении разбирательства по делу в случае выраженного на это согласия сторон.

Хотя российское законодательство не содержит формальных ограничений права граждан на обжалование принятых судом первой инстанции решений, но фактически граждане лишены в указанном аспекте гарантий эффективной судебной защиты. Подобный вывод основан на предусмотренных законодателем правилах обжалования решения суда по делу, рассмотренному в порядке упрощенного производства. Реализация указанных правил, к сожалению, не позволяет утверждать о соблюдении принципов гласности, устности, состязательности и диспозитивности. А о кассационном обжаловании и вовсе не может быть и речи, в силу несогласованности нормативно-правовых положений.

Все три названных направления совершенствования процессуального законодательства находятся в системной взаимосвязи: реализация одного направления автоматически способствует совершенствованию законодательства в иных направлениях.

При более внимательном рассмотрении сложившейся правовой картины очевиден вывод о неполной реализации потенциала упрощенного производства в этом направлении. Очевидно, что реформирование законодательства представляет собой ответную реакцию на возникающие в обществе правовые, экономические, административные и иные процессы, а также на факторы, препятствующие нормальному их состоянию. Существующее положение дел явно сигнализирует о необходимости реформирования упрощенного производства. В целях избавления от выявленных недостатков и поиска идеальной модели правового регулирования должны быть проведены качественные доктринальные исследования, основанные на четком понимании необходимости соблюдения баланса интересов государства и отдельной личности, потребностей судебной системы и сущности цивилистического процесса в целом как одной из важнейших гарантий естественных прав человека.

Список использованной литературы

1. Крымский Д.И. Упрощенные производства по гражданским делам в зарубежном законодательстве и судебной практике / Д.И. Крымский // Российский судья. – № 12. – С. 51–55.

2. Михеев П.В. Пределы ускорения гражданского и административного судопроизводства : дис. ... канд. юрид. наук / П.В. Михеев. – Москва, 2020. – 187 с.

3. Телегина В.А. Решение проблем судебной нагрузки как одна из задач судебной реформы / В.А. Телегина // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2017. – № 5 (118). – С. 56–61.

4. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 24.07.2002 г. № 95-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 30. – Ст. 3012.

5. Отчет о работе арбитражных судов субъектов Российской Федерации за 2016 год // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. – URL: www.cdep.ru/index.php?id=79 (дата обращения: 02.03.2021).

6. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 г. № 138-ФЗ (ред. от 08.12.2020 г., с изм. от 02.03.2021 г.) // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 46. – Ст. 4532.

7. О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации и Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 02.03.2016 г. № 45-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2016. – № 10. – Ст. 1319.

8. Концепция единого Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, одобренная решением Комитета по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 08.12.2014 г. № 124 (1). – URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 02.03.2021).

9. Отчет о работе федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 1 полугодие 2020 год // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. – URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5461> (дата обращения: 02.03.2021).

Информация об авторе

Старицын Алексей Юрьевич – старший преподаватель кафедры гражданского права и процесса Института государства и права Байкальского государственного университета, Иркутск, Россия, e-mail: StaritsynAU@gmail.com.

Author

Alexey Yu. Staritsyn – senior Lecturer of the Department of Civil Law and Procedure of the Institute of State and Law of Baikal State University, Irkutsk, Russia, e-mail: StaritsynAU@gmail.com.

СЕКЦИЯ 4. УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

УДК 343.811

В.С. Ишигеев, А.В. Пузикова

ПОТЕРПЕВШИЙ ПРИ ДЕЗОРГАНИЗАЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧРЕЖДЕНИЙ, ОБЕСПЕЧИВАЮЩИХ ИЗОЛЯЦИЮ ОТ ОБЩЕСТВА

Авторами проанализирован термин «дезорганизация». Рассмотрен вопрос об анализе степени дезорганизации работы исправительных учреждений. Дана характеристика термину «воспрепятствование». Рассмотрена судебная практика в отношении потерпевшего. Подробно изучена диспозиция ст. 321 УК РФ. Дается сравнение ст. 77 УК РСФСР и ныне действующей ст. 321 УК РФ. Проведя анализ ст. 24 Закона РФ «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» и ст. 12 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых», авторами сделан вывод о необходимости внесения изменений в текст ст. 321 УК РФ, указав словосочетание «представитель администрации».

Ключевые слова: дезорганизация деятельности исправительных учреждений, осужденные, потерпевший, места лишения свободы.

V.S. Ishigeev, A.V. Puzikova

VICTIM IN DISORGANIZATION OF INSTITUTIONS PROVIDING ISOLATION FROM SOCIETY

The authors analyze the term «disorganization». The question of the analysis of the degree of disorganization of the work of correctional institutions is considered. The term «obstruction» is characterized. The article considers the judicial practice in relation to the victim. The disposition of Article 321 of the Criminal Code of the Russian Federation is studied in detail. The article compares Article 77 of the Criminal Code of the RSFSR and the current Article 321 of the Criminal Code of the Russian Federation. Having analyzed Article 24 of the Law of the Russian Federation «On Institutions and Bodies executing criminal penalties in the form of deprivation of liberty» and art. 12 of the Federal Law «On the detention of suspects and Accused persons», the authors concluded that it is necessary to amend the text of Article 321 of the Criminal Code of the Russian Federation, specifying the phrase «representative of the administration».

Keywords: disorganization of correctional institutions, convicts, victims, places of deprivation of liberty.

В диспозиции ст. 321 УК РФ указано, что данная правовая норма регулирует и охраняет такие общественные отношения, которые призваны обеспечить

деятельность учреждений, исполняющих по приговору суда уголовное наказание в виде лишения свободы.

Актуальность данной публикации не вызывает сомнений, так как данное преступление характеризуется высокой степенью общественной опасности, причиняет существенный вред исправлению и предупреждению совершению новых преступлений со стороны осужденных и иных лиц.

События в ночь с 9 на 10 апреля 2020 г. в г. Ангарске, когда осужденные совершили нападение на представителей администрации, а также сожгли объекты промышленной зоны, причинив ущерб на несколько миллиардов рублей. Поэтому совершенствование уголовно-правовой нормы, предусматривающее ответственность за дезорганизацию деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества (ст. 321 УК РФ) является важной задачей законодателя.

Так, впервые термин «дезорганизация» был введен Указом Президиума Верховного Совета СССР от 5 мая 1961 г. «Об усилении борьбы с особо опасными преступлениями» [3, с. 201], вызвав неоднозначную оценку в теории и практике, потому что с лингвистических позиций он полисемичен. Так, с одной стороны «дезорганизатор – человек, нарушающий порядок, дисциплину, а с другой сторон – нарушение общественного порядка, дисциплины, расстройство организации, разлаженность, развал» [4, с. 204]. Именно поэтому можно объяснить неоднозначную позицию в отношении объема содержания данного посягательства.

Поэтому исходя из смысла диспозиции ст. 321 УК РФ можно сделать вывод, что под дезорганизацией деятельности исправительных учреждений следует признать определенные действия, выражающиеся в следующем; а) применение насилия, не опасного для жизни и здоровья осужденного, либо угрозе применения насилия в его отношении с целью воспрепятствовать исправлению осужденного либо из мести за оказанное содействие администрации учреждения или органу уголовно-исполнительной системы; б) тех же действий, в отношении сотрудника места лишения свободы или места содержания под стражей в связи с осуществлением или служебной деятельности или их близких; в) деяния, предусмотренные частями первой и второй настоящей статьи, совершенные организованной группой либо с применением насилия, опасного для жизни и здоровья.

Таким образом, степень дезорганизации работы учреждений зависит от правового статуса потерпевших, от интенсивности применяемого насилия и от совершения преступления организованной группой.

Между тем, жизнь и здоровье всех граждан уголовным законом охраняется одинаково, независимо от индивидуальных качеств и обстоятельств. В случае применяемой ст. 321 УК РФ, законодатель устанавливает повышенную уголовную ответственность за наказание на осужденных с целью воспрепятствовать их исправлению с целью мести за содействие администрации учреждения, тем самым, несмотря на причинение вреда жизни и здоровью, что преступление причиняет ущерб деятельности учреждений уголовно-исполнительной системы.

Для правильного применения ст. 321 УК РФ представляется важным определить в отношении какой категории осужденных направлены действия по

дезорганизации деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества.

Термин «воспрепятствование» [1, с. 242] впервые было введено в УК РФ в 1986 г., а в настоящее время определяется в разъяснениях высшей судебной инстанции и теории уголовного права.

Так, доцент А.А. Примаков пишет, что «воспрепятствовать означает попытки предотвратить, изменить, видоизменить правопослушное поведение лишенного свободы, не допустить осуществления социально одобряемого поведения в будущем» [6, с. 84]. Фактически любой осужденный, добросовестно выполняющий обязанности, возложенные нормами уголовно-исполнительного законодательства и Правилами внутреннего распорядка, может стать жертвой преступления, так как в соответствии с ч. 1 ст. 3 УИП РФ – «исправление осужденных – это формирование у них уважительного отношения к человеку, обществу, труду, нормам, правилам, традициям человеческого общежития и стимулирование правопослушного поведения...».

Особую опасность представляют посягательства из мести за оказанное содействие администрации учреждения или органа уголовно-исполнительной системы, так как осужденные в местах лишения свободы в соответствии с уголовно-исполнительным законодательством и Правилами внутреннего распорядка обязаны содействовать администрации в поддержании порядка. Такое содействие оказывают не только осужденные, работающие на различных должностях внутрихозяйственного обслуживания исправительной колонии, но и др.

Судебная практика показывает, что в большинстве случаев потерпевшими являются осужденные, работающие по хозяйственному обслуживанию исправительной колонии (называемых на жаргоне «красные», т.е. осужденные, сотрудничающие с администрацией.)

Из диспозиции ст. 321 УК РФ усматривается, что потерпевший при совершении действий, дезорганизующий деятельность учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества, также являются сотрудники места лишения свободы или места содержания под стражей, либо их близкие. К сотрудникам места лишения свободы, согласно ст. 24 Закона РФ «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы относятся лица, имеющие звание рядового или начальствующего состава; сотрудник места содержания под стражей согласно ст. 12 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых – это лицо рядового или начальствующего состава органов внутренних дел, военнослужащий органов и пограничных войск федеральной службы безопасности, Вооруженных сил РФ, исполняющие обязанности по обеспечению режима содержания под стражей, капитан морского судна, начальник зимовки, а равно уполномоченные им лица – на период исполнения обязанностей по обеспечению режима содержания под стражей. На должном уровне вопрос о понятии представителя власти рассмотрел О.П. Грибунов [5].

Вместе с тем, термин «сотрудник места лишения свободы» и «сотрудник места содержания под стражей» необоснованно сужают круг потерпевших, так как в условных исправительных учреждениях наряду с аттестованными сотрудниками работают и вольнонаемные лица – учителя, мастера производ-

ственного обучения, газовщики, продавцы ларьков и другие, которые, как и сотрудники учреждений, выполняют свои профессиональные обязанности по обеспечению задач исправительных колоний, обеспечивающую изоляцию от общества по исправлению осужденных и предупреждению совершения преступлений осужденными и иными лицами. Нормальная работа учреждений уголовно-исполнительной системы предполагает должную охрану служебной деятельности лиц, которые обеспечивают исполнение наказания, назначенного по приговору суда.

Фактически, в настоящее время диспозиция ст. 321 УК РФ ставит в неравное положение две категории лиц – аттестованных сотрудников и вольнонаемных служащих, которые в своей повседневной деятельности также осуществляют исправительное воздействие на осужденных. Так угроза применения насилия в отношении сотрудника учреждения наказывается лишением свободы от двух до пяти лет (ч. 2 ст. 321 УК РФ), а в санкции ст. 119 УК РФ предусмотрено наказание до двух лет, а просто угрозы в гл. 16 УК РФ нет.

В советский период в диспозиции ст. 77 УК РСФСР (аналог ст. 321 УК РФ) было отмечено, что потерпевший при совершении действий, дезорганизующим работу ИТУ, является представитель администрации мест лишения свободы. Пленум Верховного Суда СССР в Постановлении от 03.12.1962 г. указал, что «к представителям администрации относится начальствующий состав исправительно-трудовых учреждений, личный состав конвойной охраны и контролерский состав, вольнонаемный состав, осуществляющий в местах лишения свободы политико-восстановительную работу и медицинское обслуживание, административно-технический персонал, руководящий производственной деятельностью осужденных» [2, с. 12]. Это положение вызвало неоднозначную оценку в теории уголовного права. Так М.Н. Меркушев предлагал «распространить положение на защиту прокуроров, судей, работников МВД и представителей общественности в момент посещения ими исправительного учреждения» [6, с. 149]. Другие ученые предположили расширить это положение и на членов наблюдательной комиссии и других представителей общественности.

С принятием УК РФ 1996 г. данная дискуссия была прекращена, так как законодатель определил круг и потерпевших. На несправедливость данного положения указано в современной юридической литературе. Так А.А. Примак пишет, что «закон, устанавливая разные рамки уголовно-правовой охраны лиц, преследующие в своей деятельности единые цели, выполняющих равные задачи, имеющие одинаковые обязанности и находящиеся в единой социальной среде, а, следовательно, обладающих равной «виктимной предрасположенностью» [7, с. 60], т.е. возможность стать жертвой посягательства при исполнении служебных обязанностей.

Думается, что такая позиция не обоснована и противоречит принципам равенства граждан перед законом. Между тем в ст. 410 Уголовного кодекса республики Беларусь отмечено, что потерпевшими при совершении действий, дезорганизующих работу исправительных учреждений являются представители администрации, там самым в Республике Беларусь уравниваются две категории сотрудников исправительных учреждений: вольнонаемных и аттестованных.

Полагаем, что в настоящее время необходимо внести изменение в текст ст. 321 УК РФ, указав словосочетание «представитель администрации», тем самым это дополнение охватит все категории лиц, работающих в учреждениях, обеспечивающих изоляцию от общества, как было в УК РСФСР.

Список использованной литературы

1. Рарог А.И., Бимбинов А.А. Сборник постановлений Пленумов Верховных Судов СССР, РСФСР и РФ по уголовным делам. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва : Проспект, 2019. – 242 с.
2. Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 03.12.1962 г. // Бюллетень Верховного Суда СССР. – 1962. – № 6. – С. 12.
3. Об усилении борьбы с особо опасными преступлениями : Указ Президиума Верхов. Совета СССР от 05.05.1961 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1962. – № 19 (1106). – 201 с.
4. Лехина И.В., Петрова Ф.Н. Словарь иностранных слов. – 4-е изд., перераб. и доп. – Москва : ГИС, 1954. – 204 с.
5. Грибунов О.П. Уголовная ответственность за применение насилия в отношении представителя власти : дис. ... канд. юрид. наук. – Санкт-Петербург, 2003. – 224 с.
6. Горелик И.И., Меркушев М.Н., Тишкевич И.С., Шкурко В.А. Комментарий к Уголовному кодексу Белорусской ССР / под общ. ред. С.Т. Шардыко. – Минск : Беларусь, 1966. – 149 с.
7. Примак А.А. Уголовная ответственность за преступления, посягающие на установленный порядок исполнения наказания в виде лишения свободы : дис. ... канд. юрид. наук. – Красноярск, 2003. – 84 с.

Информация об авторах

Ишигеев Владимир Степанович – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права, криминологии и уголовного процесса Института государства и права Байкальского государственного университета, Иркутск, Россия, e-mail: vladimir.ishigeev@mail.ru.

Пузикова Анастасия Витальевна – ассистент кафедры уголовного права, криминологии и уголовного процесса Института государства и права Байкальского государственного университета, Иркутск, Россия, e-mail: Puzikova.AV@yandex.ru.

Authors

Vladimir S. Ishigeev – Doctor of Law, Professor of the Department of Criminal Law, Criminology and Criminal Procedure of the Institute of State and Law of Baikal State University, Irkutsk, Russia, e-mail: vladimir.ishigeev@mail.ru.

Anastasia V. Puzikova – Assistant to the Department of Criminal Law, Criminology and Criminal Procedure of the Institute of State and Law of Baikal State University, Irkutsk, Russia, e-mail: Puzikova.AV@yandex.ru.

**К ВОПРОСУ О НЕОБХОДИМОСТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ НОРМ,
ОБЕСПЕЧИВАЮЩИХ ЗАЩИТУ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ
В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ**

В представленной статье автор на основе анализа имеющихся научных публикаций, нормативной правовой базы и судебно-следственной практики делает вывод о том, что на сегодняшний день назрела острая необходимость разработки и законодательного закрепления в рамках уголовно-процессуального кодекса норм, регламентирующих порядок обеспечения защиты при производстве по уголовным делам в отношении военнослужащих.

Ключевые слова: военнослужащий, преступление, уголовно-процессуальный кодекс, защита.

N.Yu. Lebedev

**ON THE NEED TO IMPROVE THE RULES FOR ENSURING
THE PROTECTION OF MILITARY PERSONNEL
IN CRIMINAL PROCEEDINGS**

In the presented article, the author, on the basis of an analysis of available scientific publications, the regulatory legal framework and forensic practice, concludes that today there is an urgent need to develop and legislatively consolidate the norms governing the procedure for ensuring protection in proceedings under the Criminal Procedure Code criminal cases against military personnel.

Keywords: serviceman, crime, criminal procedure code, protection.

Производство по уголовному делу невозможно без вмешательства в личное пространство физических или юридических лиц. При этом одни вовлекаются в пространство расследуемого преступления в виду нарушения их прав или причинения вреда их имуществу совершенным преступлением, другие, наоборот, в виду проверки их причастности к совершению преступления и осуществления в отношении них уголовного преследования, третьи как лица оказывающие содействие при производстве по уголовному делу, в любом случае следователю (дознавателю) приходится нарушать привычный ритм жизни указанных лиц, вносить изменения в график их жизнедеятельности.

При этом лицо, в производстве которого находится уголовное дело, вынуждено в определенной степени нарушать закрепленные конституцией права и интересы граждан Российской Федерации, безусловно, в большей степени, это касается лиц, подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений [1, с. 1017–1024].

В связи с этим возникла необходимость формирования и закрепления в уголовно-процессуальном праве института «Обеспечение подозреваемому и

обвиняемому права на защиту», который нашел свое воплощение, как в правовых принципах, так и в других статьях расположенных практически во всех главах Уголовно-процессуального кодекса.

Проблемы обеспечения подозреваемому и обвиняемому права на защиту не являются новыми, им посвящено достаточно много научных работ ученых в области уголовного процесса [3, с. 45–51], криминалистики [4, с. 157–159], юридической психологии и даже конституционного права. В данных работах затрагиваются как правовые вопросы, так и вопросы совершенствования тактики защиты лиц, совершивших преступления в состоянии невменяемости, несовершеннолетних [2, с. 45–51], женщин, иностранных граждан и лиц без гражданства, но в тоже время из поля зрения, как законодателя, так и ученых выпала очень большая группа лиц, требующая к себе более пристального внимания в плане обеспечения права на защиту в уголовном судопроизводстве – военнослужащие.

Некоторые из моих коллег, могут задать вопрос, но в чем тут проблема? Военная служба – это всего лишь определенный вид государственной деятельности (службы), своего рода профессия, и чем военнослужащий отличается от учителя, музыканта или водителя трамвая?

И действительно на первый взгляд ничем, как трактует уголовное право субъект преступления – это физическое, вменяемое лицо, достигшие возраста, с которого оно может нести уголовную ответственность.

Но мы забываем, что военная служба – это особая обстановка и условия ее несения, особая иерархия взаимоотношений и подчиненности, особые задачи, стоящие перед военнослужащими и многое другое [5, с. 161–164].

Рассмотрим некоторые из проблемных аспектов обеспечения защиты военнослужащих.

Во-первых, воинские части (соединения), очень часто, расположены (дислоцированы) на определенном удалении от населенных пунктов и соответственно в случае осуществления уголовного преследования в отношении военнослужащего, командование части, по вполне объективным причинам, не сможет реализовать его право на защиту, а именно предоставить защитника. Соответственно дознаватель воинские части (соединения), возбудив уголовное дело и осуществляя производство неотложных следственных действий, в данной ситуации будет нарушать конституционные права подозреваемого-военнослужащего на защиту.

Во-вторых, даже если воинская часть (соединение) территориально дислоцирована в пределах населенного пункта возникает проблема приглашения защитника.

Военнослужащий, совершивший преступление небольшой или средней тяжести, чаще всего, продолжает несение своих служебных обязанностей и находится на территории воинской части (соединения), возникает вопрос как реализовать положения ч. 1 ст. 51 «Обязательное участие защитника» УПК РФ, а именно предоставить военнослужащему-подозреваемому иметь свидание с защитником наедине и конфиденциально как до первого допроса подозревае-

мого, так и возможность участия защитника в других следственных действиях, производимых с его участием.

Расследование преступлений, совершаемых военнослужащими внутри воинских частей и учреждений, можно отнести к особой категории с точки зрения необходимости сохранения в тайне различных сведений, не подлежащих разглашению, так называемой «военной тайны», соответственно время допуска защитника для участия в производстве по уголовному делу может составить нескольких суток.

Командир воинской части должен будет направить в адвокатскую палату субъекта Российской Федерации запрос о предоставлении защитника для участия в производстве по уголовному делу, в свою очередь, после рассмотрения запроса, адвокатская палата определяет адвокатскую коллегия, и только после этого адвокатская коллегия предпримет действия по назначению адвоката, в качестве защитника подозреваемого-военнослужащего.

В данную схему может еще вмешаться и процедура согласования кандидатуры адвоката-защитника, на предмет возможности его допуска на территорию воинской части (соединения).

Указанные обстоятельства свидетельствуют о том, что на сегодняшний день назрела острая необходимость разработки и законодательного закрепления в рамках уголовно-процессуального кодекса норм, регламентирующих специальный порядок обеспечения защиты при производстве по уголовным делам в отношении военнослужащих.

Список использованной литературы

1. Лебедев Н.Ю., Лебедева Ю.В. Управленческие компетенции следователя и особенности их реализации при расследовании преступлений // Всероссийский криминологический журнал. – 2019. – Т. 13. – № 6. – С. 1017–1024.

2. Лебедева Ю.В. Проведение допроса несовершеннолетнего свидетеля или потерпевшего в возрасте до 14 лет: специфика, особенности возраста, тактические приемы // Вестник Сибирского юридического института МВД России. – 2020. – № 4 (41). – С. 45–51.

3. Нидер С.А. К вопросу о необходимости совершенствования правового регулирования формирования коллегии присяжных заседателей, как гарантия конституционного права на защиту по уголовным делам // Военно-правовые и гуманитарные науки Сибири. – 2020. – № 3 (5). – С. 45–51.

4. Степанов С.А. О методике расследования преступлений против военной службы, сопряженных с применением физического насилия // Закон и право. – 2019. – № 1. – С. 157–159.

5. Степанов С.А. Механизм применения психологического реагента при производстве допроса военнослужащего подозреваемого (обвиняемого) в совершении преступления / под ред. Х.П. Пашаева // Современная молодежь и вызовы экстремизма и терроризма в России и за рубежом : сб. материалов Всерос. (с междунар. участием) науч.-практ. конф. – Горно-Алтайск, 2019. – С. 161–164.

Информация об авторе

Лебедев Николай Юрьевич – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики Новосибирского военного института имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации, Новосибирск, Россия, e-mail: lebedevnu@rambler.ru.

Author

Nikolai Yu. Lebedev – Doctor of Law, Professor of Criminal process and Forensics of the Novosibirsk Military Institute named after Army General I.K. Yakovlev of the Russian National Guard, Novosibirsk, Russia, e-mail: lebedevnu@rambler.ru.

ЗНАЧЕНИЕ ПРЕДМЕТА И ОБЪЕКТА ПРЕСТУПЛЕНИЯ В СТРУКТУРЕ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ДЕЯНИЙ В СФЕРЕ КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ

Статья посвящена значению предмета и объекта преступления в структуре криминалистической характеристики деяний в сфере компьютерной информации. Предпринята попытка показать роль и значение исследуемых элементов, определить сущность и выделить информацию, значимую для установления типовой следовой картины события преступления в сфере компьютерной информации.

Ключевые слова: преступления, компьютерная информация, предмет, объект, элемент, криминалистическая характеристика.

E.V. Smakhtin, A.V. Belousov

SUBJECT AND OBJECT AS AN ELEMENT OF CRIMINALISTIC CHARACTERISTICS OF CRIMES IN THE FIELD OF COMPUTER INFORMATION

The article is devoted to the subject and object as an element of criminalistic characteristics of crimes in the field of computer information. An attempt is made to show the role and significance of elements, to determine the essence and highlight information that is significant for establishing a typical trace picture of a crime event in the field of computer information.

Keywords: crime, computer information, subject, object, element, forensic characteristics.

В настоящее время в условиях пандемии уголовное судопроизводство невозможно представить себе без информационных технологий, включающих в себя различные электронные и телекоммуникационные технические средства. В отдельных следственно-судебных ситуациях информационно-телекоммуникационные технологии и средства являются единственным средством для передачи информации.

Кроме того, низкая защищенность каналов связи, слабые пользовательские навыки с различными коммуникационными техническими средствами, способствуют увеличению общего количества преступлений в сфере компьютерной информации.

На рост преступлений в сфере компьютерной информации указывают статистические данные, так в 2019 г. зарегистрировано 2 883 преступления, из них раскрыто 729, выявлено 319 лиц, направлено в суд 468 уголовных дел [8]. В 2020 г. зарегистрировано 4 498 преступлений, из них раскрыто 830, выявлено 389 лиц, направлено в суд 480 уголовных дел [9].

Представленные данные свидетельствуют не только о низкой раскрываемости, качестве расследования выявленных преступлений, но и требует постоянной корректировки действующего законодательства.

В Российской Федерации эта тенденция нашла свое отражение в новой редакции ст. 71 Конституции Российской Федерации, согласно п. «м» которой «применение информационных технологий» и «оборот цифровых данных» находятся в ведении государства [3].

В теории криминалистики к настоящему времени утвердилось мнение о том, что некоторые элементы криминалистической характеристики преступлений могут видоизменяться, а некоторые вообще не учитываться. Так, по мнению И.Ф. Герасимова, «криминалистическая характеристика преступления должна содержать в себе такие элементы, которые бы определяли программу действий следователя на том или ином этапе расследования, способствовали избранию соответствующей линии поведения следователя, выбору наиболее эффективных тактических приемов проведения следственных действий, правильной оценке сложившейся следственной ситуации, перспективно-прогностической оценке хода расследования» [2, с. 94]. Несмотря на время, прошедшее после соответствующего утверждения, оно сохраняет свою актуальность в настоящее время, поскольку сложившаяся на практике ситуация диктует необходимость уточнения элементного состава криминалистической характеристики преступлений в сфере компьютерной информации. Знание элементов криминалистической характеристики исследуемых преступлений позволяет на практическом уровне более полно установить конкретную следовую картину события преступления в сфере компьютерной информации.

Проведенный нами теоретический анализ работ связанных с расследованием преступлений в сфере компьютерной информации показал, что ученые-криминалисты в структуру криминалистической характеристики, модель компьютерного преступления включают:

- предмет преступного посягательства;
- обстановку, выделяя в данном элементе время и место совершения преступления;
- способ, выделяя в данном элементе подготовку, совершение и сокрытие преступления;
- механизм слеодообразования;
- ситуацию совершения преступления;
- следы (признаки) преступления и вероятные места их нахождения;
- лиц (субъектов) совершающих преступления, а также их мотивы и цели преступного поведения;
- личность потерпевшего.

Однако по рассматриваемой категории преступлений необходимо обратить внимание на неразрывную связь предмета с объектом преступления.

Так, например, из материалов уголовного дела № 1- 326/ 2017 следует что, гр-н А., из корыстной заинтересованности создавал и распространял компьютерные программы, заведомо предназначенные для несанкционированного уничтожения, копирования, модификации компьютерной информации и

нейтрализации средств защиты компьютерной информации¹. В рассматриваемом примере преступник неправомерным способом получил доступ и воздействовал на машинный код, а уже весь массив машинного кода представлял из себя компьютерную информацию (картинка, документ, программа и т.п.), который не только содержал цифровое выражение, но и мог содержать авторские права, коммерческую или государственную тайну.

Вследствие чего, по рассматриваемому виду преступления параллельно предмету преступного посягательства существует *объект* преступления.

Исходя из проведенного нами краткого теоретического и практического анализа рассматриваемого вида преступлений, полагаем, что в структуру элементного состава криминалистической характеристики следует включать не только предмет, но и объект преступления, несмотря на их очевидное уголовно-правовое значение, которое, вместе с тем, имеет и криминалистическое содержание.

Предметом по рассматриваемому виду преступлений является *компьютерная информация*, представляющая из себя машинный код, вводимый и/или выводимый микропроцессорным изделием. Машинный код состоит из системы команд, которую задает пользователь (человек) при помощи языка программирования. В настоящее время сложно ответить на вопрос: сколько существует языков программирования? Так, как одних только диалектов BASIC существует более трехсот, а языков программирования всего насчитывается более восьми тысяч.

Кроме того, машинный код хранится на оперативном запоминающем устройстве и постоянном запоминающем устройстве компьютерно-телекоммуникационного технического средства.

Микропроцессорное изделие состоит из одного или нескольких изделий, главным образом содержит в себе микропроцессор и/или микроконтроллер. В последующем машинный код представляется пользователю в привычной для восприятия форме (например, текст, картинка, 3D модели и т.п.) при помощи различных устройств (например, монитор, проектор, принтер и т.п.).

Объектом преступления, на наш взгляд, выступают:

– *персональные данные* к которым относятся: фамилия, имя, отчество, дата и место рождения, гражданство; прежние фамилия, имя, отчество, дата, место и причина изменения (в случае изменения); образование (когда и какие образовательные учреждения закончил, номера дипломов, направление подготовки или специальность по диплому, квалификация по диплому); выполняемая работа с начала трудовой деятельности (включая военную службу, работу по совместительству, предпринимательскую деятельность и т.п.); места рождения, работы и домашние адреса близких родственников (отца, матери, братьев, сестер и детей), а также мужа (жены); фамилии, имена, отчества, даты рождения, места рождения, работы и домашние адреса бывших мужей (жен); паспорт (серия, номер, кем и когда выдан); номер телефона; отношение к воинской обязанности, сведения по воинскому учету (для граждан, пребывающих в запасе, и

---

¹ См. URL: <https://advocate-service.ru/sud-praktika/ugolovnye-dela/prigovory-sudov-po-st.-273-uk-rf-sozdanie-ispolzovanie-i-rasprostranenie-vredonosnyh-kompjuternyh-programm/prigovor-suda-po-ch.-2-st.-273-uk-rf--1-3262017--sozdanie-ispolzovanie-i-rasprostranenie-vredonosnyh-kompjuternyh-programm.html>.

лиц, подлежащих призыву на военную службу); идентификационный номер налогоплательщика; номер страхового свидетельства обязательного пенсионного страхования; наличие (отсутствие) судимости; допуск к государственной тайне, оформленный за период работы, службы, учебы (форма, номер и дата); результаты обязательных предварительных (при поступлении на работу) и периодических медицинских осмотров (обследований), а также обязательного психиатрического освидетельствования; сведения о доходах, имуществе и обязательствах имущественного характера, а также о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера членов семьи [6];

– *авторские, смежные, изобретательские и патентные права, а также незаконное использование товарного знака.* К указанным объектам относятся, как обнародованные, так и необнародованные произведения науки, литературы и искусства, являющиеся результатом творческой деятельности и существующие в какой-либо объективной форме (письменной, устной, звуко- или видео-записи, изобразительной, объемно-пространственной) [7];

– *коммерческая тайна*, к которой относятся сведения любого характера (производственные, технические, экономические, организационные и другие), в том числе о результатах интеллектуальной деятельности в научно-технической сфере, а также сведения о способах осуществления профессиональной деятельности, которые имеют действительную или потенциальную коммерческую ценность в силу неизвестности их третьим лицам, к которым у третьих лиц нет свободного доступа на законном основании и в отношении которых обладателем таких сведений введен режим коммерческой тайны [5].

– *государственная тайна*, к которой относятся защищаемые государством сведения в области его военной, внешнеполитической, экономической, разведывательной, контрразведывательной и оперативно-розыскной деятельности, распространение которых может нанести ущерб безопасности Российской Федерации [4].

В заключении отметим, что криминалистическое значение предмета и объекта преступного посягательства предопределяется их корреляционной взаимосвязью, позволяющей установить движение криминалистически значимой компьютерной информации от машинного кода к конкретным сведениям в электронных и телекоммуникационных технических средствах и системах, защищенных правоотношениями в сфере авторских, смежных, изобретательских, патентных и иных прав, а также охраняемой законом тайны.

Очевидна взаимосвязь системы частных криминалистических методик с уголовно-правовой квалификацией преступлений, которой «определяется содержание предмета доказывания, т.е. в главных чертах круг тех обстоятельств, на установление которых направлено расследование и которые оказывают заметное влияние на содержание частных криминалистических методик [1, с. 142].

Список использованной литературы

1. Белкин Р.С. Курс криминалистики: Криминалистические средства, приемы и рекомендации : в 3 т. – Москва : Юристъ, 1997. – Т. 3. – 407 с.

2. Герасимов И.Ф. Криминалистические характеристики преступлений в методике расследования // Методика расследования преступлений. Общие положения : материалы науч.-практ. конф. – Москва, 1976. – С. 93–97.

3. Конституция Российской Федерации : принята всенар. голосованием 12.12.1993 г., с изм., одобр. в ходе общерос. голосования 01.07.2020 г. // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 18.02.2021).

4. О государственной тайне : Закон РФ от 21.07.1993 г. № 5485-1 : ред. от 29.07.2018 г. // Российская газета. – 1993. – № 182. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2481 (дата обращения: 18.02.2021).

5. О коммерческой тайне : Федер. закон от 29.07.2004 г. № 98-ФЗ : ред. от 18.04.2018 г. // Российская газета. – 2004. – № 166. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_48699 (дата обращения: 18.02.2021).

6. О персональных данных : Федер. закон от 27.07.2006 г. № 152-ФЗ : ред. от 24.04.2020 г. // Сборник законодательства РФ. – 2006. – № 31 (ч. 1). – Ст. 3451.

7. О практике рассмотрения судами уголовных дел о нарушении авторских, смежных, изобретательских и патентных прав, а также о незаконном использовании товарного знака : Постановление Пленума Верхов. Суда РФ от 26.04.2007 г. № 14 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2007. – № 7.

8. Состояние преступности в России за январь – декабрь 2019 год // Главный информационно-аналитический центр МВД России. – URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/19412450> (дата обращения: 15.02.2021).

9. Состояние преступности в России за январь – декабрь 2020 год // Главный информационно-аналитический центр МВД России. – URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/19412450> (дата обращения: 15.02.2021).

Информация об авторах

Смахтин Евгений Владимирович – доктор юридических наук, профессор кафедры криминалистики Уральского государственного юридического университета, Екатеринбург, Россия, e-mail: smaxt@yandex.ru.

Белусов Алексей Владимирович – кандидат юридических наук, кафедра уголовного права и процесса Института государства и права ТюмГУ, Тюмень, Россия, e-mail: a.v.belousov@utmn.ru.

Authors

Evgeny V. Smakhtin – Doctor of Law, Professor of Department of Criminalistics of Ural State Law University, Yekaterinburg, Russia, e-mail: smaxt@yandex.ru.

Alexey V. Belousov – Candidate of Legal Sciences, Department of criminal law and procedure of Institute of state and law of Tyumen state University, Tyumen, Russia, e-mail: a.v.belousov@utmn.ru.

**АКТУАЛЬНОСТЬ ДЛЯ СОВРЕМЕННОГО ЭТАПА РАЗВИТИЯ
УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА РЕШЕНИЙ
ПЛЕНУМА ВЕРХОВНОГО СУДА РСФСР ОТ 17.04.1984 г. № 2**

Актуальность исследования обусловлена необходимостью разрешения проблемных вопросов правового регулирования стадии подготовки к судебному заседанию. Статья направлена на выявление и раскрытие средств, методов и способов разрешения проблем и создания благоприятных условий для повышения эффективности контрольной деятельности суда на современном этапе.

В статье представлены основные концептуальные (базисные) положения уголовно-процессуального законодательства советского периода. Среди них положение-требование устанавливать истину об обстоятельствах совершенного преступления; принцип всесторонности, полноты и объективности следователя при установлении обстоятельств, подлежащих доказыванию; принцип функциональности суда при рассмотрении уголовного дела, поступившего в суд для рассмотрения в судебном заседании.

Ключевые слова: стадия, принцип, полнота, истина, всесторонность, существенные нарушения.

B.S. Vyskrebtev, A.B. Sergeev

**RELEVANCE FOR THE CURRENT STAGE OF DEVELOPMENT
OF CRIMINAL PROCEEDINGS OF THE DECISION OF THE PLENUM
OF THE SUPREME COURT OF THE RSFSR OF 17.04.1984 № 2**

The relevance of the study is due to the need to resolve problematic issues of legal regulation of the stage of preparation for the court session. The article is aimed at identifying or disclosing the means, methods and methods of solving problems and creating favorable conditions for improving the effectiveness of the court's control activities at the present stage.

The article presents the main conceptual (basic) provisions of the criminal procedure legislation of the Soviet period. Among them, the provision-the requirement to establish the truth about the circumstances of the crime committed; the principle of comprehensiveness, completeness and objectivity of the investigator in establishing the circumstances to be proved; the principle of the functionality of the court when considering a criminal case submitted to the court for consideration at a court session.

Keywords: stage, principle, completeness, truth, comprehensiveness, essential violations.

Верховный Суд РСФСР требовал от нижестоящих судов добиваться решения задач, которые предопределяли достижение целей уголовного судопроизводства. Одной из основных целей уголовно-процессуального законодатель-

ства РСФСР являлось достижение правового положения, в соответствии с которым каждое совершившее преступление лицо должно быть наказано (ст. 2 УПК РСФСР).

Сопутствующие названной цели законодателем были сформулированы взаимообусловленные задачи-требования материального и процессуального характера:

а) материального характера: обеспечить правильное применение закона; наказание должно быть справедливым;

б) процессуального характера: процесс раскрытия преступления и его расследование должен осуществляться быстро и полно; случаи привлечения к уголовной ответственности невиновного и его осуждение должны быть исключены из практики (ч. 1 ст. 2 УПК РСФСР).

Достижение целей материального характера (правильное применение закона; назначение справедливого наказания) предопределило требование к следователю, суду – обязательно устанавливать истину об обстоятельствах совершенного преступления (ч. 1 ст. 89, ч. 2 ст. 243, ч. 2 ст. 246, ч. 2 ст. 257, ч. 2 ст. 280, ч. 2 ст. 285 УПК РСФСР). Процессуальный путь движения к установлению истины в уголовном процессе определял принцип всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств совершения преступления (ст. 20 УПК РФ). Претворение принципа в практическую деятельность следователя, обеспечивала сбалансированная система норм и направленные на его реализацию многочисленные нормы-требования (например, ст. 26, 44, 71, п. 9 ст. 21, ст. 213, 127.1, ч. 2 ст. 243 УПК РСФСР и др.).

Исходя из названных базисных правовых положений (задач, принципов, норм) Верховный суд РСФСР обобщал и анализировал практику судов первой инстанции; выявлял степень соответствия процессуальной деятельности базисным основам уголовного судопроизводства; анализировал проблемы, с которыми сталкиваются суды при осуществлении контроля за поступившими в суд материалами расследованного уголовного дела; формулировал рекомендации-требования. Следование рекомендациям – требованиями Верховного Суда РСФСР для судов первой инстанции являлось обязательным. Качественное их выполнение Верховный суд связывал со строгим следованием принципу всестороннего, полного, объективного исследования обстоятельств дела (ст.20 УПК РСФСР). Реализация принципа на первой судебной стадии предполагала высокую требовательность судов к качеству дознания и предварительного следствия, своевременное выявление нарушений закона в досудебном производстве и принятие процессуальных мер, направленных на их устранение. Повышение качества досудебного производства Верховный суд определял в направлении установления всех обстоятельств совершения преступления, подлежащих доказыванию (ст. 68, 20 УПК РФ) при строгом соблюдении прав участников производства [4].

В посвященном проблемам процессуальной деятельности в первой судебной стадии Постановлении 1985 г. Верховный суд РСФСР перечислил наиболее угрожающие достижению целей судопроизводства нарушения, которые при изучении поступающих в суд уголовных дел должны выявляться суда-

ми. Верховный Суд требовал не только выявлять и устранять ошибки, допущенные субъектами расследования в досудебном производстве, но и уточнил пределы осуществления «входного» контроля на первой судебной стадии.

Исследование названного Постановления Пленума Верховного суда РСФСР позволяют систематизировать ошибки, допускаемые в досудебном производстве по уголовным делам на нарушения материально-правового, процессуального характера; нарушения прав участников судопроизводства.

Так нарушения материально-правового характера допускались в следующем:

а) когда не доказаны элементы состава преступления: мотив совершения преступления, способ его (преступления) совершения [1, с. 199];

б) предъявлено обвинение по ряду преступных эпизодов, совершенных лицом, при этом не все эпизоды подтверждаются имеющимися в деле доказательствами [2, с. 243];

в) подлежащие установлению характер причиненного преступлением ущерба не установлены и нет сведений о его размере;

г) сведения, содержащиеся в материалах уголовного дела, указывают не только на версию следствия об обстоятельствах совершенного преступления. Материалы дела позволяют выдвинуть и другие версии. Эти версии следственными органами не выдвигались и не проверялись.

Нарушения процессуального характера проявлялись в виде:

а) в период предварительного расследования не были предприняты меры процессуального характера, которые в судебном разбирательстве должны обеспечить решение задачи возмещения вреда, причиненного преступлением;

б) причины и условия, наличие которых способствовали совершению преступных действий следствием не выявлены, а, следовательно, остается криминогенная обстановка, благоприятная для продолжения преступных действий;

в) не выполняется требование обязательной проверки показаний, данных обвиняемым посредством собирания других доказательств и их сопоставления со сведениями, сообщенными обвиняемым.

3. Нарушения прав участников досудебного производства:

а) не качественно составляются постановления о привлечении в качестве обвиняемого;

б) в должной степени не выполняются требования ст. 144 УПК РСФСР, регламентирующие порядок предъявления обвиняемому обвинения.

Ошибки в суде первой стадии, влекущие нарушения правил «входного» контроля, Верховный суд РСФСР 1984 г. связывал с невыполнением судами в должной мере функциональных обязанностей. Суды не изучают материалы уголовных дел, поступающие в суд, не выявляют грубые нарушения законодательства, своевременное не устранение которых искажает саму суть правосудия. Без какого либо изучения дел суды принимали решения о дальнейшем его (уголовного дела) ходе. Следует назвать две таких ситуации.

Первая ситуация. Тщательно не изучив поступившее уголовное дело, дело с невысоким качеством судья назначал на рассмотрение в судебное заседание. В последствие такой подход вел к отмене приговора.

Вторая ситуация обратного характера. Не изучив поступившие материалы, судья направлял уголовное дело на дополнительное расследование, в том числе и с высоким качеством.

При наличии недостатков следствия, которые не относятся к существенным, и которые суды смогли бы устранить в судебном заседании, суды все таки, исходя из узко ведомственных интересов, принимали решение в ущерб правосудию и необоснованно возвращали дела на дополнительное расследование. Верховный суд указал, что такое положение: рождает волокиту (несвоевременное рассмотрение уголовного дела в судебном заседании и постановление приговора); влечет нарушение прав граждан; снижает качество судебного разбирательства; на порядок ниже уровень воспитательного воздействия судебных приговоров; в отдельных случаях нарушается законность и обоснованность приговоров.

Поэтому первым требованием снижения негативных названных обстоятельств Пленум Верховного Суда РФ указал ниже стоящим судам: тщательно изучать поступающие на рассмотрение дела на предмет оценки достаточности обвинения, то есть насколько всесторонне и полно уголовное дело расследовано (данное требование потом было отменено законодательно в УПК РФ); выявлять нарушения прав участников досудебного производства [4].

В анализируемом постановлении Верховный Суд РФ постарался максимально раскрыть правовые категории «полнота расследования»; «существенное нарушение уголовно-процессуального закона». Суд указал: их наличие (неполнота следствия и пр.) при рассмотрении уголовного дела в судебном заседании искажает суть правосудия. Поэтому уголовные дела с такими недостатками требовал возвращать прокурору (ст. 232 УПК РФ). Соблюдение названного порядка обеспечивает благоприятные условия для отправления правосудия, постановлению приговора законного, обоснованного, справедливого, – указал суд в исследуемом постановлении.

Перечень нарушений, который Верховный Суд определил как подпадающие под понятие «неполнота» досудебного производства [5, с. 78], которая не может быть восполнена судом для удобства анализа также целесообразно систематизировать (что и сделано в основном исследовании) по основаниям уголовно-правового, уголовно-процессуального характера.

Значимость данного постановления проявилась и в том, что в нем Верховный суд ориентирует суды первой инстанции различать неполноту досудебного производства на а) невозможную в судебном заседании; б) возможную в судебном разбирательстве.

Верховный суд РФ и в те года негативно оценивал попытки переложить на органы следствия проведение тех мероприятий, которые суд сам мог провести в ходе судебного заседания. «Прежде чем направить дело на дополнительное расследование, суды должны учитывать, что у них также имеются возможности для восполнения пробелов предварительного следствия в судебном заседании, хотя и меньшие, чем у органов предварительного следствия» [5].

Тезисное изложение материала позволяет высказать обобщенные суждения следующего содержания.

Суждение 1. Важный критерий качества досудебного производства по уголовному делу законодательно раскрывался через категорию «полноты» проведенного расследования (ст. 20 УПК РСФСР), предопределял требование установления всех обстоятельств, предусмотренных ст. 68 УПК РСФСР, и составляющих предмет расследования. Достоверность (истинность) каждого из установленных обстоятельств подтверждалось необходимой совокупностью доказательств, собранных субъектом расследования.

Пленум Верховного Суда РСФСР 1984 г. определил критерии не качественного досудебного производства через категории: «неполнота» расследования, как материальный критерий качества; «дополнительное расследование» как процессуальное средство исправления низкого качества досудебного производства («неполноты расследования»).

Суждение 2. При правильности выше названного вывода представляется правильным следующее суждение. Любое основание существенного нарушения, допущенного в досудебном производстве, повлекшее направление уголовного дела прокурору Пленум Верховного Суда РСФСР 1984 г. определял категорией «возвращение на дополнительное расследование», допустив терминологическую некорректность (неточность), впоследствии повлекшее далеко идущие правовые последствия (споры, дискуссии, постановления Конституционного Суда, законодательные изменения и пр.).

Суждение 3. Некорректность категории «возвращение на дополнительное расследование» прослеживается как в сущности содержания, так и в объеме содержания, так как категории можно придавать разное смысловое значение.

С позиции науки о происхождении слова в его первоначальном значении (этимология) термин «расследование» определяется, как «подвергнуть всестороннему рассмотрению, изучению» [6]. Такое толкование в объеме только «рассмотрение» и «изучение» следует признать не полным. Приведенное толкование не охватывает процесс «устранения» чего либо, в нашем случае – устранение недостатков досудебного производства.

Верховный Суд РСФСР 1984 года категориям «возвращение на дополнительное расследование» придавал два значения:

– «дополнительное расследование», как сбор новых доказательств для обеспечения выполнения ст. 20 УПК РСФСР (полноты и всесторонности расследования). Такой подход в последствие был признан противоречащим принципу состязательности, как усиливающий позицию обвинения;

– «дополнительное расследование», как восстановление нарушенных прав участника, несоблюдение (ущемление) которых (прав) было допущено в досудебном производстве.

Список использованной литературы

1. Сергеев К.А., Сергеев А.Б. Расследования преступлений в сфере экономической деятельности: вопросы правового регулирования // Актуальные проблемы права России и стран СНГ – 2018 : материалы 20-й Междунар. науч.-

практ. конф., посвящ. 25-летию Конституции Рос. Федерации и 75-летию Южно-Урал. гос. ун-та. – 2018. – С. 196–201.

2. Сергеев А.Б. Коррупциогенные факторы и их влияние на преступность в сфере трансплантологии // Досудебное производство по уголовным делам о профессиональных преступлениях, совершенных медицинскими работниками : материалы Междунар. науч.-практ. конф. / под общ. ред. А.М. Багмета. – 2018. – С. 242–244.

3. Никулочкин Е.О., Сергеев К.А., Сергеев А.Б Конфискация имущества: уголовно-правовые и уголовно-процессуальные аспекты // Социум и власть. – 2013. – № 3 (41). – С. 77–79.

4. О некоторых вопросах, связанных с применением судами уголовно-процессуальных норм, регулирующих возвращение дел для дополнительного расследования : Постановление Пленума Верхов. Суда РФ от 17.04.1984 г. № 2 (в ред. от 21.12.1993 г.) // Бюллетень Верховного Суда РСФСР. – 1984. – № 7.

5. Обзор кассационной практики Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации за 1997 год // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 1998. – № 11.

6. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. – 3-е изд., стер. – Москва: АЗЪ, 1996. – 928 с.

Информация об авторах

Выскребцев Богдан Сергеевич – аспирант кафедры уголовного процесса и экспертной деятельности Института права Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия, e-mail: bogdannovoorsk@mail.ru.

Сергеев Андрей Борисович – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса и экспертной деятельности Института права Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия, e-mail: sergeev_ab@bk.ru.

Authors

Bogdan S. Vyskrebtev – Post-graduate student of the Department of Criminal Procedure and Expert Activity of the Institute of Law of the Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, e-mail: bogdannovoorsk@mail.ru.

Andrey B. Sergeev – Doctor of Law, Professor of the Department of Criminal Procedure and Expert Activity of the Institute of Law of Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, e-mail: sergeev_ab@bk.ru.

СОЗДАНИЕ ПЕРЕВОДЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ КАК ГАРАНТИЯ СОБЛЮДЕНИЯ ПРИНЦИПА ЯЗЫКА УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Статья посвящена изучению опыта иностранных государств по обеспечению фактической реализации принципа языка судопроизводства через призму создания специализированных переводческих организаций и оценке возможности и целесообразности создания аналогичной организации на территории Российской Федерации. В статье приводится опыт таких государств, как США, Канада, Австралия, Франция, Германия, Испания. Раскрыто место создания переводческих организаций в системе гарантий реализации права на пользование родным языком в процессе на примере уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: язык уголовного судопроизводства, гарантии, принципы, переводчик.

I.G. Smirnova, A.A. Protasevich, E.I. Foygel

CREATION OF TRANSLATION ORGANIZATIONS AS A GUARANTEE OF COMPLIANCE WITH THE PRINCIPLE OF THE LANGUAGE OF CRIMINAL PROCEEDINGS: COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS

The article is devoted to the study of the experience of foreign states in ensuring the actual implementation of the principle of the language of legal proceedings through the prism of the creation of specialized translation organizations and assessing the possibility and feasibility of creating a similar organization on the territory of the Russian Federation. The article presents the experience of such countries as the United States, Canada, Australia, France, Germany, and Spain. The author reveals the place of creation of translation organizations in the system of guarantees of the right to use the native language in the process, using the example of criminal proceedings.

Keywords: language of criminal proceedings, guarantees, principles, translator.

В ст. 18 УПК РФ закреплён важный принцип языка уголовного судопроизводства, который унифицирует подход законодателя к вопросу о том, на каком языке возможно осуществление производства по уголовным делам на территории РФ, а также закрепляет право каждого пользоваться своим родным или любым иным языком, свободно выбранном для общения.

Вместе с тем правоприменительная практика по данному вопросу характеризуется рядом проблем, которые требуют своего решения. Среди них можно назвать опору современного российского института языка уголовного судопроизводства на политизированную советскую модель, некорректность, расплывчатость некоторых законодательных конструкций и др. [1, с. 45].

Одна из таких проблем – это поиск квалифицированного переводчика, владеющего языком, необходимым для перевода. Так, например, В.А. Родивилина справедливо отмечает, что на практике особые трудности возникают при поиске переводчиков цыганского языка, что связано с большим количеством диалектов, дефицитом лиц, владеющих языком, а также отсутствием грамотности (знаний письменности) цыган. Это можно решить привлечением в качестве переводчика в уголовном судопроизводстве билингва – носителя языка, достаточно владеющего как собственным, так и русским языком, что соответствует определению переводчика ч. 1 ст. 59 УПК РФ. Однако, в таких случаях очень сложно убедиться в компетентности переводчика, так как они очень редко являются дипломированными специалистами в области перевода [7, с. 99; 8].

Деятельность переводчиков в России имеет богатую историю, и берет свое начало еще со времен Киевской Руси. Необходимость в переводчиках или «толмачах» возникала всегда, в том числе и в уголовном судопроизводстве. На сегодняшний день в УПК РФ участием переводчика в уголовном процессе посвящена ст. 59 УПК РФ, в которой указаны два основных требования к юридическому переводчику: незаинтересованность в деле и компетентность. Именно вопрос компетентности положил начало к обсуждению возможности создания единого института юридических переводчиков, что положило бы раз и навсегда конец спорам по поводу уровня знаний переводчиков, берущих на себя ответственность осуществлять перевод во время следственных действий или в суде.

Переводчик, как и любой другой участник уголовного судопроизводства, обязан соблюдать требования ст. 161 УПК РФ «О недопустимости разглашения данных предварительного следствия». Переводческие организации, преследующие цель участия в уголовном процессе, должны в первую очередь, соблюдать это условие для обеспечения тайны расследования. Помимо тайны расследования, переводчик может владеть и более личной информацией, такой как персональные данные, служебная, коммерческая и профессиональная тайны. В связи с этим многие переводческие организации обязаны иметь допуск ФСБ, предусмотренный законом «О государственной тайне» [12].

Важно отметить, что, предупреждая переводчика о недопустимости разглашения тайны предварительного расследования, целесообразно иметь дело с переводчиком, чьи данные о месте жительства и личности известны правоохранительным органам. Сам процесс доказывания неправильности перевода довольно трудоемкая и тонкая работа. Только квалифицированного и зарекомендовавшего себя переводчика будет целесообразно привлекать в данную сферу.

Переводческие бюро зачастую имеют дело с переводчиками, проживающими в других городах. Это связано с широкой языковой географией нашей страны, что невозможно охватить на узкой территории. В связи с этим разъяснение обязанностей, указанных в ст. 59, 161 и 169 УПК РФ не представляется возможным. Спрос в таком случае происходит с переводческой организацией.

Вопрос о создании организаций судебных переводчиков нередко поднимался многими учеными в сфере юриспруденции, но так и остался открыт. Достаточно актуальным является вопрос, кто возьмет на себя финансирование столь узконаправленной организации. Каждое муниципальное образование

вряд ли сможет себе позволить содержать штат переводчиков, особенно, если речь идет о высококвалифицированных специалистах. Такого рода специалисты должны быть обеспечены не только достойной оплатой труда, но и количеством предоставляемой работы. Потребность переводчика с цыганского языка, например, может возникнуть один раз в месяц. Все остальное время деятельность переводчика остается под вопросом. Некоторые авторы предлагают ввести единые экзамены для проверки уровня знаний переводчиков, но подобный экзамен вряд ли может затронуть все диалекты и наречия, на которые подразделяются некоторые языки.

Размер оплаты труда переводчика регулируется Положением «О возмещении процессуальных издержек, связанных с производством по уголовному делу, издержек в связи с рассмотрением дела арбитражным судом, гражданского дела, административного дела, а также расходов в связи с выполнением требований Конституционного Суда Российской Федерации» [13] и составляет не более 700 р/ч за устный, синхронный и последовательный перевод с учетом фактических затрат времени; не более 1 500 р/ч за устный, синхронный и последовательный перевод редких западноевропейских и восточных языков; не более 200 р. за один лист (1 800 печатных знаков) письменного перевода текста; не более 400 р. за один лист (1 800 печатных знаков) письменного перевода текста, изложенного на редких западноевропейских и восточных языках; не более 1 000 р/ч за сурдоперевод с учетом фактических затрат времени.

Подобный уровень оплаты труда переводчика вполне допустим, и может выступать в роли вознаграждения по договору за оказанные переводчиком услуги. Соответствие всем этим условиям возможно лишь при официальной аккредитации таких организаций и поддержке государства. Международный опыт в сфере сертификации юридических переводчиков позволяет проанализировать необходимость создания подобной организации в России.

Исследуя деятельность переводческих организаций в зарубежных странах, стоит обратиться к Нюрнбергскому процессу, где роль переводчиков наиболее выражена. Данный процесс является наиболее ярким примером профессионализма переводчиков-синхронистов. В нем принимали участие представители таких стран как Россия, Германия, Франция и США. Все страны должны были тесно сотрудничать для принятия общего решения. Именно переводчики сыграли ключевую роль в принятии единого мнения по поводу столь тяжелого решения [11, с. 75].

Отбор переводчиков для участия в Нюрнбергском процессе во всех странах проходил по разным критериям. Интересно обратить внимание на то, что в США на тот момент уже существовало подразделение Госдепа, которое напрямую занималось вопросами перевода – Главный департамент по переводам. Данный департамент занялся отбором кандидатов, поэтому к началу процесса штат переводчиков был полностью укомплектован.

Советская сторона предполагала, что США, как принимающая сторона, предоставит переводчиков и на русский язык. Однако этого не произошло, что оставило советскую делегацию в крайне узкие рамки и по времени, и по под-

бору специалистов. Сотрудники НКВД сумели подобрать необходимых кандидатов всего за 12 часов [9, с. 110].

Секцию русских переводчиков возглавлял Е. Гофман. В ее состав входило 40 человек, в сравнении с американской стороной, в которую входило 600 переводчиков. Сложность процесса продемонстрировала не только уровень переводчиков, представлявших нашу страну, но и позволила определить требования, которые могут лечь в основу характеристик, присущих квалифицированным сертифицированным переводчикам юридических переводческих организаций.

К необходимым требованиям к переводчикам, принимающим участие в уголовном процессе, стоит отнести следующие:

- знание языка перевода;
- владение юридическим языком;
- владение навыками синхронного перевода;
- стрессоустойчивость.

Все эти характеристики возможно рассматривать лишь в случае существования определенной организации, которая будет подбирать необходимые кадры среди лиц, способных быть не просто переводчиками, а именно профессионалами в области юридического перевода.

Ряд стран, столкнувшись с недостатком профессионалов в кругах переводчиков, предпочли ввести институт судебных переводчиков, что значительно облегчило работу следственных и судебных органов. США, Австралия, Канада, Австрия и Франция успешно работают с квалифицированными организациями, предоставляющими услуги именно в области юридического перевода.

В США существуют четко регламентированное правило по подбору переводчиков для работы в юридической системе. Директор Административной канцелярии (Director of the Administrative Office of the United States Courts) удостоверяет квалификацию переводчиков на основе экзамена. Лист подходящих кандидатур присутствует в каждом суде, благодаря чему судья может незамедлительно обратиться к услугам переводчика в конкретном деле [5, с. 61].

Присутствует три категории переводчиков, которые допускаются к работе в судах США: сертифицированные, профессионально квалифицированные, а так же владеющие языком, что продемонстрировано суду на практике. К сертифицированным переводчикам относятся переводчики испанского языка, языка навахо (местных индейцев) и креольского гаитянского языков, прошедшие сертифицированный экзамен. Профессиональные квалифицированные переводчики – переводчики иных языков, сдавшие экзамен и имеющие опыт работы на конференциях. Суды вправе обратиться к переводческим агентствам, если речь идет о работе с редкими языками. Переводчик дает обязательство под присягой о правильности перевода. Кроме того, он принимает на себя обязательство о сохранении тайны следствия, и должен соответствовать квалификационным требованиям [2].

В Канаде отбор переводчиков относится к компетенции Министерства Юстиции. Важным требованием является членство в Гильдии переводчиков. Для вступления в Гильдию необходимо предоставить документы об образовании, опыте работы и платить ежегодные пошлины. Канада является двуязычной

страной, поэтому важным требованием является знание двух «канадских» языков: английский и французский [6].

Сам экзамен в Министерстве Юстиции Канады включает в себя перевод с листа, последовательный перевод и синхронный перевод. Проходной балл очень высокий, что позволяет отбирать для работы только лучших представителей профессии переводчика.

В Австралии находятся две крупные организации, которые предоставляют переводчиков для работы в области юриспруденции: Национальный государственный офис по аккредитации письменных и устных переводов и Австралийский институт письменных и устных переводчиков. Решение о привлечении переводчика к работе в уголовном процессе принимает Федеральный Магистратный суд Австралии. Инструкция суда в области юридического перевода допускает к работе лишь аккредитованных специалистом, за редким исключением приглашаются переводчики без аккредитации [4].

Во Франции существуют присяжные переводчики, которые аккредитованы при апелляционных судах. Интересен тот факт, что переводчиков относят к числу судебных экспертов. Они числятся в Национальном реестре судебных экспертов. Переводы, выполненные присяжными переводчиками, принимаются в банках, страховых компаниях, судах, налоговых органах и других официальных инстанциях. Любой иностранный документ, предоставляемый в официальную инстанцию, должен сопровождаться присяжным переводом. Во Франции не принимаются документы, заверенные российскими нотариусами. Все документы заверены и легализованы во Франции, хотя присяжный перевод не требует дополнительного заверения у нотариуса, лишь в случаях подобного требования другой страной. Заверением переводов занимаются консульские службы и нотариусы [10].

В Германии требования к переводчикам для работы в уголовном судопроизводстве всегда начинаются со сдачи экзамена в Торгово-промышленной палате, что позволяет получить сертификат для осуществления перевода в профессиональной сфере, и обладать статусом официально признанного переводчика. Благодаря сдаче такого экзамена, данные о переводчике заносятся в единую базу, которая доступна для полиции Германии. Интересно обратить внимание на тот факт, что переводчиков в Германии разделяют на переводчиков и переводчиц, на доверенных и присяжных. Присяжные переводчики имеют право заверять все судебные документы личной печатью. «Переводчик – синхронист» в Германии является высшей ступенью в работе переводчика. Их заработная плата достигает нескольких тысяч долларов в сутки [3, с. 54].

В Испании создано три крупных агентства, занимающиеся переводами. Именно эти агентства связаны контрактами с правоохранительной системой страны, и имеют регламентированное право на осуществление юридического перевода. Самым крупным агентством является «Seprotec Multilibgual Solutions Sl.», которое насчитывает 145 штатных и 1 200 внештатных сотрудников. Штат не включает в себя судебных переводчиков, так как все переводчики данного агентства проходят краткий юридический курс. По контракту, который заклю-

чен на два года, Seprotec предоставляет переводчиков для работы в Департаменте Юстиции, МВД Каталонии и муниципалитете Мадрида.

Стоит отметить тот факт, что большинство стран имеют большое преимущество в создании института сертифицированных переводчиков, по причине того, что многоязычие таких стран ограничивается двумя, тремя языками. В РФ проблема создания данного института связана с языковым многообразием и обширностью территории, не позволяющей создать одну организацию, способную покрыть нужды следственных и судебных органов.

Единая база переводчиков позволит осуществить сотрудничество между странами на более высоком уровне, получит статус международной, что позволит избежать недопонимание в решении отдельных вопросов. Появится возможность предоставлять квалифицированных специалистов для международного сотрудничества, которые будут иметь все права присущие переводчику в принимающей стране. Квалификация переводчиков не будет ставиться под сомнение, что значительно поднимет уровень сотрудничества России с другими государствами в области уголовного судопроизводства.

Список использованной литературы

1. Верещагина А.В. Язык уголовного судопроизводства: некоторые результаты обобщения судебной практики // Государство и право. – 2018. – № 8. – С. 45–56.

2. Винников А.В. Лингвистика, закон и «понятия». О лингвистических проблемах юстиции и общества / Открытый мир. – URL: <http://www.otkrmir.ru/uslugi-perevoda/sudebnyu-perevod/statii-po-sudebnomu-perevodu/lingvistika-zakon-i-ponyatiya> (дата обращения: 18.03.2021).

3. Гуськова А.В. Функция переводчика в уголовном процессе России и Германии: слово и дело // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2016. – № 4 (34). – С. 51–56.

4. Дриц К.В. Институт сертификации судебных переводчиков: зарубежный опыт и возможность его применения в России // Юридический вестник молодых ученых. – 2016. – № 3. – С. 60.

5. Муратова И.А. Федеральный сертификационный экзамен на звание судебного переводчика в США // Мир перевода. – 2005. – № 2 (14). – С. 61.

6. Неупокоев Д. Переводчиком в Канаде можно не только работать, но и подрабатывать. – URL: <http://www.intoronto.ru/rabota-perevodchikom-v-kanade.html> (дата обращения: 13.03.2021).

7. Родивилина В.А. Цыганский язык в уголовном судопроизводстве // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях : материалы 19-й Междунар. науч.-практ. конф. – Иркутск : ФГКОУ ВПО ВСИ МВД России, 2014. – С. 99–101.

8. Грибунов О.П., Родивилина В.А. Некоторые тактические особенности привлечения переводчика к участию в предварительном расследовании // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. – 2014. – № 3-2. – С. 125–128.

9. Ступникова Т.С. Ничего кроме правды. Нюрнбергский процесс. Воспоминания переводчика. – Москва : Возвращение, 2003. – 191 с.

10. Услуги присяжного переводчика Франция / Cofrance Sarl. – ULR: <https://www.cofr.ru> (дата обращения: 13.03.2021).

11. Хечошвили Н.Р. Роль синхронистов переводчиков в дискурсе Нюрнбергского процесса // Дискурс-Пи. – 2016. – № 4. – С. 75–79.

12. О государственной тайне : Закон РФ от 21.07.1993 г. № 5485-1 (ред. от 30.12.2020 г.) // Российская газета. – 1993. – № 182.

13. О возмещении процессуальных издержек, связанных с производством по уголовному делу, издержек в связи с рассмотрением дела арбитражным судом, гражданского дела, административного дела, а также расходов в связи с выполнением требований Конституционного Суда Российской Федерации и о признании утратившими силу некоторых актов Совета Министров РСФСР и Правительства Российской Федерации : Постановление Правительства РФ от 01.12.2012 г. № 1240 (ред. от 28.07.2020 г., с изм. от 29.09.2020 г.) // Собрание законодательства РФ. – 2012. – № 50 (ч. 6). – Ст. 7058.

Информация об авторах

Смирнова Ирина Георгиевна – доктор юридических наук, профессор, заместитель директора по научной работе Института государства и права, заведующий кафедрой уголовного права, криминологии и уголовного процесса Института государства и права Байкальского государственного университета, профессор кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Национального исследовательского Томского государственного университета, Иркутск, Россия, e-mail: Smirnova-ig@mail.ru.

Протасевич Александр Алексеевич – доктор юридических наук, профессор, директор Института государства и права, заведующий кафедрой криминологии, судебных экспертиз и юридической психологии Института государства и права Байкальского государственного университета, Иркутск, Россия, e-mail: ProtasevichAA@bgu.ru.

Фойгель Елена Игоревна – кандидат юридических наук, доцент, заместитель директора по учебной работе Института государства и права Байкальского государственного университета, Иркутск, Россия, e-mail: Foiguelena@gmail.com.

Authors

Aleksander A. Protasyevich – Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Director, Institute of State and Law, Head, Chair of Criminology, Judicial Examinations and Legal Psychology, Baikal State University, Irkutsk, Russia, e-mail: ProtasevichAA@bgu.ru.

Irina G. Smirnova – Doctor of Law, Professor, Deputy Director for Research, Institute of State and Law, Head, Chair of Criminal Law, Criminology and Criminal Procedure, Institute of State and Law, Baikal State University, Professor of the Department of Criminal Procedure, Prosecutor's Supervision and Law Enforcement of

the National Research Tomsk State University, Irkutsk, Russia, e-mail: Smirnova-ig@mail.ru.

Elena I. Foygel – Doctor of Law, Associate Professor, Deputy Director for Academic Studies, Institute of State and Law, Baikal State University, Irkutsk, Russia, e-mail: Foiguelena@gmail.com.

ОСОБЕННОСТИ ИЗБРАНИЯ МЕР ПРЕСЕЧЕНИЯ В ОТНОШЕНИИ ПОДОЗРЕВАЕМОГО В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Статья посвящена анализу одной из сложных и остро дискуссионных проблем науки уголовно-процессуального права – проблеме применения мер пресечения в отношении такого участника уголовного судопроизводства, как подозреваемый. Предлагается включить в качестве самостоятельного основания для применения более строгой меры пресечения в отношении подозреваемого – нарушение им условий ранее избранной меры пресечения. Подвергается критике практика повторного избрания подписки о невыезде в отношении подозреваемого.

Ключевые слова: подозреваемый, меры пресечения, исключительный случай, согласие подозреваемого.

I.V. Smolkova

FEATURES OF THE ELECTION OF PREVENTIVE MEASURES IN RELATION TO THE SUSPECT IN THE RUSSIAN CRIMINAL PROCEEDINGS

The article is devoted to the analysis of one of the most complex and highly debatable problems of the science of criminal procedure law – the problem of applying preventive measures against such a participant in criminal proceedings as a suspect. It is proposed to include as an independent basis for applying a more severe measure of restraint against a suspect – violation of the conditions of the previously chosen measure of restraint. The practice of re-electing a non-departure order against a suspect is criticized.

Keywords: suspect, preventive measures, exceptional case, consent of the suspect.

Согласно ч. 1 ст. 100 УПК РФ мера пресечения в отношении подозреваемого избирается в *исключительных случаях* при наличии оснований, предусмотренных ст. 97 УПК РФ, и с учетом обстоятельств, указанных в ст. 99 УПК РФ. В законе не раскрывается понятие «исключительный случай» применения меры пресечения в отношении подозреваемого. С позиции русского языка, «исключительный случай» означает: «небывалый, необыкновенный», «выделяющийся среди других по своим качествам», «не распространяющийся одинаково на всех» [8, с. 251]. Из этого можно сделать вывод, что исключительный случай – это случай достаточно редкий, имеющий место при особых, необычных обстоятельствах, при которых неприменение меры пресечения реально повлечет невозможные утраты для уголовного дела (исчезновение следов преступления, сокрытие подозреваемого и др.).

С точки зрения отдельных авторов, применение меры пресечения для подозреваемого не должно являться чем-то из ряда вон выходящим, а, напротив, должно быть ординарным основанием для приобретения им этого статуса, что избрание меры пресечения в отношении подозреваемого исключительно равно настолько, насколько исключительно само его участие в уголовном судопроизводстве. В частности, С.Б. Россинский вполне справедливо полагает, что необходимо внести изменение в ч. 1 ст. 100 УПК РФ, в соответствии с которым возможность избрания меры пресечения в отношении подозреваемого должна быть не исключением, а правилом, аргументируя свое предложение тем, что при таком варианте временной интервал между актом процессуального задержания подозреваемого и ходатайством в суд об избрании в отношении него меры пресечения сокращается до минимума [9, с. 34, 36].

С предложением же Х.Г. Дациевой о замене в ч. 1 ст. 100 УПК РФ понятия «исключительный случай» на понятие «случай, не терпящий отлагательства», согласиться сложно [4, с. 11]. Думается, что предлагаемое изменение может привести к произвольному его толкованию, расширению пределов усмотрения следователя, дознавателя, а, в конечном итоге, к необоснованному применению меры пресечения в отношении подозреваемого. Печальный опыт произвольного толкования «случая, не терпящего отлагательства», определявшего возможность производства осмотра места происшествия до возбуждения уголовного дела, известен еще в период действия УПК РСФСР.

В соответствии со ст. 99 УПК РФ при решении вопроса о необходимости избрания меры пресечения в отношении подозреваемого и определении ее вида должны учитываться: тяжесть преступления, сведения о личности подозреваемого, его возраст, состояние здоровья, семейное положение, род занятий и другие обстоятельства. В качестве «других обстоятельств» учитываются как смягчающие (наличие на иждивении несовершеннолетних детей или престарелых родителей, болезнь и т.д.), так и отягчающие (наличие прежних судимостей, совершение преступления в составе организованной преступной группы или преступного сообщества и т.д.) обстоятельства.

Конституционный Суд РФ в Постановлении № 12-П от 22.03.2018 г. в качестве одного из условий выбора меры пресечения, обеспечивающей соразмерность содеянного и ограничения прав и свобод подозреваемого, определяемых конкретной мерой пресечения, называет еще и тяжесть подозрения [11].

К подозреваемому может быть применена любая из мер пресечения, указанная в ст. 98 УПК РФ. По заложенному в ней потенциалу она должна быть достаточна для пресечения возможности подозреваемому препятствовать производству по уголовному делу, более строгая мера пресечения избирается тогда, когда доказано, что нельзя ограничиться более мягкой.

На практике довольно часто, стремясь придать лицу статус подозреваемого, следователь, уверенный в совершении преступления конкретным лицом, но еще не собравший достаточных доказательств для предъявления ему обвинения, избирает в качестве меры пресечения подписку о невыезде и надлежащем поведении (далее – подписка о невыезде) (ст. 102 УПК РФ). Среди правоприменителей распространено суждение, что подписка о невыезде является «мало

к чему обязывающей» мерой пресечения, не требующей ни согласия прокурора, ни судебного решения. Согласиться с этим нельзя, ибо подписка о невыезде ограничивает свободу передвижения гражданина, выбор им места жительства, кроме того, над подозреваемым, давшим подписку о невыезде, висит «дамоклов меч» применения более строгой меры пресечения в случае, если он ее нарушит.

Нередки на практике и ситуации, когда следователь, избрав в отношении подозреваемого подписку о невыезде, по истечении 10-суточного срока действия, избирает ее повторно. В литературе по данному поводу высказано достаточно спорное мнение, в соответствии с которым при возникновении проблемы дальнейшего процессуального оформления участия подозреваемого в уголовном деле и соблюдения его процессуальных прав по истечении 10 суток с момента избрания меры пресечения, возможно повторное избрание меры пресечения в порядке ст. 100 УПК РФ [7, с. 117–118]. Представляется, данное мнение, как и практика, которую оно пытается оправдать, не соответствуют положениям ст. 100 УПК РФ.

В этой связи возникает вопрос: для чего повторно избирается мера пресечения? Это делается для того, чтобы, «подстраховавшись», продолжать на внешне законных основаниях расследование, пока на основе полученных доказательств не будет установлена причастность или непричастность подозреваемого к совершенному преступлению. Представляется, что такая практика противоречит закону, поскольку он ограничивает действие любой меры пресечения, в том числе и не связанной с лишением свободы, сроком в 10 суток, иначе срок, установленный для предъявления обвинения, без достаточных оснований будет продлеваться до 20 суток и более.

Н.В. Азаренок, допуская повторное избрание меры пресечения по истечении 10 суток срока в отношении подозреваемого, оговаривает, что оно возможно при условии появления новых изобличающих лицо доказательств [1, с. 17]. Думается, что и в этом случае повторное избрание меры пресечения в отношении подозреваемого недопустимо, при появлении новых, а тем более, изобличающих подозреваемого доказательств, необходимо предъявлять ему обвинение.

Избранная мера пресечения может быть изменена на более строгую в случаях, когда подозреваемый нарушает условия ее исполнения, однако такое изменение в законе предусмотрено только в отношении неисполнения условий таких мер пресечения, как запрет определенных действий (ч. 13 ст. 105 УПК РФ), залог (ч. 7 ст. 106 УПК РФ) и домашний арест (ч. 14 ст. 107 УПК РФ). Думается, однако, что возможность изменить меру пресечения на более строгую может быть реализована и при нарушении условий исполнения и других мер пресечения: подписки о невыезде (ст. 102 УПК РФ), личного поручительства (ст. 103 УПК РФ), наблюдения командования воинской части (ст. 104 УПК РФ), присмотра за несовершеннолетним подозреваемым (ст. 105 УПК РФ). В этой связи следует установить в ст. 97 УПК РФ в качестве самостоятельного основания для избрания более строгой меры пресечения нарушение подозреваемым избранной в отношении него меры пресечения.

А вот предложение Н.И. Газетдинова предусмотреть в законе возможность изменения любой меры пресечения в случае ее нарушения на заключение под стражу в отношении подозреваемых, совершивших преступления небольшой тяжести, а также установить уголовную ответственность за нарушение условий исполнения мер пресечения аналогично уголовной ответственности за побег из мест лишения свободы [3, с. 45] поддержать нельзя, поскольку, во-первых, установление заключения под стражу в отношении подозреваемого, совершившего преступление небольшой тяжести, даже нарушившего условия исполнения какой-либо меры пресечения, не соответствует общественной опасности содеянного, а, во-вторых, криминализация таких действий носит достаточно искусственный характер.

По УПК РФ личное поручительство (ч. 2 ст. 103 УПК РФ) и наблюдение командования воинской части (ч. 2 ст. 104 УПК РФ) избираются только с согласия подозреваемого. Следовательно, появление подозреваемого в случае применения этих мер пресечения связано с его непосредственным волеизъявлением.

В уголовно-процессуальной литературе вопрос о необходимости получения согласия подозреваемого на применение названных мер пресечения носит спорный характер. Одни авторы отвечают на данный вопрос положительно, другие, наоборот, – отрицательно. Сторонница первой точки зрения О.И. Цоколова отмечает, что избрание любой меры пресечения, кроме заключения под стражу, не является односторонним принудительным актом, а требует добровольное согласие самого подозреваемого выполнять соответствующие требования [10, с. 13].

Р.Д. Лисицин, наоборот, считает, что согласие подозреваемого не может и не должно являться элементом законодательной конструкции избрания меры пресечения, не связанной с заключением под стражу, поскольку иное противоречило бы правовой сущности мер пресечения, являющихся мерами уголовно-процессуального принуждения. С его точки зрения, согласие подозреваемого как обязательное условие применения таких мер пресечения, как личное поручительство и наблюдение командования воинской части, обращено не к самой мере пресечения, а является утвердительным ответом на передачу части контрольных полномочий от следователя (дознателя) к поручителям либо командованию воинской части [6, с. 21]. Поддерживая это мнение, Б.Т. Безлепкин полагает, что правила ч. 2 ст. 104 УПК РФ достаточно «сомнительны», поскольку гарантиями этой меры пресечения «служат власть и авторитет военачальника, а не согласие солдата, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления, которое противоречит самому смыслу уголовно-процессуального принуждения, придавая воинским и процессуальным отношениям совершенно несвойственный им характер сделки, соглашения» [2, с. 123].

К.Б. Калиновский считает, что и такая мера пресечения, как подписка о невыезде, может применяться только с согласия подозреваемого, поскольку имеет психологически-принудительный характер, является личным обещанием, а во всех случаях при отсутствии согласия подозреваемого на применение мер пресечения, не связанных с лишением свободы, следует избирать письменное обязательство о явке [5, с. 15].

Необходимо заметить, что некоторые международные документы исходят из необходимости учета согласия подозреваемого/обвиняемого на применение к ним мер пресечения, требующих от них выполнения определенных, накладываемых на них обязательств. Так, согласно п. 3.4 Стандартных минимальных правил ООН в отношении мер, не связанных с тюремным заключением (Токийских правил), принятых Резолюцией 45/110 Генеральной Ассамблеей ООН от 14 декабря 1990 г. «не связанные с тюремным заключением меры, которые накладывают какое-либо обязательство на правонарушителя, и которые применяются до формального разбирательства или суда, или вместо них, требуют согласия правонарушителя» [12].

Эта позиция подтверждена и Конституционным Судом РФ в Определении от 22.01.2014 г. № 27-О, в котором отмечается, что по смыслу ст. 102, 97, 99 УПК РФ отказ подозреваемого дать подписку о невыезде и надлежащем поведении, – как свидетельствующий о том, что в рамках применения данной меры пресечения не могут быть достигнуты ее цели, – может повлечь избрание другой, в том числе и более строгой, меры пресечения, но само же вынесение постановления об избрании подписки о невыезде и надлежащем поведении – без отображения у лица письменного обязательства – не позволяет считать эту меру примененной и влекущей правовые последствия для подозреваемого [13].

Резюмируя изложенное, необходимо отметить, что законодательное регулирование порядка применения мер пресечения в отношении подозреваемого недостаточно четко и последовательно, требует уточнений и в первую очередь отказа от требования исключительности его характера.

Список использованной литературы

1. Азаренок Н.В. Уголовно-процессуальный порядок появления уголовно-преследуемого лица не соответствует логике уголовного преследования / Н.В. Азаренок // Российский следователь. – 2011. – № 23. – С. 14–17.
2. Безлепкин Б.Т. Краткое пособие для следователя и дознавателя / Б.Т. Безлепкин. – Москва : Проспект, 2011. – 153 с.
3. Газетдинов Н.И. О необходимости и обоснованности заключения под стражу / Н.И. Газетдинов // Российский судья. – 2009. – № 4. – С. 44–46.
4. Дациева Х.Г. Избрание меры пресечения в отношении подозреваемого: проблемы теории и практики / Х.Г. Дациева // Российский судья. – 2010. – № 9. – С. 11–14.
5. Калиновский К.Б. Система мер пресечения в российском уголовном процессе: современные проблемы и исторический опыт / К.Б. Калиновский // Следователь. – 2015. – № 2. – С. 15–17.
6. Лисицин Р.Д. Требуют ли нормы международного права согласия подозреваемого или обвиняемого на применение меры пресечения, не связанной с лишением свободы? / Р.Д. Лисицин // Адвокат. – 2013. – № 1. – С. 20–23.
7. Михайловская О.В. Подозреваемый или свидетель: о статусе лица по уголовному делу, возбужденному по факту совершения преступления /

О.В. Михайловская, И.А. Узгорская // Общество и право. – 2016. – № 4 (58). – С. 116–118.

8. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – 4 изд. – Санкт-Петербург : «ООО ИТИ «Технологии», 2003. – 944 с.

9. Россинский С.Б. Правовые условия применения мер уголовно-процессуального пресечения приводят к поспешности и необоснованности обвинения / С.Б. Россинский // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2018. – № 5. – С. 30–36.

10. Цоколова О.И. Проблемы совершенствования оснований применения мер пресечения в виде заключения под стражу / О.И. Цоколова // Российский следователь. – 2005. – № 5. – С. 8–13.

11. По делу о проверке конституционности части первой и третьей статьи 107 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой С.А. Костромина : постановление Конституц. Суда Рос. Федерации № 12–П от 22.03.2018 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2018. – № 14. – Ст. 2027.

12. Стандартные минимальные правила ООН в отношении мер, не связанных с тюремным заключением (Токийские правила), принятые Резолюцией 45/110 Генеральной Ассамблеей ООН от 14.12.1990 г. // Международные акты о правах человека : сб. док. / сост. В.А. Карташкин, Е.А. Лукашева. – Москва, 2002. – 214 с.

13. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Лебедева Александра Евгеньевича на нарушение его конституционных прав статьей 102 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституц. Суда Рос. Федерации от 22.01.2014 г. № 27-О // СПС «Консультант-Плюс».

Информация об авторе

Смолькова Ираида Вячеславовна – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора Байкальского государственного университета, Заслуженный юрист Российской Федерации, Иркутск, Россия, e-mail: smolkovaiv@mail.ru.

Author

Iraida V. Smolkova – Doctor of Law, Professor of the Department of Criminal Procedure and Prosecutor's Supervision of Baikal State University, Honored Lawyer of the Russian Federation, Irkutsk, Russia, e-mail: smolkovaiv@mail.ru.

**К ВОПРОСУ ОБ УЧАСТИИ ПЕДАГОГА (ПСИХОЛОГА)
В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ
ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ
С УЧАСТИЕМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ**

Авторами предпринята попытка обосновать значимость участия педагога и психолога при производстве следственных действий с участием несовершеннолетних. На основе анализа практики и уголовно-процессуального законодательства авторами отстаивается позиция, что педагог и психолог не являются тождественными понятиями, несмотря на то что они обладают специальными знаниями, цель их участия в уголовном судопроизводстве различная. Исходя из компетенций этих специалистов, авторы делают вывод, что к производству следственных действий с участием несовершеннолетних необходимо привлекать психолога, имеющего опыт работы с соответствующей возрастной группой. При изучении личности несовершеннолетнего, например при сборе независимых характеристик и составлении портрета несовершеннолетнего, педагог, работающий в учебном заведении, в котором обучается несовершеннолетний, может выступить в качестве свидетеля.

Ключевые слова: несовершеннолетний, педагог, психолог, производство по уголовным делам.

D.A. Stepanenko, M.L. Demina

**TO THE QUESTION OF THE PARTICIPATION OF A TEACHER
AND PSYCHOLOGIST IN CRIMINAL PROCEEDINGS
IN THE PRODUCTION OF INVESTIGATIVE ACTIONS
WITH THE PARTICIPATION OF MINORS**

The authors made an attempt to substantiate the importance of the participation of a teacher and a psychologist in the production of investigative actions with the participation of minors. Based on the analysis of practice and criminal procedure legislation, the authors defend the position that a teacher and a psychologist are not identical concepts, despite the fact that they have special knowledge, the purpose of their participation in criminal proceedings is different.

Keywords: minor, teacher, psychologist, criminal proceedings.

Упоминание об участии педагога (психолога) в уголовном судопроизводстве с участием несовершеннолетних можно встретить уже в Уставе уголовного судопроизводства 1864 г. [1, с. 22].

Современный законодатель, понимая важное значение использования специальных психолого-педагогических знаний, в то же время не различает понятий «педагог», «психолог», ставя между ними практически знак равенства, не

расшифровывая роль участия педагога (психолога), а ограничиваясь смысловым пониманием их ролевой значимости. Хотя в ст. 191, 425 УПК РФ между этими понятиями стоит союз «или», что может быть истолковано как взаимоисключение. И вопрос об их привлечении к участию в следственных действиях, производимых с участием несовершеннолетних, решается следователем по своему усмотрению. В ст. 280 УПК РФ говорится только об участии педагога.

Ряд ученых считают, что не совсем верно употреблять эти понятия как равнозначные [10, с. 16; 15, с. 172] и отождествлять педагога и психолога.

Педагог (от др.-греч. παιδαγωγός – ведущий ребенка) – это специалист по педагогике, занимающийся преподавательской и воспитательной работой [12, с. 944]. На практике, в качестве педагогов привлекаются учителя общеобразовательных школ, имеющие диплом о педагогическом образовании.

Психолог же (от др.-греч. ψυχή – душа; λόγος – знание) – это специалист, который занимается изучением проявлений, способов и форм организации психических явлений личности в различных областях человеческой деятельности для решения научно-исследовательских и прикладных задач, а также с целью оказания психологической помощи, поддержки и сопровождения¹ [3, с. 464]. О воспитательной работе, как мы видим, речи не идет. Но насколько воспитательная функция процессуальной фигуры специалиста важна в процессе общения с несовершеннолетним при производстве следственного действия? Имеет ли она основное значение?

В ч. 3 ст. 425 УПК РФ сформулировано требование обязательного участия педагога или психолога при допросе несовершеннолетнего, страдающего психическим расстройством. Можно сделать вывод, что педагог должен иметь реальную возможность оградить психику несовершеннолетнего от сильного воздействия стрессогенных факторов в определенных случаях. Процессуальные права педагога, указанные в ч. 5 ст. 425 УПК РФ – задавать вопросы несовершеннолетнему подозреваемому, обвиняемому, а по окончании допроса знакомиться с протоколом допроса и делать письменные замечания о правильности и полноте сделанных в нем записей, не дают возможности педагогу оградить психику несовершеннолетнего, даже если он видит, что это нужно сделать [6]. В связи с этим, на наш взгляд, возникает вопрос о наличии специальных психологических знаний у педагога (достаточно ли изучения ими в педагогическом Вузе курса общей и возрастной психологии) и опыта такой деятельности? Например, судебно-психологическую экспертизу, не может проводить педагог, так как не обладает соответствующими специальными знаниями и не владеет методиками, необходимыми для проведения исследований.

По справедливому замечанию Е.В. Горбачевой и И.А. Фоминой, если для педагога несовершеннолетний – это объект воспитательного воздействия, то для психолога – это личность, «партнер» по решению психологических задач. Именно психолог умеет различать эмоциональные состояния, в которых пребывает несовершеннолетний, а также помогать преодолеть трудности общения

---

¹ Государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования. Специальность 020400 «Психология». Квалификация – Психолог. Преподаватель психологии.

следователя и несовершеннолетнего при допросе, устранить заблуждения и недопонимания, определить наличие склонности к фантазированию и оценить ее степень [4, с. 94–99].

Так, Е.В. Елагина, Г.С. Григорян отмечают, что помимо соответствующего образования педагог-психолог обязательно должен иметь опыт работы в данной сфере и именно с той возрастной категорией, что и допрашиваемый [6].

В.Н. Махов говорит о необходимости участия педагога-психолога во всех следственных действиях, где несовершеннолетний дает показания [11].

По мнению некоторых ученых слово «педагог» в том значении, в котором оно используется в настоящий момент, следует исключить из УПК РФ [16, с. 204–205], как не отвечающее целевым и содержательным требованиям его участия.

По нашему мнению, в ряде случаев, педагога целесообразно привлекать в качестве свидетеля: т.е. человека, который лично знаком с несовершеннолетним (например, потому что обучает его) и в этой связи может дать оценку его личностным качествам, рассказать о взаимоотношениях со сверстниками и другими педагогами, осветить вопросы успеваемости и т.п.

Участие психолога при таком следственном действии как допрос несовершеннолетнего способствует достижению и решению следующих вопросов:

- оказание помощи в установлении психологического контакта между следователем и несовершеннолетним;
- возможность предвосхищения агрессии в поведении несовершеннолетнего и устранение недопонимания между ним и следователем;
- оказание содействия в формулировании на этапе подготовки и постановке корректных и целевых вопросов;
- наблюдение в ходе допроса за реакциями и поведением несовершеннолетнего как в ходе свободного рассказа, так и при ответах на вопросы;
- оказание помощи следователю в оценке правдивости или ложности даваемых несовершеннолетним показаний;
- установление причин добросовестного заблуждения и пр. [4, с. 96].

Считаем, что роль психолога не должна сводиться к фактическому, банальному присутствию при следственном действии. На наш взгляд, следует всячески избегать формализма в такой участии. В частности, кроме указанных аспектов участия психолога в следственных действиях несовершеннолетних следует отметить такую особенность, как оказание помощи во взаимодействии с законными представителями несовершеннолетнего и, в некоторых случаях, оказание непосредственной помощи им. Так как работа с ними также должна проводиться, в конечном итоге это может способствовать профилактике правонарушений, помочь избежать в будущем попадания несовершеннолетнего в поле зрения правоохранительных органов как в качестве виновного, так и в качестве жертвы преступления. Помощь психолога необходима и при работе с малолетними участниками уголовного процесса.

Важно также отметить, что именно такой подход к участию специалиста-психолога при допросе несовершеннолетнего – максимально соответствует тактическим целям допроса и способствует максимальному достижению постав-

ленных данным следственным действием целей. Известно, что тактическая роль участия психолога при производстве допроса обусловлена возможностью использования различных приемов, которые есть на его вооружении как лица, обладающего специальными знаниями. На практике существует множество примеров, когда только работа психолога с несовершеннолетним помогает «разговорить» его в случае, если несовершеннолетний стал жертвой преступного посягательства, а также помочь выявить социальные, психологические и воспитательные факторы, способствовавшие и приведшие его к девиантному поведению.

Следует, на наш взгляд, поднять и такую проблему, как возможная заинтересованность педагога. По общему требованию лицо, привлекаемое в качестве специалиста-педагога или психолога, должно быть не заинтересованным в исходе дела. Между тем, на практике имеют место случаи, когда следователь привлекает в качестве специалиста-педагога учителя, классного руководителя или социального педагога из той же школы, в которой учится несовершеннолетний. Как показывает практика, при этом нередки случаи, когда такой привлеченный педагог в глазах ребенка не защитник и помощник, а противник, неприятель, который может спровоцировать конфликтную ситуацию, встречая несовершеннолетнего осуждающими словами («доигрался», «а мы тебя предупреждали» и т.п.) [4, с. 96].

Кроме того, привлечение педагога со школы, где учился несовершеннолетний, напротив, как правило, заставляет последнего замкнуться (особенно по делам о половых преступлениях).

Между тем, несмотря на возможность привлечения психолога, сам следователь должен в полной мере быть готов к допросу несовершеннолетнего. Как справедливо отмечает В.Л. Васильев, следователь должен хорошо знать психологические особенности личности несовершеннолетних и учитывать их при выборе тактических приемов проведения с ними того или иного следственного действия [2, с. 413].

При допросе несовершеннолетних свидетелей, потерпевших, подозреваемых, обвиняемых следователь в основном оперирует приемами логической и психологической природы. Это связано с тем, что идеальные следы (психические отображения, образы, следы памяти) исследуемого события недоступны следователю для непосредственного восприятия. Их содержание можно раскрыть только приемами и правилами общения как процесса обмена информацией, диалога следователя с людьми, являющимися носителями «следов памяти», в ходе беседы, допроса, очной ставки, проверки показаний на месте и других вербальных действий. Имеются в виду приемы и правила речевого и неречевого характера, а также комбинации правил, приемов того и другого типов [7, с. 16].

Законодатель не оговаривает момент привлечения специалиста для участия в следственном действии. Производство следственного действия включает в себя три взаимосвязанных стадии: подготовительной, рабочей, заключительной. Рекомендуется привлекать психолога еще на подготовительной стадии, особенно, когда речь идет о вербальных следственных действиях. Это позволит избежать формализма при проведении допроса несовершеннолетнего, снизить

риск проведения повторного допроса, с целью устранения субъективных недостатков первоначального допроса.

Следует обратить внимание на наличие в свободном рассказе и при ответах на вопросы слов и выражений, не характерных для лексикона несовершеннолетнего, уровня образования и развития, что может свидетельствовать о наличии навязывания чужого мнения относительно произошедшего или при даче оценки и характеристики какого-либо лица. Также в ходе допроса необходимо производить наблюдение за реакцией несовершеннолетнего на вопросы, особенность ответов: с обидой, робкие, неуверенные, путаные, а также за самим поведением: запуган, застенчив, обидчив, самоуверен, дерзок – позволит акцентировать внимание на причинности такого поведения и реакции, выявить негативные факторы, мешающие несовершеннолетнему излагать именно свою позицию по делу. Проведенный анализ видеозаписей следственных действий с участием несовершеннолетних, позволил сделать вывод что, чаще всего, следователи фиксируют показания (печатают на компьютере), при этом не видят реакции допрашиваемых.

Кроме того, известно, что установление авторитетов, кумиров (как реальных, так и выдуманных) будет способствовать прогнозированию возможного существования эффекта копирования, подражания, подчинения или конформного поведения, когда чувство ложного товарищества «диктует» покрытие своих подельников, а иногда и взятие на себя их вины. В этом случае следователь и психолог, присутствующий на допросе, должны попытаться выяснить мотивы такой дружбы, взаимосвязи и взаимоотношения в группе и попытаться разъяснить суть истинной дружбы и товарищества, вскрыть существующие в группе разногласия и противоречия.

Также следует отметить, что причиной такого самоговора и «покрывательства» бывает не авторитет взрослого преступника-коллеги, а «обвинительное» поведение самого следователя, которое способствует формированию у несовершеннолетнего ощущения неизбежности привлечения его к уголовной ответственности, или его осуждающее поведение по отношению к потерпевшему несовершеннолетнему.

Кроме того, следует помнить, что ввиду особенностей психики несовершеннолетнего он не всегда может на ходу придумывать продолжение «легенды» или объяснять какие-то, выдуманные ранее, ложные детали произошедшего.

Работая с несовершеннолетними следователю необходимо «погружение» в подростковую субкультуру, выяснение значения современных слов, принципов определения кумиров и увлечений нового поколения, что очень сложно сделать без специалиста психолога.

Психолог может задавать вопросы, учитывая возрастную периодизацию, так как у каждого периода свои особенности. Кроме того, психологи обладают методами воздействия, что может положительно повлиять при сниженной мотивации несовершеннолетнего при даче показаний. Кроме того, психолог может описать методы и приемы психологического воздействия в деятельности следователя и критерии безопасности их применения [18]. При привлечении психолога к участию в производстве по уголовным делам с участием несовер-

шеннолетних психолог также может пояснить следователю сущность психологических особенностей несовершеннолетних разных возрастных групп и оказать существенную помощь в определении свойств, состояний нервной системы, особенностей восприятия, запоминания, воспроизведении информации, наличия различных акцентуаций характера, уровня интеллектуального развития и особенностей протекания психических реакций, и, соответственно, совместно со следователем выработать верную тактику проведения следственных действий с участием несовершеннолетнего, используя свои специальные знания в области психологии.

По нашему мнению, должно быть обеспечено постоянное участие психолога (педагога) в рамках любого следственного действия, которое проводится с участием несовершеннолетнего вне зависимости от его процессуального статуса, возраста (достиг или нет 16 лет), а также наличия у него каких-либо отклонений психофизического развития. Об этом неоднократно упоминается и в научных источниках различного времени [5; 9, с. 27; 13, с. 94; 17, с. 64; 19, с. 36–37].

Как показывает практика, присутствие педагогов и психологов в ходе следственных действий с участием несовершеннолетних происходит формально. Так, из 57 анализируемых нами видеозаписей следственных действий (при производстве судебно-психологических экспертиз) по делам о половых преступлениях, где при даче показаний несовершеннолетнего потерпевшего присутствовал педагог-психолог, не один не оказал помощь следователю в ходе следственного действия.

По результатам пилотажного опроса следователей и анализа видеозаписей следственных действий с участием несовершеннолетних (при производстве судебно-психологических экспертиз) ясно, что следователи по уголовным делам, при допросе несовершеннолетних в ходе производства самого следственного действия, при фиксации результатов, не в полном объеме используют или совсем не используют присутствие педагога и психолога в следственных действиях.

Считаем, что в УПК РФ следует отразить, какое конкретно лицо может быть допущено в качестве педагога и психолога к участию в следственных действиях, производимых с участием несовершеннолетнего. Так, например, на практике в качестве психологов или педагогов часто привлекаются лица, имеющие соответствующий диплом, незначительный стаж работы, но к моменту производства следственных действий по каким-то причинам уже давно не работающие по специальности. Е.В. Елагина, Г.С. Григорян отмечают, что это совершенно недопустимо, так как функции как педагога, так и психолога не должны ограничиваться только присутствием на следственных действиях и подписанием протоколов. Их участие в следственных действиях можно расценивать как начальное звено цепочки психологической, социально-педагогической работы с несовершеннолетним, которая должна быть осуществлена в интересах последнего, и в то же время способствовать установлению объективной истины по уголовному делу [6].

Список использованной литературы

1. Брянская Е.В. Доказывание по уголовным делам в отношении несовершеннолетних : монография. – Иркутск, 2018. – 182 с.
2. Васильев В.Л. Юридическая психология : учебник. – Санкт-Петербург, 2009. – 604 с.
3. Вачков И.В., Гриншпун И.Б., Пряжников Н.С. Введение в профессию психолог. – Изд-во МОДЭК, МПСИ, 2007. – 464 с.
4. Горбачева Е.В., Фомина И.А. Отдельные аспекты участия педагога и психолога в тактике допроса несовершеннолетнего // Сибирский юридический вестник. – 2018. – № 3 (82). – С. 94–99.
5. Грибунов О.П., Третьякова Е.И., Качурова Е.С. Расследование преступлений, совершенных несовершеннолетними : учеб. пособие. – Иркутск, 2016. – 68 с.
6. Елагина Е.В., Григорян Г.С. Криминалистические и процессуальные аспекты привлечения педагога и психолога к производству следственных действий с участием несовершеннолетних // КриминалистЪ. – 2010. – № 2 (7). – С. 66–70.
7. Еникеев М.И., Образцов В.А., Эминов В.Е. Следственные действия: психология, тактика, технология : учеб. пособие. – Москва, 2011. – 146 с.
8. Ильина В.А. Использование методов психологии при анализе речевой деятельности участников уголовного судопроизводства : учеб. пособие / В.А. Ильина. – Иркутск : Иркут. юрид. ин-т (филиал) Акад. Ген. Прокуратуры рос. Федерации, 2017. – 161 с.
9. Каневский Л.Л. Расследование и профилактика преступлений несовершеннолетних. – Москва, 1982. – 112 с.
10. Кузнецова С.В., Кобцова Т.С. Тактика допроса несовершеннолетних. – Москва, 2013. – 96 с.
11. Махов В.Н. Использование знаний сведущих лиц при расследовании преступлений. – Москва : Изд-во РУДН, 2000. – 296 с.
12. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. – Москва : Азбуковник, 1999. – 944 с.
13. Орлова Ю.Р. Особенности расследования и предупреждения преступлений несовершеннолетних / под ред. А.М. Кустова. – Москва, 2006. – 180 с.
14. Особенности предотвращения и расследования преступлений, связанных с торговлей людьми : учеб. пособие / Н.А. Данилова [и др.] ; под общ. ред. И.Ч. Шушкевича. – Москва, 2008. – 293 с.
15. Пронин К.В. Тактика допроса в суде : учеб. пособие. – Москва, 2017. – 281 с.
16. Роганов С.А., Константинова Т.Л. К вопросу об участии педагога при производстве допроса // Ленинградский юридический журнал. – 2015. – № 2 (40). – С. 204–205.
17. Сорокотягина Д.А. Судебная экспертиза : учеб. пособие / Д.А. Сорокотягина, И.Н. Сорокотягин. – Ростов н/Д : Феникс, 2006. – 335 с.

18. Степаненко Д.А. Методы и приемы психологического воздействия в деятельности следователя и критерии безопасности их применения / Д.А. Степаненко // Сибирские криминалистические чтения. – 2002. – № 16. – С. 15–28.

19. Шимановский В.В. Процессуальные особенности расследования преступлений несовершеннолетних : учеб. пособие / под ред. А.А. Любавина. – Волгоград, 1980. – С. 36–37.

Информация об авторах

Степаненко Диана Аркадьевна – доктор юридических наук, профессор кафедры криминалистики, судебных экспертиз и юридической психологии Института государства и права Байкальского государственного университета, Иркутск, Россия, e-mail: diana-stepanenko@mail.ru.

Дёмина Марина Леонидовна – преподаватель кафедры уголовно-процессуального права и криминалистики Восточно-Сибирского филиала Российского государственного университета правосудия, Иркутск, Россия, e-mail: dyomina-mari@mail.ru.

Authors

Diana A. Stepanenko – Doctor of Law, Professor of the Department of Criminalistics, Forensic Examinations and Legal Psychology of the Institute of State and Law of Baikal State University, Irkutsk, Russia, e-mail: diana-stepanenko@mail.ru.

Marina L. Demina – Lecturer at the Department of Criminal Procedure Law and Criminalistics of East Siberian Branch of the Russian State University of Justice, Irkutsk, Russia, e-mail: dyomina-mari@mail.ru.

ПРИНУДИТЕЛЬНЫЕ РАБОТЫ КАК ВИД УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ

Неприкосновенность жилища и ответственность за ее нарушение представляется достаточно мало разработанной в науке темой, что обосновывает актуальность проведенного исследования. В статье проведен анализ термина «неприкосновенность жилища» как уголовно-правовой категории и рассмотрено, в чем выражается нарушение данной категории. Достаточно подробно рассмотрены признаки состава преступления, предусмотренного ст. 139 УК РФ за нарушение неприкосновенности жилища. В статье предпринята попытка изучения и осмысления проблемы, выделены проблемы применения данной нормы на практике. Сделаны выводы и предложены меры по дальнейшему совершенствованию проблемы и частичной декриминализации нормы.

Ключевые слова: наказание, принудительные работы, принудительный труд, исправление осужденных, альтернатива лишению свободы.

V.V. Agildin

FORCED LABOR AS A TYPE OF CRIMINAL PUNISHMENT

The inviolability of the home and responsibility for its violation is a topic that is rather poorly developed in science, which justifies the relevance of the study. The article analyzes the term «inviolability of the home» as a criminal legal category and considers what the violation of this category is expressed in. A sufficiently detailed analysis of the elements of the crime provided for in Article 139 of the Criminal Code of the Russian Federation, which provides for liability for violation of the inviolability of the home, was carried out. The article attempts to study and understand the problem, and provides a certain analysis. The problems of applying this rule in practice are highlighted. Conclusions are drawn and measures are proposed for further improvement of the problem and partial decriminalization of the norm.

Keywords: punishment, forced labor, forced labor, correction of convicts, alternative to imprisonment.

Модернизация уголовного и уголовно-исполнительного законодательства, изменения в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации направлены на адаптацию законодательства к реалиям и социальной практике современного общества. В обществе возник запрос на повышение эффективности мер уголовного права, а также на гуманизацию наказания. Это касается, прежде всего, расширения списка тех мер, которые не связаны с изоляцией осужденных от общества. Поэтому совершенствование системы уголовной ответственности направлено в первую очередь на повышение эффективности в достижении целей наказания, наиболее важным из которых является исправление лица, совершившего преступное деяние. Второй, но не менее важной целью

совершенствования системы уголовных наказаний, является гуманизация всей системы уголовного права.

В соответствии с запросами общества в правоохранительной практике назрела необходимость во введении дополнительных видов уголовных наказаний, направленных на сокращение применения уголовного наказания в виде лишения свободы. Вследствие этого законодателем были введены принудительные работы в Уголовный кодекс Российской Федерации (УК РФ) и Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации (УИК РФ) как новый вид уголовного наказания и, соответственно, как необходимая альтернатива лишению свободы.

Такое воздействие на лиц, совершивших преступление, российским уголовным правом применялось и ранее. Например, еще в Уложении 1903 г. уголовная система была значительно упрощена по сравнению с Уложением 1885 г. Все наказания стали делиться на основные, дополнительные и заменяющие. Особые, специальные законы, уставы, обычное право и т.д. также предусматривали виды наказаний, которые были связаны с принуждением к труду [1].

В советский период гуманизация наказания была медленной, непоследовательной. Так, в 1920–1930-х гг. принуждение к труду применялось, но затем, из-за усиления строгости уголовной политики, в уголовном праве это наказание было отменено.

В период, известный в истории как период «оттепели», началась передача части функции государства обществу. Основы уголовного законодательства СССР и союзных республик были приняты в 1958 г. В ст. 28 Уголовного кодекса предусматриваются исправительные работы без лишения свободы. Другой вид уголовного наказания – условное осуждение к тюремному заключению с обязательным привлечением осужденных к труду – применялась в СССР в период с 1959 по 1993 г. Однако с 1993 по 1997 г. этот вид наказания был исключен из уголовного кодекса. С введением Уголовного кодекса в 1997 г. такое наказание как исправительные работы снова было возвращено в уголовный кодекс.

В 2011 г. Федеральным законом от 07.12.2011 г. № 420-ФЗ введен новый вид наказания – принудительные работы (п. 3 ст. 44 УК РФ). Очевидно, возникла необходимость в специализированных исправительных центрах, а значит, для реализации этого наказания на практике потребовалось некоторое время. Первоначально планировалось, что до 2013 г. необходимая работа будет выполнена, условия для реализации принудительных работ будут созданы и суды смогут назначать данный вид наказания, однако все пошло не по плану, введение в действие данной нормы было отложено до 2014 г. Согласно ст. 8 Закона, положения о принудительных работах, содержащиеся в УК РФ и УИК РФ, применяются только с 1 января 2017 г.

Итак, на сегодняшний день в УК РФ существуют три вида наказаний, которые не связаны с изолированием осужденного от общества, но связаны с исправительно-трудовым воздействием: обязательные работы (ст. 49 УК РФ), исправительные работы (ст. 50 УК РФ) и принудительные работы (ст. 53.1 УК РФ).

Несовершенство, неполнота нормативно-правовой базы и активное обсуждение регулирования и использования в качестве вида уголовного наказания принудительных работ указывают на актуальность темы данной статьи.

Принудительные работы отличается от исправительных работ тем, что они могут отбываться за пределами постоянного места жительства осужденного. Кроме того, отличительной особенностью принудительных работ от обязательных работ является то, что работа осужденного к принудительным работам оплачивается.

В обществе также широко обсуждается вопрос о виде данного наказания. В соответствии с ч. 1 ст. 45 УК РФ принудительные работы относятся к основным видам наказаний. Перечисленные в этой статье виды наказаний, в том числе принудительные работы, – только основное наказание, но согласно ч. 1 ст. 53.1 УК РФ принудительные работы – не самостоятельное наказание. Данный вид наказания «применяется как альтернатива лишению свободы в случаях, предусмотренных соответствующими статьями Особенной части настоящего Кодекса» [3]. Его несамостоятельность усматривается также из ч. 2 ст. 53.1 УК РФ, где указано, что назначение принудительных работ возможно только в порядке замены лишения свободы.

С другой стороны, аргументом в пользу того, что принудительные работы являются самостоятельным видом наказания, служит само наличие их в большинстве санкций статей Особенной части УК РФ и их особое место в списке наказаний (ст. 44 УК РФ) между ограничением свободы и арестом. Таким образом, вопрос о самостоятельности такого вида уголовного наказания, как принудительные работы, является дискуссионным в научной среде с точки зрения толкования норм уголовного права.

В то же время в законе остается недоработанный момент – суд решает, следует ли заменить лишение свободы принудительными работами при постановлении приговора [3]. Таким образом, суд должен повторно вынести приговор в отношении ранее осужденного (то есть осудить осужденного) при замене наказания в виде лишения свободы на наказание в виде принудительных работ. Но это противоречит логике законодателя, отраженной в УПК РФ. Этот вопрос должен быть рассмотрен судом в порядке, предусмотренном п. 5 ст. 397 УПК РФ, в качестве вопроса, рассматриваемого судом в процессе назначенного приговора по основанию, предусмотренному в ст. 80 УПК РФ, – при замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания.

Недоработанность закона также выражается в том, что замена лишения свободы на принудительный труд напрямую не зависит от категории преступника. Такая замена может быть произведена для гражданина, совершившего не только преступление, относящееся к категории средней тяжести, но в некоторых случаях для тяжкого виновного деяния. Это условие нельзя считать оправданным, так как введение этой нормы не может способствовать улучшению и гуманизации уголовного законодательства, а ведь именно это является сутью введения наказания в виде принудительных работ.

Введение такого вида наказания требует, как времени, так и определенных бюджетных расходов. Так, с учетом необходимости введения специальных

исправительных центров для отбытия такого наказания и других критериев потребуются немалые вложения. Согласно расчетам, стоимость создания одного исправительного центра с лимитом заполнения до 200 человек составит от 67,6 до 72,2 млн р., в зависимости от комплектации, с учетом климатических условий расположения центра, необходимых инженерных и технических средств защиты, инженерных сетей и систем. На начальном этапе потребуется не менее 900 штатных единиц для поддержки деятельности 30 исправительных центров, а всего – 4 500 сотрудников. Для обеспечения сотрудников 30 исправительных центров необходимым персоналом с денежным довольствием и другими выплатами, установленными законодательством Российской Федерации, согласно расчетам, произведенным в параметрах затрат, потребуются бюджетные ассигнования в размере 2,325–2,463 млрд [4]. Отнюдь, это далеко не малая часть средств бюджета Российской Федерации, необходимая для реализации данного вида наказания. К тому же это не единственный открытый вопрос на сегодняшний день относительно исполнения данного наказания.

На сегодняшний день происходит репрофилирование уже действующих на сегодняшний момент исправительных учреждений, что предполагает создание определенных изолированных участков в соответствии с условиями безопасности и другими требованиями при колониях, действующих как исправительные центры, что, несомненно, позволяет немало сэкономить на строительстве и обеспечении штата сотрудников.

Так в настоящее время на базе ФКУ ИК-4 ГУФСИН России по Иркутской области в поселке Плишкино 1 ноября 2017 г. создан исправительный участок, функционирующий как исправительный центр (далее УФИЦ), предполагаемой вместительностью 80 человек (60 из которых для мужчин и 20 для женщин).

Более того, сейчас обсуждается проект, в соответствии с которым будут создаваться так называемые филиалы исправительных центров при крупных предприятиях, где нужны рабочие руки, что позволит значительно расширить возможности по трудоустройству осужденных, а значит распространить назначение судами принудительных работ и вероятность применения данного вида уголовного наказания.

Анализ исполнения данного вида наказания по состоянию на 1 июня 2018 г. свидетельствует, что в УФИЦ ФКУ ИК-4 ГУФСИН России по Иркутской области содержится 9 человек. За весь период функционирования УФИЦ на сегодняшний день по учетам прошло 14 осужденных, выбыло из УФИЦ 5 осужденных, из них: по отбытию наказания выбыло – 2 человека; в связи с заменой наказания на лишение свободы – 1; убыл в другой исправительный центр (по месту жительства) – 1; в связи с освобождением условно-досрочно – 1 человек.

В настоящее время данный центр заполнен полностью и достаточно активно работает. При этом статистика условно-досрочного освобождения более положительная, чем в других учреждениях.

Также существует еще ряд замечаний. Федеральный закон от 07.12.2011 г. № 420-ФЗ вносит изменения в Уголовный кодекс РФ, в «Основы законодательства Российской Федерации об охране здоровья граждан» от 22.07.1993 г.

№ 5487-1, в Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации, в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях, в Федеральный закон от 28.12.2010 г. № 404-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием деятельности органов предварительного следствия». Однако существуют и другие правовые акты, где необходимы изменения в связи с введением нового вида уголовного наказания, например, Трудовой кодекс Российской Федерации (ч. 3 ст. 138), Федеральный закон от 28.03.1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» (подп. «а» п. 3 ст. 23), Федеральный закон от 24.07.1998 г. № 125-ФЗ «Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний» (ч. 1 ст. 5), Федеральный закон от 10.06.2008 г. № 76-ФЗ «Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания» (пп. 1, 2 ст. 2), приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 16.01.2014 г. № 6 «Об организации надзора за исполнением законов администрациями учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания, следственных изоляторов при содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений».

По моему мнению, даже данный краткий анализ показывает, что необходимо решить еще много вопросов по введению принудительных работ как вида уголовного наказания, и их решение нельзя откладывать. Обзор судебной практики назначения данного вида наказания показывает, что принудительные работы осужденным назначаются крайне редко, в единичных случаях по всей стране. Создается впечатление, что суды не торопятся применять этот вид наказания из-за отсутствия правоприменительной практики, поэтому, на мой взгляд, крайне необходимо разъяснение Верховного Суда Российской Федерации.

Список использованной литературы

1. Алексеев С.Л., Шалканов И.Р. Исторические аспекты уголовного наказания в виде принудительных работ // *Фундаментальные исследования*. – 2015. – № 2–22. – С. 4979–4982.

2. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федер. закон от 07.12.2011 г. № 420-ФЗ (в ред. от 03.07.2016 г. № 329-ФЗ) // *Собрание законодательства РФ*. – 2011. – № 50. – Ст. 7362.

3. Уголовный кодекс Российской Федерации : Федер. закон от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 23.04.2018 г., с изм. от 25.04.2018 г.) // *Собрание законодательства РФ*. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

4. Пояснительная записка «К проекту Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

Информация об авторе

Агильдин Владимир Валерьевич – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права, криминологии и уголовного процесса Института государства и права Байкальского государственного университета, Иркутск, Россия, e-mail: AgildinVV@bgu.ru.

Author

Vladimir V. Agildin – Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Criminal Law, Criminology and Criminal Procedure of the Institute of State and Law of Baikal State University, Irkutsk, Russia, e-mail: AgildinVV@bgu.ru.

ТИПИЧНЫЕ СЛЕДСТВЕННЫЕ СИТУАЦИИ И ВЕРСИИ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ СЕРИЙНЫХ УБИЙСТВ

Для повышения эффективности расследования серийных убийств приводятся типичные следственные ситуации и алгоритм действий следователя. Делается вывод, что во время выдвижения различных версий правильное их построение и выбор способствуют раскрытию серийных убийств. Анализируются и обобщаются все известные по материалам уголовного дела признаки перед началом выдвижения версий о серийности убийств.

Ключевые слова: выдвижение версий, типичные следственные ситуации, серийные убийства, расследование.

Kh.A. Asatryan

TYPICAL INVESTIGATIVE SITUATIONS AND VERSIONS IN THE INVESTIGATION OF SERIAL MURDERS

To improve the effectiveness of the investigation of serial murders, typical investigative situations and the algorithm of the investigator's actions are given. It is concluded that during the promotion of various versions, their correct construction and choice contribute to the disclosure of serial murders. All the signs known from the materials of the criminal case are analyzed and summarized before starting to put forward versions about the serial nature of the murders.

Keywords: putting forward versions, typical investigative situations, serial murders, investigation.

Расследование во всех случаях начинается с возбуждения уголовного дела. Основанием для возбуждения уголовного дела по серийным убийствам чаще всего является обнаружение трупа с признаками насильственной смерти, частей трупа, либо исчезновение человека.

В процессе осмотра места происшествия на первичном этапе уже можно выявить признаки, которые могут указывать на серийность в данном преступлении. Данная информация нуждается в последующем подтверждении или опровержении, для этого следователю необходимо выдвижение криминалистической версии по совершенному преступлению.

Начальная стадия расследования серийных убийств особенно важна, так как с ее помощью исследуются все данные, характеризующие способы и механизмы совершения преступления. Кроме вышеперечисленного необходимо уделить внимание следующим вопросам [1, с. 44]:

1. Изучал ли серийный убийца личность и образ жизни жертвы?
2. Применял ли он при вхождении в связь с жертвой «легенды» и надлежащие ей атрибуты?

3. Пользовался ли дополнительными ресурсами, которые маскировали его действия при подготовке к совершению преступления?

4. Применял ли он, наркотические, либо иные другие вещества, целью которых было приведение жертвы в беспомощное положение, и имеются ли следы подобного действия, на теле жертвы?

5. Совершал ли он действия сексуального характера в отношении жертвы, если да, то какие?

6. Имеются ли на теле жертвы следы пыток и истязаний?

До подтверждения версии по серийному преступлению следует не делать категорические выводы о расследуемом преступлении, поскольку по мере расследования могут появиться новые данные или потерять актуальность старые. Обязательным условием при планировании версий будет динамичность оперативной работы, при которой коррективы в план расследования должны производиться с учетом следственных действий и поступившей оперативной информации.

Во время процесса расследования выдвигаются различные версии, правильное их построение и выбор способствует раскрытию убийств. В связи с тем, что на первоначальном этапе расследования следователь обладает очень скудным количеством информации и не имеет данных для изобличения преступника, вся информация, которая будет получена на данном этапе, позволит давать различные версии обстоятельств его совершения.

Следственные версии – обоснованные объективными данными и нуждающиеся в проверке предположения лица, осуществляющее расследование, относительно сущности расследуемого события, виновности в совершении преступления, правдоподобно объясняющие подлежащие установлению по делу факты.

Лица, обладающие информацией и процессуальным статусом для выдвижения предположений относительно расследуемого дела, могут выдвигать различного предположения. Однако лишь следователь может подобные предположения в дальнейшем использовать для основы следственной версии. Для этого следователю необходимо информировать лиц, участвующих в расследовании дела. Наиболее подходящим, на наш взгляд, будет индивидуальное изучение каждым участником материалов, для поиска данных, которых способствуют построению и выдвижению следственной версии.

При расследовании уголовных дел следователю необходимо выдвигать и проверять «общие версии, построенные для установления обстоятельств, подлежащих доказыванию, так и частные, которые относятся не ко всем событиям преступления, а лишь к промежуточным обстоятельствам» в целях уточнения обстоятельств общих.

Перед началом выдвижения версий о серийности убийств, необходимо проанализировать и обобщить все известные по материалам уголовного дела признаки для данного вида преступлений, такие как:

1. Способ совершения убийства.
2. Мотив преступления.
3. Сходство жертв.
4. Идентичность мест и времени совершения преступления.
5. Наличие общих следов на месте совершения преступления.

6. Подчерк преступника.

Наличие данных признаков позволяет составить генеральную версию, подразумевающую под собой предположение о том, данные преступления дело рук одного человека. В данной версии выдвигаются предположения о видовой принадлежности серийного убийцы, в частности о наличии у него психологических отклонений, и возможной трудовой деятельности.

Исходя из обстоятельств генеральной или общей версии выдвигаются также и частные версии относительно места и времени совершения преступления, способа причинения смерти и механизме повреждения, мотивах преступления, способах сокрытия преступления. Частные версии могут также использоваться и в рамках других эпизодов, входящих в серию.

Источниками для построения частных версий являются:

1. Данные, полученные о личностях жертв.
2. Данные, полученные в ходе расследования предыдущих убийств, входящих в серию.
3. Данные, полученные из анализа осмотра места пришествия и трупа.
4. Результаты судебных экспертиз.

Факторами, влияющими на формирование частных версий расследование серийных убийств, являются:

1. Личный опыт следователя, а также знания, полученные им при обучении и повышении квалификации.
2. Степень обобщенности следователя об обстоятельствах убийства входящие в серию.
3. Использование зарубежного опыта расследования дел о серийных убийствах.

На основе всей полученной информации можно сделать вывод, что следователь не должен фокусироваться лишь на одной потенциальной версии, только совокупность всех выдвигаемых версий способствует раскрытию уголовного дела по серийным убийствам.

Следственная ситуация – это совокупность условий, в которых в данный момент осуществляется расследование.

В процессе расследования особое значение имеют характерные следственные ситуации, ведь они являются отправной точкой в начале работы. В практике принято выделять четыре характерных следственных ситуации:

1. Убийца известен, выявлена серия убийств. В это случае первичной задачей для следователя станет поимка преступника, для этого устанавливается это местоположений и производится скорейшее задержание, так как лицо может осознавать, что его раскрыли и может попытаться скрыться. Так же необходимо проанализировать уже приостановленные уголовные дела, в которых присутствуют схожие признаки серийности в целях возобновления по ним следствия и соединения уголовных дел.

2. Убийца неизвестен, выявлена серия. Наиболее распространенная ситуация, отличительной чертой которой является закономерность в каждом из убийств, которую должна выявить следственно-оперативная группа. На основе

же полученной информации следственная группа должна провести неотложные следственные действия, по поиску лица.

3. Убийца известен, неочевидна серия. В данном случае первостепенной задачей для следователя станет установление его связи с другими преступлениями, необходимо рассмотреть возможные варианты, связанные с делом. При возможности лицо должно быть допрошено, а также должны быть получены образцы.

4. Убийца неизвестен, неочевидна серия. Самая сложная для следователя ситуация, проблемой установить в этом случае связь может как региональные трудности, так и не всегда активные действия со стороны дознания и следствия. Первостепенной задачей станет установления мотива преступления, а также наличие предположения серийности у самого следователя. Тогда, устанавливаются все аналогичные преступления, как на территории региона, так и в близлежащий территории. Сопоставление информации из материалов уголовных дел даст возможность установить личность преступника, направить расследование в нужное русло.

Результатом всех следственных ситуаций должен быть установленный характер события, наличие полноты сведений об остановке события, установлена личность потерпевшего, а также задержан подозреваемый.

Существуют также альтернативные типичные следственные ситуации, предложенные Л.Я. Драпкиным [1, с. 17].

1. Убийство неочевидное, нет информации о личности потерпевшего и преступника. В этом случае, в начале, требуется установление личности потерпевшего, определить сходства по времени и местности места происшествия. Используя полученную информацию, следователь устанавливает наличие или отсутствие серии в данном убийстве.

2. Заявление на исчезновение, отсутствие трупа и информации о преступнике. Отправной точкой станет получение информации о личности пропавшего, в целях исключения других возможных причин исчезновения.

На основе уже известных обстоятельств преступлений следователь устанавливает личность преступника.

3. Неочевидное убийство, труп подвергся изменениям (обезображен, сгнил или расчленен), личность преступника неизвестна.

Устанавливается личность потерпевшего, определяются признаки серийности, на основе полученной информации следователь изобличает преступника.

Использование правильной следственной ситуации помогает следователю определить конкретные цели и задачи, а также пути их решения.

Уголовное дело должно возбуждаться по каждому фактически обнаруженному преступлению, имея достаточную мотивировочную базу можно объединить их в одно производство.

Необходимо также не забывать о тех обстоятельствах, которые способны повлиять на полученную в ходе расследования серийных убийств информацию.

1. Несвоевременная передача дела в одно производство, если есть предположения, что они совершены одним и тем же лицом.

2. Отсутствие работы с прошлыми эпизодами дела, в частности назначения новых экспертиз.

3. Недобросовестное установление мест исчезновения лиц без вести пропавших.

4. Некомпетентность сотрудников по данной группе преступлений, нестабильность кадров.

После установление подходящей следственной ситуации необходимо на основе уже имеющихся данных предположить возможное место и время следующего убийства. Для этого на карте отмечаются уже известные места совершения убийства, если в серии насчитывается более двух убийств, то соединяются два наиболее отдаленных между собой. Центр двух убийств считается серединой, от которой уже проводят окружность, которая и является предполагаемым местом совершения следующего нападения. После определения потенциального места нападения нужно выделить конкретные места, которые будут служить отправной точкой для задержания преступника. Отдельного внимания стоит уделить тому, каким образом преступник смог прибыть на место происшествия, для этого выдвигаются все возможные пути прибытия и отхода преступника, а также версии о наличии или отсутствии у него транспортного средства.

По времени предыдущих нападений можно установить важные детали, способные помочь предположить время следующего нападения. Так, если лицо совершает преступление исключительно в определенное время суток, то можно сделать предположение об его повседневном графике, а также, если типаж жертв носит определенный характер, время его появления на улице.

Список использованной литературы

1. Доля Ю.В. К вопросу о некоторых проблемах расследования серийных убийств // Молодежь в науке: Новые аргументы : 4-й Междунар. молодеж. сб. науч. ст. / отв. ред. А.В. Горбенко. – Липецк, 2019. – С. 44.

2. Драпкин Л.Я. Криминалистика : учебник. – Москва : Юрайт, 2017. – 386 с.

Информация об авторе

Асатрян Хачатур Ашотович – кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики, судебных экспертиз и юридической психологии Института государства и права Байкальского государственного университета, Иркутск, Россия, e-mail: asatryanha@mail.ru.

Author

Khachatur A. Asatrian – Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Criminalistics, Forensic Enquiry and Juridical Psychology of the Institute of State and Law of Baikal State University, Irkutsk, Russia, e-mail: asatryanha@mail.ru.

ГАРАНТИИ НЕЗАВИСИМОСТИ АДВОКАТА В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Статья посвящена вопросам института независимости при осуществлении защиты в уголовном процессе. На основе общих законов деятельности цели и задачи адвоката формулируются в уголовном процессе. Участники уголовного процесса в соответствии со своим чувством справедливости интерпретируют законодательные цели в зависимости от конкретной правовой ситуации.

Сегодня развитие адвокатуры представляет собой центр масштабных реформ, проводимых в судебной системе. В частности, проводится значительная работа по усилению роли и значения адвокатуры как одного из эффективных институтов защиты прав, свобод и законных интересов физических и юридических лиц. Особое внимание развитию данной сферы уделяется в ряде нормативно-правовых актов, принятых в последние годы, а также в виде разрабатываемых сегодня новых законодательных актов.

Ключевые слова: защитник, адвокат, принципы, защита в уголовном процессе, уголовный процесс, уголовно-процессуальная деятельность.

M.Sh. Bufetova, A.V. Saribekyan

GUARANTEES OF THE LAWYER'S INDEPENDENCE IN RUSSIAN CRIMINAL PROCEEDINGS

The article is devoted to the issues of the institution of independence in the implementation of defense in criminal proceedings. On the basis of general laws of activity, the goals and objectives of a lawyer are formulated in criminal proceedings. Participants in criminal proceedings, in accordance with their sense of justice, interpret the legislative goals depending on the specific legal situation.

Today, the development of the legal profession is the center of large-scale reforms carried out in the judicial system. In particular, significant work is being carried out to strengthen the role and significance of the legal profession as one of the effective institutions for the protection of the rights, freedoms and legal interests of individuals and legal entities. Particular attention is paid to the development of this area in a number of normative legal acts adopted in recent years, as well as in the form of new legislative acts being developed today.

Keywords: defender, lawyer, principles, defense in criminal proceedings, criminal proceedings, criminal procedural activity.

Независимость является наиболее характерной и основной стороной адвокатской деятельности, так как адвокат должен быть свободен от любого давления извне, особенно со стороны правоохранительных органов и государства в целом [14, с. 148]. В международном законодательстве эти гарантии адвокат-

ской деятельности предусмотрены в Основных принципах, касающихся роли юристов, закрепляющих за правительствами стран обязанность обеспечить юристам возможность выполнять все свои профессиональные обязанности в обстановке, свободной от угроз, препятствий, запугивания или неоправданного вмешательства [3, с. 131]. Аналогичные гарантии закреплены и в «Основных положениях о роли адвокатов», принятых восьмым Конгрессом ООН по предупреждению преступлений в Нью-Йорке в августе 1990 г. [4, с. 19].

Российские власти приняли на себя обязательство по соблюдению положений Документа Копенгагенского совещания Конференции по человеческому измерению СБСЕ, отмечая, что только использование возможностей защиты, осуществляемой независимыми адвокатами, позволяет стороне реализовать возможности законной защиты своих прав, интересов и свобод. Пунктом 5.13 закреплено обязательство властей гарантировать независимость адвокатов [5, с. 224].

Согласно Рекомендациям Комитета министров Совета Европы о свободе осуществления профессии адвоката от 25.10.2000 г. № R(2000) 21 государству следует принять все возможные меры для того, чтобы уважалась, защищалась и поощрялась свобода осуществления профессии адвоката без дискриминации и неправомерного вмешательства органов власти или общественности в свете соответствующих положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод; адвокаты не должны опасаться возможности применения в отношении них каких-либо санкций или подвергаться давлению, когда они действуют в соответствии со своими профессиональными обязанностями.

Задачи, выполняемые адвокатом в процессе профессиональной деятельности, требуют его абсолютной независимости и отсутствия какого-либо влияния на него, связанного в первую очередь с его личной заинтересованностью или с давлением извне. Независимое положение адвоката способствует укреплению в обществе доверия к процедурам правосудия и беспристрастности судей. Таким образом, адвокату следует избегать какого-либо ущемления собственной независимости и не поступаться принципами профессионального долга ради интересов клиента, суда или других лиц (п. 2.1 Общего кодекса правил для адвокатов стран Европейского Сообщества) [6].

Как справедливо замечает С.В. Бровченко, вмешательство в какой бы то ни было форме в деятельность адвоката в целях воспрепятствования его профессиональной деятельности в интересах подзащитного не влечет за собой уголовной ответственности. Эти же деяния, совершенные лицом с использованием своего служебного положения, также не наказываются в уголовном порядке, что создает условия для безнаказанного произвола органов власти и ее недобросовестных чиновников, препятствующих независимой деятельности самоуправляемых адвокатских объединений и профессиональной деятельности самих адвокатов [8, с. 36].

На начальном этапе расследования необходимо решить две неразрывные задачи: с одной стороны, обеспечить высокую эффективность в раскрытии, расследовании и раскрытии преступлений, а с другой – участие следователя. Права и законные интересы граждан, в отношении которых осуществляется уголовное преследование, должны быть гарантированы [9, с. 120]. Результаты

текущего правового статуса адвоката в отношении участия в уголовных делах показывают, что в этой сфере еще достаточно проблем, которые необходимо решить. Это особенно важно на досудебной стадии уголовного судопроизводства. Это может быть объяснено тем, что на досудебной стадии уголовного процесса следователь оказывается основным лицом, имеющим все средства и методы доказывания, гарантированные государством. Защитник не включен в список лиц, ведущих расследование процессуально.

Стоит отметить, что на досудебном этапе ученые и практики расходятся по принципам равноправия сторон и принципу состязательности. В частности С.В. Бровченко считает, что «это невозможно в настоящее время и требует от защитника специальной подготовки» [8, с. 36]. Тогда как П.Е. Короткова в свою очередь выступает против признания защитника субъектом доказательства. По ее мнению, «эти права являются исключительной компетенцией органов государственной власти» [11, с. 8]. Сторонники этой идеи сейчас распространены не только среди создателей и практиков нашего национального законодательства, но и среди зарубежных ученых. Все они считают неуместным и неприемлемым делегирование полномочий по представлению доказательств адвокату. Действительно, согласно УПК РФ, уполномоченными на это являются дознаватель, следователь, прокурор и судья. Вместе с тем УПК РФ устанавливает, что защитник имеет право собирать и представлять доказательства по уголовному делу. Это означает, что есть правовые основания для участия защиты в досудебном расследовании. Однако, на данном этапе ему необходима возможность действовать по принципу состязательности, то есть достаточные полномочия. Информация по уголовному делу, собранная защитником, практически неотличима от информации, собранной следователем или дознавателем. Главное отличие состоит в том, что защитник не является представителем государственной власти, и что адвокат не обладает достаточными юридически гарантированными полномочиями для эффективного выполнения своих функций защиты. В соответствии с УПК РФ, опрос лиц с соответствующей деловой информацией и получение письменных объяснений с их согласия, запрос государственных органов и других ведомств, а также предприятий, учреждений и организаций, а также справок, описаний, объяснений и других доказательств. Однако тот факт, что защитник не имеет права проводить экспертизу, создает определенные трудности при использовании его доказательств. Таким образом, при назначении экспертизы подозреваемому, обвиняемому или его защитникам задаются конкретные вопросы по уголовному делу, которые необходимо поставить перед экспертом, эти вопросы изменению не подлежат.

Как правило, государственным органом, ответственным за расследование преступления, должна реально предоставляться возможность, потерпевшему от преступления, помогать ему или ей в процессе расследования преступления. Ведь власти должны восстанавливать и защищать права жертв преступлений. В то же время закон требует, чтобы права подозреваемого были должным образом защищены. Однако такая поддержка со стороны дознавателя, следователя и прокурора противоречит природе правоохранительных органов. По этой причине многие зарубежные теоретики, исходя из прав и интересов подозреваемо-

го или обвиняемого, предлагали ввести в закон «параллельное расследование» или «адвокатское расследование» [14, с. 148]. В этом случае расследование адвоката подразумевает процессуальную деятельность, то есть процесс, приравненный к дознанию и предварительному следствию. Российский ученый А.В. Минаев также является сторонником создания Института адвокатуры в российском уголовном процессе, который он охарактеризовал так: «термин «адвокатское расследование» – это законная, публично-правовая деятельность, подозреваемого, обвиняемого, гражданского истца и гражданского ответчика, направленные на выявление, установление и подтверждение обстоятельств и фактов, имеющих значение для дела, в интересах лица, сообщающего информацию; защита своих прав и интересов» [12, с. 20].

Однако, на наш взгляд, информация, полученная в результате расследования адвоката, не может являться доказательством. Это связано с тем, что расследование адвоката не может считаться процессуальным действием. Подтверждением наших мыслей являются следующие высказывания И.Ю. Фойницкого. По его словам: «Обыск защиты является значительной частью деятельности защиты, но для того, чтобы сделать это должным образом, адвокатура должна иметь такие же полномочия для обеспечения справедливого судебного разбирательства, как и иные субъекты расследования, имеющие право искать обвиняемого» [13, с. 66]. Немецкий юрист, философ и политический деятель Фердинанд Лассаль также отметил то же самое: «прокурор работает с целой командой из более чем сотни полицейских, и только адвокат идет по этому пути, чтобы вынести законное, разумное и справедливое решение. будет пытаться бороться», – сказал он, подчеркнув неравную мощь сторон, борющихся за справедливость [10, с. 40]. Обобщая вышесказанное, можно сказать, что поиск путей защиты – это сущность института адвокатского расследования. Равноправие сторон должно выражаться только тогда, когда сторона защиты имеет право обжаловать неправомерные действия следственных органов. Однако добиться равенства сторон в уголовном процессе невозможно.

Можно сделать вывод, что укрепление правового статуса защитника на досудебной стадии и правовой основы для его деятельности по доказательству работы и устранение препятствий для полноценного функционирования его защиты не только повысит роль институт защиты в обществе, но и поможет предотвратить многие проблемы. Таким образом, юридически гарантируются равные возможности сторон представлять доказательства и полностью соблюдается принцип состязательности.

Список использованной литературы

1. Международный пакт о гражданских и политических правах (принят 16.12.1966 г. Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-м пленарном заседании Ген. Ассамблеи ООН) // Ведомости ВС СССР. – 1976. – № 17. – Ст. 291.
2. Конвенция о защите прав человека и основных свобод от 04.11.1950 г. // Права человека: Сборник универсальных и региональных международных документов. – Москва : Статут, 2007. – С. 520–527.

3. Основные принципы, касающиеся роли юристов : приняты в г. Гаване 27.08.–07.09.1990 г. восьмым Конгрессом ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями // Доклад восьмого конгресса ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями. – Гавана, 1990. – С. 131–137.
4. Основные положения о роли адвокатов, приняты VIII Конгрессом ООН по предупреждению преступлений, август 1990 г. // Советская юстиция. – 1991. – № 20. – С. 19–24.
5. Документ Копенгагенского совещания Конференции по человеческому измерению СБСЕ (подписан в г. Копенгагене 29.06.1990 г.) // Международные избирательные стандарты : сб. док. / отв. ред. А.А. Вешняков. – Москва : Статут, 2014. – С. 224.
6. Общий кодекс правил для адвокатов стран Европейского Сообщества. – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения 18.05.2020).
7. Конституция Российской Федерации от 12.12.1993 г. (ред. от 01.07.2020 г.) // Российская газета. – 1993. – № 237.
8. Бровченко С.В. Гарантии независимости адвоката. Проблемы обеспечения уголовно-правовых гарантий независимости адвокату, выступающему в российском уголовном судопроизводстве в качестве защитника / В.С. Бровченко // Вопросы адвокатуры. – 2018. – № 32. – С. 36–42.
9. Гарантии независимости адвоката при оказании квалифицированной юридической помощи : монография / А.А. Хмырова. – Москва : Прогресс, 2018. – 120 с.
10. Гизатуллин Р.Р. Актуальные вопросы реализации процессуальных полномочий защитника в уголовном процессе / Р.Р. Гизатуллин // Адвокатская практика. – 2018. – № 3. – С. 40–42.
11. Короткова П.Е. К вопросу о независимости адвокатской деятельности / П.Е. Короткова // Адвокатская практика. – 2019. – № 2. – С. 8–14.
12. Минаев А.В. Проблемы реализации прав защитника в уголовном процессе / А.В. Минаев, Э.М. Куулар // Администратор суда. – 2017. – № 4. – С. 20–26.
13. Рагулин А.В. Регламентация профессиональных прав адвоката-защитника, обеспечение их реализации и охраны по законодательству государств Восточной Европы / А.В. Рагулин // Евразийская адвокатура. – 2018. – № 1. – С. 66–69.
14. Сонькин Н.Б. Международно-правовые стандарты адвокатской деятельности. Правовые основы адвокатской деятельности и адвокатуры / Н.Б. Сонькин // Адвокатская деятельность и адвокатура в России. – 2016. – № 11. – С. 148–154.
15. Стецовский Ю.И. Защита адвоката от уголовного преследования / Ю.И. Стецовский // Адвокат. – 2017. – № 9. – С. 36–41.

Информация об авторах

Буфетова Марьям Шамильевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права, криминологии и уголовного процесса Института госу-

дарства и права Байкальского государственного университета, Иркутск, Россия, e-mail: Maryamf@list.ru.

Сарибекян Анна Викторовна – старший преподаватель кафедры уголовного права, криминологии и уголовного процесса Института государства и права Байкальского государственного университета, Иркутск, Россия, e-mail: Anna-161291@mail.ru.

Authors

Maryam Sh. Bufetova – Candidate of Law, Associate Professor of the Chair of criminal Procedure and Criminology of Institute of State and Law of Baikal State University, Irkutsk, Russia, e-mail: Maryamf@list.ru.

Anna V. Saribekyan – senior Lecturer of the Chair of criminal Procedure and Criminology of Institute of State and Law of Baikal State University, Irkutsk, Russia, e-mail: Anna-161291@mail.ru.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПО ЗАКОНОПРОЕКТУ О ВВЕДЕНИИ В УК РФ ПОНЯТИЯ УГОЛОВНОГО ПРОСТУПКА

В статье рассматриваются вопросы, касающиеся введения в уголовное законодательство России понятия уголовного проступка. Анализируется необходимость такого понятия в теории уголовного права, определены критерии отнесения деяния к уголовному проступку, предлагаемые Верховным Судом РФ, а также анализируется общая проработанность законопроекта.

Ключевые слова: уголовный проступок, уголовный закон, освобождение от уголовной ответственности.

Ya.V. Garmyshev, M.I. Kazarina

SOME QUESTIONS ON THE DRAFT LAW ON THE INTRODUCTION OF THE CONCEPT OF CRIMINAL OFFENSE IN THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

The article deals with issues related to the introduction of the concept of criminal misdemeanor into the criminal legislation of Russia. The article analyzes the necessity of such actions in the theory of criminal law, defines the criteria for classifying an act as a criminal offense proposed by the Supreme Court of the Russian Federation, and analyzes the overall elaboration of the draft law.

Keywords: criminal offense, criminal law, exemption from criminal liability.

В последнее время идея нормативного закрепления уголовного проступка достаточно активно обсуждается научной общественностью России. При реализации законодателем характеристик дифференциации уголовной ответственности в рамках гармонизации уголовного права необходима реализация ряда концептуальных идей, в числе которых решение вопроса о закреплении категории уголовных проступков. Сторонники введения уголовного проступка ссылаются на положительный опыт других государств, где концепция разграничения уголовно противоправных деяний на преступления и проступки реализована в уголовно-правовых системах развитых государств.

В теории уголовного права отмечается, что в понятие «уголовный проступок» могут быть определены части незначительных правонарушений, которые будут изъяты из уголовного и административного кодексов, что позволит идентифицировать уголовный проступок как деяние, которое формально содержит в себе признаки уголовно наказуемого преступления, но причиняемый вред является малозначительными не представляет большой общественной опасности, где наказание не связано с лишением свободы [1, с. 148].

Верховный Суд РФ постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 13.10.2020 г. № 24 предложил внести изменения в УК РФ в части введения поня-

тия уголовного проступка как основания освобождения от уголовной ответственности, обосновывая это необходимостью принятия дальнейших (после введения судебного штрафа) мер по гуманизации уголовного законодательства [2].

Нужно отметить, что подобный законопроект вносился в Государственную Думу РФ Верховным Судом РФ и ранее, однако был отклонен [3]. Что касается настоящего законопроекта, то его судьба на сегодняшний день не решена, в официальном отзыве Правительства РФ отмечено, что идея гуманизации уголовного закона и уменьшения лиц, имеющих судимость, заслуживает внимания и является актуальной, но проект нуждается в доработке.

Между тем, законопроект, действительно, представляется небесспорным. Можно выделить два главных вопроса, возникающих по законопроекту о введении в УК РФ понятия уголовного проступка.

Первый вопрос заключается в целесообразности такого введения при наличии административного законодательства и предусмотренных гл. 11 УК РФ оснований освобождения от уголовной ответственности.

Верховный Суд РФ не рассматривает уголовный проступок как самостоятельный вид правонарушения, поскольку «он содержит все признаки преступления, в том числе является общественно опасным, а с другой стороны, отличается тем, что его опасность для общества является минимальной». Между тем, исследователи в области административного права выделяют минимальную общественную опасность как признак административного правонарушения, что для административного права является аксиоматичным [4, с. 38]. Именно критерий общественной опасности ставится во главу угла при переходе административного правонарушения в разряд преступления и наоборот. В этой связи становится неясным, в чем заключается отличие уголовного проступка и административного правонарушения и состоит необходимость существования обеих сущностей.

Не бесспорным видится предложение Верховного Суда РФ о введении иных мер уголовно-правового характера в виде квазинаказаний за совершение уголовных проступков – общественных работ, ограниченно оплачиваемых работ. Данные меры уголовно-правового характера вступают в конфликт с наказаниями, назначаемыми в связи с привлечением к административной ответственности, которые и сейчас в некотором роде совпадают с уголовными наказаниями по направленности на ограничение и лишение прав и свобод граждан.

Освобождение от уголовной ответственности лица, если он впервые совершил уголовный проступок, загладил причиненный вред, видится попыткой смягчить меры уголовной репрессии применительно не к самому уголовному проступку как деянию, обладающему минимальной общественной опасностью, а к лицу, которое не представляет общественной опасности в качестве его «прощения». Об этом косвенно говорят формулировки пояснительной записки к законопроекту, о том, что не предполагается «безусловного освобождения от уголовной ответственности, при решении этого вопроса принимаются во внимание данные, характеризующие личность лица, привлеченного к уголовной ответственности». Другими словами, предполагается, что суд будет учитывать данные о личности лица, совершившего уголовный проступок.

В этой связи высказанная учеными надежда, что введение уголовного проступка позволит устранить усмотрение следователя и суда при решении вопроса о малозначительности деяния, как основания для непривлечения к уголовной ответственности, не ставящего условий о личности виновного, пока не сбывается [5, с. 415].

Представляется также, что отсутствие факта о привлечении лица к уголовной ответственности в силу малозначительности деяния или в силу привлечения к административной ответственности за правонарушение является более значимым для лица, нежели освобождение от уголовной ответственности.

В теории уголовного права не сложилось единого мнения о необходимости введения понятия уголовного проступка в уголовное законодательство, существует несколько подходов по данному вопросу. Так, отдельные исследователи указывают о необходимости введения понятия уголовного проступка, обосновывая это, например, тем, что декриминализация деяний путем перевода их в разряд административных правонарушений ослабит борьбу с некоторыми опасными противоправными деяниями, например, с кражами, побоями, преступлениями, связанными с незаконным оборотом наркотиков [6, с. 23–26]. Между тем, декриминализация побоев без специальных мотивов, как показывает практика, дала неплохие результаты, в сравнении с тем, когда такие побои признавались уголовно-наказуемыми [7].

Однако ряд представителей науки уголовного права относятся к введению уголовного проступка более настороженно, проводя параллели с административными правонарушениями, указывая на неспособность уголовного проступка оказать серьезное воздействие на уголовную политику [8; 9].

Хотя административное законодательство, как утверждают ученые и отмечает Европейский Суд по правам человека, не лишено недостатков, тем не менее, упрощенная процедура привлечения к административной ответственности выглядит привлекательной и практичной для правоприменителя, сомнительно, что государство готово отказаться от КоАП РФ в пользу уголовного проступка и надлежащих процессуальных гарантий прав обвиняемого, но «затянутого» уголовного процесса [10].

Таким образом, идея об уголовном проступке по которой предлагается декриминализовать часть деяний, придать им меньший статус общественной опасности, ввести более простое процессуальное производство по таким делам, не может вызывать серьезных возражений, однако, как отмечается в литературе это можно было сделать более простым путем: декриминализации преступных деяний, что, полагаем, будет более правильным и наиболее простым и понятным решением вопросов в системе дифференциации уголовной ответственности.

Следующий вопрос заключается в критериях отнесения преступления к уголовному проступку и в достаточности степени разработанности проекта о введении понятия уголовного проступка.

Изначально в основу отнесения деяния к уголовному проступку Верховным Судом РФ был положен критерий отнесения преступления к категории преступлений небольшой тяжести, за которые не предусматривается название в виде лишения свободы, что представляется не лишним разумного основания.

Однако Верховный Суд РФ в этом же законопроекте далее по тексту предлагает распространить уголовный проступок и на преступления средней тяжести в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, мотивируя это необходимостью «защиты представителей предпринимательского сообщества от необоснованной уголовной репрессии». Данное предложение представляется выпадающим из представлений ученых о сущности уголовного проступка, так же как и «необоснованность» уголовной репрессии в отношении таких преступлений.

Непонятным представляется выбор именно такого, а не иного перечня преступлений в качестве тех, совершение которых будет признаваться уголовным проступком. В списке представлены и не «народные» преступления, под эгидой которых Верховный Суд РФ и предлагает изменения в УК РФ, основываясь на экономии мер уголовной репрессии и гуманизации наказания и уголовной ответственности, приводя в пример общие цифры осуждения лиц за преступления небольшой тяжести (305 011 лиц). Между тем, количество преступлений, совершаемых в связи с осуществлением предпринимательской и иной экономической деятельности, коих Верховный Суд РФ предлагает закрепить 30 составов как относящихся к уголовному проступку, слишком мало в сравнении с остальными преступлениями (в 2019 г. осуждено 700 лиц). Такие статистические данные представляются не вполне репрезентативными.

Таким образом, внедрение института уголовного проступка несет в себе как положительные аспекты, так и отрицательные: с одной стороны, его появление повлечет декриминализацию незначительных преступлений, что позволит дифференцировать уголовную ответственность за их совершение в зависимости от характера и степени общественной опасности, упростить судебную процедуру рассмотрения уголовных дел. С другой стороны, существует риск того, когда отдельные административные правонарушения станут уголовными проступками, что, может ухудшить правовое положение лиц, совершивших правонарушения, и полагаем, что на сегодняшний день дифференциация уголовной ответственности может быть более эффективно реализована путем внесения изменений и дополнений в отдельные статьи Уголовного кодекса с учетом современных социально-политических, экономических и иных процессов жизнедеятельности государства.

Список использованной литературы

1. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 13.10.2020 г. № 24. – URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1112019-7> (дата обращения: 01.03.2021).
2. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением понятия уголовного проступка : законопроект № 612292-7. – URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/612292-7> (дата обращения: 01.03.2021).
3. Хилюта В.В. Уголовный проступок: быть или не быть? // Юристы-Правоведь. – 2019. – № 2. – С. 147–152.

4. Есаков Г.А. От административных правонарушений к уголовным проступкам, или о существовании уголовного права в «широком» смысле // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2013. – № 1. – С. 37–45.
5. Рогова Е.В. Учение о дифференциации уголовной ответственности : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08. – Москва, 2014. – 596 с.
6. Гаврилов Б.Я. Уголовный проступок в стратегии развития уголовного права России в XXI веке // Борьба с преступностью: теория и практика : тез. докл. 5-й Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию обр. милиции Беларуси. – Могилев, 2017. – С. 23–26.
7. Четверикова И., Ходжаева Е. Ведомости, Extra Jus: Чем полезна декриминализация побоев. – URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2017/12/14/745205-dekriminalizatsiya-poboev> (дата обращения: 01.03.2021).
8. Дикаев С.У. Нужно ли Казахстану кардинальное изменение уголовного законодательства и нужна ли уголовная ответственность за проступки? // Криминология: вчера, сегодня, завтра. – 2013. – № 2 (29). – С. 22–24.
9. Толкаченко А.А. К обсуждению проекта федерального закона в связи с введением понятия уголовного проступка, или чем может помочь Постановление Пленума ВС РФ от 31.10.2017 г. № 42 практики применения судебного штрафа // Закон. – 2018. – № 1. – С. 137–150.
10. Есаков Г.А. Уголовные проступки в системе российского права // *Berührungspunkte in der deutschen und russischen Strafrechtswissenschaft* / под науч. ред. У. Хелльманн, А.И. Рапог. – Potsdam : Universitätsverlag Potsdam, 2013. – С. 55–59.

Информация об авторах

Гармышев Ярослав Владимирович – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права, криминологии и уголовного процесса Байкальского государственного университета, Иркутск, Россия, e-mail: garmyv@mail.ru.

Казарина Марина Игоревна – старший преподаватель кафедры уголовного права, криминологии и уголовного процесса Байкальского государственного университета, Иркутск, Россия, e-mail: kazarinami@yandex.ru.

Authors

Yaroslav V. Garmyshev – Candidate of Law, Associate Professor of the Chair of Criminal Law, Criminology and Criminal Process of Institute of State and Law of Baikal State University, Irkutsk, Russia, e-mail: garmyv@mail.ru.

Marina I. Kazarina – Senior Lecturer of the Chair of criminal Procedure and Criminology of Institute of State and Law of Baikal State University, Irkutsk, Russia, e-mail: kazarinami@yandex.ru.

КИБЕРМОШЕННИЧЕСТВО: ВИКТИМОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В статье рассмотрены отдельные вопросы, касающиеся жертв кибермошенничества. Автором выделены типичные формы этих преступлений и описаны соответствующие им виктимизирующие действия. Предложена сравнительная характеристика психологических особенностей мошенников и их жертв. Указаны некоторые особенности потерпевших от кибермошенничеств (гендерные, возрастные, психологические).

Ключевые слова: кибервиктимология, жертвы кибермошенничества, кибервиктимность, потерпевшие от интернет-мошенничеств.

D.V. Zhmurov

CYBERFRAUD: A VICTIMOLOGICAL ASPECT

The article discusses certain issues related to victims of cyberfraud. The author highlights the typical forms of these crimes and describes the corresponding victimizing actions. A comparative characteristic of the psychological characteristics of fraudsters and their victims is offered. Some features of victims of cyberfraud (gender, age, psychological) are indicated.

Keywords: cyber victimology, victims of cyber fraud, cyber victimization, victims of online fraud.

Кибермошенничество не является отдельным преступлением, оно включает в себя широкий спектр компрометирующих деяний, совершаемых в виртуальной среде.

По одним данным эти преступления ограничиваются причинением материального или иного ущерба путем хищения личной информации пользователя, как правило платежной или идентификационной [3]. По другим сведениям, пределы мошеннической активности не ограничены исключительно присвоением персональных сведений. Эта сфера чрезвычайно диверсифицирована. Она включает в себя десятки преступных схем: начиная от сокрытия или предоставления неверной информации (в брачных объявлениях, при купле-продаже на торговых площадках, инвестировании, ставках) и заканчивая сбором или использованием конфиденциальных данных (нелегальным в Даркнете, полулегальным в открытых источниках, в форме заимствования цифровых идентификаторов и т.д.). В любом случае все эти примеры являют собой разные виды манипулирования информацией в результате чего жертва остается без денег или имущественных прав.

Можно говорить о появлении целой индустрии виртуальных мошенничеств. Несмотря на их значительное количество способами совершения таких преступлений по-прежнему остаются *обман* (активный – намеренное введение

в заблуждение; пассивный – утаивание истинной информации) и *злоупотребление доверием*. На этой почве продолжают разрастаться многообразные формы мошеннической активности. Только в сети интернет их насчитывается более тридцати (см. табл. 1).

Несмотря на новизну технологий и не всегда знакомую терминологию суть этих действий остается неизменной. Указанные лица, как и десятки лет тому назад, поступают одинаково. Они:

- 1) предлагают совершить какую-либо сделку на условиях, которые значительно выгоднее обычных;
- 2) сулят без особых усилий получить материальные ценности и блага;
- 3) мотивируют потерпевших действовать в спешке, без тщательного обдумывания своих поступков;
- 4) выдают себя за тех, кем не являются (за богатых, влиятельных, преуспевающих людей, либо бедных и больных, чиновников, врачей, работодателей, продавцов и пр.);
- 5) используют человеческие страхи и непросвещенность для манипулирования своими жертвами.

Мошенники в меру умны, технически грамотны, изобретательны и уверены в своей безнаказанности. Наиболее успешные характеризуются словами Дона Винченцио из к/ф «Операция Святой Януарий». Про ловкого жулика он заметил: «Настоящий виртуоз! Успел обчистить автобус с иностранцами, пока те разглядывали в окна дым над Везувием. – Над Везувием нет дыма...– Перед этим он его там разжег...».

Таблица 1

Виды кибермошенничества и сопутствующий им алгоритм виктимизации

Наименование		Описание виктимизирующих действий
В сфере трудоустройства	Ложное трудоустройство	Различные формы предложения работы для поступления на которую требуется уплатить взнос, конкурсную комиссию и пр. В другом варианте предлагается погасить стоимость услуг рекрутингового агентства, которое выступит посредником при устройстве на высокооплачиваемую должность (в России, либо за ее границей)
	Работа на дому	Предоставление реальной работы, но без разъяснения ее криминальной специфики. Например, черные и серые схемы дроповодства, когда человеку предлагается получать по почте посылки и отправлять их другим адресатам. При этом, как правило, не упоминается, что в посылках товар оплаченный с краденных банковских карт (для разводных дропов). Таким образом, человек наверняка того не зная может принять участие в реализации преступной схемы
	Трудоустройство без оплаты	Выдача задания (платных заказов) на выполнение тех или иных услуг для самозанятых (фрилансеров) в интернете без дальнейшей оплаты за работу
В кредитно-финансовой сфере	Кредитные аферы	Включает всевозможные предварительно оплаченные консультации, обязательства оформить кредит заемщику с плохой кредитной историей, снизить процент по платежам, пересмотреть долги перед банками и пр.

Наименование		Описание виктимизирующих действий
	Денежные переводы	Оповещение о том, что сделан перевод средств, но он попал не к тому получателю, либо средства значительно завышена и часть денег необходимо вернуть. После этого транзакция со стороны мошенника отменяется, либо ее вообще не было
	Нарушение приватности финансовых операций	Человека убеждают в том, что его средства пытаются (пытались) похитить и предлагают помощь в решении этой проблемы (карта взломана, заблокирована, идут подозрительные списания и пр.)
	Инвестиции в бизнес	Предложение вложить денежные средства в развивающийся бизнес-проект (например, стартапы на краудфандинговых площадках), либо купить «прибыльную» франшизу
	Инвестиции в финансовые инструменты	Предложение инвестировать в сомнительные высокодоходные ценные бумаги, криптовалюты, операции на валютном рынке и пр. (инвестиционный механизм ICO, форекс, несуществующие криптографические средства платежа)
	Обмен валют	Выходят с предложением обменять валюту онлайн по выгодному курсу. В конечном итоге, комиссия оказывается значительно выше первоначально заявленной, либо обменник оказывается фейковым
	Страхование	Прямая продажа страховых полисов (поддельных, недействительных, продажа страховых полисов компаний, либо уже ушедших с рынка, либо тех, у кого приостановлена лицензия; искажение данных страхователя, получение денежных средств за страховой полис и непередача их в страховую компанию, а также намеренные ошибки при заполнении бланка полис)
В сфере азартных игр	Лотереи и тотализаторы	Оповещают о победе в розыгрыше, лотерее и предлагают забрать выигрыш. Для этого необходимо оплатить налог или сбор после чего, якобы, будет осуществлена выплата призового фонда
	Казино	Осуществляют сбор средств игроков и под разными предлогами не выплачивают выигранные деньги (якобы на основании блокировки аккаунта, вновь появившихся требований службы безопасности, использования игроком недопустимых криптовалют, обвинения их в читерстве и пр.)
	Букмекерские услуги	Приглашают заработать деньги на различных ставках по беспроигрышной «авторской» методике (ставки на спорт, продажа договорных матчей, продажа прогнозов, раскрутка счета в букмекерской конторе и т.д.)
В сфере здоровья и медицинского обслуживания	Продажа медицинского оборудования и препаратов	Создание ресурсов, продающих некачественную продукцию (БАДы, медицинские препараты и приборы для здоровья) под видом дорогостоящих и эффективных средств лечения
	Консультационные услуги медицинских работников	Проведение консультаций и дистанционного лечения от имени дипломированных специалистов в области медицинских наук

Наименование		Описание виктимизирующих действий
	Консультационные услуги колдунов, магов, целителей	Проведение консультаций и удаленного лечения от имени представителей альтернативной (народной) медицины
	Помощь в оформлении справок, рецептов, записи на прием, получении медицинских документов	Посреднические услуги в медицинской сфере, как правило, ограничивающиеся реализацией фальшивых бланков, рецептов, заведомо невыполнимыми обещаниями и пр.
В сфере цифровых и информационных прав	Кража личных данных	Любые формы мошенничества с целью получения доступа к конфиденциальным данным пользователей (фишинг, спуфинг, кьюшинг, фальшивые доменные имена, и пр.)
	СМС-мошенничества	Оформление платных подписок без согласия пользователя; ложная верификация телефона, когда необходимо отправить обратное смс, а оно оказывается чрезвычайно дорогостоящим
	Фейковые курсы и интерсивы	Серии бесполезных и малоэффективных учебных занятий по какой-либо теме («как похудеть за несколько дней?», «накачать собственное тело», «заработать миллион», стать авитологом, сделать «карту собственных желаний», чтобы они исполнились; запустить воздушный шарик с «долгами» или «обидами»; курсы по влюблению в себя мужчин; курсы успешности и пр.)
	Доступ к ресурсам	Предоставление возможности использовать бесплатную версию интересного пользователю ресурса. После получения платежных средств, мошенник присваивает их и подписывает клиента на стандартную платную версию. В других случаях, жертву заинтересовывают чем-либо (например, продолжением общения с девушкой) и за продолжения этой деятельности требуют оформления премиум аккаунта
	Доступ к программам	Продажа фиктивных программ для взлома чужих интернет-кошельков, бесплатного использования ресурсов интернет-провайдера и пр.
В сфере предоставления услуг и продажи товаров	Продажа несуществующих товаров и оказание мнимых услуг	Осуществление услуг и продажа товаров по заниженным ценам (глобальные распродажи, карженная техника, конфискат, продажа со склада, продажа билетов на мероприятия, квартиры посуточно, туристические сертификаты или таймшеры и т.д.). Кроме этого, может выражаться в оформлении несуществующих подписок (на книги, кино, музыку)
	Покупка реальных товаров и услуг	Приобретение товаров и услуг с имитацией оплаты (несуществующими чеками, фальшивыми деньгами, отзывными транзакциями и проч.), либо с оплатой с украденных кредитных карт для последующей перепродажи
	Мошенничество с программами лояльности	Получение информации, касающейся подарочных карт, которые были выпущены, но не были использованы. Хищение данных накопительных карт с остатком. Манипуляции

Наименование		Описание виктимизирующих действий
		с банковскими кэшбэками и профессиональный возврат товаров. Участие в партнерских программах крупных сайтов и нелегальное оформление на них рефералов
В сфере осуществления государственных полномочий	Мошенничество в области социальной помощи	Предоставление социальной помощи, выплат на ребенка, компенсационных платежей, льготных займов (осуществляется для сбора персональной информации и получения с клиентов сборов за несуществующие льготы)
	Лжеответственность	Имитация исполнения карательных функций государства с назначением штрафов в пользу бюджета (за нарушение режима самоизоляции, правил дорожного движения и т.д.)
	Официальная помощь в реализации государственных услуг	Посредничество в получении официальных документов, ускорение очереди на получение каких-либо благ, запись в детские сады и т.п.
	Неофициальная помощь в реализации государственных услуг	Полулегальное или откровенно криминальное посредничество в получении государственных услуг (оформление загранпаспорта на другую фамилию, внеочередное снятие судимости, оформление документов на льготы, которые не положены; организация выезда за границу невыездным лицам)
В сфере межличностных отношений	Мошенничества на доверии	Датинг-скам или мошенничества в сфере знакомств и интимных отношений (краткосрочные и долгосрочные), связаны с просьбами финансового характера со стороны партнера
	Лжеблаготворительность	Интернет попрошайничество, обращение с просьбами пожертвовать определенную сумму на благую цель (помощь приюту животных, лечение ребенка и много другое)

Каждое из перечисленных мошенничеств рассчитано на определенный тип жертвы. В любом случае за мошенниками и пострадавшими от их действий отмечаются некие основополагающие или ключевые характеристики. Сравнительное соотношение этих психологических черт представлено в табл. 2.

Таблица 2

Соотношение психологических особенностей мошенника и его жертвы

Мошенник	Жертва
Убедительный, обходительный, хороший психолог, манипулирует жертвой, навязчивый, хитрый, стратегически мыслящий, грамотный, уравновешенный, бессовестный, психологически доминирует над жертвой, изворотливый, скрытный, предприимчивый	Неопытный, легкомысленный, доверчивый, хочет легко и быстро «заработать» деньги, хочет купить товар намного дешевле, чем в магазине, невнимательный, простодушный, не задумывается о последствиях своих действий, самоуверенный, суетливый, алчный, наивный, безответственный

Главным образом, мошенничество строится на обещаниях достижения потребностей потерпевшего.

Вместе с тем, не всегда следует признавать интернет-мошенничеством различного рода виртуальные вымогательства, например, использование Ransomware, троянов-вымогателей или блокировщиков компьютера. Немалая

часть авторов некритично относят эти деяния к кибермошенничествам. Но в данном случае обмана не происходит. Программа попадая на компьютер жертвы, ограничивает доступ к файлам пользователя и требует выкуп за продолжение работы. Сходные ситуации, без установки вредоносного ПО, все-таки можно отнести к мошенническим. Ими являются порно-вымогательства, когда потерпевшему приходит письмо примерно следующего содержания: «Кажется, *** – это ваш пароль. Вы меня не знаете и наверняка очень удивились, получив это письмо. Дело в том, что я взломал порносайт, на который вы заходили... Если не хотите, чтобы эта информация стала общеизвестной, придется заплатить». В данном случае преступник обманывает и рассчитывает на панику жертвы, а ее реальный пароль, использованный для придания правдоподобия происходящему, как правило, берется из базы паролей, купленной в сети.

По половому признаку жертвами мошенничеств чаще становятся женщины. В ходе опроса интернет-пользователей, проведенного В.С. Соловьевым, из одиннадцати типов мошеннических действий в девяти случаях наблюдается существенное превышение доли пострадавших лиц женского пола [1]. Шесть видов мошеннических действий характеризуются значительной долей несовершеннолетних потерпевших. Среди них виктимизация вследствие обмана на валютном рынке Форекс (36,5 %); приобретения программ для бесплатной мобильной связи и интернета (33,3 %); денежной помощи друзьям, «обратившимся» со взломанных аккаунтов (33,3 %); потерянной предоплаты (32,3 %); фишинга (26,6 %); отправления денег на «волшебный кошелек» (25 %).

Таким образом, жертвы мошенничеств – это неоднородная группа потерпевших, поскольку криминальные стратегии преступников чрезвычайно разнообразны. Женщины, согласно выводам локальных опросов, в большей степени подвержены виктимизации от данного вида преступлений. Пожилые люди, несмотря на то, что являются одной из групп риска мошенничества вообще [2], в интернет-сегменте представлены не столь значительно. Это связано с небольшим распространением интернет-технологий в этой возрастной группе и не является сущностным признаком. Через несколько поколений, когда состарятся люди, воспитанные на кибертехнологиях, статистика, вероятно, выровняется. Критерием классификации жертв кибермошенничества могут быть способы его совершения. В соответствии с ними можно выделить:

– *коммуникационных жертв*, т.е. пострадавших в ходе использования различных коммуникативных приемов (социальная инженерия; методы, основанные на использовании фобий и страхов потерпевшего; его легковерности, асоциального поведения и неадекватных ожиданий);

– *жертв подлога* – людей, которых ввели в заблуждение путем намеренных фальсификаций (подделка сайтов, фальшивые объявления, имитация интернет-продаж, инвестиций, трудоустройства и пр.);

– *жертв инсценировки*, которые были убеждены в правдоподобности неких событий, разыгрываемых преступником (социальная помощь, интернет-попрошайничество);

– *комбинированных жертв*, пострадавших в результате использования всех вышеназванных способов.

В конечном итоге, остается констатировать, что мошенники эксплуатируют самые разные качества людей: доверчивость, зависть, алчность, стремление бесплатно получить то, что имеет материальную стоимость, азарт, гуманизм и стремление помочь другим, страх потерять свою собственность и проч. Наиважнейшим в данном контексте является отсутствие у потерпевших критического мышления, которое требует рефлексии и внимательности к принятию решений. Как выразился Ж. Лабрюиер: «водись на свете поменьше простаков, было бы меньше и тех, кого называют хитрецами и ловкачами». Потерпевшие от интернет-мошенничеств – это перевоплощение традиционных жертв преступного обмана, но только совершенного в виртуальном пространстве.

Список использованной литературы

1. Соловьев В.С. Мошеннические действия в социальном сегменте сети Интернет (криминологическое исследование по результатам интернет-опроса пользователей) / В.С. Соловьев // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. – 2018. – Т. 8. – № 3 (28). – С. 100–108.

2. Кабанов. П.А. Жертвы российской преступности: геронтологический аспект (криминологический анализ виктимологической статистики за 2014–2015 гг.) / П.А. Кабанов // Виктимология. – 2016. – № 1. – С. 9–16.

3. Что такое кибермошенничество и какая наступает за него уголовная ответственность // Отдел МВД России по Белоглинскому району. – URL: <https://белаяглина.23.мвд.рф/news/item/20243491> (дата обращения: 17.03.2021).

Информация об авторе

Жмуров Дмитрий Витальевич – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии Байкальского государственного университета экономики и права, руководитель проекта «Национальная энциклопедическая служба России», Иркутск, Россия, e-mail: zdevraz@ya.ru.

Author

Dmitriy V. Zhmurov – Candidate of Law, Associate Professor of the Chair of Criminal Law, Criminology and Criminal Process, Law Institute of Baikal State University, Coordinator, Project «National Encyclopedic Service of Russia», Irkutsk, e-mail: zdevraz@ya.ru.

СВЕДЕНИЯ О ЛИЧНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО КАК ЭЛЕМЕНТ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

В статье рассматриваются сведения о личности несовершеннолетнего преступника как определяющего элемента криминалистической характеристики преступлений. Обосновывается важность всестороннего изучения личности несовершеннолетнего преступника, анализ его преступной деятельности в контексте обстоятельств совершенного преступления, материальных и идеальных следов, его личностных характеристик, семейных связей, круга общения, интересов.

Ключевые слова: несовершеннолетний преступник, криминалистическая характеристика преступлений.

O.S. Kaigorodova

INFORMATION ABOUT THE IDENTITY OF A MINOR AS AN ELEMENT OF THE CRIMINALISTIC CHARACTERISTICS OF CRIMES

The article considers information about the identity of a minor criminal as a defining element of the criminalistic character of crimes. The article substantiates the importance of a comprehensive study of the personality of a minor criminal, the analysis of his criminal activity in the context of the circumstances of the crime, material and ideal traces, his personal characteristics, family ties, social circle, interests.

Keywords: juvenile delinquent, criminalistic characteristics of crimes.

В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента РФ от 31.12.2015 г. № 683, повышение эффективности деятельности правоохранительных органов и специальных служб, органов государственного контроля (надзора), совершенствования единой государственной системы профилактики преступности, в первую очередь среди несовершеннолетних, и иных правонарушений (включая мониторинг и оценку эффективности правоприменительной практики), разработку и использование специальных мер, направленных на снижение уровня криминализации общественных отношений выделяют как одно из главных направлений государственной и общественной безопасности [5]. И это не случайно. Несмотря на некоторую стабильность в уровне преступности несовершеннолетних, этот аспект многие годы вызывает озабоченность на всех уровнях власти. Обобщенные за пять лет сведения о несовершеннолетних, совершивших преступления, представляют следующую картину: каждый двадцать третий (4,3 %) является несовершеннолетним. Четыре несовершеннолетних (83,1 %) из пяти привлекаются к ответственности за совершение преступлений против собственности. Несовершеннолетним является почти каждый пятый (19,0 %) обвиняемый в неправо-

мерном завладении автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения, каждый десятый, совершивший грабеж (10,3 %) и кражу (9,9 %) [8].

Ситуация осложняется и определенным преступным «взрослением» несовершеннолетних. «Несовершеннолетние отличаются активной криминальной изобретательностью и довольно быстро осваивают совершение новых для их возраста преступлений. Подростками совершаются преступления, которые в недалеком прошлом были характерными только для взрослых: незаконный оборот наркотиков, оружия, участие в экстремистской деятельности и действиях террористического характера; похищение заложников; вымогательство; мошеннические действия с ценными бумагами, валютой, с использованием платежных карт в сфере компьютерной информации и др. То есть современная преступность несовершеннолетних, с одной стороны, ничем не отличается от преступности прошлых лет, а с другой – очевидны новые тенденции в ней» [4, с. 7]. Эти тенденции необходимо учитывать при изучении личности несовершеннолетних, вовлеченных в сферу уголовного судопроизводства, оценке их преступных деяний, роли в совершении преступления.

Статистические сведения с 2015 по 2019 г. позволили получить следующую картину о несовершеннолетних, совершающих преступления [8]:

	2015	2016	2017	2018	2019
Всего	55 993	48 589	42 604	40 880	37 953
По полу:					
мужчин	49 274	43 020	38 336	36 749	34 107
женщин	6 719	5 569	4 168	4 111	3 846
По возрасту, лет					
14–15	17 225	15 604	14 883	14 848	13 794
16–17	38 768	32 985	27 621	26 012	24 159
По социальной принадлежности:					
наемных работников	501	406	311	260	245
учащихся, студентов	39 968	35 028	31 518	30 598	28 468
Из общего числа выявленных лиц, совершивших преступления:					
без постоянного источника дохода	9 942	5 511	3 692	2 771	1 897
безработных	99	50	24	33	48
ранее совершавших преступления	14 306	12 778	11 022	10 035	9 357
совершили преступления: в группе (всего)	23 643	21 463	19 889	19 508	17 882
в том числе: организованной	79	57	70	86	90
в состоянии опьянения: алкогольного	7 521	6 724	5 355	4 832	4 417
наркотического и токсического	683	561	361	185	112

По видам преступлений, совершенных несовершеннолетними [8]:

- 1) убийства, покушение на убийство, изнасилование, покушение на изнасилование, причинение тяжкого вреда здоровью в 2015 г. – 1,6 %, в 2019 г. – 1,8 %;
- 2) разбой, грабеж в 2015 г. – 8,9 %, в 2019 г. – 8,9 %;
- 3) кражи в 2015 г. – 62,5 %, в 2019 г. – 60,7 %;
- 4) хулиганство в 2015 г. – 0,1 %, в 2019 г. – 0,1 %;
- 5) вымогательство в 2015 г. – 0,7 %, в 2019 г. – 1,2 %;
- 6) незаконное изготовление, приобретение, хранение, перевозка, пересылка либо сбыт наркотических средств или психотропных веществ в 2015 г. – 5,8 %, в 2019 г. – 5,6 %;
- 7) иные преступления в 2015 г. – 20,4 %, в 2019 г. – 21,4 %.

Таким образом, несмотря на снижение количества преступлений, совершенных несовершеннолетними, наблюдается их качественный в криминальном отношении рост. Выросло, пусть и не значительно, количество убийств, покушений на убийство, изнасилование, покушение на изнасилование, причинение тяжкого вреда здоровью, вымогательство. На прежнем уровне остались совершенные несовершеннолетними хулиганства и иные категории преступлений. Снижение произошло за счет краж и преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств незаконного изготовления, приобретения, хранения, перевозки, пересылки либо сбыта наркотических средств или психотропных веществ. То есть, рост открытых, дерзких, насильственных преступлений произошел за счет снижения тайно совершаемых. Это, безусловно, характеризует сегодня юное поколение, чьи личностные характеристики накладывают свой отпечаток на всю их деятельность, в том числе, криминальную. Так, например, в школе № 127 города Пермь двое несовершеннолетних, вооружившись ножами, ворвались в класс к четвероклассникам и нанесли телесные повреждения девяти ученикам и учителю. Также, сами нападавшие нанесли друг другу порезы. Одним из участников преступления оказался десятиклассник, второй – бывший ученик этой же школы [6]. И таких примеров, к сожалению, много.

В связи с этим большое значение имеет понимание криминалистической характеристики преступлений, знание ее элементов и взаимосвязей между ними.

Криминалистическая характеристика преступлений, как научная категория, не возникла одновременно с наукой – криминалистикой. Вместе с тем, она плотно заняла свою нишу, найдя отражение как в теоретических трудах, так и практическом применении. Благодаря знанию элементов криминалистической характеристики преступлений, корреляционных связей между ними можно выдвинуть обоснованные следственные версии, определить направления деятельности, сопоставить материальные и идеальные следы преступлений.

Анализ точек зрения криминалистов, личный опыт работы автора в следственных подразделениях позволили прийти к выводу о взаимосвязи таких элементов криминалистической характеристики преступлений, совершенных несовершеннолетними, которые отражают ее специфику и характеризуют данную группу преступлений, как сведения о личности преступника, сведения о

личности потерпевшего, способ совершения преступления, типичные следы и механизм их образования, обстановка совершенного преступления.

Многие ученые – криминалисты в составе криминалистической характеристики преступлений определяющим элементом выделяют способ его совершения. Данная позиция не лишена основания. Ее обоснованием выступает тот момент, что одним из известных элементов криминалистической характеристики совершенного преступления на первоначальном этапе расследования, в условиях информационной неопределенности, является способ совершения преступления. Его анализ, сопоставление с материальной обстановкой и идеальными следами позволяет выдвинуть версии и определить план мероприятий, направленных на раскрытие преступления по «горячим следам», задержание преступника и т.д. Вместе с тем, по нашему мнению, определяющим элементом в структуре криминалистической характеристики преступлений выступают сведения о личности преступника, так как именно личностные качества индивида влияют на его действия, в том, числе, преступные, и отображение этой деятельности в материальной обстановке и идеальных образах [3, с. 6]. Даная точка зрения нашла свое отражение в более поздних трудах криминалистов. Так, А.Т. Анешева, А.А. Кузнецов, поддерживая точку зрения автора, считают, что личность несовершеннолетнего является неотъемлемой и системообразующей частью содержания криминалистической характеристики преступлений [1, с. 16]. Нельзя не согласиться с О.П. Грибуновым утверждающим, что «для криминалистической характеристики преступлений, пристальное внимание которой уделяется на протяжении нескольких десятилетий, в первую очередь интерес представляют данные о личности преступника, указывающие ее закономерные связи с совершенным преступлением, в том числе проявляющиеся в следах и последствиях совершенного противоправного деяния» [2, с. 56]. Таким образом, сведения о личности преступника, по нашему мнению, в структуре криминалистической характеристики преступлений, совершенных несовершеннолетними, выступают определяющими по отношению к сведениям о личности потерпевшего, предмету преступного посягательства, способу и обстановке совершенного преступления. Предмет преступного посягательства и личность потерпевшего, в свою очередь, выступают мотивирующими фактами для реализации преступного умысла несовершеннолетнего.

Следовательно, сведения о личности несовершеннолетнего преступника, во взаимосвязи с другими элементами, будут характеризовать совершенное преступление и позволят объективно оценивать имеющиеся доказательства по уголовному делу. Изучение личности несовершеннолетнего, совершившего преступление, осуществляется в контексте обстоятельств, входящих в предмет доказывания. К таковым уголовно-процессуальное законодательство в ст. 73 относит: событие преступления (время, место, способ и другие обстоятельства совершения преступления); виновность лица в совершении преступления, форма его вины и мотивы; обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого; характер и размер вреда, причиненного преступлением; обстоятельства, исключающие преступность и наказуемость деяния; обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание; обстоятельства, которые могут повлечь за собой

освобождение от уголовной ответственности и наказания; обстоятельства, подтверждающие, что имущество, подлежащее конфискации в соответствии со ст. 104.1 Уголовного кодекса Российской Федерации, получено в результате совершения преступления или является доходами от этого имущества либо использовалось или предназначалось для использования в качестве орудия, оборудования или иного средства совершения преступления либо для финансирования терроризма, экстремистской деятельности (экстремизма), организованной группы, незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации). Также подлежат выявлению обстоятельства, способствовавшие совершению преступления.

Уголовно-процессуальный закон Российской Федерации, наряду с общими, содержит и специальные нормы, конкретизирующие предмет доказывания по уголовным делам в отношении несовершеннолетних. Статья 421 УПК РФ к таковым относит: возраст несовершеннолетнего, число, месяц и год рождения; условия жизни и воспитания несовершеннолетнего, уровень психического развития и иные особенности его личности; влияние на несовершеннолетнего старших по возрасту лиц. При наличии данных, свидетельствующих об отставании в психическом развитии, не связанном с психическим расстройством, устанавливается также, мог ли несовершеннолетний в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими. При производстве предварительного расследования и судебного разбирательства по уголовному делу о преступлении средней тяжести или тяжком преступлении, совершенных несовершеннолетним, за исключением преступлений, указанных в ч. 5 ст. 92 УК РФ, устанавливается также наличие или отсутствие у несовершеннолетнего заболевания, препятствующего его содержанию и обучению в специальном учебно-воспитательном учреждении закрытого типа, для рассмотрения судом вопроса о возможности освобождения несовершеннолетнего от наказания и направлении его в указанное учреждение в соответствии с ч. 2 ст. 92 УК РФ.

При изучении сведений о личности несовершеннолетних преступников необходимо учитывать, что их действия, мотивация, образ жизни зависят от имеющегося жизненного опыта, навыков, стремлений, от того, действуют ли они в одиночку или совершают преступление в составе группы лиц. Статистика свидетельствует, что несовершеннолетние чаще совершают преступления в одиночку. Представляется, что в реальности ситуация несколько иная. Несовершеннолетним более свойственна групповая, в том числе, преступная, деятельность. На наш взгляд, низкие показатели преступности несовершеннолетних, совершивших преступное деяние группой лиц, обусловлены недостаточно эффективной деятельностью правоприменительных органов, в том числе, недостаточным знанием психологии несовершеннолетних, отсутствием анализа заключения комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы. Соответственно, не ведется работа по преодолению противодействия в виде дачи несовершеннолетними ложных показаний.

Установление информации о наличии взрослых соучастников, представляется очень важной. Зачастую именно совершеннолетние являются организа-

торами преступлений, совершенных группой лиц. Именно они передают несовершеннолетним свой преступный опыт, искаженное представление об общепринятых ценностях, вовлекают их в противоправную деятельность. Доступность разного рода информации способствует, в том числе, повышению уровня знаний о том, как избежать заслуженного наказания за вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления. В ходе предварительного расследования совершеннолетние соучастники стараются дать показания, свидетельствующие либо о незнании ими возраста несовершеннолетнего, либо об активной роли именно несовершеннолетнего.

Установление факта вовлечения совершеннолетним несовершеннолетнего, в том числе, не достигшего возраста уголовной ответственности, необходимо для дополнительной квалификации действий совершеннолетнего по ст. 150 УК РФ «Вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления». Возможно, кому-то данное преступление покажется незначительным. Вместе с тем это передача взрослыми несовершеннолетним преступного опыта. Большинство взрослых преступников – это несовершеннолетние с неудачно сложившимися жизненными обстоятельствами, развитие которых привело именно к таким последствиям.

Одной из причин, влияющих на недостаточный уровень выявления лиц, вовлекающих несовершеннолетних в преступную деятельность, является отсутствие оценки доказательств, имеющих по уголовному делу, в их совокупности, поверхностное изучение причин и условий совершения преступлений несовершеннолетними, сопутствующих обстоятельств.

Отметим, что изучению подлежит не только личность самого несовершеннолетнего преступника, но и, при необходимости, членов его семьи, друзей и т.д. В ходе такого изучения могут быть установлены факты злоупотребления взрослыми алкоголем или наркотиков, насилия в семье, завышенные или необоснованные требования к ребенку, что послужило одним из факторов, подтолкнувших несовершеннолетнего к совершению преступления. Это, безусловно, не отменяет его вины, но помогает понять действительные мотивы его преступных деяний.

Изучаются условия проживания, круг интересов, хобби. С этой целью могут быть изучены мобильный телефон несовершеннолетнего, компьютер, ноутбук, планшет и пр. Особое внимание уделяется изучению фотографий, видеофрагментов, истории поиска в интернете, переписке в мессенджерах. Изучение мессенджеров круга общения несовершеннолетнего преступника также может помочь в его характеристике. Эти сведения даже могут войти в доказательную базу. В качестве примера приведем следующий случай: в г. Красноярск 14-летняя школьница была избита сверстницами. О произошедшем девочка не сообщила своевременно родителям, так как опасалась дальнейшего преследования, и от полученных травм, не совместимых с жизнью, скончалась спустя несколько дней. О произошедшем стало известно из переписки потерпевшей в мессенджерах с ее подругой, которой она сообщила, что ее позвали на «стрелку», трое били, около 20 человек смотрели [6].

При необходимости, данная информация, вместе с другими материалами уголовного дела, может быть предоставлена на судебную комплексную психолого-психиатрическую экспертизу для всестороннего изучения личности несовершеннолетнего преступника.

Таким образом, при изучении личности несовершеннолетнего, совершившего преступление, не стоит ограничиваться характеристиками с места учебы, жительства. Изучению подлежат члены его семьи, круг общения, условия проживания. При необходимости, целесообразна помощь специалиста в области детской педагогики и психологии, возможно, психиатрии. Только при совокупном изучении всех обстоятельств можно получить исчерпывающие данные о личности несовершеннолетнего преступника, понять истинные мотивы его действий.

Список использованной литературы

1. Анешева А.Т., Кузнецов А.А. Первоначальный этап расследования грабежей и разбоев, совершаемых несовершеннолетними : монография. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Юрлитинформ, 2018. – 192 с.

2. Грибунов О.П. Личностный аспект характеристики преступлений против собственности, совершаемых на транспорте, и взаимосвязь преступника и жертвы преступлений // Юрист-Правоведъ. – 2015. – № 3 (70). – С. 56–60.

3. Кайгородова О.С. Расследование грабежей и разбоев, совершенных несовершеннолетними (по материалам Уральского и Сибирского регионов) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Тюмень, 2006. – 23 с.

4. Правовая основа организации оперативно-разыскной деятельности ОВД по борьбе с преступлениями, совершаемыми несовершеннолетними и в отношении них : курс лекций / Л.И. Беляева и др. – Москва : Акад. управ. МВД России, 2018. – 208 с.

5. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации : Указ Президента РФ от 31.12.2015 г. № 683 // СПС «Консультант-Плюс».

6. Дети в клетку: самые страшные преступления, совершаемые подростками // Известия.ру. – URL: <https://iz.ru/824647/ivan-petrov-anastasiia-chepovskaia/detki-v-kletku-samyie-strashnye-prestupleniia-goda-soversheny-podrostkami> (дата обращения: 18.03.2021).

7. «Били втроем, смотрели все». Подростки убивают и не боятся наказания // РИА Новости. – URL: <https://ria.ru/20171211/1510603912.html> (дата обращения: 18.03.2021).

8. Преступность и правонарушения (2015–2019). Статистический сборник. – Москва : ГИАЦ МВД России, 2020. – 178 с.

Информация об авторе

Кайгородова Ольга Сергеевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры организации расследования преступлений и судебных экспертиз Тюмен-

ского института повышения квалификации сотрудников МВД России, Тюмень, Россия, e-mail: kaigorodoff@mail.ru.

Author

Olga S. Kaigorodova – Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Organization of Crime Investigation and Forensic Examinations of Tyumen Institute for Advanced Training of Employees of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Tyumen, Russia, e-mail: kaigorodoff@mail.ru.

СОВРЕМЕННЫЕ НАУЧНЫЕ ПОДХОДЫ К ХАРАКТЕРИСТИКЕ ЛИЧНОСТИ ПРИ НАЗНАЧЕНИИ УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ

В данной статье рассмотрены некоторые научные и практические подходы к определению критериев учета личности при назначении наказания. Позиция суда о доминировании собственного усмотрения при характеристике личности виновного и масштабов ее влияния на выбор конкретного вида и размера наказания не соответствует современной модели правового государства. Сделан вывод о необходимости разработки конкретных методов оценки данного феномена.

Ключевые слова: личность виновного, назначение наказания, судебское усмотрение, общие начала назначения наказания, наказание.

I.O. Kravchenko

MODERN SCIENTIFIC APPROACHES TO THE CHARACTERIZATION OF THE INDIVIDUAL IN THE APPOINTMENT OF CRIMINAL PUNISHMENT

This article discusses some scientific and practical approaches to determining the criteria for taking into account the individual in the appointment of punishment. The position of the court on the dominance of its own discretion in the characterization of the identity of the perpetrator and the extent of its influence on the choice of a particular type and size of punishment does not correspond to the modern model of the rule of law. It is concluded that it is necessary to develop specific methods for assessing this phenomenon.

Keywords: the identity of the culprit, sentencing, judicial discretion, general principles of sentencing, punishment.

При назначении уголовного наказания данные о личности, совершившей преступление, являются определяющими. Именно учет личностных особенностей в совокупности с обстоятельствами совершения преступления и его общественной опасностью позволяет индивидуализировать наказание. Однако в настоящее время сохраняется тенденция к минимизированному присутствию понятия «личность» в уголовном праве. Действительно, законодатель самоустранился от раскрытия данного определения и избрал путь лишь констатации важности учета личности при назначении наказания. При этом Пленум Верховного суда и наука уголовного права дают нечеткие и малоинформативные разъяснения относительно содержания данного понятия, его сущностных компонентов и их конкретного влияния на наказание.

Вместе с тем, в соответствии со ст. 6 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) необходимость учета личности при назначении наказа-

ния возведена в ранг принципа уголовного права, закрепив идею о справедливости наказания. Примечательно, что в ст. 60 УК РФ законодатель счел необходимым при формировании общих начал назначения наказания дважды использовать рассматриваемое понятие. В первом случае личность виновного является структурным компонентом, определяющим справедливость наказания. Во втором случае законодатель придает самостоятельное значение данной категории при определении вида и размера наказания конкретному виновному лицу.

Проблема заключается в том, что личность вообще и личность виновного в частности – это не правовое понятие в чистом виде, поэтому его уяснение сопряжено с дополнительными сложностями. Личность изучается многими науками гуманитарного цикла с присущими им особенностями и акцентами. В этой связи возникает вопрос – возможно ли заимствование достижений той или иной науки для решения задач пенологии. Думается, что ответ на этот вопрос очевиден – не получится! Так, психология, будучи много парадигмальной наукой, предлагает более пятидесяти самостоятельных концепций характеристики личности, которые не могут быть использованы без глубинного погружения в психологические нюансы. Конечно, определенный обмен знаниями возможен и даже приветствуется, но требуется глобальная адаптация в предмету конкретной науки. Поэтому актуален вопрос о сущности рассматриваемого понятия применительно к назначению наказания.

Пленум Верховного Суда РФ в п. 1 Постановления от 22.12.2015 г. № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» предлагает неоднозначное разъяснение, указав, что к сведениям о личности при назначении наказания «относятся характеризующие виновного сведения, которыми располагает суд при вынесении приговора». Таким образом, Пленум не обязывает суды на установление конкретных характеристик, которые должны лежать в основе принятия решения о назначении наказания, а то чем суд располагает априори достаточно. Работа суда в этом аспекте значительно упрощается, ведь суд не обязан устанавливать конкретные данные о личности в определенном объеме, а может использовать только те показатели, которые были выявлены в ходе рассмотрения дела, не затрудняясь определением достаточности этих сведений. Представляется, что данное положение не в полной мере соответствует требованиям ст. 20 УПК РФ о всестороннем, полном и объективном исследовании обстоятельств дела. Ведь с одной стороны суд обязан полно и всесторонне изучить все обстоятельства дела, включая и данные о личности виновного, но с другой стороны, данные, которыми суд располагает, достаточны для характеристики лица, совершившего преступление. При этом необходимо отметить, что ряд авторов встретили указанное разъяснение досрочно благоприятно и даже восторженно, отметив его как «более развернутое» в части разъяснений требований общих начал в целом и характеристики личности, в частности [4, с. 78].

Немаловажной проблемой является и разграничение сфер влияния понятий: личность виновного и обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказания, связанные с личностными особенностями лица, совершившего преступление. Речь идет о таких характеристиках как несовершеннолетие виновного, со-

стояние беременности, которые указаны законодателем в качестве обстоятельств, смягчающих наказания, но при этом нельзя не согласиться, что это, безусловно, относится к личности виновного. Кроме того, ряд иных обстоятельств, напрямую не связанных с личностью, например, характеризующие избранный способ совершения преступления в виде особой жестокости, может очень многое сказать о свойствах личности. Представляется, что требуется концептуальное разъяснение данного вопроса. Можно отметить, что личность виновного и обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание, характеризующие личность, соотносятся как часть и целое, где целое, безусловно, это личность. Однако, в соотношении личность и обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказания в целом (без подразделения на подвиды связанные или не связанные с личностью), можно говорить о самостоятельности каждого аспекта.

Необходимо отметить, что в учебной литературе популярен подход к раскрытию содержания рассматриваемого требования об учете личности виновного при назначении наказания путем воспроизведения разъяснений Пленума, основанный на приведении примеров, не предполагающий исчерпывающего характера. Так, в указанном Постановлении Пленума Верховного Суда в качестве ориентиров приводятся лишь пять показателей, рекомендуемых к включению в характеристику личности виновного – это семейное положение, имущественное положение, состояние здоровья, бытовое поведение и наличие иждивенцев. Очевидно, что представленные данные не позволяют сформировать полноценное представление о личности лица, совершившего преступления, необходимое для принятия решения о назначении ему справедливого наказания, в силу их явной недостаточности.

В пенологии можно выделить следующие основные подходы к характеристике личности при назначении наказания.

Один из вариантов основывается на формальных показателях и предполагает учет лишь тех данных, которые нашли отражение в гл. 9 и 10 УК РФ [3]. Например, если в ст. 46 УК РФ закреплено требование о необходимости учета имущественного положения виновного при назначении наказания в виде штрафа, то указанный признак входит в структуру личности и подлежит установлению. Или в ч. 4 ст. 49 УК РФ содержится запрет на назначение наказания в виде обязательных работ беременной женщине или женщине, имеющей детей в возрасте до трех лет – значит, указанные фактические данные входят в понятие личность виновного. Используя предложенный вариант, складывается упрощенная и крайне скудная референция. Однако данное предложение не лишено и положительных моментов, в частности здесь личность приобретает вполне конкретные очертания за счет установления всех компонентов непосредственно в уголовном законе.

Другой подход связан с использованием традиционного варианта обращения к общенаучным методам познания и предполагает авторскую транскрипцию рассматриваемого понятия через призму субъективного толкования сущности и набора слагаемых компонентов [2, с. 31]. В таком случае автор, руководствуясь собственным представлением об искомом понятии и своим логическим мышлением, перечисляет какие, по его мнению, показатели должны

быть учтены при характеристике личности для справедливого назначения наказания. В данном случае личность виновного становится феноменом, не имеющим конкретного единообразного содержания. Личность здесь некое базовое понятие, толкуемое по усмотрению заинтересованной стороны.

Интерес в научных кругах вызвало предложение о включении в понятие личности виновного четырех групп обстоятельств, в частности, обстоятельства, характеризующие личность в момент совершения преступления; обстоятельства, существующие до совершения преступления, касающиеся его причин; обстоятельства, касающиеся поведения лица после совершения преступления и обстоятельства, момент возникновения которых не важен, но они существуют на момент назначения наказания [5, с. 95; 6, с. 95]. С одной стороны данное предложение, действительно, интересно в связи с обозначением разных, отличных друг от друга сфер трансформации личности, основанной на деятельностном психологическом подходе характеристики личности. Но с другой стороны, участь субъективизма постигла и его, ведь глубина исследования тех или иных указанных обстоятельств не обозначена, а значит, определяется произвольно.

Не утратили своего значения и классические подходы к характеристике личности виновного в связи с установлением свойств, связанных с совершением преступления, или через выделение ее структурных компонентов, например, социально-демографических показателей, психофизиологических и правовых данных о лице, совершившем преступление [7, с. 135].

Достаточно распространен в науке подход, сопряженный с выделением положительных или отрицательных данных о личности виновного [1]. Однако проблема заключается в отсутствии конкретных методик оценки заявленных показателей. Кроме того, данные маркеры таят в себе субъективизм, возведенный во множественную степень. К сожалению, можно констатировать минимум объективности в популярных методах оценки свойств личности при назначении наказания.

Так, практика изобилует примерами использования положительных характеристик с места жительства учебы или работы при назначении наказания. Но эти характеристики содержат в себе лишь крупицы достоверной информации. Во-первых, с места жительства можно получить характеристику по запросу заинтересованной стороны, которая не настроена на поиск истины, а выполняет свою задачу (усилить обвинение или наоборот, смягчить участь виновного), а значит, данные, не соответствующие запросу, могут быть проигнорированы. Во-вторых, источник информации не всегда может быть действительно объективен в восприятии личности в силу сформировавшихся между соседями отношений. В-третьих, система добрососедских отношений в настоящее время претерпевает изменения и то, что было нормой в советский период, сейчас не работает (соседи часто даже не знают друг друга, не стремятся общаться, нет взаимопомощи между соседями и т.п.), поэтому и восприятие качеств личности людьми разных поколений разное по определению. Поэтому престарелая женщина, как правило, даст нелицеприятную характеристику молодой, ярко одевающейся девушке, живущей с ней по соседству, которая не здоровается с ней (так как они незнакомы) и поздно возвращается домой (в силу того, что на са-

мом деле, она после работы получает вечернее образование, о чем лицу, характеризующему ее, не известно). И эти примеры можно продолжать, но важно здесь то, что характеристика будет дана не соответствующая действительности, причем не по злему умыслу, а через призму собственного восприятия мира. Характеристики же с места работы и учебы зачастую пишутся формально с использованием заранее заготовленных форм, где изменяется лишь имя характеризуемого. Такая информация, используемая при назначении наказания, вряд ли может дать положительные результаты и обеспечить достижение целей наказания.

Очевидно, что назрела необходимость в разработке конкретных, единообразных методик учета личности при назначении наказания. Та ситуация, которая сложилась в настоящее время на практике, явно не соответствует модели правового, цивилизованного государства. Суды вынуждены проявлять «чудеса» судейского усмотрения для нейтрализации проблемы оценки личности и влияния ее на назначение наказания, но, к сожалению, отсутствие теоретических разработок и недостаточность конкретных рекомендаций Верховного суда приводит лишь к ее усугублению.

Список использованной литературы

1. Данелян П.С. Судейское усмотрение. Теоретические, законодательные и правоприменительные аспекты // СПС «Гарант».
2. Комарова Л.В., Сорокина К.С. Учет личности виновного при назначении наказания // Культура и время перемен. – 2019. – № 3 (26). – С. 31.
3. Пальчиков М.М. Некоторые вопросы учета личности виновного при назначении наказания // Проблемы и перспективы развития уголовно-исполнительной системы России на современном этапе : материалы Всерос. науч. конф. адъюнктов, аспирантов, курсантов и студентов с междунар. участием. – Самар. юрид. ин-т ФСИН России, 2019. – С. 161–163.
4. Тарасова М.В. Личность виновного, смягчающие и отягчающие обстоятельства как критерии индивидуализации наказания // Глаголь правосудия. – 2018. – № 4 (18). – С. 77–80.
5. Уголовное право. Общая часть : учебник / М.И. Ковалев, Т.В. Кондрашова, З.А. Незнамова ; отв. ред. И.Я. Козаченко. – 5-е изд., перераб. и доп. – Москва : НИЦ Инфра-М, 2013. – С. 271–272.
6. Хун А.З. Учет личности виновного при назначении наказания // Общество и право. – 2010. – № 5 (32). – С. 94–99.
7. Шкредова Э.Г. Учет личности виновного и обстоятельств, смягчающих и отягчающих наказание, как один из критериев справедливого наказания // Журнал российского права. – 2016. – № 6. – С. 134–141.

Информация об авторе

Кравченко Ирина Олеговна – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права, криминологии и уголовного процесса Института государ-

ства и права Байкальского государственного университета, Иркутск, Россия, e-mail: iokravchenko16@mail.ru.

Author

Irina O. Kravchenko – Candidate in Law, Associate Professor of the Chair of Criminal Law, Criminology and Criminal Procedure of the Institute of State and Law of Baikal State University, Irkutsk, Russia, e-mail: iokravchenko16@mail.ru.

ИНТЕРЕСЫ ЛИЧНОСТИ КАК ОБЪЕКТ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРИНУЖДЕНИЯ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

В статье рассматривается проблема обеспечения мерами уголовно-процессуального принуждения надлежащего поведения участников уголовного судопроизводства через призму интересов личности как структурного элемента процессуального статуса. Механизм применения мер процессуального принуждения предполагает воздействие не на права и обязанности участника уголовного судопроизводства, а на его интересы. Поэтому УПК РФ должен прямо предусматривать возможность обжалования процессуальных действий (бездействия) и процессуальных решений, ограничивающих законные интересы участников уголовного судопроизводства и иных лиц, не оправданные назначением уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: законный интерес, процессуальный интерес, меры пресечения, заключение под стражу, обжалование.

R.V. Maziuk

PERSONAL INTEREST AS AN OBJECT OF PROCEDURAL LAW FORCE IN CRIMINAL PROCEEDINGS

The article deals with the problem of ensuring the proper behavior of participants in criminal proceedings through the prism of the interests of the individual as a structural element of the procedural status. The mechanism of application of measures of procedural coercion involves the impact not on the rights and obligations of a participant in criminal proceedings, but on his interests. Therefore, the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation should explicitly provide for the possibility of appealing against procedural actions (inaction) and procedural decisions that restrict the legitimate interests of participants in criminal proceedings and other persons who are not justified by the appointment of criminal proceedings.

Keywords: legitimate interest, procedural interest, preventive measures, detention, appeal.

Традиционно меры уголовно-процессуального принуждения рассматриваются как средства и способы обеспечения надлежащего поведения участников уголовного судопроизводства, а также надлежащего порядка производства по уголовному делу в целом. Вместе с тем ученые-процессуалисты недостаточно внимания уделяют рассмотрению механизма правового воздействия мер принуждения на процессуальный статус личности в уголовном судопроизводстве. В этой связи особое значение представляют интересы личности как элемент процессуального статуса участника уголовного судопроизводства. Дума-

ется, именно интересы участника уголовного судопроизводства являются объектом воздействия мер процессуального принуждения.

Следует отметить, что такие общепризнанные элементы процессуального статуса участника уголовного судопроизводства, как права, обязанности и ответственность в результате применения к лицу меры процессуального принуждения остаются в неизменном виде, так как они обеспечивают реализацию соответствующего статуса в рамках конкретных процессуальных отношений. Так, например, ни одна из мер процессуального принуждения сама по себе не должна ограничивать право обвиняемого представлять доказательства, пользоваться помощью защитника, приносить жалобы и т.д.

Ограничениям от применения мер принуждения подвергаются иные, непосредственно не связанные с участием в уголовно-процессуальной деятельности, социально-правовые ценности, которые сами по себе представляют интерес для данной личности: свобода передвижения, здоровье, частная собственность, общение с людьми и т.п. И, поскольку интересы личности определяют мотивы ее поведения, они лежат в основе правомерного или противоправного поведения участника производства по уголовному делу. Другими словами, именно реализация интересов личности порождает уголовно-процессуальные нарушения, влекущие необходимость применения мер процессуального принуждения к такому участнику уголовного судопроизводства.

Не останавливаясь в рамках настоящей статьи подробно на дискуссии по вопросу разграничения понятий «интересы» и «законные интересы», следует отметить, что в УПК РФ понятие «интересы» встречается 35 раз, а «законные интересы» – 17 раз. Думается, что в нормах уголовно-процессуального закона понятия «интерес» и «законный интерес» употребляются как синонимы, и какого-то принципиального различия в их семантике искать не стоит.

Следует согласиться с мнением А.В. Смирнова и К.Б. Калиновского о том, что «законные интересы наряду с правами являются самостоятельным объектом судебной защиты, так как иначе у правоприменителей может возникнуть соблазн для отказа в защите интересов лица, с той мотивацией, что его права нарушены не были» [4]. Так, при апелляционном обжаловании постановления суда об избрании обвиняемому меры пресечения в виде заключения под стражу защите подлежит не какое-либо из прав, предусмотренных ч. 4 ст. 47 УПК РФ, а интерес данного обвиняемого на применение к нему более мягкой меры пресечения, чем заключение под стражу. «Право на более мягкую меру пресечения» уголовно-процессуальным законом не предусмотрено и вряд ли когда-нибудь будет предусмотрено. При этом, обосновывая в апелляционной жалобе необходимость применения более мягкой меры пресечения, например, домашнего ареста, обвиняемый или его защитник, безусловно, не будут формулировать свое требование в просительной части жалобы как «восстановление нарушенного интереса» или «обеспечение законного интереса». Проблема юридической техники существующей практики уголовного судопроизводства в том, что категория «интерес» («законный интерес») является недостаточно разработанной в теории уголовно-процессуального права и, как результат, пока еще бессмысленной в практике уголовного судопроизводства.

Однако, с точки зрения догматического подхода, предметом обжалования процессуального решения следователя, дознавателя, суда об избрании меры пресечения является именно интерес обжалующей стороны в применении конкретной меры пресечения. Более того, в ч. 1 ст. 97 УПК РФ основания применения мер пресечения сформулированы именно как обстоятельства, отражающие наиболее типичные интересы обвиняемого (подозреваемого) в рамках осуществляемого в отношении него уголовного преследования:

- 1) интерес скрыться от дознания, предварительного следствия или суда;
- 2) интерес продолжать заниматься преступной деятельностью;
- 3) интерес воспрепятствовать законному производству по уголовному делу.

Интерес обвиняемого скрыться от органа предварительного расследования, между тем, не должен свидетельствовать о его виновности в совершении преступления. В основе такого интереса могут быть различные ценности, желания или даже страхи обвиняемого: например, страх необоснованного уголовного преследования, желание дистанционно осуществлять свою защиту от обвинения без возможного психологического или физического воздействия на него в условиях следственного изолятора и т.п.

К сожалению, общеизвестной истиной в современной практике уголовного процесса стал тезис о том, что для следователя целью применения меры пресечения в виде заключения под стражу является необходимость помещения обвиняемого (подозреваемого) в условия, в которых у стороны обвинения имеются ресурсы для оказания незаконного воздействия на него и получения признательных показаний. Как справедливо отмечает Ю.И. Стецовский, «сама обстановка места содержания под стражей оказывается методом давления на психику человека. Чтобы подавить волю обвиняемого (подозреваемого), склонить его к самоизобличению и к показаниям о других лицах, органы расследования и взаимодействующие с ними оперативно-розыскные службы прибегают к пыткам и пресловутой внутрикамерной обработке» [5, с. 147].

С точки зрения психологии, «любое принуждение предполагает такое поведение, которое противоречит (или не соответствует) интересам иного лица» [6, с. 513]. Вряд ли можно утверждать, что применение к обвиняемому (подозреваемому) меры процессуального принуждения соответствует его интересам. В подавляющем большинстве случаев любая мера процессуального принуждения противоречит интересам личности, однако и в данном вопросе могут быть исключения. Например, известны случаи, когда по уголовному делу у обвиняемого, не имеющего постоянного места жительства и долгое время находившегося в местах лишения свободы, был интерес на применение к нему меры пресечения в виде заключения под стражу, чтобы оказаться в следственном изоляторе, предоставляющем ему «комфортные» условия существования и бесплатное питание. Другим примером-исключением из указанного правила может быть интерес обвиняемого на применение к нему наложения ареста на имущество, которое является предметом рейдерского захвата в рамках «заказного» уголовного дела.

С точки зрения науки уголовно-процессуального права, «уголовно-процессуальное принуждение есть разновидность государственного принужде-

ния. Последнее применяется компетентными органами и должностными лицами государства в форме специальных актов и в рамках правовых норм. Это психическое или физическое воздействие в отношении субъектов общественной жизни с целью подчинения их воли и поведения интересам общества и государства» [1, с. 25].

Необходимо отметить, что принуждение в уголовном судопроизводстве является не только главным методом отдельно взятого института, но и основным методом правового регулирования всей отрасли уголовно-процессуального права. Все стадии, институты, конкретные правоотношения в рамках уголовного судопроизводства пронизаны идеей принуждения. Принуждение в уголовном судопроизводстве используется государством в интересах создания необходимых условий для надлежащего порядка производства по уголовному делу, обеспечивающего полноту, всесторонность и объективность производства по уголовному делу. А потому принуждение находится в прямой причинно-следственной связи с итоговым процессуальным решением по делу: в большинстве случаев именно принуждение обеспечивает собирание достаточного количества достоверных и допустимых доказательств, позволяющих в совокупности сделать вывод о невиновности или виновности лица в совершении преступления. И речь в этом случае идет не только и не столько о мерах процессуального принуждения в отношении обвиняемого (подозреваемого), сколько о методах принуждения, применяемых в процессе доказывания по уголовным делам.

Объектом процессуального принуждения в уголовном судопроизводстве, как правило, является совокупность интересов: частных и публичных – в различных комбинациях, в том числе, интересов лиц, не являющихся участниками уголовного судопроизводства. Например, в научной литературе отмечается, что «в качестве средства защиты прав и законных интересов личности в уголовном процессе уголовно-процессуальное принуждение проявляется в применении ограничений в отношении одного лица, чем обеспечивается соблюдение прав и интересов другого. Так, например, применение заключения под стражу и задержания способствует охране участников процесса, допустим, от расправы со стороны обвиняемого и других лиц, и, конечно же, препятствует совершению новых преступлений с его стороны» [7, с. 49]. В комментарии к УПК РФ высказано обоснованное мнение, что «применение такой меры уголовно-процессуального принуждения, как задержание, затрагивает интересы не только подозреваемого, но и его семьи, близких лиц, коллег и руководства по месту работы... Поэтому закон требует незамедлительного уведомления о задержании лица, которое должно состояться в течение 12 часов после фактического его задержания, а не после составления протокола задержания» [3, с. 117].

Кроме того, в большинстве случаев существует конкуренция интересов различных участников уголовного судопроизводства, в которой приоритет одного интереса над другим должен определяться исходя из задач конкретной стадии производства по уголовному делу и назначения уголовного судопроизводства в целом. Так, нельзя не согласиться с мнением А.С. Дежнева о том, что «с позиции социальной справедливости приоритет интересов семьи, живущей за счет средств, нажитых преступным путем, не может быть оправдан отказом в

принятии необходимых мер для возмещения вреда, причиненного преступлением» [2, с. 12]. Более того, конкуренция интересов различных лиц, вовлеченных в сферу уголовного судопроизводства, может выступать основанием для обжалования принятого процессуального решения. Например, в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 г. № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий» указывается, что «если судебное решение об избрании меры пресечения в виде домашнего ареста затрагивает права и законные интересы проживающих в том же жилом помещении собственника жилья или других лиц, они вправе обжаловать его в установленном законом порядке» (п. 38) [9].

Оценка необходимости защиты отдельных интересов участников уголовного судопроизводства, а также иных лиц неоднократно становилась предметом рассмотрения Конституционным Судом РФ. Так, в Определении Конституционного Суда РФ от 30.01.2020 г. № 210-О отмечается, что выемка предметов и документов, содержащих информацию о вкладах и счетах в банках и иных кредитных организациях сопряжено с применением мер принуждения, затрагивающих нормальное функционирование кредитной организации и интересы ее клиентов [10]. В Определении Конституционного Суда РФ от 23.06.2009 г. № 880-О-О была высказана позиция, согласно которой «обязанность уведомления подозреваемого, обвиняемого о предстоящем наложении ареста на имущество делала бы данную меру процессуального принуждения бессмысленной, нарушала бы законные права и интересы лиц и организаций, потерпевших от преступлений, предоставляя необоснованные преимущества подозреваемому, обвиняемому» [11].

Исходя из того, что принуждение в уголовном судопроизводстве затрагивает или ограничивает интересы личности, которые сами по себе основываются на социально-правовых ценностях в различных сферах жизнедеятельности, у участников уголовного судопроизводства, а также иных лиц, вовлеченных в уголовно-процессуальные отношения, должны быть процессуальные средства обеспечения своих интересов в рамках производства по уголовному делу в целях защиты таких ценностей.

В этой связи заслуживает внимания предлагаемая Н.Б. Туныниным система правовых средств отстаивания имущественных интересов по уголовным делам: 1) своевременно получать процессуальный статус с информированием об обладании прав, необходимых и достаточных для защиты своих интересов; 2) своевременное наделение статусом других участников, назначением которых является оказание помощи в защите интересов; 3) полноценное разъяснение имеющихся прав и предоставление реальной возможности их реализации; 4) в ограниченных случаях принимать участие в выборе степени принуждения, а также в принятии решения о правоограничении (в судебном заседании), знакомиться с материалами, служащими основанием принятия такового; 5) во всех случаях своевременно знать о принятом решении (разъяснение его сущности и последствий), получать копию такого решения и протокола непосредственного применения правоограничения; 6) заявлять ходатайства; 7) представлять до-

полнительные материалы; 8) обжаловать решения и действия должностных лиц; 9) требовать возмещения причиненного имущественного вреда; 10) инициировать привлечение к юридической ответственности нарушителей их прав и интересов [8, с. 31].

Нельзя не согласиться с автором в том, что обеспечение интересов личности в уголовном судопроизводстве возможно только посредством общеправовых средств, входящих в содержание процессуального статуса участника уголовного судопроизводства. Вместе с тем, поскольку интересы личности являются объектом принуждения в уголовном судопроизводстве, они должны быть предметом самостоятельного обжалования как в ведомственном, так и в судебном порядке. Уголовно-процессуальный закон должен прямо предусматривать возможность обжалования процессуальных действий (бездействия) и процессуальных решений, ограничивающих законные интересы участников уголовного судопроизводства и иных лиц, не оправданные назначением уголовного судопроизводства. УПК РФ должен предусматривать требование, согласно которому в жалобе на ограничение законного интереса должно быть сформулировано, в чем состоит данный интерес, какие социально-правовые ценности личности ограничиваются конкретными действиями (бездействием) или решением по уголовному делу и каким образом ограниченный интерес может быть обеспечен.

Список использованной литературы

1. Васильева Е.Г. Меры уголовно-процессуального принуждения / Е.Г. Васильева. – Уфа : Изд-во БашГУ, 2003. – 136 с.
2. Дежнев А.С. Охрана интересов семьи и несовершеннолетних при применении меры принуждения в виде наложения ареста на имущество / А.С. Дежнев // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2010. – № 3. – С. 6–12.
3. Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / отв. ред. В.М. Лебедев ; рук. авт. кол. В.А. Давыдов. – Москва : Норма, Инфра-М, 2014. – 1056 с.
4. Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под общ. ред. А.В. Смирнова // СПС «КонсультантПлюс».
5. Стецовский Ю.И. Право на свободу и личную неприкосновенность: нормы и действительность / Ю.И. Стецовский. – Москва : Дело, 2000. – 720 с.
6. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии / С.Л. Рубинштейн. – Москва : Питер, 2012. – 705 с.
7. Рябина Т.К. Общие проблемы уголовного судопроизводства / Т.К. Рябина, А.А. Козявин, А.М. Шинкевич. – Старый Оскол : ТНТ, 2009. – 146 с.
8. Тутынин И.Б. Обеспечение прав и интересов при применении мер процессуального принуждения имущественного характера / И.Б. Тутынин // Российская юстиция. – 2014. – № 9. – С. 29–32.

9. О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий : Постановление Пленума Верхов. Суда РФ от 19.12.2013 г. № 41 // Российская газета. – 2013. – № 294.

10. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Кополева Сергея Васильевича на нарушение его конституционных прав статьями 21, 165, 182 и 183 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, статьями 4 и 7 Федерального закона «О Следственном комитете Российской Федерации» : Определение Конституц. Суда РФ от 30.01.2020 г. № 210-О // СПС «КонсультантПлюс».

11. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Бадалян Елены Дмитриевны на нарушение ее конституционных прав статьей 165 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : Определение Конституц. Суда РФ от 23.06.2009 г. № 880-О-О // СПС «КонсультантПлюс».

Информация об авторе

Мазюк Роман Васильевич – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права, криминологии и уголовного процесса Института государства и права Байкальского государственного университета, Иркутск, Россия, e-mail: marova@mail.ru.

Author

Roman V. Maziuk – Candidate in Law, Associate Professor of Chair of Criminal Law, Criminology and Criminal Procedure of Institute of State and Law of Baikal State University, Irkutsk, Russia, e-mail: marova@mail.ru.

ДИСКУРСИВНОЕ ВЛИЯНИЕ НА ЧЕСТНОСТЬ УЧАСТНИКОВ ПРАВООТНОШЕНИЙ

Рассматриваются возможности речевого влияния на повышение честности субъектов правовых отношений, действующие подсознательные элементы психики человека. Рекомендации, приведенные в докладе, являются результатом проведенного автором психологического исследования, в том числе, экспериментальной составляющей. Выявленные закономерности могут быть прежде всего использованы в юридических видах деятельности с целью обеспечения получения лицами (юрист, следователь, судья и др.) достоверной информации, что призвано минимизировать принятие ими неправильных решений, допущение ошибок, цена которых может быть очень высокой: судьба человека, его свобода и даже – жизнь.

Ключевые слова: ложь, дискурсивное влияние, повышение честности участников правоотношений.

S.A. Mashkov

DISCURSIVE INFLUENCE ON THE HONESTY OF PARTICIPANTS IN LEGAL RELATIONS

The possibilities of speech influence on increasing the honesty of the subjects of legal relations with the involvement of subconscious elements of the human psyche are considered. The recommendations given in the report are the result of the author's psychological research, which includes an experimental component. The identified patterns can be primarily used in legal activities to ensure that individuals (lawyer, investigator, judge, etc.) receive reliable information that is designed to minimize their making wrong decisions, making mistakes, the price of which can be very high: the fate of a person, his freedom, and even – life.

Keywords: lies, discursive influence, increasing the honesty of participants in legal relations.

Ложь – неотъемлемая часть нашей жизни. В то же время «честность – это не только моральная ценность, но и необходимое условие существования современного государства, правового общества, конкурентной экономики» [4]. Под честностью как состоянием личности мы понимаем продуцирование в коммуникативном акте достоверной, соответствующей реальности информации (правды). Ложь трактуется нами как сознательное искажение человеком реального положения вещей, как информация, не соответствующая действительности. Положительная динамика честности – это увеличение в речи и поведении проявления правды и уменьшение проявлений лжи.

Правовая деятельность в этом контексте является ярким выражением возможностей использования ложной информации и степени негативных последствий лжи. Актуальной задачей юридической психологии является определение способов стимулирования честности конкретных лиц – участников правоотношений и повышение степени достоверности информации, передаваемой в процессе правовой коммуникации, поиск и разработка путей и способов устранения психологических препятствий для изложения субъектами юридических отношений информации, соответствующей действительности.

Достижение данной цели, несомненно, позволит повысить эффективность юридической деятельности в целом и правоохранительной практики в частности (справедливость судебных решений, обоснованность привлечения к различным видам ответственности и т.п.). Фундаментальная юридико-психологическая проблема, в контексте которой рассмотрен вопрос повышения честности участников правоотношений – это психологические детерминанты достоверности речевого высказывания.

Существуют виды деятельности, в которых умение лгать в процессе непосредственного коммуникативного акта является профессиональным навыком: бизнес, политика, юриспруденция. Соответственно, цель иных участников коммуникации – получить правдивую и достоверную информацию. Каждый из участников правовой действительности зачастую оказывается в ситуации, когда от его умения обмануть или правильно оценить информацию с позиции ее правдивости зависит результат коммуникации: выигрыш или проигрыш, свобода или ее лишение, получение выгоды либо убытки.

Каждый человек неизбежно сталкивается с тем, что получаемая им от других лиц информация является априори искаженной (свойства идеальных следов). Данный факт обусловлен многими причинами, одной из которых является сознательное искажение человеком реального положения вещей, т.е. ложь [2, с. 321]. Люди умышленно и специально говорят неправду и/или не говорят правду. Мотивация такого поведения может быть самой разнообразной, но цель одна – ввести другого человека в заблуждение, в состояние мнимого знания [5, с. 13].

Более того, действующее законодательство прямо наделяет ряд лиц «правом на ложь», которое является «возможностью человека безнаказанно использовать ложь в собственных интересах» [3, с. 174]. Так, подозреваемый и обвиняемый имеют такое право, как вариант реализации права на защиту – возможность защищаться всеми не запрещенными УПК РФ способами и средствами (ст. 16 УПК РФ). Они не несут ответственности за ложность предоставляемой ими информации, в отличие от свидетелей, потерпевших, специалистов и экспертов, в отношении которых действующее законодательство предлагает механизм принуждения к даче достоверных показаний, предусмотрев уголовную ответственность за ложный донос (ст. 306 УК РФ), ложные показания, заключение эксперта, специалиста или неправильный перевод (ст. 307 УК РФ).

Прямое влияние в целях повышения честности на сознание лгущего или готовящегося лгать человека (убеждение, запугивание и т.п.) в процессе коммуникативного акта малоэффективно. Особенно это бессмысленно, когда человек умеет, готов и настроен обманывать (оппонент в суде, изобличаемый пре-

ступник или правонарушитель, адвокат и т.д.). Среди прочего, это может быть обусловлено невысокими положительными характеристиками личности, сложившейся обстановкой, кратковременным периодом коммуникации и т.д. Все это препятствует положительному эффекту и практически нецелесообразно. Более того, в условиях дефицита времени на подготовку, сбор информации и диагностику личности лгуна, разработку тактики работы и возможных вариантов развития событий в подавляющем большинстве случаев приведет и приводит на практике к тому, что такая важная, а порою, главная цель коммуникации, как получение достоверной информации, остается недостижимой, сложно верифицируемой.

В этих условиях стоит задача найти или выработать такие способы влияния, которые будут носить универсальный характер, не требуют ситуативной и личностной проработки, т.е. применимы ко всем лгущим людям и в любой ситуации. Поэтому стоит обратить внимание, что несмотря на преимущественную осознаваемость факта лжи такими лицами, на принятое ими решение и на качество продуцируемой ими информации также оказывают влияние и неосознаваемые ими факторы.

Нами было выдвинуто предположение, что в такой ситуации для актуализации правдивости как готовности к трансляции достоверной информации более эффективным и результативным может стать моделирование коммуникативного акта через использование дискурсивных элементов, активизирующих бессознательные морально-нравственные составляющие психики человека. Воздействие на сферу бессознательных установок человека сегодня активно используется средствами медиа для стимуляции потребительской мотивации, политического поведения и решения иных прагматических задач. Предполагалось, что такими же средствами будет успешно решена и задача актуализировать правдивость участников правовой сферы.

В качестве стимула честности были выбраны речевые, словесные конструкции, которые являются доступными всем людям как носителям языка. Такой языковой дискурс этического плана в коммуникативных актах, преследующих цель получение достоверной информации, может являться простым и эффективным инструментом повышения степени честности участников правоотношений.

Хотя большинство характеристик лгущих людей, как уже отмечалось, являются негативными, но в то же время психологические исследования убедительно демонстрируют, что ложь не является естественным состоянием человека, она контролируется сознанием. Любой лгущий человек осознает важность честности и подсознательно, даже на физиологическом уровне, стремится быть правдивым. Поэтому дискурсивное этическое воздействие на данных лиц, стимулирующее их положительные качества, должно привести к положительной динамике их честности, что является позитивным эффектом.

При этом воздействие на бессознательное составляющее психики людей в целях стимулирования их честности является важным, а иногда – главным и единственным фактором успешности коммуникации, помогающим избежать

ошибок и дающим возможность достижения благих целей, спасения судеб и жизней людей.

Влияние на бессознательную составляющую психики весьма сложно выявляются человеком – объектом воздействия, поэтому противостоять ему достаточно трудно. Даже в том случае, если человек осведомлен о цели оппонента изобличить его во лжи и получить от него скрываемую информацию, выявить воздействие, осуществляемое путем использования возможностей дискурса на подсознательную составляющую его психики, и полностью нивелировать ее очень затруднительно.

Исследование влияния этического дискурса на честность человека было проведено нами в 2019–2020 гг. В проведенном исследовании приняли участие 223 человека в возрасте от 20 до 45 лет: всего 148 лиц женского пола и 75 человек мужского пола.

Был установлен и исследован факт влияния этического дискурса на честность человека; обосновано суждение о бессознательных механизмах повышения правдивости речевых реакций на этические стимулы, определяющие дискурс; разработаны приемы актуализации честности в практической деятельности и в юридической практике, в частности. В этом состояла научная новизна исследования. Теоретическая значимость работы выразилась в том, что была разработана модель актуализации мотивов речевой правдивости участников коммуникативного акта посредством этического дискурса. Практическая значимость и прикладная ценность полученных результатов заключается в том, что выявленные механизмы воздействия на подсознательную мотивацию речевой правдивости в процессе коммуникации, участники которой скрывают правду, могут использоваться в ходе осуществления правоохранительной деятельности, при ведении переговоров, в бизнесе, в политике, в юридической практике.

В то же время необходимо помнить, что «на людей одновременно влияет множество сил, и невозможно определить, что делает каждая из них» [1, с. 18]. В силу этого важная роль в исследовании нами была отведена именно эксперименту, который позволил смоделировать человеческое поведение в определенной ситуации, выделив последовательность элементов, исключив случайное воздействие, а также позволив изучить феномен в его развитии, выявить отдельные факторы, влияющие в нашем случае на честность в конкретной ситуации самого простого коммуникативного акта по передаче информации.

Ситуативные факторы являются благоприятным или неблагоприятным фоном для лжи. В нашем эксперименте была создана с помощью этического дискурса ситуация, неблагоприятная для лжи, так как она направлена на актуализацию лучших свойств личности: нравственности, ответственности и порядочности человека. В то же время эта ситуация не имеет выраженного и легко осознаваемого контекста в целях исключения осознанного противодействия (или, напротив, осознанное решение следовать дискурсивным установкам) со стороны участников эксперимента. Воздействие осуществлялось на субсенсорном уровне на подсознательные составляющие психики. Участники не знали смысл и цель эксперимента, опять же, для исключения факта осознанного включения и недопущения фокусировки их внимания на значимых элементах

опытных действий. Всем давалась информация, что проверяется уровень их внимания, элементарных знаний и ориентирования в конкретных вариантах практических ситуаций.

Нами предполагалось экспериментальным путем опробовать следующие способы воздействия этического дискурса.

Первый опирался на общеизвестные и признаваемые 10 христианских заповедей в форме их вспоминания, проговаривания и записывания испытуемыми данных речевых конструктов. В эксперименте принимали участие как христиане, так и мусульмане, атеисты. В беседе с последними было выяснено, что данные заповеди воспринимаются ими всеми как морально-этические нормы независимо от вероисповедания и отношения к религии. Однако в контексте религиозной принадлежности анализ не производился, что может быть предметом иного последующего исследования.

Второй речевой конструкт предусматривал использование в качестве механизма запуска дискурса формальное обязательство, данное в письменном виде, о порядочности, ответственности и честности участников эксперимента и важности их участия в нем, также путем его прослушивания, проговаривания и записи.

При проведении эмпирического исследования оба стимула этического дискурса носили формальный характер и не вызывали акцентирования внимания участников эксперимента на них.

Этический дискурс подразумевается во всех иных аналогичных способах в разных проявлениях тем или иным образом. Смысловые составляющие речи позволяют формулировать любые смысловые конструкции. Дискурс выступает в роли катализатора репрезентативной модели опыта человека, зафиксированного на подсознательном уровне.

Нет возможности в настоящем докладе описать все условия и поэтапный ход исследования в целом и эксперимента в частности, поэтому вынуждено перейдем к изложению результатов. Только оговоримся, что результаты исследования были успешно апробированы в 2020 г. в практической деятельности психолога-полиграфолога, а также были положены в основу магистерской диссертации автора на тему «Влияние этического дискурса на честность человека в процессе коммуникативного акта», защищенную на Кафедре социологии и психологии Байкальского государственного университета в июне 2020 г. В настоящее время автором готовится монография на данную тему, на страницах которой будет подробно изложена вся информация об этом исследовании в полном объеме.

Главный вывод по результатам эксперимента состоит в следующем: на честность можно влиять путем дискурсивного воздействия. То есть внешний контроль за честностью возможен не только путем слежения и постоянного мониторинга (конечно же это самое эффективное, что показали результаты участия контрольной группы).

Участники групп, которые подвергались этическому дискурсивному воздействию, продемонстрировали более высокий уровень честности по сравнению с группами, которые не подвергались воздействию или дискурс влияния в

которых носил нейтральный характер. Разница была в 2,4 раза. Данный дискурс все же «не сделал» их полностью честными, так как они отклонились по степени честности от контрольной группы.

Этический дискурс, задаваемый речевыми способами, используемыми непосредственно в процессе коммуникации, оказывает положительное влияние на честность ее участников, активизируя помимо сознания их морально-этические установки. Важным был факт вовлеченности в дискурс самих лиц, принимающих участие в эксперименте. Они были участниками дискурса, то есть сами «вынужденно» продуцировали дискурсивные элементы, которые были заданы экспериментатором. Таким образом, дискурс шел путем не только «извне – вовнутрь», но и «изнутри – наружу».

Дискурсивное влияние с целью повышения уровня честности является возможным. Формулирование некоего этического эталона как религиозного плана, так и гражданских обязательств позволяет повысить степень честности человека. Моральное напоминание, неосознаваемое лицом, повысило уровень его честности. Это и позволяет быстро, ситуативно, не индивидуализируя, воздействовать на лиц в целях повышения их положительных качеств и свойств, в том числе, честности. Влияние носило скрытый характер и сознанием не было «вычленено». Воздействие шло на бессознательном уровне, поэтому не могло быть контролируемо и ему нельзя было осознанно противостоять.

«Социальные нормы» основаны на взаимной добропорядочности и комфортны для всех участников коммуникации и закреплены в подсознании, хотя в материальном плане могут быть и невыгодными. При этом возникает некий бессознательный энтузиазм, активизирующий лучшие качества личности, что повышает эффективность ее деятельности и стимулирует социально одобряемое поведение в человеческих взаимоотношениях. Исследования Д. Ариэли [1, с. 17, 86, 101, 189] показывают, что подсознание, восприняв любую позитивную информацию, автоматически сразу же запускает положительные программы личности.

Результаты проведенного нами эксперимента наглядно продемонстрировали возможности позитивного воздействия этического дискурса на честность человека в процессе коммуникативного акта. Актуализация честности в условиях этического дискурса оказалось достижимой задачей.

Этический дискурс, независимо от формы организации, влияет на подсознательные составляющие психики и положительно сказывается на честности людей в процессе коммуникативного акта и не зависит от пола дискурсантов.

Полученные в результате эксперимента результаты и их теоретическое обоснование позволяют использовать возможности актуализации честности человека в различных сферах человеческой деятельности, в частности, в юридической практике. Выработанные варианты актуализации честности с помощью этического дискурса адаптированы для правовой действительности, сформулированы правила формирования приемов этической деятельности в юриспруденции, а также предложены конкретные приемы использования возможностей этического дискурса. Помимо этого, рассмотрены особенности применения дискурсивного воздействия в деятельности оперативного сотрудника, следова-

теля, судьи, а также в деятельности полиграфолога. Даны практические рекомендации и варианты дискурсивной деятельности данных лиц с учетом их статуса, должности, полномочий, специфики их профессиональной деятельности, особенностей фактических и юридических элементов их работы, компетенции и нормативно-правовой регламентации. По данным вопросам автором готовится отдельное монографическое исследование.

Список использованной литературы

1. Ариели Д. Предсказуемая иррациональность. Скрытые силы, определяющие наши решения : пер. с англ. / Д. Ариели. – Москва : Манн, Иванов и Фейбер, 2010. – 336 с.
2. Кондаков Н.И. Ложь. Логический словарь-справочник / Н.И. Кондаков. – Москва : Наука, 1975. – 720 с.
3. Мясников А.Г. Право на ложь как ловушка для свободы / А.Г. Мясников // ПОЛИС. Политические исследования. – 2017. – № 5. – С. 174–186.
4. Томпсон М.Г. Этика честности. Фундаментальное правило психоанализа. – URL: <http://bookzz.org/book/1071016/7fe443> (дата обращения 07.03.2021).
5. Харрис С. Ложь. Почему говорить правду всегда лучше : пер. с англ. / С. Харрис. – Москва : Литагент «Альпина», 2015. – 90 с.

Информация об авторе

Машков Сергей Александрович – кандидат юридических наук, магистр психологии, доцент кафедры криминалистики, судебных экспертиз и юридической психологии Института государства и права Байкальского государственного университета, Иркутск, Россия, e-mail: msa325@mail.ru.

Author

Sergey A. Mashkov – Candidate of Law, Master of Psychology, Associate Professor of the Chair of Criminal Procedure, Forensic Science and Juridical Psychology of the Institute of State and Law of Baikal State University, Irkutsk, Russia, e-mail: msa325@mail.ru.

ДЕЙСТВИЕ ПРИНЦИПА ЯЗЫКА УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

В статье авторами проанализированы отдельные вопросы реализации принципа языка уголовного судопроизводства с учетом актуальных примеров судебной практики, демонстрирующих сложности оценочных категорий в отсутствие нормативных критериев.

Ключевые слова: принцип языка уголовного судопроизводства, переводчик, степень владения языком.

V.N. Gaponova, I.P. Popova

OPERATION OF THE PRINCIPLE OF THE LANGUAGE OF CRIMINAL PROCEEDINGS: ISSUES OF THEORY AND PRACTICE

In the article, the authors have analyzed some issues of the implementation of the principle of the language of criminal proceedings, taking into account the actual examples of judicial practice, demonstrating the complexity of evaluative categories in the absence of normative criteria.

Keywords: criminal language principle, translator, language proficiency.

Языковой ландшафт современной России многоязычен, данный факт обуславливается историческим развитием нашей страны. По данным Всероссийской переписи населения, которая проводилась в 2010 г., на территории Российского государства проживает 192 народа, которые разговаривают на 172 языках и диалектах. Среди наиболее распространенных языков встречаются русский, татарский, украинский, башкирский, чувашский, чеченский и т.д.

В соответствии с со ст. 26 Конституции Российской Федерации Россия – «многонациональное государство, на территории которого каждый гражданин имеет право на пользование родным языком, на свободный выбор языка общения, воспитания, обучения и творчества». В силу ст. 68 Конституции РФ – государственным языком на территории нашего государства является русский язык, в тоже время Республики вправе устанавливать свои государственные языки. Российская Федерация состоит из 85 субъектов, среди которых 22 республики, в Конституциях которых закреплено право на установление своего государственного языка. Кроме того, постоянно увеличивается число иностранных граждан, которые прибывают на территорию нашего государства – все это рождает ряд процессуальных трудностей, одной из которых мы выделим трудность, а порой и невозможность осуществления перевода.

Язык остается определяющим фактором принадлежности лица к определенной национальности. Реализация принципа языка уголовного судопроизводства может быть осуществлена только с помощью переводчиков по уголовному

делу, их приглашение и участие в уголовном судопроизводстве весьма затруднительно, что свидетельствует о том, что необходимо рассмотреть гарантии обеспечения реализации рассматриваемого принципа.

В статьях 10 Федерального конституционного закона от 31.12.1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации», п. 4 ч. 1 ст. 3 Федерального закона от 01.06.2005 г. № 53-ФЗ «О государственном языке Российской Федерации», а также ч. 1 ст. 18 УПК РФ закреплён принцип языка уголовного судопроизводства, согласно которому судопроизводство в судах Российской Федерации ведётся на русском языке и государственном суде республик, входящих в состав Российской Федерации, на территории которой находится суд. В случае если лица в участвующие в деле не владеют языком судопроизводства, им обеспечивается право выступать и давать объяснения на родном языке либо на любом свободно избранном языке общения, а также пользоваться услугами переводчика (ч. 3 ст. 18).

Таким образом, язык уголовного судопроизводства определяется как выражение конституционного права на использование, как государственного языка РФ, так и государственных языков республик в качестве такового.

В юридической литературе сложились различные точки зрения, касающиеся «языка уголовного судопроизводства» как принципа уголовного процесса. Так, одни авторы говорят, что данный институт, поименованный в ст. 18 УПК РФ, не может выступать в качестве принципа уголовного судопроизводства, так как её содержание «представляет собой совокупность разнонаправленных, в значительной части казуистических, правил, касающихся языка уголовного судопроизводства, соотношения его с государственным языком» [10, с. 209]. Другие же полагают, что данный принцип является самостоятельным и входит в систему принципов уголовного судопроизводства, однако отмечают, что он называется принцип «национального языка уголовного судопроизводства» [7, с. 8; 8, с. 104].

Язык уголовного судопроизводства в качестве одного из принципов уголовного судопроизводства впервые закреплён в УПК РФ 2001 г., а именно в ст. 18.

В соответствии с Конституцией Российской Федерации государственным языком на территории нашего государства является русский язык. Лицам, которые не владеют или недостаточно владеют языком, на котором ведётся производство по уголовному делу, должно быть разъяснено и обеспечено право делать заявления, давать объяснения и показания, заявлять ходатайства, приносить жалобы, знакомиться с материалами уголовного дела, выступать в суде на родном языке или на другом языке, которым они владеют, а также бесплатно пользоваться помощью переводчика в порядке, установленном уголовно-процессуальным законом.

Если в соответствии с уголовно-процессуальным законом следственные и судебные документы подлежат обязательному вручению подозреваемому, обвиняемому, а также другим участникам уголовного судопроизводства, то указанные документы должны быть переведены на родной язык соответствующего участника процесса или на язык, которым он владеет. Представляется, что это порождает ряд процессуальных трудностей по той причине, что нередко лицо

говорит на диалекте, для перевода которого нужен узкий специалист, на поиск которого придется потратить немало времени. По отдельным уголовным делам при расследовании чаще всего виновное лицо вместе со своим защитником избирают такую линию защиты, при которой подсудимый при рассмотрении дела именно в суде заявляет, что не понимает язык, на котором ведется судебный процесс, а также процессуальные документы ему неясны, что влечет их недопустимость. Такие ситуации затрудняют рассмотрение дела по существу.

Особое внимание стоит обратить на некую неопределенность в понятии «лицо, недостаточно владеющее языком, на котором ведется производство по уголовному делу» так как неясно, чем определяется степень владения, тем или иным языком. Конституционный Суд Российской Федерации дал по этому поводу разъяснения, что это понятие является оценочным, и определяется в зависимости от конкретной ситуации [9].

По мнению Т.Ю. Вилковой при оценке уровня владения языком уголовного судопроизводства «могут учитываться язык, который для участника уголовного судопроизводства является родным, его место рождения и жительства, длительность проживания на территории Российской Федерации, получение образования в образовательном учреждении, преподавание в котором ведется на соответствующем языке, место и характер работы, язык общения с родственниками, знакомыми, коллегами и другие обстоятельства» [3, с. 248].

Так, при рассмотрении доводов жалобы о нарушении права на защиту в связи с не предоставлением переводчика С.К.М., суд апелляционной инстанции пришел к выводу, что С.К.М. в услугах переводчика не нуждается, тем самым не нарушено право на защиту, поскольку он с 2004 г. проживает на территории Российской Федерации, то есть на протяжении длительного времени, имеет сертификат РУДН от 09.09.2016 г. о прохождении государственного тестирования по русскому языку, на территории Российской Федерации создал семью, в которой общался на русском языке, судим приговором Печорского районного суда Псковской области и при производстве по уголовному делу, в том числе и в суде, заявлял о знании русского языка и отсутствии необходимости в переводчике [2].

По другому уголовному делу, отвергая доводы защиты, суд апелляционной инстанции указал, что в судебном разбирательстве принимал участие переводчик армянского языка Я.Р.М., который для соблюдения права Х.С.У. давать показания на родном языке осуществлял синхронный перевод выступлений участников процесса в судебном заседании, а также перевод процессуальных документов.

Переводчик Я.Р.М. ранее осуществлял перевод на армянский язык в ходе предварительного расследования, с участием указанного переводчика Х.С.У. был согласен, отвода к нему не имел, указал, что понимает его и ему были ясны все процессуальные документы и процессуальные действия, производимые с ним при участии переводчика Я.Р.М.

Личность и возможность Я.Р.М. осуществлять как письменный, так и устный перевод с русского на армянский язык и наоборот была установлена судом первой инстанции. Процессуальные права и ответственность переводчика,

предусмотренные ст. 59, 263, 310 УПК РФ, ст. 307 УК РФ, были разъяснены Я.Р.М. под расписку. Более того, ранее судом первой инстанции был разрешен и отклонен отвод переводчику Я.Р.М.

Не было установлено судом и оснований считать, что осуществляемый им перевод является несинхронным и некачественным.

Также из протокола судебного заседания следовало, что во всех судебных заседаниях участвовал защитник Х.С.У. – адвокат Е.А.В. Осужденный в его присутствии по своему усмотрению давал показания и пояснения, как на армянском, так и на русском языке. Отвечал на вопросы участников процесса и суда. Сам Х.С.У., ... года рождения, является уроженцем Армянской ССР, входившей в состав СССР, гражданином РФ, имеет среднее образование, длительное время проживал и работал на территории РФ, был судим, и отбывал наказание на территории РФ, давал показания и объяснения на русском языке, в том числе письменно, собственноручно вносил записи в документы и совершался ряд юридических действий, поэтому оснований считать, что осужденный Х.С.У. не владеет русским языком – у суда не имелось. Кроме того, сам осужденный Х.С.У. в суде апелляционной инстанции заявил о том, что знает и хорошо понимает русский язык и в переводчике вообще не нуждается [1].

Таким образом, приведенные примеры наглядно демонстрируют следующий вывод: лицо, недостаточно владеющее языком уголовного судопроизводства не способно разговаривать на данном языке, а также понимать слов, выражения, без уяснения которых оно не в состоянии обеспечивать защиту своих прав и законных интересов.

В научных трудах разных авторов, которые затрагивают вопрос реализации принципа языка уголовного судопроизводства, чаще говорится о необходимости предоставления переводчика непосредственно подозреваемому (обвиняемому), реже потерпевшему или свидетелю, но ни слова не говорится о том, что переводчик может потребоваться непосредственно прокурору или судье. Такая ситуация может возникнуть при апелляционном или кассационном разбирательстве. Представим ситуацию, когда рассмотрение уголовного дела происходило в городском суде республики Якутия, где каждый участник уголовного судопроизводства, в том числе, и судья, свободно разговаривают на якутском языке, то есть необходимость предоставления переводчика кому-либо отпадает, и разбирательство идет на государственном языке республики Якутия. Но одна из сторон была не согласна с вынесенным решением и решила подать апелляцию в вышестоящий суд, где дело попало на рассмотрение судье, не владеющим якутским языком. Ставится логичный вопрос: что делать в данной ситуации? Ведь законодательно в ст. 4 Закона РФ от 26.06.1992 г. № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации», где предъявляются требования к кандидату на должность судьи не сказано ни слова о том, что судье необходимо владеть государственным языком конкретного субъекта, в нашем случае, якутского. Данный аспект является пробелом в области изучения уголовно-процессуального права. Для его разрешения можно предложить внести изменение в Уголовно-процессуальный кодекс, в котором будет сказано, что рассмотрение и производство уголовного дела осуществляется только на государствен-

ном языке Российской Федерации. Но это будет нецелесообразно, ведь если на первой стадии рассмотрения уголовного дела все участники говорят на государственном языке республики, то привлекать переводчиков к участию в деле в корне нецелесообразно.

Принцип языка уголовного судопроизводства реализуется наделением участников уголовного судопроизводства и иных участвующих в уголовно-процессуальных отношениях лиц, правом пользоваться родным языком или языком, которым они владеют, в различных формах:

- 1) давать объяснения и показания;
- 2) делать заявления, заявлять ходатайства, приносить жалобы;
- 3) знакомиться с материалами уголовного дела;
- 4) выступать в суде;
- 5) пользоваться помощью переводчика бесплатно;
- б) получать переведенные копии следственных и судебных документов, которые подлежат обязательному вручению.

Отсюда очевидно, что от качества перевода зависит и соблюдение прав и законных интересов указанных лиц, и справедливость судебного разбирательства, в целом. Более того, следует согласиться с О.П. Грибуновым, что «участие переводчика в доказывании находится в прямой связи с институтом непосредственности в собирании и исследовании доказательств» [6, с. 126].

Одним из дискуссионных вопросов в юридической литературе, отражающим проблемы практики, выступает вопрос определения компетентности переводчика по уголовным делам. Для переводчика не достаточно просто свободное владение языком, который он будет использовать, и переводить с него или на него участвующим в уголовном деле лицам. Как верно отмечают авторы, «свободное владение языком – термин весьма условный, указывающий лишь на достаточные знания иного (иностранного или национального) языка, но не позволяющий определить компетенцию переводчика для перевода в конкретной области знаний, и в частности для юридического перевода, который относится к числу наиболее сложных» [5, с. 130].

В этой связи возникает закономерный вопрос для лица, осуществляющего производство по уголовному делу, каким образом убедиться в данной компетентности переводчика, достаточно ли будет просто наличие документов, подтверждающих, соответственно, образование, стажировки и иное?

Требуется также убедиться, что лицо, не просто владеет языком, но и владеет навыками перевода, как устной речи, так и письменных документов, тогда как само лицо, осуществляющее производство по делу и принимающее в итоге решение о допуске в дело конкретного лица в качестве переводчика, языком может и не владеть. Эти же знания необходимы при разрешении отвода, который могут заявить стороны. В этом аспекте вопросы определения компетентности могли бы быть решены путем заключения договоров с бюро судебных переводов, специализирующихся на оказание языковой поддержки в уголовном судопроизводстве. Однако пока такой вопрос не разрешен законодательно, вполне могли бы использоваться современные технические возможно-

сти удаленных переводов через систему видео-конференц-связи или электронных переводчиков, что, впрочем, также требует реакции законодателя [4].

При этом важно осознавать, что от ответа о компетентности переводчика зависит законность проведенных процессуальных действий и принятых процессуальных решений, поскольку нарушение права подсудимого давать показания на родном языке или языке, которым он владеет, и пользоваться помощью переводчика в соответствии с п. 5 ч. 2 ст. 389.17 УПК РФ является безусловным основанием для отмены или изменения судебного решения судом апелляционной инстанции, а нарушения данного принципа в досудебных стадиях свидетельствуют о нарушении права на защиту и влекут возвращение уголовного дела в порядке ст. 237 УПК РФ.

Действие принципа языка уголовного судопроизводства прослеживается во всей уголовно-процессуальной деятельности, начиная со стадии возбуждения уголовного дела, распространяя при этом свое действие не только на непосредственно самих участников уголовного дела, на также и на других лиц, вступающих в уголовно-процессуальные отношения, когда возникает проблема языкового непонимания и не ясен смысл процессуальных действий и решений, которые затрагивают или могут затрагивать права и законные интересы таких лиц.

Правовая регламентация изучаемого принципа в уголовно-процессуальном законе является достаточно полной и создает необходимые условия, как для дополнительных гарантий лицам, не владеющим языком судопроизводства, так и для реализации других принципов уголовного процесса, к примеру, принципа охраны прав и свобод человека и гражданина, принципа обеспечения подозреваемому, обвиняемому права на защиту. В конечном итоге, данный принцип предоставляет возможность всем лицам, вступающим в уголовно-процессуальные отношения, реализовать свои права и защищать свои законные интересы, на родном языке или на языке, которым они владеют, в случае, если языком уголовного судопроизводства он не владеют или владеют недостаточно.

Подводя итог вышесказанному, делаем вывод о том, что принцип языка уголовного судопроизводства занимает важную позицию в системе принципов уголовного судопроизводства Российской Федерации, является гарантом осуществления справедливого правосудия. Он находится во взаимосвязи со всеми принципами, указанными в гл. 2 УПК РФ. Между тем применение данного принципа осложнено тем, что достаточно субъективно оценивается степень владения языком уголовного судопроизводства, в виду отсутствия нормативно установленных для этого критериев.

Список использованной литературы

1. Апелляционное постановление Липецкого областного суда 27.08.2020 г. № 22-868/2020. – URL: https://sudact.ru/regular/doc/Mopk8CUCihow/?page=4&regular-court=&regular-date_from=02.03.2019&regular-case_doc (дата обращения: 01.03.2021).

2. Апелляционное постановление Псковского областного суда от 28.09.2020 г. № 22-693/2020. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/fOksDSfHZiZe/?regular> (дата обращения: 01.03.2021).

3. Вилкова Т.Ю. Принципы уголовного судопроизводства России: правовые основы, содержание, гарантии. – Москва : Юрлитинформ, 2015. – 328 с.

4. Вилкова Т.Ю. Реализация принципа языка уголовного судопроизводства на стадиях возбуждения уголовного дела и предварительного расследования в условиях развития цифровых технологий // Вопросы российского и международного права. – 2019. – Т. 9. – № 3–1. – С. 306–313.

5. Волосова Н.Ю., Шмелева Е.С. О проблеме определения компетенции переводчика в уголовном судопроизводстве // Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России. – 2018. – № 3 (86). – С. 128–134.

6. Грибунов О.П., Родивилина В.А. Некоторые тактические особенности привлечения переводчика к участию в предварительном расследовании // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. – 2014. – № 3-2. – С. 125–128.

7. Гришина Е.П. Реализация принципа национального языка судопроизводства при участии переводчика в уголовном процессе России. – Москва, 2014. – 208 с.

8. Яковлев М.М., Корякина З.И. Язык национального уголовного судопроизводства // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. – 2014. – № 2. – С. 104–110.

9. Определение Конституционного Суда РФ от 26.05.2011 г. № 665-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Сурхоева Абубакара Саид-Магомедовича на нарушение его конституционных прав статьей 18 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС Консультант Плюс.

10. Уголовный процесс. Проблемные лекции : учеб. для магистров / П.Г. Марфицин, В.Т. Томин, И.А. Зинченко ; отв. ред. В.Т. Томин, И.А. Зинченко. – Москва : Изд-во Юрайт, 2015. – 799 с.

Информация об авторах

Гапонова Валентина Николаевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса ФГКОУ ВО ВСИ МВД России, Иркутск, Россия, e-mail: Valentina3886@mail.ru.

Попова Ирина Павловна – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса ФГКОУ ВО ВСИ МВД России, председатель Усть-Илимского городского суда Иркутской области в почетной отставке, Иркутск, Россия, e-mail: irinabaikal@mail.ru.

Authors

Valentina N. Gaponova – Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Criminal Procedure East-Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Irkutsk, Russia, e-mail: Valentina3886@mail.ru.

Irina P. Popova – Candidate of Law, Associate Professor of the Criminal Procedure Department of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Chairman of the Ust-Ilimsk City Court of Irkutsk Region in an honorary resignation, Irkutsk, Russia, e-mail: irinabaikal@mail.ru.

ТИПИЗАЦИЯ СЛЕДСТВЕННЫХ СИТУАЦИЙ КАК ОСНОВА ДЛЯ АЛГОРИТМИЗАЦИИ РАССЛЕДОВАНИЯ МОШЕННИЧЕСТВ

Автор статьи подчеркивает важность решения задачи правоохранительных органов, выражающейся в качественном расследовании преступлений в целом и мошенничеств в частности. При этом основным помощником следователя в решении стоящих перед ним задач является криминалистика. По мнению автора, несмотря на разнообразие обстоятельств совершения мошенничеств и их обнаружения, процесс начала расследования можно определенным образом типизировать. Отмечается, что в зависимости от информационной определенности следователя на каждом этапе расследования им проводится определенный порядок процессуальных действий. Автором предлагается алгоритм действий для первоначального этапа расследования.

Ключевые слова: мошенничество, расследование, следственная ситуация, алгоритм действий, обстоятельства, подлежащие доказыванию, методика расследования преступлений.

S.I. Sobolevskaya

TYPIFICATION OF INVESTIGATIVE SITUATIONS AS THE BASIS FOR ALGORITHMIZATION OF FRAUD INVESTIGATION

The author of the article emphasizes the importance of solving the problem of law enforcement agencies, which is expressed in high-quality investigation of crimes in general and fraud in particular. At the same time, the main assistant to the investigator in solving the tasks facing him is forensic science. According to the author, despite the variety of circumstances in which frauds are committed and detected, the process of initiating an investigation can be typified in a certain way. It is noted that, depending on the informational certainty of the investigator at each stage of the investigation, he carries out a certain order of procedural actions. The author proposes an algorithm of actions for the initial stage of the investigation.

Keywords: fraud, investigation, investigative situation, algorithm of actions, circumstances to be proven, methods of investigating crimes.

Для современного состояния общества характерно наличие такого вида имущественных преступлений как мошенничество. Само по себе мошенничество не новый состав преступления. Уголовный кодекс РФ определяет мошенничество как хищение чужого имущества или приобретение права на имущество путем обмана или злоупотребления доверием [4]. Однако с развитием общества данный вид преступления приобрел весьма разнообразные формы, которые нашли свое отражение в Уголовном кодексе РФ. Для более точной квалификации действий мошенников Федеральным законом от 29.11.2012 г. № 207-ФЗ в УК РФ были введены новые статьи: ст. 159.1. «Мошенничество в

сфере кредитования», ст. 159.2 «Мошенничество при получении выплат», ст. 159.3 «Мошенничество с использованием электронных средств платежа», ст. 159.5 «Мошенничество в сфере страхования», ст. 59.6 «Мошенничество в сфере компьютерной информации».

В январе – декабре 2020 г. зарегистрировано 2 044,2 тыс. преступлений, или на 1,0 % больше, чем за аналогичный период прошлого года. Больше половины всех зарегистрированных преступлений (55,3 %) составляют хищения чужого имущества, совершенные путем: кражи – 751,2 тыс. (–3,0 %), мошенничества – 335,6 тыс. (+30,5 %). За январь – декабрь 2020 г. число преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, возросло на 73,4 %, в том числе с использованием сети «Интернет» – на 91,3 %, при помощи средств мобильной связи – на 88,3 %. Не раскрыто 963,8 тыс. преступлений, что на 5,3 % больше аналогичного показателя за январь – декабрь 2019 г. [5].

Причины этого, безусловно, разные. Они могут носить как объективный характер, так и субъективный характер. К числу последних можно отнести не достаточно высокий профессиональный уровень должностных лиц, участвующих в процессе раскрытия и расследования, либо их низкая заинтересованность в успешном завершении дела и т.п. Эти причины в совокупности позволили сделать вывод о необходимости обращения в очередной раз к проблемным вопросам раскрытия и расследования мошенничеств и внесения некоторых предложений по повышению эффективности данного процесса.

Квалификация мошенничества весьма сложная, поскольку есть несколько смежных составов, которые необходимо отличать от мошенничества. Так, предмет мошенничества должен или сам иметь потребительскую цену, или им могут являться сами деньги как в наличном, так и в безналичном их выражении.

Для мошенничества характерны лишь следующие способы совершения – это обман или злоупотребление доверием. Даже все нововведенные составы мошенничества совершаются только вышеуказанными способами.

Не углубляясь в теоретические аспекты рассмотрения такого элемента криминалистической методики расследования как криминалистическая характеристика преступления, отметим, что в число значимых для криминалистической характеристики мошенничеств, на наш взгляд, входят следующие элементы:

- личность подозреваемого или субъект совершения преступления;
- личность потерпевшего;
- обстановка совершения преступления;
- способ совершения преступления;
- типичные следы совершения преступления.

Практическая значимость криминалистической характеристики преступлений состоит не столько в самом перечне ее элементов, сколько в закономерных связях этих элементов между собой. Именно эти связи позволяют следователю правильно выдвинуть версии и, в дальнейшем, доказать весь перечень обстоятельств, подлежащих установлению и доказыванию.

Думается, что основным элементом в криминалистической характеристике мошенничеств являются лицо, совершившее преступление, т.е. мошенник.

Именно он правильно выбирает себе жертву, создает благоприятные условия для совершения преступления, в зависимости от своих знаний и возможностей, определяет для себя способ совершения мошенничества. Мошенники часто обладают приятной внешностью, умеют легко войти в контакт с будущей жертвой, зачастую хорошо образованы, владеют необходимыми психологическими приемами. Для совершения мошенничества в сфере высоких технологий преступник должен обладать навыками пользования компьютерными средствами, знать вопросы программирования; группы мошенников в таких случаях нередко имеют международный характер.

Потерпевшими по делам о мошенничестве могут стать разные категории граждан. В учебной литературе их условно классифицируют следующим образом [1; 2, с. 110–111]:

1 – граждане, добросовестно заблуждающиеся под влиянием мошенников. В этом случае потерпевшими являются пенсионеры, граждане, желающие улучшить свои жилищные условия, получить товары и услуги надлежащего качества, не разбирающиеся в праве и правоотношениях и т.п.

2 – граждане, желающие воспользоваться услугами посредников из своей личной заинтересованности. В данном случае жертвами становятся граждане, желающие незаконно обогатиться, алчные, пренебрегающие нормами права и морали, желающие получить определенные блага в обход устоявшихся правил и т.д.

Поскольку мошенник, обладая определенными психологическими навыками, воздействует на жертву таким образом, что она сама передает деньги или имущество либо права на них. Мало того, жертва часто сама помогает преступнику, чем впоследствии затрудняет процесс доказывания по делу.

Картина следообразования при совершении мошенничества может быть весьма разнообразная. Основной группой следов являются идеальные следы, поскольку жертва и очевидцы могут запомнить внешность мошенника, способ его действий, место и время совершения преступления, иные обстоятельства совершения мошенничества. Однако, нередко образуется и группа материальных следов. Это могут быть предметы и документы, переданные преступником пострадавшему; рукописные записи в документах, представленных преступником в различные организации; копии документов, удостоверяющих личность участников сделки; подлинные и поддельные документы; клише печатей и штампов. Отдельную группу следов составляют специфические следы в виде электронных записей, которые образуются как в компьютерах, телефонах, планшетах и т.п., используемых преступниками, так и в компьютерных средствах иных лиц, например, у провайдера услуг связи, телефонах потерпевшего и иных лиц, в кредитных организациях и т.д.

Расследование дел указанной категории чаще всего начинаются с заявления граждан о совершенном в отношении их мошенничестве либо сообщения различных организаций и учреждений о фактах незаконного совершения незаконных сделок, о проведенных финансовых операциях, о регистрации незаконного права на имущество и т.п.

Как правило, на данном этапе, т.е. в рамках проверки заявления (сообщения) о преступлении, могут выдвигаться следующие проверочные версии:

- 1) имеет место мошенничество при обстоятельствах, указанных заявителем;
- 2) мошенничества нет; имеет место законная сделка (заем, обмен, купля-продажа и т.п.), а заявитель добросовестно заблуждается;
- 3) мошенничества нет; имеет место оговор заявителем другого лица из личной заинтересованности либо другой состав преступления (кража, вымогательство, грабеж и т.д.) [3, с. 339–340].

Для решения вопроса о возбуждении уголовного дела проводится ряд проверочных действий, закрепленных в ст. 144 УПК РФ. Самым распространенным проверочным действием является получение объяснений от сведущих лиц. Большое количество информации при этом может быть получена из объяснения заявителя. Эта информация касается как самого имущества, так и его стоимости, документов на данное имущество, размер ущерба, причиненного мошенником, механизм совершения мошенничества, информации о мошеннике (как его внешности, так и действий им выполняемых), были ли при этом очевидцы, если да, то кто именно, имеются ли на руках у заявителя какие-либо документы, относящиеся к преступлению, оставленные мошенником, и т.п. в зависимости от обстоятельств совершения преступления.

На первоначальном этапе расследования мошенничества складываются следующие типичные следственные ситуации в зависимости от наличия информации о лице, совершившем мошеннические действия:

- 1) имеется весьма объемная информация о лице, совершившем мошенничество, либо оно задержано с поличным или сразу после совершения мошенничества, есть свидетели преступления и т.д.

Данная следственная ситуация является благоприятной для перспективы расследования. Следователь после задержания подозреваемого и его личного обыска, проводит изъятие его одежды и находящихся при нем предметов и документов, их осмотр, проводит допросы потерпевших и свидетелей, выемку находящихся у них предметов и документов, в том числе переданных преступником, предъявление для опознания подозреваемого, допрос подозреваемого, осмотр места происшествия, получение образцов для сравнительного исследования, назначения судебных экспертиз и др.

Примером данной следственной ситуации может послужить материалы следующего уголовного дела: С.Г. Горячкин, имея умысел на хищение чужого имущества, путем обмана, действуя их корыстных побуждений, совместно со своими приятелями гр. М., гр. Г. и гр. В. находился в сквере на концерте, посвященном Дню России, где встретился с ранее незнакомым ему гр. П.

С.Г. Горячкин, под предлогом взять во временное пользование мобильный телефон марки «Ноног А7» и велосипед марки «Sunrun», не намереваясь отдавать данные предметы обратно, ввел гр. П. в заблуждение относительно своих истинных намерений. Потерпевший П., убежденный в истинности намерений С.Г. Горячкина, передал последнему во временное пользование мобильный телефон марки «Ноног А7» и велосипед марки «Sunrun», после чего С.Г. Горячкин с похищенным имуществом с места совершения преступления скрылся и распорядился похищенным по своему усмотрению.

Таким образом, С.Г. Горячкин, путем обмана, завладел принадлежащим гр. П. имуществом, а именно: мобильным телефоном марки «Honor A7», стоимостью 5 243 р., с находящимися в нем 2 сим-картами и велосипедом марки «Sunrun» стоимостью 4 565 р., чем причинил последнему значительный ущерб на общую сумму 9 808 р. [6].

В данной ситуации С.Г. Горячкин хоть ранее и не был знаком с потерпевшим, но был хорошо знаком со своими приятелями гр. М., гр. Г. и гр. В., которые, хоть и пытались скрыться с места происшествия, но были задержаны другими свидетелями преступления. В связи с этим установить место нахождения С.Г. Горячкина не составляло большого труда. Поэтому после задержания подозреваемого (в данном случае С.Г. Горячкина) фактически по «горячим следам» проводятся: осмотр места происшествия, допрос подозреваемого; его личный обыск; изъятие одежды подозреваемого и находящихся при нем предметов и документов, их осмотр; допрос потерпевшего и свидетелей, выемку имеющихся у потерпевшего документов на похищенное имущество, предъявление подозреваемого для опознания потерпевшему; получение образцов для сравнительного исследования, назначение судебных экспертиз и др.

2) мошенник не задержан, но имеется определенная информация о лице, совершившем мошенничество; мошеннические действия могут быть при этом замаскированы под законную сделку.

Для данной следственной ситуации характерна последовательность следственных действий, однотипная с предыдущей. Однако, при этом значительно расширяется круг лиц, которых необходимо проверить на причастность к преступным действиям, и возрастает количество документов, подлежащих изъятию и изучению с точки зрения их соответствия нормативным правовым актам, правильности отражения хозяйственной деятельности предприятия и т.д. Проводится выемка документов, с помощью которых было совершено мошенничество. Устанавливаются причастные к сделке должностные лица, проводится их допрос. У юридических лиц изымаются учредительные и иные документы, относящиеся к финансово-хозяйственной деятельности. Для этого проводится осмотр либо обыск помещений, в зависимости от обстоятельств дела. Изъятые материалы затем осматриваются и исследуются. При необходимости также могут быть назначены инвентаризации и ревизии. Устанавливаются и допрашиваются контрагенты, разыскивается имущество, денежные средства, налагается арест на банковские счета, имущество и т.д.

Примером может послужить следующие обстоятельства уголовного дела: Галенко под предлогом оказания услуг по оформлению лицензии на осуществление фармацевтической деятельности, но, не имея при этом реальной возможности для их осуществления, похитила денежные средства в сумме 183 000 р., принадлежащие гр. Ф. Также она под предлогом оказания услуг по приобретению косметических препаратов в Южной Корее, а также оформления лицензии на осуществление фармацевтической деятельности, не имея при этом реальной возможности для их осуществления, похитила денежные средства в общей сумме 568 640 р., принадлежащие гр. И. Галенко настаивает на непричастности

к совершению указанных преступлений, указав лишь о наличии долга перед гр. И. в сумме 200 000 р., т.е. эквивалентно 2 000 долларов США.

По существу преступления в отношении гр. Ф. Галенко показала, что у нее не получилось сделать то, что она обещала, но деньги она тратила как на расходы по квитанциям, так и как себе на заработную плату, т.е. работу для гр. Ф она исполняет, в том числе в период рассмотрения дела в суде. Она (Галенко) находилась с гр. Ф в трудовых отношениях. Да, она получала деньги от гр. Ф в сумме 183 000 р., о чем писала расписку, неоднократно с гр. Ф. ездила к сотруднику Департамента здравоохранения отдела лицензирования – гр. О., которая приняла документы на лицензирование с условием дооформления помещения гр. Ф. По поводу расписок от имени гр. О. и о копии приказа о выдаче лицензии Галенко что-либо пояснить не смогла, в дальнейшем отказалась давать показания по ст. 51 Конституции России.

Со слов Галенко она умысла на хищение денег не имела, на действия недобросовестного поставщика и посредника – в правоохранительные органы с заявлениями не обращалась [7].

3) третья следственная ситуация характеризуется тем, что необходимой информации о лице, совершившем мошенничество, нет, хотя имеется информация о факте и обстоятельствах преступления.

В данном случае необходимо уделить пристальное внимание механизму совершения преступления, так как он может указать на лиц, способных совершить мошенничество. Кроме этого следователь проводит допрос потерпевшего и свидетелей (при их наличии). Особое внимание уделяется составлению субъективного портрета подозреваемого, в случае если мошенничество произошло при непосредственном их контакте. Также проверяются различные виды криминалистических учетов. Огромную роль в данной ситуации будут играть оперативно-розыскные мероприятия.

Так, С.В. Гаврилов используя телекоммуникационную сеть «Интернет», с помощью мобильного телефона «Apple Iphone 5S», разместил на ресурсах Web-сайта с доменным именем www.avito.ru объявление о продаже отсутствующего у него в собственности автомобиля «Hyundai Grand Starex» стоимостью 900 000 р. с указанием вымышленных биографических данных продавца. В продолжение задуманного С.В. Гаврилов под предлогом реализации указанного автомобиля со скидкой путем обмана предложил гр. В. внести предоплату в сумме 212 000 р., которые последний перечислил на счет № XXXXX в АО «ТинькоффБанк» на имя С.В. Гаврилова (банковская карта № XXXXXX) путем платежного перевода через кассу магазина «Связной» в ТРЦ «РИО», при этом не предоставив гр. В. автомашину. С.В. Гаврилов причинил гр. В. значительный материальный ущерб на общую сумму 212 000 р. [8].

В данной ситуации следователь проводит: допрос потерпевшего В., запрос данных с сайта с доменным именем www.avito.ru по объявлению о продаже автомобиля «Hyundai Grand Starex», запрос данных о перечислении денежной суммы 212 000 р. на счет № XXXXX в АО «ТинькоффБанк» на имя С.В. Гаврилова (банковская карта № XXXXXX), а также имеющихся данных на имя Гаврилова С.В., запрос в компанию сотовой связи о распечатках звонков

потерпевшего В., осмотр места происшествия в магазине «Связной» в ТРЦ «РИО» выемка кассовой ленты в магазине «Связной» в ТРЦ «РИО», допрос свидетелей: кассира и продавцов магазине «Связной» в ТРЦ «РИО», проверка по различным видам криминалистических учетов (по ранее судимым за аналогичные преступления, по лицам, представляющим оперативный интерес и т.п.), билинг установленного номера телефона продавца С.В. Гаврилова, оперативно-розыскные мероприятия по установлению. Места нахождения и причастности к преступлению С.В. Гаврилова, задержание С.В. Гаврилова и т.д.

Следует отметить, что вышеперечисленный алгоритм действий в зависимости от складывающихся следственных ситуаций является примерным, базовым в организации процесса расследования и зависит от конкретного совершенного преступления, его механизма, следовой картины, лица, совершившего данное преступление и иных обстоятельств, могущих повлиять как на весь процесс расследования, так и на отдельные его стадии.

Список использованной литературы

1. Варданян А.В., Грибунов О.П., Трубкина О.В. Особенности первоначального этапа расследования мошенничества в сфере страхования : монография. – Иркутск, 2016. – 152 с.
2. Криминалистическая методика для дознавателей : учебник / отв. ред. А.Г. Филиппов. – Москва, 2017. – 414 с.
3. Селиванов Н.А. Справочная книга криминалиста. – Москва, 2003. – 727 с.
4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
5. Состояние преступности в России за январь-декабрь 2020 г. – URL: <https://мвд.рф.reports> (дата обращения 20.03.2021 г.).
6. Приговор Щелковского городского суда Московской области от 29.11.2019 г. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/ZWvkvIUTZtdk> (дата обращения 16.06.2020).
7. Приговор Первореченского районного суда г. Владивостока от 10.07.2017 г. – URL: <http://www.sud-praktika.ru/precedent/547677.html> (дата обращения 16.06.2020).
8. Приговор Димитровского районного суда г. Костромы от 29.11.2019 г. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/iicVHgiOQdgV> (дата обращения 16.06.2020).

Информация об авторе

Соболевская Светлана Иосифовна – кандидат юридических наук, доцент кафедры организации расследования и судебных экспертиз ТИПК МВД России, Тюмень, Россия, e-mail: sibirian_empire@mail.ru.

Author

Svetlana I. Sobolevskaya – Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Organization of Investigation and Forensic Examinations of the TИPK Ministry of Internal Affairs of Russia, Tyumen, Russia, e-mail: sibirian_empire@mail.ru.

САНКЦИИ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ КОРРУПЦИОННОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ И ПРОБЛЕМЫ ИХ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

В статье поднимается проблема соответствия санкции уголовно-правовой нормы характеру и степени общественной опасности преступления. Цель работы: внесение предложений по совершенствованию уголовного законодательства об ответственности за преступления коррупционной и корыстной направленности путем приведения санкций за совершение указанных деяний в соответствие с характером и степенью их общественной опасности. Предлагается отказаться от установления штрафа в качестве основной меры наказания в санкциях за наиболее опасные преступления коррупционного характера, в том числе такие как получение взятки, предусмотреть в качестве основной меры наказания за их совершение – лишение свободы. Также предлагается включить в Уголовный кодекс России конфискацию имущества в качестве дополнительной меры наказания за тяжкие и особо тяжкие преступления прежде всего коррупционной и корыстной направленности.

Ключевые слова: характер и степень общественной опасности преступления, преступления коррупционной направленности, получение взятки, санкции, лишение свободы, штраф, конфискация имущества, принцип справедливости.

V.G. Tatarnikov

SANCTIONS FOR CORRUPTION-RELATED CRIMES AND PROBLEMS OF THEIR IMPROVEMENT

The article raises the problem of compliance of the sanction of the criminal law norm with the nature and degree of public danger of the crime. The purpose of the work: to make proposals for improving the criminal legislation on responsibility for crimes of corruption and self-interest by bringing sanctions for the Commission of these acts in accordance with the nature and degree of their public danger. The author compares the sanctions for crimes of corruption and self-interest in the modern criminal legislation of the criminal legislation of the Soviet period. It is proposed to abandon the establishment of a fine as the main penalty in sanctions for the most dangerous crimes of a corrupt nature, including such as taking a bribe, and to provide for imprisonment as the main penalty for their Commission. It is also proposed to include in the criminal code of Russia the confiscation of property as an additional measure of punishment for serious and especially serious crimes, primarily corruption and self-interest.

Keywords: The nature and degree of public danger of the crime, crimes of corruption, receiving a bribe, sanctions, imprisonment, fine, confiscation of property, the principle of justice.

Важнейшим свойством преступления, определяющим характер и размер ответственности за его совершение, является характер и степень общественной опасности деяния, запрещенного уголовным законом. Статья 6 УК РФ устанавливает, что наказание и иные меры уголовно-правового характера, применяемые к лицу, совершившему преступление, должны быть справедливыми, то есть соответствовать характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного. Формулируя общие начала назначения наказания ч. 3 ст. 60 УК РФ требует при назначении наказания учитывать характер и степень общественной опасности преступления и личность виновного. Аналогичное положение содержалось и в ст. 37 УК РСФСР 1960 г. также посвященной общим началам назначения наказания.

Ни современное, ни ранее действовавшее уголовное законодательство не раскрывало содержание таких критериев оценки общественной опасности преступления как ее характер и степень. Пленум Верховного Суда разъяснил, что характер общественной опасности преступления определяется уголовным законом и зависит от установленных судом признаков состава преступления. При учете характера общественной опасности преступления судам следует иметь в виду, прежде всего направленность деяния на охраняемые уголовным законом социальные ценности и причиненный им вред [7].

Можно сказать, что характер общественной опасности преступления определяется совокупностью всех обстоятельств, учтенных при описании того или иного состава преступления в нормах Особенной части Уголовного кодекса. Поэтому каждое преступление, описанное в нормах Особенной части, обладает своим неповторимым характером общественной опасности. Количественным выражением характера общественной опасности является санкция [6, с. 76]. Поэтому предпосылкой назначения справедливого наказания конкретному лицу за конкретное преступление является установление законодателем санкции, соответствующей характеру и степени общественной опасности деяния.

Однако законодатель устанавливает, так сказать, стандартную меру наказания, которая применительно к конкретному лицу, виновному в конкретном преступлении должна быть индивидуализирована. Поэтому ст. 60 УК РФ требует, чтобы суд учитывал еще и степень общественной опасности преступления. Пленум Верховного Суда РФ в названном постановлении разъяснил, что степень общественной опасности преступления устанавливается судом в зависимости от конкретных обстоятельств содеянного, в частности, от характера и размера наступивших последствий, способа совершения преступления, роли подсудимого в преступлении, совершенном в соучастии, от вида умысла (прямой или косвенный) либо неосторожности (легкомыслие или небрежность). Обстоятельства, смягчающие или отягчающие наказание (ст. 61 и 63 УК РФ) и относящиеся к совершенному преступлению (например, совершение преступления в силу стечения тяжелых жизненных обстоятельств либо по мотиву сострадания, особо активная роль в совершении преступления), также учитываются при определении степени общественной опасности преступления [7].

Таким образом, справедливость наказания обеспечивается, с одной стороны, законодателем, который дает, так сказать, стандартную оценку характера

общественной опасности преступления, устанавливая пределы санкции за его совершение, а, с другой стороны, судом, который при назначении наказания конкретному лицу, учитывает как оценку общественной опасности преступления, данную законодателем, так и степень общественной опасности, содеянного, а также иные обстоятельства дела, в том числе личность виновного, смягчающие и отягчающие обстоятельства и т.д.

Характер и степень общественной опасности преступления тесно взаимосвязаны. Устанавливая пределы санкции как некий стандарт, законодатель должен учесть возможные колебания степени общественной опасности конкретных преступлений с тем, чтобы наказание, соответствовало не только характеру общественной опасности, но и всем обстоятельствам дела. Поэтому санкции в нормах Особенной части УК РФ традиционно конструируются как относительно-определенные или альтернативные

Ошибка законодателя в оценке характера общественной опасности препятствует суду должным образом реализовать принцип индивидуализации наказания. Как показывает практика, законодатель не всегда оценивает характер общественной опасности преступления адекватно его реальной тяжести, что отрицательно влияет на судебную практику и не способствует достижению предусмотренных ст. 43 УК РФ целей наказания по восстановлению социальной справедливости, а также исправления осужденного и предупреждения совершения новых преступлений. Обращает также на себя внимание, что установившаяся практика внесения законодателем многочисленных и не всегда обоснованных изменений в уголовное законодательство в части, касающейся санкций, нередко приводит к искажению в оценке общественной опасности преступления и к рассогласованности санкций в нормах Особенной части УК РФ. Такие негативные моменты наглядно видны при анализе изменений, которым подверглись в период действия УК РФ 1996 г. нормы о преступлениях коррупционной направленности.

В российском уголовном законодательстве советского периода (УК РСФСР 1922 г., УК РСФСР 1926 г., УК РСФСР 1960 г.) по отношению к должностным преступлениям коррупционной направленности традиционно отражались следующие тенденции.

Во-первых, основной мерой наказания за наиболее опасные коррупционные преступления (получение взятки, дача взятки) устанавливалось лишение свободы.

Во-вторых, в качестве дополнительной меры наказания за совершение указанных преступлений предусматривалась конфискация имущества.

В-третьих, за совершение других преступлений коррупционного характера без отягчающих обстоятельств (злоупотребление властью, превышение власти) в качестве альтернативы лишению свободы допускалось применение мер наказания, без изоляции от общества, но связанных с исправительно-трудовым воздействием (принудительные работы, исправительные работы). В целом же альтернативные санкции за преступления коррупционной направленности строились так: на первом месте находилось лишение свободы, а в качестве альтернативы указывалось наказание, не связанное с изоляцией от общества.

В-четвертых, при наличии квалифицирующих признаков в санкциях за должностные преступления в качестве основной меры наказания предусматривалось только лишение свободы.

Указанные тенденции в целом сохранились и в первоначальной редакции Уголовного кодекса Российской Федерации, принятого в 1996 г. [8]. Так за получение взятки при отягчающих обстоятельствах (ч. 2, 3, 4 ст. 290 УК РФ в редакции 1996 г.) в качестве основной меры наказания предусматривалось только лишение свободы. За совершение данного преступления неоднократно, с вымогательством взятки, также за получение взятки в крупном размере (ч. 4 ст. 290 УК РФ в той же редакции) предусматривалась дополнительная мера наказания – конфискация имущества. И лишь за получение взятки без отягчающих обстоятельств (ч. 1 ст. 290 УК РФ) была установлена альтернативная санкция, которая допускала применение штрафа либо лишения свободы. При этом деяния, предусмотренные ч. 1 ст. 290 УК РФ, были отнесены к преступлениям средней тяжести, ч. 2 и 3 ст. 290 УК РФ – к тяжким, а ч. 4 ст. 290 УК РФ – к особо тяжким. Такой подход выглядел в целом логично.

Однако в дальнейшем вследствие неоднократных изменений, внесенных в уголовное законодательство нормы об ответственности за указанное преступление претерпели существенные и далеко не всегда обоснованные изменения. Так Федеральным законом от 08.12.2003 г. № 162-ФЗ из Общей части УК РФ и, соответственно из норм Особенной части, была исключена конфискация имущества [9].

В дальнейшем произошли еще менее логичные изменения в санкциях за получение взятки. Так Федеральный закон от 04.05.2011 г. № 97-ФЗ предусматривал штраф в качестве основной меры наказания за все виды взяточничества, в том числе относящиеся к тяжким и даже особо тяжким преступлениям. При этом штраф находится на первом месте в санкциях даже за наиболее опасные коррупционные преступления, например, такие как получение взятки лицом, занимающим государственную должность Российской Федерации или государственную должность субъекта Российской Федерации, а равно главой органа местного самоуправления (ч. 3 ст. 290 УК РФ), получение взятки организованной группой (п. «а» ч. 5 ст. 290 УК РФ), в особо крупном размере (ч. 6 ст. 290 УК РФ) и т.д.

Подобный подход по существу стирает границу между тяжкими и особо тяжкими преступлениями и деяниями, относящимися к категории преступлений средней или небольшой тяжести, поскольку в равной степени допускает применение за их совершение самой мягкой меры, наказания, из всех возможных. Например, в по данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ за 2019 г. из 1 247 лиц, осужденных за получение взятки, к штрафу были приговорены 304 человека или 24 %. И даже из 696 лиц, осужденных за получение взятки при отягчающих обстоятельствах, предусмотренных ч. 2, 5–6 ст. 290 УК РФ каждый пятый (21 %) был приговорен к штрафу в качестве основной меры наказания. Значительному числу осужденных по ст. 290 УК РФ (30 %) было назначено лишение свободы условно и лишь 43 % виновных осуждены к реальным срокам лишения свободы [10].

Такая трансформация санкций в современной редакции Уголовного кодекса России 1996 г. и практика их применения не учитывает повышенную общественную опасность преступлений коррупционной направленности и не отвечает целям борьбы с ними. Установление штрафа в качестве основной меры наказания за коррупционные преступления, тем более такие как получение взятки, по существу представляет законодательно закрепленную возможность для коррупционера «откупиться» от реальной меры наказания, связанной с лишением или ограничением его личной свободы. Применительно к преступлениям коррупционной направленности применение штрафа уместно лишь за преступления не относящиеся к тяжким или особо тяжким в качестве дополнительной меры к основному наказанию, связанному с лишением или ограничением личных прав осужденного (исправительные работы, принудительные работы и т.д.).

Такой подход выглядит тем более нелогичным, поскольку за многие другие корыстные преступления, ненасильственного характера, относящиеся к категории тяжких и тем более особо тяжкие законодатель в качестве основной меры наказания безальтернативно устанавливает лишение свободы. Это, например, мошенничество, совершенное организованной группой либо в особо крупном размере или повлекшее лишение права гражданина на жилое помещение (ч. 4 ст. 159 УК РФ), мошенничество с использованием электронных средств платежа совершенное организованной группой либо в особо крупном размере (ч. 3 ст. 159.3 УК РФ) и др.

Совершенно непонятно, почему за присвоение или растрату имущества совершенное организованной группой либо в особо крупном размере (ч. 4 ст. 160 УК РФ) в качестве основной меры наказания установлен только один вид наказания (лишение свободы на срок до десяти лет), а за получение взятки в особо крупном размере (ч. 6 ст. 290 УК РФ) и другие опасные формы взяточничества, например, совершенные лицом, занимающим государственную должность Российской Федерации или государственную должность субъекта Российской Федерации, а равно главой органа местного самоуправления (ч. 4 ст. 290 УК РФ), совершение данного преступления группой лиц по предварительному сговору или организованной группой и т.д. (ч. 5 ст. 290 УК РФ) в качестве основной меры наказания предусмотрен штраф. Очевидно, что применительно к лицам, совершающим из корыстных побуждений особо опасные посяательства, направленные против интересов государственной власти, государственной службы, службы в органах местного самоуправления установление в качестве основной меры наказания штрафа не отвечает ни принципу справедливости, ни целям профилактики преступлений такого рода. Следует согласиться, что в настоящее время у правоохранительной системы отсутствуют эффективные механизмы борьбы со взяточничеством, особенно осуществляемым в крупном размере [1, с. 73–74].

В юридической литературе неоднократно подвергалась критике позиция российского законодателя по исключению конфискации имущества из перечня наказаний [2, с. 42; 3, с. 395–400; 4, с. 133; 5, с. 289].

Поскольку рассмотрение данного вопроса находится за рамками данной работы, отметим, что возвращение конфискации имущества в перечень наказаний, предусмотренных в Общей части УК РФ и включение ее в качестве дополнительной меры наказания за преступления тяжкие и особо тяжкие преступления коррупционной и корыстной направленности является необходимым условием для обеспечения принципа справедливости при назначении наказания за преступления рассматриваемой категории.

В этой связи необходимо отметить следующие направления совершенствования санкций за преступления коррупционной направленности.

Во-первых, в санкциях за наиболее опасные преступления коррупционного характера, относящиеся к тяжким или особо тяжким, в качестве основного наказания должно предусматриваться наказание в виде лишения свободы.

Во-вторых, следует отказаться от установления в санкциях за такие преступления штрафа в качестве основной меры наказания. Применительно к преступлениям коррупционной направленности, не относящимся к тяжким или особо тяжким, штраф может использоваться в качестве дополнительной меры наказания к основному наказанию (лишение свободы, принудительные работы, исправительные работы).

В-третьих, альтернативные санкции за преступления коррупционной направленности должны предусматривать наказания, близкие по характеру правоограничений, например, лишение свободы и принудительные работы. Недопустимо установление за тяжкие и тем более за особо тяжкие преступления штрафа в качестве альтернативы мерам, связанным с изоляцией от общества.

В-четвертых, за преступления коррупционной направленности, относящиеся к тяжким или особо тяжким, в качестве дополнительной меры наказания должна предусматриваться конфискация имущества. В этой связи конфискация имущества должна быть восстановлена в качестве дополнительной меры наказания в Общей части УК РФ и предусмотрена в санкциях норм Особенной части за тяжкие и особо тяжкие преступления корыстной и коррупционной направленности. При этом в санкциях за особо тяжкие преступления она должна предусматриваться в качестве дополнительной обязательной меры наказания.

Список использованной литературы

1. Безручко Е.В., Осадчая Н.Г. Актуальные уголовно-правовые проблемы борьбы со взяточничеством // Юристъ-Правоведъ. – 2019. – № 1 (88). – С. 73–78.
2. Босхолов С.С. Актуальные проблемы уголовной политики в сфере противодействия коррупции // Пролог. Журнал о праве. – 2013. – № 1. – С. 42.
3. Кузнецова И.С. Роль конфискации имущества в борьбе с коррупцией // Суверенное государство и его право: актуальные проблемы юридической науки и правоприменительной практики в современной России» (к 370-летию со времени принятия Соборного Уложения (1649 года) : сб. тр. 16-х Всерос. декабр. юрид. чтений в Костроме. – Кострома, 2020. – С. 396–400.
4. Побегайло Э.Ф. Кризис современной российской уголовной политики // Уголовное право. – 2004. – № 4. – С.133.

5. Татарников В.Г., Босхолов С.С. О конфискации имущества как мере уголовного наказания // Вестник ИрГТУ. – 2014. – № 5. – С. 289.

6. Татарников В.Г. Уголовно-правовая охрана личности. – Иркутск, 2007. – 76 с.

7. О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания : Постановление Пленума Верхов. Суда РФ от 22.12.2015 г. № 58 (ред. от 18.12.2018 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

8. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

9. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с совершенствованием государственного управления в области противодействия коррупции : Федер. закон от 04.05.2011 г. № 97-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2011. – № 19. – Ст. 2714.

10. Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. – URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5259> (дата обращения: 15.01.2021).

Информация об авторе

Татарников Владимир Германович – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права Восточно-Сибирского филиала Российского государственного университета правосудия, Иркутск, Россия, e-mail: volde-mar55@mail.ru.

Author

Vladimir G. Tatarnikov – Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Criminal Law of East-Siberian branch of the Russian State University of Justice, Irkutsk, Russia, e-mail: voldemar55@mail.ru.

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПОСРЕДНИЧЕСТВО ВО ВЗЯТОЧНИЧЕСТВЕ В РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ XIV–XIX ВЕКОВ

Рассматриваются вопросы развития уголовной ответственности за посредничество во взяточничестве в российском государстве. Обозначаются исторические предпосылки становления института посредничества во взяточничестве и закрепления его в уголовном законодательстве. Раскрываются особенности конструирования указанной нормы в разные исторические периоды. Дается краткая характеристика основным правовым актам, содержащим нормы о взяточничестве, которые сыграли немаловажную роль в выделении посредничества во взяточничестве в качестве самостоятельного состава преступления.

Ключевые слова: взяточничество, посредничество во взяточничестве, уголовная ответственность, развитие уголовной ответственности, история уголовного закона.

А.А. Khristiuk

FORMATION AND DEVELOPMENT OF CRIMINAL RESPONSIBILITY FOR BRIBERY MEDIATION IN RUSSIAN LEGISLATION OF THE XIV–XIX CENTURIES

The article deals with the development of criminal liability for mediation in bribery in the Russian state. The historical prerequisites for the establishment of the institution of mediation in bribery and its consolidation in criminal legislation are indicated. The features of the design of this norm in different historical periods are revealed. A brief description of the main legal acts containing the norms on bribery, which played an important role in the selection of mediation in bribery as an independent corpus delicti, is given.

Keywords: bribery, mediation in bribery, criminal liability, development of criminal liability, history of criminal law.

О таком негативном явлении, как незаконное вознаграждение впервые говорилось в контексте «посулов» еще в XIV в. Далее смена правителей, сопровождалась сменой отношения к коррупции. К примеру, в России в годы правления Петра I предусматривалась уголовная ответственность за принятие взяток и «посулов» за нее.

В свою очередь, существующий на то время Судебник 1497 г. как и предшествующий ему закон не отображал в своих нормах соответствующего понятия, а также признаков, форм и видов соучастия. При этом данный закон четко отразил повышенную общественную опасность преступлений, совершаемых сразу несколькими лицами.

Отличительной чертой рассматриваемого древнерусского уголовно-правового памятника стало наличие в его нормах статьи, впервые обеспечение на законодательном уровне ответственности за посредничество в служебной преступности – взяточничестве [7, с. 82]. Впервые этот законодательный акт предусматривал ответственность за действия государственных чиновников, которые при рассмотрении судебных дел получали материальные ценности. Таким образом, самая первая норма Судебника законов посвящена запрету на получение обещаний лицами, занимающими судебные должности: «Судите суд по боярам и окольниковым. И при дворе жизни у бояр и у умершего дьякона. Но были обещания боярина, окольниковичева и дьякона со двора от горя, а не от има; и каждому судье обещание суда не было дано никому» [10, с. 459].

Под посулом понимали получение лицом, осуществляющим правосудие, различных гостинцев, подарков, а также денежного вознаграждения.

Главой «О посулах и о послушестве» было запрещено указанным выше лицам давать взятки: «Да велети прокликать по торгам в Столице и во всех городех Столичной земли и Новгородские территории и по всем поселениям заповедей, чтобы ищя и ответчик судиам и приставом посулу никак не обещали в суду...».

В Сборнике 1497 г. помимо общепринятых мер содержащих уголовно-правовые запреты, был установлен состав участников судопроизводства со стороны официальных органов, которых, в свою очередь, государь наделил правом рассмотрения судебных дел.

В перечень данных лиц входил надельщик, под ним было принято понимать судебного пристава, который выполнял свои обязанности по неделям. Состояли такие надельщики при ладьях, вносивших их имена в специальные книги, при вступлении в должность. В обязанности судебных приставов того времени входило: оповещать стороны о вызове в суд и доставлять их к суду, а также осуществлять поимку разбойников и татей. Надельщикам предназначалось вознаграждение с вызываемых лиц.

В тоже время существовала глава под названием «О надельщиках указ», которая предусматривала ответственность надельщика за неправомерные действия с его стороны при осуществлении полномочий.

Более тщательное изучение данной статьи показывает, что «надельщику было запрещено принимать или требовать посулы, даже если он сам их не брал, но для тех, кто осуществляет судебное разбирательство, круг которых был указан в статье: «А надельщиком, на суде имейте выдающуюся позицию по отношению к боярам, крестьянам, дьяконам, не просите с них посулы и не выполняйте обещаний» [4, с. 49].

Данная норма устроена так, что надельщик мог нести по ней самостоятельную ответственность, как в качестве непосредственного виновного, который получал или вымогал посул, так и в качестве посредника в получении взятки, с ее дальнейшей передачей лицу, осуществлявшему судебное разбирательство.

Также законодатель в обсуждаемой статье ставит на один уровень преступления разные по степени опасности, такие как вымогательство взятки и ее получение. Несмотря на то, что наказания за преступные деяния судебному

приставу уголовно-правовым запретом не предусматривалось, это вовсе не указывало на его отсутствие. При этом, абсолютно в каждом случае главой государства либо его доверенными лицами определялась мера ответственности.

Необходимо отметить, что вышеуказанной нормой наказание за посредничество во взяточничестве в получении посулов никак не довольствовало. Например, главой «Указ наместника о городском суде» наряду с указанием состава лиц, отправляющих правосудие в городах, также запрещал требовать или получать вознаграждение как для себя лично, так и для вышеуказанного должностного лица: «И бояре или дети бояр, для которых кормление при дворе боярами, судят о долгах, и в суде у них есть дворянство, а также старшие и лучшие люди. И без дворского, и без старосты, и без лучших людей суд не судит наместников и властителей; и они не обещали им от суда, а не имеют, а их тиуну и их народ не обещали их от суда ни своему государю, ни тиуну, и не просят от суда обещаний.

Следует отметить, что наказание за посредничество при получении обещаний в Судебном указе 1497 г. не ограничивалось только вышеупомянутой нормой. Так, в главе «Указ наместника о городском суде» наряду с указанием состава лиц, отправляющих правосудие в городах, было запрещено получать или требовать вознаграждения для себя или для старшего должностного лица: «Но Бояре или бояре, за которых идут суды с боярами, их нужно судить, а в суде у них есть дворянство, и старшие, и лучшие люди. И без придворного, и без старосты, и без лучших людей суд не судит наместника и волостостного; и они не обещали их от суда, а их тиуна и их народ не обещали их от суда ни своему государю, ни тиуну, и не просят обещаний от суда».

Также в Судебнике 1550 г. в полном объеме повторяются установленные нормы об ответственности лиц за посредничество при даче взятки при осуществлении судебных разбирательств.

Стоит обратить внимание на то, что статьей 32 Судебника была предусмотрена норма подобная норме Сборника 1497 г. об ответственности надельщика за посредничество в получении посула. К тому же, список лиц, для которых надельщик мог просить взятку, увеличился на дворецкого и казначея.

Единственным отличием рассматриваемого памятника права является то, что на законодательном уровне предусмотрена не только ответственность для надельщиков, которые совершили посредничество во взяточничестве, но и предусмотрены конкретные виды наказаний за данное деяние. О чем свидетельствует статья 32: «... А которой надельщик возжег на суде на боярина, или на околничего, или на дворецкого, или на казначея, или на дьяка посул, или себе посул возмет, и уличат его в том, также этого надельщика казнити торгашескую казнью, а посул на нем доправити втрое да из недель с месяца выкинути» [4, с. 65].

Наглядно видно, что надельщик подвергался достаточно суровому наказанию за нарушение закона, которое выражено в получении посулов или в требовании их для дальнейшей передачи лицам, которые осуществляют судебное разбирательство. Например, надельщика могли приговорить к торговой казни или к возврату взятки в тройном размере с отстранением возможности. При

этом не подвергались уголовной ответственности лица, которые получали взятку через посредничество надельщика.

Следующим этапом в развитии ответственности за посредничество во взяточничестве являются положения Соборного Уложения 1649 года.

В соответствии со ст. 7 главы X «О суде» Соборного Уложения 1649 года, судье было запрещено получать обещания через своих родственников или посторонних лиц, а не лично: «Но кто примет во внимание лоб с судьей, что он не обвинял его в обещании, но взял из этого несправедливого дела его брата или сына, или племянника, или человека, направил судью слушание боярам и вынес решение по этому делу, в зависимости от дела...». В тех случаях, когда данное обстоятельство было доказано, судья в равной степени нес ответственность за получение взятки. В то же время посредники во взятке не несут ответственности [6, с. 35].

Немного другая ситуация прослеживается в ст. 12 этой статьи Уложения, предусматривающей личную ответственность «подьячего» за оказание помощи дьяку в реализации соглашения между дьяком и взяточником путем внесения ложных записей в судебные протоколы: «И какой дьяк стремится к кто-то, обещающий... приказывает суду подьячему написать иначе, чем это было в суде, и, как было написано в предыдущей записке для руки истцова и ответчика, и в соответствии с этим жестким приказом писца, это судебное дело будет быть написанным через неделю, и он не ищет ничего, кроме этого, и для этого вы совершаете торговую казнь, избиваете его кнутом, и даже не быть, а подьячего казнить, отрезав руку...» [5, с. 340].

Следует отметить, что в этой норме законотворец сделал исключение в отношении равной ответственности среди соучастников данного преступления. Более того, как видно из положений этой статьи, посредник во взяточничестве подвергался более суровому наказанию, чем лицо, получившее взятку: дьяк - за коммерческое исполнение и отстранение от должности, в то время как подьячий, который делал неправильные записи по приказу дьяка, должен отрезать руку [8, с. 79].

Статья 8 той же главы Соборного Уложения предусматривает уголовную ответственность лиц, которые получили взятку от взяткодателя, как бы для передачи судье с целью принятия правильного решения для стороны, которая передает вознаграждение, но фактически назначает взятку – вознаграждение в свою пользу. Такой поступок В.В. Шеретов называет «мнимое посредничество». За его совершение было установлено наказание, предусматривающее возвращение в казну стоимости полученного в трехкратном размере и лишение свободы «до государева указу» [11].

Первые трактования об ответственности за посредничество были обнаружены в Особой части Соборного Уложения. В данном Уложении ст. 401 гл. VI «О мздоимстве и лихоимстве» раздела V «О преступлениях и проступках по службе» законотворец вводит определенные ограничения, которые распространяются не только на чиновников и членов их семей, а также на каждого виновного в получении взятки. Тем же Соборным Уложением в разд. 405 предусмотрено наказание за получение взятки посредством иных лиц, в том числе близ-

ких людей, также считается или подкупом или вымогательством. В ст. 412 Соборного Уложения давалось понятие лиходателя, а также в рамках данного Соборного Уложения были закреплены правовые нормы о наказании последнего. В свою очередь, глава VI «О мздоимстве и лихоимстве», кроме привычных составных частей преступления включала в себя нормы ответственности за посреднические действия, также предполагалось наказание, как за принятие, так и за дачу взятки:

- неправомерный сбор денег или иных вещей представляющих ценность, а также другого имущества чиновниками занимающих должности в сельском и волостном правительстве, помощникам писаря, писарям, запрещалось собирать подаяния использованное для приобретения подарков и гостинцев предназначенных для должностных лиц (ст. 408);

- помощь в передачи взятки взяточничеству или вымогательстве (ст. 409);

- запрещалось представителю крестьянской общины подкупать чиновника и членов его семьи путем дачи подарков и гостинцев (ст. 411).

В ст. 408 Соборного Уложения была закреплена ответственность за сбор денежных средств или других вещей представляющих ценность, которые направлялись на покупку гостинцев и угощений:

- если собранные деньги и ценности должны были быть направлены на обращения подкупа должностных лиц и членов их семей;

- если собранные деньги или ценности были присвоены сборщиком с целью наживы.

За такое лжепосредничество было предусмотрено более строгое наказание нежели за обычное посредничество во взяточничестве. Данное посредничество уже в те времена считалось мошенничеством.

В ст. 409 этого же документа, рассматривались преступления, такие как лиходейство и мздоимство. Считалось, что если некое лицо получило взятку вместо чиновника или помогало в передаче взятки, то такое лицо признавалось посредником в получении взятки или в ее даче:

- если должностные лица находились в курсе того, что их подчиненные были задействованы в даче либо в получении взятки, но не приняли соответствующих мер для искоренения данных злодеяний, а также не поспособствовали обнаружению и наказанию задействованных в данном правонарушении лиц.

- судьи, которые обошли стороной.

Исходя из положения данной статьи, посредничество во взяточничестве проявлялось в следующих методах: в получении или передаче предмета взятки должностному лицу; в посредничестве с требованием предмета взятки и исчисление штрафа в качестве наказания за взяточничество и посредничество при его осуществлении.

Как видно, законодателем досконально разобраны всевозможные проявления посредничества во взяточничестве. Плюс ко всему, помощь посредника взяткодателю или взяткополучателю выражалась не только в достижении передачи взятки либо ее получении, а также в содействии при ее вымогательстве [3, с. 24]. При рассмотрении ст. 409 данного Уложения Н.А. Громов полагаясь на разъяснения Управляющего Сената 1902 г. по делу № 19 в отношении

Клемборта замечает, что в настоящей статье упоминается об «ответственности любых лиц, которые способствовали подкупу и вымогательству, без единого ограничение спецификации на должностных лиц и частных лиц, которые способствовали взяточничеству» [2, с. 34].

Разумеется, не обошлось без квалификации действий лица (крестьянина), которое не принимало участие в непосредственном вымогательстве взятки, а согласилось передать взятку чиновнику только лишь по незнанию своих прямых обязанностей. Законодатель четко дает понять, что незнание запрета на совершение посредничества во взяточничестве не освобождает лицо давшего взятку от наказания, даже если он не от своего имени привлечен к уголовной ответственности.

Следует указать, что Уложение о наказаниях уголовных и исправительных в редакции 1857 г. оставило аналогичную редакцию норм о противодействии взяточничеству, чего нельзя сказать про Уложение в редакции 1866 г., так как общепризнанные нормы в ответственности лиходателей (ст. 411 и 412) были изъяты на основании высочайше утвержденного одобрения Государственного Совета 27 декабря 1865 г.

А. Лохвицкий разглядел обоснование действиям законодателя в декриминализации указанных деяний в том, что «у нас, взятки так распространены, к несчастью, что тяжело винить тех, которые передавали их чиновникам», а «солидарность дающего и берущего взятки уменьшала бы способность установления и преследования их».

В Уложении 1866 г. сохранилась наказуемость лиходателей, правда, лишь в одном случае – в ст. 382: «Лиходатели, обнаруженные при убеждении находящихся на службе государственной или общественной украсть, скрыть, уничтожить, или же в чем-то помянуть одну или группу из включенных в дела бумагу, или же совершить другой сего или иного рода подлог...». При этом абсолютно в неизменном состоянии оставалась ст. 409 Уложения которая была посвящена наказанию содействующих.

Нельзя не сказать о том, что данным Уложением во все времена преследовалась цель наказания за посредничество при получении взятки, при этом все не имел значения факт того, способствовал хоть как-то обвиняемый достижению договоренности между сторонами сделки, которые несут персональную ответственность за дачу и (или) получение предмета взятки.

В результате рассмотрения вопроса о посредничестве в преступлении в российском уголовном праве X–XIX вв. можно сделать вывод, что самые первые законы того периода уже предусматривали наказание за посредничество, о чем свидетельствуют Судебники 1497 и 1550 гг. Такое посредничество проявлялось в поощрении взяточничества или вымогательства взятки.

Дальнейшее формирование института посредничества в преступности в уголовном законодательстве нашего государства на рубеже рассматриваемого многозначительного этапа, к сожалению, содержалось лишь в ужесточении запретов на некоторые проявления посреднических действий. Пока единая теория посредничества, не содержала анализируемых законов.

Значительный прогресс был, достигнут в установлении посредничества в уголовно-исполнительном Уложении. Ввиду особых запретов на посредничество в случае преступления, предусмотренного Уложением, рассматривается как коллективное понятие. Это может быть выражено как поддержка в достижении и реализации соглашения между сторонами, а также в привлечении и укрывательстве преступления в других вопросах.

Тем не менее, существуют случаи, когда наказание было установлено для содействия достижению или осуществлению соглашения, в то время как действия сторон сделки не подлежали уголовному преследованию.

Вместо уголовно-исполнительного Уложения 1885 г. издания, начали использовать Уголовное уложение, которое было утверждено 22 марта 1903 г. [1, с. 55]. Несмотря на то, что Уголовное уложение использовалось лишь частично, а именно нормы Общего и некоторые главы Специальной части, определенно достигли более высокого уровня, в отличие от своих предшественников. С точки зрения плана правоохранительных органов, это связано с более точным определением признаков как независимых институтов и признаков определенных элементов преступления.

Этот закон предусматривает судебное преследование лиц, которые были посредниками во взяточничестве. Только должностные лица, которые работают с получателем взятки, и должностные лица, которые виновны в сознательном содействии исполнителю в получении взятки, были признаны виновными в таком посредничестве.

В остальном ст. 660 гл. XXXVII «О совершении преступных действий во время службы как государственной, так и общественной» «говорит»: «Работника целенаправленно поддерживающего лицо, которое было задействовано в передаче взятки, наказывали как соучастника данного преступления». При этом законом предусмотрен открытый список вариантов «иногo посредничества».

После прочтения данной нормы Н.С. Таганцев сделал вывод о том, что подобные действия работника объяснимы посредничеством: «если она проявляется в посредничестве, состоящем из: а) представления предложений, запросов или просьб подарков для определения того, что и для чего дается, и, как правило, в качестве посредника для совершения взятки; б) при передаче подарка, то есть при практической передаче взятки взяточнику или другому лицу по его просьбе или в договоре с лиходателем; в) если взятка принимается под собственным именем, эта поддержка может быть предоставлена либо для сокрытия преступления в дар, либо для сокрытия истинного виновника взятки» [9, с. 452].

Абсолютно все варианты помощи при достижении договоренности между лиходателем и взятополучателем следует относить к другому посредничеству, данная квалификация предусмотрена ст. 660 Уложения. В то же время деяния самого лиходателя Уголовным уложением оценены не были.

Список использованной литературы

1. Крюкова Н.И. Коррупция: ее сущность и исторические корни в России // История государства и права. – 2014. – № 5. – С. 52–57.

2. Ображиев К., Чашин К. Криминализация посредничества во взяточничестве: поиск оптимальной модели // Уголовное право. – 2013. – № 6. – С. 30–35.
3. Пермяков М.В. История возникновения коррупции в Российской Федерации // Актуальные проблемы экономики и права. – 2010. – № 4. – С. 18–28.
4. Российское законодательство X–XX веков : В 9 т. Т. 2 : Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства // Юридическая литература. – 1985. – С. 40–56.
5. Российское законодательство X–XX веков : В 9 т. Т. 4 : Законодательство периода становления абсолютизма // Юридическая литература. – 1986. – С. 326–355.
6. Рустамова Ф.Н. История становления и развития ответственности за посредничество во взяточничестве. – 2015. – № 2. – С. 34–36.
7. Сунгатуллин А.Ю. Развитие отечественного уголовного законодательства об ответственности за посредничество в совершении преступления в середине XIX столетия / А.Ю. Сунгатуллин // Актуальные проблемы уголовного права и криминологии. Научные труды кафедры уголовного права. Вып. 3 / под ред. А.В. Бриллиантова, Ю.Е. Пудовочкина // РАП. – 2013. – С. 82–84.
8. Сунгатуллин А.Ю. Уголовная ответственность за посредничество в совершении преступления по Уложению о наказаниях уголовных и исправительных / А.Ю. Сунгатуллин // Вестник института: преступление, наказание, исправление. – 2013. – № 3. – С. 78–81.
9. Таганцев Н.С. Уголовное уложение 22 марта 1903 г. (ред. 14.03.1906 г.) // Феникс. – 1904. – С. 438–461.
10. Титов Ю.П. Хрестоматия по истории государства и права России. – 2-е изд., перераб. и доп. // Проспект. – 2008. – С. 453–464.
11. Шеретов В.В. Противодействие взяточничеству: уголовно-правовой и криминологический аспекты : дис. ... канд. юрид. наук. – Санкт-Петербург, 2005. – 188 с.

Информация об авторе

Христюк Анна Александровна – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права, криминологии и уголовного процесса Байкальского государственного университета, Иркутск, Россия, e-mail: a_x_a@mail.ru.

Author

Anna A. Khristyuk – Candidate in Law, Associate Professor of the Chair of Criminal Law, Criminology and Criminal Procedure of Baikal State University, Irkutsk, Russia, e-mail: a_x_a@mail.ru.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗЪЯТИЯ И ИССЛЕДОВАНИЯ ЦИФРОВОЙ ИНФОРМАЦИИ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ КИБЕРПРЕСТУПЛЕНИЙ

В статье рассматриваются аспекты современных проблем расследования киберпреступлений, связанные с изъятием цифровых следов и предоставлением соответствующих доказательств, представлены некоторые междисциплинарные стратегии решения текущих проблем. Целью исследования явилось рассмотрение научных взглядов на обозначенную проблематику. Приведена основная модель наблюдателя, которая описывает точку зрения судебной экспертизы. Аргументы в статье основаны на конкретных примерах и относятся к установленным процедурам.

Ключевые слова: киберпреступления, цифровые следы, расследования преступлений, доказательства, криминалистика.

А. V. Anipchenko

ACTUAL PROBLEMS OF DIGITAL INFORMATION RETRIEVAL AND RESEARCH IN THE INVESTIGATION OF CYBERCRIMES

The article examines the aspects of modern problems of cybercrime investigation related to the removal of digital traces and the provision of relevant evidence, and presents some interdisciplinary strategies for solving current problems. The purpose of the study was to consider scientific views on the identified problems. The main model of the observer, which describes the point of view of the forensic examination, is given. The arguments in the article are based on specific examples and relate to established procedures.

Keywords: cybercrime, digital traces, crime investigations, evidence, criminalistics.

Расследования преступлений в сфере киберпреступности имеют много аспектов, и являются одним из важнейших элементов в области криминалистики. Существует огромное количество нерешенных вопросов в процессе расследования преступлений, основанных на исследовании цифровых следов, их рост обуславливается стремительным развитием цифровых технологий. Следует отметить, что таковыми являются и Средства сотовой связи, которые «являются сегодня все более полифункциональными, это источники криминалистически значимой информации, которую следует активно использовать в целях выявления, раскрытия, расследования и, конечно же, предупреждения преступлений» [1, с. 138].

Сотрудники правоохранительных органов часто встречаются с процедурными проблемами, такими как получение своевременного доступа к данным на

зашифрованных устройствах или в облаке. Эти технические проблемы также включают в себя такие понятия, как: обратная инженерия и большой анализ данных. Необходимо постоянно устанавливать связи между виртуальными и физическими носителями информационных следов, и оценивать вероятность получения доказательств по одной теории в сравнении с альтернативными. Криминалистам приходится постоянно разрабатывать более широкие стратегии борьбы с киберпреступностью. Бизнес-менеджеры сталкиваются с проблемами управления рисками, в том числе кражу данных и связанные с этим меры регулирования. Аналитики разведки сталкиваются с проблемами в обеспечении национальной безопасности. Не мало важными являются проблемы защиты частной информации от несанкционированного доступа [2; 3].

Этот широкий круг проблем подчеркивает необходимость решения междисциплинарных проблем, которые должны по своей сути удовлетворять различным интересам и рискам. Цифровые доказательства широко используются в суде, но до сих пор являются актуальными вопросы о достоверности результатов судебных экспертиз. Это все создает технические и юридические барьеры для доступа к данным. Несмотря на то, что в течение последних двух десятилетий криминалисты в области цифрового расследования добились значительного прогресса, появляются все новые и новые вызовы, которые мы должны решать. Существует сильное сообщество исследователей и практиков, работающих над поиском эффективных решений на благо общества.

Цифровые исследования становятся все более дорогостоящими и сложными, что делает их недостижимыми для менее финансируемых исследователей и практиков, разработчиков программного обеспечения с открытым исходным кодом, даже в развитых странах мира. Эти препятствия частично обусловлены отдельно взятыми лицензиями на собственные программные решения, вопросов доступа к заблокированным устройствам, использованием передовых методов, требующими специализированного оборудования и опыта [4]. Использование «сильных» криптографических методов, а также циклов быстрого развития ограничивает информацию, доступную для использования в цифровых исследованиях. Кроме того, производители цифровых устройств добавляют в свои разработки специальные протоколы безопасности, которые делают цифровые исследования более сложными [5]. Например, недавно Apple объявила о планах отключить доступ через USB на устройствах, заблокированных в течение одной недели. Такие улучшения безопасности подогревают текущую дискуссию о том, следует ли потребовать от производителей добавлять альтернативные методы доступа для законного использования.

Для правительства более безопасно разрабатывать свои собственные узко направленные методы извлечения данных с заблокированных мобильных устройств. Другие утверждают, что текущая модель для извлечения цифровых данных из встроенных систем, таких как мобильные устройства, должна коренным образом измениться. Существующие методы извлечения основаны на бессистемном взломе этих устройств. Тот, кто имеет лучших «хакеров» в своем распоряжении, получает лучшее доказательство. Со временем эти уязвимости в мобильных системах исправляются официальными разработчиками и компани-

ями-производителями, а методы извлечения данных, успешно используемых ранее, больше не работают. Этот процесс является слишком ненадежным и имеет риски уничтожения или модификации доказательств [6].

Криминалисты в области исследования цифровых следов не взламывают учетные записи электронной почты, чтобы получить доступ к доказательствам электронной почты. Юридический запрос направляется почтовому прокси-серверу. Криминалисты не взламывают веб-сайты или облачные среды, чтобы получить доказательства содержания, а юридический запрос делается на хост-контент. Также возможно доставить мобильное устройство непосредственно производителю и подать юридический запрос на изъятие доказательств, а не требовать взлома. Озабоченность по поводу несанкционированного доступа с помощью альтернативных методов доступа, безусловно, актуальна и должна быть решена. Однако такие проблемы аналогичны тем, которые связаны с несанкционированным доступом через уязвимости. В обоих случаях риски несанкционированного доступа могут (и должны) быть смягчены с помощью обновлений программного обеспечения при обнаружении производителем.

Теперь рассмотрим возможности и риски более свободного доступа к цифровым данным, включая сотрудников правоохранительных органов на месте преступления, сотрудников службы безопасности в компании, авторитарных режимов, отдельных хакеров, организованных преступников.

В зависимости от контекста и использования возможности цифрового исследования могут использоваться в качестве полезных инструментов или вредных инструментов [7]. Цифровые возможности исследования используются для поддержания безопасности общества, борьбы с киберпреступностью и террористическими атаками. С другой стороны, люди, которые не имеют надлежащего управления, злоупотребляют цифровыми возможностями расследования, выходящими за рамки их должностных полномочий, тем самым нарушая закон [8].

Эти возможности и риски усугубляются растущим числом постоянно наблюдаемых, всегда прослушивающих устройств, распространяющихся по всему цифровому обществу, которые чувствуют действия и генерируют связанные с ними следы (например, умные помощники, умные очки, широко распространенные системы видеонаблюдения, интеллектуальные автомобильные камеры). В некоторых случаях остаются свидетели.

Для этих сложных задач нет простого средства защиты. Развивающиеся страны имеют ограниченные ресурсы для проведения цифровых расследований, ограничивая их способность бороться с коррупцией и насилием, что может способствовать политической и экономической нестабильности. Кроме того, даже высокозащищенный централизованный контроль не является отказоустойчивым. Для поддержки цифровых исследований, к примеру, правительство США разработало новые способы использования уязвимостей в операционных системах Microsoft, но информация была украдена и впоследствии использована в незаконных атаках [9].

Важно избегать ошибок, упущенных возможностей, неправильных толкований и искажений данных, т.к. постоянная проблема в цифровых исследованиях - обеспечение достоверности доказательств.

Для повышения качества и надежности результатов судебных экспертиз разрабатываются и поддерживаются различные практические руководства во всем мире. Кроме того, внедряются стандарты ISO и ASTM для обеспечения гарантии качества и надежности судебных результатов.

Еще одна проблема заключается в том, что данные телеметрии, собранные поставщиками услуг, уже используются в судебных расследованиях, но могут не иметь достаточной надежности и достоверности. Например, когда исследование с целью изучения местоположения связано с использованием анализа сайта или геолокации с мобильных устройств, важно учитывать возможные ошибки. Кроме того, криминалисты в цифровой области должны уметь четко оценить и выразить свои результаты исследований и соответствующие выводы, чтобы эти выводы не могли восприниматься двояко судом.

Еще одна проблема заключается в оценке достоверности результатов, полученных различными формами искусственного интеллекта, которые применяются для анализа данных, собранных во время цифровых исследований. Например, машинное обучение может давать надежные результаты, но у экспертов часто возникают трудности с объяснением того, как были получены результаты. Этот вопрос дополнительно усугубляется, когда извлечение и корреляция признаков полностью выполняются алгоритмами с использованием методов глубокого обучения.

В дополнение к извлечению данных с отдельных устройств, собирается огромное количество информации с компьютеров и систем связи, чтобы получить глубокое понимание деятельности и поведения людей, создания возможностей для проведения цифровых расследований. В большем числе преступлений люди, снимающие видео с мобильных устройств, предоставили ценные цифровые данные. В будущем толпа людей с умными очками может быть использована в качестве коллективного источника доказательств.

Тщательный анализ большого количества данных может улучшить понимание мотивов преступника, позволяя проводить более целенаправленное расследование, например, где можно найти дополнительные доказательства, что заслуживает более глубокой проверки, и даже там, где можно избежать значительных усилий и времени. Растущий объем информации, собираемой в ходе цифровых расследований, также может быть использован для получения более широкого понимания преступности, преступников, жертв и уязвимостей. Объединение информации из нескольких преступлений может связывать преступления, совершенные одним и тем же преступником (-ами), может выявлять тенденции в преступной деятельности и может помочь в разработке более эффективных стратегий расследования и превентивных действий. С другой стороны, организации, обладающие достаточными деньгами, властью или знаниями, могут использовать эти источники данных, используя большой анализ данных для целевых лиц с определенными целями. Кроме того, существует риск получения преступниками несанкционированного доступа к огромному количеству конфиденциальной информации [10].

Цифровая конфиденциальность играет центральную роль в современном обществе. Грамотно проработанные цифровые исследования помогают устра-

нять злоупотребления личной информацией. Законодательство должно одновременно защищать личные данные и допускать законные расследования преступной деятельности. Кроме того, необходимы упорядоченные судебные процессы, чтобы помочь криминалистам объединить информацию из нескольких преступлений, бороться с международной или организованной преступностью и разработать более широкие стратегии борьбы с преступностью.

В вопросах киберпреступности необходимо прорабатывать стратегии международного сотрудничества, что в свою очередь увеличивает шансы быстрого расследования преступлений. Но некоторые аспекты и процессы взаимной правовой помощи могут быть неэффективны для многих расследований, и действующие законы в одной стране могут противоречить законам в другой.

Блокировка устройств, зашифрованное хранилище и зашифрованный трафик продолжают оставаться существенным препятствием для доступа к цифровым доказательствам. Стандарты шифрования, основанного на идентификации в 5G, только разрабатываются, и это будет создавать дополнительные барьеры, если нет исключений для правоохранительных органов. Эта проблема должна решаться либо законодательством, либо добровольным сотрудничеством со стороны промышленности, либо увеличением инвестиций в НИОКР.

Анализ носящих приспособлений, медицинских устройств (имплантатов) и других личных устройств Интернет-вещей (IoT) станет более важным. Следы на устройствах IoT могут помочь определить точное время смерти или присутствие человека в доме в момент совершения преступления. Промышленные системы управления (SCADA и т.д.), спутниковые системы, интеллектуальные здания, автомобили и другая интеллектуальная физическая инфраструктура нуждаются в некоторых стандартизированных процессах судебной составляющей.

Дополнительные данные перемещаются в облачные среды, которые контролируются третьими лицами. Данные телеметрии, полученные каждой операционной системой, приложением и устройством (и отправленные на многочисленные серверы или облака), собираются различными организациями и становятся основным источником доказательств. Преимущество централизованного сбора таких данных телеметрии заключается в том, что ее можно получить с помощью ордера правоохранительными органами. В настоящее время личная информация о большинстве облачных систем зашифрована, но поставщики услуг все еще могут получить доступ к личной информации пользователей для поддержки своих маркетинговых услуг. Тем не менее, Apple планирует перейти на нулевую облачную систему знаний, чтобы вся информация была доступна только пользователю и могла настраиваться индивидуально по желанию пользователя.

Многие серверные хранилища уже переместились в облако, а настольные компьютеры – в инфраструктуру виртуального рабочего стола (VDI), и нуждаются в дальнейшем анализе. Корпорации полностью переходят в инфраструктуру VDI, а существующие судебные методы недостаточно развиты.

Разработки и усилия по борьбе с киберпреступностью изо всех сил стараются не отставать от растущего количества онлайн-мошенников, финансового мошенничества, кражи личных данных, нарушений данных, заражения вредоносными программами, вымогательства и других преступлений.

В результате стоит выделить несколько целей для решения задач цифрового расследования:

- 1) более тесное сотрудничество между промышленностью и правительством;
- 2) больше централизации исследований, разработки и администрирования передовых технологий цифрового исследования;
- 3) упорядоченные механизмы обмена информацией о цифровом расследовании между организациями и странами;
- 4) расширение доступности знаний о цифровых исследованиях и расширенных возможностей при централизованном надзоре для неспециалистов, работающих в децентрализованных средах.

Объединение этих целей в эффективную междисциплинарную стратегию для решения многих задач расследования преступлений в сфере киберпреступности предполагает укрепление сотрудничества между промышленностью и правительствами различных стран. А также балансирование развертывания децентрализации с централизованными исследованиями и разработками и обеспечение надежного доступа к цифровым доказательствам при строгом юридическом контроле и процедурном надзоре для предотвращения злоупотреблений, обеспечения гарантии качества и обеспечения равного доступа к уполномоченным организациям.

Для решения возникающих проблем цифрового расследования необходима централизация исследований, разработок и администрирования. Исследования и разработки для получения доступа к данным на цифровых устройствах являются дорогостоящими, требующими специализированной экспертизы и существенных инвестиций времени и ресурсов. Анализ аппаратной части, в том числе чипов и изменение аппаратных схем требуют специализации и значительного инвестирования ресурсов. Проведение большого анализа данных по цифровым доказательствам требует специализации и дорогостоящей инфраструктуры, чтобы находить ценную информацию, обнаруживать повторения в преступной деятельности и формировать специальные стратегии для уменьшения социального вреда. В этих областях действуют компании и правительственные учреждения, и здесь необходимы совместные, централизованные усилия, которые делают это все экономически эффективным и поддерживают качество судебных процессов и результатов.

В конечном счете, единые усилия по решению задач цифрового расследования создают большие возможности для достижения общих целей всех заинтересованных сторон для поддержания безопасного и стабильного общества.

Список использованной литературы

1. Грибунов О.П. Средства сотовой связи как источник криминалистически значимой информации // Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России. – 2017. – № 4 (83). – С. 137–142.

2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 03.10.2018 г.) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – №25. – Ст. 2954.

3. О внесении изменений в Федеральный закон «О противодействии терроризму» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности : Федер. закон от 06.07.2016 г. № 374-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2016. – № 28. – Ст. 4558.

4. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности : Федер. закон от 06.07.2016 г. № 375-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2016. – № 28. – Ст. 4558.

5. Багутдинов Р. Гносеологические аспекты к определению назначения и состава СТЗ в задачах проектирования и разработки робототехнических комплексов // Программные системы и вычислительные методы. – 2017. – № 1. – С. 39–45.

6. Багутдинов Р. Классификационная характеристика для задач обработки разнородных данных // International Journal of Open Information Technologies. – 2018. – Т. 6. – № 8. – С. 14–18.

7. Островский О. Алгоритм мероприятий по анализу ситуации при подозрении в совершении преступлений в сфере компьютерной информации с учетом специфики источников данных этой информации // Право и политика. – 2018. – № 10. – С. 32–37.

8. Островский О. Алгоритмы проведения осмотров цифровых носителей информации для предотвращения компьютерных преступлений // Военно-юридический журнал. – 2017. – № 11. – С. 3–6.

9. Островский О. Дефиниционный анализ корреляционной зависимости информационной модели и криминалистической характеристики преступления в сфере компьютерной информации // Евразийский юридический журнал. – 2017. – № 7 (110). – С. 221–225.

10. Островский О. Криминалистический анализ, описывающий состояние детерминированного конечного автомата в модели наблюдателя при расследовании преступлений в сфере компьютерной информации // Евразийский юридический журнал. – 2018. – № 3 (118). – С. 294–296.

11. Островский О. Принцип объектной декомпозиции в систематизации идентификационных кодов, характеризующих преступления в сфере компьютерной информации // Полицейская деятельность. – 2017. – № 3. – С. 10–18.

12. Пастухов П., Лосавио М. Использование информационных технологий для обеспечения безопасности личности, общества и государства // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2017. – Вып. 36. – С. 231–236.

13. Bagutdinov R., Zaharova A. The task adaptation method for determining the optical flow problem of interactive objects recognition in real time // Journal of Physics: Conference Series. – 2017. – Т. 803. – № 1.

14. Bagutdinov R. The processing of heterogeneous data for multisensor systems of technical vision on the example of analysis of temperature and gas concentration // National Research Tomsk Polytechnic University. – 2018. – С. 25–26.

15. Год небезопасности: крупнейшие хакерские атаки. – URL: https://www.gazeta.ru/tech/2017/12/30/11529068/hackerattacks_2017.shtml (дата обращения 15.04.2021).

Информация об авторе

Анипченко Андрей Владимирович – магистрант Института государства и права Байкальского государственного университета, Иркутск, Россия, e-mail: anipchenko.dgt@yandex.ru.

Author

Andrei V. Anipchenko – master's student of Institute of State and Law of Baikal State University, Irkutsk, Russia, e-mail: anipchenko.dgt@yandex.ru.

УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ И КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СТАТЬИ 106 УК РФ

Ранняя история инфантицида в человеческих сообществах почти неизвестна, поэтому судить о ней приходится лишь на основе более поздних сообщений путешественников и этнографов, наблюдавших эту жестокую практику у народов, дольше других живших в условиях первобытного состояния. История инфантицида в России все еще по настоящему не исследована, и даже попытки ответить на вопрос, кто традиционно был жертвами практик умерщвления новорожденных, вызывают трудности для специалистов. Несомненно, однако, что убийства новорожденных в России имели место, но в настоящий момент мы не располагаем достаточно надежными свидетельствами для того, чтобы говорить о случаях инфантицида здесь вплоть до XIX в. Согласно Конституции Российской Федерации право на жизнь – это неотъемлемое право каждого человека, охраняемое законом. Это означает, что никто не может быть умышленно лишен жизни. В данной статье подробно рассматривается и жизнь новорожденного ребенка, что является немаловажным аспектом. Анализируются статистические данные о преступности в целом, о женской преступности и преступности детоубийства. Неутешительная ситуация складывается на протяжении многих лет и в России, имеющей один из самых высоких показателей детоубийств в мире, хотя в настоящее время отсутствует объективная и полная картина о количестве детей от рождения до 14 лет, ставших жертвами убийства в нашей стране. Причиной этого является высокая латентность и самое главное – отсутствие статистического учета жертв такого вида преступлений на федеральном и местном уровне. Официальная статистика в основном ориентируется на регистрацию совершенных преступлений, поэтому не секрет, что, если жертвами убийства станут два или более ребенка, в статистическом отчете будет фигурировать одно детоубийство. В том числе, рассматривается портрет матери-детоубийцы со всеми индивидуальными признаками, такими как биологические, социальные и психологические. Изучаются все возможные ситуации, при которых мать новорожденного ребенка может по той или иной причине совершить убийство. Потому что в настоящее время существует довольно серьезная проблема, связанная с квалификацией преступления убийства матерью новорожденного ребенка. Порой очень сложно найти причину такого крайне жестокого и неадекватного поведения.

Ключевые слова: мать новорожденного ребенка, убийство, детоубийство, специальный субъект, преступность.

CRIMINAL AND CRIMINOLOGICAL ANALYSIS OF ARTICLE 106 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

The early history of infanticide in human communities is almost unknown, so it has to be judged only on the basis of the later reports of travelers and ethnographers who observed this cruel practice among peoples who lived longer than others in a primitive state. The history of infanticide in Russia is still not really studied, and even attempts to answer the question of who were traditionally victims of the practice of killing newborns cause difficulties for specialists. There is no doubt, however, that the killing of newborns in Russia took place, but at the moment we do not have sufficient reliable evidence to speak of cases of infanticide here until the 19th century. According to the Constitution of the Russian Federation, the right to life is the inalienable right of every person, protected by law. This means that no one can be intentionally deprived of their life. This article discusses in detail the life of a newborn child, which is an important aspect. Statistical data on crime in general, on female crime and infanticide crime are analyzed. A disappointing situation has been developing for many years in Russia, which has one of the highest rates of infanticide in the world, although at present there is no objective and complete picture of the number of children from birth to 14 years old who have become victims of murder in our country. The reason for this is the high latency and, most importantly, the absence of statistical records of victims of this type of crime at the federal and local levels. Official statistics are mainly focused on the registration of crimes committed, so it is no secret that if two or more children become victims of a murder, one infanticide will appear in the statistical report. In particular, a portrait of a child-killer mother with all individual characteristics, such as biological, social and psychological, is considered. All possible situations are studied in which the mother of a newborn child may, for one reason or another, commit murder. Because at present there is a rather serious problem associated with the qualification of the crime of murder by a mother of a newborn child. Sometimes it is very difficult to find the reason for such extremely cruel and inappropriate behavior.

Keywords: mother of a newborn child, murder, infanticide, special subject, crime.

В Российской Федерации жизнь человека является центральным объектом в иерархии защищаемых ценностей. Охрана человеческой жизни обеспечивается путем закрепления правовых гарантий в Конституции РФ, Всеобщей Декларации прав человека, а также в различных отраслях права. Так, в ст. 20 Конституции РФ закреплено право каждого человека «Каждый имеет право на жизнь». А также в ст. 3 Всеобщей Декларации прав человека «Каждый человек имеет право на жизнь, на свободу и на личную неприкосновенность» [1]. В уголовном законодательстве объектом преступлений против жизни и здоровья выступают общественные отношения в сфере безопасности жизни человека, другими словами – сама жизнь человека.

Уголовный кодекс Российской Федерации содержит несколько составов преступлений, квалифицирующих убийство. Каждый индивидуален и имеет свои объективные и субъективные признаки. А именно: возраст, вменяемость, вина (умысел или неосторожность) и признак физического лица. Это обязательные признаки, с помощью которых можно квалифицировать преступление. Но существуют также и факультативные признаки, которые имеют более узкую направленность, но играют очень важную роль в квалификации преступлений. Это такие признаки как: специальный субъект, мотив, цель, эмоции, место, время, обстановка, орудия (средства), способ. Также нужно сказать, что немало важную роль в расследовании преступлений играют смягчающие и отягчающие обстоятельства.

Рассмотрим структуру преступности по убийствам (ст. 105, 106, 107, 108, 109, 110 УК РФ) в России в период с 2017 по 2019 г.

Рис. 1. Состояние преступности за 2019 г.

Рис. 2. Состояние преступности за 2018 г.

Рис. 3. Состояние преступности за 2017 г.

Из вышеизложенного можно сделать вывод о том, что убийства в целом (ст. 105–110 УК РФ) занимают значительно низкий процент от общей преступности. А также можно заметить небольшой рост преступности (0,2 %) в период с 2017 по 2018 г. Что говорит об отрицательной динамике.

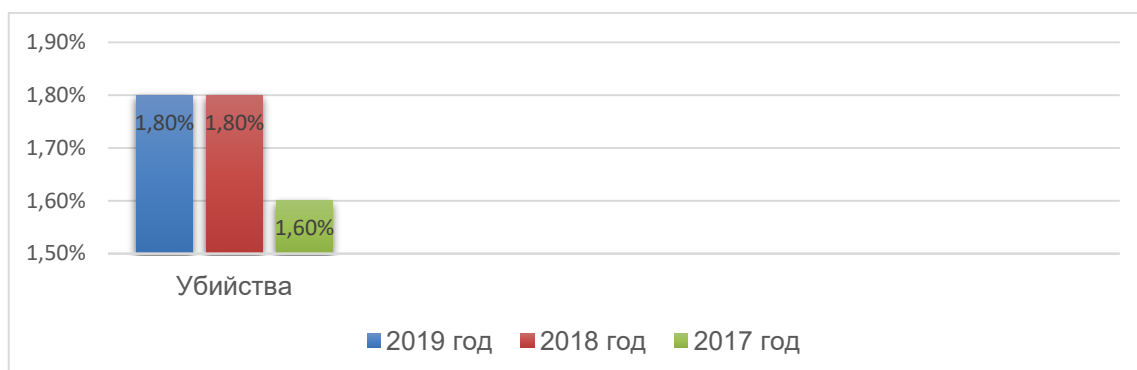

Рис. 4. Динамика совершения убийств с 2017 по 2019 г.

Рассмотрим особенности убийства матерью новорожденного ребенка (ст. 106 УК РФ). Убийство матерью новорожденного ребенка означает убийство новорожденного ребенка вовремя или сразу же после родов, а равно убийство матерью новорожденного ребенка в условиях психотравмирующей ситуации или в состоянии психического расстройства, не исключающего вменяемости [2].

Данный вид преступления является относительно новым для современного уголовного законодательства. Состав является привилегированным, поскольку санкция указанной статьи устанавливает наказание, которое значительно ниже, чем наказание за простой убийство. Отвечая на вопрос, кто является субъектом рассматриваемого состава преступления, необходимо отметить, что ответ не столь очевиден, как может показаться на первый взгляд. Рассмотрим признаки детоубийства, которыми согласно УК РФ являются:

1) мать новорожденного ребенка. В ст. 106 УК РФ речь идет именно о биологической матери, т.е. о женщине, выносившей и родившей своего ребенка. Однако некоторые исследователи замечают, что благодаря новым технологиям и развитию медицины женщина может вынашивать в своем организме не своего ребенка. Иными словами, такая женщина будет являться не биологической, а суррогатной матерью;

2) достижением виновной 16-летнего возраста;

3) вменяемость виновной, т.е. она должна отдавать отчет в своих действиях и управлять ими.

Таким образом, согласно УК РФ, субъект рассматриваемого состава преступления является специальным – это мать новорожденного ребенка, достигшая 16-летнего возраста и признанная вменяемой [9]. Женщины, совершающие убийства новорожденных детей, причиняют смерть потерпевшим различными способами. В целом, все способы рассматриваемого вида убийства можно разделить на две группы:

1) убийства, совершаемые путем действия (удушение, утопление, нанесение травм);

2) убийства, совершаемые путем бездействия (отказ от кормления, несоблюдение правил гигиены, оставление на улице) [2, с. 15].

Анализируя судебную практику по данному виду убийства, нужно отметить, что преступления, квалифицируемые по данной статье, в большинстве своем носят несистемный характер и совершаются на фоне высокого эмоционального напряжения, поэтому суд квалифицирует данное деяние по специальной норме – ст. 106 УК РФ [4].

Так, в одном из апелляционных определений Верховного Суда Российской Федерации, по делу об убийстве новорожденного ребенка, говорится о том, что: «По приговору суда с участием коллегии присяжных заседателей Данильченко Н.Н. признан виновным в совершении убийства новорожденного ребенка, родившегося у Павловой И.В.» [16].

Нужно отметить тот факт, что виновный взят под стражу по делу об убийстве новорожденного ребенка, а самое главное осужден по п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ на 18 лет лишения свободы с ограничением свободы на 2 года. По данной квалификации преступления, можно сделать вывод о том, что данное лицо (виновный) является общим субъектом преступления, так как является лицом мужского пола. А если бы данное преступление совершила женщина, а именно сама мать новорожденного ребенка, то данное преступление квалифицировалось бы по ст. 106 УК РФ. Данный пример четко показывает всю сущность специального субъекта.

Так, в соответствии с правовой статистикой МВД РФ, женщинами совершено:

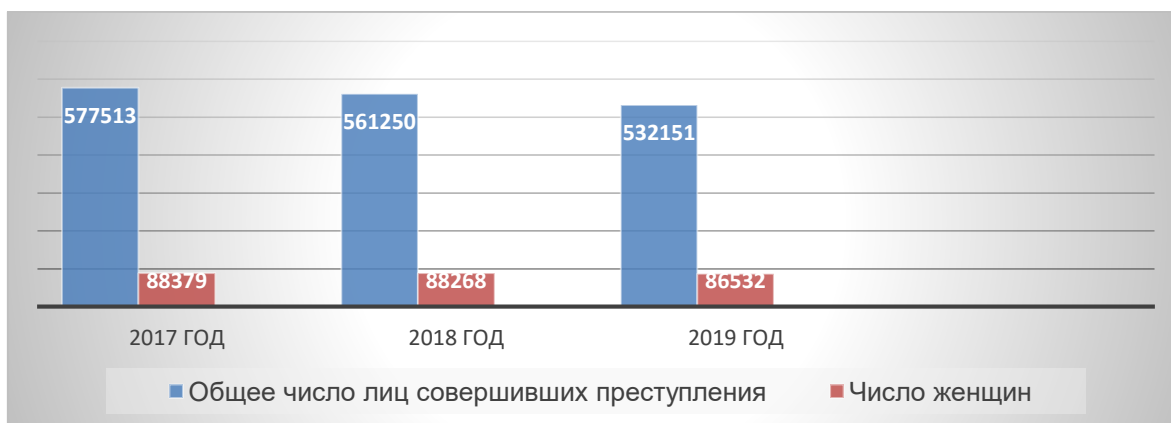

Рис. 5. Соотношение женщин с общим числом лиц, совершивших преступления

В процентном соотношении это 15–17 % от 100 %. Практически 1/4 преступлений совершается женщинами. Руководствуясь данной статистикой нужно сказать о том, что женская преступность имеет место быть, но не в таких серьезных масштабах.

Рассматривая официальную статистику ст. 106 УК РФ по отчетам МВД РФ, нужно сказать, что данный состав является малозначительным. Так, с 2017 по 2019 г. зарегистрировано:

2017 г. – 55 преступления;

2018 г. – 61 преступление;

2019 г. – 38 преступлений.

Тем самым, можно с легкостью высчитать процент преступлений по ст. 106 УК РФ от общего числа преступлений, совершаемых женщинами. В 2017 г. женщинами совершено 88 379 преступления, из которых 55 по ст. 106 УК РФ. Получается $55 * 100 / 88\ 379 = 0,062\ %$. Вот такой низкий процент приходится на ст. 106 УК РФ на 2017 г.

На 2018 г. составляет 0,069 %.

На 2019 г. составляет 0,043 %.

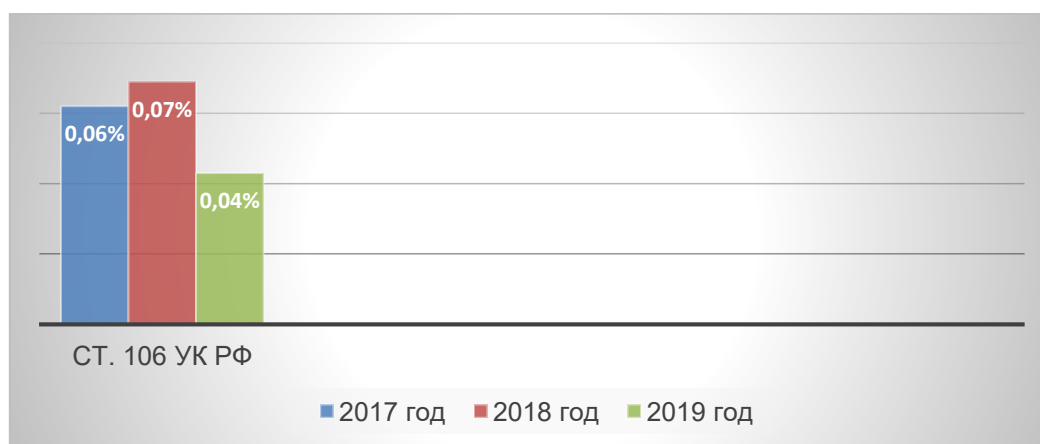

Рис. 6. Динамика совершения убийств матерью новорожденного ребенка

Нужно отметить, что данный состав является одним из самых малозначительных, но, к сожалению, по-прежнему имеет место быть в нашей жизни.

Говоря об особенностях убийства матерью новорожденного ребенка, нужно рассмотреть каждую ситуацию индивидуально.

В ст. 106 УК РФ предусмотрены три ситуации, по которым убийство матерью новорожденного ребенка может быть квалифицировано по данной статье.

Возможны три ситуации убийства матерью новорожденного ребенка.

Первым случаем убийства матерью новорожденного ребенка является убийство во время родов или сразу же после них. Законодатель относит этот вид убийства к числу совершенных при смягчающих обстоятельствах, исходя из особого психофизиологического состояния женщины во время родов и вскоре после них.

Ярким примером будет служить приговор Волоконовского районного суда Белгородской области от 14.03.2019 г. по делу об убийстве новорожденного ребенка. Суд установил факт совершения убийства матерью новорожденного ребенка сразу после родов. А именно: «Женщина, достоверно зная о том, что беременна, почувствовала резкую боль внизу живота. Она спустилась в водосточную канаву, где родила живорожденного, жизнеспособного, доношенного ребенка, который закричал. Раздраженная детским криком, она скомкала бумагу и засунула ему в рот. Далее нанесла ребенку удары, причинившие тяжкий вред здоровью по признаку опасности для жизни. Смерть ребенка наступила на месте происшествия» [17].

Именно этот пример очень точно показывает психофизиологическое состояние женщины во время родов и вскоре после них.

Вторым случаем убийства матерью новорожденного ребенка является убийство в условиях психотравмирующей ситуации. Восприятие психотравмирующей ситуации человеком напрямую зависит от реакции личности на неблагоприятные воздействия. Психотравмирующая ситуация должна иметь непосредственную связь с беременностью, родами, судьбой матери и ребенка [6].

Рассмотрим наглядно статистику по диаграмме:

Рис. 7. Неблагоприятные воздействия личности на рождение ребенка

Необходимо отметить, что психотравмирующая ситуация – это субъективная категория, определяющая устойчивую стрессовую обстановку, вызванную различными факторами: семейными, материальными проблемами, профессионально-служебными неблагоприятными ситуациями, сложными личными взаимоотношениями, а также иного характера [5].

«Психотравмирующая ситуация» – сложная проблема. Потому что та или иная ситуация не может выступать как оказывающая негативное воздействие на психику человека – ее можно расценивать как психотравмирующую только проведя тщательный анализ личности обвиняемой и ситуации. Это главная цель комплексной психолого-психиатрической экспертизы, без которой может быть дана верная квалификация действиям матери, совершившей убийство новорожденного ребенка [3]. Третьим случаем убийства матерью новорожденного ребенка является убийство в состоянии психического расстройства, не исключающего вменяемости. После родов, с учетом особенностей здоровья женщины и под влиянием внешних обстоятельств, у нее может возникнуть такое психическое расстройство.

Нужно сказать, что по ст. 106 УК РФ может быть квалифицировано убийство матерью новорожденного ребенка только при наличии хотя бы одного из вышеперечисленных условий. Если будет установлено, что отсутствовала психотравмирующая ситуация, в момент совершения убийства у женщины не было психического расстройства, не исключающего вменяемости, если убийство было совершено после родов, но не сразу же после них (даже если возраст ребенка позволяет считать его новорожденным), то уголовная ответственность должна наступать на общих основаниях по ст. 105 УК РФ.

Чтобы понять суть данного преступления, следует также обратить внимание на личность преступницы. Со стороны уголовного законодательства субъек-

ектом будет являться лицо женского пола, достигшее 16 лет, вменяемая; мать ребенка, находившаяся в послеродовом, либо в особом родовом психофизиологическом состоянии, либо в таком состоянии психического расстройства, которое не исключает временной невменяемости, либо не исключает невменяемости. Необходимо акцентировать внимание на том, что личность детоубийцы является важнейшей составляющей криминологической характеристики [9].

Именно поэтому невозможно понять социально-психологический статус женщины только из его индивидуальных признаков, необходимо учитывать социальную систему, окружение матери-убийцы.

1. Биологический возраст женщины.

Изучая Федеральную государственную службу статистики, можно сказать, что в настоящее время средний возраст россиянки, рожаящей первого ребенка, составляет 26 лет. Жизненная активность женщин в 25–40 лет наиболее высока, в связи с этим есть два фактора, которыми объясняется криминальное поведение матери-убийцы: высокая профессиональная успешность и самореализация женщины либо полная противоположность, как правило, нереализованность и осознание личностной никчемности в разных сферах жизнедеятельности.

2. Социальные признаки.

- 1) семейное положение;
- 2) уровень образования;
- 3) наличие или отсутствие криминального прошлого (наличие судимости, отбывание наказания);
- 4) воспитание;
- 5) место жительства и работы.

В результате проведенного исследования необходимо уделить внимание социальным, демографическим и психологическим причинам совершения данного вида преступлений. Наиболее приоритетным направлением борьбы с убийствами новорожденных является профилактика. Все меры, касающиеся борьбы с преступлениями этой категории, разделяются авторами как общие так специальные. В целях ликвидации данного вида преступности предлагается проводить профилактику на различных уровнях: федеральном, региональном, муниципальном и индивидуальном. Дети, особенно новорожденные, самые уязвимые живые существа, которые нуждаются в защите государства [12].

Список использованной литературы

1. Безгин В.Б. Детоубийство и криминальные аборты в сельской России: прошлое и настоящее // Правовые исследования. – 2013. – № 4. – С. 196–229.
2. Гражданцева Е.В., Тирранен В.А. Способы совершения убийства матерями новорожденных детей // Эпоха науки. – № 13. – С. 14–16.
3. Дубовик А.С. Установление психотравмирующей ситуации при убийстве матерью новорожденного ребенка // Вестник науки и образования. – 2019. – № 16 (70). – С. 41–45.

4. Живодрова Н.А., Андриянцева Ю.В. Убийство матерью новорожденного ребенка в условиях психотравмирующей ситуации: анализ судебной практики // Наука. Общество. Государство. – 2019. – Т. 7. – № 3 (27). – С. 139–143.
5. Изаксон Р.А. Проблемы современной регламентации ответственности за убийство матерью новорожденного ребенка в России // Сибирский юридический вестник. – 2018. – № 3 (82). – С. 61–66.
6. Королев В.С. Особенности расследования убийства матерью новорожденного ребенка // Инновационная наука. – 2019. – № 4. – С. 134–136.
7. Михель Д.В. Общество перед проблемой инфантицида: история, теория, политика // Журнал исследований социальной политики. – № 4 (5). – С. 439–458.
8. Петров Ю.И. Создание подобной инспекции в России в конце XIX века // Исторический журнал: научные исследования. – 2012. – № 4. – С. 38–45.
9. Резник Ж.Я., Душин Е.А. Социально-психологический и демографический статус матери-убийцы новорожденного ребенка как элементы криминологической характеристики личности // Вестник Самарского юридического института. – 2018. – № 5 (31). – С. 131–135.
10. Сидорова Е.З. К вопросу о субъективных признаках детоубийства в современном уголовном праве России // Академическая мысль. – № 2 (7). – С. 44–46.
11. Стеллер Г.В. Историко-этнографическое описание народов Камчатки в трудах Г.В. Стеллера. Краеведческие записки. Вып. 11 (Спец. выпуск) / под ред. Ю.Н. Беспярых. – Петропавловск-Камчатский : Камчат. печатный двор, 1999. – С. 19–22.
12. Талагаева К.В. К вопросу об уголовных и криминологических аспектах статьи 106 Уголовного кодекса Российской Федерации // Наука. Общество. Государство. – 2020. – Т. 8. – № 3 (31). – С. 144–151.
13. Шамурзаев Т.Т., Архипова А.Н., Туркова В.Н. Выявление ревности как мотива совершения убийств известных людей // Закон и право. – 2020. – № 1. – С. 151–153.
14. Шамурзаев Т.Т., Архипова А.Н., Туркова В.Н. Использование полиграфа в расследовании преступлений // Социальная компетентность. – 2019. – Т. 4. – № 2 (12). – С. 120–127.
15. Шамурзаев Т.Т., Архипова А.Н., Туркова В.Н. Юридические аспекты установления личности потерпевшего по делам об убийстве // Социальная компетентность. – 2019. – Т. 4. – № 1 (11). – С. 19–24.
16. Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 15.01.2019 г. по делу № 1-525/2018 // СПС «КонсультантПлюс».
17. Приговор Волоконовского районного суда (Белгородской области) от 14.03.2019 г. по делу № 1-12/2019. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/LjSS6teEIXbM/> (дата обращения: 01.03.2021).

Информация об авторах

Туркова Валентина Николаевна – старший преподаватель института экономики, управления и права Иркутского национального исследовательского технического университета, Иркутск, Россия, e-mail: nikolaevna_ur@mail.ru.

Архипова Анастасия Николаевна – заместитель директора по учебной работе Института экономики, управления и права Иркутского национального исследовательского технического университета, Иркутск, e-mail: anastasia_dekanat@mail.ru.

Корепанова Вероника Сергеевна – студентка Института экономики, управления и права Иркутского национального исследовательского технического университета, Иркутск, e-mail: veronichka-korepanova@mail.ru.

Authors

Valentina N. Turkova – Senior Lecturer of Economics, Management and Law Institute of Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russia, e-mail: nikolaevna_ur@mail.ru

Anastasia N. Arkhipova – Deputy Director for Academic Affairs, Economics, Management and Law Institute of Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russia, e-mail: anastasia_dekanat@mail.ru.

Veronika S. Korepanova – Student of Economics, Management and Law Institute of Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russia, e-mail: veronichka-korepanova@mail.ru.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ДОПРОСА НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Ежегодно количество преступлений, совершенных с участием несовершеннолетних, увеличивается. Несовершеннолетние по таким делам могут выступать в роли подозреваемых, потерпевших или свидетелей. Процесс расследования данных преступлений очень сложный и требует от следователя специальных знаний в области возрастной психологии и педагогики. Одно из самых распространенных действий при расследовании преступлений – это допрос, вследствие чего можно получить ценную информацию для составления версий и планирования расследования. Однако допрос несовершеннолетних имеет свою специфику, которая связана с их психологическими возрастными особенностями.

Ключевые слова: психологические особенности допроса, несовершеннолетние, психологические особенности несовершеннолетних, возрастные особенности, возрастная психология.

K.D. Gorbulia

PSYCHOLOGICAL FEATURES OF INTERROGATION OF A MINOR

Every year the number of crimes committed with the participation of minors increases. Minors in such cases may act as suspects, victims or witnesses. The process of investigating such crimes is very complex and requires special knowledge from the investigator in the field of age psychology and pedagogy. One of the most common actions in the investigation of any crime is an interrogation, during which you can get quite valuable information for developing versions and planning an investigation. However, the interrogation of minors has its own specifics, which is related to their psychological age characteristics.

Keywords: psychological features of interrogation, minors, psychological features of minors, age features, age psychology.

Ежегодно количество преступлений, совершенных с участием несовершеннолетних, увеличивается. По данным прокуратуры, несовершеннолетние в России ежегодно совершают или участвуют более чем в 40 тысяч преступлений. Большинство несовершеннолетних, или 83 %, в 2019 г. совершили преступления против собственности, 8 % против жизни и здоровья и более 4 % – это преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков. О серьезности ситуации говорит и выросшее почти до 145 тысяч число подростков, поставленных в прошлом году на учет подразделениями по делам несовершеннолетних. Из них более чем 70 тысяч совершили административные правонарушения, не достигнув 16-летнего возраста [3].

Несовершеннолетние по таким делам могут выступать в роли потерпевших, свидетелей или подозреваемых. Расследование данных преступлений вызывает сложности и требует от следователя специальных знаний в области возрастной психологии и педагогики. Одно из самых распространенных действий при расследовании преступлений – это допрос, вследствие чего можно получить нужную информацию для составления версий и планирования расследования. Допрос несовершеннолетних имеет свою специфику, которая связана с их психологическими и возрастными особенностями. Как показывает практика, знание психологических и возрастных особенностей подростков позволяет правильно интерпретировать информацию, полученную в ходе допроса. При проведении допроса, кроме общих закономерностей, характерных данному процессу, необходимо учитывать психические особенности, которые связаны с возрастом несовершеннолетних.

Целью представленной работы является исследование психологических особенностей допроса несовершеннолетних.

Для достижения данной цели необходимо решить следующие задачи:

1. Изучить возрастные особенности психики несовершеннолетних по возрастным диапазонам.
2. Рассмотреть тактику ведения допроса с несовершеннолетними.
3. Найти методы установления психологического контакта с несовершеннолетним при допросе.

Объектом исследования данной статьи являются возрастные особенности несовершеннолетних.

Предметом исследования выступают психологические особенности допроса несовершеннолетних.

Для достижения поставленной цели и решения задач, рассмотрим психические и возрастные особенности несовершеннолетних по диапазонам. Несовершеннолетний возраст делится на несколько стадий: дошкольный возраст от 3 до 6 лет, младший школьный возраст от 7 до 11 лет, подростковый возраст от 12 до 15 лет, старший школьный возраст от 16 до 18 лет.

Психологические и возрастные особенности допроса дошкольников (от 3 до 6 лет)

Малолетние свидетели обладают, очень ограниченным жизненным опытом и их показания требуют психологически обоснованной интерпретации. Поэтому, при допросе нужно внимание педагога, воспитателя или специалиста по возрастной психологии. Дети очень подвержены влиянию взрослых. У них большая предрасположенность к воображению, неверному опознанию (образы прошедшего и действительного влияния могут соотноситься по второстепенным, несущественным признакам). Память ребенка дошкольного возраста обуславливается произвольностью, слабым развитием произвольного запоминания, направленностью на яркие отличительные особенности объектов. Восприятие внешности людей дошкольниками – свидетелями и потерпевшими, как правило, не точно. Большое внимание они обращают на яркие признаки,

одежду, эмоционально-экспрессивные поведенческие особенности. Хуже запоминаются черты лица. Подъем человека, традиционно, завышается. Смещаются термины «молодой» и «старый». Факторы узнавания несовершеннолетние, нередко промахи, неверные узнавания.

При подготовке к допросу следователь может использовать консультации педагога или психолога. Допрос может происходить в домашней обстановке, в дошкольном или медицинском учреждении, в школе, детской комнате полиции и др., находится в зависимости от того, где можно достигнуть наибольшей коммуникативной активности ребенка.

При данной формулировке вопросов должны быть заблаговременно нормально обдуманы вместе с компетентным ребенком педагогом или психологом. Вовлечение ребенка в беседу (допрос), должно происходить поэтапно. Сначала необходимо дать ему вероятность освоиться на новом месте и с новыми людьми.

Вначале необходима ориентировочная беседа о ребенке с сопровождающими его взрослыми людьми, с обращением к ребенку с отдельными сопутствующими вопросами. При этом разговор следователя обязан быть кратким, доступным, но не подделанным под «детский стиль».

Для оценки способностей ребенка правильно преподносить события, ему можно вначале поставить задачу: описать те события, которые изначально ему нормально существуют.

Следователь может увеличить мотивационную ответственность ребенка, сказав, что его показания очень важны для точной оценки расследуемого дела.

Учитывая чувствительность детей, необходимо блокировать тенденцию, направленную на обеление ожидания следователя.

В начале допроса нужно объяснить ребенку, что если он чего-то не знает, то он обязан честно заявить об этом, а не придумывать события. Но не нужно намеренно зацикливать внимание на начале допроса, необходимо плавно перевести разговор на получение показаний по существу дела. Далее, так как дети не способны к логическому свободному рассказу, осуществляется диалогическое взаимодействие с ребенком, по отдельным эпизодам события ставятся определенные, понятные вопросы, которые исключают односложные ответы на них. Сложность вопросов обязана нарастать поэтапно: вначале целесообразно выяснить круг лиц, которые участвовали в преступном событии, обстановку, которую ребенок нормально запомнил, процесса, которые он сам совершал, и лишь далее задавать вопросы о содержании самого события. Необходимо оказывать эмоциональное содействие, побуждая ребенка на вспоминание формирования события, к установлению связи между отдельными эпизодами. Можно побуждать детей тем, что воспроизводить вслух вопросы следователя.

При этом нужно сторониться не только внушающих воздействий, но любого проявления жесткости в обращении: («Ты непременно обязан или должен сказать» и т.д.). Не необходимо исправлять промахи в речи ребенка, это может запутать его. Учитывая небольшой объем, устойчивость и распределение детского внимания, повышенную утомляемость при однообразной форме работы, можно рекомендовать ребенку нарисовать то, что он видел, назвать цвет, форму и

т.п., по наглядному примерному материалу. Все вопросы, связанные с травмирующими психику ребенка обстоятельствами, должны чередоваться с нейтральными, эмоционально положительными. Общая продолжительность допроса детей дошкольного возраста не должна превышать 20 минут.

В случае сильного душевного беспокойства допрос обязан быть временно прекращен, а внимание ребенка переключено на эмоционально-положительные объекты.

*Психологические особенности допроса
младших школьников (от 7 до 11 лет)*

На предварительном следствии допрашивать детей об эмоционально нейтральных для них обстоятельствах рекомендуется как можно скорее после их восприятия. В тех случаях, когда известно, что случившееся могло сильно взволновать ребенка, целесообразно допрашивать его не ранее чем через два-три дня после события. За это время уменьшается эмоциональное напряжение и вызываемое им торможение процессов памяти; нередко при таком отсроченном воспроизведении наблюдается явление реминисценции, т.е. «всплывания» в памяти деталей, которые не могли бы быть воспроизведены вскоре после события. Через 12–15 дней после восприятия фактов воспоминания о них у ребенка начинают ослабевать, если они не вызывают у него особого интереса.

К моменту допроса ребенка следователь должен располагать основными сведениями о его психологических особенностях. С этой целью рекомендуется допросить, по крайней мере, родителей и учителей, наблюдавших ребенка в различных условиях. Поэтому показания родителей и работников детских учреждений могут существенно дополнять друг друга. Этим лицам необходимо напоминать, что нельзя ребенка специально готовить к допросу, «репетировать» показания.

Допрос детей должен производиться в присутствии и с участием педагога (ст. 159 УПК РСФСР). Его функции (подчас более успешно) может выполнять специалист в области детской психологии, поскольку детская психология относится к категории педагогических наук. До начала допроса следователь может получить у психолога консультацию о психологических особенностях и реальных возможностях детей того возраста, к которому относится свидетель или потерпевший. Помощь психолога может быть полезна также при подготовке вопросов, которые предполагается задать ребенку.

При допросе детей младшего школьного возраста, отмечается развитие навыков сознательного восприятия действительности, построения логических суждений, формируется понимание причинно-следственных связей, а также появляется практический опыт общественного общения и морального поведения. Но существует такая проблема, которая характерна для детей рассматриваемого возраста, что при повествовании или описании более сложных, глубоких явлений они не всегда способны разграничить главное от второстепенного. При этом нехватка приобретенного бедного жизненного опыта, способствует додумыванию, фантазированию тех или иных событий. Данная категория очень хо-

рошо воспринимают предметы и события, которые вызывают у них интерес. Именно об этих наблюдениях они могут дать объективную информацию, но при условии наложенного психологического контакта с ними.

Общая продолжительность допроса детей младшего школьного возраста – 30 минут. В случае сильного душевного волнения допрос должен быть временно прекращен, а внимание ребенка переключено на эмоционально-положительные объекты.

Психологические особенности допроса подростков (от 12 до 15 лет)

Подросткам типичны такие качества, как импульсивность, мгновенная, резкая смена настроения, можно сказать, в определенной мере неуравновешенность. Самооценка несовершеннолетних, как правило, неустойчива, что и отличает незрелость личности [4, с. 329]. Эти качества могут стать «камнем преткновения» в общении со следователем. В данном возрасте ребенок сам идентифицирует свое окружение, выражая при этом стремление к общению с людьми. Неудачное общество может значительно оказать влияние на развитие искаженных представлений о данных терминах, как дружба, отвага любовь, товарищество. Важно, что именно в данный промежуток у ребенка возникает независимость в работе, возникает «чувство взрослости». Все эти качества способствуют запечатлению и воспроизведению информации. Появление потребности в самореализации и самоутверждении на фоне своих ровесников подросток способен поступиться своими взглядами и устоями, и может совершить поступки, которые не отвечают его моральным установкам.

Особенности допроса:

1. Допрос несовершеннолетнего необходимо осуществлять в кабинете следователя.

2. Допрос несовершеннолетнего обязан длиться не более одного часа. При допросе несовершеннолетнего, не добившегося 14 лет, присутствие педагога или психолога непременно.

3. При нужности оценки способности несовершеннолетнего правильно воспринимать значительные для дела ситуации и давать о них показания, его возможности целиком осознавать значение собственных поступков назначается судебно-психологическая экспертиза.

4. Обстановка допроса обязана быть спокойной, бесконфликтной. Несовершеннолетнему допрашиваемому необходимо немедленно разъяснить, по какому событию осуществляется допрос, его права и обязанности, функции присутствующих на допросе лиц.

5. С помощью контрольных вопросов выявляются направление несовершеннолетнего в последовательности событий, осознание их сущности. Особенно существенно при допросе оказание несовершеннолетнему мнемической помощи.

6. Сталкиваясь с ложностью показаний, следователь обязан определить их стимулы (покрывательство друзей, стыд, боязнь, которые возникли в

результате угрозы и запугивания заинтересованного лица, неприязнь к следователю, рекомендации близких).

7. В ходе всего допроса необходимо придерживаться ряда психолого-педагогических требований: не заикливаться внимание несовершеннолетнего на ситуациях, которые могут нанести вред его воспитанию, пресекать жаргонные и непристойные выражения, не допускать циничных оценок, проявлений вульгарности и развязности. В то же время разговор самого следователя обязан быть предельно корректным.

Психологические особенности допроса несовершеннолетних старшего школьного возраста (от 16 до 18 лет)

Сама процедура начальной стадии допроса несовершеннолетнего подозреваемого не имеет существенных отличий от допроса иных категорий допрашиваемых – устанавливается личность вызванного на допрос путем ознакомления с его документами и заполнения анкетной части протокола допроса, разъясняются права, необходимость говорить правду и порядок допроса. Притом для повышения мотивации подростка к даче полных и правдивых показаний следует сообщить ему о важности их получения следователем для правильной оценки расследуемого события [2, с. 28]. При допросе несовершеннолетних такого возраста применимы психические паттерны взрослого человека, но у определенных юношей и девушек этого возраста можно обнаружить возникновение неправильных нравственных оценок вместе с повышенным стремлением к независимости. С 16 лет, по всеобщему правилу, в соответствии текущему законодательству, установлена уголовная ответственность. В данной связи представляет собой, что допросы лиц, которые достигли 16–18 лет, необходимо осуществлять в основном с применением тех же тактических приемов, которые рекомендуются при допросе взрослых с применением определенных ограничений. Следует иметь в виду, что при допросе несовершеннолетних важно видеть разницу между допустимым напоминаящим вопросом и недопустимым наводящим [3, с. 18]. Несовершеннолетний возраст издревле именуют ранимым, нелегким, кризисным, переходным. В данном возрасте физическое и духовное развитие личности еще не завершено. Это сказывается, прежде всего, на характере его действий и решений.

В данном возрасте ярко выделяется проблема осознания себя и разработка планов предстоящего. К возрастным особенностям психологии подростка относятся: противоречивость, импульсивность, сочетание чувствительности и черствости, бессердечности и холодности, чересчур завышенной самооценки и неуверенности в себе. Данные черты сочетаются с устойчивым негативным отношением к общественной нравственности, установками родителей, семейным ценностям. Таким образом, каждому возрастному периоду формирования подростка характерны психологические, индивидуальные изменения, которые происходят неровно: тинэйджер фокусирует в себе как детские черты и стереотипы поведения, так и черты взрослого уже сформированного человека. Подросток по своему существу, уже не является ребенком и отвергает

детские стереотипы, но еще не сформировал взрослый жизненный эксперимент. Так «чувство взрослости» в подростковом возрасте формируется быстро, а в социуме положение лица не изменяется, поэтому появляется внутреннее отторжение, лицо становится конфликтнее, неконтролируемое. Тинэйджер имеет право сам определять круг общения, ценностные ориентации. Перечисленные выше мною факторы значительно воздействуют на его поведение, а также на восприятие происходящего, в том числе саму процедуру судопроизводства, что несомненно нужно учитывать должностному лицу, осуществляющему предварительное расследование, независимо от того в какой процессуальной роли выступает несовершеннолетнее лицо. Необходимо помнить, что его поведение во время допроса во многом будет определяться, прежде всего, возрастными, интеллектуальными, психическими особенностями формирования, поэтому при допросе несовершеннолетних, для получения подлинных показаний нужно учитывать особенности формирования и протекания их психических процессов. Так, особенности восприятия несовершеннолетнего воздействуют на точность и правдивость его показаний.

После изучения материалов, литературы по данной теме, можно сделать несколько выводов или так называемых правил, для правильного и эффективного допроса несовершеннолетних. При допросе несовершеннолетнего следует помнить про временные требования, установленные Уголовно-процессуальным кодексом РФ, в частности ст. 191, 425 УПК РФ, которые выражают особый процессуальный статус подростка [5]. Временные рамки для каждого возраста очень важны, особенно, при допросе дошкольников и детей младшего школьного возраста, так как дети очень быстро утомляются, с течением времени начинают отвлекаться и могут дать недостоверные показания. Также следует учитывать возрастные и психологические особенности каждого возраста в отдельности. Сформировав правильный подход к несовершеннолетнему, установив с ним контакт, есть огромная возможность узнать намного больше информации при допросе. Каждому следователю, участвующему в допросе несовершеннолетнего, следует очень хорошо подготовиться, как в педагогической, так и в психологической направленности.

Список использованной литературы

1. Корнакова С.В., Сергеева О.С. Психологические и тактические особенности первого допроса несовершеннолетнего подозреваемого // Пролог: журнал о праве. – 2017. – № 3. – С. 28.
2. Корнакова С.В. Вопрос как эффективное средство познания в процессе доказывания по уголовному делу // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2016. – № 3. – С. 18.
3. По данным Генеральной прокуратуры РФ на Портале правовой статистики. – URL: <http://crimestat.ru> (дата обращения: 20.05.2019).
4. Собчик Л.Н. Введение в психологию индивидуальности: тактика и практика психодиагностики. – Санкт-Петербург : Изд-во «Речь», 2003. – 329 с.

5. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 01.04.2019 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 12.04.2019 г.). – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 20.05.2019).

Информация об авторе

Горбуля Ксения Дмитриевна – магистрант кафедры криминалистики, судебных экспертиз и юридической психологии Байкальского государственного университета, Иркутск, Россия, e-mail: scherbeniuk2014@yandex.ru.

Author

Ksenia D. Gorbulia – undergraduate student of the Department of Criminalistics, Forensic Examinations and Legal Psychology of Baikal State University, Irkutsk, Russia, e-mail: scherbeniuk2014@yandex.ru.

ОЧНАЯ СТАВКА: ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОВЕДЕНИЯ

В статье рассматривается особая значимость очной ставки как следственного действия, затем раскрывается общий порядок проведения данного следственного действия. Автор описаны общие черты психологической атмосферы, созданной при проведении очной ставки. Очная ставка является особым проявлением конфликта интересов между допрашиваемым и лицом, совершившим преступление. Также в статье представлен анализ тактических приемов, которые следователь может использовать для изобличения лжи в показаниях.

Ключевые слова: очная ставка, процессуальный и криминалистический аспект, психологическая атмосфера, допрос, тактика, тактические приемы.

А.С. Darmazhapova

FACE-TO-FACE: PSYCHOLOGICAL FEATURES OF THE EVENT

The article considers the special significance of the confrontation as an investigative action, then reveals the general procedure for conducting this investigative action. The author describes the general features of the psychological atmosphere created during the confrontation. A confrontation is a special manifestation of a conflict of interest between the interrogated person and the person who committed the crime. The article also presents an analysis of the tactics that the investigator can use to expose lies in the testimony.

Keywords: confrontation, procedural and forensic aspects, psychological atmosphere, interrogation, tactics, tactical techniques.

Очная ставка одно из следственных действий проводимое на досудебной стадии в рамках предварительного расследования преступления. Очная ставка заключается в поочередном допросе лиц, предварительно давших показания, в показаниях которых содержатся существенные противоречия. В настоящее время очная ставка в уголовно-процессуальной практике одно из самых востребованных следственных действий.

По общему правилу, при проведении очной ставки допрашиваемым лицам могут быть избраны псевдонимы и образцы подписей (применяемых в протоколе следственного действия). Такая возможность порождает ощущение безопасности у допрашиваемого лица и выступает гарантом дачи показаний наиболее полно. Однако такая ситуация может иметь место лишь тогда, когда отсутствует опасность в визуальном контакте защищаемого лица с другим участником очной ставки. Например, свидетель, использующий псевдоним, не знаком с подозреваемым (обвиняемым), а представление о его внешности недостаточно для оказания какого-либо воздействия (неизвестны анкетные данные

лица). Еще один пример, когда очная ставка проводится между потерпевшим либо свидетелем (защищаемым лицом) и другим свидетелем, который предупрежден о неразглашении данных предварительного расследования.

Если с такими видами очной ставки дискуссий не возникает, то вопрос о возможности производства очной ставки с использованием псевдонима и вне визуального наблюдения защищаемого лица вторым участником очной ставки требует детального рассмотрения. Отметим сразу, что законодателем такая форма проведения очной ставки не предусмотрена. В связи с этим в юридической литературе высказывается мнение о недопустимости подобного проведения очных ставок. В качестве аргумента приводится исключение возможности высказаться о характере отношений со вторым участником следственного действия, что напрямую нарушает процессуальный порядок проведения очной ставки.

Процессуальный и криминалистический аспект производства очной ставки имеет высокие требования к следователю, как с профессиональной точки зрения, так и психологической.

Данное следственное действие состоит из нескольких этапов. Как мы уже сказали выше, производство очной ставки требует достаточной психологической подготовки всех лиц, участвующих в ее проведении.

Особая психологическая атмосфера характерна также всем следственным действиям, но отличительной чертой очной ставки является то, что участие в ней принимают как минимум два участника и следователь, но этот круг может расширяться по инициативе следователя. Допрашиваемые оказывают влияние не только друг на друга, но также и на самого следователя, который в свою очередь посредством тактических приемов, используемых им в своей работе, воздействует и на них тоже. Каждый участник дает показания в присутствии другого, хотя предоставляемая информация может кардинально отличаться. Немаловажно и то, что участник повторяет сведения, которые давались им ранее на допросе один на один со следователем.

С точки зрения психологии очная ставка является более действенным средством для того, чтобы установить истину, в отличие от допроса. Подготовка к проведению очной ставки имеет большое значение, так как является основой эффективности проведения данного следственного действия. При подготовке необходимо определить, посредством глубокого анализа материалов дела, возможные причины возникновения существенных противоречий ранее допрошенных лиц. Необходимо также определить своевременность и целесообразность проведения очной ставки, произведены ли другие следственные действия, например, обыск, выемка, осмотр, следственный эксперимент; какие результаты получены в ходе данных следственных действий; как эти результаты соотносятся с противоречивыми показаниями участников расследования.

Из вышесказанного следует, что сущностью очной ставки уже является конфликтная ситуация, в которой следователю необходимо разобраться и устранить все противоречия, послужившие причиной проведения данного следственного действия. При проведении очной ставки злоумышленник (лицо, дающее заведомо ложные показания), предоставляя ложные сведения следователю, как бы идет ва-банк. Он может забрать весь куш (при условии, что другое лицо пожале-

ет его или просто не станет опровергать сказанное) или же остаться ни с чем (в случае, если другой участник решит внести корректировки или опровергнуть предоставляемую информацию). В такой ситуации преступником овладевают множество чувств, таких как страх, жалость, чувство вины и многое другое.

Именно поэтому данное следственное действие является наиболее сложным и специфическим в психологическом плане. Как правило, очная ставка проводится между участниками, где одно лицо заранее подготовилось к даче ложных показаний, а второе – настроено говорить правду. Задачей следователя в этой ситуации является распознавание намерений каждого лица, а также завладение доверием участника, дающего правдивые показания. В «сговоре» с этим лицом необходимо добиться правды и от участника, не желающего предоставлять ее.

При подготовке к очной ставке необходимо тщательно изучить самих допрашиваемых, а также отношения, которые между ними преобладали до совершения преступления. Зачастую наиболее сильное влияние оказывают не показания, данные лицом, а само лицо, дающее показания. Поэтому при подготовке к очной ставке следователю необходимо учитывать этот факт при определении очередности допроса. Для неопытного следователя одной из основных проблем является поддержание психологического контакта с обеими сторонами. Это вызвано тем, что между участниками уже может существовать определенный конфликт, который может усугубиться в процессе проведения следственного действия. Очень часто следователь находит общий язык только с одним из участников. Как правило, это лицо, которое дает правдивые показания. Завладеть доверием участника, намеренно предоставляющего ложные показания, намного сложнее и не всегда удается, ввиду того что он считает, что между следователем и другим участником есть определенный сговор.

Важно уделить должное внимание подготовке и состоянию свидетеля, потерпевшего, если это необходимо принять меры, направленные на их защиту и создать безопасные условия для дачи показаний. Изучить показания допрашиваемых, безусловно, учесть их личные взаимоотношения, знакомы ли они, существует ли между ними конфликт по спорной ситуации, выявить в чем заключается противоречие. Если рассматривать лиц, противодействующих расследованию, то необходимо детально изучить особенности личности, положительные или отрицательные качества человека, его характеристики [1].

Чтобы добиться правдивых показаний от злоумышленника следователю необходимо использовать такие психологические приемы воздействия на лицо, как метод убеждения, внушения, избощения и др. Чтобы усилить эффект психологического воздействия на допрашиваемых лиц, перед началом очной ставки, как говорилось ранее, необходимо изучить темперамент лиц, подобрав необходимый темп и приблизительную продолжительность проводимого следственного действия. Это позволяет понять, дает ли лицо правдивые показания или старается что-то утаить, соврать. Такой прием, как «внушение», может как помочь следователю, так и усугубить ситуацию. В некоторых случаях целесообразно сделать акцент на те доказательства, которые известны следователю. Однако в этой ситуации нельзя перебарщивать: пытаться каким-либо способом подогнать показания допрашиваемого лица под версию следователя, так как это

может привести к искажению истины. В ходе проведения следственного действия следователем должны пресекаться попытки повлиять на несовершеннолетнего лицом, дающим заведомо ложные показания [2].

Для того чтобы добиться желаемого результата и отвести внимание участников от лжи, которую говорит злодей, он использует такие приемы, как ярко выраженная мимика, изменение интонации, жестикуляция и многое другое.

По мнению Н.И. Порубова, в данной ситуации следователю необходимо применить следующие тактические приемы:

- задавать заготовленные вопросы в обратной последовательности;
- конкретизировать те мелочи, которым в обычной жизни особо не уделяется внимание;
- попросить описать интересующие события в обратной последовательности [4, с. 56].

Это все действует на злоумышленника таким образом, что он перестает контролировать свой план и переключает свое внимание на дачу правдивых показаний. Нередки случаи, когда подозреваемый сам просит следователя о проведении очной ставки с лицом, дающим контрастные показания. Данный прием используется злоумышленником для того, чтобы узнать, кто дает опровергающие показания (возможно, с последующей целью мести), а также подготовиться к данному следственному действию, чтобы надавить на лицо и подстроить его под себя. В такой ситуации момент внезапности будет отсутствовать.

Следователю необходимо подготовить добросовестного участника таким образом, чтобы психологически он смог выдержать напор со стороны лжеца, не дать ему взять над собой верх. Для достижения желаемого эффекта следователю необходимо объяснить добросовестному участнику, что дача правдивых показаний является его гражданским долгом, показать на конкретных реальных примерах, как благодаря определенным показаниям менялся весь исход дела, объяснить, насколько велика опасность совершенного преступления для общества, необходимость изоляции злоумышленника и многое другое. Но в данном случае стоит контролировать ситуацию, чтобы она не перешла во внушение, где следователь будет подстраивать лицо под свою версию. Протоколирование является неотъемлемой частью каждого следственного действия. В данном случае имеются отличительные особенности: помимо вопроса следователя, присутствуют ответы двух участников. Следователю необходимо кропотливо подойти к записи показания, так как зачастую очная ставка прекращается в результате неудовлетворительного протоколирования, когда следователь просто не в состоянии продолжать следственное действие [3].

Очная ставка не представляет собой только вопросно-ответную форму, она сопровождается попутным логическим и мыслительным анализом информации, следователь, являясь координатором всего следственного действия, должен ежеминутно обрабатывать полученную информацию, выражать свое отношение к тем показаниям, которые озвучивают стороны. Очная ставка, одно из наиболее непредсказуемых следственных действий, так как она еще до начала проведения обуславливает разные точки зрения, показания, суждения по поводу одной ситуации, что и предопределяет разные показания.

Подводя итог, стоит сказать о преимуществе очной ставки, когда из дела убирается недостоверная информация, сила живой речи одного участника изобличает другого оппонента, устанавливаются детали и нюансы. Но не стоит забывать и об отрицательных последствиях, которые могут возникнуть в процессе проведения очной ставки, когда одно лицо, быть может, дающее правдивые показания, отказывается или трансформирует их, тем самым внося в дело ложные сведения, дающие возможность для иной интерпретации обстоятельств. Значение следователя, в данном следственном действии сложно переоценить, именно он выступает координатором всего производства очной ставки. От его действий зависит, в каком ключе будет развиваться диалог, возможно ли будет устранить те самые противоречия, которые стали поводом назначения очной ставки, смогут ли стороны, находящиеся в конфликте осуществить диалог.

Список использованной литературы

1. Козловец Д.В. Понятие, сущность и задачи очной ставки // Студенческий форум. – 2020. – № 3-3 (96). – С. 33–36.
2. Леухина К.Ю. Психологические аспекты проведения допроса и очной ставки // Актуальные проблемы взаимодействия общественности с органами государственной власти и органами местного самоуправления : материалы 5-й Всерос. науч.-практ. конф. – Саранск, 2020. – С. 121–124.
3. Магомедова А.М. Психология очной ставки // Проблемы совершенствования законодательства : сб. науч. ст. студ. юрид. фак. – Махачкала, 2020. – С. 162–164.
4. Порубов Н.И. Научные основы допроса на предварительном следствии. – Минск : Вышэйш. шк., 1978. – 175 с.

Информация об авторе

Дармажапова Арюна Цыденжаповна – магистрант Института государства и права Байкальского государственного университета, Иркутск, Россия, e-mail: aryuhan7@mail.ru.

Author

Aryuna C. Darmazhapova – master's student of the Institute of State and Law of the Baikal State University, Irkutsk, Russia, e-mail: aryuhan7@mail.ru.

**ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРАВОСУДИЯ
ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ: ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ
ВИДЕО-КОНФЕРЕНЦ-СВЯЗИ В ДОПРОСЕ
НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ПОТЕРПЕВШИХ И СВИДЕТЕЛЕЙ**

В статье рассматривается актуальность и факторы детерминации широкого и повсеместного использования цифровых технологий в современных реалиях, в том числе и в уголовном судопроизводстве. Обосновывается необходимость детального закрепления порядка производства допроса несовершеннолетних потерпевших и свидетелей в стадии судебного разбирательства в суде первой инстанции путем использования видео-конференц-связи, проводится анализ как действующего российского уголовно-процессуального законодательства, так и некоторых иностранных государств.

Ключевые слова: уголовный процесс, допрос, несовершеннолетние потерпевшие и свидетели, цифровизация, видео-конференц-связь, «электронное правосудие», защита прав.

А.S. Kachalova

**DIGITAL TRANSFORMATION OF CRIMINAL JUSTICE:
PROBLEMS OF USING VIDEO CONFERENCING
IN THE INTERROGATION OF MINOR VICTIMS AND WITNESSES**

There are the relevance and factors of determination of the widespread and routine use of digital technologies in modern realities, including in criminal proceedings in the article. It is substantiated the necessity of a detailed consolidation of the procedure for the interrogation of minor victims and witnesses at the stage of trial in the court of first instance through the use of videoconferencing, it is analyzed both the current Russian criminal procedure legislation and some foreign states.

Keywords: criminal procedure, interrogation, minor victims and witnesses, digitalization, videoconferencing, «electronic justice», protection of rights.

Особенностью XXI в. является активное проникновение цифровых технологий во все сферы общественной жизни, и «новые направления научно-технического прогресса прогнозируемо затрагивают самые различные отрасли права» [8, с. 26]. Более активное использование различных информационно-коммуникационных систем в организации взаимодействия государственных институтов и граждан рассматривается как приоритетное направление правовой политики большинства современных государств. Как отмечают зарубежные исследователи, внедрение современных технологий ожидаемо может принести пользу и судебной системе за счет более активного использования систем аналитики, коммуникации и искусственного интеллекта [12].

Целый ряд мероприятий, проведенных в рамках реализации Федеральной целевой программы «Развитие судебной системы России на 2013–2020 гг.», утвержденная (утв. распоряжением Правительства РФ от 20.09.2012 г. № 1735-р) [11], позволил качественно преобразовать систему правосудия. В большей степени позитивные изменения, облегчающие доступ граждан к правосудию, и, повышающие эффективность рассмотрения дел судами, затронули гражданское и арбитражное судопроизводство, в меньшей – уголовное, что, по мнению Е.В. Марковичевой, обусловлено самим характером уголовного процесса [6, с. 93].

Присутствие в обществе пандемической угрозы, связанной с распространением новой коронавирусной инфекции, дало новый толчок к изучению возможностей дальнейшей цифровой трансформации правосудия, так как рассмотрение судами уголовных дел в условиях социального дистанцирования и введения специальных правовых режимов стало затруднительным. Как отмечают исследователи данной проблематики, суды столкнулись с необходимостью поиска путей решения возникших проблем в условиях пробельной и недостаточной нормативной базы [1, с. 1]. Рассмотрим в рамках данной работы лишь одну проблему, решение которой возможно только в рамках цифрового преобразования отечественного уголовного судопроизводства.

Как справедливо отмечает Е.В. Марковичева, «в настоящее время наметилась устойчивая тенденция к адаптации систем уголовного судопроизводства отдельных государств под особые потребности детей-жертв и свидетелей преступлений» [5, с. 19]. Реализация идей дружественного детям правосудия в современном европейском уголовном процессе привела к гуманизации процедуры допроса несовершеннолетних потерпевших и свидетелей и потребовала организации допроса в специальных адаптированных помещениях с привлечением специалистов педагогов и психологов. Однако в условиях пандемии, ограничившей доступ граждан в суды, закономерно встал вопрос об использовании современных цифровых технологий для допроса несовершеннолетних потерпевших и свидетелей. Возможно, что необходимость социального дистанцирования станет предпосылкой к совершенствованию действующего законодательства и устранению ситуаций, когда во многих государствах не всегда есть возможность допросить потерпевшего, в том числе несовершеннолетнего в судебном разбирательстве непосредственно в зале судебного заседания.

Использование информационных технологий позволило бы решить ряд проблем, препятствующих осуществлению правосудия, что «в конечном счете не способствовало решению задач уголовного процесса» [7, с. 84]. Среди таких проблем можно выделить следующие: невозможность прибытия несовершеннолетнего свидетеля или потерпевшего в зал судебного заседания по состоянию здоровья или другим уважительным причинам; использование современных технологий в случаях необходимости обеспечения безопасности несовершеннолетнего свидетеля или потерпевшего, а также соблюдение сроков судебного разбирательства.

К сожалению, российский уголовно-процессуальный закон, несмотря на высокую потребность правоприменительной практики, фрагментарно регламентирует использование данной технологии. Не проведена на законодатель-

ном уровне и необходимая дифференциация между видео-конференц-связью и веб-конференциями [4, с. 105]. Ст. 278.1 УПК РФ закрепляет лишь общие положения о допросе свидетеля путем использования систем видео-конференц-связи. Отметим, что в статье говорится лишь о возможности такого допроса только применительно к свидетелю. Но в п. 8 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2017 г. № 51 «О практике применения законодательства при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции (общий порядок судопроизводства)» дано расширительное толкование данной нормы и указано, что «показания потерпевшего и свидетелей могут быть заслушаны посредством проведения допроса с использованием систем видео-конференц-связи в порядке, предусмотренном ст. 278.1 УПК РФ» [9]. Однако в ст. 280 УПК РФ, регулирующей допрос несовершеннолетнего потерпевшего и свидетеля, ничего не говорится о возможности допроса несовершеннолетнего свидетеля с использованием систем видео-конференц-связи. По нашему мнению, потребность в более активном использовании данной технологии применительно к допросу несовершеннолетних потерпевших и свидетелей, которые не могут непосредственно участвовать в судебном разбирательстве, требует корректировки и дополнения ст. 280 УПК РФ, в том числе и ссылкой на ст. 278.1 УПК РФ.

С этой проблемы тесно связана и другая, связанная с обеспечением снижения психотравмирующего воздействия допроса на ребенка при использовании видео-конференц-связи. В ч. 1 ст. 280 УПК РФ закреплено обязательное или факультативное участие педагога, который может помочь в установлении контакта с несовершеннолетним. Однако закон не регламентирует его участие в допросе с использованием видео-конференц-связи. В результате суды затрудняются с определением того, где должен находиться такой педагог (в судебном заседании или в месте нахождения несовершеннолетнего). Нет в законе и указания на возможность допроса в качестве свидетеля педагога, участвующего в допросе несовершеннолетнего с использованием видео-конференц-связи.

Современный порядок допроса несовершеннолетних свидетелей и потерпевших в целом носит охранительный характер [5, с. 19]. Для минимизации влияния совершенного преступления на детскую психику, представляется возможным применение видео-конференц-связи для допроса несовершеннолетних свидетелей и потерпевших не только с доставлением их в другой суд, как правило, по месту жительства, но и дистанционно в условиях, способствующих несовершеннолетним чувствовать себя комфортнее, что позволяет обеспечить применение технологий веб-конференций.

В этой связи считаем значимым изучение зарубежного опыта. Например, в Республике Казахстан уголовно-процессуальное законодательство предусматривает и процедуру дистанционного допроса несовершеннолетнего и, что важно, депонирование показаний потерпевшего, свидетеля следственным судьей [3, с. 45]. Депонирование показаний представляет возможность допроса свидетеля или потерпевшего до начала рассмотрения уголовного дела судом. Однако в современных реалиях опять же возникает вопрос о допустимости такого депонирования с использованием дистанционных технологий. Возможно введение данного института в российский уголовный процесс будет сопряжено с

рядом трудностей, но «судебное разбирательство – это дополнительная нагрузка на психику несовершеннолетнего, которое, по сути, является для него повторением следственных действий, то необходимо минимизировать участие несовершеннолетнего потерпевшего в судебном разбирательстве» [10, с. 191]. Считаем, что, вводя в российское законодательство нормы, допускающие депонирование показаний несовершеннолетних потерпевших и свидетелей, необходимо изначально предусмотреть использование видео-конференц-связи.

Значительный интерес вызывают отдельные положения УПК Республики Молдова. Согласимся с выводами Е.К. Антонович, позитивно оценивающей при его анализе возможности допроса с использованием телеконференции, предполагающей изменение внешности и голоса допрашиваемого лица. То есть, «такому свидетелю разрешается сообщить иную, чем это есть на самом деле, информацию о своей личности... Свидетель может быть допрошен посредством закрытой телеконференции с таким изменением внешности и голоса, чтобы его невозможно было узнать, однако обвиняемому, его защитнику и потерпевшему обеспечивается возможность задавать ему вопросы» [2, с. 129]. Полагаем, что такой порядок может быть нормативно закреплён и в российском уголовном процессе для допроса потерпевшего. На наш взгляд, данные положения создали бы дополнительные гарантии обеспечения и защиты прав несовершеннолетних потерпевших и свидетелей в ходе допроса в судебном разбирательстве.

Также, опираясь на опыт зарубежных стран, представляется интересным создание специальных центров на примере «Центров обслуживания населения» в Республике Казахстан [7, с. 85]. Данные учреждения позволяют проводить допросы несовершеннолетних свидетелей или потерпевших в обстановке, приближенной к школе, дому или иному детскому учреждению, при этом возможно закрепление нормы, регулиующую порядок нахождения в таком заведении рядом с допрашиваемым в судебном заседании законного представителя или психолога или педагога. По нашему мнению, данное нововведение поможет минимизировать риски, связанные с бесперебойной работой самих информационных средств связи, так как возможно быстрое привлечение к работе специалистов в данной сфере, в отличие от проведения допроса домашних условиях или даже в здании суда.

Однако не стоит забывать о том, что в целом использование информационных современных средств порождает и вероятность вмешательства в деятельность суда иных лиц. Чтобы избежать таких рисков предлагается также закрепить в УПК РФ требования об информационной безопасности наряду с требованием о качестве видео и звука. Так, например, в ч. 2 ст. 213 УПК Республики Казахстан закреплено, что использование при дистанционном допросе научно-технических средств и технологий должно обеспечивать надлежащее качество изображения и звука, а также информационную безопасность.

Несомненным плюсом от использования видео-конференц-связи при допросе несовершеннолетнего является не только проведение допроса в более комфортных условиях, соответствующих возрасту ребенка, но и возможность фиксации его показаний в виде видеозаписи. Современные системы видео-конференц-связи хорошо справляются с задачей фиксации показаний. Это поз-

волит не только точно отразить показания несовершеннолетнего в протоколе судебного заседания, но и позволит исследовать эту видеозапись суду второй инстанции, в случае обжалования приговора и рассмотрении дела судом апелляционной инстанции.

В заключение хотелось бы отметить, что более активное использование цифровых технологий при рассмотрении судами уголовных дел с участием субъектов, требующих дополнительной защиты, позволит решить ряд важных задач: 1) обеспечит разумность сроков судебного разбирательства; 2) повысит эффективность механизма обеспечения прав таких участников процесса; 3) снизит риски судебных ошибок и постановления судом неправосудного приговора. Решение данных задач требует как реформирования законодательства, так и организационных и материальных условий для применения информационных технологий в судебном разбирательстве.

Список использованной литературы

1. Андреева О. И., Качалова О. В. Российский уголовный процесс в эпоху коронавируса: вызовы времени // Вестник Томского государственного университета. Право. – 2020. – № 36. – С. 5–15.

2. Антонович Е.К. Использование цифровых технологий при допросе свидетелей на досудебных стадиях уголовного судопроизводства (сравнительно-правовой анализ законодательства Российской Федерации и законодательства некоторых иностранных государств) // Актуальные проблемы российского права. – 2019. – № 6 (103). – С. 125–136.

3. Аубакирова А.А. Закрепление показаний несовершеннолетнего потерпевшего в современном уголовном процессе Республики Казахстан // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия Право. – 2015. – № 2. – С. 43–48.

4. Герман А.С. Дистанционное судопроизводство в Верховном Суде Российской Федерации // Правосудие. – 2020. – Т. 2. – № 3. – С. 100–118.

5. Марковичева Е.В. Допрос несовершеннолетних потерпевших и свидетелей в уголовном судопроизводстве России и отдельных европейских государств // Международное уголовное право и международная юстиция. – 2020. – № 5. – С. 19–22.

6. Марковичева Е.В. Влияние цифровых технологий на развитие уголовного судопроизводства // Правосудие. – 2019. – Т. 1. – № 1. – С. 98–107.

7. Нургазинов Б.К., Исмагулов К.Е. Некоторые вопросы совершенствования института дистанционного допроса в казахстанском уголовном процессе // Вестник института законодательства Республики Казахстан. – 2018. – № 1. – С. 82–88.

8. Овчинников А.И. Тенденции развития права в условиях нового технологического уклада // Философия права. – 2018. – № 3. – С. 26–31.

9. О практике применения законодательства при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции (общий порядок судопроизводства) : Постановле-

ние Пленума Верхов. Суда РФ от 19.12.2017 г. № 51 // Российская газета. – 2017. – № 297.

10. Стражевич Ю.Н. Правовой статус несовершеннолетнего потерпевшего в российском уголовном процессе : дис. ... канд. юрид. наук. – Сургут, 2008. – 235 с.

11. Федеральная целевая программа «Развитие судебной системы России на 2013–2020 годы» : утв. распоряжением Правительства РФ от 20.09.2012 г. № 1735-р // Собрание законодательства РФ. – 2013. – № 1. – Ст. 13.

12. Jneid M., Saleh I., Fakhoury R. Digital Transformation in Justice: Discussion of Challenges and a Conceptual Model for e-Justice Success: Conference: European Conference on Digital Government, October 2019. – URL: https://www.researchgate.net/publication/338104253_Digital_Transformation_in_Justice_Discussion_of_Challenges_and_a_Conceptual_Model_for_eJustice_Success (дата обращения: 01.03.2021).

Информация об авторе

Качалова Анастасия Сергеевна – магистрант кафедры уголовно-процессуального права им. Н.В. Радутной Российского государственного университета правосудия, Москва, Россия, e-mail: nancystasy@mail.ru.

Author

Kachalova Anastasia Sergeevna – undergraduate of Department of Criminal Procedure Law named after N.V. Radutnoi of Russian State University of Justice, Moscow, Russia, e-mail: nancystasy@mail.ru.

ОБСТАНОВКА СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПНОГО ПОСЯГАТЕЛЬСТВА КАК ЭЛЕМЕНТ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ: ПОЗИЦИИ, МНЕНИЯ, ВЗГЛЯДЫ

В статье анализируется понятие обстановки совершения преступного деяния как элемента криминалистической характеристики преступлений, представлены позиции советских и российских ученых в области криминалистики, доводятся их мнения и взгляды.

Ключевые слова: обстановка совершения преступления, криминалистическая характеристика преступлений, предупреждение преступлений.

A.V. Kolchevsky

THE SITUATION OF COMMITTING A CRIMINAL OFFENSE AS AN ELEMENT OF THE CRIMINALISTIC CHARACTERISTICS OF THE CRIME: POSITIONS, OPINIONS, VIEWS

The article analyzes the concept of the situation of the commission of a criminal act as an element of the criminalistic characteristics of crimes, presents the positions of Soviet and Russian scientists in the field of criminology, and brings their opinions and views.

Keywords: crime scene, criminalistic characteristics of crimes, crime prevention.

Одним из существенных и значимых элементов характеристики любого состава преступного деяния является – обстановка совершения преступления. Понятие обстановки далеко не схоже со способом и механизмом совершения преступления, тем не менее, рассмотрение обстановки дает возможность конкретизировать прочие элементы криминалистической характеристики.

Исследованию данного элемента криминалистической характеристики преступления посвящено достаточно много работ, но до сих пор среди ученых отсутствует единая позиция о трактовании понятия.

Предлагаем рассмотреть некоторые из них.

В своем диссертационном исследовании Анненкова Т.С. указывает на то, что «В следственных органах термин обстановка совершения преступления употребляется с давних времен. Первоначально советские криминалисты ориентировали следственные подразделения на потребность досконального проведения исследований в области обстановки совершения преступных посягательств, в которых были совершены преступные действия либо бездействия, подмечая их индивидуальные типичные признаки и характерность в конкретных составах преступлений» [1, с. 123].

Также она отмечает, что в научном исследовании В.У. Громова и Н.О. Лаговиера рассматривались «проблемы о том, как и при каких обстоятель-

ствах совершено конкретное преступное деяние и какие, в связи с этим выработаны изменения в объективной стороне обстановки, являются ключевыми, наиболее значимыми вопросами» [1, с. 124]. В описываемый период взгляды об обстановке совершения преступных посягательств сводились к материальной среде преступника.

Излагая точку зрения М.Е. Евгеньев высказал предположение, что «умение отыскать оставленные и сокрытые следы преступного посягательства, воскresить по ним обстановку, умение по обнаруженным и восстановленным следам и обстановке раскрыть преступление является одним из главных и существенно значимых качеств следователя как профессионала» [9, с. 39].

Советские и российские криминалисты считали и считают, что осмотр места преступления является ключом к получению необходимой для следствия информации об обстановке совершения преступления.

Л.Е. Дубровина предлагает считать, что под обстановкой совершения преступного посягательства необходимо усматривать обстановку места происшествия. В свою очередь И.Х. Максудов определяет, что одной из главных задач осмотра места преступления – это определение обстановки места происшествия.

В связи с этим В.Н. Кудрявцев утверждал, что «обстановка совершения преступления затрагивает более значительную область явлений, нежели непосредственные физические условия, при которых орудует субъект преступления, и включает также общую историко-социальную, социально-экономическую и сложившуюся политическую обстановку в стране в период совершения преступления, определенные жизненные обстоятельства, в которых было совершено преступное посягательство» [11, с. 23].

Р.С. Белкин одним из первых попытался раскрыть криминалистическую суть понятия «обстановки» и писал, что «преступление – это осознанная воля деятельности преступника и в результате этого субъект взаимодействует с окружающей обстановкой в момент совершения преступного деяния» [2, с. 139].

Т.С. Анненкова фактически соглашаясь с позицией Б.Л. Зотова пришла к выводу о том, что «обстановка совершения преступления является сложной и неустойчивой совокупностью его обстоятельств, эти обстоятельства могут отображать обстановку, но в общих чертах, тогда как для практикующих следователей является важным, чтобы определенный ее элемент был подмечен в соответствии с его качествами и ролью в событии преступления» [1, с. 153].

А.В. Ковалев под обстановкой совершения преступного посягательства считал, что «конкретное положение, сложившееся на определенной территории, выраженное определенной совокупностью объектов с их пространственными и временными связями, определенными качествами и признаками, а также рядом других обстоятельств, характеризующих поведение участников события и их взаимоотношения, особенности предмета преступления» [3, с. 158–163].

В своем исследовании И.М. Лузгин полагал, что в криминалистическую характеристику необходимо включать и обстановку, куда входят действия (бездействия), направленные на приготовление к посягательству, непосредственное совершение преступного деяния и сокрытие, и уничтожение следов преступления.

По утверждению советского и российского ученого, профессора Н.П. Яблокова обстановка совершения преступного посягательства это «система всевозможного взаимодействия объектов, явлений и процессов, характеризующих место, время, предмет и иные условия окружающей среды, взаимосвязь между ними, устанавливающие вероятность, ситуации и иные условия совершения преступного деяния» [15, с. 8–9]. Эта точка зрения автора довольно полно выявляет содержание обстановки преступного посягательства, но при этом не вскрывает ее элементы.

Изучая данную проблематику В.А. Образцов «в содержание обстановки совершения преступного деяния предлагает включать специфику региона (территориальное расположение, климатическую зону, демографическую составляющую) в котором совершено преступное посягательство, и условия, характеризующие непосредственное место преступления, время совершения деяния, условия при которых были совершены преступления и другие особенности» [13, с. 9–10].

Понятие обстановки преступления с точки зрения В.К. Гавло следует понимать, как «особенности взаимоотношения субъекта преступления с той непосредственной средой, в которой осуществляется подготовка и приготовление к совершению правонарушения, непосредственно совершается преступное деяние, скрываются и уничтожаются следы преступления» [5, с. 176]. На самом деле обстановка, непосредственно перед совершением преступления и далее в процессе совершения преступного деяния, которая сформировалась вследствие преступного посягательства, несомненно, имеет криминалистическое значение, но ее влияние на совершение преступления очевидно.

Заслуживает внимания позиция О.П. Грибунова утверждающего, что «обстановка совершения преступных деяний как место сосредоточения максимального количества его следов, приобретает характер одного из высоко информативных элементов криминалистической характеристики» [7, с. 60].

А.Г. Василиади, работая над своей кандидатской диссертацией, формирует понятие «обстановки». Под обстановкой совершения преступления исследователь понимает «ограниченное пространственно-временными рамками совершенного преступного деяния взаимодействие человека, материальных предметов, природно-климатических и иных факторов, оказывающее влияние на общественную опасность совершенного посягательства и приобретающее в этой связи уголовно-правовое значение» [4, с. 41].

А.А. Симанович придерживается мнения о том, что обстановка преступления определяется как «система коррелирующих между собой обстоятельств, складывающихся как в период приготовления к преступному действию, так и непосредственно в момент его совершения, а также в процессе деятельности направленной на сокрытие возникших следов после его совершения. Место и время совершения преступного посягательства, взаимоотношения лица, совершившего преступление с пострадавшим от преступных действий, наличием или отсутствием очевидцев, свидетельствующих о совершенном преступлении». Этим определением охвачены данные о взаимосвязи процессов происходящих после совершения противоправных действий, так как они непосредственно ока-

зывают влияние, как на подготовку, так и на непосредственное совершение преступления [14, с. 2–4].

Исходя из вышеизложенного, обстановка совершения преступления – представляет собой определенную совокупность людей и обстоятельств, создающих соответствующие условия для совершения конкретных действий либо бездействий, описывающих место, время, предмет и объект преступного посягательства, состав соучастников, их взаимоотношение с пострадавшими, которые в следствии оказывают влияние индивидуальный способ и механизм совершения преступления.

Список использованной литературы

1. Анненкова Т.С. Обстановка совершения преступления и криминалистические методы ее исследования : дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2007. – 225 с.
2. Белкин Р.С. Криминалистика. Общетеоретические вопросы. – Москва, 1973. – 264 с.
3. Бессонов А.А. Обстановка преступления как элемент его криминалистической характеристики // Вестник СГЮА. – 2014. – № 6. (101). – С. 158–163.
4. Василиади А.Г. Обстановка совершения преступления и ее уголовно-правовое значение : дис. ... канд. юрид. наук. – Москва : МВШМ МВД СССР, 1988. – 199 с.
5. Гавло В.К. Теоретические проблемы и практика применения методики расследования отдельных видов преступлений. – Томск, 1985. – 333 с.
6. Гарифуллин И.Р. Познавательного-поисковая деятельность на первоначальном этапе расследования убийств, совершенных с особой жестокостью. – Уфа, 1999. – 259 с.
7. Грибунов О.П. Обстановка совершения преступлений как ключевой элемент криминалистической характеристики преступлений, совершаемых на железнодорожном транспорте // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. – 2013. – № 5-2. – С. 59–63.
8. Громов В.И., Лаговиер Н.О. Искусство расследования преступлений. – Москва, 1930. – 92 с.
9. Евгеньев-Тиш М.Е. Методика и техника расследования преступлений. – Киев, 1940. – 308 с.
10. Зотов Б.Л. Криминалистическая экспертиза / отв. ред. Б.Л. Зотов. – Ч. 1. – Москва, 1978. – 95 с.
11. Кудрявцев В.Н. Объективная сторона преступления. – Москва, 1960. – 244 с.
12. Лузгин И.М. К вопросу о теории криминалистического моделирования. Актуальные проблемы советской криминалистики. – Москва, 1980. – С. 46–48.
13. Образцов В.А. Криминалистическая характеристика преступлений: дискуссионные вопросы и пути их решения // Криминалистическая характеристика преступлений : сб. науч. тр. – Москва, 1984. – С. 9–10.

14. Симанович А.А. Обстановка совершения преступлений и ее значение при расследовании преступлений против жизни и здоровья осужденных в условиях мест лишения свободы // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. – 2009. – С. 2–4.

15. Яблоков Н.П. Обстановка совершения преступления как элемент его криминалистической характеристики. Криминалистическая характеристика преступлений. – Москва, 1984. – С. 8–9.

Информация об авторе

Кольчевский Алексей Владимирович – старший помощник начальника учебного отдела Новосибирского военного института имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации, Новосибирск, Россия, e-mail: ale-kolchevskij@yandex.ru.

Author

Alexey V. Kolchevsky – Senior Assistant to the Head of the Training Department of Novosibirsk Military Institute named after General of the Army I.K. Yakovlev of the National Guard of the Russian Federation, Novosibirsk, Russia, e-mail: ale-kolchevskij@yandex.ru.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МОЛЕКУЛЯРНО-ГЕНЕТИЧЕСКИХ МЕТОДОВ ИССЛЕДОВАНИЙ ПРИ РАСКРЫТИИ И РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Исследуются возможности судебно-биологической молекулярно-генетической экспертизы, позволяющей произвести розыск и идентификацию лиц, причастных к совершению преступлений. Показывается значимость ДНК-анализа для освещения уголовного дела. Дается анализ технических средств обнаружения следов биологического происхождения. Выделяются проблемы молекулярно-генетических методов исследований и способы их решения.

Ключевые слова: геномная регистрация, следы биологического происхождения, идентификация личности, полимеразная цепная реакция (ПЦР), ДНК-профиль.

V.A. Kuzminova

THE USE OF MOLECULAR-GENETIC METHODS OF RESEARCH IN THE DISCLOSURE AND INVESTIGATION OF CRIMES

The possibilities of forensic biological molecular genetic examination are being investigated, which makes it possible to search for and identify persons involved in the commission of crimes. The significance of DNA analysis is shown, with coverage of the criminal case. The analysis of technical means for detecting traces of biological origin is given. The problems of molecular genetic research methods and methods for their solution are highlighted.

Keywords: genomic registration, traces of biological origin, personality identification, polymerase chain reaction (PCR), DNA profile.

В настоящее время исследование оставленных на месте происшествия следов биологического происхождения является одним из наиболее эффективных способов идентификации личности преступника, потерпевшего, неопознанного трупа. Использование современных методов исследования биологического материала с помощью метода генотипоскопии или ДНК-анализа дает экспертам возможность установить личность человека даже с помощью небольшого количества следов, содержащих генетическую информацию.

Инновационные методы исследования ДНК позволяют успешно проводить исследования практически всех тканей и биологических жидкостей организма человека различной концентрации, давности и объема. В случае отсутствия образцов для сравнения (например, преступник находится в розыске, обнаружение неопознанного трупа) эксперты проводят диагностические экспертизы, позволяющие определить половую принадлежность таких следов, как кровь, слюна, волосы, фрагменты ткани или органа, установить генетические

признаки следов крови, спермы, слюны, влагалищных выделений, волос, фрагментов тканей или органа. Чтобы установить принадлежность биологических образцов определенному лицу (потерпевшему, подозреваемому и т.д.) проводят идентификационные исследования.

В 1984 г. британский ученый Алек Джеффрис обнаружил, что цепочки ДНК разных людей имеют уникальные последовательности нуклеотидов, свидетельствующие о том, что каждый человек в мире генетически индивидуален, за исключением однойцевых близнецов. Он первым нашел решение проблемы идентификации личности, используя методы молекулярной генетики.

У каждого человека имеются свои последовательности ДНК, составляющие его ДНК-профиль, который так же называют «генетический паспорт», являющийся специфичным для каждого человека.

Так одним из наиболее доказательных и чувствительных методов исследования вещественных доказательств, содержащих генетическую информацию, является молекулярно-генетический анализ типирования ДНК методом геномной дактилоскопии, основанный на полиморфизме длины амплифицированных фрагментов (ПДАФ) [1]. Генетическая экспертиза начинается с этапа выделения ДНК из биологических образцов исследования. После идет этап постановки полимеразно-цепной реакции (ПЦР), технология которой позволяет добиться значительного увеличения малых концентраций определенных фрагментов ДНК в исследуемом биологическом материале за счет амплификации (увеличения). Регистрация амплификационных сигналов, установление и трактовка ПДАФ-профиля – заключительные этапы генетической экспертизы, в ходе которых эксперт сопоставляет и сравнивает профили ДНК. При совпадении соответствующих участков выделенной ДНК исследуемого образца и фрагментов геномной последовательности ДНК подозреваемого, которые полностью специфичны для него, эксперт может утверждать о принадлежности определенных объектов конкретному лицу и наоборот, отсутствие совпадений исключает человека из круга лиц подозреваемых в преступлении.

Для выявления и качественного изъятия следов биологического происхождения, которые играют основную роль при ДНК-исследованиях, на осмотр места происшествия в составе следственно-оперативной группы должны выезжать специалисты-биологи, обладающие специальными познаниями, определенными навыками и умениями [4]. Обнаружение, фиксация и изъятие следов биологического происхождения должны проводиться с учетом их специфических свойств, одним из которых является неустойчивость биологических объектов, которые под влиянием условий окружающей среды могут менять не только физические, но и химические свойства [6]. Так, например, деструктивные факторы внешней среды могут привести к деградации, т.е. фрагментированию ДНК в следах на месте происшествия, что приводит к существенному затруднению типирования ДНК и невозможности интерпретации результатов геномной экспертизы. Поэтому при осмотре места происшествия экспертам необходимо выбирать правильную тактику для более эффективного обнаружения биологических следов, используя для их изъятия необходимые специальные технико-криминалистические средства, к которым относятся увеличитель-

ные стекла, ультрафиолетовый осветитель, различные светофильтры, источники ультрафиолетового излучения, компактные оптические приборы, пробы с реактивной бумагой и др.

Результативность использования молекулярно-генетических исследований в ходе расследований преступлений можно подтвердить материалами судебно-следственной практики.

Так, например, в процессе проведения молекулярно-генетической экспертизы следов биологического происхождения, полученных в ходе осмотра места происшествия по факту обнаружения трупа, было установлено, что генотипические признаки в препаратах ДНК, выделенной из следов слюны обнаруженной на окурках сигарет (объекты № 1-17), крови на ноже, которым были нанесены ранения, представляют собой смесь двух индивидуальных ДНК, генетические характеристики которых соответствуют варианту суммарного профиля ДНК А.Н. Маркелова (подозреваемого) и ФИО1 (потерпевшего).

Также были выявлены идентичные генотипические признаки в препаратах ДНК, полученной из следов слюны (объекты № 6, 11, 14) и из образца слюны А.Н. Маркелова, кроме того, были установлены одинаковые генотипические признаки между препаратами ДНК, полученными из следов слюны на окурках (объекты № 1, 3–5, 10, 12, 13, 16) и образцом крови потерпевшего ФИО1. При этом расчетная вероятность происхождения этих следов в каждом случае составляет не менее 99,9 %. Исследованные экспертом объекты с помощью метода ДНК-анализа с достоверностью свидетельствуют о причастности А.М. Маркелова к смерти ФИО1 и подтверждают эффективность практического применения генотипической экспертизы при раскрытии и расследовании преступлений [3].

Несмотря на доказанную значимость молекулярно-генетической экспертизы в расследовании преступлений, на сегодняшний день существует ряд организационных, методических и процессуальных проблем, которые затрудняют проведение данных исследований. Производство генетических экспертиз требует оснащения лабораторий качественными реактивами и современным оборудованием – амплификаторами, секвенаторами, приборами для капиллярного электрофореза, гемогенизаторами, пиросеквенаторами, позволяющими применять новейшие методики исследования ДНК.

Кроме специально подготовленного персонала, имеющего допуск к проведению молекулярно-генетических экспертиз, так же важно проводить обучение сотрудников следственных и оперативно-розыскных подразделений работе на месте преступления, где могут быть обнаружены следы биологического происхождения, так как зачастую результат экспертизы зависит не только от качественного изъятия и оптимальных условий хранения биообъектов, но также и от правильного поведения сотрудников на месте происшествия, так как до прибытия экспертов следы должны оставаться в исходном состоянии.

В настоящее время в экспертно-криминалистических подразделениях правоохранительных органах Российской Федерации формируются и ведутся учеты ДНК-профилей, которые составляют основу автоматизированных генетических баз данных, хранящих генотипическую информацию лиц, подлежащих обязательной государственной геномной регистрации. Что способствовало

соответствующей деятельности сотрудников экспертных подразделений при их участии в проведении следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий [2]. Согласно ст. 7 федерального закона «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации» такими являются лишь лица, осужденные и отбывающие наказание в виде лишения свободы за совершение тяжких или особо тяжких преступлений, а также всех категорий преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности, неустановленные лица, биологический материал которых изъят в ходе производства следственных действий, а также неопознанные трупы [5]. В связи с этим ДНК-типирование всех граждан Российской Федерации не проводится.

Опыт работы экспертно-криминалистических подразделений ведущих стран мира, которые практикуют метод ДНК-анализа, показывает, что эффективность использования генетических баз данных зависит от объема включенных в нее генотипов, т.е. чем больше генетической информации хранится в ДНК-банке, тем выше вероятность идентифицировать личность преступника и сэкономить время на расследование преступления. Так, в национальной базе Великобритании, кроме генотипов осужденных, заархивированы также ДНК-профили подозреваемых по всем уголовным делам после задержания.

Ежегодно в рамках расследования уголовных дел в генетические лаборатории поступают значительные объемы образцов биологического материала лиц, чьи генотипы не подлежат обязательной государственной геномной регистрации, именно по этой причине происходят крупные материальные затраты на производство исследований методом ДНК-анализа. В связи с этим предлагается дополнить перечень лиц, которые подлежат обязательной государственной геномной регистрации, такими категориями лиц, как подозреваемые и обвиняемые в совершении преступлений, осужденные и отбывающие наказание, генотип которых уже был выделен при производстве экспертиз и исследований при расследовании определенных уголовных дел, что способствует более эффективному использованию полученной в ходе исследований генетической информации в последующих расследованиях и раскрытии преступлений. Так путем накопления достаточных массивов генетической информации показатель раскрываемости преступлений существенно увеличится.

Подводя итог, можно сказать, что молекулярно-генетический метод типирования ДНК, с помощью ДНК-анализа, является уникальным и эффективным инструментом идентификации личности, который помогает органам предварительного расследования изобличить виновного и раскрыть данные преступления. Дальнейшее развитие и совершенствование методов анализа ДНК, включающих разработку новых и совершенствование существующих методов молекулярно-генетической экспертизы, является одним из приоритетных направлений развития отечественной криминалистики.

Список использованной литературы

1. Быстряков Е.Н. Особенности назначения и производства генетических экспертиз вещественных доказательств биологического происхождения при

расследовании убийств / Е.Н. Быстряков, А.А. Базарова // Вестник современных исследований. – 2017. – № 6. – С. 260–263.

2. Грибунов О.П. Участие сотрудников ЭКЦ в ходе проведения оперативно-разыскных мероприятий, следственных и иных процессуальных действий как фактор повышения раскрываемости преступлений // Российский следователь. – 2017. – № 20. – С. 47–51.

3. Приговор Красноперкопского районного суда г. Ярославль от 21.03.2018 г. № 1-34/2018 по обвинению А.Н. Маркелова // Архив Красноперкопского районного суда г. Ярославль за 2018 год. – URL: <https://bsr.sudrf.ru/bigs/portal.html> (дата обращения: 20.03.2021).

4. Старченко А.В. Современные возможности использования метода генотипоскопии в биологической экспертизе при расследовании преступлений // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. – 2015. – № 2. – С. 94–95.

5. О государственной геномной регистрации в Российской Федерации : Федер. закон от 03.12.2008 г. № 242-ФЗ // СЗ РФ. – 2008. – № 49. – Ст. 5740.

6. Фирсов О.А. Особенности обнаружения и изъятия следов биологического происхождения при раскрытии и расследовании преступлений / О.А. Фирсов, А.С. Волков // Вестник Саратовского государственного социально-экономического института. – 2013. – № 3. – С. 165–167.

Информация об авторе

Кузьмина Валерия Андреевна – магистрант кафедры криминалистики, судебных экспертиз и юридической психологии Байкальского государственного университета, Иркутск, Россия, e-mail: lerakuzm@gmail.com.

Author

Valeria A. Kuzminova – Master's student of Department of Criminology, Forensic Expertise and Legal Psychology of Baikal State University, Irkutsk, Russia, e-mail: lerakuzm@gmail.com.

К ВОПРОСУ О НЕБХОДИМОСТИ РАСШИРЕНИЯ ПОЛНОМОЧИЙ ПРОКУРОРА КАК УЧАСТНИКА УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье автор рассматривает проблемы полномочий прокурора, анализирует мнения ученых в области уголовного судопроизводства, а также Федеральный закон от 05.07.2007 г. № 87-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» и Федеральный закон от 28.12.2010 г. № 404-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием органов предварительного расследования», на основании чего автором делаются обоснованные выводы и предлагаются пути решения проблем.

Ключевые слова: прокурор, уголовное судопроизводство, прокурорский надзор.

D.A. Kuminov

TO THE QUESTION OF THE NEED TO EXPAND THE POWERS OF THE PROSECUTOR AS A PARTICIPANT IN CRIMINAL PROCEEDINGS IN THE RUSSIAN FEDERATION

In the article, the author examines the problems of the powers of the prosecutor, analyzes the opinions of scientists in the field of criminal proceedings, as well as the Federal Law of June 5, 2007 № 87-FZ «On Amendments to the Criminal Procedure Code». The Code of the Russian Federation and the Federal Law «On the Prosecutor's Office of the Russian Federation» and the Federal Law of December 28, 2010 № 404-FZ «On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation in Connection with the Improvement of the Legislation of the Russian Federation bodies of preliminary investigation», on the basis of which the author draws well-founded conclusions and suggests ways of solving problems.

Keywords: prosecutor, criminal proceedings, prosecutor's supervision.

В действующей правовой системе Российской Федерации принципиально важным аспектом обеспечения законности и эффективности уголовно-процессуальной деятельности органов, осуществляющих предварительное расследование является прокурорский надзор. Анализируя доктринальные источники и материалы правоприменительной практики, можно резюмировать, что в настоящее время для реализации конституционных прав граждан, обеспечения национальной безопасности, надлежащего функционирования надзорной системы, а также эффективного и своевременного исполнения законодательства требуется расширение полномочий прокурора в рамках уголовного судопроизводства.

В данном контексте, следует отметить, что на необходимость усиления эффективности прокурорского надзора за деятельностью органов, осуществляющих предварительное расследование и как следствие расширения полномочий органов прокуратуры Российской Федерации, неоднократно указывал президент Российской Федерации Владимир Владимирович Путин. Так, на ежегодном заседании коллегии Генеральной прокуратуры, состоявшейся 17 марта 2020 г., президент в очередной раз отметил: «Безосновательный отказ в регистрации преступлений, неоправданное затягивание сроков проведения предварительного расследования нарушает фундаментальный принцип неотвратимости наказания, а также дает основания для потерпевших усомниться в эффективности правоохранительных органов, юридической силе закона и возможности государства гарантировать соблюдение конституционных прав, восстанавливать справедливость, защищать их права».

Изменения положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации от 18.12.2001 г. № 174-ФЗ (далее – УПК РФ) [1], внесенные Федеральным законом от 05.06.2007 г. № 87-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» (далее – ФЗ № 87) [3] концептуально сократили пределы прокурорского надзора и полномочия прокурора в уголовном судопроизводстве.

С принятием ФЗ № 87 законодателем были существенно упразднены пределы осуществления прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия. В доктрине по данному вопросу неоднократно отмечалось, что исключение вышеуказанных полномочий прокурора из положений ст. 37 УПК РФ с последующей передачей их руководителям следственных органов привело к значительной дестабилизации прокурорского надзора и ведомственного и судебного контроля в рамках осуществления предварительного расследования по уголовным делам [4].

В результате неэффективного проведения предварительного расследования уголовных дел и возникновения необходимости более тщательного осуществления прокурорского надзора, законодателем был принят Федеральный закон от 28.12.2010 г. № 404-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием органов предварительного расследования» (далее – ФЗ № 404) [2], согласно которому, прокурору были возвращены некоторые полномочия, регламентированные первоначальной редакцией УПК РФ. По нашему мнению, законодатель наглядно убедился, что отсутствие сокращенных ФЗ № 87 полномочий негативно отразилось не только на обеспечении прав участников уголовного судопроизводства, но также и на эффективности уголовно-процессуальной деятельности в целом.

Несмотря на то, что ФЗ № 404 были регламентированы значительные изменения в полномочия прокурора в уголовном судопроизводстве, ряд ученых отмечают, что данные изменения не являются достаточными, поскольку правовое положение прокурора в некоторых случаях сведено законодателем до положения обычного заявителя, а предоставленный объем процессуальных прав прокурора применительно к надзору за деятельностью органов предваритель-

ного следствия и органов дознания не является тождественным. Наиболее видным сторонником данной точки зрения является Я.А. Климова, которая в своих научных трудах неоднократно утверждала: «несмотря на внесенные изменения в положения ст. 37 УПК РФ, прокурор не может оперативно реагировать на совершение незаконного и необоснованного отказа руководителя следственного органа или следователя в возбуждении уголовного дела». Кроме того, вышеуказанный автор отмечает: «различный объем полномочий прокурора в отношении органов дознания и следствия не отвечает принципу единства уголовно-процессуальной формы, не обеспечивает общий режим правоприменения и целостности надзорной прокурорской практики как юридического феномена, не содействует равной степени защищенности прав и законных интересов участников досудебного производства, а также не приводит к формированию единообразия в судебной практике» [6].

Необходимо отметить, что в ряде источников уголовно-процессуальной доктрине, ряд практикующих юристов придерживаются иной позиции, направленной на сокращение полномочий прокурора. Так, в частности Д.И. Друкалев полагает, что в действующий УПК РФ целесообразно внести соответствующие изменения и регламентировать положения о том, что полномочия по направлению уголовных дел в суд должны осуществляться исключительно руководителем следственного органа [6].

На наш взгляд, наличие вышеуказанных дискуссий, а также потребности действующей правоприменительной практики требуют рассмотрения вопроса о необходимости расширения полномочий прокурора в рамках уголовного судопроизводства, следовательно, в контексте настоящей работы, подлежат рассмотрению следующие дискуссионные аспекты: отсутствие у прокурора полномочий на возбуждение уголовного дела; необходимость законодательной регламентации полномочий прокурора применительно к решению судьбы уголовного дела на стадии предварительного расследования; изменение механизма осуществления прокурорского надзора за избранием меры пресечения в виде заключения под стражу и продлением срока применения этой меры пресечения.

Рассматривая проблему отсутствия у прокурора полномочий на возбуждение уголовного дела, следует отметить, что в силу системной взаимосвязи положений ч. 1 и п. 2 ч. 2 ст. 37 УПК РФ, прокурор, является должностным лицом, уполномоченным в пределах, установленным УПК РФ осуществлять от имени государства уголовное преследование в ходе уголовного судопроизводства, а также надзор за процессуальной деятельностью органов дознания и органов предварительного следствия. В условиях осуществления данных полномочий, прокурор обладает правом вынесения мотивированного постановления о направлении материалов в органы, осуществляющие предварительное расследование для принятия решения об уголовном преследовании по фактам выявленных нарушений уголовного законодательства.

По смыслу закона, данное мотивированное постановление является поводом для возбуждения уголовного дела, однако в настоящее время самостоятельное полномочие на возбуждение уголовного дела у прокурора отсутствует. В этой связи, по мнению значительного числа ученых в области уголовно-

процессуального права, данные положения закона не соответствуют принципу процессуальной экономии и значительно усложняют порядок возбуждения уголовного дела в случаях обнаружения прокурором признаков состава преступления, по сравнению с нормами, регламентированными до принятия ФЗ № 87 [8].

Между тем, следует отметить, что в доктрине неоднократно поднимался вопрос о том, что существующая позиция законодателя по вышеуказанному вопросу не соответствует логике закона. Так, с одной стороны, законодатель регламентирует в п. 2 ст. 27 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» от 17.01.1992 г. № 2202-1» [4] положения о том, что «при наличии оснований полагать, что нарушение прав и свобод человека и гражданина характеризуется признаками общественно-опасного деяния, прокурор обязан принимать все меры к тому, чтобы лица, его совершившие были подвергнуты уголовному преследованию». Однако, с другой стороны, самостоятельно принять решение о возбуждении в отношении таких лиц уголовного дела, действующее законодательства прокурору не позволяет.

На наш взгляд, регламентации права прокурора на возбуждение уголовного дела не только послужила бы предпосылкой для обеспечения оперативности процесса прокурорского реагирования на соответствующие нарушения уголовного закона, но и позволило бы вывести фигуру прокурора на предусмотренный нормами национального законодательства и позициями ЕСПЧ уровень гаранта соблюдения прав и свобод человека и гражданина. Более того, регламентация вышеуказанного права способствовала бы реализации полномочий прокуратуры по проверке исполнения требований федерального законодательства о приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлении. Так, обнаружив преступление, умышленно сокрытое от учета в книге сообщений о преступлениях, прокурор мог бы незамедлительно возбуждать уголовное дело и направлять его по подследственности в рамках ст. 151 УПК РФ для дальнейшего принятия решения органами, осуществляющими предварительное расследование.

Следовательно, в целях повышения эффективности деятельности прокурора как лица, уполномоченного в силу закона осуществлять от имени государства уголовное преследование, представляется необходимым регламентировать в положениях ст. 37 УПК РФ соответствующее полномочие на возбуждение уголовного дела.

Анализируя вопрос об отсутствии у прокурора необходимого объема полномочий применительно к решению судьбы уголовного дела на стадии предварительного расследования, следует отметить, что несмотря на уменьшение объема его полномочий в рамках досудебного производства, прокурор является ответственным за поддержание государственного обвинения в суде и субъектом, утверждающим обвинительное заключение. Именно по этой причине большинство исследователей в области уголовно-процессуального права справедливо констатируют, что на данный момент можно усомниться в эффективности поддержания государственного обвинения по уголовным делам, по которым проводится предварительное следствие, в связи с тем, что прокурор недостаточно знаком с материалами уголовного дела, не контролирует его ход, а также не может оперативно воздействовать на его результаты [7].

По данной проблеме справедливо высказывался В.С. Шадрин: «В условиях сокращения полномочий прокурора в ходе предварительного расследования влиять на формирование обвинения в период нахождения у него уголовного дела с обвинительным заключением, прокурор должен обладать полноценным комплексом прав, позволяющих определять дальнейшую судьбу уголовного преследования. Более того, данные полномочия, должны быть расширены по сравнению с ранее регламентированными правами прокурора» [10].

Кроме того, к вышеуказанным положениям следует добавить и полномочия прокурора на изменение квалификации общественно-опасных действий обвиняемого на стадии предварительного расследования, а также исключения из обвинительного заключения отдельных юридически значимых эпизодов преступления. Регламентация данных положений, на наш взгляд, в полном объеме соответствуют принципу процессуальной экономии и существенно уменьшит материальные и организационные затраты на судебные производства по значительному количеству уголовных дел.

Таким образом, представляется целесообразным, наделить прокурора полномочиями, связанными с итоговой юридической оценкой действий подозреваемого (обвиняемого) на всех этапах досудебного производства с правом изменения квалификации, сделанной органами следствия или дознания, правом на самостоятельное составление обвинительного заключения, а также полномочиями по изменению объема обвинения с возможностью полного или частичного прекращения уголовного дела.

Следующим актуальным аспектом, подлежащим рассмотрению в рамках настоящей статьи, является анализ совершенствования механизма проведения прокурорского надзора в рамках избрания меры пресечения в виде заключения под стражу и соответствующим продлением срока применения данной меры пресечения.

Действующие акты Генеральной прокуратуры Российской Федерации регламентируют ряд концептуальных положений по вопросам осуществления прокурорского надзора за процессом избрания меры пресечения в виде заключения под стражу и последующего ее продления. Так, при решении данных вопросов, Генеральная прокуратура требует от нижестоящих прокуроров применять избирательный, взвешенный подход, всесторонне и полно изучать представляемые в судебные органы материалы уголовных дел, оценивать доводы соответствующих ходатайство дознавателя, следователя, иных лиц, участвующих в деле, иными словами, вышестоящие органы прокуратуры запрещают использование формального подхода [5].

Для выполнения вышеуказанных ведомственных актов, прокурор, участвующий в соответствующем судебном заседании при рассмотрении вопроса об избрании меры пресечения и последующего ее продления, обязан полно и всесторонне изучить все юридически значимые аспекты действия на момент избрания меры пресечения, рассмотреть вопрос о сроках расследования и их продления в установленном порядке, а также установить имеются ли юридические основания и необходимые доказательства для применения или продления срока действия заключения под стражу. Безусловно, выполнение данных требований

на практике не всегда представляется возможным, в связи с тем, что в условиях загруженности, у прокуроров отсутствует возможность заблаговременно ознакомиться не только с ходатайством о применении меры пресечения или продлении срока ее действия, но также и с материалами уголовного дела, которыми следователь обосновывает необходимость заявления соответствующего ходатайства.

Следовательно, на наш взгляд, в целях повышения эффективности прокурорского надзора за применением мер пресечения в уголовном судопроизводстве представляется необходимым установить в рамках ст. 108, 109 УК РФ нормы, регламентирующие положения об обязательном направлении прокурору постановления следователя о возбуждении перед судом ходатайства об избрании меры пресечения и продлении срока ее действия, а также об обязанностях следователя направлять прокурору копии материалов уголовного дела, обосновывающих необходимость применения соответствующей меры. Кроме того, полагаем целесообразным предусмотреть право прокурора отзывать ходатайство об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу или о продлении срока содержания под стражей до его рассмотрения в рамках судебного процесса в случаях, когда соответствующее ходатайство не мотивировано следователем.

В заключение рассмотрения вопроса о необходимости расширения полномочий прокурора как участника уголовного судопроизводства, следует отметить, что в настоящее время в доктрине является дискуссионным вопрос о необходимости регламентации права прокурора разрешать отводы, заявленные следователю, осуществляющему предварительное расследование по уголовному делу. В обоснование своей позиции, авторы приводят п. 9 и п. 10 ч. 2 ст. 37 УПК РФ, согласно которому, прокурор вправе разрешать отводы, заявленные дознавателю, а также его самоотводы, и отстранять дознавателя от дальнейшего производства расследования, если им допущено нарушение требований УПК РФ [14].

Разделяя позицию вышеуказанных авторов, полагаем, что в положениях ст. 37 УПК РФ, необходимо регламентировать права прокурора разрешать отводы, заявленные следователю и отстранять следователя от осуществления предварительного расследования уголовного дела при допущении им нарушений требований УПК РФ или иного законодательства. Данные изменения, на наш взгляд, повысят эффективность осуществления прокурорского надзора, а также обеспечения функционирования системы сдержек и противовесов в рамках уголовного судопроизводства.

Список использованной литературы

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 г. № 174-ФЗ (в ред. от 31.07.2020 г. № 243-ФЗ) // СПС «Консультант Плюс».

2. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием деятельности органов предваритель-

ного следствия : Федер. закон от 28.12.2010 г. № 404-ФЗ (в ред. от 31.12.2017 г. № 492-ФЗ) // СПС «Консультант Плюс».

3. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» : федер. закон от 05.06.2007 г. № 95-ФЗ (в ред. от 22.12.2014 г. № 427-ФЗ) // СПС «Консультант Плюс».

4. О прокуратуре Российской Федерации : Федер. закон от 17.01.1992 г. № 2202-1 (в ред. от 31.07.2020 г. № 288-ФЗ) // СПС «Консультант Плюс».

5. Об усилении прокурорского надзора за исполнением требований уголовно-процессуального законодательства о задержании, заключении под стражу и продлении срока содержания под стражей : указание Ген. прокуратуры РФ от 09.11.2011 г. № 392/49 // СПС «Консультант Плюс».

6. Друкалев И.Л. Проблемы надзора прокурора в досудебном производстве по уголовным делам / И.Л. Друкалев // Право. – 2011. – № 2. – С. 142–147.

7. Климова Я.А. Проблемные аспекты правового регулирования статуса прокурора в досудебном производстве / Я.А. Климова – Текст: непосредственный // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2020. – № 2 (53). – С. 47–53.

8. Овсянников И.В. Прокурорский надзор в стадии возбуждения уголовного дела / И.В. Овсянников // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – 2012. – № 4 (30). – С. 12–18.

9. Сычев Д.А. Соотношение функций уголовного преследования и надзора с другими направлениями деятельности прокурора на досудебных стадиях производства / Д.А. Сычев // Социология и право. – 2014. – № 4 (26). – С. 112–118.

10. Шадрин В.С. Современные особенности реализации прокурором функции уголовного преследования в досудебном производстве / В.С. Шадрин // Криминалистика. – 2015. – № 1 (16). – С. 20–25.

Информация об авторе

Куминов Дмитрий Александрович – магистрант кафедры уголовного права, криминологии и уголовного процесса Байкальского государственного университета, Иркутск, Россия, e-mail: KuminovDA@alrosa.ru.

Author

Dmitry A. Kuminov – Master student of Department of Criminal Law, Criminology and Criminal Procedure of Baikal State University, Irkutsk, Russia, e-mail: KuminovDA@alrosa.ru.

ТАКТИКА ОСМОТРА МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ

В статье освещаются проблемы, возникающие при применении тактики осмотра места происшествия, а также обосновывается необходимость развития практики осмотра места происшествия с применением технических средств.

Ключевые слова: криминалистика, тактика проведения следственного действия, осмотр места происшествия, технические средства.

М.А. Morohoev

TACTICS OF INSPECTION OF THE SCENE OF THE ACCIDENT

The article highlights the problems that arise when applying the tactics of inspection of the scene of the accident, and also justifies the need to develop the practice of inspection of the scene of the accident with the use of technical means.

Keywords: criminalistics, tactics of conducting an investigative action, inspection of the scene of the accident, technical means.

Криминалистикой на сегодняшний день разработано значительное количество специальных средств, с помощью которых происходит обнаружение, исследование и использование доказательств при расследовании преступлений. Достижения науки весьма важно всесторонне использовать в целях расследования такого антисоциального явления как преступление. Одним из ведущих и значимых следственных действий, которое применяется с целью фиксации обстановки происшествия, обнаружения, фиксации и изъятия материальных следов, является осмотр места происшествия. Следует отметить, что имеется достаточное количество методических рекомендаций по тактике проведения данного следственного действия [4].

Законодательное определение данного следственного действия не содержит даже Уголовно-процессуальный кодекс РФ, он регламентирует лишь основания и порядок производства.

Автор исследования предлагает наиболее обобщенное определение данному следственному действию. Осмотр места происшествия – это следственное действие, которое состоит в исследовании в процессе непосредственного восприятия обстановки места происшествия с целью выявления, фиксации, а при необходимости и изъятия следов преступления и установления действительных обстоятельств расследуемого события, его характера и участников.

Практика расследования преступлений свидетельствует о том, что осмотр места происшествия проводится почти по всем уголовным делам, при этом он позволяет следователю более полноценно изучить и понять обстановку места происшествия и выяснить все детали произошедшего. Осмотр места происшествия про-

водится с целью обнаружения, исследования и закрепления сведений, позволяющих установить событие преступления и лиц, его совершивших [8, с. 121].

Качество и полнота проведения осмотра места происшествия не всегда находятся на должном уровне. При проведении осмотра места происшествия субъектами оперативно-розыскной деятельности зачастую допускаются уголовно-процессуальные, организационно-тактические ошибки, носящие как объективный, так и субъективный характер. Ошибки допускаются по причине того, что по отдельным уголовным делам осмотр места происшествия производится несвоевременно, протоколы осмотра составляются с нарушениями требований и рекомендаций науки криминалистики, недостаточно полно, недостаточно всесторонне и объективно отражают ход и результаты данного следственного действия.

Негативная практика связана также с тем, что сегодня весомая часть сотрудников правоохранительных органов не обладают достаточным опытом и знаниями для правильного осуществления следственных действий.

Применение технико-криминалистических средств при проведении осмотра места происшествия служит более глубокому познанию окружающей реальности, обеспечению полноты данного следственного действия, обнаружению, фиксации и изъятию всех имеющихся следов преступления, и получению сведений о них, на объективизацию результатов осмотра [11, с. 303].

Важно помнить, что качество и полнота криминалистически значимой информации при осуществлении осмотра места происшествия ставятся в прямую зависимость, как от выбора тактико-криминалистических и технико-криминалистических средств, которые применяются с целью выявления, фиксации и изъятия следов преступления и вещественных доказательств, так и от уровня квалификации и компетенции субъекта, который данные средства использует. В данной связи автор полагает, что необходимо стремиться к высокому уровню и высокому качеству проводимых действий при реализации осмотра места происшествия независимо от того, производится это следственное действие с участием или без участия специалиста.

При осуществлении осмотра места происшествия главную роль играет следователь (как субъект следственного действия), который выступает в качестве инициатора применения технико-криминалистических средств. Поэтому в силу значимости и роли данного субъекта без его знания возможностей используемых средств качественный результат следственного действия попросту недостижим.

Несмотря на то, что сегодня законом предусмотрено множество технико-криминалистических средств, которые имеются в арсенале правоохранительных органов, а наукой предусмотрено теоретические знания и рекомендации, на практике все же возникают сложности с применением данных средств. Подобная ситуация негативно отражается на достижении качественного результата следственного действия. Смена сотрудников не меняет ситуации, даже при наличии постоянно меняющихся рекомендаций по производству следственных действий.

Проблемные аспекты реализации технико-криминалистических средств при проведении осмотра места происшествия довольно долгое время являются

предметом исследования многих ученых. Например, профессор О.С. Арзуманов указывает, что низкий уровень раскрываемости преступлений напрямую зависит от существенных недостатков в использовании при проведении осмотра места происшествия научно-технических средств и методов, которые уже разработаны на данный момент.

Автор А.В. Васильев вовсе считает, что в деятельности правоохранительных органов присутствуют явные проблемы, связанные с тактикой применения технических методов и средств при обнаружении, фиксации и изъятии предметов и документов. По мнению данного автора, среди явных проблем можно назвать следующие:

- без участия специалиста следы и вещественные доказательства следователями вовсе не изымаются;
- специалисты допускают ошибки при фиксации, закреплении и изъятии следов и вещественных доказательств;
- как следователи, так и специалисты редко применяют технические средства для обнаружения, закрепления изъятия следов и вещественных доказательств, формально ограничиваясь применением лишь фотоаппарата [3, с. 104].

Стоит привести еще несколько точек зрения известных авторов. К типичным ошибкам, допускаемым при осмотре места происшествия, автор А.Г. Гульянец относит следующие:

- непроведение осмотра места происшествия при необходимости и реальной возможности осуществления данного следственного действия;
- проведение осмотра без участия специалистов при явной необходимости их присутствия;
- неприменение в ходе осмотра технических средств либо ненадлежащее их применение;
- чрезмерное сужение границ осмотра места происшествия;
- поверхностную фиксацию в протоколе осмотра места происшествия обнаруженных объектов [5, с. 17–18].

Профессор Н.А. Хакимов такие недостатки проведения осмотра места происшествия:

- в ходе осмотра нередко изымаются объекты, которые не имеют никакого отношения к расследуемому преступлению;
- часть следов уничтожается при транспортировке;
- чаще всего внимание следователя обращено на следы пальцев рук, а реже всего на следы обуви, наложения волокон на одежде подозреваемого лица.

Также автор С.М. Смольников утверждает, что чаще всего ошибки при осмотре места происшествия вызваны следующими факторами:

- непроведение осмотра прилегающих к месту происшествия территорий и помещений;
- обнаружение не всех имевшихся на месте происшествия следов и иных вещественных доказательств;
- не осуществление изъятия с места происшествия обнаруженных следов и вещественных доказательств;
- неприменение необходимых научно-технических средств в ходе осмотра;

- отсутствие (неотражение) в протоколах осмотра места происшествия нужной информации об обстановке места происшествия и следах преступления;
- неуказание изъятых вещественных доказательств [9, с. 88].

Изучив мнения значительного числа авторитетных авторов, можно утверждать, что тема статьи и ее проблематика является весьма актуальной. Также мнения авторов о недостатках и ошибках субъектов проведения осмотра места происшествия свидетельствует о необходимости их скорейшего разрешения.

Любое следственное действия осуществляется с конкретной целью, которая непосредственно связана с задачами уголовного преследования. При этом смешивать задачи следственных действий при этом является недопустимым. В данной связи при определении задач осмотра места происшествия необходимо руководствоваться сущностью данного следственного действия. Сущность при этом заключается в непосредственном восприятии субъектом осмотра обстановки происшествия в целом и отдельных ее объектов с последующей целью фиксации обстановки, обнаружения, фиксации и изъятия следов и предметов, могущих иметь значение для дела [7, с. 91]. Выходит, что, если следователь выходит за рамки следственного действия, он одновременно выходит и за рамки задач осмотра места происшествия.

На сегодняшний день на практике у большинства следователей возникают трудности при описании предметов при осуществлении осмотра места происшествия. Трудности вызваны тем, что значение и название многих из них следователям попросту неизвестны. Многие следователи избегают при составлении протокола осмотра общеизвестных слов вроде «кровь», «золото», потому как заранее знают, что до проведения анализа или исследования таких компонентов, они таковыми еще не являются [10, с. 77]. Тем не менее, в отношении других компонентов и предметов допускают подобные ошибки, заранее отражая их названия в протоколе.

Правильным всегда будет являться не обозначение названий компонентов и предметов, а перечисление их явных и очевидных признаков. Данный подход исключает субъективность суждений.

Помимо этого, при осуществлении осмотра места происшествия является недопустимым фиксировать суждения относительно времени и способа совершения преступления, действий преступника на месте происшествия, последствий преступления, наличия причинной связи между действиями преступника и наступившими последствиями, а также иных обстоятельств.

Важно помнить, что для обеспечения достоверности и допустимости доказательств необходимо не только соблюдать тактические и технические рекомендации, но и точно соблюдать требования уголовно-процессуального закона. Так, при производстве осмотра места происшествия важное значение имеет не только правильность составления протокола следственного действия, но и процессуально грамотное изъятие и приобщение к материалам дела обнаруженных и изъятых объектов. Например, неправильная упаковка объекта, которая не предотвращает доступа к нему без нарушения целостности упаковки, зачастую выступает в качестве повода для сомнений в подлинности вещественного доказательства. Также без тщательной фиксации недопустимо ни одно действие

субъекта осмотра, которое связано с нарушением целостности упаковки вещественного доказательства.

В частности, реализация следователем каких-либо манипуляций с вещественными доказательствами может объясняться необходимостью просушить одежду с трупа и т.д. Если выполнение следователем подобного рода действий без отражения в материалах дела будет установлено в процессе судебного разбирательства, подобное будет оценено в качестве основания для признания доказательства недопустимым [6, с. 27].

Таким образом, автором исследования были освещены основные проблемы, связанные с тактикой проведения осмотра места происшествия. Большая часть проблем будет решена, если субъекты осмотра будут проходить более тщательную подготовку и переквалификацию, так как значительная часть ошибок носит личностный непрофессиональный характер самих следователей.

Список использованной литературы

1. Конституция Российской Федерации : принята всенар. голосованием 12.12.1993 г. // Российская газета. – 1993. – 25 дек.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 г. № 174-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 52.
3. Васильев А.В. Тактика отдельных следственных действий. – Москва, 2011. – 217 с.
4. Грибунов О.П., Трубкина О.В., Третьякова Е.И. Тактические особенности проведения следственного осмотра : учеб. пособие. – Иркутск, 2016. – 92 с.
5. Гульянц А.Г. Основные направления повышения эффективности осмотра места происшествия : дис. ... канд. юрид. наук. – Москва, 2005. – 101 с.
6. Еникеев М.И., Черных Э.А. Психология осмотра места происшествия. – Москва, 2009. – 85 с.
7. Криминалистика : учебник. – Саратов, 2017. – 260 с.
8. Николаев П.М. Осмотр места происшествия при обнаружении трупа : учеб. пособие для СПО. – Москва : Юрайт, 2014. – 606 с.
9. Смольников С.М. Следы на месте происшествия. Обнаружение, фиксация, изъятие. – Москва : Экзамен, 2014. – 288 с.
10. Шамонова Т.Н. Осмотр места обнаружения признаков убийства. – Москва : Щит-М, 2013. – 180 с.
11. Якушев С.П. Криминалистика. – Изд-во Ленинград. ун-та, 2015. – 592 с.

Информация об авторе

Морохоев Макар Андреевич – магистрант Института государства и права Байкальского государственного университета, Иркутск, Россия, e-mail: morohoev.ru@mail.ru.

Author

Makar A. Morohoev – master's degree student of Baikal State University, Irkutsk, Russia, e-mail: morohoev.ru@mail.ru.

ПРИЧИНЫ И УСЛОВИЯ ТРАНСПОРТНОГО ХУЛИГАНСТВА

Приводится понятие транспортного хулиганства. Выделены три группы причин и условий данного социального негативного явления. Проанализированы общие причины и условия, влияющие на уровень развития транспортного хулиганства, специфические, свойственные именно анализируемому виду общественно-опасного поведения. Затрагивается ряд индивидуальных причин и условий транспортного хулиганства. Резюмируются наиболее значимые причины и условия, на которые необходимо обратить внимание, а также с учетом которых необходимо разработать комплекс мер по противодействию рассматриваемому явлению.

Ключевые слова: транспортное хулиганство, причины и условия, категории, девиантное общественно-опасное поведение, криминализация.

A.A. Salnikov

CAUSES AND CONDITIONS OF TRANSPORT HOOLIGANISM

The concept of transport hooliganism is given. Three groups of causes and conditions of this social negative phenomenon are identified. The article analyzes the general causes and conditions that affect the level of development of transport hooliganism, specific, specific to the analyzed type of socially dangerous behavior. A number of individual causes and conditions of transport hooliganism are discussed. The article summarizes the most significant causes and conditions that need to be addressed, as well as taking into account which it is necessary to develop a set of measures to counteract the phenomenon under consideration.

Keywords: transport hooliganism, causes and conditions, categories, deviant socially dangerous behavior, criminalization.

Транспортное хулиганство является относительно новым явлением для отечественного законодателя, поэтому нормативно закреплённого определения российское законодательство не содержит.

Поскольку транспортное хулиганство является разновидностью такого социального явления как преступность, можно предположить, что это социальное негативное явление, выражающееся в совершении нарушителем для удовлетворения своих потребностей общественно-опасного девиантного поведения, при котором он посягает на устоявшиеся социальные и нормативные правила, регламентирующие отношения в сфере дорожного движения».

Для принятия эффективных мер со стороны государства для превенции и противодействия общественно-опасному поведению необходимо проанализировать причины и условия его возникновения и развития.

В криминологии не содержится единой классификации причин и условий преступных деяний, однако целесообразным представляется следующая категоризация причин и условий транспортного хулиганства:

1. Общие причины и условия.
2. Специфические (отраслевые) причины и условия.
3. Индивидуальные причины и условия.

1. *Общие причины и условия* влияют на уровень преступности в целом, в том числе и на уровень транспортного хулиганства. Отмечается, что данные причины взаимосвязаны, в связи с чем меры по противодействию следует разрабатывать, исходя из необходимости комплексного подхода. Можно выделить следующие процессы, происходящие в обществе, влияющие на состояние и динамику рассматриваемого явления.

- а) Общий прогресс и развитие общества и государства.

Я.И. Гишинский указывает на то, что наблюдается устойчивый рост зарегистрированной преступности при значительно более высоком уровне преступности в развитых странах по сравнению с развивающимися [1, с. 100].

Появление и развитие транспортного хулиганства обусловлено техническим прогрессом, в связи с чем транспортные средства и транспортные услуги стали гораздо доступнее. В этой связи развиваются и соответствующие общественные отношения, в процессе которых возникают и негативные девиантные явления.

б) Уровень развития мер уголовно-правового противодействия возникающим негативным социальным явлениям.

Законодательная база развивается медленнее общественных отношений и реагирует на новые явления, как позитивные, так и негативные. По этой причине процесс криминализации негативных и разработки мер противодействия новым преступным проявлениям напрямую зависит от законодателя.

Пробелы в законодательстве, отсутствие специализированных норм и крайне сдержанное использование правоприменителем имеющихся положений, предусматривающих дополнительные меры, предусмотренные уголовным правом, снижают общую эффективность мер уголовно-правового регулирования, а также назначаемого наказания. Эти общие проблемы в полной мере относятся к причинам и условиям развития транспортного хулиганства.

- в) Уровень культуры в обществе

Многими авторами отмечается, что низкий уровень культуры способствует развитию преступности в обществе. Г.М. Казиахметов и Г.А. Юнгус указывают на то, что составными элементами общей культуры являются правовая культура и транспортная культура [2]. Низкий уровень транспортной культуры водителей транспортных средств, участвующих в движении по дорогам общего пользования, пассажиров транспорта общего пользования, напрямую влияет на развитие и рост количества совершенных случаев транспортного хулиганства.

2. *Специфические (отраслевые) причины и условия* транспортного хулиганства отражают текущее положение и те трудности, которые возникают при противодействии анализируемому общественно-опасному девиантному пове-

дению. Следует обратить внимание на следующие отраслевые причины и условия развития транспортного хулиганства.

а) Недостаточное правовое регулирование проявлений транспортного хулиганства.

Как отмечалось ранее, в российском законодательстве в настоящее время отсутствует понятие транспортного хулиганства, ответственность за многие проявления данного негативного общественно-опасного поведения не введена, в том числе за закрепленное в Правилах дорожного движения опасное вождение. Отдельные авторы обращали внимание на подобную недостаточную регламентацию. Так, М.С. Поликарпова указывает на необходимость дальнейшего исследования опасного и агрессивного вождения как различных социальных явлений, в том числе отдельного изучения причин агрессивного вождения [3].

Отсутствие комплексного подхода к противодействию данному явлению не позволяют эффективно использовать имеющиеся уголовно-правовые нормы и своевременно вводить новые.

б) Технические причины и условия.

Данную группу причин и условий можно условно разделить на две подгруппы: к первой относится несовершенство технической базы для противодействия проявлениям транспортного хулиганства. Например, слабая защищенность транспорта общего пользования и объектов его инфраструктуры.

Так, в связи со значительной протяженностью железнодорожных путей сообщения имеющиеся системы видеонаблюдения и обход работниками железнодорожной инфраструктуры объективно не в состоянии предотвратить факты транспортного хулиганства, что приводит к неустановлению лиц, совершивших преступления. Об этом свидетельствует и довольно большое количество уголовных дел, возбужденных по фактам совершения преступлений, предусмотренных ст. 267.1 УК РФ, производство по которым приостанавливается на основании п. 1 ч. 1 ст. 208 УПК РФ.

Ко второй подгруппе относятся низкий уровень подготовки сотрудников специализированных подразделений полиции, а также персонала транспорта общего пользования.

Например, зачастую персонал не знает, какие меры необходимо предпринимать в отношении нарушителей, а также не имеет для этого специальных средств и специальной подготовки. Примерами являются действия авиадебоширов, которые в ряде случаев пресекаются только после вынужденной посадки воздушного судна. Так, 16.10.2018 г. из-за действий находящегося в состоянии алкогольного опьянения транспортного хулигана совершил вынужденную посадку самолет, вылетевший по маршруту Сочи-Москва [4].

Отсутствуют и алгоритмы действий, а также технические возможности для оперативного пресечения действий транспортных хулиганов на объектах инфраструктуры транспорта общего пользования. Например, в г. Казани нарушитель в состоянии опьянения, управляя автомобилем ВАЗ-2115, пытаясь оторваться от преследующих его экипажей ГИБДД, въехал в здание терминала аэропорта, затем, проехав его насквозь, врезался в остановку общественного транспорта [5].

Также отмечается необходимость в специальной подготовке сотрудников полиции – навыков управления транспортным средством, для преследования транспортных хулиганов, управляющих спортивными автомобилями или мотоциклами.

Данные причины и условия часто приводят к тому, что транспортные хулиганы уходят от наказания и совершают нарушения повторно.

в) Отсутствие соответствующей спортивно-развлекательной инфраструктуры либо ее недоступность.

Как отмечает Я.И. Гишинский, одним из основных опросов криминологии является следующий: какие средства и способы удовлетворения потребностей признаются современным государством недопустимыми, в том числе – преступными, и почему [1, с. 93].

Для многих транспортных хулиганов их поведение на дорогах общего пользования является возможностью для самореализации и самоутверждения, то есть потребностью, которую они не могут реализовать в другой форме.

Зарубежными исследователями указывается на снижение уровня транспортного хулиганства путем легализации гонок, например, заездов по прямой (дрэгрейсинг) [6], с применением норм и стандартов безопасности по правилам спортивных соревнований [7].

Однако подобные меры отечественными законодателями и правоприменителями пока не принимаются.

г) Недостаточное освещение проблематики средствами массовой информации (далее – СМИ), а также отсутствие контроля за информацией.

Многие исследователи, как отечественные, так и зарубежные, особое место выделяют влиянию, оказываемому СМИ. Например, К.Д. Peak и R.W. Glesner указывают на то, что кампания, проведенная в СМИ, посвященная этой проблеме, а также работе правоохранительных органов и правоприменительной деятельности, имела важное значение по борьбе со стритрейсингом [8].

Однако подобная работа на территории Российской Федерации не проводится. Отмечается, что в сети Интернет многими видеоблоггерами автотематики показывается стиль езды с многочисленными нарушениями правил дорожного движения, за которые нарушители не несут наказания и которые, на первый взгляд, не приводят к негативным последствиям. Например, во многих видеороликах канала российского сегмента Youtube «EXPLOSIVE MIKE» (более 307 тысяч подписчиков) при обзоре мотоциклов присутствует езда в городских условиях со значительным превышением скоростного режима (к примеру, демонстрация спортивного мотоцикла Ducati Panigale с разгоном до 299 км/ч по шоссе и езда со скоростью 200 км/ч по дороге общего пользования с имеющимся на нем трафиком [9]).

Поскольку в подобных видео совершение транспортного хулиганства позиционируется как норма поведения на дорогах общего пользования, это также способствует развитию транспортного хулиганства и даже популяризации отдельных его проявлений.

Кроме того, в СМИ, в том числе в кинематографе, длительное время создается отрицательный образ сотрудника полиции, в том числе работника Гос-

автоинспекции, что приводит к уверенности нарушителя в возможности «решить вопрос», то есть избежать привлечения его к ответственности. В настоящее время СМИ к разработке мер по противодействию транспортному хулиганству не привлекаются, ресурсы сети Интернет не используются.

3. Индивидуальные причины и условия.

Индивидуальные причины и условия развития транспортного хулиганства связаны с общими и специальными причинами и условиями как внешние факторы, влияющие на формирование личности.

Исходя из изложенного, отсутствие либо недостаточная системность и полнота существующих программ профилактики транспортного хулиганства, является одним из основных лимитирующих факторов. Причем работа по формированию негативного отношения к транспортному хулиганству и его последствиям должна начинаться как можно раньше.

Модель поведения на дорогах общего пользования и на транспорте общего пользования для детей школьного возраста складывается из примера родителей, а также информации, получаемой из СМИ (в широком смысле этого слова, включая телевидение и сеть Интернет). Снижение критической оценки к последствиям совершения транспортного хулиганства вкупе с подростковым «бунтом против системы» зачастую приводит к тому, что подростки совершают нарушения, относящиеся к транспортному хулиганству (лазерное хулиганство, хулиганство, совершаемое на транспорте общего пользования, опасное вождение, вовлечение в стритрейсинг и т.п.).

Отдельно отмечается та часть транспортных хулиганов, которая совершает нарушения на дорогах общего пользования, не находя самореализации в спортивной составляющей (зачастую это трюковая езда на мотоциклах, дрифтинг на автомобилях и значительное превышение установленного скоростного режима).

Таким образом, подобные факторы, подкрепляемые информацией из СМИ, примерами безнаказанного и без наступления последствий совершения транспортного хулиганства, оказывают влияние на формирование личности и могут привести к дальнейшему негативному девиантному поведению, то есть к совершению актов транспортного хулиганства.

На основании изложенного можно сделать следующие выводы.

1. Причины и условия развития транспортного хулиганства должны рассматриваться с учетом того, что это, в первую очередь, социальное негативное явление, выражающееся в девиантном общественно-опасном поведении, служащее инструментом реализации специфических потребностей нарушителя.

2. Отсутствие комплексного подхода и специализированных программ по формированию недопустимого отношения к транспортному хулиганству и по коррекции девиантного поведения в рассматриваемой сфере являются основными индивидуальными причинами и условиями возникновения и развития транспортного хулиганства.

3. Общие причины и условия взаимосвязаны и влияют на состояние и динамику транспортного хулиганства опосредованно. Отдельно акцентируется внимание на уровне культуры, в том числе правовой и транспортной.

Специфические (отраслевые) причины и условия включают в себя недостаточное правовое регулирование проявлений транспортного хулиганства, недостаточный уровень развития технических мер для превенции и пресечения проявлений данного явления, отсутствие спортивно-развлекательной инфраструктуры либо ее недоступность, а также недостаточно эффективное использование средств массовой информации для формирования общественного мнения.

Наиболее значимой индивидуальной причиной и сопутствующим условием развития транспортного хулиганства является отсутствие либо недостаточная системность и полнота существующих программ профилактики транспортного хулиганства

4. Перечисленный список причин и условий не является исчерпывающим, поскольку само явление транспортного хулиганства также развивается. Кроме того, оно может рассматриваться с позиции других наук.

Список использованной литературы

1. Гишинский Я.И. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений». – Санкт-Петербург : Юрид. центр Пресс, 2004. – 520 с.

2. Казиахметов Г.М., Юнгус Г.А. Развитие транспортной культуры населения как фактор снижения дорожно-транспортной аварийности и угроз экономической безопасности // Вестник Хабаровского государственного университета экономики и права. – 2016. – № 6. – С. 87–99.

3. Поликарпова М.С. Соотношение понятий «агрессивное» и «опасное» вождение в современной отечественной и зарубежной психологии // Современная зарубежная психология. – 2017. – Т. 6. – № 1. – С. 44–52.

4. Авиадобошир заплатил миллион рублей за вынужденную посадку в Краснодаре. – URL: <https://ria.ru/20190314/1551804540.html> (дата обращения: 12.03.2021).

5. Кузнецов А., Головатая А. GTA по-казански // Бизнес-Газета. 2016. – URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/332697> (дата обращения 12.03.2021).

6. L. Worrall, S.G. Tibbetts. Explaining San Diego's Decline in Illegal Street-Racing Casualties // Justice Quarterly. – 2006. – № 23. – С. 530–544.

7. Clar J. Chapter 411: Putting the brakes on the dangerous street racing phenomenon in California // McGeorge Law Review. – 2003. – № 34. – С. 372–382.

8. K.J. Peak, R.W. Glensor. The Problem Of Street Racing // Официальный сайт Аризонского Университета (Arisona State University). – URL: https://porcenter.asu.edu/problems/street_racing/print (дата обращения: 12.03.2021).

9. Самый Быстрый Спортбайк – Обзор и Тест-Драйв Ducati Panigale V4 Speciale. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=GyIwhFPUwxc> (дата обращения: 12.03.2021).

Информация об авторе

Сальников Андрей Александрович – соискатель кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права Санкт-Петербургского юридического института (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия, e-mail: andrewtaekwondo@gmail.com.

Author

Andrey A. Salnikov – Candidate of Faculty of Criminal Law, Criminology and Criminal Enforcement Law of St. Petersburg Law Institute (Branch) of University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia, e-mail: andrewtaekwondo@gmail.com.

АСПЕКТ ПО РАСШИРЕНИЮ ПЕРЕЧНЯ ЛИЦ, ПОДЛЕЖАЩИХ ГЕНОМНОЙ РЕГИСТРАЦИИ

Статья представляет собой описание предложений ученых о увеличении массива геномной регистрации за счет разных категорий лиц. Предлагаются варианты внесения дополнений в уже существующие нормативные акты. Обсуждаются проблемы, возникающие при расширении объема баз данных, сравнивается опыт зарубежных стран с российским. Анализируются степень рационального применения полученной геномной информации при раскрытии преступлений. Приводятся статистические данные. Рассматривается перспектива геномной паспортизации населения.

Ключевые слова: геномная регистрация, мигранты, идентификации неопознанных трупов, всеобщая геномная регистрации, генетический паспорт.

L.V. Semenova

THE ASPECT OF EXPANDING THE LIST OF PERSONS SUBJECT TO GENOMIC REGISTRATION

The article presents the proposals of scientists to increase the array of genomic registration at the expense of different categories of individuals, offered options for making amendments to existing regulations. It is discussed not only which problems arise from expanding the volume of databases, but also the compared experiences of foreign countries and Russian one. The degree of rational application of the obtained genomic information in the disclosure of crimes is analyzed, provided statistical data, considered the perspective of genomic passporting of the population.

Keywords: genomic registration, migrants, identification of unidentified corpses, universal genomic registration, genetic passport.

При проведении государственной геномной регистрации в России возникает много дискуссионных вопросов. В частности существует риск нарушения прав человека, обсуждается недостаток финансирования на проведения исследования, механизм учета и хранения персональных данных геномной информации, сроки хранения биологического материала. Одной из актуальных проблем в современном мире является расширения перечня лиц подлежащих геномной регистрации. Существует предложения расширить перечень за счет увеличения категории лиц подлежащих обязательной геномной регистрации. Если изучить практику других стран, например США. В законе США о геномной регистрации от 1994 г. (42 USC № 14132) включены категории ДНК данных: образцы ДНК с неопознанных человеческих останков; добровольно собранные образцы ДНК родственников, пропавших без вести, а также лиц, осужденных за преступление; лиц, которым было предъявлено обвинение; образцы ДНК, полу-

ченые на месте преступления. Геномная информация заносится в систему CODIS (Combined DNA IndexSystem).

В российском законодательстве строго регламентирован перечень лиц, попадающий на исследования, он значительно уже, чем в США. Согласно ст. 7 Федерального закона от 03.12.2008 г. № 242-ФЗ «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации» [1]. На сегодняшний день, перечень не велик, при этом оставшаяся категория лиц, осужденные за преступления средней тяжести, небольшой тяжести, остаются не охваченными геномной регистрацией. Учитывая, сколько осужденных содержится в исправительных учреждениях, и какое количество лиц было осуждено административными наказаниями, необходимо расширить перечень по проведению обязательной государственной геномной регистрации за счет этой категории населения.

Так, по мнению Т.В. Попова и А.Б. Сергеева устранение в законе названного пробела правоохранительным органам создаст дополнительные возможности: в раскрытии и расследовании преступлений небольшой и средней тяжести; борьбе с рецидивом преступлений (ст. 18 УК РФ); расширении профилактического воздействия на лиц маргинального поведения [8].

МВД России на протяжении нескольких лет предпринимают инициативы по внесению изменений в Закон. Представители МВД России предлагают редакцию п. 1 ч. 1 ст. 7 ФЗ №242 Обязательной государственной геномной регистрации подлежат: «1) лица, осужденные и отбывающие наказание в виде лишения свободы за совершение тяжких или особо тяжких преступлений, а также всех категорий преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности; заменить на: «1) лица, осужденные и отбывающие наказание за совершение преступлений в виде лишения свободы» [2]. В данной формулировке попадают лица осужденных к лишению свободы за все виды преступлений.

В настоящий момент рассматривается законопроект о расширении категории лиц подлежащих обязательной государственной геномной регистрации. Так, 3 ноября 2020 г. Комитетом Государственной Думы по безопасности и противодействию коррупции в Государственную Думу Российской Федерации был внесен законопроект № 1048800-7 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам государственной геномной регистрации (в части расширения перечня лиц, подлежащих обязательной геномной регистрации)». Предложено изменить законопроект в ч. 1 ст. 7 ФЗ № 242 «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации» с помощью формулировки «лица, осужденные и отбывающие наказания в виде лишения свободы за совершение преступлений». Внести дополнения «лица, подозреваемые в совершении преступлений, обвиняемые в совершении преступлений» и «лица, подвергнутые административному аресту» [4]. Исходя из пояснительной записки к данному законопроекту, в случае успешного прохождения всех стадий принятия нормативного акта, поправки касающиеся проведения обязательной государственной геномной регистрации вступят в силу уже с 1 января 2023 г. При принятии настоящего федерального закона, объем ФБДГИ только за 2021–2023 г. может увеличиться до 5,2 млн объектов учета. В

первый год реализации положений соответствующего федерального закона в ФБДГИ будет помещена геномная информация свыше 945 тыс. лиц, а в последующие два года – не менее 1,8 млн лиц ежегодно, за счет таких категорий как осужденные, подозреваемые, обвиняемые, что будет соответствовать 3,5 % от общего количества населения РФ.

Зарубежный опыт показывает, что базы данных ДНК начинают эффективно функционировать при условии содержания в них геномной информации не менее 1 % от общего количества населения страны. В отечественной федеральной базе данных геномной информации на 1 января 2020 г. содержится геномная информация 0,6 % от общего количества населения Российской Федерации (965 315 объектов учета). В случае принятия законопроекта, накопленный объем баз данных будет способствовать увеличению количества идентификации неопознанных трупов, лиц причастных к совершению преступлений, повысить статистику раскрываемости преступлений.

Существуют и другие предложения подвергнуть обязательной государственной геномной регистрации лиц, чьи профессиональные обязанности сопряжены с повышенным риском для жизни. Данный вариант проведения геномной регистрации необходимо реализовать, учитывая риск травм, несчастных случаев такой категории лиц. В российском законодательстве с целью идентификации личности применяется дактилоскопическая регистрация. Согласно ст. 9 Федерального закона РФ «О государственной дактилоскопической регистрации в Российской Федерации» от 25.07.1998 г. № 128-ФЗ, перечислены категории лиц, подлежащие обязательной государственной дактилоскопической регистрации: военнослужащие; граждане РФ, проходящие службу в: органах внутренних дел, органы по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий; спасатели профессиональных служб; члены экипажа воздушных судов и т.д. Но встречаются случаи, когда идентификации личности по отпечаткам пальца рук невозможна, в частности в результате посмертных изменений тела (гнилостных процессов), механических повреждений или других воздействий сопряженных с глубоким повреждением эпидермальных покровов, фрагментированное тело без кистей, встречаются редкие случаи генетического отклонения с полным отсутствием отпечатков пальцев. Учитывая тенденцию частоты случаев техногенных аварий, взрывы газа и пожары, террористических акции. В таких случаях актуальней применять идентификацию лиц путем использования геномной регистрации, при этом необходимо пополнять базу данных этой группой лиц при трудоустройстве.

Существует предложения о расширении перечня за счет категории лиц – «мигрантов». В России за последние года все чаще попадает информация в СМИ о резонансных преступлениях, в которых принимали участие мигранты, повлекшие массовые беспорядки местного населения. Возрастает рост этнических преступлений, преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности, продажа наркотиков. Они вызывают у общественности определенную негативную реакцию, обостряют отношения граждан к выходцам из стран Закавказья, Северного Кавказа и Средней Азии прибывших в российские города. Согласно данным Всероссийского центра изучения обществен-

ного мнения (ВЦИОМ) от 19.12.2018 г., 51 % россиян считают, что иммигранты «усиливают проблемы», связанные с преступностью. Населения не однократно выдвигала требования к пересмотру организации миграционной политики в отношении мигрантов. Учитывая статистические материалы МВД о состоянии преступности в 2021 г., иностранными гражданами и лицами без гражданства на территории РФ совершено 6,2 тыс. преступлений, что на 1,9 % больше, чем за январь–февраль 2020 г. По ряду объективных причин раскрывать такие преступления, совершенные мигрантами в условиях настоящего времени, в крупных мегаполисах, учитывая проблему не легальных мигрантов сотрудникам правоохранительных органов крайне затруднительно. В данных случаях, зачастую, приходится рассчитывать только на оперативно-технические и экспертно-криминалистические методы и средства.

Существует предложения ужесточить миграционную политику за счет введения обязательной государственной геномной регистрации трудовых мигрантов. Член Общественной палаты РФ В. Слепак предложил ввести обязательную геномную регистрацию для иностранных граждан как необходимость условия осуществления трудовой деятельности на территории РФ. Связал эту необходимость со сложностями, возникающими при идентификации лиц, совершивших преступления не являющимися гражданами РФ [10]. Он также предложил ввести обязательную геномную регистрацию для иностранных граждан в качестве условия для устройства на работу в РФ и предлагает возложить такую обязанность «на работодателей, принимающих соответствующих граждан на работу, либо непосредственно на иностранных граждан, обратившихся за получением разрешения на работу или патента» [5]. Так, по данным МВД, количество фактов постановки на миграционный учет иностранных граждан и лиц без гражданства в 2020 г. составило 9 802 448 случая (АППГ 19 518 304), оформлено патентов иностранным гражданам и лицам без гражданства 1 132 593 случая (АППГ 1 767 254). Учитывая большое количество преступлений, в которых задействованы мигранты, требуется ввести не добровольную геномную регистрации данной категории лиц как сейчас это происходит, а ввести обязательную регистрацию и финансовые затраты на проведение исследования, препоручить работодателю.

Существует актуальная проблема в России количество пропавших без вести лиц, сложность идентификации неопознанных трупов. По данным статистики, всего по России за январь–декабрь 2020 г., 15 061 случаев неопознанных трупов из них только 2 580 случаев установлена личность граждан. В Министерстве внутренних дел Российской Федерации во всех федеральных округах и их областях, крупных городах находится на производстве большое количество дел по установлению личности граждан по неопознанным трупам, находившихся на учете их раскрываемость низкая. К примеру, в Иркутской области из 275 случаев неопознанных трупов из них только 28 случаев идентифицированы; в Красноярской области из 320 случаев 31 случай идентифицирован. Изучение статистических данных доказывает низкую результативность учета неопознанных трупов. В этой связи целесообразно применить предложения С.Н. Кубитовича о необходимости постановки на учет геномной информации

родственников без вести пропавших и самих безвестно пропавших граждан в самостоятельном разделе «образцы ДНК безвестно пропавших граждан и родственников без вести пропавших» и включать данный раздел в структуру обязательной геномной регистрации [6]. В настоящий момент родственники пропавших без вести лиц могут в добровольном порядке сдать свои генетические данные в базу данных геномной информации, но на платной основе. Введение бесплатной добровольной геномной регистрации позволила бы увеличить поток желающих лиц, предоставить биологический материал за счет чего могло расширить объем базы данных ФБДГИ, что позволило увеличить степень идентификации неопознанных трупов.

Существует предложения ученых, лицам, которые добровольно проходят геномную регистрацию, можно предоставить право выбора, к какому разделу будет отнесена полученная геномная информация [9]. Таким образом, родственники пропавших без вести могут сами выбрать к какому разделу их отнести «образцы ДНК безвестно пропавших граждан и родственников без вести пропавших» и доступ к такой информации должен быть разрешен только для установления личности неопознанных трупов, или в другой раздел. Однако в этом случае при использовании геномной информации об этих лицах может возникнуть проблема с защитой их прав.

Многие практические работники высказывают предложения о целесообразности проведения всеобщей геномной регистрации, опираясь на опыт зарубежных стран. Так, например, Исландия создала генетический реестр всего населения страны. Но Исландия является не большой, изолированной страной и численность населения не велика. С подобной позицией выступают А.А. Панова, А.Ф. Соколов, процедура всеобщей геномной регистрации должна осуществляться сразу после рождения человека, непосредственно в учреждении здравоохранения (родильном доме). Против данного тезиса можно привести лишь один аргумент: состояние так называемой младенческой смертности в России достаточно критическое, а учитывая стоимость проведения геномной регистрации, есть риск осуществления значительных затрат, которые в дальнейшем окажутся необоснованными (в связи со смертью ребенка) [12]. Возможно, действительно с технической стороны проведения процедуры геномной регистрации у новорожденных проста в исполнении, так как всем детям в течение первых суток жизни производится забор крови для определения генетических заболеваний, почему бы в момент манипуляции не произвести забор крови на два исследования одновременно и не направить биологический материал в специализированные учреждения, но для проведения любого вида медицинского вмешательства требуется оформить бланк согласия на медицинское вмешательство, согласно требованиям приказа Минздравсоцразвития России от 20.12.2012 г. № 1177-н «Об утверждении порядка дачи информированного добровольного согласия на медицинское вмешательство и отказа от медицинского вмешательства в отношении определенных видов медицинских вмешательств, форм информированного добровольного согласия на медицинское вмешательство и форм отказа от медицинского вмешательства» [4]. Но не все мамочки дадут свое согласие на эту процедуру, учитывая их настороженность, ответ-

ственность перед своим ребенком, социальную настороженность, риск незаконного распространения геномной информации.

А.С. Лукомская предлагает более крайние меры, такие как тотальную обязательную геномную регистрацию всех новорожденных детей, а также женщин, не достигших сорокапятилетнего возраста. По ее мнению, «геномная регистрация новорожденных детей и их матерей преследует цель предупреждения таких преступлений, как убийства матерью новорожденного, а также предупреждения экспертных ошибок и оптимизации процессуального доказывания по делам об убийствах новорожденных детей и общей профилактики данных преступлений...» [13]. Безусловно, при проведении геномной регистрации всех новорожденных детей в перинатальных центрах способствует накоплению геномной информации в ФБГДИ и через несколько десятков лет к 100 % охвату трудоспособного населения. Забор биологического материала у новорожденных облегчит процедуру идентификации при розыске пропавших детей, детей бежавших из дома, детских домов, школ-интернатов, но нужно учитывать этические нормы, а также конституционные права человека.

Процедура всеобщей геномной регистрации предполагает необходимость введения так называемых генетических паспортов [7]. Так, в 2010 г. идею о целесообразности всеобщей регистрации высказал Председатель СК России А.И. Бастрыкин, руководитель Главного управления криминалистики СК России Ю.И. Леканов. Между сторонниками и ярыми противниками всеобщей геномной регистрации продолжаются дискуссионные споры каждая из противоборствующих сторон, стремясь подтвердить правильность поддерживаемой точки зрения, высказывает свои доводы. Так, уполномоченный по правам человека в РФ В.П. Лукин высказался против введения проекта по обязательное геномное регистрирование всех граждан при получении либо смене паспорта [11]. По мнению противников, массовая геномная регистрация нарушает права и свободы человека, на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, недостаточная защищенность ДНК-информации от ее неправомерного использования, не учитывается понятие презумпции невиновности, провозглашенной в Конституции и Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации. Споры по этому вопросу не утихают.

В 2019 г. вступают в силу новые положения – указ Президента РФ от 11.03.2019 г. № 97 «Об основах государственной политики Российской Федерации в области обеспечения химической и биологической безопасности на период до 2025 года и дальнейшую перспективу» [3]. Документ требует «осуществить генетическую паспортизацию населения с учетом правовых основ защиты данных о персональном геноме человека». В указе не конкретизируется, какой вид будет представлять генетический паспорт, на какой цифровой носитель будет записана геномная информация. Что в данном указе подразумевается под понятием «генетический паспорт», предстоит еще разобраться [5]. На мой взгляд, всеобщая геномная регистрация в современных условиях не может быть реализована в течение пяти лет, так как необходима мощная законодательная основа, требуется закрепить понятия «генетический паспорт» в нормативных документах, требуется подготовить техническую базу для хране-

ния таких объемов информации и их надлежащую защиту. Следует учитывать глобальные вложения финансовых средств, подготовку высококвалифицированных специалистов, социальные условия, которые бы оправдывали введение всеобщей геномной регистрации. Наиболее рациональным вариантом накопления баз данных геномной информации это постепенное увеличение круга лиц, подлежащих обязательной геномной регистрации, не исключено начать с контингента отбывающих наказания в исправительных учреждениях за преступления средней тяжести, небольшой тяжести. Накопления объема данных даст ощутимый эффект в виде профилактики совершения правонарушений среди населения, повысить раскрываемость преступлений, позволит устанавливать личности погибших при авиакатастрофах, авариях на железнодорожном транспорте, техногенных авариях, террористических актах, при проведении идентификации личности неопознанных трупов, а также живых лиц, находящихся в бессознательном состоянии или состоянии амнезии. В любом случае вопросы расширения категорий лиц, подлежащих обязательной государственной геномной регистрации, должны быть урегулированы федеральным законом, ведомственными нормативами приказами и инструкциями.

Список использованной литературы

1. О государственной геномной регистрации в Российской Федерации : Федер. закон от 03.12.2008 г. № 242-ФЗ // Российская газета. – 2008. – 9 дек.
2. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам государственной геномной регистрации : проект Федер. закона // Официальный портал проектов нормативных правовых актов Министерства внутренних дел Российской Федерации. – URL: <http://regulation.gov.ru/projects/List/AdvancedSearch#npa=31053> (дата обращения: 01.03.2021).
3. Об основах государственной политики Российской Федерации в области обеспечения химической и биологической безопасности на период до 2025 года и дальнейшую перспективу : Указ Президента РФ от 11.03.2019 г. № 97 // СПС «Консультант Плюс».
4. Об утверждении порядка дачи информированного добровольного согласия на медицинское вмешательство и отказа от медицинского вмешательства в отношении определенных видов медицинских вмешательств, форм информированного добровольного согласия на медицинское вмешательство и форм отказа от медицинского вмешательства : Приказ Минздравсоцразвития России от 20.12.2012 г. № 1177-н : (ред. от 20.08.2019 г.) // Российская газета. – 2013. – 5 июля.
5. Абросимова Е.А. Генетическая паспортизация населения как вклад в биологическую безопасность – не опережаем ли мы время? / Е.А. Абросимова // Правовые основы биоэкономики и биобезопасности : монография / отв. ред. А.А. Мохов, О.В. Сушко. – Москва : Проспект, 2020. – С. 133–141.

6. Кубитович С.Н. Биологическая экспертиза и учет геномной информации в России / С.Н. Кубитович // Вестник экономической безопасности. – 2018. – № 1. – С. 72–77.

7. Митрофанова А.А. К вопросу о перспективах геномной регистрации в Российской Федерации / А.А. Митрофанова, Д.В. Кузаков // ГлаголЪ Правосудия. – 2018. – № 2. – С. 79–84.

8. Попова Т.В. Федеральная база данных геномной информации в системе обеспечения баланса частных и публичных интересов в уголовном судопроизводстве / Т.В. Попова, А.Б. Сергеев // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2017. – № 1 (39) – С. 132–139.

9. Пономарев С.Б. Некоторые перспективы геномной регистрации в уголовно-исполнительной системе / С.Б. Пономарев // Уголовно-исполнительная система на современном этапе: взаимодействия науки и практики : материалы Междунар. науч.-практ. межведом. конф., Самара, 16 июня 2016 г. – Самара, 2016. – С. 488–489.

10. Богданов В. Найдут по геному / В. Богданов, И. Невинная // Российская газета. – 2016. – 4 мая.

11. Лукин В.П. Закон сильнее власти / В.П. Лукин // Российская газета. – 2012. – 6 марта.

12. Панова А.А. Всеобщая геномная регистрация: pro et contra / А.А. Панова А.Ф. Соколов // Энциклопедия судебной экспертизы. – 2014. – № 1. – С. 110–112.

13. Лукомская А.С. К вопросу о государственной геномной регистрации / А.С. Лукомская // Вестник ОГУ. – 2012. – № 3. – С. 92–94.

Информация об авторе

Семенова Людмила Владимировна – магистрант кафедры криминалистики, судебных экспертиз и юридической психологии Байкальского государственного университета, Иркутск, Россия, e-mail: luydmila.semenova.87@mail.ru.

Author

Lyudmila V. Semenova – master's Student of Department of Criminalistics, Forensic Examinations and Juridical Psychology of Baikal State University, Irkutsk, Russia, e-mail: luydmila.semenova.87@mail.ru.

**ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВА НА ЛИЧНОЕ УЧАСТИЕ
В СУДЕБНОМ ЗАСЕДАНИИ ЛИЦА, В ОТНОШЕНИИ КОТОРОГО
ВЕДЕТСЯ ПРОИЗВОДСТВО О ПРИМЕНЕНИИ ПРИНУДИТЕЛЬНЫХ
МЕР МЕДИЦИНСКОГО ХАРАКТЕРА**

В данной статье исследованы отдельные проблемы судебной практики, связанные с реализацией процессуального права лица, в отношении которого осуществляется производство о применении принудительных мер медицинского характера, на личное участие в судебном заседании. Предлагается рассматривать обеспечение данного права в контексте реализации более широкого права на защиту и ориентироваться на международные стандарты справедливого судебного разбирательства.

Ключевые слова: уголовный процесс, производство о применении принудительных мер медицинского характера, судебное заседание, психическое состояние.

А.V. Shatrova

**ENSURING THE RIGHT TO PERSONAL PARTICIPATION
IN A JUDICIAL MEETING OF THE SUBJECT OF THE PROCEEDINGS
REGARDING THE POSSIBILITY OF INVOLUNTARY TREATMENT**

This article examines certain problems of judicial practice related to the implementation of the procedural right of a subject of the proceedings regarding the possibility of involuntary medical measures to personally participate in the court session. It is proposed to consider the enforcement of this right in the context of ensuring a broader right to defense, while referring to international standards of a fair trial as an example.

Keywords: criminal procedure, proceedings regarding the possibility of involuntary treatment, court session, mental state.

Одним из усложненных дифференцированных производств в российском уголовном процессе является производство о применении принудительных мер медицинского характера. Определение в рамках гл. 50 Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее – УПК РФ) специальных процедурных правил расследования и рассмотрения такой категории дел призвано обеспечить дополнительные гарантии прав лиц с психическими расстройствами. В связи с тем, что по состоянию психического здоровья лицо, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера, может испытывать объективные сложности в реализации этих прав, российский законодатель предусмотрел процессуальные механизмы, которые призваны, в первую очередь, обеспечить право на защиту такого лица.

Основополагающим принципом российского уголовного процесса является принцип обеспечения подозреваемому и обвиняемому права на защиту, получивший нормативное закрепление в ст. 16 УПК РФ. Действие данного принципа распространяется на все стадии и производства, а его реализация должна быть гарантирована, в том числе, и применительно к лицу, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера. На необходимость расширительного толкования субъектов данного права обоснованно указал Верховный Суд РФ в Постановлении Пленума № 29 от 30.06.2015 г. «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве» [5]. Разъяснения, данные высшей судебной инстанцией в указанном Постановлении, в определенной степени соотносятся и с выводами, неоднократно сформулированными в решениях Европейского Суда по правам человека (далее – ЕСПЧ).

Важными гарантиями обеспечения права на защиту лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера, является закрепление участия в обеспечении данного права адвоката-защитника и законного представителя такого лица. Однако обязательное участие таких субъектов в рассмотрении судами уголовных дел данной категории не должно ограничивать иной составляющей права на защиту – возможности лицом с психическим расстройством самостоятельно реализовать это право, отстаивать свою процессуальную позицию по делу, в том числе и за счет личного, непосредственного участия в состязательном судебном разбирательстве.

В действующем УПК РФ право лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера, на личное участие в судебном заседании получило легальное закрепление в ст. 437 УПК РФ, но только после признания в 2007 г. Конституционным Судом РФ ряда уголовно-процессуальных норм не соответствующими Конституции РФ [7].

По мнению ряда исследователей, первоначальная редакция ст. 437 и 441 УПК РФ ставила «под сомнение способность таких лиц в силу особенностей их психического здоровья полноценно участвовать в производстве по уголовному делу» [4, с. 29] и ограничивала реализацию лицом, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера, его процессуальных прав.

Внесенные в ст.437 УПК РФ Федеральным законом от 29.11.2010 г. № 323-ФЗ [8] изменения закрепили право лица, в отношении которых ведется указанное производство, на личное участие в судебном заседании. Таким образом, существенно были расширены возможности защиты такого лица, обеспечение которой ранее во многом зависело от соответствующего процессуального поведения его защитника и законного представителя.

Однако законодатель, наделяя таким правом лицу, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера, определил это право не как абсолютное, а как реализуемое под условием, поскольку увязал возможность такого участия с особенностями психического состояния этого лица. Из этого следует вывод, что на суд возлагается обязанность по установлению психического состояния данного лица и оценке его вли-

яния на возможность личного участия или неучастия в судебном заседании по уголовному делу.

На значимость личного участия такого лица в судебном заседании неоднократно обращали внимание исследователи, изучающие различные аспекты данной проблемы. По мнению А.И. Говруновой, личное присутствие лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера, в судебном заседании, необходимо как минимум для того, чтобы суд мог дать оценку его психического состояния и принять мотивированное решение относительно его личного участия в судебном разбирательстве для того, чтобы судья мог лично убедиться в его психическом состоянии и принять решение о рассмотрении дела с участием этого лица или без [2]. М.Ш. Буфетова полагает, что, поскольку процессуальный статус лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера, приравнивается к процессуальному статусу обвиняемого, то такое лицо должно иметь и право давать показания в суде [1]. В.В. Качалов считает, что «возможность участия данного лица в производстве по продлению, изменению либо отмене назначенной судом принудительной меры медицинского характера связана, в первую очередь с возможностью выяснения его позиции по данному делу» [3, с. 96].

Стоит согласиться с точкой зрения ученых о необходимости для судьи лично убедиться в психическом состоянии лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера. Безусловно, судья не является специалистом в области психиатрии. Но ему предоставлены полномочия по исследованию экспертного заключения, получению показаний эксперта, разъясняющих его, в случае необходимости привлечению специалиста. Полагаем, что необходимо исходить из того, что законодатель презюмирует личное участие лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера, в судебном заседании, однако данная презумпция является опровержимой. Юридическая оценка, даваемая судом при исследовании медицинских выводов о состоянии психического здоровья такого лица позволит или признать или опровергнуть данную презумпцию, что должно найти свое отражение в мотивированном судебном решении.

К сожалению, отсутствие в уголовно-процессуальном законе более детальных норм, регламентирующих реализацию указанным лицом права на личное участие в судебном заседании ведет к негативным последствиям. В судебной практике отсутствует единообразный подход к определению критериев допустимости личного участия этого лица в судебном заседании в зависимости от его психического состояния. Разрешение данного вопроса, как правило, происходит на первом судебном заседании, поскольку после проведения судебно-психиатрической экспертизы до начала судебного заседания проходит значительное время, в течение которого может измениться и психическое состояние лица, причем как в сторону улучшения, так и в сторону ухудшения.

Формированию внутреннего убеждения судьи о возможности личного участия лица, в отношении которого ведется производство о применении при-

нудительных мер медицинского характера, предшествует общая оценка процессуального поведения лица в судебном заседании, его способности давать показания и отвечать на вопросы суда и сторон. При этом суд исходит из интересов такого лица, поэтому оценивает и характер влияния собственно судебного разбирательства на его психическое состояние. Однако отказу в реализации его права на личное участие в судебном разбирательстве должны предшествовать только обоснованные, в какой-то мере доказанные, сомнения в возможности его реализации и убеждение правоприменителя в негативном воздействии участия такого лица в судебном заседании на его психическое состояние.

Рассмотрение судом вопроса о возможности участия лица в судебном заседании, по нашему мнению, во-первых, обеспечивает его право на защиту, во-вторых, соответствующие процессуальные действия охраняет психику «душевнобольного» от негативного психоэмоционального воздействия, ухудшения его психического состояния, которые могут возникнуть при допросе потерпевших, свидетелей, а также обеспечивают безопасность других участников судебного разбирательства от возможного психонегативного поведения этого лица.

Однако судья, разрешающий данный вопрос, должен исходить не из собственных жизненных представлений о нормальности или ненормальности поведения, а из имеющегося заключения судебно-психиатрической экспертизы, содержащей определенные выводы, которые и позволят прогнозировать поведение в судебном заседании лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера.

К сожалению, на практике уголовное дело может поступить в суд не сразу же после производства судебно-психиатрической экспертизы. А за этот период психическое состояние «душевнобольного» может измениться. С этой позиций заслуживает внимания предложение, высказанное А.Л. Осиповым, который опираясь на позиции ЕСПЧ, предлагает не реже чем один раз в месяц следователю, судье выяснять сведения о способности лица самостоятельно осуществлять свои права и законные интересы, для чего предлагается проводить соответствующее освидетельствование. По мнению исследователя, такой подход позволит наилучшим образом обеспечить лицу с психическим расстройством права, закрепленные на уровне международно-правовых норм и принципов [6].

Таким образом, действующий уголовно-процессуальный закон в части регулирования решения вопроса о личном участии в судебном заседании лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера, требует доработки, целью которой станет уточнение процедуры психиатрического освидетельствования лица перед судебным заседанием. Полагаем, что это позволит сократить риск необоснованного ограничения права такого лица на защиту и обеспечить его участие в судебном разбирательстве.

Список использованной литературы

1. Буфетова М.Ш. Значение показаний лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера,

на стадии судебного разбирательства // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. – 2013. – № 1. – С. 5–9.

2. Говрунова А.И. Процессуальные права и законные интересы лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера // Общество и право. – 2010. – № 2 (29). – С. 212–215.

3. Качалов В.И. Производство по применению принудительных мер медицинского характера, назначенных судом: вопросы совершенствования // Российское правосудие. – 2017. – № 4. – С. 95–100.

4. Марковичева Е.В. Обеспечение права на справедливое судебное разбирательство в производстве о применении принудительных мер медицинского характера // Судебная власть и уголовный процесс. – 2019. – № 4. – С. 28–31.

5. О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве : постановление Пленума Верхов. Суда Рос. Федерации от 30.06.2015 г. № 29 // СПС «КонсультантПлюс».

6. Осипов А.Л. Производство о применении принудительных мер медицинского характера: национальное и международно-правовое измерение // Актуальные проблемы российского права. – 2016. – № 3. – С. 136–141.

7. По делу о проверке Конституционности ряда положений статей 402, 433, 438, 439, 431, 444 и 445 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Абламского С.Г., Лобашовой С.Г. и Матвеева В.К. : Постановление Конституц. Суда РФ от 20.11.2017 г. № 13-П // Собрание законодательства РФ. – 2007. – № 48. – Ст. 6030.

8. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федер. закон от 29.11.2010 г. № 323-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2010. – № 49. – Ст. 6419.

Информация об авторе

Шатрова Анна Вячеславовна – аспирант кафедры уголовно-процессуального права им. Н.В. Радутной ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия», Москва, судья Норильского городского суда Красноярского края, Норильск, Россия, e-mail: anna9135891004@gmail.com.

Author

Anna V. Shatrova – postgraduate student of the Department of Criminal Procedure Law named after N.V. Radutnoy, Russian State University of Justice, Moscow, Judge of the Norilsk City Court of the Krasnoyarsk Territory, Norilsk, Russia, e-mail: anna9135891004@gmail.com.

**ПРОИЗВОДСТВО В СУДЕ НАДЗОРНОЙ ИНСТАНЦИИ
В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ:
СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА**

Надзорное производство в Российской Федерации играет большую роль в системе российского правосудия, гарантированности прав и свобод человека и гражданина. В рамках данной статьи авторами проведено сравнительное исследование производства в суде надзорной инстанции Российской Федерации и Республики Беларусь. Обосновывается необходимость внесения изменений и дополнений в действующие нормы Уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации.

Ключевые слова: надзорное производство, права и свободы, надзорная жалоба (представление), сравнительный анализ.

N.E. Yaremenko

**PROCEEDINGS IN THE COURT OF SUPERVISORY INSTANCE
IN THE RUSSIAN FEDERATION AND THE REPUBLIC OF BELARUS:
COMPARATIVE CHARACTERISTICS**

Supervisory proceedings in the Russian Federation play an important role in the Russian justice system, the guarantee of human and civil rights and freedoms. Within the framework of this article, the authors conducted a comparative study of the proceedings in the court of supervisory instance of the Russian Federation and the Republic of Belarus. The necessity of making changes and additions to the existing norms of the Criminal Procedure legislation of the Russian Federation is justified.

Keywords: supervisory proceedings, rights and freedoms, supervisory complaint (submission), comparative analysis.

В соответствии с императивными правовыми нормами Конституции РФ, права и свободы человека и гражданина являются высшей ценностью. Защита и надлежащее обеспечение прав и свобод возложены на государство в лице его соответствующих органов. От того, в какой мере реализуются права и свободы, зависит и престиж Российской Федерации на международном уровне. Осуществление правосудия производится в каждом государстве. Судьи независимы, беспристрастны и подчиняются только закону, выступая гарантом восстановления и надлежащей защиты нарушенных прав и свобод.

Суды Российской Федерации имеют своим основным предназначением осуществление правосудия путем защиты нарушенных прав и свобод человека и гражданина, юридических лиц, органов государственной власти и местного самоуправления [4, с. 189]. Его эффективность зависит, в первую очередь, от

грамотного построения системы действующего законодательства, квалификации судей и работников аппарата суда.

Производство в суде надзорной инстанции является возможностью для лиц, участвующих в рассмотрении уголовного дела, добиться его пересмотра по существу, поскольку в судебных инстанциях даже самых развитых стран не исключены судебные ошибки, нуждающиеся в исправлении. В рамках УПК РФ закреплено, что полномочием на пересмотр уголовного дела в порядке надзора обладает только Президиум Верховного Суда РФ (далее – ВС РФ). Институт судебного надзора является не сугубо российским, содержится он также и в УПК Республики Беларусь, сравнительный анализ с которым и является целью настоящей статьи.

Так, важно отметить, что в соответствии с законом на основании жалоб и представлений в порядке надзора только Президиум ВС РФ вправе пересматривать судебные решения (ч. 1 ст. 412.1 УПК РФ). В отличие от системы российского законодательства, УПК Республики Беларусь значительно расширяет компетенцию судов на рассмотрение дел в порядке надзора.

Так, Президиумам областного, Минского городского судов предоставлено право в порядке надзора пересматривать приговоры (определения, постановления), вступившие в законную силу, вынесенные районными и городскими судами, в отношении которых в надзорную инстанцию названного уровня поступили жалобы или протесты (ч. 1 ст. 407 УПК Республики Беларусь).

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Республики Беларусь (далее – ВС РБ) рассматривает уголовные дела по протестам на постановления президиумов областных, Минского городского судов, или, когда нет кворума, необходимого для президиумов названных судов для пересмотра приговоров, определений, постановлений районных (городских) судов, вступивших в законную силу. Приговоры, определения, постановления областных, Минского городского судов, если они не были предметом апелляционного рассмотрения в ВС РБ также рассматривает Судебная коллегия по уголовным делам (ч. 2 ст. 407 УПК Республики Беларусь).

Президиуму ВС РБ в порядке надзора отнесены дела по протестам на приговоры и определения, которые при рассмотрении уголовных дел постановила судебная коллегия ВС РБ (ч. 4 ст. 407 УПК РБ).

Рассмотрение же уголовных дел по протестам на постановления Президиума ВС РБ, или когда нет кворума на заседании Президиум ВС РБ по рассмотрению протестов на вступившие в законную силу приговоры, определения, постановления районных (городских) судов, областных, Минского городского судов (ч. 4.1 ст. 407 УПК РБ), которые вступили в законную силу и в отношении которых внесены протесты отнесены к подсудности Пленума ВС РБ [6].

Из анализа вышеизложенного следует, что суды иного звена, осуществляющие юрисдикцию в Республике Беларусь, помимо Верховного Суда, обладают полномочием на пересмотр уголовных дел в порядке надзора, что отсутствует в реалиях российской уголовно-процессуальной системы. Разумеется, отнесение некоторых категорий дел, пересматриваемых в порядке надзора в Республике Беларусь, к подсудности нижестоящих судов, проще обеспечивает

лицам, защищающим свои права, доступ к правосудию. Лицо, считающее свое право нарушенным, может обратиться не только в высший судебный орган, но и в иной суд, в соответствии с правилами подсудности.

Верховный Суд РФ располагается в Москве, и для многих участников судебного разбирательства, желающих принимать непосредственное, личное участие в рассмотрении уголовного дела в судебном заседании суда надзорной инстанции, такая территориальность является очень проблемным вопросом, способным привести, в том числе, к росту, понесенных стороной судебных расходов (например, транспортные расходы, проживание в гостинице, питание) [5, с. 61].

Однако мы полагаем, что законодательное отнесение института пересмотра судебных решений в порядке надзора к исключительной компетенции Президиума ВС РФ, является логически адекватным, ввиду стремления к минимизации случаев коррумпированности судей [2, с. 77; 3, с. 176], наиболее высокого уровня их профессионализма, а также повышенного уровня социальной ответственности. Кроме того, закон закрепляет, что заинтересованные лица не лишены возможности принимать участие в процессе с использованием средств видео-конференц-связи, заблаговременно подав суду соответствующее ходатайство (ч. 4 ст. 240 УПК РФ).

Согласно ч. 2 ст. 404 УПК Республики Беларусь, протесты в порядке надзора праве приносить: Председатель ВС РБ, Генеральный прокурор Республики Беларусь – на приговоры, определения, постановления любого суда Республики Беларусь, за исключением постановлений Пленума ВС РБ; заместители Председателя ВС РБ, Генерального прокурора Республики Беларусь – на приговоры, определения, постановления любого суда Республики Беларусь, за исключением постановлений Президиума ВС РБ и Пленума ВС РБ; председатели областного, Минского городского судов, прокуроры областей, города Минска в пределах своей компетенции – на приговоры, определения, постановления районного (городского) суда и апелляционные определения судебной коллегии по уголовным делам, соответственно, областного, Минского городского судов.

Глава 48.1 УПК РФ «Производство в суде надзорной инстанции» такой возможности ни Председателю ВС РФ, ни его заместителям не предоставляет. Вместе с тем, гл. 49 УПК РФ «Возобновление производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств», в специально установленных законом случаях допускается пересмотр судебного решения Президиумом ВС РФ по представлению Председателя ВС РФ (ч. 5 ст. 415 УПК РФ). К вышеуказанным случаям УПК РФ относит: признание Конституционным Судом Российской Федерации закона, примененного судом в данном уголовном деле, не соответствующим Конституции Российской Федерации; установленное Европейским Судом по правам человека нарушение положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод при рассмотрении судом Российской Федерации уголовного дела (пп. 1, 2 ч. 4 ст. 413 УПК РФ).

В связи с изложенным, полагаем, что в данном случае, законодательство Российской Федерации нуждается в дополнении на примере УПК Республики Беларусь. В целях повышения уровня эффективности и работы правосудия, гарантированности прав и свобод человека и гражданина, председателя ВС РФ (а

также его заместителей) необходимо наделить полномочиями на истребование любого уголовного дела из любого суда по жалобам, поступившим от заинтересованных лиц (которые также должны будут соответствовать законодательно установленной форме, и с приложением заверенных соответствующими судами судебных актов) и принесение протеста в порядке надзора в Президиум ВС РФ.

Указанное нововведение значительно ускорит судопроизводство в суде надзорной инстанции, частично избавив заявителей от стадии изучения судьей ВС РФ надзорных жалоб (представлений) и вынесения необоснованных постановлений об отказе в передаче надзорных жалобы, представления для рассмотрения в судебном заседании Президиума ВС РФ.

Исходя из ч. 1 ст. 412.12 УПК РФ, при рассмотрении уголовного дела в порядке надзора Президиум ВС РФ проверяет правильность применения норм уголовного и уголовно-процессуального законов нижестоящими судами, рассматривавшими дело, в пределах доводов надзорных жалобы, представления. В интересах законности Президиум ВС РФ вправе выйти за пределы доводов надзорных жалобы, представления и рассмотреть уголовное дело в полном объеме, в том числе в отношении лиц, которые не обжаловали судебные решения в порядке надзора.

Данное законодательное положение значительно отличается от УПК Республики Беларусь. Так, в соответствии с ч. 1 ст. 414 УПК Республики Беларусь, при рассмотрении уголовного дела в порядке надзора суд не связан доводами протеста и обязан проверить все производство по делу в полном объеме. Если по делу осуждено несколько лиц, а протест принесен в отношении одного или части осужденных, суд обязан проверить дело в отношении всех осужденных.

С учетом анализа вышесказанного, позволим утверждать, что на Президиум ВС РФ законодателю также необходимо возложить не право, а именно обязанность рассмотреть уголовное дело в полном объеме, что, несомненно, послужит повышению качества работы суда по пересмотру вступивших в законную силу судебных решений, исправлению ошибок судов нижестоящих инстанций, восстановлению нарушенных прав и свобод человека и гражданина.

Это является очень важным моментом, поскольку суд надзорной инстанции выполняет своего рода «завершающий» этап проверки законности судебного решения [1, с. 11], вступившего в законную силу. От выполнения Президиумом ВС РФ значимых функций зависит, будут ли восстановлены нарушенные права потерпевшего от преступления, честь и доброе имя незаконно осужденного лица и т.п.

В заключение отметим, что современное надзорное производство в Российской Федерации и Республике Беларусь значительно отличаются друг от друга при правоприменении. Считаем, что действующий Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации нуждается в предлагаемых авторами законодательных корректировках, поскольку пересмотр вступивших в законную силу судебных решений в Президиуме ВС РФ играет огромную роль в российской судебной системе, являясь инструментом исправления судебных ошибок, допущенных нижестоящими судами, а также гарантом справедливости

и эффективности правосудия, защиты прав и свобод граждан, юридических лиц, органов государственной власти и местного самоуправления.

Список использованной литературы

1. Глухова Е.В., Сергеев А.Б. Законодательная регламентация использования результатов ОРМ в уголовном судопроизводстве в соотношении с европейскими установками законности их проведения // Российский следователь. – 2017. – № 11. – С. 8–12.

2. Никулочкин Е.О., Сергеев К.А., Сергеев А.Б. Конфискация имущества: уголовно-правовые и уголовно-процессуальные аспекты // Социум и власть. – 2013. – № 3 (41). – С. 77–79.

3. Сергеев А.Б. Фактор сдерживания реализации российского национального плана противодействия коррупции // Актуальные вопросы разработки и применения современных практик реализации государственной политики в области противодействия коррупции : материалы Всерос. науч.-практ. конф. / отв. ред. С.Г. Зырянов. – 2017. – С. 174–180.

4. Сергеев А.Б., Савченко А.Н. И вновь к вопросу об объективной истине в уголовном судопроизводстве // Уголовный процесс: от прошлого к будущему : материалы Междунар. науч.-практ. конф. : в 2 ч. / под ред. А.И. Бастрыкина. – 2014. – С. 188–191.

5. Сергеев А.Б., Савченко А.Н. О моральной и правовой справедливости при рассмотрении судами вопроса о возможности прекращения уголовного дела в связи с примирением сторон // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право. – 2014. – № 19 (348). – С. 58–64.

6. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь от 16.07.1999 г. № 295-3 (с изм. и доп. по сост. на 17.07.2020) // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – URL: <https://pravo.by/document/?guid=3961&p0=НК9900295> (дата обращения: 01.03.2021).

Информация об авторе

Яременко Наталья Евгеньевна – аспирант кафедры уголовного процесса и экспертной деятельности Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия, e-mail: jaremenko.natasha2015@yandex.ru.

Author

Natalya E. Yaremenko – Postgraduate Student of the Department of Criminal Procedure and Expert Activity of Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, e-mail: jaremenko.natasha2015@yandex.ru.

Научное издание

**ЛИЧНОСТЬ, ОБЩЕСТВО И ГОСУДАРСТВО
В ПРАВОВОМ ИЗМЕРЕНИИ**

Материалы национальной
научно-практической конференции

Иркутск

22 марта 2021 г.

Издается в авторской редакции

Подготовлено к печати *А.А. Трошиной*
Дизайн обложки *Е.С. Ловчагиной*

ИД № 06318 от 26.11.01.

Подписано в печать 03.09.21. Формат 60x90 1/16. Бумага офсетная. Печать трафаретная. Усл. печ. л. 26,9. Тираж 300 экз. (1-й з-д 1–30). Заказ .

Издательский дом Байкальского государственного университета.
664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11.
Отпечатано в ИПО БГУ.